

РСМД

Российский совет
по международным
делам

10

ЛЕТ

в глобальном
мире

Российский совет
по международным
делам

10 лет в глобальном мире

Сборник интервью

**Главный редактор:
президент РСМД И.С. Иванов**

**Москва
2021**

УДК 327(47:100)(082)
ББК 66.4(2Рос),9(0),0я43
ДЗ7

Издание подготовлено
Российским советом по международным делам (РСМД)

Редакционная коллегия

Главный редактор:
докт. ист. наук, член-корр. РАН И.С. Иванов (президент РСМД)

Ответственные редакторы:
канд. ист. наук А.В. Картунов, канд. полит. наук И.Н. Тимофеев

Составители:
канд. ист. наук А.В. Картунов, канд. полит. наук И.Н. Тимофеев, Е.О. Карпинская и др.

Редакторская группа РСМД:
канд. полит. наук Т.С. Богдасарова, канд. полит. наук Н.С. Вяхирева,
канд. ист. наук Р.Ш. Мамедов, канд. полит. наук А.Ю. Толстухина, И.А. Бочаров,
П.А. Картунов, К.А. Кузьмина, М.С. Лазович, А.Н. Ларионова, Р.В. Майка, П.И. Мухонкина,
Ю.Ю. Мельникова, О.А. Пылова, К.К. Суховерхов, Ю.С. Тимофеева, Л.Е. Чкония

ДЗ7 **10 лет в глобальном мире: сборник интервью** / гл. ред. И. С. Иванов; [сост. А. В. Картунов, И. Н. Тимофеев, Е. О. Карпинская]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2021. – 668 с.

ISBN 978-5-6046308-7-7

Сборник интервью членов Российского совета по международным делам (РСМД) приурочен к 10-летию Российского совета по международным делам. В издание вошли интервью членов РСМД – видных государственных и общественных деятелей, а также ведущих представителей экспертного сообщества России. Члены РСМД анализируют внешнюю политику России и ее деятельность в разных регионах и разных сферах (от стратегической безопасности до образования и культуры), вызовы и угрозы, стоящие перед страной, и перспективы развития отношений России с мировым сообществом.

Издание будет представлять интерес для экспертов-международников, государственных служащих, практиков, журналистов, студентов, а также широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6046308-7-7

УДК 327(47:100)(082)
ББК 66.4(2Рос),9(0),0я43

Высказанные в интервью мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лавров С.В.</i> Обращение к читателям	11
<i>Иванов И.С.</i> Предисловие. РСМД 10 лет решает самые сложные экспертно-аналитические задачи.....	14
<i>Иванов И.С.</i> Вступительное слово. Дипломатия должна постоянно совершенствоваться	17
<i>Кортунов А.В.</i> Вступительное слово. Правила игры в мировой политике будут неизбежно меняться	21
Азия	
<i>Денисов А.И.</i> Россия утвердилась в АТР как солидный игрок и надежный партнер.....	26
<i>Ивашенцов Г.А.</i> Первостепенная задача России – развить собственную независимую эффективную инновационную экономику.....	29
<i>Кашин В.Б.</i> Азиатско-Тихоокеанский регион – наиболее благоприятный регион мира для российской внешней политики.....	32
<i>Конаровский М.А.</i> Россия смогла успешно перегруппироваться на всех направлениях внешней политики	35
<i>Ларин В.Л.</i> Нужно выработать четкое понимание интересов России в Азии	40
<i>Лузянин С.Г.</i> Стратегический успех России – новый, более качественный этап «возвращения» на Большой Восток	45
<i>Маслов А.А.</i> Вызов для России – необходимость создания самостоятельной идентичности в мировых процессах	51
<i>Моргулов И.В.</i> Сотрудничество и интеграция – будущее АТР	57
<i>Панов А.Н.</i> Россия отстаивала свое право быть одним из важнейших игроков на мировой арене.....	61
<i>Поляков И.В.</i> Перед Россией стоят масштабные задачи выстраивания сотрудничества со всеми зарубежными партнерами для устойчивого социально-экономического развития.....	64
<i>Санакоев С.Ф.</i> Приоритетом внешней политики России и впредь останутся интересы нашего народа	68
<i>Стапран Н.В.</i> Удалось сохранить живой и содержательный характер участия России в международных процессах	72
<i>Трубников В.И.</i> Кардинальное укрепление и модернизация вооруженных сил России – прочная основа для отечественной дипломатии	76

Арктика

Вылегжанин А.Н. Международное право – безальтернативная основа ответственной, долгосрочной, успешной политики80

Чилингаров А.Н. Председательство России в Арктическом совете будет способствовать углублению и развитию отношений с арктическими странами82

Африка

Васильев А.М. Россия – Африка: возможности и перспективы взаимовыгодного сотрудничества86

Маргелов М.В. Изменения в мировой политике и возвращение России в Африку.....94

Морозов И.Н. Возвращение России в Африку как новый контекст в освоении глобальных рынков100

Бизнес-сообщество

Борисов С.Р. В ближайшем будущем нас ждут две тенденции — укрупнение бизнеса и цифровизация104

Греф Г.О. Главным фактором конкурентоспособности стран на мировой арене становится уровень развития технологий.....110

Дубинин С.К. Ведущие страны мира возвращаются к политике полной свободы рук115

Касимов У.М. Мировой политикой правят не страны, а повестки.....119

Лисоволик Я.Д. Новая экономика предполагает трансформацию спроса в сторону человеческого капитала.....123

Магомедов З.Г. Трилемма глобализации действует.....128

Хлопков А.В. Ядерные технологии должны доказать, что они — технологии будущего.....131

Юргенс И.Ю. Ценности устойчивого развития становятся для государств и компаний своего рода «билетом» в будущий мир135

Якобашвили Д.М. Бизнес способен связывать страны.....140

Ближний Восток

Аксененок А.Г. К вопросу о поиске внешнеполитического равновесия144

Белоногов А.М. Российская внешняя политика на Ближнем Востоке: взвешенная и сбалансированная148

Богданов М.Л. Россию на Ближнем Востоке ценят за надежность и предсказуемость154

Васильев А.М. Последствия «арабской весны» для России, США и Запада157

<i>Звягельская И.Д.</i> Меняющийся Ближний Восток в меняющемся мире.....	163
<i>Кузнецов В.А.</i> Россия — важный партнер Ближнего Востока.....	165
<i>Наумкин В.В.</i> Россия стремится дружить со всеми на Ближнем Востоке	168

Европа

<i>Авдеев А.А.</i> Отношения Москвы и Ватикана выходят на новый уровень	176
<i>Бордачев Т.В.</i> Внешние вызовы не представляют для России серьезную угрозу	178
<i>Буторина О.В.</i> Евразийский экономический союз прокладывает свой интеграционный путь.....	182
<i>Громыко А.А.</i> Интересы России в ближнем и дальнем зарубежье: достижения и проблемы.....	185
<i>Грушко А.В.</i> Россия-Евросоюз – время двигаться вперед.....	189
<i>Журкин В.В.</i> Вклад в сохранение глобальной стабильности – важнейшее достижение России	194
<i>Келин А.В.</i> России и Великобритании нечего делить, у наших стран нет предмета для реального противоборства.....	195
<i>Косачев К.И.</i> О внешнеполитических итогах «десятих» годов XXI века, об истоках кризиса мировой системы и перспективах выхода из него	198
<i>Крамаренко А.М.</i> Курс России на самодостаточность в новой глобальной среде	204
<i>Мешков А.Ю.</i> России и ЕС куда друг от друга не деться.....	208
<i>Нечаев С.Ю.</i> Российско-германские отношения: новая Берлинская стена?	212
<i>Пушков А.К.</i> 10 лет внешней политики России: выход на новый уровень.....	215
<i>Разов С.С.</i> Непрерывный диалог России и Италии способствует преодолению современных вызовов и угроз.....	225
<i>Слуцкий Л.Э.</i> Без конструктивных отношений с Россией Евросоюз едва ли сможет стать значимым игроком в современном мире.....	230
<i>Чепурин А.В.</i> Внешнеполитическая пассионарность и интересы России	233
<i>Чижов В.А.</i> В отношениях с ЕС мы не закрыли ни одной двери, не опустили ни одного шлагбаума.....	237
<i>Чубарьян А.О.</i> Мягкая сила может изменить отношения России и ЕС в лучшую сторону	240

Космическое пространство

<i>Батурин Ю.М.</i> Гонки в космосе нет, но противостояние остается	244
---	-----

Латинская Америка

- Давыдов В.М.* БРИКС вступила в сложный этап своего становления248
- Чхиквадзе В.В.* Отношения России со странами Латинской Америки приобретают черты стратегического характера250

Международная безопасность

- Арбатов А.Г.* Кризис системы контроля над вооружениями и режима нераспространения ядерного оружия: можно ли повернуть вспять наметившуюся тенденцию упадка?256
- Барановский В.Г.* Гонка вооружений в контексте новой конфронтации России и Запад: поиск точек соприкосновения.....260
- Бордюжа Н.Н.* Миротворческий потенциал ОДКБ: стоит ли ожидать увеличения значения организации в ближайшем будущем?.....265
- Бужинский Е.П.* Будущее контроля над вооружением: смогут ли США, Россия и Китай найти компромисс?268
- Загорский А.В.* Взаимоотношения России и Запада после кризиса 2014 г.: нарастающие противоречия и возможности поиска точек соприкосновения271
- Корабельников В.В.* Россия в ближневосточном регионе и на глобальной арене: успехи последних лет и новые вызовы278
- Куликов А.С.* Обеспечение безопасности России: внутренние угрозы и перспективы международного сотрудничества283
- Назаров В.П.* Будущее безопасности России в среднесрочной перспективе: чего следует ожидать от нарастающего противостояния с США?287
- Пухов Р.Н.* Российское оружие сегодня и завтра: сможет ли ВПК России сохранить свои позиции на международных рынках?290
- Соболев В.А.* Эволюция террора: новые методы ведения террористической деятельности и потенциал противодействия им293
- Степашин С.В.* Безопасность и политика России в эпоху нового витка противостояния с США: вызовы и угрозы.....298
- Шугаев Д.Е.* Современные вызовы российскому ВПК: что угрожает конкурентоспособности российского вооружения?302

Международные организации

- Винокуров Е.Ю.* Прагматическое евразийство306
- Дзасохов А.С.* Десять лет успеха. Что дальше?310
- Лебедев С.Н.* Мир, добрососедство и прогресс – главные цели СНГ313
- Мухаметшин Ф.М.* Приоритетным в деятельности Группы стратегического видения в эти годы был ряд вопросов глобальной повестки дня319

Федотов М.А. Все страны – ученики в глобальной школе прав человека.....	324
---	-----

Международное право

Афанасьев Д.О. Благоприятный инвестиционный климат в России возможен по сингапурской модели.....	332
--	-----

Груздев В.С. Россия готова жестко отстаивать свои национальные интересы.....	334
--	-----

Образование, наука и культура

Безбородов А.Б. Закрытие границ показало, что для знания и образования границ нет.....	340
--	-----

Ваганов Е.А. Онлайн-форматы не заменят персонального общения.....	343
---	-----

Галажинский Э.В. Рейтинги никогда не были самоцелью — они были только способом «сверить часы».....	345
--	-----

Егорова М.А. Пандемия коронавируса не только принесла разрушительные последствия, но и открыла новые возможности.....	348
---	-----

Загайнова Е.В. Требуется поддержка молодых ученых в региональных вузах.....	350
---	-----

Зенькович П.С. Задача государства — совершенствовать и делать более комфортными условия пребывания иностранных студентов в России.....	353
--	-----

Иванец С.В. Траектории развития высшего образования будут определять способность вуза привить студенту широкий взгляд на жизнь, критическое мышление и стремление к непрерывному обучению.....	358
--	-----

Карасин Г.Б. Трудности дают толчок развитию.....	362
--	-----

Кокшаров В.А. Основными точками роста российских вузов должны стать консорциумы университетов, научно-исследовательских институтов и предприятий.....	367
---	-----

Краева И.А. Подготовка высококвалифицированных специалистов-инноваторов – главное конкурентное преимущество университета.....	370
---	-----

Кудряшова Е.В. Арктике цифровизация необходима как воздух.....	375
--	-----

Кропачев Н.М. Развитие российской экономики будет в немалой степени определяться научными разработками университетских ученых.....	381
--	-----

Кузьминов Я.И. Россия должна поднять лучшие региональные вузы до уровня исследовательских университетов.....	393
--	-----

Мау В.А. Сотрудничество между университетами будет приобретать сетевой характер.....	398
--	-----

<i>Мельвилль А.Ю.</i> Не было счастья, да несчастье помогло	404
<i>Михайлова Е.И.</i> Нужны программы поддержки выпускников вузов	409
<i>Николаев А.Н.</i> Выпускники Северо-Восточного федерального университета будут определять направления трансформации макрорегиона	414
<i>Панова В.В.</i> В долгосрочной перспективе можно ожидать дальнейшую цифровизацию вузов	419
<i>Пивовар Е.И.</i> Русский инструмент может быть инструментом продвижения российского образования.....	425
<i>Румянцев М.В.</i> Национальная система образования должна реагировать на актуальную экономическую повестку	428
<i>Скворцов Н.Г.</i> Развитие международного сотрудничества является неременным условием повышения конкурентоспособности российской науки	431
<i>Тишков В.А.</i> Необходимо обеспечить подлинную автономию университетов при сохранении государственной и частной поддержки	435
<i>Торкунов А.В.</i> Россия не только устояла в непростых условиях, но и заняла свое заслуженное место в мире.....	438
<i>Федоров А.А.</i> Экспорт российского образования — одна из ключевых задач, которая стоит перед вузами страны.....	441
<i>Филиппов В.М.</i> Университеты должны открывать себя миру	447
<i>Халеева И.И.</i> Траектория развития университетов ориентирована на интеграцию вузов между собой и на их сотрудничество с бизнесом	453
<i>Хлунов А.В.</i> Для повышения конкурентоспособности российской науки нужна координация усилий бизнеса и науки.....	456
<i>Чупрунов Е.В.</i> Финансирование останется одним из главных факторов, определяющих траектории развития высшего образования.....	460
<i>Яковенко А.В.</i> Заменит ли дипломата будущего цифровой аватар?	463

Постсоветское пространство

<i>Казимиров В.Н.</i> Одна из главных опасностей – воссоздание единых враждебных подходов США и Европы к России	468
<i>Примаков Е.А.</i> Россотрудничество будет работать увлеченно.....	472
<i>Рапота Г.А.</i> Осложнение ситуации в странах постсоветского пространства лишает Россию свободы внешнеполитического маневра.....	477

Северная Америка

<i>Гарбузов В.Н.</i> Не хочешь меняться – получишь Д. Трампа: урок уходящей эпохи	482
---	-----

<i>Караганов С.А.</i> Не вырвать поражение из рук победы	488
<i>Кисляк С.И.</i> Диалог будет восстанавливаться, когда здравый смысл в США возобладает	491
<i>Лукин В.П.</i> Россия и США: есть ли бреши в стене конфронтации?	496
<i>Рогов С.М.</i> Россия и США: состояние холодной войны 2.0	501
<i>Рябков С.А.</i> В отношениях России и США нужно расчистить завалы	506
<i>Степанов О.В.</i> О глобальных задачах и Канаде	513
<i>Суслов Д.В.</i> Для США конфронтация против России – это вопрос их положения в международной системе	518
<i>Тимофеев И.Н.</i> Ситуация в современном мире создает для России ряд благоприятных условий	525
<i>Тренин Д.В.</i> Главный резерв внешней политики России находится внутри страны	534

Средства массовой информации

<i>Алексеева О.В.</i> Ваша свобода кончается там, где начинается свобода другого	538
<i>Брилев С.Б.</i> Тенденции современности	542
<i>Григорьев В.В.</i> Сбережение взаимоуважения между народами посредством углубления культурного взаимодействия – единственный способ преодолеть разобщенность государств мира перед лицом угроз современности	545
<i>Гусман М.С.</i> Фейковые новости – реальная угроза мировой стабильности	551
<i>Игнатенко В.Н.</i> Журналистика – это состояние, а не профессия	555
<i>Колосовский А.И.</i> Современные вызовы и угрозы, роль СМИ и развития технологий в мире	558
<i>Лукьянов Ф.А.</i> Порядок уходит, институты подвергаются эрозии	563
<i>Оганесян А.Г.</i> Цифра плюс трансгуманизм – последнее прибежище либералов	567
<i>Островский Е.В.</i> Понять Пепперштейна! Против автоматизма	574
<i>Песков Д.С.</i> «Фейки» будут всегда	579
<i>Плеханов С.Н.</i> СМИ образца XX века утрачивают влияние на общество	583
<i>Симоньян М.С.</i> В XXI веке стало окончательно ясно, что никакой свободы прессы нет	586
<i>Фронин В.А.</i> Рано хоронить любимую старушку	589
<i>Швыдкой М.Е.</i> Надо ли учиться жить в мире неопределенностей	592

<i>Юмашева И.А.</i> Семейные ценности как ключевой механизм «мягкой силы» России.....	596
---	-----

Экономика

<i>Афонцев С.А.</i> Мировая экономика превращается в поле геополитической напряженности	602
<i>Гавриленков Е.Е.</i> Российская экономика: некоторые итоги развития и новые вызовы	608
<i>Гринберг Р.С.</i> Мы – свидетели смерти утопий директивного плана и свободного рынка.....	614
<i>Дмитриев В.А.</i> Укрепление самостоятельности – один из серьезных вызовов, который стоит перед Россией	619
<i>Дынкин А.А.</i> Валюта будущего будет строиться на информации	623
<i>Иноземцев В.Л.</i> Российская экономика: устойчивая и уязвимая	628
<i>Катырин С.Н.</i> Усиление цифровизации экономики – это не мода, а естественное проникновение технологий.....	634
<i>Кузнецов А.В.</i> России надо срочно скорректировать свою экономическую модель развития, чтобы успешно вписаться в меняющийся мир.....	641
<i>Некипелов А.Д.</i> Мировое хозяйство на переломе: возможности и вызовы четвертой промышленной революции	647
<i>Шохин А.Н.</i> Российский бизнес – реальный игрок на международной арене.....	651

Энергетика

<i>Алекперов В.Ю.</i> Углеводородная энергетика будет определяющей ближайшие 100 лет.....	658
<i>Спасский Н.Н.</i> Энергетика второй половины XXI века – комбинация различных энергоисточников	660
<i>Шафраник Ю.К.</i> Главное – неоспоримые интересы России	662
Российский совет по международным делам.....	667

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья,

вашему вниманию предлагается уникальное в своем роде издание, специально подготовленное к десятилетию со дня основания Российского совета по международным делам. Сегодня Совет – это не только признанный центр внешнеполитической экспертизы, но и авторитетная площадка для широкого диалога по ключевым международным проблемам. Среди членов Совета – видные отечественные дипломаты, политики, общественные деятели, ученые. Многие из них поделились своими соображениями и идеями для настоящего сборника.

На Смоленской площади дорожат тесными деловыми и товарищескими отношениями с коллегами из РСМД. Такое взаимообогащающее партнерство сегодня особенно востребовано. Постоянный обмен актуальной и аналитической информацией позволяет экспертам Совета лучше чувствовать «нерв» текущей внешнеполитической работы, а действующим сотрудникам МИД – быть в курсе самых передовых, инновационных концепций в сфере теоретического осмысления основных тенденций международных отношений. Неизменное внимание уделяем и предложениям, рекомендациям Совета по «калибровке» внешнеполитической линии применительно к отдельным вопросам на международной повестке дня. Дальнейшее развитие плодотворного взаимодействия будет иметь «добавленную стоимость» в силу возрастающей потребности в выработке сбалансированных и профессиональных оценок постоянно усложняющейся международной реальности.

И, действительно, ситуация в мире становится все более многомерной, а сценарии ее развития – нелинейными и многофакторными. С одной стороны, налицо положительные тенденции, связанные с демократизацией международной жизни. Укрепляют свои позиции новые мировые центры, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Африке и Латинской Америке. Эти динамично развивающиеся государства не копируют западную ультралиберальную модель, а проводят независимую политику с опорой на суверенитет и культурно-цивилизационную самобытность. И на этой основе добиваются впечатляющих успехов в самых разных областях.

Все более значимую роль в мировой политике играют такие многосторонние объединения нового типа, как «Группа двадцати», БРИКС, ШОС, АСЕАН. С полной уверенностью можно говорить о том, что процесс формирования более справедливого, демократичного и потому устойчивого многополярного мироустройства принял необратимый характер.

Объективный ход событий пытаются затормозить ряд государств Запада во главе с США. В иллюзорной надежде на сохранение ускользающего до-

минирования западные коллеги стремятся подменить общепризнанные нормы международного права, включая Устав ООН, пресловутым «порядком, основанным на правилах». Вне рамок Всемирной организации и иных универсальных структур сколачивают различные ситуативные коалиции ограниченного состава и самочинно приписывают им право говорить и действовать от имени всего мирового сообщества.

Очевидно, что такой эгоистичный подход не способствует поддержанию взаимного доверия во имя решения многочисленных проблем современности – от международного терроризма и транснациональной преступности до изменения климата и дефицита пресной воды. Наоборот, ведет к появлению новых разделительных линий, реидеологизации и милитаризации международной жизни, опасным рецидивам «блокового мышления». Как следствие, затрудняется международное сотрудничество, дипломатия не всегда оказывается эффективной в урегулировании региональных конфликтов, возрастают риски столкновения крупных мировых игроков, обладающих ядерным оружием.

Конечно, это не наш выбор, но как реалисты мы вынуждены считаться с фактами и не можем их игнорировать при формировании собственного видения перспектив мирового развития. При любых обстоятельствах Россия, обретающая свое место в мире как великая евразийская и евро-тихоокеанская держава, государство-цивилизация, продолжит проводить самостоятельный, независимый внешнеполитический курс. Одновременно остаемся одним из ключевых гарантов созданной по итогам Второй мировой войны международно-правовой ооноцентричной архитектуры. Не на словах, а на деле вносим существенный вклад в упрочение глобальной безопасности во всех ее измерениях с использованием, прежде всего, политико-дипломатического инструментария на основе неукоснительного соблюдения международного права.

На оздоровление ситуации в мире нацелены наши многочисленные конструктивные инициативы, включая идею президента В.В. Путина о созыве саммита пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН для достижения договоренностей о совместных действиях по снижению международной напряженности в духе коллективного лидерства ведущих держав. В числе приоритетов и реализация инициативы главы Российского государства о формировании Большого Евразийского партнерства – нового общекионтинентального интеграционного контура, открытого для всех стран и межгосударственных объединений Европы и Азии.

На нынешнем сложном, во многом переломном, этапе развития международных отношений необходимо широкое общественное обсуждение роли и места России в мире, ее внешнеполитических приоритетов. Ценный вклад в это важное дело вносит настоящая публикация.

Первые 10 лет существования Российского совета по международным делам стали историей успеха. По случаю юбилея желаю всем членам Совета крепкого здоровья, новых творческих свершений и всего самого доброго. А все ценители современной внешнеполитической мысли, держащие в руках этот сборник, уверен, узнают из него много нового и интересного.

С.В. Лавров – министр иностранных дел Российской Федерации,
Председатель Попечительского совета
Российского совета по международным делам (РСМД)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

РСМД 10 ЛЕТ РЕШАЕТ САМЫЕ СЛОЖНЫЕ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

Мы живем в эпоху беспрецедентных информационных нагрузок. По любой проблеме, по любому вопросу, каждый день на человека обрушивается огромный поток информации. Из этого довольно-таки мутного потока, не будучи профессионалом, довольно сложно выловить правильный ответ на интересующие нас вопросы. Это касается практически всех сторон нашей жизни. Внешняя политика и международные отношения, разумеется, не являются здесь исключением.

Положение осложняется еще и тем обстоятельством, что мир переживает один из самых сложных этапов своего развития. Рушатся десятилетиями складывавшиеся основы международных отношений, повсеместно нарушаются основополагающие нормы международного права. Дезинформация, кибератаки, гибридные войны, национализм, протекционизм, односторонние санкции и попытки диктата с опорой на силу – весь этот инструментарий, к сожалению, все больше берется на вооружение многими странами.

Растущая в мире напряженность и военные риски серьезно ограничивают возможности международного сообщества совместно искать ответы на новые вызовы и угрозы безопасности. Драматическим примером такого положения стала международная реакция на пандемию COVID-19, когда ведущие государства мира вместо того, чтобы объединить усилия в борьбе с этой общей бедой, стали заниматься дискредитацией своих оппонентов, подрывом их авторитета в мире. Вместо столь нужного всем «коронавирусного перемирия» произошло обострение противоборства великих держав, началось то, что многие эксперты называют «войной вакцин». В результате в проигрыше оказались все.

Поэтому не удивительно, что в России, как и во многих других странах, население проявляет растущий интерес ко всему, что происходит в мире, так как люди понимают, что международные проблемы носят все больше общечеловеческий характер и, в конечном счете, затрагивают интересы каждого. Есть общественный запрос на качественную информацию, а еще больше – на качественную аналитику по широкому кругу вопросов международной жизни.

В этих условиях создание Российского совета по международным делам в качестве независимого аналитического центра в области международных отношений стало логическим ответом на запрос общества. Разумеется, в России немало других центров, профессионально занимающихся международными проблемами: это академические институты, университеты, профильные журналы, экспертные объединения. Тесно взаимодействуя с другими центрами, РСМД занял среди них свое во многом уникальное положение.

В чем же заключается эта уникальность? Прежде всего, это касается состава членов Совета. Организация объединила самых авторитетных российских профессионалов в области международных отношений и внешней политики. В числе индивидуальных членов нашего Совета – 23 руководителя институтов РАН, 14 академиков и девять членов-корреспондентов РАН, 20 ректоров университетов, девять заместителей министров, 30 послов, 10 руководителей СМИ, 20 представителей крупного бизнеса и так далее. Это не просто огромный интеллектуальный потенциал, это еще и возможность взглянуть на любую проблему международной жизни с разных углов зрения, привлечь для обсуждения людей, обладающих самым разным жизненным и профессиональным опытом. Такой уникальный состав наших членов позволяет ставить перед РСМД самые сложные экспертно-аналитические задачи.

Типы деятельности, которыми занимается РСМД, можно разделить на три основных блока. Первый – это подготовка широкого набора аналитических материалов, докладов, записок, рекомендаций для государственных институтов власти, вырабатывающих и реализующих внешнюю политику страны. Второй – работа с общественным мнением страны, средствами массовой информации, приоритетными целевыми аудиториями для формирования правильного восприятия принимаемых руководством страны решений в области внешней политики и для повышения уровня ведущейся у нас общественной дискуссии по международным вопросам. Третий – взаимодействие с зарубежными партнерами для разъяснения и продвижения внешнеполитических интересов страны, а также для поиска взаимоприемлемых вариантов решения острых международных проблем.

Разумеется, названные выше задачи – безграничны по своим масштабам и значению. Было бы наивным пытаться справиться с ними силами одной, относительно небольшой организации. Поэтому РСМД решает их в тесной кооперации с государственными институтами, со своими партнерами из Российской академии наук, ведущими российскими университетами, экспертными объединениями. Нам хотелось бы выступать в роли той площадки, на которой могли бы вестись плодотворные дискуссии, сталкиваться различные точки зрения, оттачиваться новые подходы к актуальным проблемам международной жизни.

10 лет – срок для деятельности такой организации как РСМД в общем не большой (к примеру, Американский совет по внешней политике отметил в этом году свое 100-летие). Тем более что в нашем случае почти все приходилось начинать с нуля, порой продвигаться вперед «на ощупь». Подводя первые итоги, можно сказать, что вокруг Совета за это десятилетие сформировался высокопрофессиональный и авторитетный круг экспертов, который насчитывает уже более 500 человек по всей стране. Это позволяет на регулярной основе анализировать и оперативно высказывать квалифицированные оценки по ши-

рокому кругу международных проблем, участвовать во внешнеполитических дебатах, влиять на восприятие обществом тех или иных событий в мире.

Организационная структура Совета позволяет ему предметно заниматься проблемами, которые носят междисциплинарный характер и требуют участия экспертов различных специальностей. Это дает нам возможности браться за такие комплексные проблемы, как, например, трансграничные миграции, международное сотрудничество в Арктике, искусственный интеллект в мировой политике, «зеленая повестка» и многие другие. Отличительной чертой материалов РСМД является то, что наряду с научным анализом, они, как правило, содержат конкретные рекомендации, направленные на решение затрагиваемой в материале проблемы.

О результатах работы РСМД можно судить по тем высоким оценкам, которые Совет получает от государственных органов страны, политических и общественных организаций. Совет постоянно занимает одну из лидирующих позиций по цитируемости в российских СМИ и по посещаемости его сайта, входит в различные международные рейтинги неправительственных организаций. За десять лет своего существования РСМД утвердился в роли очень востребованного и надежного партнера для нескольких десятков ведущих аналитических центров со всех континентов; не будет большим преувеличением сказать, что у Совета появился свой бренд, который хорошо известен и пользуется заслуженным уважением в глобальном сообществе международных.

Вместе с тем совершенно очевидно, что такая организация как РСМД, чтобы соответствовать достигнутому статусу, должна постоянно совершенствовать формы своей работы, внедрять новые технологии, расширять аудиторию, выходить на новые слои общества. На фоне возрастающей конкуренции, широкого распространения крайне политизированных, популистских подходов к международной повестке, сохранить свое лицо можно только путем настойчивого повышения профессионализма с опорой на строго научный подход и объектные оценки быстро меняющихся международных реалий. В своей работе мы никогда не гонялись за сенсациями, не «играли на публику» и не потакали распространенным в обществе предрассудкам и стереотипам. Этими же принципами мы будем руководствоваться и в дальнейшем.

Нет сомнений в том, что в условиях, когда международная проблематика становится все более сложной и динамичной, а от внешней политики во многом начинает зависеть и внутреннее развитие государств, востребованность таких организаций как РСМД будет только возрастать. У нас и у наших партнеров – большие планы на будущее.

***И.С. Иванов** – д.и.н., президент Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол России, член-корреспондент РАН, министр иностранных дел России (1998-2004 гг.)*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО. ДИПЛОМАТИЯ ДОЛЖНА ПОСТОЯННО СОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ

Понятие дипломатии трактуется в наши дни все более расширительно и, как мне представляется, часто используется не по назначению. Какой сферы деятельности ни коснись, модным стало ссылаться на дипломатию, порой лишь для того, чтобы прикрыть свою некомпетентность, отсутствие профессионализма, а порой, чтобы оправдать допущенные ошибки. О дипломатии сегодня говорят применительно к бизнесу, к науке и культуре, и даже к отношениям в семье. Не уверен, что такая расширительная трактовка дипломатии всегда обоснована.

Если же обратиться к классическому определению, то дипломатия преимущественно относилась и продолжает относиться к области внешней политики и межгосударственных отношений. Несмотря на происходящие в мире глубокие перемены, дипломатия, как и сама внешняя политика в целом, во многом остаются достаточно консервативными сферами общественной деятельности. Это связано с целым рядом объективных факторов, влияющих на формирование внешней политики государств. География, история, культура, религия, национальная самобытность – эти и другие постоянные факторы во многом предопределяют действия государств на международной арене. Естественно, эти факторы накладывают свой отпечаток и на дипломатию, как наиболее эффективный и наиболее часто используемый инструмент реализации внешней политики.

Вместе с тем, сохраняя многие свои традиционные формы, дипломатия, чтобы быть эффективной, должна постоянно совершенствоваться с учетом происходящих в мире преобразований, расширять диапазон знаний, активно использовать новые формы коммуникации, осваивать современные технологии. Процесс обновления арсенала средств дипломатического искусства идет неровно, подчас болезненно, но остановить его невозможно. Более того, сегодня этот процесс существенно ускоряется вместе с ускорением других процессов общественного развития.

Дипломату наших дней уже недостаточно хорошо знать историю, географию, международные отношения, иностранные языки и правила дипломатического протокола. Ведь предметом международных переговоров все больше становятся вопросы, связанные с ядерной сферой и информационными технологиями, естественными науками и космосом, искусственным интеллектом и инфекционными заболеваниями. Этими и многими другими проблемами необходимо владеть в совершенстве, чтобы эффективно отстаивать интересы своей страны. Таким образом, современный дипломат должен постоянно овладевать новыми знаниями и учиться использовать их в практической работе,

что объективно повышает требовательность ко всем сотрудникам дипломатической службы – начиная от референтов и атташе и заканчивая полномочными послами.

С учетом новой информационной реальности стали все больше меняться формы и содержание дипломатических переговоров и дипломатической переписки. Переговоры ужимаются по срокам и становятся более конкретными и предметными, без традиционных протокольных формальностей и обмена общеизвестными данными. Это касается переговоров всех уровней.

Что касается дипломатической переписки, то главным в ней становится не изложение фактов и новостей (здесь дипломатам бессмысленно тягаться с информационными агентствами), а анализ и подготовка соответствующих рекомендаций и предложений. Эта задача стояла перед участниками дипломатического процесса и раньше. Однако с учетом быстро меняющейся международной конъюнктуры, растущей нестабильности в мире, непоследовательности во внешней политике многих государств объективный взвешенный анализ событий и подготовка обоснованных и нацеленных на долгосрочные, а не конъюнктурные интересы своей страны предложений становятся особенно востребованными для принятия выверенных внешнеполитических решений. Для дипломата все более важной становится способность оперативно реагировать на быстро меняющуюся ситуацию, находить в безграничном море информации самое важное и самое нужное, соотносить свои предложения с общей стратегией внешней политики страны и никогда не останавливаться в своем профессиональном развитии.

Традиционно считалось, что внешняя политика является продолжением политики внутренней. По всей видимости, это определение уже устарело. В наши дни взвешенная и продуманная внешняя политика может стать важным фактором внутривнутриполитического развития, дальнейшего совершенствования внутривнутриполитического устройства, инструментом решения многих экономических и социальных проблем. Внешняя политика не может просто сводиться к обслуживанию тех или иных конъюнктурных внутривнутриполитических интересов, а должна быть полноценной составляющей комплексного развития страны. Дипломатия, в свою очередь, должна быть эффективным инструментом реализации такой политики.

Это особенно важно в свете того, что ситуация в мире переживает один из самых сложных периодов после окончания Второй мировой войны. Помимо извечных проблем, которые время от времени будоражили мир, сегодня мы являемся свидетелями развернувшейся жесткой борьбы за передел сфер влияния в мире. Причем в эту борьбу все больше втягиваются не только крупные державы, но и региональные игроки. Мы наблюдаем за тем, как послевоенное мироустройство, ставшее результатом политических договоренностей между

государствами-победителями, начинает все больше вступать в противоречие с современными реалиями, с теми глубинными переменами, которые произошли в мире в силу объективных процессов его развития. Эти противоречия требуют серьезного анализа и принятия решений, которые помогли бы не допустить их стихийного бесконтрольного развития, что должно позволить международному сообществу избежать драматических последствий.

Вместе с тем говорить о том, что мир уже охватил хаос и он потерял управляемость, как минимум, преждевременно. Практически все институты и международные организации, созданные после окончания Второй мировой войны, продолжают выполнять свои функции. Какие-то лучше, какие-то хуже, но нет оснований говорить об их полном параличе. Да, время от времени отдельные страны нарушают Устав ООН, отдельные нормы международного права, порой разрушают ими же подписанные договоры и соглашения, силой навязывают более слабым государствам свои односторонние решения. Список серьезных нарушений, которые, к сожалению, допускают даже постоянные члены Совета безопасности ООН, можно продолжать почти до бесконечности.

Тем не менее такие нарушения, при всей их серьезности, являются скорее исключением из общего порядка, чем нормой поведения. Международная система, хотя и с перебоями, продолжает функционировать, международные институты продолжают выполнять свои миссии, сложившийся 70 лет назад мировой порядок демонстрирует высокую степень устойчивости.

В Декларации тысячелетия ООН, единогласно одобренной всеми главами государств и правительств в сентябре 2000 г., были подтверждены вера в Организацию, приверженность целям и принципам ООН, содержится программа действий по укреплению основ «более мирного, процветающего и справедливого мира». К сожалению, в начале века США и их союзники предприняли попытки навязать миру свои правила игры, новый мировой порядок, подстроенный исключительно под их интересы. Все эти попытки завершились провалом, т.к. в современном мире становится все сложнее, если не сказать невозможно, навязывать другим государствам, а тем более всему миру свою волю. Такие попытки неизбежно рано или поздно заканчиваются поражением их инициаторов. Мы видели это в Югославии, Ираке, Афганистане и в других точках земного шара. Поэтому единственный путь мирного построения основ нового мирового порядка – серьезные переговоры с выходом на решения, которые получили бы поддержку со стороны подавляющего большинства государств.

Какими бы сложными ни казались такие переговоры, они возможны и необходимы. Речь не должна идти о том, чтобы разрушить до основания нынешний мировой порядок и начинать все с чистого листа. Основные «строительные блоки» имеются, но их надо усовершенствовать и адаптировать к современным требованиям международной жизни.

Современное мироустройство должно быть структурировано по образцу пирамиды. Пиком пирамиды должна оставаться ООН, реформированная с учетом произошедших в мире перемен и стоящих новых задач по поддержанию мира. С этим в принципе все согласны, однако пока никак не удается запустить процесс серьезных переговоров. Ключевая роль здесь принадлежит постоянным членам СБ ООН.

Следующий уровень пирамиды – это существующие и будущие специализированные и региональные организации, решающие конкретные вопросы в различных областях. С учетом подвижности мировой конъюнктуры могут создаваться временные объединения государств для решения конкретных задач. Эти организации должны тесно взаимодействовать с ООН, ее учреждениями в целях обеспечения «полностью скоординированного подхода к проблемам мира и развития».

Прочную ткань международных отношений составляют межгосударственные связи, которые должны опираться на строгое соблюдение международного права. Основой пирамиды должно быть международное право, договоры, соглашения, другие правовые акты, которые регулируют все аспекты международной жизни. Как можно увидеть из этого схематичного описания, основные элементы будущей структуры уже имеются в распоряжении международного сообщества. Да, какие-то из них требуют реформирования, причем серьезного, но это не является неразрешимой проблемой.

И опять мы приходим к выводу, что проблема не в институтах, а в политической воле. Особая ответственность ложится на руководителей государств-постоянных членов СБ ООН. Если они проявят необходимую политическую волю, то процесс реформ можно запустить. Да, путь будет долгим и трудным, но это лучше, чем хаос, при котором победителей заведомо не будет, проиграют все.

И.С. Иванов – д.и.н., президент Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол России, член-корреспондент РАН, министр иностранных дел России (1998-2004 гг.)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО. ПРАВИЛА ИГРЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ БУДУТ НЕИЗБЕЖНО МЕНЯТЬСЯ

Работа Российского совета по международным делам так или иначе отражает богатую палитру разнообразных направлений внешнеполитической активности нашей страны. В этом смысле Совету очень повезло – Россия относится к числу наиболее активных и самых заметных игроков на международной арене как с точки зрения географической широты ее внешней политики, так и с точки зрения ее присутствия в самых разнообразных сферах международной жизни. Естественно, где-то наша страна представлена больше, а где-то – меньше. Например, Россия остается одной из двух ядерных сверхдержав и постоянным членом Совета Безопасности ООН. Здесь мы, безусловно, играем в высшей лиге. То же относится к мировым рынкам вооружений или к рынкам углеводородов. Российские позиции на продовольственных рынках, в сфере всемирного интернета, в освоении Арктики также едва ли могут быть подвергнуты сомнению.

За те 10 лет, которые существует РСМД, Россия достигла значительных внешнеполитических успехов. Среди них, наверное, можно выделить несколько направлений, где удалось добиться особенно существенных результатов. Например, за эти годы Москва резко усилила свои позиции на Ближнем Востоке. Это касается в первую очередь сирийского конфликта, хотя им и не ограничивается. Из относительно маргинального игрока Москва превратилась в ведущую внешнюю силу, без участия которой многие ближневосточные проблемы не имеет смысла даже обсуждать. Причем России в большинстве случаев удавалось поддерживать конструктивные отношения со всеми сторонами конфликтов в регионе – с шиитами и суннитами, с иранцами и саудитами, с израильтянами и палестинцами, с турками и курдами и т.д.

Кроме того, можно выделить устойчивое поступательное развитие российско-китайских отношений. Многие эксперты десять лет назад утверждали, что партнерство Москвы и Пекина носит тактический характер, что взаимное охлаждение и даже конфликты в этих отношениях неизбежны. Конструировались многочисленные сценарии, исходящие из перспективы «стратегической расстыковки» Москвы и Пекина. Но российско-китайское сотрудничество прошло испытание временем и продолжает развиваться высокими темпами.

Были и другие очевидные достижения – например, в последние 10 лет состоялось «возвращение» нашей страны в Африку и активное включение России в глобальную борьбу с изменениями климата. За это десятилетие удалось существенно нарастить институциональные возможности БРИКС и ШОС, причем из «шестерки» ШОС превратился в «девятку». На всех этих направлениях РСМД стремится оказать посильное содействие нашим профильным

министерствам и ведомствам – там, где такое содействие может оказаться востребованным.

Но существуют направления, на которых России еще предстоит многое сделать. Например, если взять мировую экономику, то роль России в ней пока значительно скромнее, чем в мировой политике. Не слишком заметна Россия и в мировых финансах. Москва пока не стала по-настоящему глобальным финансовым центром, она не может конкурировать с Нью-Йорком, Лондоном или Гонконгом. Россия относительно слабо представлена в глобальных технологических цепочках или на международных рынках образовательных услуг.

Одним словом, российский внешнеполитический «инвестиционный портфель» за последние 10 лет стал весьма объёмным, но он не во всем сбалансирован. Грамотная и осторожная балансировка этого портфеля с учетом меняющихся реалий мировой политики и экономики должна стать одной из стратегических задач российской внешней политики на ближайшие годы. Конечно, эта задача стоит не только перед Министерством иностранных дел, но и перед российскими аналитическими центрами, работающими по международной проблематике.

При решении стратегических задач российской дипломатии нельзя не учитывать и растущую неопределенность в мире. Современный мир вступил в период деглобализации со всеми вытекающими отсюда последствиями. К сожалению, нам надо готовиться к новым конфликтам и кризисам в мире, к трудностям в работе международных организаций, включая ООН, к эрозии многих норм международного права. Сохраняется угроза международного терроризма, распространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. Продолжается противостояние России и НАТО и назревает еще более масштабное противостояние Соединенных Штатов и Китая.

Большой проблемой для России остаются односторонние санкции и другие проявления экономического давления, которое проводит в отношении Москвы страны Запада. С другой стороны, нам надо помнить и о том, что в среднесрочной перспективе вероятно возобновление процессов глобализации на обновленной основе, переход мировой экономики на новый технологический уклад, развитие различных форматов многосторонности и т.д.

Правила игры в мировой политике неизбежно будут меняться. Будет меняться и привычный для нас набор инструментов международного влияния. Сложность внешнеполитического планирования для России (как, впрочем, и для других государств) состоит в том, что надо оперативно реагировать на ближайшие вызовы, но вместе с тем не забывать и о тех вызовах, которые пока лишь вырисовываются на горизонте. Как отметил в свое время Ч. Дарвин, «выживает не самый сильный и не самый умный, а тот, кто лучше всех приспосабливается к изменениям».

Что должен ждать мир в новом десятилетии? Чего может ожидать от него Россия? Для ответов на эти вопросы давайте вернемся в 2011 г. – в год создания РСМД. Кто тогда мог предсказать бурные события грядущего десятилетия – например, президентство Д. Трампа в США, украинский кризис, *Brexit* или пандемию COVID-19? Наверное, следующие десять лет в мировой политике будут не менее драматичными и не более предсказуемыми, чем прошедшие десять лет. Скорее всего, темп перемен еще более возрастет, а число факторов неопределенности увеличится.

Но одно можно предсказать с уверенностью: в 2020-х гг. произойдет радикальная и повсеместная смена поколений политических элит – в Америке, в Европе, в России, в Китае, в Индии и т.д. Во власти окажутся люди, имеющие принципиально иной личный и профессиональный опыт, иные взгляды на мир и на роль своих стран и обществ в этом мире. Будем надеяться, что новое поколение лидеров, не обремененных личным участием в конфликтах эпохи холодной войны, окажется прозорливее и мудрее своих предшественников. Но одним из условий прозорливости и мудрости нового поколения должна стать более эффективная и оперативная работа аналитических центров, подобных РСМД.

В новом десятилетии РСМД продолжит следить и анализировать происходящие события в мире, а также выполнять одну из своих главных задач – содействовать диалогу между экспертным сообществом и заинтересованными государственными структурами. Можно сказать, что эта задача предполагает конвертацию фундаментального научного знания в прикладной продукт, который мог бы быть использован в профильных министерствах и ведомствах.

В этом состоит и особенность аналитики Совета – докладов, рабочих тетрадей и аналитических записок. Мы будем и дальше экспериментировать с форматами наших «продуктов», чтобы сделать их более востребованными в основных целевых аудиториях РСМД. Конечно, не забывая при этом и о просветительском измерении нашей работы – расширяя связи с университетами, организуя публичные лекции и «городские завтраки» РСМД, продвигая приоритеты Совета в российских и зарубежных средствах массовой информации. Мы очень надеемся, что Совет будет содействовать повышению уровня российского общественного дискурса по вопросам внешней политики.

Хочется также отметить, что самый ценный актив РСМД, помимо его членов и сотрудников, состоит из широкой сети внешних экспертов и партнерских организаций – как отечественных, так и зарубежных. Этот внушительный актив складывался постепенно на протяжении всего времени существования организации, и без него наша сегодняшняя работа была бы просто невозможной. Большинство проектов Совета осуществляются подвижными экспертными группами, в которые часто входят не только академические ученые,

но и журналисты, бывшие дипломаты, представители деловых кругов и гражданского общества. Сохранение и приумножение нашего экспертного потенциала – один из важнейших приоритетов РСМД на пороге второго десятилетия его работы.

А.В. Картунов – к.и.н., генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД), заместитель директора Института США и Канады РАН (1995-1997 гг.), член Президиума РСМД

АЗИЯ

РОССИЯ УТВЕРДИЛАСЬ В АТР КАК СОЛИДНЫЙ ИГРОК И НАДЕЖНЫЙ ПАРТНЕР

А.И. Денисов – к.э.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Китайской Народной Республике, член РСМД

– Андрей Иванович, каковы, на Ваш взгляд, основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет?

– Десятилетие – удобная шкала для оценок. Этот срок не столь велик, чтобы забыть, что было в начале, но и не столь мал, чтобы за чередой событий не заметить, как складываются тенденции. Эпизоды, дающие основания говорить об успехах российской внешней политики, общеизвестны. Их фундамент был заложен в предшествующем десятилетии, а вектор задан в выступлении президента России В.В. Путина в Мюнхене в 2007 г. Мы ведь не только выстояли, но и заставили себя уважать.

Из близких для себя направлений отмечу китайское. Россия и Китай, как образно выразился министр иностранных дел КНР Ван И, «выковали неприступную крепость против «политического вируса» (*«have forged an impregnable fortress against the “political virus”*»). Именно в уходящем десятилетии наш тандем (или дуэт) с Китаем обозначился как своего рода «зона кристаллизации» в мировой политике.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Сколько помню себя как имеющего отношение к международной тематике (скажем, со студенческих и аспирантских лет, а это скоро уже полвека), столько слышу о турбулентности в мировых делах и о перманентно нарастающем кризисе. И уж точно наша страна только в такой реальности и жила все эти годы. Перефразируя изречение китайского классика Мао Цзэдуна: мы всегда движемся к «светлым перспективам», но уж очень «извилистым путем». Мне кажется, что главные вызовы на этом пути в среднесрочной перспективе поджидают нас «по периметру»: в ближайшем окружении, в первую очередь – с юга и юго-запада. К этому надо быть готовыми. И, кстати сказать, взаимопонимание и партнерство с Китаем будут здесь очень полезными.

– В 2010-х гг. Россия начала уделять растущее внимание сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Какими будут приоритеты российской политики в АТР в ближайшие годы?

– За последние десятилетия Россия, благодаря прежде всего усилиям нашей дипломатии, утвердилась в АТР как солидный игрок и надежный партнер. Но российские «экономические тылы» надо подтягивать. В предстоящие годы в регионе будут продолжать формироваться различные модели «интеграции интеграций» со своими лидерами. Важно найти – и закрепить за собой – достойное место в становлении новой Евроазиатской общности.

– Российско-китайские отношения находятся на беспрецедентно высоком уровне, активно развиваются двусторонние политические, экономические и гуманитарные связи. Москва и Пекин также координируют подходы к актуальным глобальным проблемам. На Ваш взгляд, в каких регионах мира или по каким вопросам глобальной повестки совместные российско-китайские инициативы обладают наибольшим потенциалом?

– Не очень люблю растяжимое понятие «комплексный», но именно такой характер имеет сегодня российско-китайское партнерство. Оно действительно охватывает все возможные сферы межгосударственного взаимодействия. Хотелось бы большего, в том числе в плане сбалансированности, в нашем торгово-экономическом сотрудничестве. Но тут уж, как говорится, «чем богаты...».

Что же касается политической повестки, ее глобального и регионального измерений, то выделил бы следующее. Наша с Китаем конструктивная «сверка часов», в частности в ООН, не плод союзнических обязательств, которых нет, а результат объективного совпадения подходов или их близости. Надеюсь, так будет и впредь. Много у нас пересечений и в региональных делах, особенно в географически близкой нам обоим зоне на обширных евразийских просторах. Мне кажется, была бы полезной хорошо проработанная, основанная на выверенном балансе интересов и возможностей матрица сотрудничества, например, с государствами Центральной Азии. Ведь ни Китай, ни Россия никогда не ставят своих партнеров перед выбором «или-или», а только «и-и». В Китае любят формулу «win-win», или обоюдный выигрыш. Мы тоже ей привержены.

– На Ваш взгляд, какие ключевые изменения во внешней политике Китая произошли за прошедшие десятилетия и каких изменений следует ожидать в ближайшие годы?

– В обозримом нашими глазами прошлом – скажем, с середины прошлого века – Китай играл весомую роль в мировых делах. Он был одним из победителей во Второй мировой войне, учредителей ООН. В 1950-е гг. уже новый народный Китай стоял у истоков Движения неприсоединения, был причастен к появлению принципов Бандунга. Сегодня, став второй (а по ряду позиций – первой) экономикой мира, КНР делает весомую заявку на первенство в продвижении концептуальных подходов к будущему мироустройству. Продуктом интеллектуального поиска стала идея «сообщества единой судьбы человечества» в разных преломлениях и известная Инициатива пояса и пути, постепенно оформляющаяся в многосторонний экономический проект. Обе они в самом начале долгого пути, им еще предстоит созреть, но у них уже немало сторонников. Есть и скептики, и открытые оппоненты – те, кто «просмотрел» превращение Китая в мощного конкурента и теперь пытается воткнуть ему палки в колеса. Похоже, что они опоздали. Китай обрел и мощь, и уверенность в своих силах, и свой взгляд на мир и продолжит «идти вперед, вперед» (этими словами заканчивается текст китайского государственного гимна).

ПЕРВОСТЕПЕННАЯ ЗАДАЧА РОССИИ – РАЗВИТЬ СОБСТВЕННУЮ НЕЗАВИСИМУЮ ЭФФЕКТИВНУЮ ИННОВАЦИОННУЮ ЭКОНОМИКУ

Г.А. Ивашенцов – Чрезвычайный и Полномочный Посол России, вице-президент РСМД

– Глеб Александрович, каковы, на Ваш взгляд, основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет?

– Россия вернула себе положение великой державы. Руководствуясь во внешней политике только собственными интересами и строя отношения с другими государствами исключительно на равноправной и взаимовыгодной основе, она выступает как самостоятельный глобальный центр силы. Не стремясь распространить свою модель на остальной мир, Москва содействует обеспечению региональной и глобальной безопасности. Наиболее ярко проявившись на Ближнем и Среднем Востоке, особенно в Сирии, такая внешнеполитическая линия существенно укрепила авторитет России в международных делах.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Первостепенная задача России заключается в том, чтобы поднять собственную независимую эффективную инновационную экономику. Только на этой основе Россия сможет выдержать давление со стороны США и их союзников, освободиться от «капкана» санкций и низких цен на нефть, отбивать атаки Запада в информационном пространстве.

Наиболее острые вызовы для России – в ее ближайшем соседстве. С одной стороны, усиливается враждебность Украины. С другой – ни ЕАЭС, ни ОДКБ не стали сосредоточением геополитической силы в Евразии. На южных границах России, скорее всего, придется столкнуться с исламским радикализмом, идущим с Ближнего Востока на Среднюю Азию и часть Кавказа. Эта проблема приобретает тем большую остроту в связи с, в сущности, неконтролируемой миграцией в Россию из среднеазиатских государств.

Новым фронтом защиты интересов России неизбежно станет Арктика.

– В 2010-х гг. Россия начала уделять растущее внимание сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в АТР? Какой должна быть конфигурация российской внешней политики в регионе в ближайшие годы?

– Среди достижений России в Азии – расширение состава ШОС, продвижение концепции БРИКС+, разработка трехстороннего формата Россия – Индия – Китай и сопряжение развития ЕАЭС и китайской Инициативы пояса и пути.

В условиях, когда американо-китайское соперничество привносит новые нюансы и акценты в общий баланс сил в АТР и в двусторонние региональные противостояния между Индией и Китаем, Индией и Пакистаном, в конфликтную ситуацию в регионе Южно-Китайского моря, а также вокруг Афганистана и Ирана, в интересах России проводить в регионе своего рода политику «неприсоединения», не вмешиваясь ни в американо-китайские, ни в межазиатские противоречия, но способствуя разрешению проблем на основе консенсуса. Возможно, стоило бы подумать о некоем качественно новом движении неприсоединения, в котором наряду с Россией могли бы участвовать Индия, государства АСЕАН и другие региональные державы, такие как Иран и Пакистан.

Стратегическая цель России – поднять отношения с Индией до уровня отношений с Китаем и тем самым обеспечить геополитическое равновесие на Евразийском континенте. Параллельно в диалоге с Токио стоило бы сместить фокус с территориальных споров на вопросы региональной безопасности, побуждая Японию к выстраиванию устойчивых отношений с Россией как с самостоятельным игроком в Евразии по отношению к Китаю.

– Сегодня многие игроки, в том числе Индия, рассматривают региональные процессы через призму концепции Индо-Тихоокеанского региона, причем подходы к ней различаются. Каковы перспективы участия России во взаимодействии в данном контексте?

– Концепция Индо-Тихоокеанского региона разделяется четырьмя государствами – США, Японией, Австралией и Индией. Среди участников «четверки» нет важнейших игроков региона – Китая и государств АСЕАН. Нет и четкой формулировки того, в чем цель и основа сотрудничества. Если Соединенные Штаты, Япония и Австралия планируют использовать индо-тихоокеанский «ромб» в первую очередь для создания «дуги» глобального сдерживания Китая, то Индия, похоже, рассматривает его как инструмент для наращивания собственного глобального веса. Интересам России концепция Индо-Тихоокеанского региона в ее нынешнем виде не отвечает.

– Как Вам представляется, возможен ли перелом в разрешении межкорейского конфликта и денуклеаризации Корейского полуострова в среднесрочной перспективе? Какой вклад в урегулирование этих вопросов может внести Россия?

– Межкорейское сближение – главный импульс для решения ядерной проблемы Корейского полуострова, поскольку ракетно-ядерная программа КНДР – следствие многолетнего противостояния двух корейских государств.

На сегодня Республика Корея примирилась с существованием КНДР и приняла решение проводить в отношении нее политику мирного сосуществования. Но пока не сделано главное – перевод отношений между двумя Кореями на двустороннюю основу, признание Сеулом конституционности КНДР как государства и легитимности ее руководства.

Москва может содействовать межкорейскому сближению путем выдвижения проектов трехстороннего экономического, энергетического и транспортного сотрудничества в формате Россия – КНДР – Южная Корея, а также в более широком региональном формате Северо-Восточной Азии.

России во взаимодействии с Китаем необходимо вести дело к тому, чтобы заменить Соглашение о перемирии в Корее 1953 г. мирным договором двух суверенных независимых государств — КНДР и Республики Корея. Этот договор должен быть не просто пактом о ненападении, а правовым основанием партнерства Сеула и Пхеньяна, призванного превратить Северную Корею из «государства-изгоя» в полноправного члена международного сообщества. Россия наряду с четырьмя другими постоянными членами Совета Безопасности ООН могла бы стать гарантом такого договора.

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН – НАИБОЛЕЕ БЛАГОПРИЯТНЫЙ РЕГИОН МИРА ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В.Б. Кашин – к.полит.н., заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, член РСМД

– Василий Борисович, каковы, на Ваш взгляд, основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет?

– Последние 10 лет были тяжелым периодом для развития России: это время, которое следовало непосредственно за большим экономическим кризисом, и именно в этот период Россия столкнулась с обострением старых противоречий со странами Запада. Главный успех внешней политики – это то, что удалось выдержать это столкновение, защитить ключевые российские интересы перед лицом атак со стороны Запада, а кое-где и усилить свои позиции. Было осуществлено присоединение Крыма, дан отпор экспансии противника на Украине, удалось добиться стремительного укрепления позиций на Ближнем Востоке. Важнейшим результатом также является развитие Евразийского экономического союза. Продолжилось достаточно высокими темпами наращивание партнерства с Китаем, в том числе в сфере экономики.

– В 2010-х гг. Россия начала уделять растущее внимание сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в АТР? Какой должна быть конфигурация российской внешней политики в регионе в ближайшие годы?

– В целом Азиатско-Тихоокеанский регион – это наиболее благоприятный регион мира для российской внешней политики, уникальный тем, что у нас хорошие отношения практически со всеми местными игроками (я имею в виду страны Восточной Азии) вне зависимости от их принадлежности к тем или иным группировкам или союзам. У России хорошие отношения даже с такими партнерами США, как Япония и Южная Корея.

Главная проблема в регионе для нас – это то, что мы в настоящее время, добившись очень больших успехов в развитии связей с Китаем, недостаточно быстро развиваем отношения со странами Юго-Восточной Азии. В результате Китай имеет слишком большой удельный вес в системе наших связей в АТР. Следовательно, главным резервом для повышения качества политики России в регионе является, прежде всего, улучшение связей со странами АСЕАН, а это требует большего внимания со стороны политического руководства страны.

– Как, на Ваш взгляд, будет развиваться технологическое соперничество между Китаем и США в краткосрочной перспективе? Какова роль России в этой гонке?

– Технологическое соперничество США и Китая будет важнейшим фактором, определяющим мировую политику и оказывающим существенное влияние на мировую экономику в ближайшие десятилетия. Это соперничество предоставляет России новые возможности и в целом полезно для нее.

Раньше Китай пытался развиваться в рамках единой экономической системы и единой технологической платформы, которую возглавляют США. КНР ради этого была готова в чем-то ограничивать свое сотрудничество с Россией: известен факт соблюдения китайскими компаниями американских санкций против России на протяжении нескольких лет после 2014 г., и отчасти это продолжается до сих пор. Сегодня у России появляется возможность, с одной стороны, быстрее двигаться вперед в отношениях с Китаем и, с другой стороны, сохраняются прежние возможности сотрудничества с западными партнерами, во всяком случае по некоторым направлениям. Например, в сфере 5G мы взаимодействуем и с *Huawei*, и с *Ericsson*.

Это оптимальный для нас подход, когда мы сохраняем отношения с обоими полюсами. Вместе с тем по мере того как Китай сталкивается с растущими попытками его изолировать со стороны Запада, растет его заинтересованность в сотрудничестве с Россией, с российскими техническими университетами. Мы должны использовать этот интерес – есть целый ряд проектов и технологий, которые невозможно полноценно развивать в России своими силами, в первую очередь из-за малой емкости внутреннего рынка. Население ЕАЭС – всего 180 млн человек, и поэтому необходимо находить способы встраиваться в китайские большие проекты и программы, становясь их важным участником, мнение которого не получится игнорировать.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе и какой должна быть приоритетная линия в российской внешней политике?

– Мы будем сталкиваться с развитием феномена глобальной экономической войны, которая будет вестись сразу несколькими странами между собой: в первую очередь США и Китаем, но также США и Россией, отчасти Европейским союзом и Россией, некоторыми западными странами против Ирана. Мы видим, что механизмы применения санкций и мер экономической войны

становятся общепринятыми, фактически превращаются в главный инструмент внешней политики, и параллельно с этим происходит усиление протекционистских настроений во всем мире.

Соответственно, нам придется иметь дело с тем, что основные принципы, в соответствии с которыми мы строили свою экономику и развивали внешнеэкономические связи с 1990-х гг. надолго потеряли свое значение. В этой ситуации придется перейти к реструктурированию своей экономики, решению трудных задач по обеспечению экономической безопасности, и эти задачи во многом будут определять и наши подходы к внешнеполитическим вопросам. Необходимо будет обеспечить себя внешними источниками технологий и капитала, с одной стороны, и повышать уровень своей защищенности и независимости – с другой.

Помимо этого, в предстоящие 10–20 лет, вероятно, мы столкнемся с довольно опасными военными кризисами, прежде всего в Юго-Восточной Азии, и нам необходимо иметь готовые варианты реагирования на них.

Приоритетным партнером неизбежно будет Китай. Также большое значение будет сохранять партнерство с Индией, и мы будем пытаться, несмотря на все имеющиеся проблемы, продвинуться вперед в наших отношениях с Японией и Южной Кореей.

В экономическом плане будущее для нас все равно лежит на Востоке, и развитие нашей экономики зависит от нашей способности сбалансированно выстроить отношения со всеми азиатскими государствами.

РОССИЯ СМОГЛА УСПЕШНО ПЕРЕГРУППИРОВАТЬСЯ НА ВСЕХ НАПРАВЛЕНИЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

М.А. Конаровский – к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол России, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России, член РСМД

– Михаил Алексеевич, каковы, на Ваш взгляд, основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет?

– В условиях беспрецедентного наращивания давления на Россию со стороны «коллективного Запада», прежде всего США и Европейского союза, в последние годы страна смогла успешно перегруппироваться на всех направлениях внешней и внутренней политики. В результате удалось не допустить фронтальной изоляции РФ на мировой арене и ее отрыва от основных союзников. А именно это являлось одной из принципиальных задач Вашингтона и Брюсселя все последние годы. Смена администрации США в 2021 г. не привела к каким-либо позитивным подвижкам на этом направлении.

Как известно, практическим руководством к действию России на текущем этапе является новая редакция Концепции внешней политики РФ 2016 г., поставившая задачи в усложняющихся условиях мирового развития. Сегодня, как никогда ранее, особое значение приобретают задачи обеспечения безопасности России, ее суверенитета и территориальной целостности, укрепление ее позиций как одного из влиятельных центров современного мира, а также в системе мирохозяйственных связей. Помимо соответствующих статей Концепции, эти же задачи получили конкретное закрепление в поправках к Конституции страны 2020 г. Особое место занимали и усилия РФ по укреплению международного и регионального мира и стабильности на основе верховенства международного права, равноправия всех участников мировых процессов и их прагматичного взаимовыгодного партнерства.

Важнейшей стратегической задачей страны в последнее десятилетие оставалась концентрация усилий по обеспечению благоприятных внешних условий для устойчивого роста экономики и в целом для внешнеэкономических связей. В этой сфере также удалось достичь ощутимых результатов, в том числе в результате внесения необходимых корректив во внешнеэкономическую стратегию России, а также за счет определенной переориентировки ее экспортно-импортного потенциала, в области энергетики и на других важнейших направлениях.

Несмотря на предпринимавшиеся усилия, западный фланг России продолжал оставаться наиболее геополитически уязвимым и останется таковым на неопределенный период. Это касается, прежде всего, США и Евросоюза.

Тем не менее значимыми были усилия по продлению Договора СНВ-III, по сохранению Минского формата переговоров на Украине, недопущению полномасштабного кризиса в Белоруссии и т.д.

На этом фоне значительно более впечатляющими являются итоги последнего десятилетия во внешнеполитической деятельности России на восточном и южном флангах ее внешней политики. В связи с этим следует, прежде всего, отметить успешное завершение в 2014 г. переговоров по созданию ЕАЭС в составе России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизстана, означавшее начало реальной интеграции в рамках этих государств СНГ. Критически значимым, прежде всего для перспектив взаимодействия на восточном фланге, стало последующее выдвижение президентом В.В. Путиным концепции Большой Евразии и Большого евразийского партнерства.

Особое внимание в этом проекте, естественно, было уделено постсоветским государствам Центральной Азии, отношения России с которыми в прошедшее десятилетие имели ярко выраженную тенденцию к дальнейшему укреплению. К бесспорным успехам внешней политики России можно отнести содействие мирному разрешению политических кризисов в Киргизстане, в отношениях между Бишкеком и Душанбе, а также в самое последнее время – военно-политического кризиса вокруг Нагорного Карабаха.

В последней декаде по нарастающей развивалось стратегическое партнерство России и КНР, на основе базового Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., по существу, ставшее важнейшей доминантой внешнеполитической деятельности каждого из двух государств на евразийском пространстве. Именно высокий уровень двустороннего взаимопонимания и взаимодействия позволили достигнуть соглашения о сопряжении ЕАЭС и глобальной инициативы КНР «Один пояс, один путь», что открыло новые возможности для кооперации на всем континенте.

К бесспорному внешнеполитическому успеху России в указанный период можно отнести и дальнейшее закрепление международного статуса и влияния ШОС на мировой и региональной арене. Расширение Организации в 2017 г. за счет принятия Индии и Пакистана, по существу, превратило ее, по оценке президента В.В. Путина, в глобальную международную структуру, способную занять весьма значимое место в структуре Большого евразийского партнерства – в треугольнике ШОС, ЕАЭС и АСЕАН.

Важными элементами деятельности России по укреплению безопасности и стабильности в Азии стали также вывод российско-индийских отношений на уровень стратегического партнерства, позитивное развитие связей с Пакистаном, всемерное стимулирование деятельности БРИКС, консультативного механизма Россия – Индия – Китай (РИК), а также взаимодействия между ШОС и БРИКС и т.д.

Исходя из значения мирного разрешения внутриафганского конфликта для региональной стабильности, Россия проводила динамичный курс на побуждение враждующих сторон к поиску политических решений. Для этих целей был создан неформальный Московский формат переговоров, работа которого в значительной степени способствовала началу прямого диалога между США и талибами для достижения соглашения по окончательному выводу американских войск и официальному запуску межафганского диалога. Данный формат может оставаться востребованным и сейчас в свете неудач на пути национального примирения в Исламской Республике Афганистан (ИРА) и дальнейшего роста напряженности и неопределенности в этой стране. Ситуация складывается таким образом, что афганское и центральноазиатское направления в самое ближайшее время потребуют от России особо пристального внимания.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Прежде всего, это касается взаимоотношений России и «коллективного Запада» в лице членов ЕС и НАТО. Под руководством новой администрации США будет продолжена линия на максимальный подрыв внешнеполитических позиций России, отрыв от нее союзников, создание пояса нестабильности вдоль ее границ, раскачивание внутривосточной обстановки в стране путем массивного экономического и информационно-идеологического давления.

– В 2010-х гг. Россия начала уделять растущее внимание сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в АТР? Какой должна быть конфигурация российской внешней политики в регионе в ближайшие годы?

– В ближайшее время России вряд ли удастся стать лидирующим игроком в сфере экономики в АТР. Вместе с тем, активно используя свой значимый военно-политический статус, ей целесообразно продолжить линию на укрепление сбалансированных двусторонних и многосторонних отношений с государствами региона при особом упоре на Северо-Восточную Азию. Приоритетное место должны занять следующие направления:

а) обеспечение политического взаимодействия в рамках существующих в регионе традиционных и новых механизмов и форумов;

б) совершенствование стратегического курса на сопряжение существующих в АТР многосторонних хозяйственных структур в рамках строительства Большого евразийского партнерства;

в) форсированное развитие дальневосточных регионов страны.

В перспективе весьма важно внимательно следить, в частности, за дальнейшей эволюцией американского проекта Индо-Пацифики, противодействуя возможным попыткам придать ему не только антикитайскую, но и антироссийскую направленность.

– На Ваш взгляд, на каких направлениях деятельности следует сосредоточиться Шанхайской организации сотрудничества в среднесрочной перспективе? Назрела ли необходимость в реформе Организации и, если да, какая конфигурация представляется Вам оптимальной?

– Должна быть продолжена активная линия на превращение ШОС в лидирующую многостороннюю политическую структуру, обеспечивающую укрепление сопряжения наднациональных и национальных проектов развития Евразийского континента при особом внимании к проблематике обеспечения общей безопасности, коллективного противодействия новым вызовам и угрозам, таким как международный терроризм, политический и религиозный экстремизм, наркопреступность и т.д. В этом же контексте дополнительную актуальность приобретает качество взаимодействия и координации с другими наднациональными организациями и структурами этого мегарегиона.

Расширение ШОС и стоящие перед ней новые задачи требуют всемерного совершенствования практической деятельности Организации и придания ей дополнительной динамики. В связи с этим целесообразно провести выборочный комплексный обзор основных документов ШОС в интересах обеспечения максимальной конкретности, мобильности и эффективности «восьмерки», а также большей оперативности ее органов. Помимо имеющихся у ШОС механизмов взаимодействия с государствами, не являющимися ее членами, а также сотрудничества с другими международными структурами, имеет смысл предусмотреть механизм «ШОС Плюс» (по аналогии с АСЕАН и БРИКС) и способствовать скорейшему созданию Парламентской ассамблеи ШОС. В этом контексте может потребоваться и внимательная корректировка уставных и других документов Организации, в том числе регулирующих ее кадровую и финансовую деятельность, без нанесения ущерба ее базовым принципам и задачам.

– Как Вы оцениваете вероятность перелома в урегулировании ситуации в Афганистане в среднесрочной перспективе? Какой вклад может внести Россия в установление долгосрочного мира в Афганистане?

– Для России и ее союзников в Центральной Азии, а также для Китая главной побочной проблемой нестабильности в Афганистане является опасность распространения терроризма, в том числе на дестабилизирующей религиозно-политической основе.

Совершенно очевидно, что в ближайшем будущем развитие обстановки в Афганистане и вокруг него вряд ли приведет к установлению прочного и долговременного мира. Страна еще надолго останется, по существу, «разделенным обществом» и в значительной степени «несостоявшимся государством», прежде всего с точки зрения своей экономической состоятельности.

В связи с этим основная задача мирового и регионального сообщества на ближайшую и более отдаленную перспективу будет заключаться в совместном принуждении враждующих сторон к достижению какой-либо взаимоприемлемой формы перемирия и к запуску процесса взаимодействия для достижения консенсуса в части государственного устройства страны и базовых принципов социально-экономического развития.

Россия должна продолжить играть в афганском урегулировании самую активную роль, избегая при этом слишком большой собственной ангажированности на перспективу. На этом фоне ей следует и дальше внимательно следить за политикой основных внешних игроков, не допуская чрезмерных перекосов в чью-либо сторону. Сохранение аналогичного неослабевающего внимания потребуются и в отношении непосредственных участников конфликта, поскольку каждая из сторон будет стремиться к извлечению максимума тактической выгоды из противоречий и взаимной настороженности заинтересованных держав и соседей Афганистана. Проводя твердый курс на максимальное обеспечение вывода из ИРА контингентов США и НАТО, одновременно следует всемерно противодействовать соблазну Вашингтона и Брюсселя в перспективе переложить основной груз по решению финансово-экономических проблем страны на сопредельные государства, включая Россию.

НУЖНО ВЫРАБОТАТЬ ЧЕТКОЕ ПОНИМАНИЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В АЗИИ

В.Л. Ларин – д.и.н., академик РАН, заместитель председателя Дальневосточного отделения РАН, заведующий центром глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, член РСМД

– Виктор Лаврентьевич, каковы основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет?

– Приходит на ум Сирия, из последнего – Карабах. Россия очень тихо и аккуратно сделала большое дело. Какие-то еще серьезные достижения российской внешней политики, к сожалению, трудно назвать. В начале десятилетия был объявлен «поворот на Восток», хотя реально он начался раньше. К сожалению, эта политика тихо сошла на нет, что произошло, наверное, по объективным причинам. России сегодня не до Тихого океана: слишком много проблем рядом – в европейской части, на западе, на юге. Слишком много хлопот доставляют даже добрые соседи и друзья. На повестке сегодня нет Тихоокеанской Азии, нет Дальнего Востока и его проблем в этом регионе. Поэтому приходится констатировать, что эта хорошая идея о «повороте на Восток», об активизации Тихоокеанской, азиатской политики хотя и подтверждается, повторяется, не реализуется. Видимо, для этого не хватает ни сил, ни ресурсов, ни соответствующего интеллектуального пространства – нет главной идеи, как этот «поворот» реализовать, для чего он нужен.

– Какой, на Ваш взгляд, должна быть конфигурация российской внешней политики в регионе в ближайшие годы, чтобы ее эффективность повысилась?

– Для этого нужно сначала выработать четкое понимание того, для чего России Азия, каковы ее интересы в Азии, какова ее стратегия и чего она хочет добиться в этом регионе. Сегодня четкого понимания нет, более того, атлантический и европейский векторы доминируют в сознании российской политической элиты. Я неслучайно отметил отсутствие интеллектуального пространства, которое бы способствовало формулированию, принятию, развитию этих идей. В результате у политики России на этом направлении нет идеологической составляющей. Нет понимания своей роли в Тихоокеанской Азии, в северной части Тихого океана, следовательно, нет понимания, что необходимо делать. Это во-первых. А во-вторых, с моей точки зрения, у нас нет стратегического видения того, как нам выстраивать отношения с нашими ближайшими и главными соседями в Азии. Я говорю только о Восточной,

Тихоокеанской Азии, не о Южной Азии и Ближнем Востоке. Хотя есть правильные заявления, но так и не появилось, например, четкого понимания, для чего нам нужен Китай, как использовать потенциал КНР. То же самое можно сказать о Японии, о Корейском полуострове, о двух Кореях и о Юго-Восточной Азии.

Отсутствие идеологии и интеллектуального пространства, в котором эта идеология может созреть, связано и с отсутствием спроса на такую идеологию. Сегодня Россия напоминает пожарного, который тушит пожары в пристройках вокруг своей главной усадьбы: внутри мы создали систему противопожарной безопасности, у нас достаточно стабильная ситуация, а наши друзья устраивают поджоги по периметру наших границ, в основном перед нашим палисадником. В этой ситуации нам не до заднего двора, не до Северо-Восточной Азии и Тихого океана. Присутствует политическое понимание, что этим регионом нужно заниматься, налаживать с ним контакты, использовать его потенциал, присутствуют даже определенные декларации, но когда доходит до формирования реальной политики, все упирается в то, что где-то не доходят руки, где-то просто не хватает стратегического видения.

– Какую роль российский Дальний Восток будет играть во внешней политике страны в среднесрочной перспективе? Взаимодействие с какими зарубежными партнерами, на Ваш взгляд, обладает наибольшим потенциалом в деле решения задач развития региона?

– Для Дальнего Востока, для Тихоокеанской России все партнеры равноценны, у каждого есть свои интересы, преимущества и достоинства. Сегодня регион, безусловно, играет достаточно важную роль во внешней политике Москвы. Достаточно сказать, что в торгово-экономических связях России с Японией доля Дальневосточного федерального округа и Тихоокеанской России составляет 36%. С Южной Кореей этот показатель составляет 42%, с Северной Кореей – 64%. Только это уже придает определенное значение Дальнему Востоку. Правда, в торговом обороте с Китаем доля региона составляет всего лишь 9,5%, даже меньше, и сокращается. Это парадокс: потенциал региона абсолютно не используется.

В связи с этим возникает вопрос: если мы хотим использовать ресурсы наших соседей для развития региона – Китая, Японии, обеих Корея, Юго-Восточной Азии, – необходимо понимать, что мы можем предложить взамен. Их капитал, люди, интеллект придут сюда тогда, когда у них будет ответная заинтересованность. В сущности, пока реальный интерес к этому региону проявляют только три страны – Китай, Япония, Южная Корея, причем интерес двоякий. Одна из причин, абсолютно понятная и у всех одинаковая, – это наши

ресурсы. Причем интерес к этим ресурсам не так велик, как иногда пытаются представить, когда говорят, что без наших ресурсов не обойтись. Тем не менее интерес есть, потому что эти ресурсы, особенно энергетические, расположены ближе всего. Такая большая доля Дальнего Востока в торговле с Японией и Кореей связана, прежде всего, с ключевой ролью нефти и газа Сахалина. Представляют интерес также рыбные ресурсы.

У каждой из этих стран есть и определенный политический интерес, связанный с Дальним Востоком. Для Японии это вопрос национального престижа – возвращение южных Курил: что бы Россия ни делала, как и о чем бы Москва с Японией ни разговаривала, даже о гуманитарных проблемах, эта тема обязательно всплывет под тем или иным углом зрения. Иначе смотрят на Россию корейцы – через идею объединения двух Корей и ситуацию на Корейском полуострове, рассчитывая использовать потенциальные ресурсы и возможности азиатской России, чтобы организовать различные трехсторонние проекты, вовлечь в эти проекты Северную Корею и тем самым разрешить свои проблемы. У Китая свои интересы: Пекину очень важно, особенно исходя из его глобальных амбиций, проведения достаточно активной наступательной политики, иметь Россию в качестве безопасного тыла. Наши протяженные границы и есть тот самый тыл. Еще один интерес Китая к Дальнему Востоку заключается в том, чтобы использовать этот регион как транзитную зону, коридор для доставки грузов с Севера, из Северо-Восточного Китая в третьи страны – как в Европу, так и через Тихий океан, используя наши порты. Наконец, Дальний Восток – это товарный рынок для Северо-Восточного Китая.

У каждой страны есть свои интересы в этом регионе, но в стратегическом видении ни одной из них Дальний Восток как серьезный объект не присутствует. Задача заключается в том, чтобы этот интерес пробудить и максимально поддерживать, и все-таки найти возможности для того, чтобы использовать потенциал соседей для развития российского Дальнего Востока. Еще раз подчеркиваю, что просто так никто не намерен вкладываться в развитие данного региона, потому что здесь очень мало отраслей, которые гарантировали бы экономическую эффективность, а существующие проекты имеют чисто политическую окраску.

– Как Вы считаете, с какими основными вызовами предстоит России столкнуться в ближайшие годы, и как Россия могла бы на эти вызовы ответить?

– Мир кардинально меняется. Сегодня мы столкнулись с пандемией коронавируса, но, мне кажется, абсолютно очевидно, что не коронавирус стал причиной этих перемен. Это просто триггер, спусковой крючок, он запустил процессы, которые уже созрели до этого. Есть несколько очень серьезных

вызовов, к которым действительно необходимо готовиться и на них отвечать.

Первый вызов – это нарастающая анархия в системе глобального управления. Ясно, что США потеряли нити управления миром, Китай пытается что-то взять в свои руки, но ему сейчас всеми способами будут мешать. Россия в целом поддерживает Китай в его стремлении изменить систему глобального управления, но возникает вопрос, насколько России интересны те китайские подходы, которые декларируются. Например, идея «возрождения китайской нации», концепция единой судьбы человечества. Где в этих проектах Россия? С российской стороны необходимо напряжение умов, и РСМД, мне кажется, должен сыграть свою роль в выработке собственной российской повестки в создании системы глобального управления, в которой будут учтены российские интересы. При этом необходимо иметь в виду и всех других основных игроков, исходить не из желаемого, а из возможного.

Второй вызов – сегодня в мире идет борьба не столько за природные ресурсы и уже не за территорию, но за умы, за интеллект, за создание благоприятного пространства для творчества. Мы наблюдаем, что уже несколько лет идет процесс активного выкачивания из России идей, мозгов, творческих личностей. Вследствие этого возникает реальный вызов технологического отставания России со всеми вытекающими из этого последствиями. Посмотрите, какое внимание уделяют науке, технологиям, инновациям мировые лидеры. Я недавно перечитал статью Дж. Байдена, опубликованную в *Foreign Affairs*, которая посвящена внешней политике. Он пишет: «Пришло время для Соединенных Штатов возглавить создание технологического полюса». В этой статье технологии, инновации упоминаются очень часто, хотя речь идет о внешней политике. В Китае также буквально недавно был принят 14-й пятилетний план социально-экономического развития, в котором неоднократно говорится о наращивании не военной, а технологической мощи. Было разъяснение решения Политбюро ЦК КПК по поводу этого плана. Я не поленился посчитать, сколько раз встречается словосочетание «наука и технологии» в этом плане: 38 раз. Была принята программа «Сделано в Китае – 2025», рассчитанная до 2049 г., которая содержит десять прорывных технологий, в которых Китай стремится стать мировым лидером. Конечно, в России тоже много говорят на эту тему, принимаются решения, пишутся программы, но на деле все происходит с точностью наоборот.

Складывается такое впечатление, что научную политику российского правительства формируют советники в Вашингтоне и в Лондоне.

Третий вызов – это информационные войны против России, которые активизировались в последнее время. Все западные СМИ активно пытаются создать негативный имидж России. Мне кажется, что пока в этой войне Рос-

сия проигрывает: приходится говорить о репутационных издержках, о политических потерях и даже об экономических убытках. Этот негативный имидж сознательно создается нашими врагами (не буду использовать дипломатичное слово «партнеры», потому что они не партнеры, а реально наши враги). И потери для России, конечно, огромные.

Еще один вызов – растущий диспаритет в отношениях с Китаем. Да, у нас стратегическое партнерство. Да, стороны нацелены в будущее. Да, у нас очень хорошие политические отношения. Но, мне кажется, Россия уже сегодня больше подыгрывает Пекину, чем играет на равных, а слабых и безвольных в Китае никогда не уважали и не ценили. На это также нужно обратить очень серьезное внимание, понять, как Москве выстраивать равноправное партнерство.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ УСПЕХ РОССИИ – НОВЫЙ, БОЛЕЕ КАЧЕСТВЕННЫЙ ЭТАП «ВОЗВРАЩЕНИЯ» НА БОЛЬШОЙ ВОСТОК

С.Г. Лузянин – д.и.н., профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО МИД РФ, член РСМД

– Сергей Геннадьевич, каковы, на Ваш взгляд, основные достижения внешней политики России за 10 лет?

– На мой взгляд, можно выделить пять-шесть ключевых стратегических прорывов российской дипломатии за прошедшие 10 лет. Поскольку по специальности я востоковед, первый стратегический успех России я бы сформулировал как новый, более качественный этап «возвращения» России на Большой Восток. Первый этап возвращения России в политическом, экономическом и ценностном смыслах на Восток прошел в период до 2010 г. В 2007 г. я опубликовал книгу «Восточная политика Владимира Путина: возвращение России на "Большой Восток"», которая выдержала семь изданий и стала попыткой проанализировать успех России на пространстве от Японии до стран Магриба. Сегодня я вижу, что стратегический прорыв на восточном направлении очевиден на всем этом пространстве. Где-то достижений больше, где-то меньше, но они, безусловно, есть: Сирия, Китай, Индия, Иран и т.д. Успех восточноазиатской дипломатии достигнут по всем основным позициям: идеологическим, политическим и ценностным.

Вторая линия успеха – это отношения России с Западом, в первую очередь с США. Качественно новый момент состоит в том, что за прошедшие 10 лет в условиях обострения отношений, фактически конфликта, санкционного давления, Россия не просто сформулировала и претворила в жизнь свои интересы, но через военно-стратегические успехи и различные проекты реализовала реальную повестку сдерживания Запада и отстаивания своих национальных ценностей. Это принципиальный успех, добиться которого стоило огромных ресурсов, в том числе в области военных технологий. Причем, как совершенно справедливо отметил президент В.В. Путин, Россия не втянулась и не собирается втягиваться в гонку вооружений, она проходит асимметрично, то есть путем ответных действий мы уравниваем десятикратное превосходство США в военных расходах и пр. Иными словами, вторая линия успеха – это реализация повестки сдерживания без ущерба экономическим и национальным интересам России и сохранение баланса в мире.

Третий важный аспект – это вывод российско-китайского стратегического партнерства, определенного базовым Договором 2001 г., на уровень «полусоюзнических» отношений. Хотя термин имеет явную публицистическую окраску

ску, он знаменует достижение высшего этапа двустороннего сотрудничества, что является успехом, который помогает России реализовывать свою политику не только в Азии, но и на Западе.

Четвертым несомненным успехом России является начало процесса формирования и обустройства Большой Евразии, или Большого евразийского партнерства. Это абсолютный прорыв, поскольку на гигантском евразийском пространстве удалось запустить совместно с другими странами переформатирование Евразийского экономического союза и сопряжение с параллельно развивающейся китайской Инициативой пояса и пути. Пока еще сохраняются некоторые недоработки, определение самой практической повестки сопряжения еще впереди, но тот факт, что данный проект существует и работает, представляет собой успех.

Пятое достижение – расширение, переформатирование двух важных региональных глобальных проектов – ШОС и БРИКС. В рамках ШОС за эти 10 лет мы вышли за пределы «центральноазиатского» понимания. После включения Пакистана и Индии в состав ШОС в качестве постоянных членов, она стала евразийским и отчасти глобальным проектом. Поскольку РФ и КНР неформально и неофициально формируют ядро ШОС, понятно, что это успех российской дипломатии.

Суммируя эти пять позиций, я бы выделил в качестве главного шестой успех, который обуславливает все остальные, так как имеет идеологический и политический характер одновременно со стратегическим и тактическим. Он заключается в том, что за 10 лет во внешней политике окончательно сформировалось новое качество – «стиль Путина»: личность президента, его стиль и влияние на политический процесс, что лежит в основе всех достигнутых успехов.

Чем характеризуется успех В.В. Путина? При ответе на этот вопрос я бы выделил три момента. Первый – высокая дипломатическая и политическая эффективность в контексте российских интересов при реализации основных внешнеполитических проектов. Второй – точность соответствия используемых ресурсов месту и региону их применения, выбор именно тех мест, которые нужны для реализации конкретных российских проектов. Третий – оптимальность времени и места их реализации.

– Насколько эффективной Вы считаете российскую политику в Азии, и на каких аспектах или направлениях России следовало бы сосредоточиться в ее рамках в ближайшие годы?

– Российская политика в АТР, как мне кажется, структурно выстроилась по направлениям в эффективную логистику. Понятно, что разные компонен-

ты проявляют себя неодинаковым образом, но если брать регион в целом, можно выделить ряд по-настоящему эффективных и успешных направлений. Прежде всего, это российское позиционирование в АТР как самодостаточной и позитивно влияющей на процесс сохранения стабильности державы, имеющей собственные национальные интересы. Второй момент – это развитие энергетической дипломатии в Азии. Третий – укрепление России как поставщика товаров и услуг, но в этой сфере РФ, безусловно, несколько слабее по сравнению с первыми двумя аспектами.

Если уходить на региональный, субрегиональный и страновой уровни, то основой политики России в АТР, на мой взгляд, остается стержень в виде российско-китайского партнерства, которое является наиболее успешным, сбалансированным и эффективным.

Кроме российско-китайского направления, важными являются успехи корейской стратегии России в отношении Севера и Юга. Сохраняется специфика: на северокорейском направлении существует российско-китайская дорожная карта, ставится вопрос о денуклеаризации. На южнокорейском направлении также есть свои особенности: Южная Корея не поддержала санкционный режим против России, ведет взаимодействие и с Россией, и с Китаем. Сохранился субрегиональный неформальный треугольник Южная Корея–Россия–Китай, и это тоже важная и позитивная часть российской дипломатии в АТР.

Другой субрегиональный формат двусторонних отношений в АТР – это Россия и Монголия. В свое время ему уделялось меньше внимания, но сегодня новое руководство в лице президента Х. Баттулги и его соратников сближается с Россией. Они не отказались от концепции «третьего соседа», но на двустороннем уровне есть взаимопонимание, ликвидируются те застойные явления, которые существовали в предыдущие десятилетия. Что важно, на московском саммите ШОС В.В. Путин отметил перспективность формирующегося энергетического (газового) треугольника Россия–Монголия–Китай в рамках подготовки запуска второго газопровода в контексте осуществления стратегии России по экспорту газа в страны Восточной Азии.

Следующее важное направление в структуре дипломатии в АТР – это Россия–АСЕАН, особенно учитывая, что часть стран АСЕАН активно принимает участие в новых прорывных проектах, включающих в себя создание зон свободной торговли с ЕАЭС (Сингапур, Вьетнам и др.). В этом плане отношения России и АСЕАН стали шире, получили новые экономические и политические смыслы.

Отдельной строкой я бы выделил российско-вьетнамские отношения, которые, помимо прочного исторического фундамента взаимодействия, братской истории еще с советского периода, и сегодня имеют большой инвестиционный потенциал в рамках проектов по добыче и переработке углеводородов

на шельфе. Здесь есть как проблемы, так и пространство для деятельности: традиционными сферами остаются энергетика, военно-техническое сотрудничество и др.

Российско-японские отношения должны сохранить прежний уровень, но это отдельная тема для разговора, поскольку здесь есть известные чувствительные моменты.

В политическом плане все эти направления представляют собой части большой стратегии России в АТР, нацеленной на продвижение национальных интересов, поскольку Россия является одновременно европейской, азиатской и евразийской державой.

Что касается вызовов, то и на азиатском, и на западном направлениях сегодня это пандемия, которая деформировала и во многом даже ослабила экономическое партнерство. В целом пандемический вызов никуда не исчез.

Второй вызов имеет общий характер – это разрушение и демонтаж архитектуры стратегической безопасности и на Западе, и на Востоке. Серьезную проблему представляет собой обострение китайско-американских отношений, процесс технологического «расщепления», оказывающий отрицательное влияние на безопасность в мире в целом, а в Азии тем более, и затрагивающий политику России в этом регионе. Тем не менее, возможно, этот процесс не будет проходить слишком остро и будет «микширован».

– Как будет развиваться сопряжение ЕАЭС и Инициативы пояса и пути в среднесрочной перспективе? Какие очертания, на Ваш взгляд, приобретет Большое евразийское партнерство?

– Во-первых, важно, что и Россия, и Китай пришли к общему пониманию взаимной ценности сопряжения, которое де-факто и де-юре было запущено в 2015 г.: здесь нет поглощения одного проекта другим, и Россия не является частью китайской Инициативы. Сопряжение – это параллельное, взаимовыгодное и равноправное развитие российского и китайского видений Евразии. Иными словами, Россия и другие страны активно продвигают ЕАЭС, а Китай – ИПП, уважается право на параллельное развитие и взаимную стыковку проектов. Это принципиальный момент, потому что многие страны Евразии и мира окунулись с головой в китайский проект. Некоторые из них (Таджикистан, Кыргызстан, Хорватия, Греция) даже попали в финансовую зависимость в рамках реализации проекта. Москве удалось найти с Пекином точную формулу параллельного взаимодействия, кооперации и развития в рамках ЕАЭС и ИПП.

Во-вторых, Россия идет к тому, что будут создаваться зоны свободной торговли с Китаем, здесь нет никакой угрозы и опасности, но это поэтапный, пошаговый процесс на перспективу.

Большая Евразия включает в себя не только ИПП и ЕАЭС, но еще и расширяющуюся ШОС, и этот процесс идет политически и идеологически в рамках развития или создания «неамериканского» мира в Евразии. Это принципиально важно, потому что в условиях обострения холодной войны 2.0 отставание «неамериканских» зон сотрудничества идет на пользу российским и китайским интересам в Евразии, способствует созданию «своего мира». Термин следует «закавычить», поскольку полностью изолироваться нельзя: мы все равно живем в условиях глобализации, несмотря на пандемию или на некоторую регионализацию. Это не предполагает изоляцию в полном смысле слова, но сохранение своих территориальных и политических приоритетов в Евразии необходимо. Россия не может полностью окунуться в какие-либо европейские и тем более американские процессы и терять свои интересы, ценности, девальвировать свои позиции.

Вызовы террористического, глобального, экономического и санкционного характера растут, но при этом система, выстроенная Россией и Китаем в Центральной Азии и – шире – в Евразии и Восточной Азии, все же сохраняет колоссальные возможности. В целом российская стратегия в Азии на сегодняшний день не менее, а, может, и более важна, чем традиционное западное направление вектора внешней политики России.

– Какими Вы видите основные вызовы и приоритеты российской внешней политики на ближайшее время и в среднесрочной перспективе?

– Конечно, основной вызов – это общий демонтаж институтов глобального управления, стратегической безопасности, ослабление международного права. Это три части одной проблемы. Для России она находит выражение в санкционных ограничениях, стратегических и военных вызовах, ухудшении отношений на российско-американском треке, а также с отдельными странами Европейского союза (Германия, Франция), с Великобританией. Таков сложный состав комплекса вызовов и угроз, который наблюдается на Западе и в Азии для России.

В целях противостояния этим угрозам и повышения собственной эффективности, кроме национальных опций, для российской внешней политики и в целом для военной, дипломатической и экономической стратегии принципиально важными являются:

а) внутреннее экономическое, политико-идеологическое, ценностное и цивилизационное сосредоточение России. Эти четыре-пять компонентов в своем единстве создают ту броню или тот формат, которые позволяют выдерживать любые внешние вызовы;

б) сохранение и усиление курса, который заложен В.В. Путиным и российским руководством, в целом, за последние 10-15 лет («стиль Путина»). Мы добились и будем дальше добиваться реализации России как самодостаточного государства, которое готово активно взаимодействовать с внешним миром, но при этом обладает своей внутренней опорой, позволяющей ей выдержать внешнюю идеологическую экспансию. Это очень важно, так как, например, в 1990-е гг., когда Россия растворилась в западных ценностях, такого ядра военной, стратегической, экономической, технологической самодостаточности практически не было. Сегодня это ядро появилось, и его сохранение и укрепление позволят РФ и дальше эффективно позиционировать себя как великую державу на Востоке и Западе.

ВЫЗОВ ДЛЯ РОССИИ – НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МИРОВЫХ ПРОЦЕССАХ

А.А. Маслов – д.и.н., директор Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор НИУ ВШЭ, член РСМД

– Алексей Александрович, каковы, на Ваш взгляд, основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет?

– Самый главный успех – это реконструкция внешней политики России, которая стала не столько реактивной, сколько инициативной и наступательной. На мой взгляд, в 2000-е гг. Россия пыталась вписаться в некую парадигму международной политики, которая была ей нехарактерна, – представить себя как часть некоего большого коллективного Запада. Это не увенчалось успехом. Формально западная международная политика была готова принять российскую политику – естественно, на своих условиях. Это, с одной стороны, не давало России в полной мере реализовывать свои интересы, а с другой стороны, вызывало ряд вопросов у наших восточных партнеров. За последние 10 лет Россия действительно начала обретать самостоятельность мнения в политике, которая не стала ни проазиатской, ни прозападной, но абсолютно взвешенной и, главное, инициативной. Сегодня мы пытаемся влиять на мировые процессы, а не встраиваться в них.

Второе достижение – это существенная ориентация на восточных партнеров в самом широком смысле этого слова. Постепенно Россия возвращает во внешнеполитический дискурс понятие «сферы интересов».

Если проанализировать документы, которые подписывались с Китаем еще в 2000-х гг. и до этого, в ельцинскую эпоху, в них Россия выступает как младший партнер Китая: частично эта вторичная позиция отражена даже в базовом Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., который действует до сих пор. Сейчас мы видим, что Россия, хотя и заметно уступает Китаю в экономической мощи (почти в 10 раз), выработала свое понимание процессов в Азии и обладает самостоятельностью действий, диверсифицируя отношения с азиатскими партнерами. Очевидно, что Китай является и останется основным из них, но у России есть своя позиция и по японскому, и по корейскому, и по северокорейскому вопросам, а также интересы в Юго-Восточной Азии. Таким образом, третье достижение – значительно более взвешенная и диверсифицированная политика на азиатском направлении.

Представляется, что следующий этап – выработка в российской внешней политике глобального видения, которого России сейчас не хватает. У нас есть национальные интересы внутри страны, но для дальнейшего внешнего

общения нам важно сформулировать для наших партнеров за рубежом, как Россия видит будущий мир. Еще 10 или даже пять лет назад формулировать их было действительно рано. Но сегодня, когда удалось построить военную и экономическую политику, будет перестраиваться и формулировка внешнеполитических интересов.

И последнее: в России произошла серьезная консолидация мнений по поводу внешней политики. Сегодня РСМД и другие крупные организации сумели консолидировать профессионализм мнений. Мы понимаем, на каких экспертов можно опираться в оценке мнений, при этом эксперты могут быть с самими противоположными суждениями, но они базируются на профессиональном опыте.

– На Ваш взгляд, насколько эффективно реализуется сейчас российская внешняя политика в АТР? Какой она должна быть в ближайшие годы, чтобы быть наиболее эффективной?

– Во-первых, АТР – это очень тяжелый регион для реализации внешней политики. Во-вторых, он очень разный. Даже само понятие Азиатско-Тихоокеанского региона было создано не в рамках российской внешней политики, а как некий конструкт американской внешней политики, и объединяет страны очень непохожие по своему развитию и тенденциям. С одной стороны, к АТР относятся США и, например, Канада и даже Чили, с другой – Китай, и эти страны не похожи друг на друга ни в состоянии экономики, ни в своих желаниях. Поэтому никакой единой политики России по отношению к АТР быть не может.

Если мы говорим об азиатском направлении, прежде всего, политика становится более успешной. Во-первых, наблюдается парадокс: Россия не является крупным экономическим игроком в Азии, и присутствие российской экономики составляет менее 2%, но ее роль как политического партнера довольно высока. Проблема заключается еще и в том, что Россия никем не воспринимается как страна в Азии, – ни Китаем, ни Японией. Но не воспринимается она и как часть Запада, имея самостоятельное лицо. Как раз самостоятельность – то, чего мы добились за последние 10 лет. У России выстроились хотя и разные, но разумные отношения со всеми азиатскими партнерами.

В отношениях с Китаем самое большое достижение – это не развитие торговли, что часто приводится в пример, а то, что мы смогли преодолеть некоторые конъюнктурные соображения, проблемы и трения. Когда западные партнеры указывают, что у России и Китая очень много и реальных, и потенциальных противоречий, например, различные цивилизационные устремле-

ния, возможные трения в районе Центральной Азии и даже за ее пределами, в Африке или в Латинской Америке, с этим отчасти можно согласиться. Но Россия и Китай, прежде всего Россия, научились преодолевать подобные конъюнктурные соображения – видеть цель и не обращать внимания на мелкие трещины.

России удалось закрепиться на позитивных позициях в отношениях с Японией. Долгие годы Токио пытается втянуть Москву в спор об островах и свести решение практически любого экономического, культурного вопроса к обсуждению мирного договора и так называемых северных территорий. Мы понимаем наших японских партнеров, потому что это важно и с точки зрения внутренней политики. Мы говорим о готовности продолжать диалог, но при этом научились выходить на решение экономических проблем.

Россия стала серьезным игроком на северокорейском направлении. Хотя здесь Китай и США играют первую скрипку, очень важно, что Россия и Китай заняли консолидированные позиции. Не требуя моментального разоружения Северной Кореи и отдавая отчет в том, что КНДР тоже необходимо защищать свои интересы, они при этом четко стоят на позиции, что Корейский полуостров должен быть денуклеаризирован.

Начинают восстанавливаться отношения России с Юго-Восточной Азией. Хотя этот регион и ранее привлекал внимание Москвы, долгое время мы просто не понимали, что нам делать. Но Россия сумела предложить Азии, в том числе и Юго-Восточной, проекты Евразийского экономического коридора, Евразийского экономического союза. Вьетнам и Сингапур, которые никогда не считали и вряд ли будут считать себя Евразией, да и формально ей не являются, начинают поддерживать экономическую идею и саму по себе идею объединения на основе каких-то экономических и, возможно, политических устремлений.

За счет Евразийского экономического коридора Россия сумела стать самостоятельным игроком и действовать рядом, но не вместе с Китаем. Напомню, что в адрес России звучали постоянные обвинения – как внешние, так и внутренние – в следовании в фарватере китайской политики. Сегодня Москва и Пекин выдвинули две параллельные интеграционные схемы. Россия – наверное, единственная из крупнейших стран, не ставшая частью китайской Инициативы пояса и пути, при этом высказывающая одобрение этого проекта. Это разумная политика.

Сейчас Россия нашла равновесие в своей азиатской политике, просто политика в АТР более разнообразна. У нас есть площадка ШОС, есть часть площадки БРИКС в Азии, где находятся Индия, Китай и Россия, и теперь этими рычагами пора начинать пользоваться.

– Чего не хватает российско-китайским отношениям на современном этапе? Какие меры могли бы помочь сблизить россиян и китайцев?

– Если бы мне пришлось писать книгу о российско-китайских отношениях, я бы назвал ее «*The History of Misunderstanding*». Часто бывает, что даже если Москве и Пекину кажется, что взаимопонимание установлено и страны подошли к некоей точке корреляции, на самом деле это точка недопонимания, потому что подходы существенно различаются. Китайская сторона очень часто выдвигает не предложения, а готовые решения. Например, такая ситуация произошла более 15 лет назад, когда КНР сообщила о создании Университета ШОС. В ответ Москва в 2008 г. вышла с предложением о многостороннем Сетевом университете ШОС, который существует и сегодня.

И в области внешней политики, и в сфере торговли, бизнеса существует большое количество стереотипов. Мы сейчас не говорим о небольшом слое профессионалов и с китайской, и с российской стороны; их доля невелика и в России, и в Китае. Россия не понимает китайский бизнес точно так же, как Китай не понимает российский бизнес. Хотя много раз говорилось о том, что нам необходимо проводить курсы не только для бизнесменов, но и для представителей федеральных и местных органов.

Действительно, нет необходимости обучать людей деловому общению с партнерами из Европы или США, потому что мы работаем в тех же самых парадигмах. А вот общению с Китаем, Японией, Южной Кореей необходимо учиться специально. Каждый считает необходимым создать новый российско-китайский университет, любой российский университет говорит о привлечении тысяч китайских студентов для обучения. Точно так же китайские миссионеры приезжают в Россию для создания совместных лабораторий, центров. В результате инициативы не приносят значительных результатов, потому что никаких выводов из уже существующего опыта сотрудничества не было сделано.

Чтобы преодолеть это препятствие, необходимо шире распространить информацию. Мы боимся оскорбить китайских партнеров, но я думаю, что они не оскорбятся, потому что мы говорим, на самом деле, о наших ошибках. Нам давно пора серьезно перестраивать и китаеведческое образование, и китаеведческую экспертизу в их взаимосвязи: не базироваться на одном-двух институтах или университетах, которые исторически являются сильными, а распространять эту практику повсеместно, модернизировать курсы, подходы, вводить новые методологии исследования. Все сложные методологии должны выливаться в простые прагматичные решения для бизнеса и государства, и тогда мы выйдем на новый уровень российско-китайских отношений.

– На Ваш взгляд, с какими главными вызовами России предстоит столкнуться в ближайшие годы, может быть, в ближайшие 10 лет на глобальной арене, и что Россия могла бы сделать, чтобы справиться с ними?

– Во-первых, стоит понимать, что есть внутренние вызовы, которые исходят от России и на которые Россия может найти ответ, и есть вызовы, которые исходят от глобальной ситуации. Как ни странно, вызов от России – это необходимость создания своей самостоятельной идентичности в мировых процессах. Это очень сложный момент, потому что идентичность создается не только нашим желанием, но и пропагандой, контрпропагандой, которая ведется на всех уровнях. Иногда это делается намеренно, но иногда это связано с некими устоявшимися стереотипами. Это тот вызов, с которым мы будем сталкиваться, потому что партнеры – не важно, американские или китайские, – должны четко понимать, кто мы такие.

Что касается глобальных вызовов, будет дальнейшая атомизация мировой структуры. Необходимо не просто призывать к воссозданию единой структуры, в реальности это сделать очень сложно за счет таких лозунгов. Надо избегать ситуаций, когда идея подпитывается некими стимулирующими средствами, как каким-нибудь наркотиком подпитывается организм спортсмена.

Мы должны понимать, что у мира будет многоцентричность, и эта многоцентричность будет взаимопроникающей. Раньше мир социализма и мир капитализма были независимыми, это были замкнутые контуры. Сейчас все блоки будут взаимозависимыми, и России придется создавать в рамках этого оползания мировой структуры свою сферу интересов. Это могут быть и страны, и регионы, причем эти регионы могут принадлежать и к другим блокам. Количество конфликтов будет возрастать. Россия в данном случае может играть роль медиатора. Мы хорошо сыграли эту роль в последнем индо-китайском конфликте, и, на мой взгляд, довольно сложно ее сыграли в азербайджанско-армянском конфликте. Таких конфликтов будет много, и они будут иметь место в рамках одних организаций. Второй глобальный вызов связан с борьбой за ресурсы. Третий вызов – это попытки других стран создать параллельные, точнее – альтернативные российским проектам структуры. Китай, например, активно лоббирует создание альтернативной кибервалюты, которая должна постепенно вытеснять доллар. Это неплохая идея, но не очень понятно, как это будет происходить в реальности. Нас ждет, вероятно, создание параллельных структур в виде замкнутых суверенных «интернетов», социальных сетей. Я не исключаю, что у нас будет два или три стандарта. Мир становится значительно более многофакторным, и, как следствие, вызовы могут быть самые разные. Россия находится перед выбором: либо стать частью многочисленных конфликтов, либо подняться над схваткой и выступить в роли медиатора и

генератора новых идей. Сегодня это стремится сделать Китай. У России для этого больше возможностей, в частности – опыта дипломатической работы и участия в международных отношениях. России есть, какие идеи выдвигать, но важно, чтобы они были консолидированными, чтобы они сплачивали не только кого-то вокруг России, но и внутри России сплачивали нацию.

СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНТЕГРАЦИЯ – БУДУЩЕЕ АТР

И.В. Моргулов – заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, член Президиума РСМД

– Игорь Владимирович, какими будут приоритеты российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе в ближайшие годы?

– АТР для России – если можно так выразиться, «родной» регион, где мы присутствуем политически, экономически, цивилизационно уже не одно столетие. Мы нацелены на дальнейшее поступательное развитие взаимовыгодного созидательного сотрудничества по самому широкому спектру направлений со всеми заинтересованными региональными партнерами. Здесь в последние годы идет весьма интенсивное интеграционное строительство, конечным итогом которого, как мы надеемся, станет формирование единого бесшовного пространства Большой Евразии. Соответствующий фундамент закладывается уже сейчас. Россия активно участвует в этой работе, предпринимая как в двустороннем плане, так и на многосторонних площадках активные шаги в интересах сопряжения различных региональных контуров взаимосвязанности.

В числе приоритетов – развитие экономических связей. Товарооборот России с партнерами из АТР, несмотря на продолжающуюся пандемию, по итогам первых пяти месяцев 2021 г. увеличился на 23,4% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. – до 98,5 млрд долл. Это – в том числе результат усилий по хозяйственной модернизации российского Дальнего Востока. Уверенно растут объемы его торговли с такими региональными «локомотивами» и близкими друзьями России, как Китай и Индия. Уже в 2021 г. данный показатель превысил 4 млрд долл.

В различной степени готовности находятся около 80 инвестиционных проектов в преференциальных режимах территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток. Среди «свежих» инициатив с участием зарубежных партнеров – строительство Амурского газохимического комплекса, проработка вопросов сооружения в Приморском крае Корейского индустриального парка и морского перегрузочного терминала «Подъяпольский». Дополнительный импульс реализации уже имеющихся планов и запуску новых проектов придает ежегодно проводимый во Владивостоке Восточный экономический форум, который уже утвердился в качестве авторитетной площадки диалога региональных политиков и представителей деловых кругов.

Отдельное внимание мы уделяем укреплению многосторонних форм кооперации и сетевой дипломатии. Уверены – будущее за странами и объединениями, которые работают, руководствуясь принципами верховенства меж-

дународного права, уважения законных интересов друг друга, равноправия, невмешательства во внутренние дела, мирного урегулирования споров, неприменения силы или угрозы силой.

Мощным потенциалом позитивной кооперации обладает АСЕАН. В 2021 г. отмечается двойной юбилей – 30-летие отношений с Ассоциацией и 25-я годовщина установления полномасштабного диалогового партнерства. Это знаменательные события для России, выступающей за укрепление в АТР инклюзивной архитектуры, ядром которой являются «десятка» и асеаноцентричные механизмы. Основой такой системы должна стать равная и неделимая безопасность.

Евразийский вектор российской внешней политики неразрывно связан и с другим динамично развивающимся объединением – Шанхайской организацией сотрудничества. Наглядные показатели ее высокого «класса» – солидная нормативно-правовая база и насыщенная повестка дня в сферах безопасности, трансграничной взаимосвязанности, противодействия новым вызовам и угрозам, постпандемического восстановления. Неслучаен все больший интерес к ШОС со стороны партнеров по региону. В ее «портфеле» сейчас 16 заявок на получение того или иного статуса в Организации, представляющих дополнительный ресурс для работы с самым широким географическим охватом – от Юго-Восточной и Южной Азии до Ближнего Востока и Северной Африки.

Такая эволюция шосовской «семьи» – в дополнение к тому вкладу в региональное развитие, который вносят Евразийский экономический союз и АСЕАН – позволяет говорить и о новых ориентирах для Большого Евразийского партнерства. Из этих общеконтинентальных тенденций, правда, пока «выпадает» сегмент ЕС. Но и в Евросоюзе, надеюсь, в конечном счете осознают упущенную выгоду и присоединятся к панъевразийской кооперации.

– Стратегическая обстановка в АТР становится все более турбулентной. Какие точки, на Ваш взгляд, будут наиболее проблемными для российских национальных интересов? Какие меры могли бы способствовать укреплению доверия в регионе?

– Ситуация в АТР действительно целенаправленно разогрывается. Множатся попытки нарушить сложившийся баланс, расшатать, а затем и вовсе демонтировать неплохо работавшие здесь до сих пор механизмы межгосударственного взаимодействия. Нарастают усилия, направленные на то, чтобы оттянуть часть ресурса существующих многосторонних объединений в альтернативные «клубы по интересам», функционирующие в логике «свой – чужой».

Под лозунгами «свободного и открытого индо-тихоокеанства» в регионе разворачивается «большая игра» XXI в. в целях удержания доминирования Запада.

В ход идут все доступные методы. Задействуется силовая компонента, последовательно разрушается каркас хозяйственно-технологических связей – все для того, чтобы перестроить региональную архитектуру под обеспечение интересов узкой группы стран. И это в условиях, когда и мир в целом, и АТР в частности стоят перед лицом глубокого кризиса, спровоцированного пандемией COVID-19, и требуется объединение конструктивных усилий всех партнеров в вопросах безопасности в самом широком смысле социальной жизни и экономического развития. Убежден, создание новых разделительных линий не принесет Евразии никаких дивидендов, поскольку идет вразрез с ее «интеграционным мейнстримом» и тенденцией к синергии потенциалов как отдельных государств, так и многосторонних объединений.

Безопасности АТР явно не добавит и курс НАТО на глобализацию своей «зоны ответственности» с покрытием – после провала в Афганистане – Юго-Восточной Азии. С учетом известных блоковых подходов евроатлантистов и плачевных итогов их деятельности в том же Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии не сложно предугадать, какими могут быть последствия прихода натовцев в регион.

Сейчас важно не допустить, чтобы ситуация здесь сорвалась в пике. Появление новых горячих точек на карте мира не отвечает интересам Азии. Направление сюда внерегиональными игроками авианосных ударных групп ни в коей мере не способствует укреплению доверия. На смену анахронизму тотального сдерживания должно прийти осознание выгод от перехода в систему координат общеконтинентального сотрудничества, налаживания прочных, взаимодополняющих хозяйственных связей, решения проблем путем уважительного диалога и учета интересов друг друга.

Именно такими подходами мы руководствуемся в работе на региональных многосторонних площадках, включая ШОС, диалоговое партнерство Россия – АСЕАН, Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Совещание министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами, форум «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество». Предлагаем партнерам практические инициативы в актуальных сегодня областях борьбы с инфекциями, поддержки туризма и малого предпринимательства, развития удаленных территорий и т.п.

– Какое воздействие окажет рост американо-китайских противоречий на безопасность и стабильность региона, и какие угрозы он несет для России?

– Американо-китайские противоречия, безусловно, – ключевой фактор усиления нестабильности в АТР. Негатив «выплескивается» прежде всего в военно-политическую сферу. Серьезную озабоченность в проекции на регион у нас вызывает отказ США от ряда важных международных договоренностей

в сфере контроля над вооружениями. Обеспокоены намерениями Вашингтона разместить в регионе системы ПРО, а также ракеты средней и меньшей дальности, что в сочетании с наращиванием потенциала высокоточного неядерного оружия, способного решать стратегические задачи, неминуемо приведет к подрыву региональной и глобальной безопасности.

Попытки США сдержать рост Китая, а заодно и изолировать Россию ведут к появлению новых разделительных линий. Свежий пример – запущенная американцами под эгидой «Группы семи» инфраструктурная инициатива «*Build Back Better World*». Внешне выглядит привлекательно. Но истинная «начинка» этой затеи преследует цель строительства замкнутых платформ, ориентированных не на поиск совместных ответов на реальные вызовы и угрозы, а на противодействие политическим соперникам и экономическим конкурентам, их полное исключение из региональных и глобальных процессов.

В таком же ключе реализуется и напористо насаждаемая по всему миру, в том числе в АТР, концепция «основанного на правилах порядка», имеющая мало общего с международным правом. Причем эти правила заранее не декларируются, а пишутся отдельно под каждую конкретную ситуацию, чтобы, когда понадобится, «вывернуть» ее в пользу авторов данной парадигмы.

Представители многих государств Азии в последнее время прямо говорят о вреде подобных методов для решения реальных задач развития, стоящих перед регионом, указывают на неприемлемость раскручивания конфронтационной спирали между основными центрами силы, бесперспективность насаждения селективных подходов. Некоторые уже открыто призывают Вашингтон и его единомышленников не ставить их перед искусственным выбором «с нами или против нас» в борьбе с Китаем.

Попытки же Запада вбить клин в российско-китайские отношения заведомо обречены на провал. Наши связи самоценны по своей природе, имеют сильную внутреннюю мотивацию и не подвержены сиюминутной международной конъюнктуре. Они отличаются зрелостью, носят конструктивный и устойчивый характер, служат развитию двух стран, представляя собой образец гармоничного сосуществования крупных государств в XXI в. и взаимовыгодного сотрудничества между ними.

Обострение соперничества между США и КНР не способно повлиять на взятый Москвой и Пекином магистральный курс на развитие диверсифицированного многопланового сотрудничества. Данный стратегический выбор безальтернативен для наших двух государств не из-за внешних факторов, а прежде всего в силу обоюдной заинтересованности в том, что мы можем предложить друг другу в экономическом, научно-техническом, оборонном плане, а также во взаимной политической поддержке при отстаивании общих задач и приоритетов.

РОССИЯ ОТСТОЯЛА СВОЕ ПРАВО БЫТЬ ОДНИМ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ИГРОКОВ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

А.Н. Панов – д.полит.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол России, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, член РСМД

– Александр Николаевич, каковы, на Ваш взгляд, основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет?

– Успехи не носят системный характер, хотя в совокупности свидетельствуют прежде всего о том, что Россия отстояла свое право не только считаться, но и по факту быть одним из важнейших игроков на мировой арене. Этот факт принят мировым сообществом, с ним вынуждены считаться даже те страны, которым он не по нраву. Сегодня они усиленно работают над тем, чтобы принизить или дискредитировать эту роль России.

К достижениям во внешней политике Москвы можно отнести воссоединение Крыма с Россией, развитие при во многом руководящем участии России ШОС и БРИКС, эффективный ответ на санкции коллективного Запада, успех в Сирии, хотя он преимущественно связан с военными действиями при отсутствии видимых дипломатических успехов. В целом подтверждается аксиома о том, что авторитет и влияние государства зиждется на политическом и экономическом суверенитете, на сильном военном потенциале и умелом дипломатическом маневрировании.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Один из главных вызовов – начавшаяся гонка вооружений, основанных на новых принципах. Хотя СНВ-3 и был продлен, определять стратегическую стабильность будут уже не только вооружения, подпадающие под его ограничения. На данном этапе абсолютно не ясно ни как будут решаться проблемы, связанные с принципиально новыми видами оружия, ни каковы будут расходы на их создание. Хорошо известно, к чему привела гонка вооружений в советское время.

Важнейший вызов – обстановка по периметру российских границ, на постсоветском пространстве. Существует мнение, что проблемы в новых государствах – это «детская болезнь роста», и России целесообразно не вме-

шиваться, а подождать, когда они «сами повзрослеют и разберутся». Однако такие «разборки», скорее всего, будут иметь весьма негативное воздействие не только на международные позиции России, но и на внутреннюю ситуацию в стране. Определение эффективной политики на постсоветском пространстве остается крайне важной задачей для Москвы.

– В 2010-х гг. Россия начала уделять растущее внимание сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в АТР? Какой должна быть конфигурация российской внешней политики в регионе в ближайшие годы?

– Обстановка в АТР весьма благоприятна для России: нет внешних угроз, есть возможности для активной политической и экономической деятельности. Большинство стран региона рассматривают Россию в качестве естественного партнера и в то же время как стабилизирующую силу. Главная проблема заключается в том, что Москва регулярно выступает с политическими инициативами, но не в состоянии сделать то же самое в экономической сфере в силу недостаточного развития территорий Дальнего Востока.

– На каких направлениях, на Ваш взгляд, может развиваться наиболее эффективное двустороннее взаимодействие между Россией и Японией?

– Среди стран Запада Япония на протяжении более чем пяти последних лет демонстрировала наиболее доброжелательную позицию в отношении России. Она фактически не присоединилась к режиму санкций, не перестала предоставлять кредиты российским компаниям (заметим, что китайские компании, испугавшись западных «репрессалий», остановили кредитование), выдвинула План экономического сотрудничества из восьми пунктов. Активно развиваются политические и военные контакты на самом высоком уровне. Президент России В.В. Путин и бывший премьер-министр Японии С. Абэ встретились за этот период 27 раз.

Конструктивная позиция Японии была связана с курсом С. Абэ, который серьезным улучшением отношений с Россией планировал решить триединую задачу: создать условия для разрешения территориальной проблемы путем подписания мирного договора, обезопасить Японию от возможного российско-китайского союза антияпонской направленности и повысить самостоятельность своей страны в отношениях с США.

С. Абэ радикально изменил прежде «принципиальную позицию» Токио о возвращении четырех островов и согласился вести переговоры на основе ст. 9 Совместной декларации 1956 г., в которой говорилось о готовности

СССР передать Японии острова Хабомаи и Шикотан после подписания мирного договора. В целом это открывало путь к переговорам по существу, которые начались в 2019 г., но застопорились. Хотя о содержании переговоров стороны не сообщали, по косвенным признакам можно заключить, что расхождение состояло в принципиальном подходе к содержанию договора. Если японская сторона полагала, что он будет определять только судьбу двух островов, то российская сторона видела договор как комплексный документ, закладывающий основы для принципиально нового качества российско-японских отношений. Как можно предполагать, в настоящее время переговоры фактически не ведутся в связи с невозможностью проведения личных встреч во время пандемии, а также с приходом к власти в Японии нового премьер-министра Е. Суга. Насколько он будет привержен курсу С. Абэ, неизвестно. Не исключен и откат в «пророссийской» политике Японии, что, безусловно, было бы не в российских интересах.

Чтобы избежать ухудшения российско-японских отношений весьма важно преодолеть пассивное, а порой и ничем кроме эмоций не оправданное, критическое отношение российской политической, а вместе с ней и экономической элиты, по-прежнему повернутой на Запад, к ведению дел с Японией.

Радикальное улучшение отношений с Японией предоставило бы России стратегическое преимущество в АТР, особенно в отношениях с Китаем и США.

ПЕРЕД РОССИЕЙ СТОЯТ МАСШТАБНЫЕ ЗАДАЧИ ВЫСТРАИВАНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА СО ВСЕМИ ЗАРУБЕЖНЫМИ ПАРТНЕРАМИ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

И.В. Поляков – генеральный директор Межгосударственной Корпорации Развития, председатель Делового совета Россия – АСЕАН, заместитель председателя Российско-Китайского делового совета, член РСМД

– Иван Викторович, каковы, на Ваш взгляд, основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет?

– Считаю, что последнее десятилетие было весьма насыщенным для внешней политики России. Международная обстановка складывается достаточно непросто, структура международных отношений продолжает усложняться. Перед Россией стоят масштабные задачи, связанные с выстраиванием равноправного и взаимовыгодного сотрудничества со всеми зарубежными партнерами с целью обеспечения благоприятных внешнеполитических условий для устойчивого социально-экономического развития государства.

Россия планомерно ведет работу по консолидации международного сообщества в борьбе с терроризмом и укреплению основ стратегической стабильности. Достаточно эффективно проводится работа по содействию устранению очагов напряженности и разблокированию региональных конфликтов.

Хотелось бы отметить роль России в развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, а также деятельность таких структур многостороннего взаимодействия, как БРИКС, ШОС, ОДКБ, созданных при инициативной роли Москвы.

В связи с этим в первую очередь хотелось бы отметить роль российского внешнеполитического ведомства, профессионализм, эффективность и слаженность работы наших дипломатов, умение работать в кризисных ситуациях.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Существенное негативное влияние на развитие мировой экономики оказывают так называемые торговые войны, а также применение ограничительных экономических мер в отношении отдельных государств, проводящих самостоятельную внешнюю и экономическую политику. Полагаю, что в среднесрочной перспективе не стоит рассчитывать на кардинальное изменение

ситуации. В этих условиях России важно продолжить работу над формированием предпосылок для дальнейшей диверсификации экономики, закрепления своей особой роли, статуса и миссии в международных отношениях, а также активно развивать взаимовыгодное торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество с зарубежными партнерами.

– В 2010-х гг. Россия начала уделять растущее внимание сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в АТР? Какой должна быть конфигурация российской внешней политики в регионе в ближайшие годы?

– В последние десятилетия мы наблюдаем возрастающую роль Азиатско-Тихоокеанского региона в мире, в том числе и в экономическом контексте: многие из стран АТР являются мировыми лидерами по темпам экономического роста. Россия, в том числе являясь частью огромного Азиатско-Тихоокеанского региона, выстраивает равноправное, доверительное и взаимовыгодное партнерство со всеми региональными государствами.

С некоторыми из стран АТР, в частности с Китаем, Вьетнамом, Таиландом, Лаосом, Камбоджей, у России сложились исторически тесные отношения в политической, экономической и гуманитарной сферах. Нам, к сожалению, не в полной мере пока удастся реализовывать эти преимущества, и сейчас, полагаю, эти возможности необходимо использовать, расширять дальнейшее сотрудничество, раскрывать новые перспективы взаимодействия со всеми государствами АТР, в том числе с нашими традиционными партнерами.

Поступательно развивается взаимодействие России со странами АТР как в двустороннем, так и в многостороннем форматах. В частности, активно развивается сотрудничество со странами АСЕАН. В 2016 г. в ходе юбилейного саммита Россия – АСЕАН в Сочи стороны взяли курс на продвижение к стратегическому партнерству, и уже в 2018 г. было подписано совместное заявление о повышении диалоговых отношений Россия – АСЕАН до уровня стратегического партнерства. Это важное достижение в политическом и прежде всего в экономическом смысле.

Считаю, что усилению дальнейшей экономической кооперации будет способствовать взаимодействие со странами АТР в рамках региональных интеграционных объединений, в том числе в рамках Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и объединения БРИКС.

– Последние годы активно обсуждается развитие торгово-экономического сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН, в том числе создание зон свободной торговли. Как Вы считаете, что является более перспективным: налаживать институциональные связи или продолжать развивать взаимодействие России с отдельными странами региона? Какие отрасли обладают наибольшим потенциалом для взаимных инвестиций и совместных проектов?

– Россия с 1996 г. является полноформатным диалоговым партнером АСЕАН. За эти годы удалось добиться значительного прогресса в торгово-экономической сфере, созданы работающие механизмы взаимодействия. А в 2018 г. на полях саммита Россия – АСЕАН был подписан меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и АСЕАН в области экономического сотрудничества, что создало хорошую базу для выстраивания отношений между двумя наднациональными институтами.

Взаимодействие России с отдельными странами региона АСЕАН неразрывно связано с выстраиванием институционального сотрудничества по линии ЕАЭС – АСЕАН. Полагаю, эти направления сотрудничества взаимно дополняют друг друга. Положительным фактором считаю наличие зон свободной торговли ЕАЭС с Вьетнамом и Сингапуром. Как известно, только по итогам 2017 г. – первого года после подписания соглашения о зоне свободной торговли – товарооборот России и Вьетнама показал рекордный рост в 35%.

Значимыми направлениями взаимодействия выступают цифровая трансформация экономики, внедрение высокотехнологичных решений. Также приоритетными направлениями являются промышленная кооперация, авиастроение, поставка и переработка экологически чистой сельскохозяйственной продукции. И, конечно же, взаимодействие в борьбе с инфекционными заболеваниями, в том числе производство и использование вакцины против коронавируса.

– Российско-китайская торговля поступательно растет, однако динамика инвестиционного взаимодействия невысока. В чем Вы видите причины этого дисбаланса и в чем – потенциальные возможности для наращивания партнерства?

– Китай является стратегическим партнером России, это очевидно по всем показателям, в том числе по уровню товарооборота. При этом необходимо понимать, что инвесторы всегда выбирают прагматичный подход, исходя из собственных интересов. Считаю, что перспективы развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества хорошие. В частности, в реали-

зации крупных совместных проектов в сфере энергетики и промышленной кооперации, развитии транспортной инфраструктуры, использовании транзитного потенциала для взаимных поставок. Ведется работа над повышением в торговом обороте доли продукции машиностроения.

И, конечно же, большое значение имеет развитие сотрудничества в рамках региональных интеграционных объединений и проектов. В первую очередь, имеется в виду реализация масштабных двусторонних экономических проектов в рамках сопряжения Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс, один путь».

ПРИОРИТЕТОМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И ВПРЕДЬ ОСТАНУТСЯ ИНТЕРЕСЫ НАШЕГО НАРОДА

С.Ф. Санаков – президент АНО «Центр исследований АТР», эксперт Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств, заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы, член РСМД

– Сергей Феликсович, каковы, на Ваш взгляд, основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет?

– На мой субъективный взгляд, основным успехом России во внешней политике за последние 10 лет можно считать укрепление и продвижение российских государственных суверенных интересов на международной арене – тренд, которой был задан президентом России В.В. Путиным в 2007 г. в Мюнхене.

Подъем России вызывает раздражение коллективного Запада во главе с их самопровозглашенным гегемоном. Очевидно, что и России осуществлять политику «Господин Нет» гораздо сложнее, чем политику «Господин Да». Тем не менее, опираясь на Великую Победу в последней мировой войне и на достижения нашего героического народа, Россия решительно отстаивает справедливость и безопасность в мире на основе международного права, стремится к многополярности и мультилатерализму. Уверен, приоритетом внешней политики России и впредь останутся интересы нашего народа – не только в России, но и в бывших республиках Советского Союза и других частях света.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– На мой взгляд, ситуация с распространением новой коронавирусной инфекции является лишь поводом для тех процессов, которые были запущены в мире и вызывают возросшую турбулентность и неопределенность.

Кризис существующего миропорядка, раздираемого противоречиями, обусловлен глубоким заблуждением Запада о «победе» в холодной войне. Мы не можем об этом не вспомнить, если хотим дать объективный прогноз нашего будущего. Как известно, холодная война была развязана практически сразу после окончания Второй мировой войны и представляла собой не просто конкуренцию между странами-победительницами, а принципиальную борьбу двух систем мирового развития – капиталистической и социалистической.

С разрушением СССР западные страны сочли себя победителями и с усиленным рвением продолжили расширять зону своего влияния. Но вместе с тем они не учли стремительный подъем китайского социализма, а затем – и возрождение России. Отсюда и агония системы, скоропалительное переписывание на ходу основных стратегий, объявление своими основными врагами «России, Китая и терроризма».

Поэтому, на мой взгляд, в среднесрочной перспективе Россию ожидает серьезное противостояние с Западом в целом и с США в частности. Приход к власти в Вашингтоне демократов и стоящих за ними сил только усугубляет наши противоречия. Можно было выразить осторожный оптимизм после российско-американского саммита в Женеве в 2021 г., но по прошествии времени оптимизм растворяется. Хотелось бы верить, что разум не позволит ожидаемым различным формам гибридной войны перейти в стадию войны разрушительной. Для этого России необходимо укреплять отношения с нашими соседями и, прежде всего, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

– В 2010-х гг. Россия начала уделять растущее внимание сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в АТР? Какой должна быть конфигурация российской внешней политики в регионе в ближайшие годы?

– Ускоренное развитие российского Дальнего Востока и интеграция российской экономики в быстро растущий рынок Азиатско-Тихоокеанского региона в уходящем десятилетии стали частью приоритетной национальной политики. Сделано немало. Но, на мой взгляд, требуется гораздо больше. Прежде всего, необходимо более значительное развитие транспортной инфраструктуры: малой авиации, железнодорожной сети, автомобильных дорог, мостов, портов и т.д. Во-вторых, необходимо мотивировать развитие производительных сил, создавать особые экспериментальные условия в налоговой системе, стимулировать рост населения. В-третьих, направить государственные ресурсы на создание приоритетных отраслей экономики, в первую очередь на развитие сельского хозяйства. Производство экологически чистой сельхозпродукции на Дальнем Востоке имеет уникальные перспективы экспорта на растущие рынки Азиатско-Тихоокеанского региона.

Россия должна усилить работу по интеграции экономики в АТР, используя все возможные площадки взаимодействия. Необходимо создать настолько привлекательные условия для внешних инвесторов, чтобы у них не только не было сомнений в целесообразности инвестиций в российский Дальний Восток, но и существовала конкуренция за присутствие в регионе среди инвесторов из Китая, Кореи, Японии и других стран. Опыт соседнего Китая по-

казывает, насколько успешной может быть в экономике политика открытости и создания благоприятных условий для инвесторов.

– Какие новые сектора и направления экономического и гуманитарного сотрудничества России и Китая выйдут на передний план в среднесрочной перспективе?

– Как мы знаем, 28 июня 2021 г. главы России и Китая в формате видеоконференции приняли заявление о продлении срока действия Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, которому в 2021 г. исполнилось 20 лет, еще на пять лет. Президент РФ В.В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подтвердили характер отношений стран как «всеобъемлющее стратегическое партнерство, вступающее в новую эпоху». Но что на практике может означать новая эпоха российско-китайского сотрудничества? На мой взгляд, это расцвет добрососедства и слаженного взаимодействия. Наши оппоненты упрекают нас, что мы не достигли союзнических отношений. Я же уверен, что мы их переросли. Как выразился председатель КНР Си Цзиньпин: «Россия и Китай спиной к спине стоят на страже своих суверенных интересов». Страны одинаково видят, каким должно быть мироустройство в ближайшем будущем.

Для достижения совместно поставленных целей России и Китаю необходимо усилить торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество. Стороны наращивают взаимодействие в традиционных отраслях: освоение космоса, атомная энергетика, авиастроительная индустрия, IT. Мы унифицируем цифровое пространство, что позволит нам уже в ближайшее время создать безопасные и независимые информационные системы, к примеру, платежную систему, аналогичную SWIFT, и даже альтернативу Интернету. Страны в значительной мере перевели платежи в двусторонней торговле в национальные валюты. Этот процесс продолжится до полного исключения долларов США из российско-китайских контрактов. Ожидается ускоренный рост сотрудничества в строительной отрасли. В соответствии с достигнутым соглашением Центра исследований АТР с Китайской ассоциацией зарубежного подряда и Ассоциацией строителей России китайские строительные компании мирового уровня начнут принимать участие в российских проектах государственно-частного партнерства со своим финансированием. Речь идет о строительстве объектов инфраструктуры, жилья, промышленных предприятий и т.д.

Совершенствуются и механизмы партнерства. Недавно был создан Российско-китайский центр сотрудничества в новую эпоху. Помимо реализации конкретных проектов, Центр организует Российско-китайский форум сотрудничества в новую эпоху. Форум станет площадкой, регулярно объединяющей правительственные и деловые круги двух стран для обсуждения наиболее ак-

туальных двусторонних проектов. В Москве завершается строительство международного делового центра «Парк Хуамин», который станет фактическим штабом нашего сотрудничества и домом нашей дружбы. Здесь будут созданы самые благоприятные условия для работы всех участников двусторонних связей и остальных желающих быть частью этого открытого процесса.

Россия и Китай продолжают наращивать «интеграцию интеграций» – сопряжение строительства ЕАЭС с инициативой Китая «Один пояс – один путь». Здесь речь идет не только о транспортных коридорах и даже не только об экономике, это и сотрудничество в гуманитарной сфере, развитие туризма, спортивных и культурных обменов. В целом усилиями таких организаций, как Общество российско-китайской дружбы, страны намерены поднять на новый уровень доверия и контакты между народами. Народы России и Китая совместно способны сохранить в мире стабильность и безопасность, основываясь на признании Великой Победы во Второй мировой войне всемирным наследием человечества и вместе с другими народами мира создавая сообщество единой судьбы.

УДАЛОСЬ СОХРАНИТЬ ЖИВОЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР УЧАСТИЯ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССАХ

Н.В. Стапран – к.и.н., директор Департамента многостороннего экономического сотрудничества и специальных проектов Министерства экономического развития Российской Федерации, член РСМД

– Наталья Валерьевна, каковы, на Ваш взгляд, основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет?

– Атмосфера вокруг России за последние 10 лет значительно усложнилась – тут дело и в общей международной обстановке, и в специфических вызовах, стоящих перед страной. Несмотря на серьезное внешнее давление, России удалось сохранить живой и содержательный характер участия в международных процессах, закрепиться в ее традиционных конкурентных нишах и занять ряд новых.

Россия придает большое значение обеспечению устойчивой управляемости мирового развития, что требует коллективного лидерства ведущих государств, при полном уважении центральной координирующей роли ООН. В этих целях мы наращиваем взаимодействие с партнерами в рамках «Группы двадцати», БРИКС, ШОС, ОЭСР, АТЭС, АСЕАН, а также в рамках других структур и диалоговых площадок.

Почти 10 лет назад Россия председательствовала в АТЭС, и это было важнейшее событие с точки зрения позиционирования страны в Азии. В 2020 г. успешно провела председательство в БРИКС и ШОС. По линии «Группы двадцати» и ОЭСР Россия участвовала в разработке глобальных стандартов налогообложения, регулирования искусственного интеллекта, финансирования инфраструктурных проектов и др.

Важнейшей вехой последних 10 лет стало создание Евразийского экономического союза. У Москвы появилось полноценное интеграционное объединение с близкими ей странами, на которые она теперь может опираться в своей глобальной стратегии. Уже подписаны три соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) ЕАЭС с Вьетнамом, Сингапуром и Сербией, а также соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем. Ведутся переговоры о новых ЗСТ с Ираном, Египтом, Индией, Израилем.

Безусловно, пандемия COVID-19 перевернула наше понимание того, что такое успех. За счет изобретения первой зарегистрированной вакцины против коронавируса России удалось укрепить лидерство в сфере здравоохранения. «Спутник V» зарегистрирован уже в 65 странах с общим населением свыше 3,2 млрд человек.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Трудно не заметить коренные трансформации в глобальной экономике, политике, социальной жизни, технологиях. Пандемия коронавируса лишь подстегнула, ускорила структурные изменения, предпосылки для которых были сформированы уже достаточно давно. Одновременно с этим обострились накопившиеся в мире проблемы и дисбалансы.

Все большую актуальность приобретает повестка устойчивого развития как реакция на осознание долгосрочной нестабильности текущих моделей производства и потребления. Ключевым элементом этой повестки является проблема глобального изменения климата, однако темы социальной справедливости, неравенства, инклюзивности, сохранения биоразнообразия и территориальных дисбалансов также выходят на передний план. В мире растет запрос на экологические, социальные и управленческие стандарты. На уровне стран, финансовых институтов и организаций вводятся требования к раскрытию информации, особенно для компаний, ведущих международную деятельность. Компании оцениваются по уровню устойчивости и усилиям в области сокращения выбросов.

Вследствие четвертой промышленной революции и прогнозируемого скачка в производственных технологиях появляются новые рынки, возникает пространство для регулирования. Институты и законодательство, как правило, не успевают за технологическим прогрессом, что приводит к заметному отставанию регуляторных рамок от технологий. Регуляторные механизмы сами по себе становятся ареной конкуренции: технологические лидеры создают гомогенные пространства стандартизации вокруг доминирующих технологических платформ, надолго закрепляя зависимость реципиентов технологий от себя и ограничивая их возможность подключения к другим платформам. В большинстве прорывных технологий такие платформы сегодня формируются вокруг США и Китая, в отдельных случаях конкурентоспособную технологию могут представить Япония, Европейский союз или Россия.

Традиционные многосторонние институты не всегда оказываются способны вовремя среагировать на быстрые изменения структуры рынков, что еще больше снижает доверие к ним. Ответ на медлительность и низкую результативность работы крупных международных организаций многие страны видят в более гибких механизмах и механизмах с меньшим числом участников, сформированных чаще всего по географическому принципу, но часто и по ценностному или политическому.

Тренд на усиление регионализации представляет для России вызов главным образом потому, что экономика страны не встроена плотно в крупные азиатские или европейские рынки, а также входит в ограниченный круг зон свободной торговли. В краткосрочной перспективе такая недостаточная интегрированность позволит России быть менее подверженной удару от торговых войн, но в долгосрочной перспективе встает вопрос о специализации российской экономики в конкретных нишах несырьевого неэнергетического экспорта. Необходимо четко сформулировать для партнеров видение такой ниши.

Другой важный вызов для России – принадлежность одновременно к двум условным группам государств: старым и новым центрам силы. С одной стороны, Россия унаследовала статус постоянного члена Совета Безопасности ООН и является системообразующим элементом архитектуры многосторонней дипломатии и международного права. С другой стороны, она активно выступает за укрепление новых центров силы в дополнение к традиционным. Это осложняет формирование позиции по реформе ключевых институтов глобального управления и необходимости создания альтернативных институтов.

По сравнению со странами Запада Россия исторически обладает значительно меньшим опытом в области взаимодействия с бизнесом и третьим сектором при решении задач многостороннего экономического взаимодействия. В значительной степени это связано с подходами к регулированию отдельных отраслей экономики и вовлеченностью российских компаний в международную активность, однако на сегодняшний день такой подход часто ограничивает возможности участия в многосторонних дискуссиях и использования ресурсов других секторов общества для решения задач экономической дипломатии.

– В 2010-х гг. Россия начала уделять приоритетное внимание сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская экономическая политика в АТР? Как Вы оцениваете перспективы диверсификации российских экономических связей со странами региона, в том числе на базе многосторонних платформ?

– Азиатско-Тихоокеанский регион имеет ключевое значение для внешнеэкономической стратегии Российской Федерации как основной центр мирового экономического роста. Роль этого макрорегиона продолжает возрастать в системе внешнеэкономических связей не только России, но и большинства крупных экономик. В то же время АТР переживает ряд трансформаций, способных изменить условия для экономического сотрудничества России со странами региона, что обуславливает необходимость обновления нашей стратегии сотрудничества.

Несмотря на значительную долю АТР во внешней торговле России, ни для одной из ключевых стран региона доля России во внешнеторговом обороте не превышает 3% (самые высокие показатели у КНР – 1,8% экспорта, 2,5% импорта; Японии – 1% экспорта, 1,9% импорта; Республики Корея – 1,2% экспорта, 2,6% импорта).

В то же время на отдельных отраслевых рынках Россия имеет значительное присутствие. Среди поставщиков сырой нефти в Китай Россия занимает первое место, на рынках энергоресурсов Японии входит в «Топ-5» по ряду товаров. Для России возможности расширения присутствия ограничены такими объективными факторами, как размеры рынка, доля в мировом высокотехнологичном экспорте, географическая удаленность, недостаток опыта работы на региональных рынках, конкурентоспособность продукции.

Важнейшим преимуществом России на рынках АТР является почти полное отсутствие значимых противоречий в отношениях со странами региона. С большинством из них существует история конструктивных отношений, в том числе в стратегических отраслях. Этот фактор необходимо сохранять и использовать, избегая политизации экономических тем.

Выбор сфер и методов сотрудничества необходимо основывать на долгосрочных трендах и приоритетах развития АТР. Упор должен быть сделан на направлениях, которые будут сохранять актуальность в период до 2030 г. В ряде случаев реализация такой стратегии потребует диверсификации рынков и проектов, что может негативно отразиться на динамике экономического сотрудничества в ближайшие два-три года, но позволит достичь устойчивых результатов в будущем.

Формирование устойчивых и долгосрочных связей России с АТР возможно только с привлечением российского крупного, среднего и малого бизнеса, как государственного, так и частного, а также при тесном взаимодействии с зарубежным бизнесом – как локальным, так и региональным. В числе перспективных направлений для сотрудничества следует выделить гидроэнергетику, транспортную инфраструктуру, спутниковую навигацию, сжиженный природный газ, сельхозпродукцию, зеленые технологии и технологии «умного города», а также услуги в области атомной энергетики, транспорта и финансов.

КАРДИНАЛЬНОЕ УКРЕПЛЕНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ – ПРОЧНАЯ ОСНОВА ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

В.И. Трубников – Чрезвычайный и Полномочный Посол России, генерал армии, член дирекции ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, вице-президент РСМД

– Вячеслав Иванович, на Ваш взгляд, каковы основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет?

– Основные успехи российской внешней политики за последние 10 лет выразились, прежде всего, в упрочении государственной суверенности нашей страны. Не претендую на точность цитирования, но именно так считает наш министр иностранных дел С.В. Лавров. Моя личная оценка от его точки зрения не отличается. Могу лишь добавить немного деталей в поддержку этого утверждения. Россия подавила угрозу международного терроризма далеко на подступах к ее границам, а именно в Сирии. Возвращение Крыма в родные пенаты предотвратило геноцид русскоязычного населения полуострова наследниками бандеровцев. Активное посредничество России и российские миротворцы остановили кровопролитие в Нагорном Карабахе, подтвердив авторитет нашей дипломатии на постсоветском пространстве. Санкционное давление Запада не привело к международной изоляции России, а успехи импортозамещения, к примеру, подняли на крыло отечественное авиастроение: был разработан пассажирский самолет МС-21, способный конкурировать с боингами и аэробусами.

Мой взгляд на успехи нашей внешней политики был бы неполным, если бы я не упомянул крылатой фразы о союзниках российского государства в лице его армии и флота. Кардинальное укрепление и модернизация вооруженных сил России в течение последних 10 лет создали прочную основу для многовекторной и прицельной деятельности отечественной дипломатии, реализации ее творческого потенциала.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– В среднесрочной перспективе вряд ли можно ожидать большей предсказуемости и меньшей турбулентности окружающего нас мира. Кризисные явления в международных отношениях не исчезнут. Глобализм и национализм продолжают сосуществование и противоборство. В этих условиях для России

главными и долговременными вызовами останутся сохранение и поддержание международной стратегической стабильности и военно-политического паритета между различными центрами силы в складывающемся полицентричном мире, упрочение позиций РФ в качестве одного из таких центров. Противодействие санкционному и информационному давлению на Россию должно носить наступательный и упреждающий характер и быть подчинено цели создания благоприятных условий для внутривнутриполитического, экономического и социального развития нашей страны.

– В 2010-х гг. Россия начала уделять растущее внимание сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в АТР? Какой должна быть конфигурация российской внешней политики в регионе в ближайшие годы?

– С точки зрения своего географического положения, в частности протяженности береговой линии Тихого океана, Россия является крупнейшим государством Азиатско-Тихоокеанского региона. В то же время ее военно-политическая и экономическая роль в АТР существенно отстает от ее реального потенциала, освоение которого фактически началось во второй половине рассматриваемого десятилетия в результате так называемого «поворота на Восток». Без ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока, без позитивных сдвигов в демографии этих регионов нашей страны, без радикального совершенствования инфраструктуры этого богатого пространства России будет непросто конкурировать здесь с КНР, США или быть привлекательным партнером для АСЕАН. Цели и объекты нашей внешней политики в регионе должны определяться как с учетом принципов многостороннего сотрудничества в рамках АТЭС и АСЕАН, так и на основе двусторонних отношений с такими странами региона, как КНР, Япония, Индонезия и др. Можно также неоднократно пожалеть об утрате нашей базы Камрань во Вьетнаме, использование которой обеспечивало России морское присутствие как в Тихом, так и в Индийском океанах.

– В последние годы все острее проявляются противоречия между Китаем и Индией. Как Вы считаете, могут ли эти противоречия нанести ущерб партнерствам России с каждым из государств? Какой Вам представляется наиболее оптимальная стратегия Москвы в этих условиях? На Ваш взгляд, сохраняются ли перспективы укрепления взаимодействия в треугольнике Россия–Индия–Китай?

– Неурегулированность пограничной проблемы между Индией и КНР в Гималаях насчитывает уже шесть десятков лет. Вместо закрепленной междуна-

родным договором государственной границы стороны исходят в определении своей территории из так называемой «линии фактического контроля», которая под воздействием различных факторов, начиная от геодезических и вплоть до погодных, интерпретируется весьма неоднозначно, что периодически вызывает пограничные столкновения. По мере наращивания «военной мускулатуры» обеих стран и усилий США по вовлечению Индии в антикитайское окружение характер и интенсивность пограничных стычек между соседями обострились. Россия, заинтересованная в долгосрочном стратегическом партнерстве как с КНР, так и с Индией, не может не испытывать сложностей в связи с этим в выстраивании отношений с ними в рамках треугольника Россия–Индия–Китай. Но в то же время наличие трехсторонних связей содействует если не посреднической, то балансирующей роли России в отношениях двух азиатских гигантов. Дополнительные и еще далеко не полностью используемые возможности открывает участие Москвы, Пекина и Дели в ШОС. Членство в ШОС Пакистана может способствовать урегулированию и пакистано-индийских территориальных проблем.

Надеюсь, что реализация планов создания базы российского флота в Судане восстановит его присутствие в Индийском океане и поддержит стабилизирующую роль российской дипломатии в геополитически важном регионе мира. Эта роль, несомненно, будет содействовать нейтрализации попыток третьих сил завлечь Индию на антикитайскую орбиту.

АРКТИКА

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО – БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНАЯ ОСНОВА ОТВЕТСТВЕННОЙ, ДОЛГОСРОЧНОЙ, УСПЕШНОЙ ПОЛИТИКИ

А.Н. Вылегжанин – д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой международного права МГИМО МИД России, член РСМД

– Александр Николаевич, чтобы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– На фоне глобальных вызовов – сохранение единства России как суверенного государства, самостоятельности российской внешней политики, приоритетом которой является укрепление международного права, несмотря на попытки его размывания.

В региональном контексте основной успех российской внешней политики вижу в формировании политико-правовых основ природоохранной безопасности в Арктике, прежде всего через механизм Арктического совета, созданного в 1996 г., авторитет и эффективность деятельности которого значительно возросли именно в последнее десятилетие.

– На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Давно отмечено, что сильная, самостоятельная Россия для Вашингтона, для НАТО – это неприемлемая реальность. США быстро преуспели в 1990-х гг. в вовлечении в НАТО бывших территорий Российской империи, а затем – и Советского Союза в Прибалтике, например. Не говоря уже о предшествующем победоносном покорении НАТО территорий государств – участников бывшего Варшавского договора, включая и саму Польшу. Эта политика Вашингтона продолжается: факты вмешательства США во внутривосточные разногласия в Киеве в 2013-2014 гг. приведены не только в известной книге премьер-министра Украины Н.Я. Азарова, но подтверждаются и в мемуарах Дж. Байдена. После организации Вашингтоном замены конституционно избранного президента Украины В.Ф. Януковича (ориентировавшего страну на сохранение традиционных связей с Россией), во властных структурах в Киеве сейчас иные люди, преданные администрации США.

Думаю, это и останется одним из главных международных вызовов России – будут продолжены попытки привести в руководство государств-союзников России (прежде всего, соседних) новые элиты, послушные Вашингтону по разным причинам.

В этом же контексте рассматриваю в качестве вызова России относительно новую международно-правовую политику и соответствующую риторику наших западных партнеров: вместо ранее традиционных подтверждений обязательств по международному праву и Уставу ООН, западные партнеры России сегодня ссылаются на некий «порядок, основанный на правилах» (англ. *rules-based order*). Тем самым аморфность, приносимая в международный правопорядок, позволяет Вашингтону и НАТО самим определять, какие правила применимы, а какие – нет: бомбардировки НАТО Белграда якобы соответствуют «правилам», а право русских, живущих в Донбассе, говорить на родном языке, на котором говорили их пращуры – оспаривается по правилам, сочиненным в Вашингтоне или в «послепутчевском» Киеве.

– Согласны ли Вы с тем, что сегодня разворачивается острая борьба за Арктику? Что, на Ваш взгляд, Россия могла бы предпринять для минимизации накала этой борьбы при полном сохранении своих позиций и интересов в регионе?

– «Борьба за Арктику» – это, скорее, клише журналистов. Арктика состоит прежде всего из территорий восьми конкретных государств, и территориальных споров между ними нет. То, что Канада и Дания не определили пока судьбу крошечного острова Ганса, нельзя квалифицировать как территориальный спор. Соответственно, не являются объектом споров морские районы, примыкающие к территориям арктических государств (исключительной экономической зоны и арктического шельфа). Есть четкие международно-правовые нормы о порядке их делимитации, и арктические государства не раз подтвердили приверженность нормам международного права.

– Последнее время часто говорят о необходимости трансформации роли и совершенствования механизмов работы Арктического совета в процессах управления природоохранной и экономической деятельностью в Арктике. Согласны ли вы с тем, что такая необходимость давно назрела?

– РСМД в апреле 2021 г. издал аналитический доклад «Арктический совет: статус и деятельность», подготовленный учеными-исследователями из МГИМО и РСМД. Рекомендую заинтересованному читателю ознакомиться с этим изданием.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО РОССИИ В АРКТИЧЕСКОМ СОВЕТЕ БУДЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ УГЛУБЛЕНИЮ И РАЗВИТИЮ ОТНОШЕНИЙ С АРКТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

А.Н. Чилингаров – специальный представитель президента Российской Федерации по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике, председатель Попечительского совета РОО «Арктический центр», член РСМД

– Артур Николаевич, какие бы Вы выделили приоритеты России на арктическом направлении на ближайшие годы?

– Являясь крупнейшей арктической державой, значительная часть территории которой расположена на Крайнем Севере, Россия была и остается приверженцем конструктивного диалога по всем вопросам, входящим в Арктическую повестку дня. Россия твердо исходит из того, что в Арктике нет проблем, которые не могли бы решаться на основе взаимопонимания и конструктивного диалога. Здесь нет проблем, требующих военных решений и страны Арктического региона многократно подчеркивали, что достигнутый уровень сотрудничества без преувеличения можно назвать образцом добрососедской, стабильной и предсказуемой политики.

5 марта 2020 г. президент Российской Федерации подписал Указ № 164 «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», где одним из стратегических приоритетов государственной политики России в Арктике остается сохранение Арктики как территории мира, стабильного и взаимовыгодного партнерства, развитие широкого многостороннего сотрудничества с другими арктическими государствами и диалог в рамках региональных организаций, таких как Арктический совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) и др. при безусловном обеспечении национальной безопасности России и защите ее национальных интересов.

Основными приоритетами Российской Федерации в деятельности Арктического совета на период 2021-2023 гг. остаются расширение и укрепление международного сотрудничества арктических государств по различным направлениям жизнедеятельности человека:

- развитие и совершенствование инфраструктуры национальной транспортной магистрали – Северного морского пути, как для социально-экономического развития арктической зоны Российской Федерации, так и для содействия расширению международного судоходства;
- защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов арктического региона;

- содействие арктических стран всестороннему развитию в арктическом регионе межгосударственных образовательных, культурных и гуманитарных обменов учащимися и представителями молодежи;
- развитие и совершенствование основных и дополнительных профессиональных образовательных программ государств – членов Арктического совета, направленных на подготовку специалистов в области изучения, освоения и развития Арктики;
- координация объединение усилий членов Арктического совета в деле реализации Соглашения по укреплению международного арктического сотрудничества;
- объединение усилий арктических стран по созданию и совершенствованию единой региональной системы в рамках Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в Арктике (NOSPA), а также предотвращения техногенных катастроф и ликвидации их последствий;
- содействие развитию международных научных исследований в области изучения глобальных климатических изменений и охраны окружающей среды, расширение международного обмена научными данными и реализация крупных совместных научных проектов и экспедиций в Арктике.

– Каковы цели России в рамках председательства в Арктическом совете? Каких результатов Вы ожидаете по итогам председательства?

– Одним из важнейших инструментов международного сотрудничества в Арктике является Арктический совет, председательство в котором в мае 2021 г. перешло к России. В последние годы Арктический совет вышел на качественно новый уровень и стал одним из центральных форумов многостороннего международного арктического сотрудничества. В числе важнейших задач, стоящих перед Арктическим советом во главе с Российской Федерацией, остается продолжение политики, основанной на принципах сохранения мира, стабильности и конструктивного взаимодействия в Арктике.

Вместе с тем современная международная обстановка в определенной степени создает риски замораживания сотрудничества по некоторым направлениям. Однако опыт, накопленный за более чем 20-летний период деятельности Арктического совета, свидетельствует о возможности разрешения проблем устойчивого развития и защиты окружающей среды и бесконфликтного взаимодействия по наиболее важным проблемам региона.

Еще одной закономерностью является относительная стабильность повестки дня Арктического совета, концентрирующейся на вопросах защиты

окружающей среды, сотрудничества в поиске и спасении, развитии человеческого капитала северных территорий. Учитывая долгосрочный характер стоящих перед арктическими странами задач, подобная стабильность и преемственность тематики форума от председательствования к председательству представляется рациональной. В то же время повестка дня развивается благодаря углублению сотрудничества по существующим направлениям повестки Совета и развитию их новых аспектов, а также новым направлениям сотрудничества. Так, обсуждение экономической тематики и привлечение делового сообщества в рамках работы Экономического совета может позитивно сказаться на деятельности Арктического совета по традиционному приоритету развития человеческого капитала в регионе.

Арктический совет сочетает в себе региональные и глобальные черты. С одной стороны, его региональная направленность и ограниченное членство говорят о нем как о региональном форуме. Однако, учитывая важность Арктики с точки зрения влияния на мировой климат, международную торговлю, а также стратегическое значение региона и совокупную экономическую и военную мощь вовлеченных государств, можно констатировать глобальную роль Совета. В то же время, принимая во внимание глобальный характер интересов арктических государств, именно политические противоречия, не имеющие отношения к региону Арктики (в частности, обострение отношений между Россией, США и странами Запада, связанное с украинским конфликтом) несут наибольшие риски для дальнейшего функционирования Арктического совета.

Тем не менее работа Совета продолжается. В этой связи заключение юридически обязывающих соглашений (Соглашения о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в Арктике, Соглашения в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике) следует рассматривать как несомненный успех формата взаимодействия, предложенного Арктическим советом. Не ставя цели разрешения политических конфликтов, сложившаяся форма регионального сотрудничества создала основу для эффективного разрешения актуальных для Арктики экологических, социально-экономических и гуманитарных проблем.

Как специальный представитель президента Российской Федерации по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике, в заключение хочу выразить свою уверенность в том, что председательство Российской Федерации в Арктическом совете, несомненно, будет способствовать углублению и развитию отношений между Россией и арктическими странами. У России есть обширное поле для двустороннего арктического сотрудничества, и я уверен, что это сотрудничество будет успешным.

АФРИКА

РОССИЯ – АФРИКА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОВЫГОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А.М. Васильев – д.и.н., почетный президент Института Африки РАН, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член секции международной безопасности Совета безопасности РФ, координатор международной секции Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, член Совета по внешней политике МИД РФ, член РСМД

– Алексей Михайлович, каковы, на Ваш взгляд, основные этапы развития Африканского континента и формирования современных африканских государств?

– Когда говорят или пишут об Африке, полезно вспомнить один факт: почти 60 лет назад, в 1960 г., когда огромная страна, которая сейчас называется Демократическая Республика Конго, стала независимой, там было менее 10 конголезцев с дипломами высшего образования. Один из них – учитель, поэт и первый премьер-министр, предательски убитый, Патрис Лумумба, ставший легендой. Как сейчас установлено, заговор был организован сотрудниками ЦРУ и британской секретной службой МИ-6 с участием бельгийских офицеров. Страна, несмотря на все трудности, внутренние конфликты, войны и внешние вмешательства, стоившие миллионов жизней, все-таки устояла. Сегодня конголезские университеты выпускают десятки тысяч специалистов, хотя республике с ее почти 100-миллионным населением предстоит многое пережить. Но разве можно сравнить с прошлым?

В 1963 г. была создана Организация африканского единства, превратившаяся в 2002 г. в Африканский союз. Его тематикой стали общеконтинентальные и локальные проблемы: преодоление нищеты, коррупции, разрешение конфликтных ситуаций – особенно вооруженных конфликтов, борьба с экстремизмом и терроризмом, защита окружающей среды, а в последнее время – борьба с последствиями пандемии.

Африка прошла трудный путь. Вспыхивали и гасли межстрановые вооруженные конфликты. Распалась на две страны Эфиопия и Эритрея, распался Судан на собственно Судан и Южный Судан, войны разрушали Либерию и Сьерра-Леоне, происходили государственные перевороты. В Сомали воцарился хаос. Волнения и революции арабской весны с разной степенью интенсивности охватывали страны Северной Африки и частично выплеснулись в Африку южнее Сахары. В результате гражданской войны и военного вмешательства НАТО Ливия перестала существовать как единое государство и лишь сейчас пытается восстановиться.

Но последние два-два с половиной десятилетия показывают резкое уменьшение кровавых конфликтов – как межгосударственных, так и внутренних. На первый план выходит экономическое и социальное развитие, внедрение демократических норм с африканской спецификой.

– Каковы, на Ваш взгляд, основные тенденции развития Африки?

– На чрезвычайном саммите Африканского союза в 2013 г. был принят программный документ, определивший стратегическое развитие Африки на ближайшие 50 лет – «Повестка 2063». Она включает семь основных устремлений, в том числе процветающую, устойчиво развивающуюся и интегрированную Африку, где уважают права человека и делают все для его развития, где строго соблюдаются законы, поддерживается мир и безопасность, сохраняется культурная самобытность африканских народов, растёт роль женщин и молодежи. Позднее были разработаны рамочные программы для реализации целей и задач развития Африки. В 2018 г. было принято решение о создании африканской континентальной зоны свободной торговли. Это амбициозное решение, которое требует дальнейшего согласования и создания соответствующей инфраструктуры.

– Как, на Ваш взгляд, можно объяснить повышение роли Африки в современном мире, несмотря на сравнительно невысокую долю в мировом ВВП?

– В настоящее время страны Африки слабо представлены в мировой экономике. Доля континента в мировом ВВП – менее 3%, как и доля в мировой торговле, но эти две цифры могут ввести в заблуждение. До начала пандемии статистика показывала, что развитие континента в среднем идет выше среднемировых темпов. По оценкам ООН, в 2018 г. две африканские страны, Гвинея и Руанда, продемонстрировали самые высокие в мире темпы экономического роста. Их ВВП вырос на 8,7%. Еще четыре страны – Эфиопия, Кот-д’Ивуар, Танзания и Сенегал – вышли на темпы прироста выше 7%. Африка меняется и меняется кардинально. Появляются новые отрасли промышленности, новые статьи экспорта с более высокой добавленной стоимостью, новые виды услуг, идет приобщение к современной цифровой экономике. Пока – мало, пока – только отдельные очаги, но тенденция очевидна. Это первое.

Во-вторых, Африка была и остается среди лидеров планеты по некоторым видам ископаемых – марганцу, бокситам, цветным металлам, золоту, платине, алмазам, урану, некоторым редкоземельным элементам. Упомянем хотя

бы колтан (колумбит-танталит), который присутствует в миллиардах мобильных телефонов, которые каждый год производятся во всем мире. Есть запасы нефти и газа мирового значения.

В-третьих, в странах континента в целом повышается образовательный, профессиональный, интеллектуальный уровень населения. Изучение даже состава африканской эмиграции в Европу и Америку говорит о том, что едут отнюдь не безграмотные, способные только на физический труд (и таких много), но все больше медсестры, врачи, механики, компьютерщики, инженеры. Не будем преувеличивать – речь идет опять прежде всего о тенденции. Специалисты и профессионалы нужны и в Африке, но не везде для них существуют соответствующие условия.

В-четвертых, все большее значение приобретает сам демографический потенциал Африки. Его рост вызывает споры и порождает разные мнения. С одной стороны, быстрый рост населения, чрезвычайно высокая фертильность женщин в Африке в сочетании с уменьшением детской смертности – все это создает опасные перекосы в обществе, нагрузки на окружающую среду, на социальную сферу, консервирует нищету. С другой, когда сокращается и стареет население в Европе и некоторых странах Америки, уменьшается прирост и стареет население в Азии и Латинской Америке, Африка становится главным поставщиком именно новой рабочей силы на глобальный рынок труда.

Рост здесь среднего класса резко увеличивает рынок автомобилей, телевизоров, холодильников, качественных продуктов питания. Средний класс в Африке составляет 250–300 млн человек. По расчетам Института Африки РАН, объем внутреннего потребления континента приближается к 1 трлн долл., и он может вырасти к 2030 г. до 2,2 трлн долл. – в значительной степени за счет увеличения покупательной способности среднего класса.

Проблема демографии вовсе не проста. Как решать ее – это задача и самой Африки, и мирового сообщества.

– Велика ли роль Африки в развитии мировой торговли?

– Несмотря на завоевание политического суверенитета, страны Африки в рамках мирового хозяйства по сей день частично остаются в цепях неокOLONIALИЗМА. Сохранился чистый отток капиталов из Африки. В середине прошлого десятилетия приток капиталов в страны Африки южнее Сахары в среднем составлял 134 млрд долл., а чистый отток 192 млрд долл. Эти данные никто не опроверг, это означает, что за годы независимости, то есть с 1960-х гг. до наших дней, чистый отток капиталов из Африки составляет 2–3 трлн долл. Естественно, что тем самым Африка субсидирует благососто-

ание развитых стран прежде всего Запада. Но одна за другой африканские страны вырываются из тисков удушающей зависимости.

Ведущие мировые державы и центры экономической силы признали высокую значимость ресурсного человеческого и экономического потенциала Африки в формирующейся новой модели глобального развития. Между старыми и новыми акторами мировой экономики идет геэкономическая и геополитическая схватка за Африку. За место в африканской экономике и африканской торговле, за возможности инвестиций, за участие в экономическом строительстве, в образовании, в медицинском обслуживании борются и старые игроки в лице США, европейских стран, но и новые – Китай, Индия, Бразилия, Турция, ОАЭ. Естественно, и Россия. Африканцы составляют почти четверть всех голосующих членов ООН и других международных организаций, что тоже принимается во внимание.

– Как Вы считаете: есть ли у России по сравнению с другими странами конкурентные преимущества в Африке?

– Первым, хотя, откровенно сказать, уже не главным конкурентным преимуществом России является ее морально-исторический капитал: сама Россия никогда не имела колоний в Африке. Мало того, СССР решительно выступал за поддержку национально-освободительной борьбы африканских народов, принимал определяющее участие в формулировке известной резолюции ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам, помогал в становлении и укреплении независимости африканских стран. Пусть не всегда успешно, пусть иногда отяжеленный идеологическими догмами. Факты говорят: за годы советско-африканского сотрудничества при содействии СССР в Африке было построено около 300 промышленных предприятий, около 100 тыс. африканцев получили дипломы советских высших учебных заведений.

Сегодня, пожалуй, из главных конкурентных преимуществ я бы назвал саму политику современной России, которая ставит задачей не грабеж континента, не чистую прибыль, хотя, конечно, прибыль интересует и Россию. Поставлена стратегическая задача соразвития России с африканским континентом.

– Как развивались и развиваются российско-африканские торгово-экономические отношения?

– Сейчас предстоит пройти большой путь. Если в 1985 г. торговый оборот СССР с Африкой составлял 5,9 млрд долл., то 1990-е гг. были просто про-

вальными: в 1995 г. объем торговли Российской Федерации с континентом упал до менее 1 млрд долл. В 2000 г. он составил 1,6 млрд долл. Важно отметить, что на машины, оборудование и транспортные средства приходилось 30%, на лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия – 16%, на готовые пищевкусовые товары – 5%, на другие промышленные товары – 18%.

В 2018 г. российско-африканская торговля в двух направлениях достигла 20 млрд долл. В 2020 г. из-за пандемии COVID-19 она несколько снизилась, но эта тенденция сохраняется. При этом открываются возможности значительного увеличения импорта африканских товаров в Россию прежде всего сельскохозяйственных, продуктов тропического земледелия, но также некоторых потребительских промышленных товаров из стран, где это производство развито. А со стороны России, как и прежде, будет стоять задача наращивания несырьевого и неэнергетического экспорта в Африку. Объемы пока незначительны.

Россия стремится к тому, чтобы ее экспорт в стоимостном выражении несырьевых и неэнергетических товаров вырос до 250 млрд долл. в год. Без участия африканского рынка решить эту задачу практически невозможно. Российская промышленность только начала возрождаться.

– В каких отраслях экономики Россия может иметь конкурентные преимущества, сотрудничая с Африкой?

– Сотрудничество с Африкой взаимовыгодно. Россия испытывает острый дефицит в таких стратегических металлах, как уран, марганец, хром, титан, алюминий, цирконий, бериллий, литий, рений и в редкоземельных металлах иттриевой группы. Через 10–15 лет к ним добавятся свинец, сурьма, золото, серебро, алмазы и цинк. Африканцы готовы как производить эти минералы для России, так и совместно разрабатывать их месторождения.

В каких конкретно отраслях Россия конкурентоспособна? В первую очередь речь идет об энергетических проектах, в частности, о строительстве электростанций на территории Африки.

Будучи безусловным лидером в разных областях энергетической сферы, Россия начала активно участвовать в развитии африканской энергетики. Крупнейший энергетический проект, который Россия реализует сегодня в Африке – строительство первой в Египте атомной электростанции в составе четырех энергоблоков мощностью 1,2 тыс. мВт каждый в городе Эд-Дабаа на побережье Средиземного моря.

Перспективными в ближайшее время могут стать инфраструктурные проекты. Их объем – примерно 50 млрд долл. ежегодно. Инфраструктура в Африке, несмотря на значительный рост в последние годы, все еще развита недостаточно, особенно по сравнению с другими регионами мира. Более по-

ловины африканского населения (645 млн жителей) имеют ограниченный доступ к электричеству, только треть сельских жителей живут в радиусе двух километров от ближайшей дороги.

Есть перспективы сотрудничества и в обрабатывающей промышленности, включая новейшие технологии, в том числе цифровые.

– Каковы, на Ваш взгляд, перспективы развития российско-африканских отношений? В каких областях оно будет развиваться?

– Важным шагом для развития российско-африканских отношений станет создание российской промышленной зоны в Египте. В перспективе она может служить плацдармом для продвижения российских инвестиций не только в субрегионе Северной Африки, но и в Африке южнее Сахары. Подобные зоны со временем планируется создать и в государствах тропической Африки.

В гуманитарной сфере заложен большой потенциал. Россия оказывала и может оказывать реальную поддержку африканским странам, расширяя образовательные возможности их жителей. В настоящее время рассматриваются проекты открытия филиалов ведущих российских вузов в странах Африки. Запланировано, что в ближайшие годы возрастет число студентов из государств африканского континента в вузах в самой РФ. Гуманитарные проекты при небольших затратах могут оказаться эффективнее многомиллиардных финансовых вливаний, поскольку нацелены на развитие человеческого потенциала.

Кроме того, Россия имеет важные конкурентные преимущества в сфере биологии и медицины. Тот факт, что многие африканские страны согласились использовать у себя российские вакцины против COVID-19, говорит о многом. Напомним, что российские специалисты выполняли важные функции при ограничении и победе над опаснейшей заразной болезнью – Эболой.

Полезно и эффективно для двух сторон углублять научные связи между Россией и Африкой. Это касается широкого спектра биологических и медицинских разработок, агрокультуры, новых технологий, применяемых в горной добыче и геологии, в освоении богатств мирового океана, и, конечно – в гуманитарных исследованиях.

В ближайшие годы определенную роль может сыграть рост существующих и налаживание новых контактов между Российской Федерацией и африканскими государствами в сфере безопасности, включая борьбу с терроризмом, всеми видами преступности и противостояние киберугрозам, в частности, кибертерроризму.

Военное сотрудничество с рядом африканских государств затрагивает и сферу и поставок вооружений в интересах безопасности этих государств,

и подготовку кадров. Участие России в стабилизации очень напряженной обстановки в Центральноафриканской Республике способствовало прекращению смуты, внутренних столкновений и проведению законных выборов президента этой страны. Это произошло, в частности, благодаря направлению российских военнослужащих как для подготовки в качестве инструкторов центрально-африканской армии, так и для создания надежной президентской охраны. При этом Россия активно взаимодействует с представителями Руанды, которая направила в страну несколько тысяч своих военнослужащих.

Российские службы безопасности проводят достаточно регулярные совещания по борьбе с международной преступностью, терроризмом, кибертерроризмом, экстремистскими организациями с рядом африканских стран, иногда по более узкой тематике, как, например, безопасность в зоне Сахеля, так и по более широкому географическому охвату.

«Россия участвовала и будет участвовать в разработке стратегической линии, в практических мерах укрепления мира и стабильности в Африке, обеспечении региональной безопасности, Россия поддерживает принцип “африканским проблемам – африканские решения”, – заявил В.В. Путин, – Идет и будет наращиваться сотрудничество между правоохранительными органами и специальными службами России и стран Африки, координация усилий, обмен соответствующей информацией».

В вузах Министерства обороны сейчас обучаются военнослужащие из 20 африканских государств. Военно-техническое сотрудничество осуществляется Россией более чем с 30 африканскими странами.

– С учетом вышесказанного можно ли, с Вашей точки зрения, утверждать, что Россия возвращается в Африку?

– Осенью 2019 г. состоялся Саммит Россия–Африка под председательством президента России В.В. Путина и президента Египта А.Ф. ас-Сиси. На встрече собрались представители всех 54 африканских государств во главе, как правило, с первыми лицами и ведущими региональными организациями. Это была первая в истории встреча такого уровня и масштаба, она означала не только стремление России участвовать в соразвитии со странами африканского континента, но и взаимное стремление развивать контакты на всех направлениях, укреплять многоплановое партнерство.

Президент России в своем выступлении отметил: «Наше сотрудничество, уходящее корнями в период совместной борьбы против колониализма, носит стратегический и долгосрочный характер. Конечно же, имеются значительные возможности для активизации российско-африканского взаимодействия

по самым разным направлениям». Это сотрудничество – один из приоритетов российской внешней политики.

Президент также подчеркнул, что Россия признательна «африканским партнерам за поддержку приоритетных для нас резолюций, а именно: по борьбе с героизацией нацизма, не размещения первыми оружия в космосе, мерах по укреплению доверия в космосе, по международной информационной безопасности».

В Сочи следом за Саммитом состоялся «Экономический форум Россия – Африка», в котором участвовали и представители государственных и научных структур, и российский, и африканский бизнес. Саммит и «Экономический форум» проходили под девизом «За мир, безопасность и развитие».

Первый Саммит принял декларацию, в которой изложил фактическое совпадение или близость политических, экономических и других позиций России и африканских государств как по многим международным вопросам, так и по проблемам экономического и другого сотрудничества. В целях координации развития российско-африканских отношений был учрежден форум «Партнерство Россия – Африка», который считается органом Саммита Россия – Африка. Следующий Саммит намечено провести в 2022 г. Решено между саммитами каждый год проводить политические консультации министров иностранных дел России и африканских государств. Декларация также охватывает научно-техническое, гуманитарное сотрудничество и сотрудничество в информационной сфере.

Совместные структуры по координации усилий Россия–Африка уже начали действовать. Поэтому задачи соразвития остаются существенным элементом отношений России со странами континента.

ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ В АФРИКУ

М.В. Маргелов – вице-президент АФК «Система», вице-президент и член Попечительского совета РСМД

– Михаил Витальевич, в чем состоят структурные изменения мировой политики последнего десятилетия?

– Последнее десятилетие было весьма сложным для российской внешней политики. И не только для нее. Не только Россия, но и многие другие страны, в том числе западные великие державы оказались перед лицом поистине циклопических структурных подвижек, которые происходили в мировой политике и в расстановке сил между основными «центрами силы». Между ними обозначилось последовательное усиление политической турбулентности, обострение соперничества в различных сферах, что стало питательной средой для различного рода региональных конфликтов и кризисов, создавших дополнительные риски для устойчивости всей системы международной безопасности, включая системы международного права, особенно договоров по контролю над вооружениями. Печально, но многосторонние переговорные площадки, особенно европейские, специально созданные для поддержания международной стабильности, оказались малоэффективными в этот период. Пандемия COVID-19 способствовала еще большему хаосу в международных отношениях, вызвав проявление национальных эгоизмов и деформационные тенденции в общественно-политических системах многих стран, в том числе в США и Западной Европе.

– Каковы, на Ваш взгляд, тенденции мирового развития последнего десятилетия?

– Нам надо правильно понимать философию международного развития этого периода, основные факторы, которые обусловили столь тревожную доминанту мировых процессов последнего десятилетия. Анализируя его, нельзя не видеть, что мировое сообщество оказалось под влиянием качественного «всплеска» в развитии двух «сквозных» мировых тенденций, которые в определенном смысле являются антагонистами друг другу.

Во-первых, это стремительная глобализация современного мира, которая соответствующим образом отразилась и на сфере межгосударственных отношений. Этот феномен порождает очевидное стремление не просто к более глубокой кооперации, но и к большей взаимозависимости и взаимодополняемости, к поиску общих элементов социально-политического и экономического

развития, совместной основы для решения имеющихся проблем, к формулированию и укреплению общих принципов межгосударственных отношений.

Но, во-вторых, последнее десятилетие продемонстрировало реальный триумф концепции многополярности, о неизбежности которой представители российского политического истеблишмента постоянно предупреждали наших партнеров. И эта концепция именно в эти годы реализовалась на практике, о чем свидетельствует прежде всего ослабление монополюльно-регулирующего положения США в мире, укрепление международных позиций других мировых «центров силы», в первую очередь России и Китая.

И именно в эти годы оба мировых феномена – глобализация и многополярность – реально «встретились», если понимать под этим образным определением то обстоятельство, что обе тенденции мирового развития достигли такой степени развития, что оказались способными оказывать все более действенное влияние на международную ситуацию и на внешнюю политику отдельных стран. Поэтому и международные последствия «встречи», взаимопроникновения и взаимовлияния этих феноменов оказались в последние годы реально ощутимыми и весьма многоплановыми по своему характеру. Одним из них стал начавшийся многослойный процесс реформирования межгосударственных партнерских альянсов и группировок различных стран. Особо знаменательным в этом плане стало стратегически важное сближение России и Китая.

– Что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Основной успех внешней политики России за последнюю «декаду» видится в том, что страна, оставаясь в русле общемирового процесса глобализации, сумела вместе с тем упрочить свое положение в качестве автономного «центра силы», способного претендовать на самостоятельную роль в мировых делах и на формирование автономной системы международного сотрудничества с заинтересованными странами.

Россия завершила свой выход из руслу прозападной внешней политики, в который она попала в 1990-е гг. в результате ослабления своих международных позиций. С российской стороны было заявлено об отходе от ориентации на западную модель социально-экономического развития, основанной на либеральных принципах, в том числе в области общественно-политического устройства и обеспечения прав человека, и была провозглашена парадигма развития, в большей степени отвечающая историческим традициям и особенностям национального общественно-политического уклада. Аналогичным образом были отведены претензии США на сохранение за Вашингтоном роли

мирового лидера, что привело к взятию на вооружение американцами стратегии сдерживания России.

Россия, утверждая свою глобальную роль в мировой политике, реально «вернулась», в том числе в плане военного присутствия, в важные регионы мира, расширяя там свое политическое влияние. Особо в данном контексте необходимо упомянуть Ближний Восток и Африку. Если после крушения СССР Россия была настолько обескровлена и сосредоточена на внутренних проблемах, что не могла позволить себе иной роли, кроме наблюдателя, то в последние годы она выступает неизбежным участником международных и региональных политических диалогов о перспективах урегулирования конфликтов, целесообразность которых, по сути, безоговорочно признается всеми великими державами и вовлеченными в события сторонами.

Такого уровня влияния в отдельно взятых регионах у Российской Федерации не было со времен СССР. К настоящему моменту российская внешняя политика получила необходимую свободу маневра практически во всех регионах мира.

– Как, на Ваш взгляд, будут развиваться международные отношения в условиях глобализации и многополярности?

– Качественно новые параметры, которые приобрели за последние годы процессы глобализации и многополярности современного мира, формируют и качественно новую повестку дня современных международных отношений. И дело не только и, скорее, не столько в появлении новых международных тем и вопросов, которые возникают перед государствами и требуют решения. Дело в том, что эти темы и вопросы, приобретая по сути планетарный охват по своим масштабам, нередко преобразуются по своему значению в повестку дня экзистенциального характера. Иными словами, эта повестка дня способна предопределить этапный характер дальнейшей мировой истории.

В самом деле, в области отношений между глобальными «центрами силы» на приоритетное место вновь выдвигается, но уже на новом уровне, проблема поиска стратегической и региональной стабильности, войны и мира, контроля над вооружениями и контроля над «критическими» технологическими процессами и отраслями мировой экономики.

К категории «глобального противоборства» можно отнести и тему международных санкций, используемых как политический инструмент, направленный на получение односторонних преимуществ.

Пандемия COVID-19 показала сильную уязвимость природы человека в перспективе появления новых вирусов и эпидемий, поставив во главу угла

тому медицины и обеспечения самой выживаемости человека как биологического вида.

Развитие экономической активности и промышленного производства привело к неотвратимой необходимости поиска новой, экологически безопасной, ресурсной базы и перехода на качественно новые технологические циклы. Пришла в движение тема адекватного финансового обеспечения мировой экономики и стабильности международной банковской и валютно-финансовой системы. Внедрение в экономику и повседневную практику результатов передовых НИОКР буквально «выталкивает» в международные приоритеты вопрос о кибербезопасности, «цифровых технологиях» и информационной безопасности. Мир «лихорадят» социальные «катаклизмы», среди которых тема миграционных потоков и беженцев – одна из наиболее острых. Международные отношения, таким образом, вступают в новый временной цикл своего развития, обусловливаемый изменившейся повесткой дня и условиями, в которых действуют ведущие державы.

– В чем, по Вашему мнению, будут состоять задачи внешней политики России в условиях глобализации и многополярности?

– Для Российской Федерации это означает необходимость корректировки понимания своих приоритетов, переосмысления и адаптации своей дальнейшей международной стратегии и механизмов ее реализации применительно к формирующейся международной повестке дня.

Сделанный Россией прорыв на уровень глобального «центра силы», способного гарантировать национальную идентичность и государственный суверенитет, должен быть упрочен и развит путем реализации конструктивной международной программы действий.

– Как бы Вы оценили значение африканского региона для мировой экономики?

– В последние годы Африка выдвигается в число очевидных приоритетов международной политики. Последовательно возрастает активность ведущих стран мира в отношении африканского региона. Бывшие колониальные державы – Франция, Испания, Португалия, Великобритания – задействуют особые механизмы влияния в Африке для наращивания своего влияния в регионе, в том числе инвестиций в перспективные сектора африканских экономик. Аналогичные усилия в Африке прилагают США, Китай и Турция. Наиболее систематизировали свою работу в Африке страны Евросоюза, которые организуют свое продвижение в Африку через структуру ЕС, ре-

гулярно проводя в том числе масштабные саммиты с африканскими лидерами.

Причина международного внимания к Африке кроется главным образом в возрастающем значении региона для мировой экономики. При этом речь идет не только о колоссальных по объемам и уникальных ресурсам, сконцентрированных в недрах Африканского материка. Речь идет в том числе об увеличении объема перспективных инфраструктурных проектов, в том числе в передовых технологических отраслях, которые вызывают растущий интерес зарубежных инвесторов.

– На Ваш взгляд, есть ли у России конкурентные преимущества в Африке?

– Российская Федерация обладает вполне ощутимыми преимуществами в реализации политики и расширении влияния в Африке по сравнению с другими странами. Россия не несет на себе вины за колониальную эксплуатацию Африки, как многие западные страны.

Более того, Россия внесла весомый вклад в деколонизацию Африки, оказала существенное практическое содействие странам континента в формирование основ их государственности и экономики. Уникально, в частности, содействие, которое бескорыстно внесла Россия в «советскую эпоху» в дело подготовки кадров для социальной сферы, в первую очередь здравоохранения, различных отраслей экономики африканских государств, особенно геологоразведки.

Другое важное обстоятельство, объясняющее высокую «конкурентоспособность» России для африканских стран, заключается в том, что наша страна сумела вовремя «опомниться» и наверстать свое отставание от других стран в деле развития активного политического диалога и экономического сотрудничества со странами Африки.

– Как Россия начала «возвращаться» в Африку?

– После довольно длительного периода «забвения» африканского направления своей политики и сокращения своего присутствия в Африке в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. российская сторона сумела совершить мощный рывок в целях «вернуться» в Африку. И весьма преуспела в этом.

В результате проведенной работы после 2010 г. российско-африканские контакты заметно активизировались. Продвинулся политический диалог, успехи достигнуты в деле развития и диверсификации торгово-экономических связей. Россия многое сделала для облегчения долгового бремени государств региона. Все это позволило еще в 2012 г. провести крупный многосторонний

форум в Аддис-Абебе, направленный на активизации партнерского сотрудничества России со странами Африки.

Этот конструктивный процесс дал нам возможность укрепить свои позиции в Африке к началу 2020-х гг. – к моменту, когда заметно возрос интерес наших западных партнеров к Африке.

Первый российско-африканских саммит, состоявшийся в Сочи в 2019 г., создал основу для более структурированного российско-африканского сотрудничества, как в области внешней политики, так и на направлениях деловой кооперации. В настоящее время начата подготовка ко второму саммиту Россия-Африка, который планируется провести в будущем году. Российская сторона имеет все основания рассчитывать на последовательное продвижение своих интересов в африканском регионе.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ В АФРИКУ КАК НОВЫЙ КОНТЕКСТ В ОСВОЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ РЫНКОВ

И.Н. Морозов – к.ю.н., к.э.н., член Комитета Совета Федерации по экономической политике, руководитель региональной группы по сотрудничеству Совета Федерации с парламентами арабских государств Африки и группы по сотрудничеству с парламентом Ирана, член групп дружбы с парламентами государств Азии и Африки, с Афганистаном, Австрией, Болгарией, Вьетнамом, Израилем, Индией, Индонезией, Оманом, Пакистаном, Республикой Корея, Намибией, Сингапуром, Экваториальной Гвинеей и ЮАР, постоянный член парламентской делегации в Парламентской Ассамблее Организации Договора о коллективной безопасности (ПА ОДКБ), член РСМД

– Игорь Николаевич, какие изменения произошли на Африканском континенте за последние 10 лет?

– В последние десятилетия Африка становится главным континентом, за который разворачивается активная борьба между Евроатлантическим Альянсом и Большой Евразией. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Европейский союз наращивает торговый оборот с африканскими странами, и он составляет сегодня более 300 млрд долл. в год. США, реализуя программу «*Prosper Africa*», продолжают наступление инвестициями и высокотехнологичной продукцией на приоритетные африканские рынки. Мощную конкуренцию Западу на всех азимутах составляет Китай. При этом КНР, являясь лидером в финансировании инфраструктурных проектов, через колоссальные инвестиции «подбирает» под себя морские порты, транспортные артерии, гидроэнергетику, перспективные месторождения редкоземельных металлов.

В этой связи постепенное снижение ставки китайских банков и фондов до нулевой отметки при внешнеторговом обороте более 200 млрд долл. в год был воспринят среди экспортеров КНР как продолжение политики освоения африканских рынков в интересах китайских производителей. Стараются поддерживать азиатские темпы Индия, Япония и Корея. Активно продвигаются вперед Турция, Саудовская Аравия и ОАЭ.

– Как Вы видите возвращение России в Африку? В чем оно будет заключаться?

– «Возвращение в Африку», прозвучавшее в 2019 г. на Саммите «Россия–Африка» как планетарный для России лозунг, с большим энтузиазмом воспринят бизнес-сообществом и истеблишментом. Действительно, при жестких санкциях Запада и кризисных явлениях, вызванных пандемией COVID-19 и спадом мировой торговли, невозможен рост национальной экономики без освоения новых рынков, тем более выход на показатели увеличения несырьевого не-

энергетического экспорта до 250 млрд долл. (параметры национального проекта «Международная кооперация и экспорт»).

– Как развиваются российско-африканские отношения на современном этапе?

– Что имеется у России в Африке на сегодняшний день? По сырьевым проектам в разных частях континента работают чуть более 20 компаний. Из России идут традиционные поставки по линии ВТС зерна, минеральных удобрений, нефтепродуктов с общим оборотом 17 млрд долл. (по состоянию на 2020 г.). Такая ситуация говорит только об одном – необходимо масштабное привлечение на африканское направление малого и среднего бизнеса из российских регионов. Следует заново пересмотреть всю линейку экспортного потенциала региональной экономики: транспортной отрасли, сельскохозяйственных машин и агрегатов, машиностроения и навигационного оборудования, горнодобывающего сектора, водоочистки, информационных технологий. Известно, что в регионах за последние пять-семь лет созданы центры высотехнологичной медицины и нарабатываются методики телемедицины. Заложены основы для подразделений медицины катастроф, которые способны реагировать на цивилизационные вызовы в любой точке мира. После успешных клинических испытаний вакцины «Спутник V» и ее признания на мировом фармацевтическом рынке всем стало понятно – России есть что предложить африканским партнёрам.

Рассматривая тактику продвижения товаров и услуг, следует обратить внимание на практику АФРОКОМ ТПП (Координационного комитета по экономическому сотрудничеству со странами Африки). Создавая в ключевых странах Африки торговые дома и центры поддержки российского бизнеса, АФРОКОМ направляет в них бизнес-миссии из регионов России, проводит конференции и круглые столы (в России и Африке, очно и по ВКС), которые позволяют российским предпринимателям знакомиться с конъюнктурой рынка, партнерами и лучше понимать атмосферу инвестиционного климата в стране. На основании продуманной в Россотрудничестве новой модели русской Школы за рубежом АФРОКОМ намерен активно содействовать в ее продвижении по всей Африке. Школа – это русский язык, это знания о русской литературе и истории России. Школа – это будущие студенты российских университетов, будущая элита Африки. Африка ждёт этого от России.

– Как Вы считаете, есть ли у России конкурентные преимущества в Африке?

– Следует понимать, что Африка стремительно меняется, меняются и правила работы в ней. «Повестка 2063», принятая Африканским Союзом как

программа развития континента, требует локализации иностранных производителей, создания рабочих мест, инвестиций в инфраструктурные проекты с социальной повесткой. Несмотря на текущие и потенциальные проблемы, африканский континент постепенно становится глобальным проектом для Запада и Евразии, и конкурентная борьба за нее только начинается.

В этой связи для продвижения товаров необходимо создавать условия, которые были бы для российских экспортёров конкурентоспособными. Совершенно очевидно, что в системе финансирования африканских проектов у Российского экспортного Центра отсутствует фонд прямых инвестиций. Успешная практика в Африке наглядно показывает широкое применение подобных фондов Китаем, Индией, Францией. России нужно создавать новые механизмы учета концессий на природные ресурсы в инвестиционных проектах и внешнеторговых операциях, компенсационной (встречной) торговле, взаиморасчетов в национальных валютах.

– Может ли Россия, на Ваш взгляд, перенять опыт Китая, европейских стран в их взаимодействии со странами Африки?

– Мы видим, как китайские партнеры «обкатывают» электронный юань при оплате своих зарубежных контрактов, в первую очередь, африканских. Не отстают от КНР и другие страны. Центральный Банк России, разрабатывая концепцию электронного рубля, должен уже на первом этапе учитывать китайский опыт, чтобы опробовать инновационные решения на африканском направлении. Для этого потребуются изменение действующего законодательства, а главное – изменение понимания того, что Африка для России – это последний относительно свободный рынок для экспорта товаров. Ещё одно-два десятилетия и он превратится в высоко развитое индустриальное пространство, где нет места отстающим. Поэтому нужно смелее идти вперёд, принимая кардинальные политические и экономические решения, создавая зоны свободной торговли, устраняя административные и торговые барьеры, используя конкурентные преимущества, доставшиеся нам в наследство от Советского Союза. Необходимо в ближайшее время запустить российскую промышленную зону в Египте, и это поможет нашим экспортерам быстро локализовать свои производства.

БИЗНЕС- СООБЩЕСТВО

В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ НАС ЖДУТ ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ — УКРУПНЕНИЕ БИЗНЕСА И ЦИФРОВИЗАЦИЯ

С.Р. Борисов – председатель Попечительского совета Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», член РСМД

– Сергей Ренатович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– За последние 10 лет Россия значительно расширила сферу своего геополитического влияния и подтвердила статус мировой державы. Наша страна укрепила свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Для России главным вызовом станет сохранение партнерских отношений с другими странами. В условиях турбулентности важным фактором является конкурентоспособность российских товаров на мировых рынках. Поэтому необходимо максимально сконцентрироваться на решении внутренних экономических проблем, в частности, на развитии российского инновационного малого бизнеса и модернизации экономики в целом.

– Как трансформируется российский бизнес в условиях глобальных потрясений?

– Развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) в России имеет свою специфику. До начала 2010-х гг. шло активное развитие этого сектора. Принималось прорывное законодательство (о лицензировании, о защите при проверках и т.д.). Доля малого бизнеса достигла 20% в ВВП и обеспечила 25–27% рабочих мест в стране.

Однако с тех пор развитие сектора МСП остановилось. Указанные показатели остаются до сих пор. Сегодня текущие значения по занятости обеспечиваются прежде всего за счет самозанятых граждан, количество которых за полтора года увеличилось на 2,5 млн человек. Без них показатели развития МСП находятся в отрицательной зоне.

Сам по себе малый и средний бизнес достаточно слабый. Средний показатель по числу работников на одном предприятии – три человека. Низкий уровень развития МСП порождает низкий уровень конкуренции, что ведет к низкому уровню конкурентоспособности продукции. Цены на продукты, услуги и их качество не являются оптимальными.

В ближайшем будущем нас ждут две тенденции – укрупнение бизнеса и цифровизация.

– Что ждет экономику России и мира после пандемии COVID-19?

– Важно отметить, что во время пандемии COVID-19 социальные обязательства государства возросли кратно. Большое внимание уделяется работе системы здравоохранения, социальной сфере и поддержке нуждающихся слоев населения. В этой связи перед нами встает вопрос: «за чей счет банкет»? Иными словами, за счет чего обеспечивать бюджет на социальную поддержку?

Приведу лишь несколько цифр. В кризисный 2020 г. была собрана сумма платежей бизнеса в консолидированный бюджет – 4,1 трлн рублей, что на 7,9% больше, чем было собрано годом ранее (3,8 трлн рублей). Это значит, что во многом социальные обязательства государства обеспечиваются за счет налогов, поступающих от бизнеса.

Глобально нас ждет дальнейший переход бизнеса в «цифру», изменение модели его ведения, а также изменение товарных цепочек и каналов продаж. Несмотря на то, что пандемия подстегнула малый бизнес к цифровизации, Россия по-прежнему сильно отстает по данному критерию. Да, сегодня много делается в этом направлении как государством, так и другими участниками рынка — банками, разработчиками цифровых решений и программного обеспечения. Здесь стоит отметить деятельность Минцифры России, которая направлена на поддержку отечественных разработчиков ПО, напрямую заинтересованных в переходе своих клиентов в цифру и способных предоставить эффективные решения по цифровизации бизнес-процессов, в том числе для малых и микропредприятий. Однако мы по-прежнему отстаем, нам нужны более смелые шаги по финансовой поддержке бизнеса на фоне продолжения госпрограмм, направленных на цифровизацию, помощь бизнесу в поиске новых направлений, рынков сбыта (поддержка экспорта, интернационализация) и каналов продаж.

– Как можно улучшить бизнес-среду в России, сделать ее более привлекательной для иностранных инвесторов и потенциальных бизнес-партнеров в условиях санкционного давления?

– России придется еще больше озаботиться такими проблемами, как соответствие мировым стандартам в развитии технологий, цифровизация экономики, развитие малого инновационного бизнеса, чтобы быть конкурентоспособной на мировом экспортном рынке. Необходимо как можно больше стимулов и программ для развития малого бизнеса. И, конечно, говорить об улучшении бизнес-среды мы можем лишь в контексте реального ослабления давления на бизнес, поскольку различные административные барьеры и привлечение предпринимателей к уголовной ответственности по экономическим статьям УК РФ негативно влияют на жизнеспособность субъектов предпринимательства, не говоря уже об их эффективности.

В 2019–2020 гг. было много сделано в направлении ослабления административного давления. В рамках «регуляторной гильотины» отменен огромный массив требований. Из-за пандемии был введен мораторий на плановые и многие внеплановые проверки, который бизнес-сообщество аргументированно предлагает продлить до конца 2022 г.

Однако сейчас мы видим, что после того, как сработала «регуляторная гильотина», начали предприниматься попытки создать новые административные барьеры (например, разрешительный реестр производителей пивоваренной продукции через депутатский законопроект, который по регламенту не проходит обсуждение на «регуляторной гильотине»; регистрация правил оказания отдельных медицинских услуг без обсуждения на профильных площадках и т.д.). Из-за этого малый бизнес, прежде всего работающий в сфере торговли, теряет традиционные рынки. Для малого бизнеса продолжают существовать административные барьеры, препятствующие реализовывать подакцизную продукцию. Да, федеральное правительство реализует для МСП многочисленные меры поддержки, в том числе прямую финансовую поддержку, однако на региональном и местном уровнях предпринимаются попытки изъятия этой помощи через тарифы и аренду.

С 1 июля 2021 г. был введен новый порядок контрольно-надзорной деятельности, призванный перестроить всю систему отношений бизнеса и органов контроля и надзора в пользу партнерских отношений путем внедрения риск-ориентированного подхода к проверкам. Однако и в данном законе есть свои нюансы, связанные с практикой его применения, так что мы будем внимательно наблюдать, как контролирующие органы будут действовать в дальнейшем, не постараются ли наверстать упущенные месяцы, когда проверок было в разы меньше. На выявленные случаи нарушений на местах региональные

отделения «ОПОРЫ РОССИИ» реагируют быстро и, как показывает практика, эффективно.

Что касается мер финансовой поддержки, предоставляемой государством малому бизнесу, мы видим, что их эффект зачастую нивелируется ростом тарифов, арендных платежей, штрафов.

Так, уже стал нехорошей традицией бесконтрольный рост тарифов для бизнеса. Причем для малого бизнеса тарифы почему-то растут быстрее, чем для крупного. Например, в Ленинградской области тариф за 2015–2021 гг. для малого бизнеса рос в 6 раз быстрее, чем для крупного, в Иркутской области — в 4,8 раз, в Красноярском крае — в 4,3 раза. «ОПОРА РОССИИ» мониторит ситуацию в регионах и на вопиющие случаи отвечает незамедлительно на федеральном уровне.

Еще одна проблема — попытки чрезмерного увеличения стоимости аренды земельных участков, предпринимаемые муниципальными властями. Яркий пример — Владивосток, где в начале 2021 г. администрация выступила с инициативой введения повышающих коэффициентов, до 10 раз (!) увеличивавших стоимость аренды. После вмешательства «ОПОРЫ РОССИИ» удалось отменить это решение. Но такие случаи возникают повсеместно, ведь деньги бизнеса — лакомый кусочек для местных властей.

Стоит отметить нововведения в части ограничения работы МСП, появившиеся в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса. Например, Оперштабом по предупреждению завоза коронавирусной инфекции в начале года было принято решение о том, что только компании крупного бизнеса имеют право привлекать иностранную рабочую силу. Доводы экспертов и предпринимателей о том, что для целого ряда направлений малого бизнеса (торговля, клининг, строительный подряд и т.д.) характерно привлечение иностранных работников, и их работа в таком случае станет невозможной, были попросту проигнорированы.

И стоит ли говорить о какой бы то ни было привлекательности российского рынка для иностранных инвесторов, пока в нашей стране остаются возможными аресты и преследования по экономическим статьям таких инвесторов, как, например, Майкл Калви — человек с безупречной бизнес-репутацией, который рисковал и вкладывал в российскую экономику 25 лет.

Еще одним показателем благоприятности бизнес-среды является состояние экспорта. Сегодня, за редким исключением, российские малые компании не способны выходить на внешние рынки. По данным ФТС России, экспортом занимаются 55 тыс. МСП — это менее 1% от всего числа МСП в России. В долларовом выражении доля МСП в экспорте составляет 12,6%. Для сравнения, в Германии — 27%, в Китае — 68%.

Такое положение дел сказывается на конкурентоспособности российской продукции на глобальных рынках. Конкурентоспособность экономики

и отдельных предприятий на глобальном рынке также можно оценить через патентную активность. Так, по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, лидерами по числу международных патентных заявок являются Китай (68,7 тыс.) и США (59,2 тыс. заявок). Россия в 2020 г. подала 1073 заявки.

Эти проблемы, над которыми «ОПОРА РОССИИ» бьется уже много лет, возможно решить, когда все участники процесса повернутся друг к другу лицом. Необходима большая работа по повышению уровня взаимного доверия и уровня правосознания как чиновников, так и предпринимателей. И только когда бизнесу будут обеспечены нормальные условия для работы, тогда мы и увидим приток инвесторов.

– Как защитить средний и малый бизнес, работающий в технологической сфере, когда глобальные корпорации фактически монополизировали рынок?

– Озабоченность вызывает все нарастающая тенденция приобретения системообразующими банками непрофильных бизнесов. Риски монополизации традиционных для МСП рынков со стороны банковских организаций, скупающих бизнесы и онлайн-платформы. Малые банки, которые работают в регионах и которые нужны малому бизнесу, не имеют столько возможностей и средств, как крупные игроки, и они вынуждены уйти с рынка.

Рецепт защиты от засилья глобальных корпораций только один — жесткое антимонопольное регулирование, другого пути нет.

Также необходимо развитие инноваций, которые сами по себе являются продуктом конкурентной борьбы. Это не надуманные вещи, когда кто-то хочет «быть в тренде» и чтобы обязательно были инновации. Сегодня мы должны понять, что завоевывать своего покупателя будут только новые продукты с новым качеством и новой стоимостью. А для создания таких продуктов требуется в первую очередь образование. Например, в западных университетах доля предпринимателей из реального сектора составляет 50%. Настало время и нам перестать жадничать и ревновать к бизнесу учебный процесс, начать привлекать к образовательному процессу людей из бизнеса.

Стоит поучиться у наших коллег со всего мира, где малые формы хозяйствования раскрывают потенциал огромного количества людей. Где студенты обучаются бизнесу на практике и реальных примерах. Посетив определенное количество мастер-классов, они выбирают то, что им по душе. Уже с 3-го курса обучающихся можно привлекать к участию в бизнес-проектах. Затем возможно и успешное трудоустройство в бизнесе. Люди могут найти себя. Реализовавшись в бизнесе, они станут менторами и наставниками, процесс будет циклический.

Я твердо убежден, что именно им предстоит сыграть большую роль в раскрытии талантов и создании успешных инновационных компаний, способных стать впоследствии опорой нашей экономики. Такие компании строятся на базе лучших научных разработок. Мы видим, как это делается на Западе. Например, сегодня практически каждый школьник слышал о созданной на базе частного Стэнфордского университета Кремниевой Долине, ставшей центром притяжения лучших кадров из области ИТ со всего мира, в том числе из России. Пресловутая «утечка мозгов» происходит от того, что идеи у нас есть, а условий для их реализации нет. Дать необходимую почву для создания технологических стартапов может и должен ресурс таких замечательных сильных вузов, как НИЯУ МИФИ, Московский физико-технический институт (Физтех), НИУ ВШЭ, Томский политехнический университет и целый ряд других высших учебных заведений.

Более того, я уверен, начинать обучать предпринимательству, создавать базу нужно со школьной скамьи.

В том что касается непосредственно защиты малых технологических компаний, то здесь важно следующее: развитие системы финансирования стартапов (в том числе венчурного), максимальное внимание к образованию, снижение административного давления и ослабление правового регулирования, что является основой комфортной бизнес-среды.

Необходимо системное развитие венчурного и традиционного финансирования для стартапов. Важным является вопрос привлечения иностранных инвесторов. Кроме того, следует развивать систему акселерации, о которой мы так много говорим в последнее время. В этой области есть определенные успехи в виде некоторого повышения порогов отнесения к МСП, введения переходных налоговых режимов и пр. Однако система еще «не выстрелила».

Еще один важный фактор защиты малых технологических компаний — внимание к образованию для кадров из этой сферы, в частности повышение информированности предпринимателей в области защиты прав на интеллектуальную собственность и развития патентования. Отсутствие правил игры в регистрации и обороте интеллектуальной собственности в учебных заведениях закрыло двери перед МСП. Нецивилизованный оборот интеллектуальной собственности (а фактически воровство) углубил тенденцию создания новых технологических проектов с российским началом в других юрисдикциях.

ГЛАВНЫМ ФАКТОРОМ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАН НА МИРОВОЙ АРЕНЕ СТАНОВИТСЯ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ

Г.О. Греф – президент, председатель правления ПАО Сбербанк, член Набсовета Сбербанка, министр экономического развития и торговли Российской Федерации (2002–2007 гг.), кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» II, III и IV степеней, член Попечительского совета РСМД

– Герман Оскарович, по каким вопросам Вы видите возможности и приоритеты для России в рамках международного сотрудничества?

– Среди важнейших глобальных трендов сейчас – кибербезопасность и «зеленый» переход. Они ставят перед миром задачи, решить которые без кооперации на уровне стран невозможно.

Киберпреступность не имеет границ и национальной принадлежности, число киберпреступников в мире насчитывает 2,5 млн человек. Президент РФ В.В. Путин и его американский коллега Дж. Байден в ходе саммита в Женеве 16 июня 2021 г. договорились начать консультации по кибербезопасности. Это показатель того, что лидеры стран понимают важность выстраивания диалога и развития отношений в сфере противодействия международной киберпреступности.

По итогам 2020 г. Россия заняла первое место в мире по совокупному количеству различных кибератак, направленных на жителей страны, включая банковские злоумышленники, вирусы-шифровальщики, программы-майнеры, IoT-угрозы, атаки через веб-ресурсы. Сбер – одна из самых атакуемых компаний в Европе. В день мы фиксируем около 40 кибератак на финансовые сервисы и 60 атак – на инфраструктуру Сбербанка. В сутки в отношении клиентов Сбера совершается более 20 тыс. попыток мошенничества, а на почтовые адреса Сбера приходит свыше 60 тыс. сообщений от злоумышленников.

Киберпреступность – это глобальная проблема, и по мере роста использования цифровых технологий она будет только усиливаться. Каждая компания или страна может самостоятельно бороться с киберугрозами, но победить можно лишь совместными усилиями. Россия, безусловно, должна быть одним из лидеров международного сотрудничества по этому направлению.

Яркий пример сотрудничества разных стран – закрытие в январе 2021 г. торговой площадки «DarkMarket» в сети «Darknet», на которой за криптовалюты продавались наркотики, фальшивые деньги, украденные личные данные, банковская информация и вредоносное программное обеспечение. Совместная операция правоохранителей разных стран позволила отключить *DarkMarket* от серверов: 20 из них находились в Нидерландах, Германии, Молдове и на Украине. На подобных площадках в *Darknet* процветает про-

даже персональных данных: для выявления попыток утечки банковской тайны и персональных данных банк анализирует более 4 тыс. сообщений в день о продаже банковской информации. Только международная кооперация правоохранительных органов, операторов связи, провайдеров и финансовых организаций позволит бороться с международной киберпреступностью, которая использует *Darknet* в противоправных целях.

В борьбе с киберпреступлениями мы активно сотрудничаем с ВЭФ, Интерполом, CREST, FIRST, которая является объединением всех CERT мира, и многими другими организациями. Приведу в пример несколько наших кейсов международного сотрудничества в сфере кибербезопасности.

Во-первых, в Европе была закрыта платформа со сливами данных в сфере футбола. Владелец площадки был задержан в Венгрии и экстрадирован в Испанию. По его словам, он получал доступ к компьютерам многих футбольных менеджеров с помощью русских хакеров из группировки *Lurk* (задержана ранее при участии Сбербанка). Эксперты нашей дочерней компании *BI.ZONE* участвовали в расследовании и оказывали содействие в рамках проведения исследования накопителей.

Другой европейский кейс: борьба с вредоносным программным обеспечением (ВПО), используемым для получения доступа к интернет-банку. Эксперты *BI.ZONE* выявили, что ВПО заразило более 40 тыс. устройств в Швейцарии и других странах Европы, и провели анализ инфраструктуры преступников. На данный момент *BI.ZONE* активно сотрудничает с представителями правоохранительных органов и оказывает поддержку в расследовании.

Второй пример – «зеленый» переход. Сокращение выбросов углекислого газа, декарбонизация, переход на возобновляемые источники являются сейчас важнейшим глобальным трендом. Россию он коснется не только как крупнейшего экспортера энергоресурсов. Всем отраслям в ближайшие годы понадобится контролировать углеродный след, а компаниям – учиться работать на международных рынках выбросов. При этом России важно занять позитивную повестку, а не оборонительную позицию в отношении «зеленого» перехода, поскольку ESG может стать катализатором развития новых технологий в России, увеличить инвестиции и таким образом ускорить экономический рост.

В середине прошлого века все страны объединились в борьбе против оспы и к 1980 г. смогли полностью искоренить эту страшную болезнь. Для меня это один из основных примеров того, что даже в периоды непростых отношений страны могут объединяться и успешно решать самые сложные задачи.

– Сейчас привычными становятся рассуждения о том, что перекраивается геополитическая карта мира, мир становится все более биполярным. Какое место Россия может занять в этом новом мировом устройстве?

– Да, мир становится биполярным, а главным фактором конкурентоспособности стран на мировой арене становится уровень развития технологий. Мы видим, что в мире возрастает роль крупных корпораций-экосистем, предлагающих клиентам решения, основанные на искусственном интеллекте и облачных решениях. И хотя ведущей технологической державой остаются США, Китай активно наступает им на пятки, по многим направлениям даже выходя вперед. Компании и страны, отстающие в технологиях, вынуждены использовать американские или китайские разработки и встраиваться в их технологические цепочки.

Россия в этом отношении – уникальная страна. Кроме США и Китая, больше нет стран, в которых национальные цифровые экосистемы успешно конкурируют с мировыми цифровыми гигантами. Россия может стать третьей такой страной, где успешно развиваются и конкурируют экосистемы из разных отраслей (технологические компании, банки, телеком и другие). Этому способствуют в том числе традиции высококачественного технического образования. У России и российских компаний есть шанс воспользоваться этим историческим конкурентным преимуществом, успешно провести цифровую трансформацию и стать одним из глобальных технологических лидеров.

– Как трансформируется российский бизнес в условиях глобальных потрясений?

– Основным направлением развития экономики будет оставаться цифровая трансформация. Пандемия сильно ускорила этот процесс: мы увидели бурный рост онлайн-торговли, онлайн-медицины и прочих цифровых услуг. Здесь можно с уверенностью утверждать, что полного возврата к докризисным привычкам уже не будет. Этот процесс шел, конечно, независимо от пандемии, но она придала ему дополнительный импульс. При этом в других сферах принудительный уход в онлайн, наоборот, мог иметь обратный эффект, люди получили отрицательный опыт. Например, перспективы удаленной работы и онлайн-образования – вопрос дискуссионный.

Другой аспект связан с проводимой российским правительством экономической политикой, получившей название «бюджетное правило». Это правило используется в России с 2017 г. и направлено на снижение зависимости от цен на нефть таких показателей, как обменный курс рубля, инфляция, про-

центная ставка, уровень государственных заимствований и в конечном итоге экономического роста. Несколько упрощая картину, можно сказать, что бюджетное правило заставляет нас жить так, как будто цена на нефть постоянно находится вблизи определенного уровня, который несколько ниже 50 долларов за баррель. Все это привело к большей стабильности макроэкономических показателей и способствовало формированию бизнес-стратегий, направленных на стимулирование неэнергетического экспорта. Даже в прошлом, очень тяжелом году неэнергетический экспорт продолжил расти. Особенно это было заметно в сельскохозяйственном и пищевом сегментах. Думаю, этот тренд продолжится.

Отмечу также существенную переориентацию российского бизнеса на внутренние финансовые ресурсы. До 2014 г. внешний долг российских корпораций и банков рос. После 2014 г. наметилась тенденция к снижению общего объема внешних заимствований.

– Что ждет экономику России и мира после пандемии?

– В центре внимания в мировой экономике все в большей степени находятся вопросы экологии и устойчивого развития. Развитие «зеленой» экономики становится ключевым фактором качественной трансформации мировой экономики и новой точкой роста как для развитых, так и развивающихся стран. Поэтому отставание в развитии «зеленой» повестки грозит увеличением отставания российской экономики по темпам и качеству экономического роста.

Другой аспект «зеленой» повестки – возможное снижение спроса на нефть, газ и уголь. Это не смертельно для России, но может оказаться вполне чувствительным. Например, если будет реализовываться сценарий «NetZero» к 2050 г. (то есть сокращение выбросов CO₂ примерно в 20 раз к 2050 г., что позволит резко замедлить глобальное потепление), то для российского ВВП годовые потери за счет сокращения добычи традиционных видов топлива на первых порах могут составлять около 0,5%. К этому тоже надо быть готовым.

Наконец, важный для России тренд – реализация национальных проектов и стимулирование инвестиций. Планируются достаточно масштабные инвестиции в инфраструктуру, и это окажет существенное воздействие на российскую экономику. Правительство планирует в 2030 г. увеличить инвестиции не менее чем на 70% в реальном выражении против уровня 2020 г. Это подразумевает рост инвестиций на 5,4% в год или даже выше в течение следующих 10 лет. По сути, страна будет перестраиваться на инвестиционную модель экономического роста.

– Каково будущее цифровых валют? Как они могут изменить мировой экономический ландшафт?

– Скорость, с которой развивается индустрия цифровых валют, поражает. Если два-три года назад основным драйвером интереса к ней был курс биткоина, то сегодня практически в чистом поле выросла децентрализованная финансовая система, которая по функциональности постепенно приближается к классической финансовой системе, а по степени автоматизации находится на запредельном уровне.

Уже не редкость проекты в области децентрализованных финансов, под управлением которых находятся активы стоимостью 5–10 млрд долл. Только эти активы управляются не людьми, а смарт-контрактами, написанными в виде программного кода в блокчейне. Можно провести интересную параллель: в мире совершаются первые шаги по запуску беспилотных автомобилей, а банки на автопилоте уже не только вышли на дорогу, но и успели обогнать многих конкурентов, находящихся на «ручном управлении».

Однако криптоэкономика остается в серой зоне с точки зрения регулирования и надзора. Но центральные банки крупнейших экономик уже работают над созданием собственных цифровых валют – ЦВЦБ, – которые будут обладать технологическими преимуществами криптовалют и при этом иметь статус легального средства платежа и фиксированный номинал в национальной валюте.

Это, безусловно, важный шаг, который позволит перевести национальную систему денежного обращения на новую технологическую базу. Такой переход означает существенное повышение прозрачности движения денег в экономике и открывает много возможностей и для регулятора, и для бизнеса. А использование смарт-контрактов для реализации бизнес-логики управления денежными средствами позволит любому программисту создавать финтех-продукты в считанные часы без необходимости инвестирования в дорогостоящую инфраструктуру.

ВЕДУЩИЕ СТРАНЫ МИРА ВОЗВРАЩАЮТСЯ К ПОЛИТИКЕ ПОЛНОЙ СВОБОДЫ РУК

С.К. Дубинин – член Совета директоров АО ВТБ Капитал, заведующий кафедрой финансов и кредита Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, член РСМД

– Сергей Константинович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Реальное достижение внешней политики последних 10 лет — сохранение стратегического равновесия в области ракетно-ядерного арсенала России и США. Обратной стороной этого успеха является рождение иллюзии, что никакие экономические неприятности не смогут поколебать этого паритета. Без сосредоточения на внутренних проблемах страны можно потерять весь потенциал внешнеполитического влияния.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– На сегодняшний день в системе мирового хозяйства и международных отношений уже сформировалась новая реальность. Однако еще не выработан общепринятый термин для ее обозначения: «Холодная война – 2» или «Биполярный мир+». Возможно, политкорректно будет звучать «Современный многополярный мир». Речь идет о противопоставлении США и КНР.

Главный вызов для России заключается в необходимости стратегического выбора – либо сосредоточить усилия страны на собственном социально-экономическом развитии, либо бросить все ресурсы на поддержание имиджа одного из «мировых полюсов», равновеликих Китаю и США. Последний вариант угрожает России тем, что собственные экономические интересы будут приноситься в жертву политическим амбициям. Например, пришлось услышать одобрительное мнение о проекте строительства газопровода из Ирана через Сирию и Турцию для подключения к «Турецкому потоку». Зачем России помогать открывать дорогу иранскому газу в европейские страны? Помогать газу из Южного Парса конкурировать с газом с Ямала? Сжиженный газ из США и Катара уже есть на этом рынке и грозит нам потерей клиентов в Европе. Решение остальных проблем нашей страны будет следствием этого внешнеполитического выбора. Как нам реагировать на климатический кризис? Как

обеспечить достойное участие России в цифровой трансформации мировой экономики? Как обеспечить экономический рост на фоне демографического спада и явной нехватки инвестиций?

– Как трансформируется российский бизнес в условиях глобальных потрясений?

– Российские бизнесмены стремятся трансформировать свои бизнес-модели в соответствии с перечисленными выше глобальными трендами и вызовами. При этом предпринимательский класс стремится активно взаимодействовать с российским государственным аппаратом и опираться на него. Однако ни правительство, ни бизнес не имеют убедительного сценария модернизации структуры российской экономики, перехода от добычи полезных ископаемых к производству *Hi-Tech* товаров и современных информационных услуг.

– Что ждет экономику России и мира после пандемии COVID-19?

– Период пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. усугубил негативные тенденции в экономике России. Кризисный спад в эти годы в странах с развивающимися рынками составил 2,1%, тогда как сокращение ВВП России в 2020 г. превысило 3%. Согласно прогнозу МВФ, в течение 2021 г. в данной группе стран началось восстановление экономического роста. Реальный прирост ВВП должен составить 6,7%. Тогда как в экономике России данный показатель оценивается в 3,8%. По прогнозу ЕАБР в период 2021–2023 гг. темпы роста ВВП России составят менее 3% в год.

Чрезвычайное положение 2020–2021 гг., связанное с пандемией COVID-19, подтолкнуло население и бизнес крупных российских городов к активному спросу на информационные технологические услуги, в частности на электронную коммерцию и дистанционное финансовое обслуживание. Отечественные фирмы в этих сферах (прежде всего банки) рывком перешли к созданию экосистем и маркетплейсов на базе информационных платформ. Однако одновременно с этим власти и бизнес стремятся к ограничению иностранной конкуренции на российском рынке, что ведет к монополизации рынка и застою.

– Сегодня противостояние великих держав главным образом перетекло в экономическую плоскость. Идет гонка на выживание, в которой далеко не всегда соблюдаются правила рыночной экономики. Санкции и монополизация рынка крупными корпорациями – яркий тому пример. Чем грозит такая гонка для мирового развития? Можно ли ее сделать более честной?

– Сразу нескольких ведущих стран мира возвращаются к политике полной свободы рук на международной арене, а также к методам, которые были характерны для внешней политики сотню лет назад. Данная тенденция выглядит не так трагично, как в начале XX в. Сегодня мир не стоит на грани большой войны, однако напряженность усиливается и культивируется.

Экономические санкции стали основным инструментом силовой политики. Выбор объектов, конкретных видов санкций, их жесткость и продолжительность – это исключительно политическое решение. На усиление давления нацелены «вторичные санкции». Они являются важным принципом для властей США. Европейские, китайские, японские компании часто сами становятся жертвами данной политики США.

Применение санкций, как правило, дополняется приведением в действие всего набора инструментов. Экономические и политические санкции против РФ применяются в комплексе с поэтапным разрушением режима контроля над вооружениями. Выход США из договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и договора по открытому небу (ДОН), а также попытка отказаться от продления договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) – примеры такой политики.

КНР сегодня вторая по значению экономика мира. По данным Всемирного банка, ВВП Китая в текущих ценах составляет 17,5% мирового объема, тогда как доля США равна 25,5%. В 2020 г. по абсолютным цифрам объем ВВП Китая уступал аналогичному показателю США на 5,59 трлн долл. в текущих ценах. Однако разрыв быстро сокращается. Администрация президента США Дональда Трампа в ответ на это избрала путь применения односторонних экономических санкций к китайским фирмам. Дополнительные санкции вводятся и против России. Часто это рассчитано на приобретение дивидендов во внутренней политике за счет призывов к сплочению перед лицом внешнего давления. Взаимные обвинения США и РФ во вмешательстве во внутренние дела выглядят зеркально.

В последние месяцы Китай и США перешли к более гибкой политике взаимных переговоров. Две эти страны называют друг друга «соперниками», но одновременно ведут интенсивный двусторонний диалог по широкому кругу

вопросов. У нас нет никакой гарантии того, что они будут готовы принимать во внимание российские национальные интересы. России необходима собственная программа переговоров со всеми центрами силы и соседними государствами.

– Российская экономика демонстрирует нарастающее отставание не только от группы наиболее развитых, но и от ряда развивающихся стран. Почему это происходит и что может послужить основой для устойчивого экономического роста нашего государства?

– По объему ВВП Россия сохраняет 11 место в мире. Номинальный размер ВВП России практически стагнирует на протяжении более десяти лет. В 2007 г. данный показатель впервые достиг уровня 1,4 трлн долл.; в 2020 г. он оценивается в 1,5 трлн долл. В 2013 г. размер российской экономики составил 13,6% американской экономики и достиг 2,3 трлн долл., а в 2020 г. доля отечественной экономики в сравнении с американской составляла около 7%. В результате такого развития событий доля России в мировом ВВП в 2021 г. держится ниже уровня предшествовавшего года (1,94%) и оценивается в 1,75%. По данным прогноза МВФ, эта доля к 2025 г. снизится до 1,67%. Почти все страны развивающихся рынков БРИКС, а также Индонезия и Нигерия выходят в настоящее время на схожие показатели.

Замедление экономического роста и снижение общего уровня доходов и благосостояния населения свидетельствует о недостаточности нормы накопления (доли инвестиций в основной капитал в ВВП) в нашей стране. На протяжении более чем десяти лет данный показатель не превышал 22–24%. Привлекательность российской экономики для инвестиций остается низкой. Нехватка капиталовложений ведет к замедлению модернизации структуры российской экономики. Ответ на вопрос, сможет ли наше общество пользоваться достижениями современных технологических инноваций и развивать ответственную социальную политику, непосредственно зависит от инвестиционного климата в России.

МИРОВОЙ ПОЛИТИКОЙ ПРАВЯТ НЕ СТРАНЫ, А ПОВЕСТКИ

У.М. Касимов – единственный учредитель ООО «ЮКейСиАй Раша», член РСМД

– Ульви Муталлимович, что бы Вы отнесли к основным успехам российской внешней политики за последние 10 лет?

– В силу своей деятельности я не очень вовлечен в российскую внешнюю политику. Как обыватель и наблюдатель могу отметить, что, по моим ощущениям, во «всемирном оркестре» наконец-то наш инструмент стал звучать и выделяться. Россия перестала быть одной из многих «скрипок». Кроме того, у нас появилась своя повестка, и это, я считаю, очень важно, потому что мировой политикой правят не страны и даже не блоки, а повестки.

Более 10 лет назад Россия представила свое видение мира, что он не одно- и не двух- или трех-полярный, а многополярный. Такую международную систему мы сейчас и наблюдаем: без многостороннего консенсуса невозможны никакие существенные изменения, потому что мир стал настолько связанным, что любой вопрос затрагивает одновременно всех. Наконец-то страны начинают разговаривать друг с другом, учитывать интересы даже совсем маленьких акторов.

– С какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– На ближайшие пять лет повестка уже определена. Во-первых, это климатические изменения. Мы все видим, что происходит с климатом. В ближайшее время проблема будет только усугубляться. Поэтому требуется координация действий всего международного сообщества в области климатических изменений. Во-вторых, назрела повестка, которую даже американцы признали, – ограничение гонки вооружений, где США к двусторонним советско-, а потом российско-американским договорам стали подталкивать и Китай. Если уж рано или поздно Пекин должен стать стороной такого соглашения, то почему бы и остальным ядерным державам, в том числе и тем, которые официально не вошли в ядерный клуб, но ядерными технологиями владеют, не присоединиться к договоренностям об ограничении гонки вооружения? В-третьих, на повестке стоит вопрос управления глобальными финансами. Даже американцы признают, что требуется создать совершенно новый механизм управления финансами, потому что Международный валютный фонд и Всемирный банк уже не справляются с решением всех глобальных задач в области финансов, которые стоят перед миром.

Еще одна повестка на ближайшие пять лет – борьба с неравенством. Сегодня встал вопрос мировой парадигмы – как дальше развиваться? Общим местом сейчас стало неравенство, причем больше всего об этом говорят не наследники Советского Союза, где равенство было как бы фундаментом государства, а представители западных стран. Уже президент Франции говорит о том, что капитализм сломался. Об этом же говорит большая часть американского истеблишмента. Как быть с богатством, как оно должно распределяться? Какие могут быть механизмы распределения этого богатства? Не имея общего консенсусного решения, каждая страна ищет свой путь.

– Как трансформируется российский бизнес в условиях глобальных изменений и потрясений?

– Если взять за шаблон американский или западноевропейский бизнес, то российский бизнес еще не совсем бизнес. Он находится в состоянии транзита. Он еще не вырос из-за особой ментальности нашего населения. Бизнес не существует в вакууме, он существует в социальной среде. Наша социальная среда по-прежнему наследница советского социалистического распределительного менталитета – таких механизмов уже нет, а менталитет остался. До тех пор, пока не изменится такой менталитет, российский бизнес не вырастет, он будет находиться в недоразвитом состоянии.

Также наследием советской ментальности я считаю ожидания, что вот правительство за все отвечает и за все ответственно, пусть так будет и дальше, и все у нас будет хорошо. Это такая болезнь нашего переходного периода. Этот переходный период можно укоротить. Вот в этом направлении наше руководство страны и двигается. Никакими революционными шоковыми методами нельзя действовать. Мы уже пробовали такой подход в начале девяностых – внедряли дикий капитализм, но он не появился.

Государство должно быть буквально на полшага впереди общества – ни на шаг, ни два, ни на десять. Общество должно быть готово к этим переменам, в противном случае никакие революционные законы соблюдаться не будут.

– Что ждет мир после пандемии COVID-19?

– Благодаря вакцинации воспроизводство коронавируса станет отрицательным. И тогда мы вернемся обратно в ту точку, в которой находились до 2020 г. Однако, судя по всему, подобного рода пандемии теперь будут возникать чаще хотя бы по той простой причине, что и эта возникла в условиях, которые были вне фокуса стандартного мониторинга эпидемиологической и санитарной обстановки. Теперь более пристально придется наблюдать за здоровьем

человека и за модификациями тех или иных патогенов, которые переходят на человека из животного мира. Скорее всего, из-за глобальности подобного рода вызовов мы будем двигаться к международной кооперации в медицинско-санитарной области.

– А что будет происходить в мировой экономике?

– Текущий кризис должен дать сильный рывок вперед, так как мировая экономика во время пандемии – словно сжатая пружина. Человек – социальное животное, и изменить это положение вещей никакая пандемия не сможет. Наша жизнь не может полностью переместиться в виртуальное пространство. Все вернется – туризм, логистика, бизнес.

Вместе с тем будет меняться организация труда. Я на своей шкуре убедился в том, что все эти годы, будучи строгим начальником и настаивая, чтобы все вовремя приходило на работу, я полностью отошел от этих позиции, потому что в период карантинных мер (а это достаточно такой статистически репрезентативный период), убедился, что в моих делах, оказывается, наличие людей в офисе вообще никак не сказывается на производительности труда. Более того, в моих делах производительность выросла. Многие рабочие дела возможно решать в дистанционном режиме, что сильно экономит время и сильно расширяет контакты. Я за полгода смог перезнакомиться, пообщаться и дать интервью в разы больше, чем до пандемии.

– Каковы мировые тренды в области новых технологий и какие из них открывают возможности для существенного экономического роста?

– Все ориентированные на человека технологии получают толчок – это биотехнологии, медицина и др. То есть вопрос здоровья человека станет более важным трендом, чем богатство. Также будут развиваться мультидисциплинарные комбинации, например, IT-технологии и геновая инженерия.

– В каких технологических нишах Россия может быть наиболее конкурентоспособна?

– Россия может быть конкурентоспособной абсолютно во всех нишах. У нас накоплена настолько огромная масса знаний, что никакими разругами, революциями, войнами ее нивелировать невозможно. Я не вижу никаких ограничений ни для одной из отраслей, где бы мы могли отстать навсегда. Например, одна из сложнейших с технологических точки зрения отраслей – это мирный атом. И посмотрите на наши российские успехи – мы номер

один в области мирного атома. Тут даже спорить незачем. Факты говорят за себя.

Если мы обратим внимание на любую другую технологическую область, то через шаг-два мы увидим такие же успехи, как и в любых других отраслях, где мы лидируем. В этом нет никаких сомнений.

Посмотрите в окошко. Что вы видите? Мы не видим разрухи. Мы видим, что все системы работают, что управляющие органы исполняют с тем или иным качеством свою функцию. А это дорогого стоит. Культура производства, да, она упала, но она восстанавливается. Это не навсегда потерянные знания. Культура организации, да, где-то просела, но это тоже не навсегда потерянное знание. Посмотрите на наших соседей, на тот же Китай – они сейчас в ряде областей занимают лидирующие позиции в мире. За какой период они этого достигли? И мы можем.

НОВАЯ ЭКОНОМИКА ПРЕДПОЛАГАЕТ ТРАНСФОРМАЦИЮ СПРОСА В СТОРОНУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Я.Д. Лисоволик – д.э.н., старший управляющий директор Сбербанка, начальник аналитического управления департамента глобальных рынков Sberbank Investment Research, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», член РСМД

– Ярослав Дмитриевич, что бы Вы отнесли к основным успехам российской внешней политики за последние 10 лет?

– Во-первых, формирование Евразийского экономического союза. Это ключевой и стержневой интеграционный проект, который заработал и дает реальные дивиденды как для России, так и для других стран-участниц этого регионального интеграционного блока. ЕАЭС позволяет нашей стране и ее партнерам заключать альянсы по всему миру. Это очень важная платформа для интеграции стран в мировую экономику. Есть перспективы и для того, чтобы использовать ее для развития такой новой формы интеграции, как «интеграция интеграций», которая подразумевает объединение одних альянсов с другими региональными блоками и отдельными странами. Я думаю, что здесь также перспективен и формат «цифровых альянсов», особенно учитывая то, насколько активно развивается цифровая повестка в рамках ЕАЭС.

Ко второму достижению можно отнести развитие отношений с Китаем, который на данный момент можно считать ключевым партнером России несмотря на то, что отдельные направления нашего сотрудничества, прежде всего в инвестиционной сфере, нуждаются в дополнительном импульсе и развитии.

Помимо этих важнейших достижений стоит отметить достижения в сфере экономической дипломатии, рост роли России на Ближнем Востоке и определение вопросов развития нефтяного рынка в формате ОПЕК+.

– С какими вызовами предстоит столкнуться России в ближайшие 5–10 лет?

– Прежде всего я бы отметил технологический вызов. Появляются области, где особенно остро проявляется технологическое соперничество, например, сети нового поколения 5G. Россия должна активно включаться в конкурентную борьбу и уделять должное внимание развитию новых технологий и их финансированию.

Второй важный вызов – новый виток развития глобализации. Последние несколько лет мы наблюдали откат от глобализации, но в обозримой пер-

спективе можно ожидать ее нового витка. Кроме того, соперничество Китая и США будет обостряться не просто за счет усиления протекционистских мер, но и конкурентной либерализации, формирования собственных моделей глобализации, экономической интеграции и открытости рынков, которые будут конкурировать друг с другом. Здесь для России важно не остаться «за бортом» и понять, каким образом, с точки зрения международной экономической дипломатии, она участвует в этих процессах и встраивается в те масштабные альянсы, которые сейчас формируются. В качестве примера можно привести Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) – крупнейший блок и зона свободной торговли, который был создан Китаем с партнерами из АСЕАН и некоторыми другими странами.

Третий вызов, о котором уже сегодня много говорят – «зеленая» повестка и развитие «зеленых» технологий. Учитывая сохраняющуюся зависимость российской экономики от цен на нефть, наша страна пока отстает от развития «зеленых» технологий и от тех процессов, которые развиваются в ключевых центрах мировой экономики, в частности в Европе, где наблюдается ускоренный переход на «зеленую» повестку в течение ближайших лет. Развитие «зеленых» технологий будет ключевым трендом постковидной мировой экономики, и Россия должна понимать, что с каждым годом этот вызов будет становиться все более серьезным.

– Как трансформируется российский бизнес в условиях глобальных изменений и потрясений?

– На мой взгляд, эта трансформация недостаточна как с точки зрения перехода на использование передовых технологий, так и с точки зрения формирования лидерами нашего бизнеса своих технологических, стратегических, внешнеторговых альянсов и встраивания в производственные цепочки. Эти процессы, конечно, развиваются, но намного медленнее, чем у экономических лидеров мирового хозяйства.

В контексте текущего кризиса и после кризиса, скорее всего, будет происходить достаточно масштабное переформатирование цепочек добавленной стоимости, и участие в этих процессах российских компаний должно стать намного более активным. Разумеется, здесь можно и нужно говорить о государственно-частном партнерстве и о том, что государство совместно с бизнесом должно прорабатывать стратегии участия в этих процессах.

России критически важно более оперативно осуществлять переход на новые стандарты и технологии, встраиваться в цепочки добавленной стоимости и заниматься разработкой отечественных передовых технологий, в том числе сотрудничая с иностранными компаниями для сокращения отставания.

– Что ждет экономику России и мира после пандемии COVID-19?

– Я думаю, что мы движемся к появлению новой экономики, в рамках которой будет происходить трансформация спроса в сторону человеческого капитала. В этой связи возрастает потребность в развитии здравоохранения и образования с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Российской экономике необходимо заранее подготовиться к такой трансформации спроса.

Еще одной характеристикой мировой экономики после кризиса будет переоценка глобальных рисков для компаний, стран и регионов. Я говорю о возможных «черных лебедях» или таких глобальных рисках, которые ранее не в достаточной степени отслеживались в области кибербезопасности, здравоохранения, изменения климата и т.д. Многие из этих рисков связаны с недостаточным финансированием или недостаточным человеческим капиталом. В частности, по существующим оценкам, дефицит специалистов в области кибербезопасности в мировом масштабе оценивается на уровне почти 5 млн человек. ВОЗ оценивает дефицит специалистов в области медицинского обслуживания на уровне почти 18 млн человек. *Global Infrastructure Hub* оценивает разрывы в области развития инфраструктуры в триллионы долларов. Вот эти глобальные риски необходимо внимательно отслеживать и предпринимать более решительные меры, чтобы их нивелировать.

В постпандемической мировой экономике мы увидим появление новых инструментов экономической политики, некоторые из них уже появляются в контексте текущего кризиса (например, «вертолетные деньги» — прямые трансферты населению для оказания адресной помощи). Возможно, что процессы совершенствования экономических инструментов будут развиваться и дальше, и помимо «вертолетных денег» мы сможем увидеть еще более адресные и выверенные инструменты экономической политики для поддержки населения благодаря использованию больших данных и технологий искусственного интеллекта.

Главный вопрос постпандемической мировой экономики: будет ли международное сотрудничество выведено на более высокий уровень? Пока что, к сожалению, наблюдаются противоречивые сигналы. С одной стороны, мы наблюдаем конкуренцию вакцин, а с другой — есть признаки того, что мировое сообщество начинает понимать всю серьезность текущего кризиса. Например, страны «Группы двадцати» после проведения последнего саммита представили мировому сообществу намного более согласованную резолюцию относительно совместных действий для борьбы с кризисом. Поэтому главная задача на сегодняшний день — поиск новых ресурсов на то, чтобы отойти от экстремального национализма и курса *«realpolitik»* в сторону более согласованных совместных действий. В этой связи необходимо активизировать взаи-

модействие не только между отдельными странами, но и региональными блоками и их институтами.

– Каково будущее совместных цифровых инициатив ЕАЭС и КНР?

– Если говорить коротко, то будущее есть, потому что спрос на такого рода инициативы громадный. Прежде всего он определяется потребностями в логистике и в развитии того, что по-английски называют «*connectivity*». И здесь речь идет не только о связанности России и Китая, но и Китая и Западной Европы, где страны ЕАЭС могут быть очень важными посредниками (в том числе и в цифровой сфере).

Второй фактор, который придает особую актуальность этому сотрудничеству – ковидный кризис, который явно повысил потребности в развитии цифровой инициативы.

Также важно упомянуть формирование ВРЭП под предводительством Китая, которое создает потенциально очень мощный цифровой альянс между странами Тихоокеанского региона. Здесь для России одновременно возникает как вызов, так и возможность для выстраивания взаимодействия не только с Китаем, но и его региональными партнерами. Поэтому необходимо подумать не только над цифровыми инициативами между ЕАЭС и Китаем, но и странами АСЕАН, ВРЭП и другими региональными блоками.

В целом хочу отметить, что цифровая повестка чрезвычайно актуальна для ЕАЭС, так как данный региональный блок имеет значительные логистические барьеры для выхода на внешние рынки. Четыре из пяти стран Союза не имеют выхода к морю, и развитие цифровой повестки во многом может позволить снизить важность фактора расстояния для поставщиков из стран ЕАЭС. Развитие цифровой повестки с Китаем в этом случае может стать важной составляющей, учитывая его прогресс в построении цифровой экономики.

– Как России избежать перехода на китайские стандарты и платформы?

– Необходимо внимательно проследить за тем, как будут развиваться стандарты и платформы мировой экономики в будущем. Нельзя в полной мере исключить того, что Китай в растущей степени будет формировать повестку в цифровом поле, учитывая то, как активно он продвигается в этой сфере. Для того чтобы в какой-то степени обеспечить суверенитет и пространство для маневра в рамках цифровой повестки России в качестве ключевых приоритетов нужно обозначить: увеличение инвестиций в развитие искусственного интеллекта, финансирование НИОКР как со стороны государственных, так и частных структур, развитие человеческого капитала.

Нам нужно научиться играть в долгую, расширять горизонты стратегического планирования и готовить кадры на будущее, которые могли бы в какой-то степени формировать новую технологическую повестку мировой экономики.

ТРИЛЕММА ГЛОБАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВУЕТ

З.Г. Магомедов – к.э.н., член РСМД

– Зиявудин Гаджиевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Третье десятилетие новейшей истории России оказалось не менее драматичным и насыщенным асимметричными вызовами. Мы живем в эпоху политической анархии, пандемии COVID-19, кризиса эколопического разочарования и демократической легитимности кризиса всеобщего достояния и международных отношений, кризиса глобального управления и институционального кризиса (от ООН и ее институтов до ВТО).

Своевременная и релевантная рефлексия на динамически меняющуюся внешнюю среду требует больших дипломатических усилий и искусного вовлечения в альянсы и международные институты. Подписанная ядерная сделка с Ираном в 2018 г. при участии России, недавнее достижение мира в Нагорном Карабахе при посредничестве Москвы, подписанная на приемлемых для России условиях, подписанное и принятое Парижское соглашение – пожалуй, безусловные успехи российской внешней политики.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Актуальная мощь любого государства определяется не только показателями ВВП, военной мощью (от *Force de Frappe* – ядерной триады до космических, кибернетических и обычных вооружений), индексами HDI (*Human Development Index*)/IDI (*Inclusive Development Index*), но и *soft power*, и межгосударственное сотрудничество.

Предстоящие годы предсказуемо детерминированы противостоянием США, Евросоюзом, Японией, Австралией и Индией, с одной стороны, и Китаем с другой. Желательно избежать вовлечения России в это противостояние, чтобы не подвергать окончательной деградации отношений с основным торговым партнером России – Евросоюзом.

Период ускоренной энтропии времен Д. Трампа, партнерства США-ЕС (от НАТО до Трансатлантического партнерства), по всей видимости, сменится дальнейшим укреплением альянсов США-ЕС по обширной повестке – Россия,

Китай, климатическое соглашение на COP-26 и др. Эта новая «старая» парадигма – вызов для России.

Политическая и экономическая турбулентность в сопредельных государствах (ЕАЭС, СНГ) синхронизированная во времени с динамическим фактором активной позиции Турции, проектом «Один пояс, один путь» Китая, предполагаемой интенсификацией позиций США на Украине и по событиям в Белоруси – представляют еще один вызов для России.

Уменьшающаяся доля России в глобальном ВВП, «зеленый» переход с заявленными амбициозными целями США, ЕС и других стран – серьезный вызов для структуры российского экспорта (с введением в ближайшее время трансграничного углеродного налога ЕС).

– Как трансформируется российский бизнес в условиях глобальных изменений и потрясений?

– Весь мир принаравливается к экспоненциальному технологическому сдвигу (от AI до CRISPR-Cas9), к стремительно возрастающей корпоративной экологической ответственности (все компании MAGA (*Microsoft, Apple, Google, Amazon*) и FATWIN (*Facebook, Twitter, Netflix*) и многие другие анонсировали амбициозные проекты с нулевым углеродным следом к 2030-2050 гг. Российские компании не смогут игнорировать эту трансформацию.

– Что ждет экономику России и мира после пандемии?

– Для глобальной конкуренции (семь из 10 крупнейших компаний в мире – американские, три – китайские) российским компаниям фундаментально необходима поддержка государства – как внутри, так и во вне. Я не артикулирую непреложность принципа «*Laissez-faire*», учитывая социально-экономические дисбалансы и диспаритеты некоторых развитых стран (США, Великобритании и др.), но – в основе экономического успеха и роста развитых стран – радикальная поддержка частной инициативы и эндогенного технологического роста. Повышение удельного веса в экономике России до 70-75% малых, средних и крупных частных предприятий позволит экономике страны расти.

Для достижения «святого Грааля» успеха, современной экономики – важен фокус на антропоцентричность в экономике. Критически актуальна благоприятная бизнес-среда, динамичная миграционная политика, максимально благоволящая бизнесу фискальная политика, стимулирование экспортной деятельности с упором на технологичность и экологичность, экономическая и правовая политика государства.

Без этой парадигмы, без полноценной партнерской модели государство-бизнес успешно конкурировать на глобальном рынке представляется нереальным, а российская доля в глобальном ВВП и дальше будет минимизироваться и маргинализироваться.

– Как Вы оцениваете будущее экономического взаимодействия стран АТЭС и России после пандемии COVID-19?

– Для всеобъемлющего и гармоничного вовлечения России в форматы партнерств с либерализацией торговых соглашений (как внутри АТЭС, так и в АСЕАН+ и т.д.) необходима компиляция структурной готовности экономики России и проактивные позиции партнерства бизнеса и государства.

При всей поспешной многоголосице о смерти глобализации, возросшем национальном эгоизме и пограничных тарифных препонах, международная торговля и глобализация будут интенсифицироваться, возможно, неравномерно распределяясь. Три гигантских рынка (США с 21 трлн долл. ВВП; ЕС с 14 трлн долл ВВП и Китай с 14,2 трлн долл ВВП) будут основными бенефициарами глобализации.

Трилемма Д. Родрика (глобализация, демократические институты и национальный суверенитет) действует и на глобальном уровне.

У России с ее географическими преимуществами и образованным населением есть возможности для достойного позиционирования во взаимодействии с двумя ключевыми партнерами – ЕС и Китаем. Сильный внутренний рынок и конкурентный на глобальном уровне бизнес, активная миграционная политика, эффективное участие в международных альянсах и институтах – все это позволит быть весомым и привлекательным участником глобального мироустройства.

ЯДЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДОЛЖНЫ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ОНИ — ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО

А.В. Хлопков – директор Центра энергетике и безопасности, главный редактор журнала «Ядерный Клуб», член Научного совета при Совете Безопасности РФ, член РСМД

– Антон Викторович, если взглянуть с «ядерного угла», то что бы Вы могли причислить к основным успехам российской внешней политики за последние 10 лет?

– Список можно набрать приличный даже за пределами ядерной проблематики. Это и Сирия (содействие законно избранному президенту страны в освобождении территории страны от сторонников террористических организаций), это и снижение негативных последствий от целого ряда односторонних санкций, которые были введены в отношении России под соусом ситуации в Украине. Сюда же стоит отнести дальнейшее развитие и углубление стратегического партнерства России и Китая.

Однако, возвращаясь к ядерному измерению, которым мы в первую очередь занимаемся, стоит выделить заключение в июле 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий по регулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы. На мой взгляд, существует сразу несколько направлений, где роль России в разработке, заключении и имплементации этой договоренности была центральной и критически важной.

Можно начать с того, что наша страна представила целый ряд концептуальных предложений о том, каким образом можно договариваться, и что будет лежать в основе таких договоренностей. Здесь можно упомянуть и принцип поэтапности и взаимности, который предложила именно российская сторона.

На протяжении нескольких лет Россия содействовала поддержанию диалога в формате «шестерки» – постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германии, с одной стороны, и Ирана, с другой стороны. В частности, в 2012 г. Россия у себя принимала один из переговорных раундов, а позднее оказывала содействие в проведении и организации последующих раундов в Казахстане.

Кроме того, технические предложения, исходящие от российской делегации, помогли «развязать» различные аспекты противоречий, с которыми столкнулись договаривающиеся стороны. Здесь стоит упомянуть репрофилирование уранообогатительного иранского завода «Фордо». Американская сторона и ряд западных стран настаивали на том, чтобы этот объект был полностью репрофилирован и не использовался для обогащения урана и центрифужных технологий в будущем. Тегеран настаивал ровно на обратном –

на сохранении объекта. И когда казалось, что решения у этой проблемы нет, идея пришла от российских технических специалистов: было предложено использование центрифужных технологий для производства стабильных изотопов (такие изотопы используются в медицинских целях, в том числе в рамках диагностики раковых заболеваний).

Российская роль была также крайне важной с точки зрения выработки соответствующей резолюции 2231 в рамках СБ ООН, фактически закрепившей те положения, которые в этой области были достигнуты. Такое всеобъемлющее содействие со стороны российской дипломатии для разрешения многолетнего кризиса вокруг ядерной программы Ирана, на мой взгляд, можно выделить в десятилетнем периоде российской дипломатии в период с 2010-го по 2020-й гг.

– С какими вызовами, на Ваш взгляд, России предстоит столкнуться в ближайшие 5–10 лет?

– Во-первых, нам предстоит столкнуться с дефицитом предсказуемости. Мир быстро меняется и отчасти это результат внутривнутриполитических процессов в ряде стран, включая такие важные для мирового сообщества государства, как США. Происходят и технологические изменения, их становится все больше и они также влияют на тот уклад, который имеется в мировых делах. Таким образом, целый комплекс объективных технологических и внутривнутриполитических изменений создает ситуацию, когда сложно предсказать будущее. Отчасти сюда же можно добавить и политику США, которая все чаще направлена на слом тех международных правил, норм и договоренностей, которые были достигнуты в последние десятилетия – будь то область контроля над вооружением, проблема нераспространения или торговые отношения. Такой клубок вопросов создает трудности для предсказуемости и планирования на среднесрочную перспективу.

Безусловно, сохраняется санкционная проблема, которая требует решения. К сожалению, в США уверовали в односторонние санкции как эффективный механизм давления на те страны, которые не готовы следовать американским принципам и приоритетам во внешней политике. Опыт последних лет показал, что государств, которые готовы противодействовать таким односторонним шагам США, осталось немного, и что даже большие европейские и азиатские государства зачастую в лучшем случае молча поддерживают односторонние действия Америки, а зачастую и вовсе присоединяются к ним, несмотря на то что эти действия часто противоречат и наносят ущерб их национальным интересам. Все вышеперечисленные факторы, вероятно, и будут осложнять внешнеполитическое планирование на обозримую перспективу.

– Как, на ваш взгляд, трансформируется российский бизнес в условиях глобальных изменений и потрясений?

– Буду говорить о сфере атомной энергетики, которую мы внимательно отслеживаем. Это одно из направлений, где Россия по состоянию на сегодняшний день высококонкурентна, где она развивает свое международное сотрудничество и с теми странами, которые считаются передовыми в ядерной сфере. Достаточно сказать, что наш торговый оборот в области гражданской энергетики с США близок к 1 млрд долл. в год, и эта цифра, учитывая нынешнее состояние двусторонних отношений, на мой взгляд, более чем впечатляющая. Если говорить о портфеле двустороннего коммерческого сотрудничества с горизонтом на 10 лет, то речь идет о миллиардах долларов. У нас есть, что предложить, а у американской стороны в первую очередь у энергетических компаний, есть интерес к взаимодействию. Поэтому если говорить о ядерной сфере, то у России есть соответствующие технологии, передовой опыт и кооперация как с передовыми странами (США, Франция и др.), так и с развивающимися азиатскими странами (Иран, Бангладеш и т.д.). Кроме того, Россия строит ядерные установки в Индии и Китае.

Однако возникает вопрос: какова перспектива атомной энергетики? Это связано в первую очередь с себестоимостью той энергии, которую атомные электростанции могут производить. С учетом падения экономики и проседания темпов экономического развития по всему миру, очевидно, электроэнергии требуется меньше, и в этих тяжелых экономических условиях все большую важность приобретает вопрос цены. Поэтому технологии, применяющиеся в атомной энергетике, должны доказать, что они являются технологиями будущего, в том числе и с точки зрения себестоимости.

На мой взгляд, проблема безопасности, которую в очередной раз подсветили события на АЭС Фукусима в 2011 г., в целом решается. Однако эта техногенная катастрофа вновь напомнила, что главным приоритетом ядерных технологий является безопасность. Поэтому вопрос скорее, если мы говорим об атомной промышленности, состоит в том, как она сможет адаптироваться к тем экономическим реалиям, которые сегодня существуют и которые во многом вызваны пандемией и глубоким экономическим спадом по всему миру. Но есть и более серьезный вопрос: каким образом атомная энергетика сможет конкурировать с набирающими популярность неуглеводородными технологиями?

Несмотря на вышесказанное, рынок атомной энергетики достаточно масштабный, и места на нем хватит всем тем немногочисленным игрокам, которые остаются. Сегодня это в первую очередь Россия, которая среди ядерных экспортеров с заметным преимуществом лидирует по числу строящихся АЭС

за пределами национальной территории. Наверное, в краткосрочной перспективе главным здесь конкурентом будет Южная Корея. Однако в ближайшие годы все активнее на этом рынке будут появляться китайские компании и технологии.

– Что ждет экономику России и мира после пандемии COVID-19?

– Наверное, этот вопрос лучше задать экономистам, к числу которых я не отношусь. Скажу лишь, что здесь, безусловно, важна интеллектуальная поддержка научно-исследовательских организаций и аналитических центров. Для таких учреждений важен «мозговой штурм», где эксперты, специалисты, как находящиеся в государственных, так и аналитических структурах, зачастую располагают большим временем подумать, проанализировать ситуацию и выдать свои рекомендации. Соответственно, от таких структур будет зависеть, какие идеи и предложения окажутся на столе у руководителей профильных государственных учреждений. И здесь роль Российского совета по международным делам достаточно высокая.

ЦЕННОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТАНОВЯТСЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ И КОМПАНИЙ СВОЕГО РОДА «БИЛЕТОМ» В БУДУЩИЙ МИР

И.Ю. Юргенс – президент Всероссийского союза страховщиков, член правления Российского союза промышленников и предпринимателей, член Попечительского совета РСМД

– Игорь Юрьевич, что бы Вы отнесли к основным успехам российской внешней политики за последние 10 лет?

– Главным успехом российской внешней политики за последнее десятилетие я бы назвал валовые показатели страны. В ходе «рокировки» осенью 2011 г. создалось впечатление, что никакой особенной внешней политики в ближайшие годы у России не будет, что она обречена к сползанию на обочину международного развития, так как не было поставлено серьезных внутренних целей, которым могла бы реально послужить активная внешняя политика. Но довольно скоро именно она стала одним из факторов обеспечения внутренней стабильности. В результате Россия на сегодняшний день – держава с большим внешнеполитическим капиталом. Она, безусловно, отстояла и укрепила свое место в международном диалоге, конечно, при некоторых репутационных сдвигах, с потерей отдельных площадок вроде бывшей G8 и недостаточной, по моему мнению, активности в других не менее серьезных институтах глобального управления, например, «Группы двадцати».

Другой вопрос, как именно этот капитал используется и будет использоваться. Хотелось бы, конечно, чтобы использование шло целиком в духе наших старых внешнеполитических доктрин — для развития страны и роста благосостояния людей.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами предстоит столкнуться России в среднесрочной перспективе?

– Возросшая турбулентность и неопределенность – это, безусловно, реальность международных отношений начала XXI в. Но также очевидно и то, что исходом нынешнего кризиса будет не конец света, а новая определенность и, полагаю, перезагрузка глобализации, признаки которой мы видим уже сейчас. Главный среднесрочный вызов для России, как и для любой другой мировой державы, состоит в том, чтобы правильно определить системные признаки и черты будущей определенности, войти в новый мир готовой к его реалиям и одновременно с этим принять максимально активное участие в складывании

этих реалий, в установлении новых международных норм, в пересмотре глобальной повестки и перестройке институтов глобального управления.

«Отменить» глобализацию не смогут ни пандемия COVID-19, ни электоральные успехи популистов. Глобализация слишком много дала и по-прежнему много обещает, чтобы ей поступиться. Причем дала она не только государствам-лидерам: именно благодаря глобализации к середине второго десятилетия XXI в. относительно 1990 г. доход на душу населения по ППС в развивающихся странах увеличился на 300%, их доля в мировой экономике выросла с 36% до 57%, а доля личного потребления в общемировом – с 20% до 30%.

Вместе с тем пересмотр глобальной повестки неизбежен. На первый план выходят нетрадиционные вызовы: финансово-экономические проблемы, угрозы социальной стабильности, атаки в киберпространстве, манипулирование достижениями технологического развития, изменение климата, безопасность здоровья. Они менее предсказуемы, чем традиционные, они легче преодолевают национальные границы, они способны принимать исключительные масштабы, поэтому и международная координация в борьбе с ними особенно востребована.

Критика существующих глобальных институтов в этом плане (как в случае с ВОЗ и пандемией) не обещает их отмены. Тот, кто ведет такие дискуссии, всерьез рассчитывает только на их обновление (или замену), – вполне возможно в собственных узких интересах.

От глобальных институтов требуют, с одной стороны, большей эффективности, с другой – большего равноправия. Именно от того, как будет реализована гармонизация двух этих требований (в целом ряде конкретных случаев, прямо скажем, пока противоречащих друг другу), и как будет выстроен баланс инклюзивности и продуктивности, в значительной степени зависит будущее глобального управления.

При этом мир остается разнороден в своих политических и общественных идеалах. Постепенная унификация, которую ожидали некоторые после краха СССР, не случилась и вряд ли случится в обозримом будущем. Необходимость найти пространство для консенсуса, общую платформу глобального сотрудничества давно назрела. И год от года все четче и шире возникает понимание того, что этой платформой могут стать принципы устойчивого развития. То есть такого развития, при котором сохраняются и расширяются возможности для будущего роста.

«Повестка дня в области устойчивого развития», принятая ООН в 2015 г., уже далеко не исчерпывается экологической проблематикой, к которой сводилась эта тема в 1990-х гг. В верхних строках Повестки находятся: ликвидация голода и нищеты, борьба с безработицей, доступная медицина и качественное

образование, равенство в правах и доступе к ресурсам, мир, правосудие и открытость в общественной жизни, и эффективные институты для обеспечения всего перечисленного. И закрепляет все вышеперечисленные цели идея партнерства. В частности, прописано, что работа по достижению устойчивого развития невозможна без налаживания партнерских отношений на глобальном, региональном и местном уровнях.

Практическая реализация этих подходов давно вышла за рамки ооновских деклараций. На них опираются и международные институты (например, «Группа двадцати»), и предпринимательство, для которого аналогичной посылке соответствует аббревиатура ESG.

Примечательна «обновленная» Атлантическая хартия, подписанная лидерами США и Великобритании в начале нынешнего лета. Первая часть документа отражает приверженность сторон традиционным ценностям Большого Запада, которая так или иначе перекликается с текстом Хартии 1941 г. с поправкой на то, что ни НАТО, ни ядерного оружия, ни киберугроз, ни многих иных реалий современных международных отношений тогда просто не существовало. Но и «принципы демократии», и «открытая и честная торговля», и «поддержка территориальной целостности, и мирного разрешения споров», и «укрепление международного сотрудничества» были вполне понятны и близки составителям старой Хартии.

Финальные же три пункта невозможно представить себе в декларации восьмидесятилетней давности. И тут речь идет именно о предметах, непосредственно связанных с понятием устойчивого развития. Вашингтон и Лондон обещают делать все, чтобы справиться с климатическим кризисом, защитить биоразнообразие и сохранить природу, продолжать создание инклюзивной, справедливой и основанной на общих правилах глобальной экономики, внедрять инновации и обеспечивать конкурентоспособность за счет высоких трудовых и экологических стандартов, укреплять финансовую стабильность и прозрачность, бороться с коррупцией и незаконным финансированием и развивать взаимодействие в целях усиления коллективной защиты от угроз здоровью населения.

Ценности устойчивого развития становятся для государств и компаний своего рода «билетом» в будущий мир.

Поиск устойчивости, новой формулы равновесия с неизбежностью будет определять и взаимоотношения мировых держав. И тут вызов, скорее, краткосрочный: чем скорее каждая из сторон нынешнего обострения перейдет от гонки претензий и угроз к определению тех пределов, которые не следует переходить в такой гонке, и к установлению обновленных норм взаимодействия, тем успешнее будет этот поиск равновесия, и тем весомее будет в итоге голос этого конкретного участника.

– Как трансформируется российский бизнес в условиях глобальных потрясений? Что ждет экономику России и мира после пандемии COVID-19?

– Эти вопросы перекликаются с темой будущих международных вызовов. Очевидно, что после кризиса экономику ждет восстановление. Очевидно и то, что наше российское восстановление будет не самым решительным в силу тех институциональных ограничений, о которых мы говорим уже лет двадцать.

Вероятно, несколько видоизменится глобальная система цепочек добавленной стоимости, по которой пандемия, закрывшая национальные границы, нанесла один из первых своих ударов. Вероятно, повсеместными станут меры к смягчению зависимости от тех или иных внешних источников сырья. Вероятно, ускорится цифровизация бизнеса. Она уже ускорилась; и через встряску пандемии как в России, так и за рубежом с наименьшими потерями проходят те, кто серьезнее занимался внедрением у себя информационных технологий. И на уровне компании, и на уровне отрасли необходимо не только инструментальное, но и законодательное обеспечение.

Но самых ощутимых перемен в среднесрочной перспективе стоит ожидать не здесь, а по линии ESG — *environmental, social and corporate governance*. Продвижение принципов устойчивого развития в предпринимательстве идет давно. Любые глобальные потрясения наподобие пандемии его только стимулируют. Ведь именно ориентация бизнеса на ESG позволяет наиболее полно и эффективно задействовать его в ответе на вызовы такого рода.

Летом прошлого года Россия представила в ООН первый Добровольный национальный обзор достижения целей устойчивого развития. Наиболее убедительно выглядит в Обзоре именно раздел, посвященный бизнесу. Отечественные предприниматели действительно активно участвуют во многих инициативах, связанных с целями, поставленными ООН. Ряд крупных компаний внедрили учет целей в свои стратегии, а некоторые уже приняли специальные стратегии устойчивого развития. Более полусотни российских компаний вошли в Национальную сеть Глобального договора, международной платформы ООН для поощрения социальной ответственности бизнеса.

Пока принципы устойчивого развития только складываются, их внедрение в практику и для государств, и для бизнеса имеет, как правило, необязательный характер. Но уже очевидно, что будущая архитектура глобального управления и глобальной экономики будет ориентирована именно на них.

– Мы видим значительное усиление санкционного давления на Россию. Как выживать российскому бизнесу в таких условиях, и особенно тем, кто работает на внешний рынок?

– Думаю, для самого бизнеса это достаточно праздный вопрос. Любой бизнес существует в условиях тех или иных ограничений. Остается хозяйствовать, исходя из них. И, разумеется, работать над их снятием. Но в данном случае о возможности прямой лоббистской работы, как правило, говорить не приходится. Зато в развитии предпринимательского, экспертного и политического диалога поверх санкционных границ, в развитии той среды, которая сама по себе является отрицанием санкционной политики, российский бизнес может и должен принимать посильное участие.

– Какие механизмы может использовать российское правительство для поддержания частного сектора?

– Я как президент Всероссийского союза страховщиков представляю один из самых частных секторов российской экономики. Опыт нашей отрасли, показавшей в 2020 г. значительный рост, говорит о том, что чем меньше в регуляторной политике страха и отчужденности, тем успешнее развивается частный бизнес. Страх ведет к полному или частичному огосударствлению. Отчужденность – к зарегулированности, сковывающей частную инициативу. Конечно, временами мы сталкиваемся и с тем, и с другим. Однако основная линия регулятора — это стимулирование здоровой конкуренции. Постоянная тонкая перенастройка, позволяющая снижать регуляторное давление там, где по бизнесу наносит свои удары «стихия» (как в случае с пандемией) – это и есть, по моему мнению, то главное, что может сделать российская исполнительная власть для поддержания отечественного частного сектора.

БИЗНЕС СПОСОБЕН СВЯЗЫВАТЬ СТРАНЫ

Д.М. Якобашвили – президент Российско-американского совета делового сотрудничества, член РСМД

– Давид Михайлович, что бы Вы отнесли к основным успехам российской внешней политики за последние 10 лет?

– За прошедшие 10 лет в российской внешней политике достигнуто не мало судьбоносных результатов, из которых благополучие России считаю главным элементом и главной целью. Однако к основным достижениям я все-таки отнес бы предотвращение глобальной войны. Это большое достижение. Мир, в котором мы живем, очень хрупкий, и в любую секунду может что-то «взорваться», и поводов для этого было немало. Мировая политика – это не что иное, как арена постоянной конфронтации разнообразных сил; борьба противоположностей, так сказать. Причем эту борьбу невозможно отменить, но можно сбалансировать. Именно поэтому баланс сил считается одной из основных категорий геополитики. И у нас есть полное понимание того, что только соблюдение баланса, то есть предотвращение доминирования в международной системе одного государства или группы стран, и поддержание международного порядка дает возможность избежать крупного вооруженного конфликта. Важно сохранить паритет в области вооружения и удерживать баланс сил, что, безусловно, является ключевой задачей. А за этим уже следуют: укрепление суверенитета, безопасности, создание нового вооружения и т.д. К сожалению, не повышение самосознания, а именно баланс сил идут на пользу миру.

– С какими главными вызовами Россия столкнется в ближайшей перспективе?

– К основным вызовам можно отнести глобализацию, пандемию, спад в мировой экономике. Современный мир находится на важной исторической развилке. Под угрозой находится хрупкий геополитический баланс, на достижение которого ушли многие десятилетия. Политическая стабильность в мире в ближайшие 30 лет – под большим вопросом.

Фактор глобализации пока смягчает политические противоречия. Однако в самом процессе глобализации наметились серьезные дисбалансы. Их наложение на политические противоречия и социальное расслоение может привести к глубокой разбалансировке системы международных отношений. Мы уже стали свидетелями, как Северная Корея запустила ракеты, как тысячи беженцев пересекли и пересекают границы, спасаясь от войн и насилия, как хакеры вмешиваются в ход выборов в других странах. Масштабные миграции

увеличили этническое разнообразие обществ, способствуя беспрецедентному взаимопроникновению культур, но одновременно с этим, к сожалению, обостряются межрелигиозные противоречия. В хаосе, охватившем мир, роль обычной дипломатии – умения разговаривать друг с другом – необыкновенно возрастает. Именно Россия может позиционировать себя как посредник межкультурного и междцивилизационного диалога.

В этих непростых условиях России важно поднимать благосостояние населения до уровня наиболее прогрессивных стран, сохранять и совершенствовать научно-технический потенциал. Без этого невозможно сохранить ни мир, ни движение вперед – это очень важная вещь, на которую надо постоянно обращать внимание. Наша молодежь должна стремиться жить и созидать в России.

Наша страна сохраняет серьезный военно-политический потенциал. Поэтому, хотя ее экономика несопоставима ни с одним из центров силы, она способна играть балансирующую роль во всех ключевых регионах. До тех пор, пока существуют границы, не наступило благоденствие и полное понимание друг друга, не возникли универсальные законы, которые бы чтит все человечество, надо сохранить нашу страну в тех границах, в которых она сейчас находится, и использовать каждый ее кусочек для извлечения максимального блага для нашего населения.

К глобальным стратегическим вызовам в ближайшей перспективе надо отнести и ограниченность ресурсной базы экономического роста, и пределы антропогенного вмешательства в развитие окружающей среды. Природные богатства и экологический потенциал России выводят ее в число наиболее значимых игроков в решении проблемы. А увеличение потребительского спроса в Азии открывает широкие возможности для роста мировой экономики. Россия может и должна найти свою структурную нишу.

Что касается пандемии COVID-19, то мы видим неподготовленность к решению этой проблемы со стороны всех правительств и страх чиновников потерять свое место. Много вопросов решается чисто политически, не научным способом. Какие шаги нужно предпринимать – это должны решать ученые на различных международных площадках, а не политики. Очень много вещей, которые выходят за рамки разумного, и порой это происходит чисто из политических соображений. Например, закрытие ресторанов, музеев, когда в то же время работают транспортная система и продуктовые магазины. Все эти непродуманные решения оставляют тяжелый отпечаток на экономике, которую потом придется долго восстанавливать как в России, так и в других странах. На мой взгляд, для ускоренного восстановления экономики необходимо проработать вопрос снижения налогов на федеральном уровне и дать возможность людям трудиться без каких-либо ограничений.

– Как Вы оцениваете текущее положение торгово-экономических отношений России и США?

– К сожалению, плохо оцениваю. Плачевно. Хотя можно было бы работать в этом направлении намного лучше. В последнее время, как мы видим, отношения США и России, выступающие системообразующим фактором сохранения глобальной стабильности и безопасности, сильно деградировали на фоне разнящихся подходов к урегулированию некоторых международных проблем. Но экономика есть экономика – несмотря на политику, надо было торгово-экономические связи двух стран развивать. Мы бы могли много чего сделать с любыми странами – с тем же Китаем, Европой, странами Африки. Что касается Америки, то многое зависит от того, к чему приведут переговоры по ограничению вооружений и другим политическим вопросам. При этом, как я уже упоминал, нельзя мешать вопросы экономики и политики, так как одно другому не мешает.

– Как можно улучшить отношения России и Америки, которые сегодня находятся на беспрецедентно низком уровне?

– Бизнес способен связывать страны. Дипломатам проще устанавливать взаимоотношения, если есть экономическая основа. Все диктует все-таки экономика. Я понимаю, конечно, что обе стороны рисуют друг друга в плохом свете, чтобы оправдать внутренние экономические неприятности, но с другой стороны, надо все-таки думать о том, чтобы будущие поколения жили в мире, согласии и понимании. Важно извлечь максимальное количество уроков и ни в коем случае не поддаваться стрессовому фактору – это лучшее, что можно сделать в текущий период. В общем, отточить весь механизм работы в период кризиса. И главное – оставаться человеком. Учитесь новому, ведь кризис – это время для поиска новых стратегий и способов развития бизнеса.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

А.Г. Аксененко – Чрезвычайный и Полномочный Посол России, вице-президент РСМД

– Александр Георгиевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– За последние 10 лет – с того момента как образовался РСМД – приходилось работать в условиях быстро меняющегося, где-то обновляющегося мира и неопределенной траектории перемен. В разных частях света, как и в России, в рамках политологических дискуссий обсуждались такие термины как полицентричный мир, новая биполярность, игра без правил, осыпавшийся и, наконец, многополярный мир. Такое разнообразие оценок говорит о том, что ответы пока не найдены. Тем не менее в глобальном плане намечаются определенные внешнеполитические тенденции.

На мой взгляд, первым трендом можно назвать потерю глобальной управляемости, что ведет к опасной хаотизации международных отношений. Отсюда возрастающая степень непредсказуемости и рисков.

Второй тенденцией можно обозначить доминирование внутренней политики над внешней. Я имею в виду, что соображения внутренней политики все больше превалируют при выработке внешнеполитических решений и в США, и в Европе, и в России. Для менее крупных держав это может быть не столь актуально в силу добровольной передачи ими суверенных прав. Для крупных мировых игроков же примат внутренней политики над внешней стал более заметен. Так, в условиях беспрецедентной поляризации в обществе и в межпартийных отношениях президент США Дж. Байден все более вынужден смотреть в сторону реакции конгресса США и гражданского общества. Можно сказать, что модель политической системы в США показывает свои явные дефекты.

Третья тенденция – довольно четко обозначенный примат силовых методов. Это происходит в ущерб диалогу и коллективному обсуждению в форматах многосторонней дипломатии. Однако совершенно очевидно, что подобные силовые методы со стороны США и Запада в отношении России не работают.

Четвертая общая тенденция – выход на первый план, в разных формах и проявлениях, проблемы взаимоотношений государства и гражданского общества. Во внешнеполитических делах возникает все больше вопросов, трудно решаемых на уровне традиционной дипломатии, как на межгосударственном уровне, так и в рамках многосторонних форматов. В ООН количество ветирований за последние 10 лет заметно увеличилось.

– С какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Если говорить о положении дел в мире и места России в нем, то можно заметить, что с начала 1990-х гг. внешнеполитический маятник резко качнулся от концепции стратегического партнерства с Западом до крайней степени стратегического противостояния. Мне кажется, это другая крайность, которая навязана России извне. Россия сейчас вышла на новую парадигму отношений. Период поиска себя и своего места в меняющемся мире, я бы сказал, заканчивается. Россия осознала свои вечные исторические интересы: самоутвердилась в том, какими путями и способами нужно утверждать свои интересы. В качестве примера, подтверждающего данный тезис, я бы отметил демонстрацию роли России как мирового поставщика безопасности, опоры глобальной стратегической стабильности. Так, неслучайно одним из первых действий новой американской администрации было решение продолжить переговоры о продлении договора СНВ-3.

Я бы также отметил, что внешнеполитический курс России ориентирован на становление полицентричного миропорядка, который бы отражал сложившееся разнообразие национальных идентичностей, принцип равенства и справедливости в международных отношениях. Что касается нового подхода со стороны Запада – миропорядок, основанный на правилах – он, по существу, означает установление одной группой государств некоего универсального режима международного общения, обязательного для всех. То есть, по сути, это уничтожение суверенитета и подчинение государств юрисдикции мирового правительства. Россия, выступая против такого подхода, встречает поддержку очень многих стран, больших и малых. Вместе с тем Россия должна быть готова и к обновлению норм международного права, но на коллективной основе – так, как разрабатывался сам устав ООН. Мне кажется, если такое понимание дойдет до высоких представителей власти на Западе, то это поспособствует снижению напряженности в мире.

Значимость обретает прогнозирование и правильная оценка рисков. Как бывший заместитель директора департамента внешнеполитического планирования МИД России, я бы отметил, что, несмотря на опасности «новой конфронтации» есть и позитивное в том, как сейчас выстраивается общение между Россией и США. Проявляется своего рода не негативная, а позитивная зеркальность. Если взять последние заявления российских и американских официальных лиц, то обе стороны зеркально высказываются за стабильные и предсказуемые отношения. Среди общего для обеих стран – продолжение диалога, поддержка деконфликтных механизмов, что очень важно в нынешних условиях непредсказуемых рисков, и сотрудничество там, где интересы сторон совпадают.

– В 2010-х гг. Россия проводила активную политику на Ближнем Востоке. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в этом регионе? Какими должны быть приоритеты российской внешней политики на Ближнем Востоке в ближайшие годы?

– Именно на Ближнем Востоке Россия проявила свои уникальные качества модератора, примиряющего интересы вечных антагонистов этого региона: Израиля и Ирана, Саудовской Аравии и Ирана, интересы сирийских курдов и правящего режима в Дамаске, различных палестинских организаций и т.д. То же просматривается в отношениях с Турцией: несмотря на имеющиеся разногласия, сторонам удастся находить компромиссные решения. Это большое достоинство российской дипломатии на Ближнем Востоке. Я думаю, что Россия продолжит развивать этот подход и в дальнейшем.

– Россия приняла ряд дипломатических мер для стабилизации ситуации в Сирии и продвижения политического диалога между враждующими сторонами. Как Вы оцениваете процесс сирийского урегулирования на современном этапе?

– С моей точки зрения, многое будет зависеть от того, какое решение будет найдено уже в краткосрочной перспективе. В Сирии, в отличие от многих несостоявшихся государств, режим все-таки не потерял управляемость, хотя и на местах поддерживается особыми методами, через местную милицию и нуворишей военной экономики. Сейчас важны, прежде всего, гуманитарная поддержка и смягчение санкций, ибо уровень жизни находится ниже той черты, на которой он был во время интенсивных военных действий. Положение близко к катастрофическому. Обнищание более 80% населения идет нарастающими темпами. Россия делает все возможное для поддержки экономики Сирии наплаву, но, по общим оценкам, конфликт как бы замораживается. В этих условиях о какой-то реконструкции не может быть и речи. Россия совместно с Ираном, Китаем, Индией, рядом других европейских государств обсуждает возможности сотрудничества в гуманитарной сфере для удовлетворения элементарных жизненных потребностей населения, но этого явно недостаточно. Выживание экономики – это сейчас вопрос политический, требующий трезвых решений на высшем политическом уровне. Чем быстрее в Дамаске поймут эту тесную связь, тем больше будет шансов на выход их кризиса. Продолжение нынешней ситуации и риторики прошлых лет ведет к потере многого из того, что режим Б. Асада добился ценой больших жертв. В этой связи я вижу три сценария развития событий в Сирии.

Первый – благоприятный, но, судя по всему, маловероятный. Он заключается в том, что после президентских выборов последует политическая инициатива со стороны президента Сирии Б. Асада. Инициатива будет включать серьезный и субстантивный межсирийский диалог о политических реформах в рамках конституционного комитета и не только. При ускорении работы конституционного комитета возможно российско-американское взаимодействие. По мере продвижения конституционного процесса предполагается разговор в международном формате о каком-то смягчении санкций и наращивании гуманитарной помощи. России необходима международная легитимизация (*правительства в Дамаске – прим. редакции*), чтобы российское военное присутствие в Сирии не вызывало вопросов. У России нет стратегии выхода из Сирии. Россия вошла в Сирию, чтобы затвердить свое место как крупного игрока на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье.

Второй сценарий – сохранение политического режима в Сирии в неизменности и монополизация власти под покровом какой-то новой версии национального фронта, который существовал во времена бывшего сирийского президента Х. Асада. Это будет означать нарастание трудностей и социально-политической напряженности, новый всплеск террористической активности на фоне обваливающейся экономики и де-факто раздела Сирии. Для России потребуется наращивание военных расходов в условиях новых конфронтационных рисков.

Третий сценарий – экономический коллапс, как в Ливане, и новый виток протестной активности с внешним вмешательством. Если говорить о рисках, то Россия должна определить цену своего внешнеполитического вложения за рубежом, как в региональном, так и в глобальном плане. Соответствует ли эта цена экономическому потенциалу страны? Можно ли эту цену платить без урона для жизненного уровня большинства российского населения?

Кроме того, в качестве своего рода риска стоит учитывать растянутость военно-стратегических коммуникаций. Украина, миротворческая миссия в Нагорном Карабахе, Ливия, Сирия, вопрос военно-технического пункта на Красном море и др. – все это, конечно, необходимо, но требует какой-то сдержанности и реализма в оценках. Наконец, существует опасность, возможной потери внешнеполитического равновесия, как это было в 1990-х гг. Тогда были иллюзии о том, что Россия может быть принята в клуб западных держав без всяких условий. Теперь же может быть обратное заблуждение – о примате силы в международных отношениях. Именно здесь, как мне представляется, России необходимо найти разумный баланс при принятии внешнеполитических решений.

РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ВЗВЕШЕННАЯ И СБАЛАНСИРОВАННАЯ

А.М. Белоногов – к.ю.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол России, член РСМД

– Что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Главным достоинством и достижением российской внешней политики последнего десятилетия считаю ее полную адекватность объективному положению и имеющимся возможностям. С одной стороны, наша страна все еще испытывает тяжелые последствия распада СССР, а с другой – на западном направлении для нее сложилась весьма неблагоприятная обстановка. Коллективный Запад использует различные формы давления, чтобы затормозить технологическое, экономическое и военное развитие России. Резко активизировавшаяся русофобская линия объясняется, прежде всего, выявившейся несостоятельностью его прежних расчетов на слабость, уязвимость и покладистость России, на нарастание в ней внутренних проблем. В действительности произошло обратное: укрепилась политическая консолидация России и возросла ее твердость в защите своих национальных интересов как великой державы, что Запад не устраивает.

Возращение Крыма и военно-политическая акция в Сирии – самые яркие примеры того, что для обеспечения своих национальных интересов Россия уже вполне способна действовать быстро, решительно и эффективно. Миротворческая операция в Нагорном Карабахе упрочила российские военные возможности в Закавказье. Принятие конституционной поправки относительно неотторжимости российских территорий – еще одна успешная акция по укреплению суверенитета и целостности страны, при этом акции не силовой, а чисто законотворческой, но тем не менее полностью выбивающей почву из чужих расчетов вынудить Москву к территориальным потерям.

Бесспорным плюсом для России стало продолжившееся упрощение ее отношений с Китаем. Положительно и то, что с подавляющим большинством остальных стран мира, кроме, к сожалению, стран Запада, у нас поддерживаются и во многих случаях получают дальнейшее развитие политические, торгово-экономические и другие связи. Важно также, что для большинства кавказских бывших союзных республик, кроме Грузии и республик Средней Азии, при всей многовекторности их внешней политики российский вектор остается определяющим.

В международных организациях, где участвует Россия и, прежде всего, ООН, Москва действует уверенно, как и подобает великой державе с глобаль-

ными интересами. Однако потребуется еще время, чтобы США и их союзники, убедившись, что санкциями и иными мерами давления Россию с ее курса не сбить, внесли коррективы в свою политику. Поэтому в среднесрочной перспективе международная обстановка для реализации Россией ряда ее внешнеполитических задач, особенно в сфере безопасности, будет оставаться достаточно сложной.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Вызовы, с которыми России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе, условно можно разделить на три категории.

Первая категория – это вызовы России, исходящие от других государств с враждебными целями, а также от их объединений по политическим, военным, торгово-экономическим и иным мотивам.

Вторая категория – это вызовы, связанные со случаемися время от времени негативными явлениями в мировой экономике: кризисами, депрессиями, скачками мировых цен на товары, сбоями в мировой финансовой системе и др.

Третья категория вызовов – это вызовы природного характера: эпидемии, пандемии, землетрясения, наводнения, засухи, настораживающие изменения в климате и т. д.

Вызовы второй и третьей категории касаются не одной России, они носят во многих случаях региональный или даже глобальный характер. Но противостоять таким вызовам приходится все равно каждой стране преимущественно в одиночку, поскольку широкая международная солидарность все еще остается крайне редким явлением, как это, в частности, ярко проявилось в ситуации с пандемией COVID-19. Хотя какой-то конкретный вызов, относящийся к последним двум категориям, может в тех или иных обстоятельствах представить для России серьезную угрозу, больше всего опасности таят и будут таить в себе вызовы первой категории как умышленно направленные на подрыв безопасности, политического строя, технологического, экономического и военного развития России. При этом такие вызовы, как правило, масштабны, очень разнообразны и весьма затратны для нас в плане противодействия. Основные из этих вызовов, на мой взгляд, состоят в следующем.

1. США продолжают и, возможно, даже нарастят гонку стратегических вооружений. Теоретическая возможность удержать ее в определенных параметрах существует, но реализовать эту возможность будет крайне сложно,

особенно из-за китайского фактора, который раньше в расчет не принимался. В этом смысле ситуация изменилась качественно, не говоря уже о влиянии на нее наличия у России новейших средств доставки ядерного оружия, с отсутствием чего в собственном арсенале Вашингтон наверняка не примирится, но попытается выиграть время, в том числе и за счет переговоров с нами.

2. Продолжит насыщаться различными аппаратами военного назначения околоземное космическое пространство, что для нас будет сопряжено с рисками. Соответственно, потребуются дальнейшие усилия, чтобы быть в этом плане на уровне.

3. Многочисленность натовского альянса уже сама по себе ведет к тому, что совокупность их обычных вооружений, к тому же постепенно растущих, создает для российских обычных вооруженных сил существенные проблемы. Негативное значение, с точки зрения нашей безопасности, будет иметь неуклонное оттягивание натовской военной структуры к границам России. Серьезную дополнительную опасность являет собой и начавшееся освоение натовцами территории Украины. Встав на этот курс, НАТО вряд ли от него легко откажется.

4. Воодушевившись тем, как легко и дешево Вашингтон и его европейские союзники создали для нас серьезную головную боль в лице нынешней Украины, НАТО будет стараться нечто подобное совершить и с Белоруссией. Это новый, очень опасный и долговременный для нас вызов.

5. Надо исходить из того, что будут продолжены усилия Запада по наращиванию своих политических, экономических, информационно-пропагандистских и иных позиций в ближних союзных республиках Закавказья и Средней Азии. В этом же направлении будут действовать и некоторые страны мусульманского мира, в связи с чем надо учитывать возможность установления талибами полного контроля над Афганистаном и вытекающие из этого дополнительные сложности для Таджикистана и, соответственно, для России.

6. Международный терроризм хотя и заметно сбавил свою активность после разгрома ИГИЛ (запрещенная в РФ террористическая группировка) в Сирии, но не исчез и не исчезнет в будущем. Он продолжит требовать к себе неослабного внимания.

7. Кибератаки – сравнительно молодой, но весьма опасный феномен, вполне способный по-новому поставить проблему обеспечения безопасности жизненно важных объектов России, особенно в условиях, когда цифровизация приобретает все более масштабный характер. Хакерство чем-то сродни терроризму, только последствия успешных кибератак могут быть куда масштабнее.

8. Вызовом будет обостряющаяся война в информационном пространстве, тем более что контроль над интернет-ресурсами находится отнюдь не

в дружественных руках. Негативным фактом остается огромный численный перевес действующих против России зарубежных СМИ.

9. Запад, скорее всего, захочет практиковать и в дальнейшем политику санкций, что будет ставить Россию в политически и экономически ущербное положение и негативно сказываться на ее престиже. Это вызов, к которому еще предстоит найти убедительное противоядие.

10. В предстоящие годы Россия продолжит сталкиваться с попытками Запада вмешиваться в ее внутренние дела, раскачивать политическую систему через поддержку определенных оппозиционных элементов и стимулирование регионального сепаратизма. В этом же направлении будут действовать и некоторые мусульманские государства, в частности Турция, взявшая под свой прицел российские тюркоязычные регионы. Разновидностью вмешательства в российские внутренние дела под предлогом защиты прав человека стала пропаганда идей, подрывающих устои семейной жизни россиян. С этим вызовом России придется бороться, судя по всему, еще долгое время.

Подводя черту под сказанным выше, хочу подчеркнуть следующее: все эти десять вызовов – на самом деле их можно насчитать и больше – достаточно серьезны и носят долговременный характер, однако ничто не свидетельствует о неспособности России с ними справиться. Каждый этап нашей многовековой истории имел свои вызовы, в том числе и смертельно опасные для народа и государства. Опыт истории говорит о необыкновенной устойчивости России с ее народом, необъятными пространствами, и природными богатствами.

– В 2010-х гг. Россия проводила активную политику на Ближнем Востоке. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в этом регионе? Какими должны быть приоритеты российской внешней политики на Ближнем Востоке в ближайшие годы?

– Российскую внешнюю политику на Ближнем Востоке считаю взвешенной, сбалансированной и вполне эффективной, она в полной мере соответствует российским национальным интересам. Ее главным результатом считаю то, что благодаря своевременной военной помощи правительству Б. Асада в Сирии, Россия не допустила превращение Ближневосточного региона в вотчину ИГИЛ и базу для мусульманского терроризма. В итоге Москва нарастила свое политическое влияние и военное присутствие в регионе, сохранила дружественный режим в Сирии и несколько ослабила позиции США на Ближнем Востоке.

Вторым важным для России фактором развития обстановки на Ближнем Востоке считаю провал цветной революции в Египте, приведшей по началу

к власти «Братьев-мусульман» (организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ). Египет для нас – второе по значению после Сирии государство в данном регионе.

И третьим по важности для России направлением считаю арабские страны Персидского залива, где еще сравнительно недавно у нас не было почти никаких позиций. Сотрудничество со странами Залива в целях поддержания цен на нефть продолжит иметь для Москвы самое серьезное значение.

В плане отношения с палестинскими арабами и Израилем, считаю нынешний курс прагматичным, полностью оправдывающим себя и позволяющим иметь взаимовыгодные отношения с обеими сторонами конфликта. Что касается Ирака, очень важной для России страны, то ситуация там пока остается запутанной, а в плане перспектив – неясной. Поэтому надо очень внимательно ее отслеживать, чтобы не пропустить момент, когда нам можно будет сыграть там ту роль, какую сочтем для себя оправданной, чтобы максимально вывести эту страну из-под американского влияния и усилить в ней собственные позиции.

– Влияние внешних игроков на ситуацию на Ближнем Востоке традиционно оставалось высоким, что не стало исключением и в 2010-е гг. Какое влияние, по Вашему мнению, окажут глобальные игроки на дальнейшее развитие региона?

– Интерес глобальных игроков к Ближнему Востоку будет оставаться высоким в силу, прежде всего, геостратегического положения региона и его нефтяных и газовых богатств. Самым активным и влиятельным игроком останутся США: они опираются в первую очередь на свои прочные связи с Израилем и арабскими государствами Персидского залива, особенно с Саудовской Аравией как самой крупной и богатой из них. В повседневной жизни главными инструментами политики США на Ближнем Востоке останутся государственные и частные деньги, а также деятельность в регионе корпораций, университетов, информационных центров и других организаций, действующих в американских интересах.

В военной сфере США будут делать упор на поставки своего оружия и на развитие других форм военного сотрудничества с близкими для себя странами. Присутствие в регионе сухопутных вооруженных сил США, сопряженное со слишком большими издержками, скорее всего, продолжит сокращаться. Но в целом боевые возможности США на Ближнем Востоке, благодаря флоту и авиации, будут поддерживаться на нужном для Вашингтона уровне.

Каждый из глобальных игроков преследует на Ближнем Востоке собственные цели, поэтому их влияние на обстановку в регионе оказывается раз-

нонаправленным. В экономической сфере они в основном конкурируют друг с другом. Иное дело – политика: здесь западные игроки, ориентируясь прежде всего на Вашингтон, чаще всего действуют заодно, как мы видели на примере кризиса в Сирии. Политические и экономические позиции на Ближнем Востоке бывших колониальных держав региона, Великобритании и Франции, постепенно слабеют, хотя кое-где они еще существенны (например, у Франции в Ливане). Но ни Лондон, ни Париж не делают в регионе погоды, как и европейское сообщество в целом. С точки зрения наших интересов важно, что на Ближнем Востоке возник и постепенно становится заметным китайский фактор. Как и в других регионах мира, он имеет пока форму преимущественно экономического присутствия, но Пекин уже построил базу в Джибути и сделал заявку на военное присутствие в Средиземноморье, что открывает возможности для координации в некоторых случаях российских шагов с КНР.

При всем значении глобальных игроков на Ближнем Востоке, развитие обстановки в регионе в основном все же определяется положением дел в самих ближневосточных странах. Существенным фактором останется и направленность действий Турции и Ирана, которые тоже являются активными игроками на ближневосточном поле.

РОССИЮ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ЦЕНЯТ ЗА НАДЕЖНОСТЬ И ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ

М.Л. Богданов – специальный представитель президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, член РСМД

– В 2010-х гг. Россия проводила активную политику на Ближнем Востоке. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в этом регионе? Какими должны быть приоритеты российской внешней политики на Ближнем Востоке в ближайшие годы?

– Ближний Восток продолжает оставаться одним из самых сложных и турбулентных регионов мира. Конфликтов и зон вооруженной эскалации там становится все больше. Наряду с этим, для многих ближневосточных стран характерна социально-экономическая нестабильность, бедность, безработица. Все это создает благоприятную почву для радикализации населения, повышения активности разного рода экстремистских движений. Как следствие, регион Ближнего Востока и Северной Африки по-прежнему является источником серьезных угроз международной безопасности, в том числе и национальной безопасности России.

Именно с целью купирования подобных рисков в сентябре 2015 г. Россия откликнулась на просьбу правительства Сирийской Арабской Республики (САР) и активно подключилась к ее борьбе с террористической угрозой. Как известно, в рядах действовавших на территории Сирии бандформирований воевали тысячи выходцев из России и государств постсоветского пространства, которые впоследствии могли «просочиться» в РФ для совершения терактов и ведения иной подрывной деятельности. Благодаря сотрудничеству российских и сирийских военных удалось нанести решающее поражение ИГИЛ и другим группировкам, освободить практически все захваченные ими районы САР, перейти к постконфликтному восстановлению этой страны и запустить процесс возвращения беженцев и временно перемещенных лиц к родным очагам. Думаю, это весьма убедительно свидетельствует об эффективности российской внешней политики на ближневосточном направлении.

Конечно, нельзя не учитывать и тот факт, что пространство Ближнего Востока и Северной Африки остается «полигоном» геополитических экспериментов «коллективного Запада» во главе с США. К хорошо известным примерам разрушительной американской стратегии глобального доминирования относятся события в Ираке, Ливии и Сирии. Это является дополнительным фактором дестабилизации, перманентным триггером новых вызовов и угроз.

Откровенно доводим такой посыл и до наших ближневосточных друзей, и до западных партнеров. Кстати, в отличие от последних у Москвы не было и нет «скрытой повестки» в данном регионе. Россию ценят именно за надежность и предсказуемость.

– В течение последних 10 лет было представлено несколько инициатив по формированию системы безопасности в регионе Ближнего Востока, включая предложенную МИД России Концепцию обеспечения коллективной безопасности в регионе Персидского залива. Каковы, на Ваш взгляд, возможности для реализации этих инициатив в среднесрочной перспективе?

– Действительно, Россия впервые представила свое видение коллективной безопасности в зоне Персидского залива еще в середине 1990-х гг. С тех пор Концепция неоднократно дополнялась и уточнялась в соответствии с динамикой развития ситуации в регионе.

Хотел бы отметить, что именно российская инициатива была первым и наиболее всеобъемлющим планом комплексных действий, который мы предложили всем странам, заинтересованным в долговременной стабилизации на этом пространстве. После нее со своими предложениями выступили Иран («Ормузская мирная инициатива») и Франция («Европейская миссия морского наблюдения в Ормузском проливе»), а также Китай, выдвинувший «Платформу для диалога» в зоне Персидского залива. Эти идеи во многом перекликаются с российской Концепцией, что является хорошей основой для дальнейшего конструктивного обсуждения данной темы.

В августе 2021 г. Россия в координации со своими региональными партнерами завершила работу над актуализацией этого документа. Его обновленная версия сконцентрирована на задаче принятия долгосрочной программы совместных действий по укреплению стабильности и безопасности, включая меры доверия, создание механизмов разрешения споров и урегулирования конфликтов, определение основных ориентиров и параметров будущей архитектуры межгосударственного взаимодействия в районе Персидского залива. Речь идет о налаживании многостороннего сотрудничества в военно-политической сфере, продвижении экономической, гуманитарной, экологической и иных видов кооперации.

С текстом новой редакции Концепции могут ознакомиться все желающие – он размещен на нескольких языках в открытом доступе на сайте МИД России. Кроме того, он был разослан по столицам стран региона, а также распространен в качестве официального документа Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН.

До конца 2021 г. в Москве на площадке Института востоковедения Российской академии наук с участием политологов и экспертов из всех заинтересованных стран будет организован международный круглый стол для обсуждения Концепции и – при необходимости – ее доработки.

ПОСЛЕДСТВИЯ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» ДЛЯ РОССИИ, США И ЗАПАДА

А.М. Васильев – д.и.н., почетный президент Института Африки РАН, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член секции международной безопасности Совета безопасности РФ, координатор международной секции Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, член Совета по внешней политике МИД РФ, член РСМД

– Алексей Михайлович, каковы, на Ваш взгляд, последствия арабской весны в условиях пандемии коронавируса COVID-19?

– Ответ на этот вопрос напрямую связан с оценкой общей ситуации в регионе Ближнего и Среднего Востока спустя 10 лет после арабской весны.

Здесь сохранились все объективные условия для революций, которые были и в начале арабской весны: авторитаризм большинства режимов, разрыв между богатством и нищетой, коррупция, безработица. Пандемия нанесла дополнительный удар по экономике, и так подорванной событиями арабской весны. Национальный продукт в регионе упал в 2020 г. почти на 5%, а в некоторых отсталых, разбитых гражданскими войнами странах – еще больше. Тяжелейший удар нанесен по туризму и по переводам мигрантов, осуществляемых в основном из нефтяных государств Персидского залива. «Молодежный бугор» в арабских странах вырос, т. к. быстрый демографический рост продолжался, что привело к повышению уровней безработицы и нищеты, особенно в неформальном секторе. Миллионы людей мигрировали из Сирии или стали перемещенными лицами внутри своей страны. Ливия стала воротами нелегальной миграции из Африки в Европу.

По оценкам ООН, к 2030 г. в регионе нужно иметь от 60 до 100 млн добавочных рабочих мест. И это в условиях, когда в мире в целом уменьшается спрос на рабочую силу, особенно неквалифицированную, в результате автоматизации, цифровизации, роботизации экономик, развития информационных технологий. Так было до пандемии, а сейчас эта тенденция еще больше усилилась. Рабочие места не появляются, а это означает рост численности отчаявшихся.

– Оправдались ли, на Ваш взгляд, надежды Запада на демократические преобразования в регионе?

– Надежды на демократические преобразования по западным лекалам, несомненно, были утопией, хотя плач по неудавшемуся «демократическому транзиту» характерен больше для западной политологии и СМИ. Надо быть реалистом. Хотя США и Запад в целом устраивали авторитарные режимы,

они хотели бы увидеть новую систему безопасности и стабильности в регионе, слегка подправленную демократическим флером, чтобы обеспечить свои прежние господствующие позиции.

– Какие изменения произошли в арабском обществе после событий арабской весны?

– В арабском обществе выросло влияние исламистов, которые давали свои ответы и псевдоответы на острые общественные вопросы, выдвигали свои способы их решения на основе по-своему понятых задач. Если США и Запад в целом хотели использовать исламистов в своих интересах, подобно тому как они поддерживали их в борьбе против СССР, националистических и левых антизападных режимов, то у исламистов, причем не только экстремистского толка, была своя повестка дня.

Восстановление авторитаризма показывает, что в таких социально-экономических условиях даже поверхностные формы демократии в ближайшее время вряд ли появятся. Как показали прошедшие годы, существующие проблемы могут снова породить массовые радикальные исламистские движения, которые дают лишь видимость ответа на вызовы.

– Какова, на Ваш взгляд, реакция молодого населения региона на попытки демократических преобразований?

– Что касается интернет-молодежи как выразителей умеренно-светской части среднего класса, опьяненной западными лозунгами демократии и поддерживаемой США, то они хотели бы получить не саму демократию, а ее плоды. Менталитет, цивилизационные традиции, структура общества Ближнего Востока и Северной Африки в целом плохо восприимчивы к западным ценностям. Максимально схематизируя, можно сказать, что демократия как форма политического существования западного общества (Западной Европы и Северной Америки) складывалась постепенно на протяжении, по крайней мере, 200 лет с конца XVIII в., а скорее всего, и со времен Реформации. Именно плоды этой демократии, а не ее суть, мечтали получить молодые прозападно настроенные революционеры, оказавшиеся во всех странах на обочине политической жизни.

– Как Вы могли бы описать современную расстановку сил в регионе?

– На данный момент США все же остаются самой сильной державой, присутствующей в регионе, хотя в целом их влияние и возможности уменьши-

лись. Главный союзник Вашингтона, Израиль, выглядел бенефициаром как на региональном, так и на мировом уровне. Этому способствовало не только сохранение мира с Египтом и Иорданией, но и установление нормальных отношений с Бахрейном и ОАЭ. Арабский мир фрагментирован настолько, что не представляет никакой угрозы безопасности Израиля. Палестинцы опять были отодвинуты в сторону, но как жертвы проводимой израильским руководством политики оставались бомбой замедленного действия, которая и взорвалась в мае 2021 г.

– Что Вы можете сказать о роли России в событиях арабской весны?

– Россия с самого начала событий арабской весны предпочитала оставаться в стороне, считая, что народы сами должны решать свои проблемы. Москва была ориентирована на расширение политического диалога со всеми странами, на выработку общего мнения относительно региональных и мировых проблем, на продвижение взаимовыгодных проектов в экономической сфере.

В России сложились две разные точки зрения на арабскую весну и последующие события. С одной стороны, многие считали, что они вызваны, прежде всего, внутренними социально-экономическими, психологическими и иными причинами. С другой стороны, была распространена «теория заговора» не только в российских СМИ, но и в правительственных структурах. Логика была такая: США поддерживали антироссийские «цветные революции», а затем по их сценарию стали разворачиваться события арабской весны. А дальше стояла задача провести подобные «цветные революции» в самой России, чтобы добиться ее дезинтеграции.

После событий в Ливии и натовского военного вмешательства, которое привело к развалу страны, гражданской войне, усилению исламистских сил и распространению конфликта на близлежащие страны, в России сочли невозможным оставаться вне конфликта в Сирии. По просьбе законного правительства Сирии в 2015 г. Россия оказала ему военную помощь, что резко изменило ситуацию.

До урегулирования в Сирии еще далеко. Правительство контролирует примерно $\frac{3}{4}$ территории страны, но на северо-западе в провинции Идлиб контроль удерживают исламисты, на северо-востоке курды создали свою полуавтономную власть, на востоке США незаконно ввели свои воинские подразделения.

Престиж России в результате военной помощи Дамаску в регионе вырос. Налажено трудное, но важное взаимодействие с Турцией и Ираном.

Москва уже в 2021 г. способствовала заключению перемирия в Ливии, развивается экономическое, политическое, военное, культурное сотрудниче-

ство с Египтом и Алжиром. На государственном уровне «врагов» у России в регионе нет.

– Что Вы можете сказать о результатах арабской весны с точки зрения перспектив развития региона?

– Не стоит говорить о провале арабской весны без оговорок. Сила народных движений показала, что автократы могут быть сильны, могут уходить и возвращаться, производить впечатление порядка и стабильности. США остаются в регионе самой влиятельной державой. Речь идет о том, какими временными периодами оценивать общественно-политические изменения. Многие вспоминают сказанный то ли в шутку, то ли с глубоким философским смыслом ответ Чжоу Эньлая на вопрос французского корреспондента, как он оценивает итоги Великой французской революции, состоявшейся как раз за 200 лет до этого интервью. Чжоу Эньлай сказал: «Еще рано делать выводы».

Оценивая перспективы огромного региона и позиций в нем США и в целом Запада или России, не стоит быть ни пессимистами, ни оптимистами, стоит оставаться просто реалистами. Нелишне мыслить хотя бы десятилетиями, а не одним десятилетием. Поэтому, что считать «выигрышем», а что «проигрышем» любой державы, решит только время. Правда, для конкретных людей сроки осуществления надежд и перемен определяются днями, месяцами и годами, а не десятилетиями.

Для США неудача главной провозглашенной задачи – свалить баасистский режим и лично Б. Асада – была лишь очередным звеном в цепи ошибок и провалов на Ближнем и Среднем Востоке.

– Изменился ли, на Ваш взгляд, баланс сил в регионе после арабской весны?

– В новой ситуации в 1990-х гг. прошлого века и в первых десятилетиях XXI в. в регионе изменился стратегический баланс сил: если альянс США и Израиля оставался действенным, то соглашения о дружбе и сотрудничестве между рядом арабских стран и СССР, имевшие характер полусоюзнических связей, превратились в прах.

Не имея ни сил, ни средств для устранения колоссального стратегического дисбаланса в пользу Израиля и США, общество мусульманских стран отвечало на это унижение, разочарование и бессилие новым взрывом фундаментализма и экстремизма. В тот период, в 1990-х гг. и 2000-х гг., Россия была не в силах вмешиваться в действия Вашингтона, хотя достаточно так-

точно указывала на ненужные ошибки его политики в регионе, не вступая в конфронтацию, а, наоборот, желая найти способы сотрудничества.

Самым ярким примером этого была помощь России действиям США и других стран НАТО в Афганистане: сам Кабул был взят войсками не США, а Северного альянса, вооруженного Россией и Ираном. Впоследствии Соединенным Штатам была предоставлена логистика для переброски в Афганистан и из Афганистана персонала и грузов воздушным и наземным путем, шло кое-какое сотрудничество спецслужб.

Россия пыталась доказать необходимость новой политики: враг моего врага необязательно мой друг, он может быть общим врагом, и победа над ним будет означать выигрыш для всех. Но именно эта позиция отвергалась Соединенными Штатами, которые тогда были гегемоном в регионе.

– Какова, на Ваш взгляд, современная позиция России на Ближнем и Среднем Востоке?

– У России после периода упадка и колебаний сложились как глобальные, так и региональные интересы. Благодаря своему ядерному, демографическому, территориальному, научному потенциалу она оставалась в верхнем эшелоне мирового сообщества. Именно с этим не хотели мириться США и страны Запада, что и вызывало сначала легкие элементы настороженности, превратившиеся в некую новую, пусть и ограниченную, холодную войну.

Элементы холодной войны возродились *до* событий в Сирии, *до* украинского «майдана», *до* референдума в Крыму, *до* кровопролития в Донбассе.

Призывы России найти с Западом точки соприкосновения, общую сферу интересов, найти способы мирного решения конфликтов, в частности на Ближнем и Среднем Востоке, – все эти предложения, как правило, искажались, заматывались, отвергались. Было ли разумным такое поведение и лидеров, и СМИ США и Запада? Отвечало ли оно их национальным и даже эгоистическим интересам западных элит?

В Москве задавали вопрос: насколько правильно вели себя США и Запад в мире и в регионе Ближнего и Среднего Востока, насколько эффективной была их политика и не приводила ли она к отрицательным результатам для всех? Разве не об этом говорили последствия военной интервенции в Ирак, а позднее в Ливию? Мир реально становился более сложным, полицентричным, но это не укладывалось в мышление и стратегию Вашингтона.

Что нужно России в регионе? Стабильность и предсказуемость, торгово-экономические, культурные, туристические связи, безопасность воздушных и морских коммуникаций. Это декларированные задачи, они общие для России, Запада, Китая, Индии.

Правда, сейчас уже никто не может гарантировать стабильность и предсказуемость, даже в евроатлантической зоне, даже во взаимоотношениях между США и Китаем, не говоря уже о Ближнем и Среднем Востоке. В мире обостряются противоречия, связанные с неравномерностью развития, с соперничеством ценностных ориентиров, появляется угроза хаотизации всей мировой системы, особенно в условиях пандемии и ее последствий.

Ближний и Средний Восток будут меняться, но куда и как? Россия не вмешивается в эти процессы, не выступает в роли «учителя», тем более ничего не навязывает.

У России остался капитал сотрудничества со своими непосредственными южными соседями, сложившийся за столетия, с арабским миром – за десятилетия. Россия действительно стала более прагматичной, ее политика избавилась от приставки «про-», она не стала ни «проарабской», ни «произраильской», она в принципе пытается служить собственным интересам. После попыток отождествления своей политики на Ближнем и Среднем Востоке с курсом Вашингтона стало ясно, что интересы США и России в регионе хотя и не конфронтационные, но разные, а принимать Москву в общую игру США и Запад как здесь, так и в Европе не собираются. Односторонние уступки России воспринимались как должное, и в виде «вознаграждения» в лучшем случае использовался какой-то декорум.

Брожение в регионе с терактами, взрывами и даже войнами продолжится на уровне или нынешнего, или более умеренного хаоса. Политические течения, выступающие за различные варианты развития, будут искать свои модели. Либерально-демократические, исламские, исламистские, какие-то свои собственные. Россия продемонстрировала, что она с одинаковой доброжелательностью и нейтралитетом относится к любым социально-политическим экспериментам, которые здесь проходят, за исключением ставшего уже всемирной угрозой крайнего экстремизма и терроризма.

Превращение Ближнего и Среднего Востока в подлинную зону мира и стабильности соответствовало бы и кратковременным, и долгосрочным интересам России.

МЕНЯЮЩИЙСЯ БЛИЖНИЙ ВОСТОК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

И.Д. Звягельская – д.и.н., профессор, руководитель Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН имени Е. М. Примакова, член РСМД

– Ирина Доновна, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Основным успехом можно назвать кампанию в Сирии, которая позволила обеспечить военно-стратегическое присутствие России в Средиземноморье на долгосрочную перспективу, а также серьезно ослабить ИГИЛ и сохранить сирийскую государственность. В контексте сирийской операции России удалось установить или упрочить отношения с различными региональными игроками и доказать свою надежность в качестве партнера. Вместе с тем двусторонние отношения и связи с региональными акторами в наибольшей степени подвержены конъюнктуре и нередко носят ситуативный характер. Для России важно не допустить использования ее возможностей местными силами ради собственных интересов, в том числе ради маневрирования между глобальными державами.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Как представляется, одним из наиболее серьезных вызовов становится быстрая эскалация в отношениях между государствами и отказ от существовавших договоренностей. Этот тренд, в принципе характерный для отношений между малыми государствами, которые легко разрывают дипломатические отношения, объявляют бойкоты и блокады и переходят к силовым действиям, все более отчетливо транслируется в систему международных отношений. Глобальные державы также рискуют оказаться его заложниками. Под удар ставятся дипломатические отношения, призванные обеспечивать постоянные контакты и предотвращать неверную интерпретацию действий оппонента. Параллельно сокращаются или блокируются каналы второго трека.

Мировая политика может постепенно приобрести черты безответственности, что выражается в стремлении максимально повысить ставки без достаточных оснований, чаще использовать силовые методы и эскалацию как инструмент для последующей деэскалации. Внешнеполитические решения нередко принимаются элитами с оглядкой на внутреннюю политику и ради до-

стижения конъюнктурных внутривнутриполитических целей. При этом внешняя политика становится инструментом в руках тех, кто оказался у власти. В условиях ослабления взаимного контроля и разрушения договоренностей опасность такого подхода многократно возрастает.

– В 2010-х гг. Россия проводила активную политику на Ближнем Востоке. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в этом регионе? Какими должны быть приоритеты российской внешней политики на Ближнем Востоке в ближайшие годы?

– Приоритетами российской политики на Ближнем Востоке могли бы стать следующие направления: ограниченное военно-политическое присутствие, расширение торгово-экономических связей со странами региона, оказание влияния на нефтяные цены, а также взятие на себя роли медиатора в конфликтах в контексте коллективных международных усилий, использование мягкой силы.

– Распад государственности и развитие кризисов на Ближнем Востоке по новой поставили вопрос о традиционной идентичности сообществ региона. Каким Вы видите будущее этого процесса в среднесрочной перспективе?

– Распад государственности не является единственным трендом на Ближнем Востоке, хотя число несостоявшихся государств явно увеличилось. Одновременно проявляется тенденция укрепления государственности, осознания местными элитами своей национальной самобытности и формирования национальных интересов. В наибольшей степени это касается арабских монархий Залива, вступивших в эпоху модернизации. Все возрастающую роль в регионе играют неарабские государства: Иран, Турция, Израиль.

В то же время традиционная идентичность — конфессиональная, религиозная, племенная, клановая — остается важным элементом социальной и культурной маркировки для индивидуумов и отдельных сообществ. В конфликтном контексте традиционные идентичности выходят на первый план как инструменты мобилизации и средства обеспечения безопасности и выживания в отсутствие действующих государственных институтов. Политизация идентичности ведет к фрагментации обществ и к дальнейшему ослаблению государств. Очевидно, что арабский мир будет представлять собой в перспективе еще более пеструю картину, чем теперь. В нем будут сосуществовать бедные, слабо управляемые страны и амбициозные государства с современной повесткой дня и современными возможностями.

РОССИЯ — ВАЖНЫЙ ПАРТНЕР БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В.А. Кузнецов – к.и.н., руководитель Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН, член РСМД

– Василий Александрович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– В самом общем виде основным успехом я бы назвал очевидный рост значимости России в мировой политике. Москва доказала свою способность выступать одним из ключевых акторов в выстраивании нового миропорядка, не только участвуя в разработке общей повестки, но и выдвигая собственную, основанную на особом понимании ценностно-смысловых основ международных отношений.

Это проявляется на нескольких направлениях. Прежде всего, в голову приходит Ближний Восток, где Россия смогла провести успешную операцию в Сирии и продемонстрировала способность выступать эффективным медиатором в урегулировании региональных конфликтов и продуктивно взаимодействовать практически со всеми региональными акторами. Москва показала, что она может создавать и поддерживать принципиально новые форматы урегулирования, а также способствовать строительству новой региональной системы отношений.

Помимо Ближнего Востока, можно назвать и иные направления: растущее взаимодействие с Китаем как по комплексу двусторонних отношений, так и по целому ряду региональных проблем, наращивание присутствия в Африке южнее Сахары, активное развитие отношений с государствами исламского мира и т. д. Помимо региональных треков, конечно, также чрезвычайно важны и те успехи, которые Россия демонстрирует в ответе на глобальные угрозы. Традиционно сильной стороной российской внешней политики было ее участие в борьбе с международным терроризмом. Сегодня можно видеть, что не меньшую роль Москва начинает играть в обеспечении глобальной эпидемиологической безопасности.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, о глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Полагаю, что эти вызовы будут двух видов: с одной стороны, это общие глобальные вызовы, противостоять которым придется всему человечеству, а с другой – вызовы, специфические для России.

Среди глобальных вызовов сегодня особую актуальность, по всей видимости, приобретают экологические и эпидемиологические проблемы, а также угрозы в сфере кибербезопасности и экономические последствия формирования нового технологического уклада. Сложные сами по себе, все они способны продуцировать серьезные социально-экономические и политические кризисы и конфликты, урегулирование которых, очевидно, будет требовать принципиально новых подходов.

Что касается специфических для России вызовов, то они, по всей видимости, будут связаны с необходимостью поиска новых внешнеполитических стратегий, капитализации уже достигнутых успехов, выстраивания более прочной основы региональной политики, в том числе на Ближнем Востоке, а также постепенного преодоления конфронтационных отношений с Западом.

– В 2010-х гг. Россия проводила активную политику на Ближнем Востоке. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в этом регионе? Какими должны быть приоритеты российской внешней политики на Ближнем Востоке в ближайшие годы?

– Я уже отметил, что в целом считаю эту политику вполне успешной. Как правило, говоря о ней, внимание сосредотачивают на действиях России в Сирии и на усилиях Москвы по урегулированию других региональных конфликтов. Вместе с тем видно, что российская политика на Ближнем Востоке далеко не ограничивается вопросами, связанными с урегулированием конфликтов. Имеет место наращивание военно-технического и торгового взаимодействия со странами региона, быстрое развитие гуманитарных связей. Россия сегодня выступает инициатором интересных предложений по выстраиванию системы коллективной безопасности на Ближнем Востоке. Нельзя не заметить, что отношение региональных акторов к России за последние годы также серьезно изменилось. Целый ряд государств и негосударственных акторов, прежде всего из стран ССАГПЗ, ранее относившиеся к Москве с определенной осторожностью, сегодня стали важнейшими партнерами России.

Что касается приоритетов, то можно выделить два основных. Во-первых, это содействие построению региональной системы безопасности, которая могла бы уберечь Ближний Восток от дальнейших вспышек конфликтов и политического насилия и способствовала бы устойчивому развитию региона.

Во-вторых, это углубление сотрудничества, которое, как мне представляется, должно строиться не только и не столько на взаимной политической заинтересованности, сколько на крепких и многосторонних экономических и гуманитарных связях. Из государств региона примерами такого взаимодей-

ствия выступают Турция и Израиль, однако в будущем список такого рода партнеров должен расширяться.

– На каких направлениях, на Ваш взгляд, может развиваться наиболее эффективное взаимодействие между Россией и государствами арабского Магриба?

– Традиционно Магриб не рассматривался Россией как приоритетный регион для сотрудничества, а отношения со странами региона развивались по-разному. Если Алжир воспринимался и СССР, и затем Россией как важный региональный, а позже и стратегический партнер, то отношения с Ливией были более сложными, а Тунис и Марокко традиционно оставались прозападными государствами. Тем не менее в последние годы произошло укрепление российско-марокканских отношений, активно развиваются отношения с Тунисом, где до пандемии значительную часть всех приезжающих в страну туристов составляли граждане России. Особенно важно, что отношения с магрибинскими государствами развиваются, прежде всего, в экономической, а не политической сфере. В этом существенное отличие наших магрибинских партнеров от партнеров из восточной части арабского мира.

Что касается перспектив, то речь должна идти, во-первых, о диверсификации экономических связей, в особенности с Алжиром, где основная часть двустороннего товарооборота до сих пор приходится на ВТС. Во-вторых, вслед за развитием экономических связей должно прийти наращивание гуманитарного сотрудничества со странами Ближнего Востока. В-третьих, можно говорить об интенсификации политического взаимодействия по трем основным группам вопросов: продолжение урегулирования конфликта в Ливии, содействие устойчивому развитию Африки южнее Сахары и поддержание системы безопасности в средиземноморском регионе.

РОССИЯ СТРЕМИТСЯ ДРУЖИТЬ СО ВСЕМИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

В.В. Наумкин – д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН, член РСМД

– Виталий Вячеславович, на Ваш взгляд, что можно назвать основным успехом российской внешней политики за последние 10 лет?

– 10 лет – это рубеж, конечно, важный, но он не совсем совпадает с теми рубежными датами, которые предопределяют то, о чем мы говорим. Мне кажется, может быть правильной рубежами делать мюнхенскую речь В.В. Путина или воссоединение России с Крымом. А применительно к Ближнему Востоку, мне кажется, что это в первую очередь ввод контингента российских ВКС в Сирию.

Эти рубежи, которые не совсем укладываются в декадный формат, на самом деле определяют политику России. В этой политике, если уж говорить о каких-то ключевых моментах, релевантных последнему десятилетию, можно выделить следующее. Во-первых, гораздо более жесткое отстаивание своей самостоятельности, независимости в проведении внешнеполитического курса. Во-вторых, более четкое определение стратегических задач и подходов к меняющемуся миру. В-третьих, это и осознание того, как быстро и в каком направлении меняется мир применительно к формулированию внешнеполитических задач и приоритетов, что как раз может быть характерно для последнего десятилетия в большей мере, чем для предыдущего. Потому что мы все-таки можем говорить и о двух десятилетиях, учитывая то, когда президентом России стал В. В. Путин.

Если вернуться к Ближнему Востоку, то здесь также рубежная дата – 2011 г., потому что это начало т.н. арабской весны. Но в целом, если говорить о трендах в отношениях России с окружающим миром, то, конечно, к сожалению, ведущий тренд за последнее десятилетие – это осложнение отношений России с Западом. Я не люблю слова «разворот», «поворот»: Россия не такое государство, которое будет крутиться как флюгер на каком-то столбе, у нее есть обозначенные приоритеты. И мне кажется, что как минимум диверсификация внешнеполитических ориентаций уже давно появилась в российской внешней политике. Она проявилась еще в то время, когда за это боролся сначала в качестве министра иностранных дел, а затем в качестве председателя правительства Е. М. Примаков – некогда мой предшественник вот в этом кабинете (*Евгений Примаков был директором Института востоковедения РАН в 1977–1985 гг. – прим. редакции*). И мне кажется, что вот это осложнение в отношениях с Западом связано с тем, что я отметил в начале: Россия стала

проводить более независимый курс и стала более жесткой. В хорошем смысле слова Москва стала агрессивно отстаивать свои интересы. В то же время я бы также отметил, что за последние десятилетие произошло серьезное размежевание с Украиной, которая пошла, если говорить о ее нынешнем руководстве, опасным для состояния российско-украинских отношений путем. Думаю, что это тоже характерно для последнего десятилетия.

Борьба с терроризмом – это, безусловно, история успеха для России. Есть цифры, которые показывают, сколько раньше было успешных и неуспешных попыток совершения террористических актов экстремистскими группами на территории России. Мы видим, как мало их осталось на сегодняшний день. Мы о таких случаях уже ничего не слышим и будем надеяться, что так будет и дальше. Иначе говоря, наши силовые структуры, наша дипломатия, наша в целом политика государства сумели вместе нанести мощные удары, где это было нужно: по базам террористов в Сирии, по их присутствию, по детерриториализации запрещенного в России ИГИЛ. Я считаю, что успех внешнеполитической линии тесно связан с нашими успехами модернизации вооруженных сил и с тем, что престиж российской военной силы стал очень высоким.

К сожалению, сегодня внешняя политика везде в значительной мере опирается на военную силу. Казалось бы, ренессанс силовых подходов – это не то, о чем думали некоторые идеалисты еще 20–30 лет назад. Я помню те идеи, с которыми выступал М. С. Горбачев в свое время. Сегодня все это в прошлом. Сегодня без опоры на мощную силовую составляющую никакое государство, особенно такое лакомое для противников, как Россия, с точки зрения своих ресурсов не может нормально развиваться.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Вы сами обозначили некоторые из этих вызовов, назвав и неопределенность, и турбулентность, и, конечно, обозначенную мной в ответе на первый вопрос русофобию и стремление ограничить российский потенциал и уменьшить влияние Москвы на формирование нового мирового порядка. Новый мировой порядок, безусловно, рождается, и это неопровержимый факт. Существует тезис об «осыпающемся» мире, введенный в оборот несколько лет назад моими коллегами. Я не совсем люблю этот образ. Я думаю, что дело не в «осыпании» и даже, может быть, не в системном кризисе, потому что системный кризис в мировом порядке происходит уже очень давно. Я не вижу каких-то особенно новых элементов в том кризисе мирополитической

системы, который мы наблюдаем в последнее десятилетие. Есть обострение конфронтации, конкуренции, борьбы за ресурсы, причем за ресурсы влияния, ресурсы материальные, ресурсы мировой торговли, овладения контролем над коммуникациями, над транспортными путями, над углеводородами и т. д.

Все это имеет, безусловно, большое значение, но мне кажется, что основной вызов может быть общим вообще для всех государств. Это связано с экологическими и эколобиологическими проблемами. Чему нас научил пандемический кризис – это совершенно новая составляющая того кризисного состояния миропорядка, в котором проблемы климата, здоровья, состояния здравоохранения, нормального отношения к экологии, к сохранению природной среды играют гораздо большую роль, чем это было 3–4 года назад. Поэтому, наверное, кризис, связанный вообще с отношениями между человеком и окружающей средой, – это такой компонент нашей жизни, жизни обществ, мирового сообщества, которому еще не так давно не предавалось должного значения. А сегодня это уже не так, и, наверное, всем нужно думать о том, что должно меняться. Совершенно очевидно, что этот ключевой новый вызов, о котором мы говорим, требует гораздо большей консолидации и усилий, чем все остальные. Наверное, в деле обеспечения безопасности государства, народов, обществ должен быть сделан акцент в первую очередь на национальном потенциале и национальных возможностях, а также на двусторонних или многосторонних союзнических договоренностях.

В том, что касается общих вызовов, совершенно очевидно, что здесь речь должна идти о более широком круге ответственности за противостояние этим вызовам. Может быть, пандемия COVID-19 кончится так же неожиданно, как она началась, а может быть, она надолго останется с нами. Но очевидно, что вот эти разломы целостности биологической «коры» человечества сохраняются. Эта «кора» потеряла свою целостность, и обычными национальными методами сохранять ее уже невозможно. Невозможно в одиночку сохранять природу, бороться с пожарами, наводнениями, невозможно в одном случае бороться с обмелениями водных ресурсов, в другом – с поднятием уровня мирового океана, который грозит вытеснить население с территорий целых государств, особенно островных. Я считаю этот вызов, который носит эколобиологический характер, не новым, но приобретающим сегодня гораздо большее значение, чем прежде.

Ну и наконец, вопрос о ресурсах, транспортных коммуникациях, инфраструктуре и вызовах, связанных с эрозией международной договорной системы, системы международного права, которая сегодня повсеместно нарушается нашими партнерами, причем Россию же в этом неоправданно и совершенно незаслуженно обвиняют. Мы видим повсеместное нарушение, отход от норм международного права, прежде всего, со стороны наших западных партнеров.

– В 2010-х гг. Россия проводила активную политику на Ближнем Востоке. На Ваш взгляд, насколько эффективна российская политика в этом регионе? Какими должны быть приоритеты российской внешней политики на Ближнем Востоке в ближайшие годы?

– Можно выделить несколько компонентов регионального курса России в ближневосточном регионе. Это такой компонент, как равноудаленность или равноприближенность, то есть стремление дружить со всеми. России это удавалось делать более-менее успешно, за исключением некоторых срывов, которые были парированы последующими действиями. Здесь можно привести пример, пусть и тривиальный: последовательное продвижение отношений со странами, находящимися между собой в остроконфликтных отношениях. С одной стороны Иран, с другой – Израиль; с одной стороны Турция, с другой – Египет, ОАЭ.

Возможно, хотелось бы, чтобы Россия, проявляя активизм – одно из достоинств и качество российского внешнеполитического курса, – еще более диверсифицированно подходила к отношениям с различными акторами. Как на уровне государств, так и на уровне политических сил. Россия иногда ограничивает свои контакты теми, кто находится у власти, вообще сильными игроками, и побаивается, может быть, при этом контактировать с оппозиционными движениями. Хотя это изменилось по сравнению с тем, что было раньше. Но сегодня, мне кажется, надо действовать еще смелее.

Конечно, Россия не должна идти на риски, к чему призывают иногда отдельные экстремистски настроенные личности по телевизионным каналам: давайте завалим оружием курдов или кого-то еще, давайте вооружать или спонсировать протестные движения, как делают американцы. Такого ни в коем случае делать не надо, но поддерживать контакты с различными игроками представляется необходимым, как и приучать партнеров Москвы в еще большей степени к тому, что Россия – великое государство.

Россия должна понимать ситуацию изнутри, должна взаимодействовать со всеми. Россия не ревизионистская держава, и это надо демонстрировать всем. Москва за стабильность, порядок, уважение к законным властям любого государства, каким бы оно ни было, если оно не нарушает международное право. Россия за сохранение суверенитета, территориальной целостности, права на собственную позицию для любого государства.

Но повторяю, при этом не надо забывать, что есть и оппозиционные силы, что ситуация быстро меняется в разных странах, к чему нас приучил Ближний Восток. Сегодня один правитель, завтра другой, потом третий. Это даже происходит и на постсоветском пространстве.

– Если мы перемещаемся в сторону влияния, скажем так, факторов, которые определяют динамику региона, существует мнение, что в последние годы влияние именно региональных держав на Ближнем Востоке оказывало решающее воздействие на собственно динамику развития всего Ближнего Востока. На Ваш взгляд, каковы место и роль региона Ближнего Востока в складывании нового баланса сил в мире?

– Международный баланс сил сегодня движется в сторону большей гетерогенности, выхода на мировую политическую арену региональных центров силы, все активнее соперничающих друг с другом и так или иначе вовлекающих в орбиту своего противостояния глобальные центры силы. Но сбрасывать со счетов роль глобальных игроков сегодня преждевременно. Они оказывают свое влияние на ситуацию, и их позиция, даже если за этим не стоит военное или силовое вмешательство, учитывается региональными игроками. При этом каждый игрок имеет свою повестку дня, и сегодня – я согласен – эта повестка дня имеет больший вес, чем это было 20 лет назад. Складывается более многополярный мир. Хотя мы еще не знаем, как он будет складываться: то ли это многополярный мир, то ли мир без полюсов. Мы видим, конечно, что есть государства, которые очень решительно и активно продвигают свою повестку дня на региональном и даже на глобальном уровне. К таким странам я бы отнес в первую очередь в регионе Турцию. Сюда можно в какой-то мере отнести и Иран, и в определенной мере ОАЭ, и Израиль, и Саудовскую Аравию. С другой стороны, есть государства в состоянии тяжелого внутреннего конфликта – я не буду перечислять хрестоматийно известный список государств, которые принято относить к *failed states*.

Возвращаясь к вопросу в целом, надо сказать, что региональные центры силы, с одной стороны, наращивают свой потенциал, стараются продвигать свою повестку дня. С другой стороны, они все больше сталкиваются с конкуренцией, в которой им необходима поддержка глобальных центров силы. И мы видим, что даже такие достаточно влиятельные государства, как арабские монархии Залива, сегодня во многом рассматривают государства Запада, прежде всего США, а также Англию и Францию, как провайдеров своей безопасности и опираются на их военные базы на своей территории, на систему договоров в сфере безопасности и обороны.

Немного иного стиля придерживаются Израиль, Турция и Иран – три неарабских государства региона, которые сегодня выдвинулись на передовые позиции в проведении такого автаркического курса в сфере безопасности. Несмотря на то что Турция – член НАТО, Анкара все-таки бросает вызов и партнерам по НАТО, иногда и другим игрокам, например России. Но я считаю, что российская дипломатия пока уворачивается от каких-то серьезных

столкновений с партнерами Москвы, без сотрудничества с которыми будет трудно что-то решать. Мне кажется, дипломатия – это и разумные уступки, и разумные компромиссы без пересечения, конечно, красных линий в отстаивании национальных интересов. Как известно, в последнее десятилетие не было совершено шагов, за которые можно было бы упрекнуть российское руководство как недостаточно ответственно относящееся к защите национальных интересов. Эта четко соблюдаемая ответственность и есть главное достижение российской внешней политики.

– Долгое время пружиной конфликтного взаимодействия в регионе был конфликт Израиля и ряда арабских государств. На Ваш взгляд, как повлияет нормализация отношения между Израилем и рядом арабских государств на региональную динамику Ближнего Востока? И повлияет ли вообще?

– Вы справедливо затронули эту тему. Я всегда отстаиваю одну точку зрения, может быть, немножко консервативную, считая, что арабо-израильский конфликт и особенно его палестино-израильский компонент представляют собой ключевой вопрос, без решения которого никакой устойчивой мир на Ближнем Востоке не может быть достигнут. Позитивные шаги сделаны. Мы отмечаем в этом году тридцатилетие Мадридской конференции 1991 г. Россия и США были инициаторами ее проведения, и, несмотря на то что решительного успеха в примирении сторон тогда не достигли, были сделаны некоторые шаги, которые убедили стороны пойти на компромиссы. После этого начался – или был продолжен – определенный позитивный процесс сближения сторон не без перерывов и кризисных элементов. К сожалению, в последнее время со стороны США были предприняты шаги по маргинализации палестинской проблемы. И здесь надо отдать должное, мне кажется, российской дипломатии и ее ближневосточной политике. Россия твердо стоит на приверженности международному праву, резолюциям Совета Безопасности ООН, необходимости решения палестинского вопроса. Несмотря на достаточно дружественные отношения с Израилем сегодня, российская критика в отношении политики израильских властей по урегулированию довольно серьезная.

Запущенный процесс нормализации между Израилем и отдельными арабскими странами остается для многих неожиданным. Хотя наследие, например, тридцатилетней давности делало такое развитие событий отчасти прогнозируемым. Худой мир лучше, чем добрая ссора. Но такая оценка делается с оговоркой: нормализация не должна заслонять собой нерешенность палестинской проблемы, которая является главным препятствием на пути к

миру. В конце 1990-х гг., помимо Египта и Иордании, установивших полные дипломатические отношения с Израилем, существовало еще три государства, которые открыли секции интересов в Израиле: Мавритания, Тунис и Марокко. Этот процесс рассматривался как своего рода бесповоротный. Однако нормализации не состоялось, потому что остановить насилие не удалось. Израильская сторона применила насилие, в 2000 г. началась интифада. Все эти секции, торгпредства были закрыты, процесс завершился. Сегодня есть интерес к тому, чтобы нормальные контакты между двумя народами состоялись, но нерешенность палестинского вопроса сохраняется. Эмираты же сегодня, как по-русски говорится, «об коленку ломают» презумпцию неприемлемости Израиля. Кстати, тот технологический прорыв, который ОАЭ сегодня совершили, как раз во многом показателен для этого небольшого государства, которое смело диверсифицирует свои внешние связи и добивается большого успеха в экономическом развитии. Тут такие неожиданные прорывы, как космическая программа, подготовка полета на Марс, создание собственной космической станции. Я думаю, что сегодня в арабском мире и вообще на Ближнем Востоке выходят на ведущие экономические позиции такие технологические лидеры, которые умеют выстроить современное развитие, опирающееся на сильную экономику, на правильные приоритеты и, может быть, уходящее от каких-то фобий, которые мешают этому успеху. И в этом действительно есть позитив. Но повторяю, на мой взгляд, без решения таких больных и застарелых проблем, как палестинская, регион спокойно жить не сможет.

ΕΒΡΟΠΑ

ОТНОШЕНИЯ МОСКВЫ И ВАТИКАНА ВЫХОДЯТ НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ

А.А. Авдеев – Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Ватикане и Представитель РФ при Суверенном Мальтийском Ордене по совместительству, член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), член Попечительского совета МГИМО МИД России, член РСМД

– Александр Алексеевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Важно правильно обозначить, что понимается под словом «успех». В спорте и в науке ответить гораздо легче. Во внешней политике удержание позиций, сохранение диалога в период обострения отношений или разумный компромисс – это тоже успех. Если говорить о реализации российских предложений, то я бы назвал в качестве успеха вывод химического оружия из Сирии, дипломатическое сопровождение разгрома террористов в Сирии и усилия по нормализации ситуации в этой стране. Безусловным успехом явилось принятие вместе с Ираном СВПД.

– На Ваш взгляд, с какими международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– В среднесрочной перспективе главные международные вызовы обозначались неоднократно, в том числе и с трибуны РСМД. Хотел бы добавить еще одну угрозу – это идеологизация внешней политики, когда борьба за национальные интересы или решение глобальных проблем подменяется распространением идеологии правящей элиты. Речь идет либо о неолиберализме (псевдолиберализме), который не имеет ничего общего с нормальным либерализмом, либо о консервативной национал-патриотической идеологии. Идеологизация внешней политики мешает дипломатам отстаивать национальные интересы.

– Как бы Вы охарактеризовали нынешний уровень межгосударственных отношений между Россией и Ватиканом?

– Мы сейчас на стадии, когда отношения с Ватиканом уже можно назвать почти «партнерскими». За последние годы неплохо работал двусторонний политический диалог. Президент России В.В. Путин трижды встречался с Папой Римским Франциском. По главным проблемам современности у нас весьма близкие позиции. Ватикан остро критикует нерегулируемую глобализацию, подчеркивая, что это ведет к формированию «интернет-интеллекта», который

будет подменять культуру, образование и воспитание людей. Выступая против разрушения основ международного права, Ватикан считает неприемлемым принятие любых санкций в обход СБ ООН, в том числе и против России. Дипломатия Папы Франциска продолжает решительно выступать в поддержку Минских соглашений, считает полезными усилия России по сирийскому урегулированию, противится разрушению переговорного процесса в области разоружения и выходу из соглашений по контролю над вооружениями. Подчеркну, что Ватикан признал российскую юрисдикцию в Крыму и перерегистрировал здесь на ее основе свои католические общины по российскому законодательству, а также переаккредитовал католических священников.

Хорошие межгосударственные отношения неплохо дополняются укреплением доверия и сотрудничества между Святым Престолом и Московской Патриархией. В этой области произошло цивилизационное событие — первая в истории встреча между Патриархом РПЦ и Папой Римским, которая прошла в Гаване в феврале 2016 г. В межцерковных отношениях важен также совместный вывод о том, что перед лицом новых вызовов и угроз православные и католики не должны иметь межконфессиональную конкуренцию, решительно осуждают прозелитизм и будут укреплять сотрудничество в деятельности по сохранению христианских цивилизационных ценностей.

ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ДЛЯ РОССИИ СЕРЬЕЗНУЮ УГРОЗУ

Т.В. Бордачев – к.полит.н., научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», член РСМД

– Тимофей Вячеславович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Я думаю, что на первом месте находится сближение России с Китаем, а именно – создание такой системы взаимодействия, которая практически не оставляет возможности для возникновения конфликтов или недовольств с той или иной стороны. Стоит отметить, что создание такой системы отношений является совместным достижением Китая и России, а не индивидуальным достижением только российской внешней политики, хотя, безусловно, России принадлежит очень значимая роль в преодолении этого вызова.

Второе важное достижение – это завершение предыдущего периода отношений с ЕС и начало серьезного разговора о том, каким должен быть новый международный порядок в Европе. США и европейские государства (при поддержке Вашингтона) занялись решением данного вопроса в одностороннем порядке после окончания холодной войны. Россия не принимала участие в создании этого международного порядка. Но сейчас, по крайней мере, она показала, что существующий порядок не является устойчивым, и для России этот вопрос все еще остается открытым.

Третьим достижением можно считать активизацию отношений с государствами бывшего СССР на новых началах. За последние 10 лет российская внешняя политика стала более активной. При этом она меньше опирается на попытки восстановить историческое влияние, уделяя большее внимание тому, чтобы создать новые формулы взаимодействия с этими странами. Это, наверное, три самых важных достижения, которые представляют равную значимость.

И последнее – это возвращение Крыма в состав России. Это достижение военно-политико-дипломатического характера, тем не менее оно является очень важным решением и позитивным событием и для России, и для народа Крыма, и для Европы.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Уникальность положения России состоит в том, что внешние вызовы не представляют для нее серьезную угрозу. Никогда в российской истории кризис и серьезные потрясения в стране не были связаны с внешними причинами, как это было, например, в Европе или в Китае. Так, период социальных бедствий в Китае начался именно после вторжения в XIX в. российских интервентов, а в Европе внешняя политика привела к серьезным потрясениям во Франции и Германии. Для России источником потрясений всегда выступали прежде всего внутренние проблемы, поэтому России достаточно сложно определять приоритетность внешних вызовов, поскольку ни один из них не несет потенциальной угрозы для Российского государства.

Если говорить о международной политике в целом, то на сегодняшний день серьезно возросла предсказуемость этой политики и даже некоторая определенность и понятность. Ее развитие происходит именно в контексте формирования новой системы, нового порядка баланса сил и борьбы стран Запада за то, чтобы сохранить свое преимущественное положение. Исход этой борьбы не является определенным до сих пор. В целом, мне кажется, что достаточно наступательная риторика со стороны США и Европы в отношении России и Китая вносит в международную политику довольно высокую степень определенности. Поэтому я бы не согласился с тем, что международная политика характеризуется неопределенностью – она очень определенная.

Мы говорим сейчас о кризисе различных явлений только потому, что мы привыкли к этому, как мы привыкли к международным институтам, к глобализации, открытости и международной торговле. Вместе с тем мы можем допустить, что те же международные институты и открытость международной торговли были явлениями, характерными только для определенного исторического периода, и на смену им придут новые явления, поэтому в категориях кризиса можно говорить о том, что было. Но я бы предложил посмотреть на это и в категориях возможного возникновения более нового, более справедливого международного порядка.

– Является ли «Зеленая сделка» ЕС предпосылкой дальнейшей эскалации отношений с Россией или возможностью для сближения?

– Я не рассматриваю данный сюжет слишком пессимистично. Подобные инициативы Европейского союза вряд ли станут основой для конфликта

ЕС с Россией, Индией, Китаем и другими растущими экономиками. В своем практическом исполнении они не будут настолько радикальны, как это представляется в дискуссиях или экспертных политических оценках. Я думаю, что страны ЕС будут стремиться вести переговоры с партнерами. У России и ЕС есть партнеры, которые заинтересованы в сотрудничестве именно в области углеродной экономики. Так, например, благодаря, в первую очередь, усилиям Германии удастся построить «Северный поток – 2». Позиция ЕС не будет такой радикальной и революционной, как это кажется сейчас. В ЕС есть такие страны, как Германия, которые ориентированы на развитие сотрудничества с Россией в области углеродной экономики, и они в первую очередь будут использовать безуглеродную тематику в рамках своих переговоров по ценам, но никто не будет рушить отношения со стороны ЕС. ЕС в целом готов к тому, чтобы идти на компромиссы с внешними партнерами из России.

– Каким образом динамика отношений России и США отражается на отношениях России и ЕС? Важны ли встречи глав государств, такие как саммит В.В. Путина и Дж. Байдена, с точки зрения преодоления кризиса? Может ли быть полезной для улучшения отношений России и ЕС встреча на высшем уровне (с участием президента России и председателя Европейского совета или главы Еврокомиссии)?

– Я думаю, что США остаются важнейшим фактором отношений России и ЕС, оставаясь для Западной Европы наиболее значимым гарантом обеспечения ее безопасности. Без США Европа не сможет играть значимую роль в международных делах и обеспечивать собственную безопасность, что позволяет Вашингтону оказывать решающее влияние на поведение Европы. Отдельные страны Западной Европы – прежде всего, Германия и Франция – будут готовы к диалогу с Россией только после прохождения периода сложных внутривнутриполитических потрясений, в который они вступают сейчас.

Мы не знаем, как долго будет продолжаться внутренний кризис в Германии после выборов, которые прошли в сентябре, какое правительство будет сформировано и сколько лет это продлится. Франция все еще сталкивается с серьезными внутривнутриполитическими вызовами, и, возможно, меньше, чем через год, на президентских выборах в мае 2022 г. эту страну ожидают серьезные изменения и даже потрясения. Все это для стран Западной Европы является очень серьезным ограничителем в отношениях с Россией. Я думаю, что сейчас какой-либо прямой диалог между Россией и ЕС, в частности в формате формальных встреч с руководителями ЕС будет иметь исключительно формально-дипломатический характер и не сможет сам по себе генерировать какие-либо

интересные изменения в двусторонних отношениях. Иными словами, с точки зрения практики и содержания такая встреча была бы бессмысленной, а с точки зрения дипломатии и учитывая, что Европа все же является соседом России, безусловно, такую встречу можно провести.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ ПРОКЛАДЫВАЕТ СВОЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПУТЬ

О.В. Буторина – д.э.н., заместитель директора Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, вице-президент российской Ассоциации европейских исследований (АЕВИС), член редакционной коллегии журнала «Современная Европа», член научных советов журналов «Россия в глобальной политике», «Вестник Института экономики РАН», «De Europa» (Университет Турина, Италия), член РСМД

– Ольга Витальевна, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Как экономист к основным успехам российской внешней политики за последние 10 лет я бы отнесла два. Первый – создание в 2015 г. ЕАЭС на базе существовавшего ранее ЕврАзЭС. Важнейшие достижения ЕАЭС: договор о Таможенном кодексе и расширение сети международных соглашений (о свободной торговле с Вьетнамом, Сингапуром и Сербией, а также о торгово-экономическом сотрудничестве с КНР). Другой крупный успех – перевод диалога с ОПЕК из формата консультаций в формат координации политики. Подписанное в Вене в декабре 2016 г. Соглашение о сокращении объемов добычи нефти и учреждение Министерского мониторингового комитета нацелены на поддержание стабильности мирового рынка нефти в долгосрочном плане.

– На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Главный вызов состоит в том, что глобальная повестка дня, кроме вопросов безопасности, определяется с минимальным участием или без участия России и ее ближайших партнеров.

Важным международным вызовом становится развитие альтернативной энергетики, снижение зависимости традиционных импортеров от поставок российской нефти и особенно газа. В недалеком будущем здесь может сформироваться рынок покупателя, то есть цена на газ будет зависеть от поведения потребителей.

Серьезным вызовом является выработка собственной, отвечающей потребностям и возможностям объединения, стратегии развития ЕАЭС. Пока его логика во многом копирует опыт Евросоюза, развивавшегося в иных исторических и экономических условиях. Здесь нужны объединенные интеллектуальные усилия политических элит, экспертов, бизнеса и академического сообщества всех стран-участниц. Нужна широкая публичная дискуссия, иначе

объединение останется оторванным от народов, что снизит его жизнестойкость. Неясность целей ЕАЭС, непрозрачность принимаемых решений и оторванность от рядовых граждан может в среднесрочной перспективе негативно сказаться на динамике проекта.

– Что Россия и Европейский союз могли бы предпринять уже сейчас для минимизации или преодоления кризиса в двусторонних отношениях?

– Говоря о ЕС, принято разделять интересы всего сообщества и отдельных государств-членов. Помимо этих двух уровней в политическом анализе полезно также выделять третий – уровень чиновников, многочисленного привилегированного племени служащих Европейской комиссии, ЕЦБ, ЕИБ, различных комитетов, членов Европейского парламента. Вопрос «чего хочет ЕС?» надо дополнить вопросом «чего хотят высшие чиновники ЕС?». Понимание мотивов их действий, на мой взгляд, в России недостаточно. Между тем отождествляя интересы Евросоюза и интересы бюрократических элит, мы допускаем ошибку.

Для преодоления (или в нынешней ситуации – смягчения) кризиса в отношениях России и ЕС целесообразно действовать по двум направлениям: «по шерсти» и «против шерсти».

Первое – сделать предложение, от которого ЕС и его высшие чиновники не смогут отказаться. Сферы действия должны относиться к стратегическим направлениям политики Евросоюза: «Зеленой сделке» и цифровизации. В области цифровизации ЕС ставит задачу внедрить свои стандарты в мировую практику, используя для этого международные площадки, а также свои особые отношения со странами «соседства» и Африкой. Однако здесь его положение неустойчиво. На мировом рынке цифровых товаров доминируют страны Азии. Борьба в ближайшие годы развернется за мировой рынок цифровых услуг. По статистике, на ЕС приходится половина его стоимости. Но половина из этой половины – услуги внутри самого Евросоюза. То есть присутствие ЕС на международных рынках составляет не более 25% их общей стоимости. Стандарты – в высшей степени чувствительная для ЕС и его крупнейших компаний сфера. Понимание того места, где Россия и/или страны ЕАЭС могут поддержать стандарты Евросоюза, создало бы поле для устойчивого взаимного интереса и взаимодействия.

Еще одна болезненная для ЕС и перспективная для России тема – интернационализация евро. После кризиса 2008 г. позиции евро как мировой валюты откатились на 10 лет назад и с тех пор восстанавливаются крайне медленно. Между тем к 2021 г. ЕЦБ отказался от прежней нейтральной позиции в отношении международной роли евро. Теперь он больше не намерен

«сидеть сложа руки», полагаясь только на стабильность единой валюты. Практика показала, что одни высокие качества сами по себе не повышают роль евро на мировых товарных и финансовых рынках. В 2020 г. ЕЦБ уже безо всякого стеснения говорит о «непомерной привилегии» доллара и открыто пытается ей противостоять. Одна из альтернатив при отказе от доллара как единой валюты – введение цифрового евро. Активная работа на этом направлении ведется с осени 2020 г. под руководством члена дирекции ЕЦБ Ф. Панетты. Россия также заинтересована в диверсификации валютной структуры своих расчетов. Здесь есть шанс найти точки пересечения с Евросоюзом и выйти с предложением, от которого он не сможет отказаться. Для этого надо привлекать экспертов ведущих коммерческих банков и Банка России. Кстати, в первые годы существования евро Банк России и ЕЦБ поддерживали устойчивые связи, был налажен обмен опытом и информацией, делегации сотрудников и высших официальных лиц ЕЦБ регулярно бывали на Неглинной (*Здание Центрального Банка РФ – прим. ред.*). Эту традицию полезно возродить.

Второй вектор – активная работа на восточных направлениях российской политики. На ближних рубежах это ЕАЭС. Здесь, как уже говорилось, нужна напористая и прозрачная, понятная населению стран-участниц политика. Пора решить «повисший в воздухе» вопрос о евразийских ценностях. Это задача для Академии наук и научных сообществ стран-членов. Без списка этих ценностей и консенсуса вокруг них мы еще долго будем находиться под идеологическим прессом Евросоюза.

На дальних рубежах необходимо укрепление отношений с Китаем в разумных пределах, без необдуманных уступок и сдачи позиций по ключевым направлениям, включая использование юаня в расчетах. Весьма перспективным может стать развитие сотрудничества, а еще лучше – заключение рамочного соглашения между ЕАЭС и Всеобъемлющим региональным экономическим партнерством (создано в ноябре 2020 г.).

– При каких условиях, по Вашему мнению, возможна отмена антироссийских санкций со стороны ЕС или их значительное смягчение? Возможно ли это в ближайшие пять лет?

– Условия для отмены или значительного смягчения санкций сейчас просматриваются плохо. Сдвинуть ситуацию с мертвой точки может смена кабинетов в странах ЕС, приход к власти политиков нового поколения. Или неожиданное внешнее событие, создающее серьезную угрозу и для ЕС, и для России. Постепенное сближение возможно при реализации событий, описанных выше.

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В БЛИЖНЕМ И ДАЛЬНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

А.А. Громыко – д.полит.н., директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, профессор РАН, руководитель Центра британских исследований, соучредитель российского движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН», член редколлегии журнала «Современная Европа», член РСМД

– Алексей Анатольевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– За последнее десятилетие России во внешней политике удавалось «бить сильнее своих возможностей». Это означает, что с учетом суммарного внутреннего потенциала страны со всеми его преимуществами и уязвимыми местами внешняя политика оставалась сферой, в которой убедительно проявлялись глобальные атрибуты российского государства. Россия в начале третьего десятилетия XXI в. остается в числе наиболее влиятельных и заметных игроков на мировой сцене.

Во внешней политике не совершаются чудеса, но именно поэтому необходимы выверенные, продуманные, профессиональные действия, сводящие воедино дипломатические, политические, экономические и военные инструменты продвижения национальных интересов на международной арене. Россия стала одной из наиболее влиятельных сил на Ближнем Востоке, успешно выстраивала стратегический союз с Китаем, постепенно восстанавливала свою роль в Африке, не только не опаздывала, но превентивно и системно наращивала свои позиции в Арктическом регионе. Исходя из имеющихся возможностей и внутренних ресурсов, расстановки сил в прилегающих к ней регионах и в мире в целом, Россия вполне успешно адаптировалась к происходящим вокруг нее изменениям, «держала удар» и использовала выпадавшие ей шансы.

Косвенным свидетельством справедливости такой оценки служит то обстоятельство, что отношение к России со стороны ее западных конкурентов как к якобы слабеющей региональной державе сменилось на прямо противоположное – как к державе, находящейся в центре внимания США и их союзников. В своей риторике Запад бросился из одной крайности в другую – от изображения России как второстепенной силы к ее критике как вездесущего игрока, «вмешивающегося» во все мыслимые и немыслимые политические процессы в своем ближнем и дальнем зарубежье. Российский фактор превратился в яблоко раздора во внутренней политике Соединенных Штатов, в постоянную тему, влияющую на взаимоотношения между государствами –

членами Евросоюза, в главного «другого» для придания осмысленности существованию НАТО. Украинский кризис мог стать тяжелым геополитическим ударом для Москвы без какой-либо компенсаторики. Но даже в этих сверхсложных обстоятельствах она действовала не только реактивно, но и проактивно: произошло воссоединение Крыма с Россией, зацементирован Нормандский формат для решения проблемы Донбасса.

На остальном постсоветском пространстве удалось продемонстрировать, что политика – это искусство возможного: удалось в сложных условиях запустить и развивать Евразийский экономический союз, сохранять в тонусе ОДКБ, достойно участвовать в ШОС и БРИКС, оказаться единственной силой, способной выступить миротворцем между Арменией и Азербайджаном, сохранить свое влияние в Центральной Азии, осторожно, но твердо действовать в связи с политическим кризисом в Белоруссии.

Россия оставалась единственной влиятельной страной в мире, которая последовательно стремилась к спасению хотя бы части разваливающейся системы контроля над вооружениями. Эти усилия привели к положительному решению проблемы, судьба которой висела на волоске, – удалось продлить на пять лет СНВ-3. Москва внесла целый ряд мирных инициатив в ответ на выход США из ДРСМД, неоднократно предлагала перезапустить отношения с НАТО и ЕС.

Спорный вопрос – окрепли международные позиции России за последние 10 лет или она оказалась в более сложной для себя ситуации? Представляется, что вопрос риторический, и лучший на него ответ – смотря с чем и кем сравнивать. Например, окрепли за тот же период позиции США, Германии, Франции, Британии, ЕС, или они ослабли? Вряд ли найдутся серьезные эксперты, которые стали бы утверждать, что они стали сильнее. С этой точки зрения Россия, по крайней мере, не потеряла во внешней политике больше, чем другие, и одновременно достигла ряда успехов.

Одновременно немало специалистов будут утверждать, и не без оснований, что многое в развитии страны можно было сделать лучше, «выше и сильнее». Конечно, хотелось бы, чтобы ситуация была более благоприятной. Но сегодня на весах фортуны такой расклад достижений и неудач во внутреннем и внешнем развитии России последнего десятилетия, который можно считать удовлетворительным. Банальность – что внешняя политика опирается на внутренние ресурсы и зависит больше от политики внутренней, нежели наоборот. Поэтому так же банально, что внутреннее состояние России и будет в основном определять итоги внешней политики нашей страны, которые специалисты-международники подведут через следующие 10 лет.

– На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– В следующее десятилетие Россия по-прежнему будет решать задачи трех основных внешнеполитических вызовов: сохранить контроль над процессами на постсоветском пространстве и преуспеть в интеграционных проектах, в которых она играет здесь ключевую роль; стабилизировать и нормализовать отношения с ведущими западными государствами на основе обоюдной выгоды; так выстраивать отношения с Китаем, чтобы сохранить их характер дуумвирата, не скатившись на позиции младшего и зависимого партнера. Но это исходя из представления о достаточно условном делении вызовов на внешние и внутренние. Если же иметь в виду прогрессирующую размытость границы между ними, то четвертый вызов, простирающийся на несколько десятилетий вперед, заключается в феномене энергетического перехода и зеленой повестке дня, что неразрывно связано с проблемой глобального потепления. Ответить на этот вызов можно лишь изменив структуру, качество российской экономики и жизни. Это дело сугубо внутреннее и не блистающее большими успехами. Но в данном случае внешние факторы будут также толкать российское государство и общество к необходимости таких изменений, иначе уже в обозримой перспективе большинство конкурентных преимуществ существующей экономической модели будут исчерпаны.

– Что Россия и Европейский союз могли бы предпринять уже сейчас для минимизации или преодоления кризиса в двусторонних отношениях?

– Россия должна продолжать терпеливо и вежливо разъяснять европейским партнерам, что она не отказывается от форматов многостороннего и взаимовыгодного партнерства с ЕС. Также необходимо в рабочем режиме продолжать развивать взаимовыгодное сотрудничество там, где это не зависит от политической конъюнктуры – в экономике, культуре, науке, образовании. Что бы Россия ни делала в ближайшее время, поведение ЕС на наднациональном уровне и на уровне отдельных государств-членов не изменится. Многие в этом руководствуются рефлексамми, а не прагматизмом и здравым смыслом. К сожалению, в борьбе с «новым популизмом» в ЕС, во внутривнутриполитической борьбе в Соединенных Штатах антироссийский настрой стал своего рода независимой ни от чего константой. Изобретая все новые санкции, в том числе «горизонтального» характера, ЕС все глубже сам себя загоняет в тупик в области отношений с Россией. Чтобы рано или поздно переломить эти тенденции, России важно даже не столько что-то предпринимать на европейском направлении, где пространство для маневра узкое, сколько раз-

виваться успешно как внутренне, так и в форматах интеграционных проектов на постсоветском пространстве, в вопросах диверсификации своей внешне-экономической деятельности.

– Сегодня в рамках процессов глобализации можно наблюдать подобию некоей новой биполярности – между США и Китаем, соперничество между которыми особенно обострилось с приходом Д. Трампа к власти в США. Что может означать эта биполярность для отношений России и ЕС? Будет ли она, на Ваш взгляд, способствовать дальнейшему осложнению и ухудшению отношений Москвы и Брюсселя, либо же, напротив, сможет сыграть определенную позитивную роль?

– Не считаю, что у концепции «новой биполярности США – Китай» есть высокие шансы на воплощение в жизнь; писал об этом не раз, в том числе на портале РСМД. Речь идет о межгосударственном соперничестве, а не о новом расколе мира на два лагеря. Нарастание противоречий между США и Китаем не отменяет того факта, что мир чем дальше, тем больше становится полицентричным. Сверхдержав в XXI в. по шаблону предыдущего столетия уже не будет. Можно использовать какие-то параллели с эпохой классической холодной войны, но вряд ли это стоит делать с помощью прямолинейной идеи «новой биполярности». Новую холодную войну попытался провозгласить летом 2020 г. М. Помпео, но сомневаюсь, что в глазах значительного количества международных политиков такого пошиба воспринимается как У. Черчилль номер два. У. Черчилль бы сильно обиделся. Что касается действительного противостояния Пекина и Вашингтона на годы вперед, то большинство стран мира, в которые входят многие государства – члены ЕС и, уверен, Россия, не захотят ни встраиваться в раскручиваемую часть политического истеблишмента США конфронтацию с Китаем, ни становиться сателлитами одной из этих стран. Конечно, одни будут намного ближе к США, другие – к Китаю, но на деле верх будет брать прагматизм и политика балансирования, а не верноподданничества. Об этом свидетельствует и недавнее инвестиционное соглашение Брюсселя с Пекином, и осторожная политика Москвы в отношении инициативы «Один пояс, один путь».

РОССИЯ–ЕВРОСОЮЗ – ВРЕМЯ ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЕД

А.В. Грушко – заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, член РСМД

– Александр Викторович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Прошедшее десятилетие было отмечено нарастанием кризисных тенденций в мировой политике и экономике. Одна из самых заметных связана с неготовностью исторического Запада мириться с постепенной утратой глобального доминирования и ростом влияния на международной арене самостоятельных игроков, таких как Россия и Китай. Дабы сдержать этот объективный процесс, США и их союзники сделали недальновидный выбор в пользу давления, односторонних ограничительных мер и силового навязывания своих порядков, что спровоцировало дальнейшую эрозию системы международного права и способствовало подрыву коллективных начал межгосударственного сотрудничества. В итоге возможности мирового сообщества давать консолидированный ответ на глобальные вызовы сократились до минимума. Пандемия коронавируса наглядно это продемонстрировала.

В условиях растущей международной напряженности и беспрецедентного внешнего давления Россия неизменно придерживалась верховенства норм международного права. Во внешней политике оставалась оплотом защиты традиционных ценностей, отстаивала историческую правду, не давая переписывать страницы нашего общего с другими европейцами прошлого, использовать дезинформацию для очернения имиджа неудобных Западу стран. Россия последовательно проводила в отношениях с зарубежными партнерами взвешенную и независимую политику, нацеленную на отстаивание своих национальных интересов. Из конкретных достижений российской дипломатии выделил бы существенное углубление евразийской интеграции, а также улучшение качества многопланового взаимодействия с нашими союзниками по ОДКБ, ЕАЭС и ШОС. Сохранение Россией за собой статуса основного гаранта и посредника в разрешении самых сложных конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве – от Украины до Нагорного Карабаха. Достижение беспрецедентного уровня доверия в российско-китайских отношениях.

Активная помощь российских военных Сирийской Арабской Республике в борьбе с международным терроризмом, которая сочеталась с усилиями нашей дипломатии в рамках Астанинского формата, открыли путь

к стабилизации ситуации на всем Ближнем Востоке. На европейском направлении, несмотря на разногласия, удалось в целом сохранить высокий уровень политического диалога и торгово-экономического взаимодействия.

В целом Россия за последние 10 лет на деле доказала, что ее внешняя политика способна адаптироваться к быстроменяющемуся международному контексту. Голос России в международных делах стал звучать весомее, а ее статус великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН, укрепился. Наша честная и открытая позиция по налаживанию сотрудничества в интересах мира, безопасности и всеобщего экономического процветания встречает все больше поддержки в глобальном масштабе. Все это является залогом успеха российской внешней политики на долгие годы вперед.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Эти угрозы весьма разнообразны. Самую серьезную обеспокоенность вызывает эгоистичная политика западных государств по продвижению односторонних подходов в глобальных делах, попытки сделать узкогрупповые структуры, типа НАТО, источником международной легитимности. При молчаливом согласии своих союзников США вышли из договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и договора по открытому небу (ДОН), последовательно разрушили все договорные основы, на которых на протяжении десятилетий держалась стратегическая стабильность в Европе. К этому стоит добавить заявления о необходимости расширения военного присутствия НАТО у российских границ под предлогом сдерживания мифической угрозы «с Востока», появление в лексиконе западных стран риторики времен холодной войны, формулировок типа «отпор», «сковывание» в отношении России. Без серьезного разговора о новой архитектуре безопасности на европейском континенте и выработки универсальных правил поведения, в том числе в киберсфере, мы рискуем стать свидетелями эскалации напряженности с непредвиденными последствиями в результате непреднамеренного инцидента или провокации.

В дополнение к этому никуда не исчезли угрозы, связанные с международным терроризмом, наркотрафиком и организованной преступностью. Наоборот, они приобрели новое измерение с учетом роста уязвимости критической инфраструктуры для атак с использованием современных информационно-коммуникационных технологий.

Наконец, пандемия коронавируса заставила по-новому взглянуть на подходы к предупреждению инфекционных заболеваний на планете. При-
скорбно, что даже такая общая деполитизированная угроза в лице этой опас-
ной болезни не смогла помочь человечеству преодолеть политические разно-
гласия и сплотить силы в борьбе с глобальной напастью.

Между тем успехи России в борьбе с пандемией, включая созда-
ние собственных эффективных вакцин, свидетельствуют о нашей спо-
собности противостоять любым угрозам, откуда бы они ни исходили.
Рассчитывая, прежде всего, на свои силы, мы, тем не менее, продолжим по-
следовательную работу со всеми, кто к этому готов, по налаживанию эффек-
тивного международного взаимодействия в сфере борьбы с общими вызовами
и угрозами.

– Какими будут приоритеты для России в отношениях с ЕС в ближайшие годы?

– Очевидно, что отношения России с Евросоюзом нуждаются в серьезной переналадке. В результате серии деструктивных решений ЕС по заморозке большинства форматов нашего сотрудничества, введению искусственных ограничений и наращиванию прессинга на Россию мы подошли к опасной черте. Дальнейшая деградация противоречит интересам обеих сторон.

За политическими разногласиями нельзя терять из виду стратеги-
ческое значение наших отношений. Россия и ЕС – ближайшие соседи
и естественные партнеры во многих сферах. Нас объединяют многовековая
история, культура, тысячи родственных и гуманитарных связей. Торговый
оборот Россия-ЕС, несмотря на неизбежную поправку на «коронакризис»,
сохраняется на внушительном уровне – 192 млрд долл. в 2020 г. Взаимоза-
висимость в энергетике служит сплочению наших экономических потенциа-
лов. Европейский бизнес комфортно работает на российском рынке, остава-
ясь одним из основных источников прямых иностранных инвестиций в нашу
экономику. Наконец, следует помнить, что Россия и Евросоюз несут осо-
бую ответственность за безопасность нашего общего европейского конти-
нента. И вряд ли рядовые жители государств – членов ЕС заинтересованы
в оплачивании из своего кошелька искусственно создаваемой конфронтации
с Россией, которая формируется на основе оторванных от реальности narra-
тивов.

Принимая в расчет все вышесказанное, мы не можем позволить себе до-
вольствоваться «мегафонной дипломатией» и спорадическими контактами.
Требуется восстановление постоянного системного диалога, налаживание со-
трудничества в сферах общих интересов.

Важно двигаться от слов к делу, последовательно восстанавливать утраченное доверие, работать на основе взаимного уважения и баланса интересов. Эта задача сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Ведь речь идет не о возврате к существовавшим прежде механизмам сотрудничества, которые в одночасье были обрушены по решению ЕС, а о создании принципиально обновленного формата взаимодействия. Нам следует учесть множество факторов, включая обязательства России в рамках углубившейся в последние годы евразийской интеграции и факт выхода из состава ЕС Великобритании. ЕС пришло время найти в себе силы на честный и открытый диалог с Россией без нравоучений и шантажа. Со своей стороны готовы к такой работе на благо интересов наших народов и укрепления сотрудничества в Европе.

– По каким направлениям развитие отношений России и ЕС по-прежнему остается возможным, несмотря на кризис в отношениях России и Запада и режим санкций? Что Россия могла бы предпринять уже сейчас для минимизации/преодоления кризиса в двусторонних отношениях?

– Несмотря на «подмороженное» со стороны ЕС сотрудничество, контакты между Россией и Евросоюзом никогда не прекращались. Диалог востребован обеими сторонами. Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно говорил по телефону с Председателем Европейского совета Ш. Мишелем, последний раз – 7 июня 2021 г. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров регулярно общается с Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррелем. Визит Ж. Борреля 5 февраля 2021 г. в Москву, как бы его контекст и итоги ни пытались превратно толковать западные СМИ, лишь подтверждает мои слова. Наши эксперты обмениваются оценками по широкому кругу сюжетов, включая проблематику общих вызовов и угроз. Россия и ЕС взаимодействуют на международной арене. Урегулирование ближневосточного конфликта, нестабильность в Сирии и Ливии, реализация договоренностей в рамках Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы – все эти и многие другие темы требуют постоянного профессионального общения между нами.

Время не стоит на месте. Меняющийся на глазах глобальный ландшафт бросает нам все новые вызовы. России и ЕС нужно двигаться вперед. Перед нами открываются новые горизонты сотрудничества в таких перспективных областях, как борьба с инфекционными болезнями, изменение климата и наука. Нам нужно говорить о цифровизации экономик, инновациях, искусственном интеллекте, транспортной совместимости и многом другом. Но для того,

чтобы начать эту работу, нужна политическая воля с обеих сторон и готовность к взаимоуважительному диалогу в духе равноправия и уважения. А с этим у ЕС пока проблемы. В Брюсселе и других столицах государств – членов ЕС продолжают усугублять кризис доверия в наших отношениях путем раскручивания под надуманными предлогами антироссийских информационных кампаний.

Евросоюз сам себя загнал в ловушку, выстроив искусственные ограничения и увязки для нормализации отношений с Россией. Мы к этому относимся философски, где-то даже с сочувствием. Исходим из того, что во взаимовыгодном равноправном сотрудничестве Россия и ЕС заинтересованы в равной степени.

ВКЛАД В СОХРАНЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ – ВАЖНЕЙШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ РОССИИ

В.В. Журкин – д.и.н., почетный директор Института Европы РАН, академик РАН, действительный член Европейской академии наук, искусств и литературы, член РСМД

– Виталий Владимирович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Важнейшим достижением России, ее внешней политики на протяжении последнего десятилетия был ее вклад в сохранение глобальной стабильности, предотвращение угрозы стратегического конфликта. Конечно, свою роль сыграли ООН, многие другие государства. Но вклад России, ядерной сверхдержавы, российской внешней политики достаточно велик.

– Что Россия и ЕС могли бы предпринять уже сейчас для минимизации/преодоления кризиса в двусторонних отношениях? Существует ли эффективный способ урегулирования или стабилизации конфликтов на европейском пространстве?

– Перспективы взаимоотношений России и Европы полны неопределенностей. В целом же они будут оставаться сложными и трудными, поскольку позиции сторон меняться не будут. Определенные позитивные возможности, как это бывало и в прошлом, могут открыться в отношениях с отдельными странами Европейского союза. Вместе с тем и Россия, и европейцы заинтересованы в ослаблении международной напряженности в Европе, ослаблении военной угрозы. Здесь позитивные сдвиги вполне реальны. Важную роль в этом могли бы сыграть «Рекомендации о снижении угрозы военных рисков в отношениях России и НАТО», разработанные Институтом США и Канады и Институтом Европы РАН под руководством академика С.М. Рогова и члена-корреспондента РАН А.А. Громыко. Доклады об этих Рекомендациях были представлены С.М. Роговым на ежегодном собрании РСМД и общем собрании Российской академии наук. Рекомендации были активно поддержаны многими учеными, общественными и политическими деятелями США и Европы.

РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ НЕЧЕГО ДЕЛИТЬ, У НАШИХ СТРАН НЕТ ПРЕДМЕТА ДЛЯ РЕАЛЬНОГО ПРОТИВОБОРСТВА

А.В. Келин – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, член РСМД

– Андрей Владимирович, некоторые эксперты и политики считают, что выход Великобритании из ЕС – первый звонок дезинтеграции Евросоюза. Корректно ли рассматривать *Brexit* с точки зрения спускового крючка для дальнейшего выхода из состава ЕС других государств-членов?

– Формальный выход Великобритании из Евросоюза состоялся. В последний момент сторонам удалось достигнуть приемлемого соглашения. Вместе с тем столь значительные перемены не происходят одномоментно. Между Великобританией и ЕС остаются шероховатости и нерешенные вопросы, доставшиеся в наследство от «расставания». Однако очевидно, что у сторон есть понимание необходимости сохранения конструктивного диалога и преодоления разногласий. Безусловной проверкой на готовность к сотрудничеству оказалась пандемия коронавируса, во многом отодвинувшая другие, как казалось, насущные вопросы на второй план. В любом случае ЕС имеет более чем достаточный запас прочности, а с уходом Великобритании ничто не грозит рассыпаться.

Гораздо интереснее, какие возможности открываются для российско-британских отношений в контексте *Brexit*. В нашем понимании он дает некоторые дополнительные возможности, которые могут интересовать Россию с точки зрения торговли, экономики и продвижения культурного сотрудничества. Прежде всего, исчезли некоторые старые торговые барьеры, которые были установлены Европейским союзом, и таких барьеров порядка 20.

Есть также устаревшие ограничения и запреты с Великобританией, например, в области оборота лекарств. Или какие-то барьеры, основанные на правилах, мешающих сейчас строить взаимодействие. Все эти вопросы требуют внимательного анализа и постепенного пересмотра. Мы к этому обязательно придем, хотя пока англичане пошли по пути заключения соглашений со своими ближайшими союзниками и странами так называемого Восточного партнерства ЕС, т.е. в обход России.

Со своей стороны мы уже начинаем задавать эти вопросы, в том числе и на площадке Всемирной торговой организации в Женеве. Заключение нового двустороннего торгового соглашения также на повестке дня. Кроме того, у нас вообще нет никакого соглашения с Великобританией в сфере морского торгового судоходства, у нас есть очень старое авиационное соглашение.

У нас нет соглашений в сфере торговли расщепляющимися материалами – там все основано на подходах Евросоюза.

Есть целый ряд интересующих Россию областей. В первую очередь речь идет о сфере экономики, торговли, инвестиций и сопутствующих вопросах. Российская сторона готова к инвентаризации экономического взаимодействия с Великобританией, по итогам которой можно будет судить о том, какие сферы в первую очередь нуждаются в новом двустороннем российско-британском регулировании.

Естественно, это улица с двусторонним движением, и многое будет зависеть от настроения британской стороны. Понимаем, что для Лондона первостепенное значение имеет урегулирование новых отношений с самим Евросоюзом, а также с США. Но Великобритания не может игнорировать сохраняющийся интерес британского и российского бизнеса к взаимовыгодным связям.

– Двусторонние отношения России и Великобритании традиционно были и остаются весьма сложными. С Вашей точки зрения, есть ли шанс на их улучшение в среднесрочной перспективе?

– С сожалением приходится констатировать, что российско-британские отношения вновь проходят через весьма острую фазу. Примечательно, что при этом Москва и Лондон находятся сейчас в одной цивилизационно-идеологической парадигме. Мы разделяем общие культурные ценности гуманизма, демократии, рыночной экономики, верховенства закона, защиты прав человека, устойчивого развития. Даже если кто-то и усмотрит различные нюансы в трактовке этих понятий, их вряд ли можно назвать глубинными, принципиальными или непримиримыми. То же и в сфере национальных геополитических интересов: современным России и Великобритании как отдельным суверенным государствам, в общем-то, нечего «делить». Объективно говоря, у нас больше нет предмета для реального противоборства.

На этом фоне рассуждения о «российской угрозе» со стороны ряда британских политиков искусственны и конъюнктурны. Тема угроз очень нравится военным и всем, кто связан с обеспечением национальной безопасности. Это оправдывает их существование, но мало соотносится с реальными национальными интересами Соединенного Королевства. Даже если предположить некую «воспитательную» функцию санкций и всей антироссийской истерии (с британской точки зрения), то, как минимум, она оказалась эфемерной, не приведя ни к каким результатам. Россия не «поменяла своего поведения», не отказалась от собственной независимой линии в мировых делах. Да и как иначе? Ведь основания под всеми антироссийскими шагами эфемерны. Население Крыма само в соответствии с правом на самоопределение выбрало с кем

связать свое будущее. Пресловутые дела Литвиненко и Скрипаля изначально строились на бездоказательных утверждениях и провокациях. Нынешние потуги поддержать разных ложных «жертв режима» в качестве самопровозглашенных мнимых «лидеров российской оппозиции» и «борцов за права человека» опираются на искаженную трактовку фактов и несерьезны для любого вдумчивого эксперта.

У нас хватает реальных поводов упрекнуть британскую сторону в непоследовательности и двойных стандартах. Вспомним хотя бы упорное нежелание сотрудничать с нами по делам десятков откровенных мошенников из числа российских граждан, вольготно и роскошно живущих в Соединенном Королевстве на похищенные в России средства. Не только у Москвы, но у многих стран есть серьезная претензия к британскому финансовому центру как чуть ли не к главной глобальной «прачечной» для преступных доходов. Не всегда благовидную роль играют англичане в различных кризисных ситуациях на нашей планете. Взять хотя бы Ближний Восток (особенно Йемен и Сирию) и Северную Африку. На Балканах, да и на Украине наращивается провокационное присутствие их военных и спецслужб.

Чем больше задумываешься над истинной природой агрессивных антироссийских выпадов из Лондона, тем больше приходят мысли о большой доле конъюнктурных факторов. Такая безрассудная и неосторожная линия может быть выгодна только определенным политикам-демагогам, которые не заботятся о долгосрочных национальных интересах своей страны, а лишь пытаются использовать образ внешнего врага, чтобы иметь повод погромче покричать с различных трибун и «поднять свой профиль». Их интересы сходятся с откровенно денежными мотивами как силовиков, так и псевдо-аналитиков, зачастую из числа бывших «советологов», которые просто боятся потерять традиционных заказчиков своей «интеллектуальной продукции». В этом же ряду находятся и СМИ, которым, к сожалению, легче продавать (в прямом и переносном смысле) скандальные «фейковые новости», чем заниматься настоящей качественной журналистикой. Есть и еще одна большая внешняя причина – далеко не полная самостоятельность геополитического выбора Лондона. Колебания англичан вместе с курсом своего «главного стратегического партнера», а то и откровенное болтание в его кильватере видны невооруженным глазом.

Искренне надеемся, что конъюнктурные политические игры определенного слоя британской элиты не скажутся негативно на английском деловом прагматизме и джентльменском духе. В конечном счете это может подорвать привлекательность Великобритании не только для российского бизнеса, но и обернуться значительными прямыми потерями и упущенной выгодой для британской экономики.

О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИТОГАХ «ДЕСЯТЫХ» ГОДОВ XXI ВЕКА, ОБ ИСТОКАХ КРИЗИСА МИРОВОЙ СИСТЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВАХ ВЫХОДА ИЗ НЕГО

К.И. Косачев – заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, член Попечительского совета РСМД

– Константин Иосифович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Говоря некрасовскими строками: «Он ловит звуки одобренья / Не в сладком ропоте толпы, / А в диких криках озлобленья». Если проследить, за что нас ругают те, кто не заинтересован в усилении России, Вы получите примерный список наших успехов.

Вспомним, чем начиналось десятилетие – военная операция западной коалиции против Ливии в 2011 г. Параллельно разыгрывалась сирийская драма, которой готовили похожий «иракско-ливийский» сценарий, и США открыто грозили военной интервенцией.

Именно тогда отнюдь не случайно речь шла именно о химическом оружии. Запад развил бурную активность по «перепрофилированию» ОЗХО, а также по созданию разного рода псевдообщественных структур, вроде «Белых касок», призванных снабжать «фактами» международные институты. Мы явно недооценили взаимосвязь этих событий, за которой скрывается стратегия, дающая свои результаты и сегодня.

Тогда, на фоне отработанного ранее на других странах нагнетания страстей вокруг Сирии, на сцену вышла Россия, изменившая не только чужие планы, но и модальности десятилетия в целом.

Сначала она одержала крайне важную дипломатическую победу: Сирия пошла на международный контроль уничтожения ее химоружия. Дж. Фридман, глава известной аналитической компании «Stratfor», считает, что и события на Украине нужно рассматривать в контексте блестящей дипломатической «операции» Москвы в Сирии, в чем США усмотрели угрозу своим интересам в регионе. В ответ США «подумали, чего она [Россия] хочет меньше всего – неустойчивости на Украине», утверждает Фридман.

События вокруг Сирии стали поворотными для международных реалий прошлого десятилетия. А после начала военной операции против огромного террористического квазигосударства Россия окончательно утвердила себя в роли ключевого игрока на Ближнем Востоке. Москва показала себя эффективным посредником, с которым готовы иметь дело, по сути, все региональные игроки, в том числе – конфликтующие между собой. Фактически Россия

вернула дипломатию в регион, который до того развивался по западной «колее» от волнений к интервенциям.

В контексте «диких криков озлобленья» наших оппонентов украинский сюжет ближе к успехам России, чем к ее поражениям. Ведь по сценариям Украина уже была бы сегодня в НАТО, а флот Альянса уже стоял бы в Севастополе. Это стало бы актом грандиозного унижения России, который должен был повлиять на российскую внутривнутриполитическую ситуацию. Но это не произошло. Не само по себе, а благодаря русским людям в Крыму и на Донбассе, которые выступили против госпереворота и односторонней прозападной ориентации страны.

Возвращение Крыма в «родную гавань» стало центральным достижением всего десятилетия. Оно не просто восстановило историческую справедливость, но сохранило за Россией статус черноморской державы, уберегло население полуострова от неминуемых репрессий и фактически лишило Украину стратегической ценности для НАТО.

К числу успехов, безусловно, следует отнести и продвижение евразийской интеграции, особенно после начала функционирования с 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза. В мае того же года лидеры России и Китая подписали заявление о сопряжении ЕАЭС и экономического пояса Шелкового пути. Россия оказалась в ситуации, когда не просто каждое неловкое движение Запада подталкивает ее и Китай друг к другу, но когда наше взаимодействие становится все более системным.

Еще одно важное событие – возвращение России в Африку. В октябре 2019 г. в Сочи состоялся исторический саммит «Россия – Африка». По числу выступлений на самом высоком государственном уровне сравнить мероприятие можно, наверное, лишь с неделей высокого уровня Генассамблеи ООН.

В числе важнейших и несостоявшихся события: например, предотвращенные интервенции США в Венесуэлу и Иран. Ведь вероятность их была достаточно велика, однако именно вынужденный отказ Вашингтона от их проведения показывает, что в мире с объективно усилившейся Россией иракские и ливийские сценарии перестали быть нормой.

Историческим событием для парламентской дипломатии стало проведение 14–18 октября 2017 г. Ассамблеи старейшей международной парламентской организации мира – Межпарламентского союза (МПС) – в Санкт-Петербурге. В Россию тогда прибыли 2500 человек из 160 стран, в том числе 87 глав палат парламентов.

Благодаря российской активности в рамках МПС и инициативе Председателя Совета Федерации В.И. Матвиенко у парламентариев планеты теперь есть свой профессиональный праздник. 22 мая 2018 г. на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке была принята резолюция 72/278, по-

становившая «отмечать 30 июня каждого года Международный день парламентаризма».

Понятно, что без проблем не обошлось: достижения на одном направлении оборачиваются трудностями на другом. Увы, отношения с Западом даже не на нуле, а в глубоком «минусе». Но речь о цене вопроса. К началу 2010-х гг. она стала несоразмерной тем плюсам, которые дала бы попытка «понравиться» Западу, игнорировавшему наши интересы.

– На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Турбулентность и неопределенность в мире вызваны, прежде всего, противоречиями между взаимоисключающими моделями мироустройства – однополярной и полицентричной. На Западе считают, что мировые проблемы возникли из-за поведения отдельных «ревизионистских» держав, бросающих вызов «порядку, основанному на правилах». И начинают отсчет проблем, например, с крымских событий 2014 г., оставляя за скобками все, что этому предшествовало.

На деле все накапливалось ранее. Отказ Запада от принципа Парижской хартии для Новой Европы 1990 г. – не обеспечивать свою безопасность за счет других государств, расширение НАТО, поддержка прозападных сил и переворотов на постсоветском пространстве, расправы над ближневосточными правителями под гуманитарными предлогами – все это перевело количество в качество.

При этом отметил бы такой фактор: изменение характера отношений внутри классического треугольника «Россия – США – Китай». Политики «старой школы» в самих США говорили о необходимости разыграть схему «двое против одного» с прицелом на главного конкурента – Китай, как это было сделано в свое время американцами, сблизившимися с Пекином против Москвы.

Сегодня ставка явно сделана на войну против обоих и на консолидацию Запада. Потому нам надо ждать не «пряников» для дружбы против Китая, а скорее усилий по обезцениванию России как союзника, в том числе – через вмешательство во внутривнутриполитические процессы. Надо четко понимать: наши внутренние взрывоопасные сюжеты «раскручивают» извне вовсе не для того, чтобы сделать нас «образцовой демократией», а именно чтобы парализовать нашу активность вовне.

С этой же целью поддерживают интерес мировой общественности к любым антироссийским досье. Будь то процесс по сбитому в 2014 г. самолету *Boeing* Малазийских авиалиний, инциденты с якобы применением химоружия против оппозиционеров или против мирного населения в Сирии, «агрессия» и

«аннексия» в контексте Украины, «вмешательство» в выборы США или других стран и даже тотальная дискредитация нашей страны в сферах спорта, истории, СМИ, как и многое другое. Все это должно найти отражение в резолюциях международных организаций, чтобы документально зафиксировать образ «слетевшей с катушек», но крайне опасной державы, недостойной, например, места постоянного члена в Совбезе ООН.

С учетом этих обстоятельств я бы предложил рассматривать нарастающую турбулентность не как стихийный процесс, а как «идеальный шторм», от которого, по замыслу, должны выиграть вполне конкретные силы, как они выигрывали от мировых войн и кризисов.

– Какими будут приоритеты для России в отношениях с ЕС в ближайшие годы?

– Вспомню В.И. Ленина: «прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться». Чтобы нам заново прорубить «окно в Европу», придется пройти фазу определенной «деевропеизации», преодоления в том числе ментальной зависимости от мнения наших европейских партнеров.

Надо соизмерять то, что утверждают в ЕС, с реальным положением дел. Если говорят об уважении, но вводят санкции, если представляют себя важным центром мировой политики, но неспособны защитить себя от американского диктата, то надо делать выводы. Не мы отказались от диалога, не нам одним настаивать на его возобновлении. Если непременным условием его продолжения должно быть пресловутое «изменение поведения» России (по Крыму и т.п.), то диалог ради диалога нам точно неинтересен.

Сначала надо изменить свое поведение тем, кто с 1990-х гг. сознательно вел дело к кризису. Это тупиковый подход, хотя именно он официально зафиксирован в знаменитых «пяти принципах Могерини» и подтвержден уже в наши дни: вместо официального диалога предлагается усилить активность в соседних с нами странах, как и поддержку прозападных сил в самой России.

Нужна ревизия отношений с европейскими структурами. Лучше никакого диалога, чем неравный. Мы не отказываемся от ЕС как партнера, от вековых связей с отдельными странами и народами. Но это не должно служить основанием для вывода о том, что Россия согласна с европейскими оценками ситуации и причин ее возникновения. Если внутри европейских структур ситуативно правят бал те, для кого русофобия стала делом жизни и карьеры, то это говорит о внутренних проблемах в ЕС – просчетах при расширении, в системе принятия решений, в принципе обязательного консенсуса. Но это именно внутренние сбои, и надо дать время их устранить.

Не будем забывать и ту атмосферу, в которой сегодня живут европейцы. Она формируется медийным мейнстримом и правящими политиками. В этой реальности Россия вдруг напала на Грузию, а потом – на Украину; Крым аннексирован; европейские оппозиционные силы «куплены» Кремлем; Россия сознательно (но неудачно) применяет химическое оружие за рубежом и дома; не воюет с терроризмом, а поддерживает «кровавые режимы», а любые альтернативные мнения на эти темы – это «фейки» и дезинформация и т.п. В эту реальность погружены не только политики и общество, но, скажем, судьи в арбитражах, которые будут принимать решения по тем же экономическим спорам с участием наших компаний. Мы будем говорить о некорректных и политически мотивированных решениях судов, а те будут ссылаться на резолюции того же Европарламента про «аннексию» и «агрессию», которые и принимаются не для прямого исполнения, а для конституирования западных оценок ситуации. Все это быстро не выветрится, потому запасаемся терпением и работаем на отдаленную перспективу.

– Как Вы оцениваете последствия пандемии COVID-19 на внутреннюю и внешнюю политику США? Оказала ли она влияние на роль США в мире и на будущее развитие российско-американских отношений?

– Пандемия COVID-19 оказала серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю политику США, став одним из решающих факторов, стоивших Д. Трампу президентского кресла.

США били мировые рекорды по заболеваемости. На смену экономическому росту, обеспечивавшему поддержку Д. Трампу, пришли стагнация и падение фондовых рынков, рост безработицы. *The Washington Post* писала, что американская экономика вступила в глубокую рецессию похожую на Великую депрессию. К июню 2020 г. рейтинг поддержки 45-го президента США упал до 39%, и главной причиной называли именно действия Д. Трампа во время эпидемии и положение дел в экономике. К выборам по опросам почти 53% американцев заявили, что неудовлетворены реакцией Д. Трампа на пандемию.

Но преемник Д. Трампа вместе с президентским креслом «унаследовал» и пандемию, и все вызванные ею проблемы. От эффективности действий именно на этом фронте будет зависеть одобрение его политики в целом. Разочарование населения действиями Д. Трампа может стать разочарованием в государстве как таковом, а это для США взрывоопасно и не получится списать на «происки врагов».

Судя по всему, новая администрация Белого дома учла негативный опыт от разрушительного поведения Д. Трампа в мировых делах, и уже заметна серьезная корректировка – Вашингтон пошел на продление Договора о мерах

по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III), вернулся в Парижское соглашение по климату, в ВОЗ и ЮНЕСКО.

Но все это относительно легко восстанавливаемые вещи, которые ожидалось. Пандемия оказала меньшее влияние на фундаментальные факторы в основе внешней политики США, что заметно на примере политики Вашингтона по отношению к России. Антироссийские установки американской внешней политики последнего десятилетия, похоже, имеют устойчивый иммунитет к любому вирусу. На этом фоне саммит лидеров России и США в июне 2021 г. – небольшой проблеск надежды, от которого ждем восстановления хоть каких-то переговорных форматов. Это нужно не только России и Америке, но и всему миру.

КУРС РОССИИ НА САМОДОСТАТОЧНОСТЬ В НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ СРЕДЕ

А.М. Крамаренко – Чрезвычайный и Полномочный Посол России, член РСМД

– Александр Михайлович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– К успехам российской внешней политики за последние 10 лет я бы отнес, прежде всего, восстановление Россией статуса глобальной державы и его признание в кругу ведущих мировых игроков. Ключевое значение при этом имело наше реагирование на Украинский кризис и джихадистскую агрессию в Сирии. И в том, и в другом случае о себе дала знать модернизация наших Вооруженных Сил, их новый облик, включая создание потенциала «умного» (*smart*), то есть ограниченного и потому мало затратного проецирования военной силы за рубежом в поддержку дипломатии и усилий по достижению политического урегулирования. Посредничество в урегулировании Нагорно-карабахского конфликта имело не менее важное значение – как демонстрация пережившей советский период и по-прежнему востребованной коренной исторической миссии России в ареале своего обитания, а именно по обеспечению мира и безопасности на всем постсоветском пространстве в соответствии с международно-признанными принципами и нормами, что в полной мере относится и к Украине. Нормандский формат участия России в урегулировании на Украине, косвенно подтвердивший признание украинской независимости, обеспечил также недопущение нашего увязания (*quagmire*) в украинских делах.

Создание новейших систем стратегических вооружений позволило России перевести гонку вооружений в сравнительно мало затратный формат «технологического маньеризма», предсказанный еще в 1991 г. Ж. Бодрийяром (в его анализе Войны в Заливе). Это, в свою очередь, позволяет эффективно обеспечивать поддержание стратегической стабильности в условиях разрушения сложившейся в эпоху холодной войны системы контроля над вооружениями и в то же время позиционировать себя к следующему раунду соответствующих двусторонних или многосторонних переговоров, когда наши партнеры созреют для них. Причем разрушается прежняя жесткая зависимость между созданием эффективного потенциала сдерживания и размерами экономики (что стало одной из причин упадка СССР).

В этой связи, а также ввиду того, что КНР, со своей стороны, уже фактически в состоянии вести на равных прежнюю, количественную гонку вооружений с США, эта тема теряет приоритетность в геополитической повестке дня, во многом уступая место такому императиву, как медицинское измерение ста-

туса глобальной державы, то есть ее способность быть поставщиком международной эпидемиологической безопасности (в дополнение к традиционной, продовольственной, углеродной и иной). И хотя ядерные державы, как показывают события последних лет, в том числе в Сирии и Южно-Китайском море, движутся в направлении воссоздания «человеческого пространства войны» (см. Ж. Бодрийяр, «Фатальные стратегии», 1983 г.), России удавалось с опорой на создание новейших систем обычных вооружений и реалистичную военную стратегию предотвращать открытое вооруженное столкновение с США. Это я тоже отнес бы к нашим внешнеполитическим успехам.

В целом Россия проводила успешную деидеологизированную внешнюю политику, вписывающуюся в формирующуюся новую многополярную среду и тренд регионализации глобальной политики, с опорой на гибкую сетевую дипломатию и создание ситуативных неформальных альянсов по интересам, которые противостоят прежним «до гробовой доски» военно-политическим союзам, готовившим две мировые войны и войну холодную. Реагируя на санкционные режимы, Россия взяла курс на самодостаточность, возможно, раньше других вписавшись в другой тренд – деглобализацию, которая задает всем странам, в том числе и западным, другой геополитический императив – своего рода гонку развития, отнюдь не отрицающую широкое международное сотрудничество по противодействию новым угрозам и вызовам, таким как изменение климата, пандемии и международный терроризм.

С деглобализацией, как верно заметил Ф. Лукьянов (см. его статью в газете «Коммерсантъ» за 22 декабря 2020 г.), в мире «завершается более чем 30-летняя эпоха кажущейся predeterminedности». Другими словами, происходит эмансипация международных отношений от прежней тотальной детерминированности, прежде всего идеологической, если брать претензии западных элит на универсальность либеральных ценностей. Отныне торжествует множественность ценностных систем и моделей развития, в том числе с учетом прохождения стресс-теста COVID-19. Таким образом, созданы благоприятные внешние условия для решения задач внутреннего, национального развития России, включая здравоохранение.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Убежден, что главными международными вызовами России в среднесрочной перспективе будут проблемы собственного развития, в том числе на пути укрепления социальной сплоченности. Именно успешное внутреннее разви-

тие служит конечным внешнеполитическим ресурсом. С позиций решения этих задач Москва сможет эффективно играть значимую роль в межгосударственном сотрудничестве в противодействии реальным глобальным вызовам и угрозам, таким как изменение климата и пандемии. Традиционная повестка дня с ее приматом военной безопасности в отношениях с Западом будет уходить на второй и третий план, несмотря и вопреки воссозданию прежнего единства Западного альянса, который, похоже, необратимо перешел в «трансфинитную» (Ж. Бодрийяр) фазу своего существования, опять же в силу общего для всех кризиса развития. Внушает оптимизм согласие всех партнеров на проведение саммита «пятерки» государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН для обзора горизонта мирового развития и поиска путей совершенствования сложившейся в послевоенный период международной системы.

– Что Россия и ЕС могли бы предпринять уже сейчас для минимизации/преодоления кризиса в двусторонних отношениях?

– Россия и ЕС могли бы начать нормализацию своих отношений, отказавшись от привнесения в них идеологии (для ЕС), то есть сделав выбор в пользу прагматичного, прежде всего торгово-экономического, сотрудничества на основе Вестфальских принципов межгосударственных отношений. Другим перспективным направлением было бы участие в широком международном сотрудничестве под эгидой ООН, ОБСЕ и Совета Европы в противодействии глобальным вызовам и угрозам. Помог бы и отказ ЕС от претензии на доминирование в европейской политике, его согласие вести дела с партнерами по региону на основе равенства, к чему в принципе подталкивает и выход Великобритании из ЕС.

– Каковы перспективы отношений между Россией и Великобританией после выхода последней из состава ЕС? Дает ли этот выход шансы на улучшение отношений России и Великобритании?

– *Brexit* в теории создает принципиальные условия для нормализации российско-британских отношений, поскольку лежит в русле утверждения суверенитета и независимости государств, освобождения их внешней политики от влияния любой транснациональной идеологии и детерминированности в рамках наднациональных структур. В этом и смысл того, что принято называть «революцией Трампа» в США. Со временем может сказаться и общность России и Великобритании как двух исторических держав со схожим вызовом подтверждения своего статуса в качественно новой глобальной среде, даю-

щей этому статусу и новое определение. Это сходство подметили британские политобозреватели, которые, отталкиваясь от опыта России, заключили, что другие игроки в своих отношениях с такими державами стоят перед выбором – либо продолжать считаться с их интересами, либо сдерживать. Россию сдерживают, но все менее убедительно. Лондону, надо полагать, предстоит пройти через опыт своего рода вовлечения-сдерживания со стороны своих европейских партнеров.

Но на практике многое в наших двусторонних отношениях будет зависеть от дальнейшей эволюции Запада, единство которого, судя по всему, в ближайшей перспективе старые, «уставшие» элиты будут стремиться обеспечивать на антироссийской основе. Словом, тут, как нигде, все будет определять контекст, в том числе развитие противоречий по линии север-юг и восток-запад внутри ЕС и возможное возобновление в историческом Западе прежнего антагонизма англосаксы-немцы, который вылился в две мировые войны. Не исключено, что на этот раз Россия может оказаться на стороне Германии/континентальной Европы, хотя, разумеется, речь будет идти не о военном, а о торгово-экономическом и технологическом соперничестве, которое будет испытывать на себе воздействие китайского фактора.

Все это, как и применительно к США, ЕС и Западу в целом, диктует линию на «стратегическое терпение»/паузу в отношениях с Лондоном, которая ни в коем случае не должна быть потеряна для нашего внутреннего развития.

РОССИИ И ЕС НИКУДА ДРУГ ОТ ДРУГА НЕ ДЕТЬСЯ

А.Ю. Мешков – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации во Французской Республике и по совместительству в Княжестве Монако, член РСМД

– Алексей Юрьевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– В первую очередь это, безусловно, возвращение России в качестве активного и полноправного игрока на международную сцену. Сегодня ни один из крупных международных вопросов не может быть решен без участия нашей страны. Примеров тому множество – урегулирование конфликтов в Ливии, Сирии, Нагорном Карабахе и т.д.

К числу успехов России я отнес бы также укрепление отношений с Китаем, приобретших за последнее десятилетие новое качество и вышедших на уровень настоящего стратегического партнерства. Стоит также отметить растущий вес и авторитет России в таких международных объединениях как ЕАЭС, БРИКС, ШОС, ОДКБ.

В то же время очень сложно давать оценку всему десятиетию, которое очень четко разделилось на до и после 2014 г. К сожалению, большая часть усилий, предпринятых в начале 2010-х гг. этого века для развития отношений между Россией и ЕС, оказались сведены на нет в результате попустительства и даже прямой поддержки европейцами националистического госпереворота на Украине, вылившегося в конечном итоге в затяжной и кровавый внутренний конфликт, к решению которого стороны не приблизились до сих пор.

Вместе с тем можно констатировать, что формирование полицентричного, многополюсного миропорядка, о котором Россия говорила и к которому призывала в конце XX – начале XXI вв., переместилось из области прогнозов в «объективную реальность». Жаль только, что этот процесс, который мог быть плавным и контролируемым, из-за того, что некоторые международные игроки отказывались его принять, протекает сегодня стихийно, неизбежно выливаясь в многочисленные эксцессы.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Частично я об этом уже сказал. Мы присутствуем при рождении нового миропорядка. И рождение его, как и положено, проходит в муках. Сейчас

очень важно не допустить развязывания новой холодной войны. Именно на этом необходимо сосредоточить первоочередные усилия. Перед нами стоит задача формирования новой системы глобальной и европейской безопасности. Системы, учитывающей суверенные интересы каждого международного игрока, и основанной не на «правилах», которые непонятно кто устанавливает, а на Уставе ООН и нормах международного права.

Разумеется, сохраняются традиционные вызовы и угрозы, знакомые нам еще по прошлому веку. Это международный терроризм, организованная преступность, незаконный оборот наркотиков и оружия. Сейчас к ним добавились еще и проблемы кибербезопасности, с развитием технологий все острее встает тема распространения ОМУ. По-прежнему, насущным остается вопрос урегулирования региональных кризисов, то здесь, то там разгорающихся на нашей планете: Ближний Восток, Сирия, Ливия, Украина, Нагорный Карабах и др.

– Какими будут в ближайшие годы российские приоритеты в отношениях с ЕС?

– Думаю, что, учитывая сегодняшнюю ситуацию, стоит оставаться реалистами и не ставить перед собой слишком уж амбициозных задач. Честно говоря, несмотря на определенное ухудшение наших отношений с Европой после 2010 г., все равно верилось в прочность традиционных российско-европейских связей, верилось, что повернуть наши отношения вспять не получится. К сожалению, мы ошибались. Наши европейские партнеры оказались заложниками русофобских настроений, распространявшихся из США и так называемых стран «новой Европы».

На протяжении целого мандата Еврокомиссии между Россией и Евросоюзом не было контактов на высоком и высшем уровне. Во многом утрачена культура диалога и сотрудничества. Все это предстоит долго и кропотливо восстанавливать. Впрочем, при наличии политической воли с двух сторон ничего невозможного в этой задаче нет. Россия к такой работе готова, однако необходимо понимать, что *«business as usual»* больше не будет. Москва устала от ханжества и фарисейства наших «европейских партнеров». Хотя Россия готова, как я уже сказал, заново выстраивать отношения, делать это будем на сугубо прагматической основе, отталкиваясь от наших национальных интересов.

Впрочем, последнее сплошь и рядом тесно переплетается с интересами Евросоюза. Он был и остается главным внешнеторговым партнером России, стороны, как я уже сказал ранее, сталкиваются с общими вызовами – терроризм, международная преступность, наркоторговля, проблемы экологии и т.д.

Поэтому уверен, что как бы кто ни надеялся перерезать пуповину наших исторических, духовных и культурных связей – это иллюзия. Россия была,

есть и будет крупнейшей европейской страной. География – штука упрямая, так что нам с ЕС никуда друг от друга не деться.

Об этом, кстати, свидетельствуют и продолжающиеся между Москвой и Брюсселем консультации по целому ряду вопросов двусторонней и международной политики.

– Как Вы оцениваете роль Франции в ЕС? Можно ли считать, что наравне с Германией она остается лидером Европейского союза? Какими бы Вы хотели видеть российско-французские отношения после очередных президентских выборов в 2022 г., по каким направлениям можно было бы ожидать положительных подвижек?

– Франция была и остается одним из главных политических «двигателей» ЕС. В настоящее время Париж регулярно генерирует инициативы и идеи по развитию и модернизации этого объединения.

Не стоит забывать и о том, что на сегодняшний день Франция – единственная из стран Евросоюза – является постоянным членом Совета Безопасности ООН и «ядерного клуба», что накладывает на нее дополнительную ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

Несмотря на разразившуюся в 2020 г. эпидемию коронавирусной инфекции, которая серьезно затруднила международные контакты, нам удалось во многом сохранить положительную динамику двусторонней повестки дня, не допустить ее полного «проседания» и даже продвинуться вперед по ряду направлений.

Поддерживался диалог на высоком и высшем уровне. Президенты и министры иностранных дел России и Франции регулярно проводили телефонные переговоры, обмениваясь оценками наиболее актуальных вопросов двусторонней и международной повестки дня.

Центральным событием в двусторонних отношениях стал прошедший 26 июня 2020 г. видеосаммит, в ходе которого В.В. Путин и Э. Макрон утвердили, в рамках запущенного ими за год до этого в форте Брегансон стратегического диалога, перечень совместных рабочих групп по приоритетным направлениям сотрудничества.

В последующие месяцы 10 из этих групп провели заседания. Имели место содержательные дискуссии и даже были достигнуты конкретные договоренности в таких сферах, как борьба с терроризмом, информационная безопасность, вопросы стратегической стабильности, взаимодействие в урегулировании конфликтов в Ливии и Сирии и т.д. В ноябре 2020 г. Министр внутренних дел России В.А. Колокольцев и Директор ФСБ России А.В. Бортников приняли в Москве главу МВД Франции Ж. Дарманена для переговоров об укреплении

антитеррористического сотрудничества. В декабре в видеоформате прошла встреча сопредседателей российско-французского совета по экономическим, финансовым, промышленным и торговым вопросам (СЕФИК) министра экономического развития России М.Г. Решетникова и министра экономики и финансов Франции Б. Ле Мэра. Тогда же Москву посетил министр транспорта Франции Ж.-Б. Джеббари. Думаю, излишне объяснять, насколько важны такие контакты в свете негативных последствий пандемии коронавируса для экономики.

В 2021 г. состоялись телефонные контакты В.В. Путина с Э. Макроном как в двустороннем формате, так и с участием канцлера ФРГ А. Меркель. Прошли также двусторонние консультации по ряду актуальнейших тем, в том числе по Африке, Ближнему Востоку, Сирии, Арктике.

Работала и «парламентская дипломатия». Председатели верхних палат Парламентов двух стран В.И. Матвиенко и Ж. Ларшэ представили уже второй том российско-французского межпарламентского доклада «Россия-Франция: за повестку дня, основанную на доверии».

Можно было бы также сказать об успешном запуске спутников российским носителем «Союз-СТ» с французского космодрома Куру, о масштабном культурном проекте «Русские сезоны во Франции», который и хоть был в значительной части перенесен в онлайн, оказался, тем не менее, весьма успешным (а некоторые крупные мероприятия было решено провести осенью 2021 г.). В 2021 г. реализуется масштабная инициатива — российско-французский перекрестный год межрегионального сотрудничества.

Поэтому считаю не совсем корректной формулировку вопроса о том, какими будут наши отношения после выборов 2022 г. Безусловно, Россия с уважением воспримет выбор французского народа, каким бы он ни был. Однако мы ни в коем случае не намерены делать паузу и ждать «манны небесной», которая якобы просыплется на нас в 2022 г. И в 2021 г., и в последующие годы будем последовательно развивать отношения с Францией, опираясь на так называемый «дух Брегансона» – достигнутую нашими президентами договоренность о выстраивании всего комплекса двусторонних отношений на основе стратегического видения интересов России и Франции в меняющемся мире.

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НОВАЯ БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА?

С.Ю. Нечаев – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Германии, член РСМД

– Сергей Юрьевич, какими будут приоритеты для России в отношениях с ЕС в ближайшие годы? Как Вы могли бы охарактеризовать отношения России и ФРГ на современном этапе?

– В 2021 г. исполняется 60 лет с начала строительства Берлинской стены. Перекроив городской ландшафт и разделив людей, она прорезала сознание поколений, надолго закрепив водораздел по линии «свой – чужой». События второй половины 1980-х гг. в СССР открыли путь к объединению Германии, предопределили перспективу преодоления границ не только политических, но и ментальных. Казавшиеся непреодолимыми барьеры были устранены. Строительство единого европейского дома виделось делом скорого будущего. Берлинская стена как символ противостояния и холодной войны разошлась на сувениры. Путь к сближению между Востоком и Западом был свободен.

Германия, искренне благодарная нашей стране за решающую роль в историческом объединении, инициативно взяла на себя роль проводника и посредника в этом процессе. Память о многовековой совместной истории, опыт примирения послевоенных десятилетий, «Восточная политика» В. Брандта, успешное экономическое сотрудничество, множественные контакты делали этот выбор очевидным и естественным. Всеобщий энтузиазм вселял надежду на окончательный отказ от блокового мышления, убеждал в реальности построения общего экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока.

Ход дальнейших событий показал, что этот выбор поддержали не все на Западе. Внешнеполитическая линия ФРГ лишь с большим трудом могла позволить себе выход за прочерченные НАТО «красные линии». Тем не менее даже в этих условиях Россия и Германия смогли обогатить двусторонний политический лексикон таким понятием, как «стратегическое партнерство», наполнить его новыми политическими, экономическими и культурно-гуманитарными смыслами. Несмотря на отдельные разногласия, мы умели слышать и понимать друг друга.

Совершенно немыслимой казалась ситуация, при которой Германия могла бы сделать выбор в пользу отчуждения, обострения отношений с Москвой, руководствуясь не собственными интересами, а фобиями горстки русофобов из ЕС, навязывающих так называемые принципы европейской «солидарности», выступила бы инициатором продвижения антироссийской повестки, вве-

дения незаконных санкций и ограничений. К сожалению, такие времена наступили: 60 лет спустя в центре Европы вновь возводится стена. Не из железа и бетона, а из ультиматумов, голословных обвинений и «двойных стандартов». Приносятся в жертву и безвозвратно утрачиваются неоспоримые преимущества многопланового взаимовыгодного сотрудничества с нашей страной. Вместо совместного обсуждения глобальных международных проблем и вызовов современности, честного взаимоуважительного диалога, сегодня приходится иметь дело с нарративами об «агрессивности» России, ведении гибридных войн, попытках дестабилизации и дезинформации Запада. Бездоказательные обвинения в стиле «хайли лайкли» приходят на смену принципам международного права и просто здравому смыслу. Наши предложения честно и профессионально разобраться в любых проблемах на основе фактов тонут в менторском высокомерии и круговой поруке европейских партнеров. Востребованность диалога с Москвой артикулируется лишь на словах, и то исключительно на условиях Запада. Попыток выйти за рамки концепции «избирательного взаимодействия» не предпринимается. Наблюдается опасное расшатывание некогда прочного фундамента отношений, выхолащивание переговорной повестки. Усиливается оголтелость информационной антироссийской пропаганды.

И все же. Видный представитель отечественной школы дипломатов-германистов Ю.А. Квицинский писал: «В наших делах с Германией всегда требовалась большая добрая воля, ангажированность, но и трезвость в сочетании с осторожностью, понимание необходимости систематически выравнивать то и дело возникающие крены и перекосы». Трудно не согласиться. «Крены и перекосы» в российско-германских отношениях были и, очевидно, будут всегда. Тем более, что в Германии идет смена политических поколений. Молодым амбициозным политикам меньше знакомы трудности налаживания послевоенного диалога, атмосфера переговоров по Договору «2+4» и обретения объединенной Германией нового суверенитета. Всеобщие выборы в ФРГ 26 сентября 2021 г. покажут, удастся ли новой элите осознать, что доброжелательное межгосударственное партнерство не имеет ничего общего с санкциями, бессмысленными ультиматумами, обвинениями и попытками вмешательства во внутренние дела; что путь самостоятельного, прагматичного взаимодействия предполагает учет принципиальных интересов партнера. Потребуется ли новой политической элите ФРГ «перезагрузка», которая вновь позволит смотреть на двустороннее сотрудничество широко и стратегически? Без деструктивного внешнего влияния, блоковых раскладов, новых разделительных линий, парадигмы изоляции и зон отчуждения?

К линии «нового старта» подводит сама жизнь. Как часто мы говорим сегодня о необходимости объединения усилий в условиях пандемии. Предложе-

ния России о совместной работе научно-исследовательского сообщества, использовании в интересах возможно большего количества людей доказавшей свою эффективность российской вакцины по-прежнему «на столе». Пандемия наглядно подтвердила убогость формулы «свой-чужой» в условиях глобализации. Пора применить это понимание и на других направлениях.

Россия никогда не закрывала двери для диалога и сотрудничества. Предпочитаем работать прагматично, на перспективу, продвигая парламентские, межрегиональные, межобщественные контакты. Готовы к взаимовыгодному развитию торгово-экономической и энергетической кооперации, связей в сфере инноваций, образования, науки, культуры, туризма, в историко-мемориальной области, опираясь на обоюдное стремление россиян и немцев жить в мире и согласии, достатке и безопасности, в дружбе, добрососедстве и взаимопонимании, на желание каждого человека не возводить стены, но наводить мосты. К таким отношениям Россия готова.

Май 2021 г.

10 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ВЫХОД НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ

А.К. Пушков – к.и.н., член Совета Федерации Российской Федерации, председатель Комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со СМИ, член Рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации, депутат Государственной Думы VI созыва, Председатель Комитета Государственной Думы по международным делам (2011–2016 гг.), глава российской делегации в ПАСЕ (2012–2016 гг.), с 1998 г. – автор и ведущий информационно-аналитической телепрограммы «Постскриптум» на канале ТВ Центр, действительный член Императорского православного палестинского общества, постоянный член российского Координационного комитета Форума «Петербургский диалог», член Попечительского совета МГИМО, лауреат Бунинской премии в области публицистики (2009 г.), лауреат Премии Людвиг Нобеля (2021 г.), член РСМД

– Алексей Константинович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Я считаю, что за последние 10 лет Россия вернулась в разряд ведущих держав мира и утвердилась в качестве ключевого фактора в Евразии, которая является основным континентом современного мира – как географического, так и геополитического. Именно на Евразию приходится 2/3 мировых ресурсов. Именно в Евразии разворачиваются самые острые региональные конфликты. От того, кто контролирует Евразию, фактически зависит то, кто контролирует мир. Неслучайно США являются евразийской державой, не находясь географически в Евразии. Они присутствуют здесь через систему военных баз, через Североатлантический альянс, через военные союзы с рядом государств, а также через присутствие своего военно-морского флота у берегов евразийских держав.

Возвращение России в число ведущих держав мира выразилось в нескольких конкретных действиях РФ на мировой арене. Первое – это поддержка законного правительства в Сирии. В 2015 г. она обрела характер военной поддержки, благодаря которой были сорваны планы по смене режима в Сирии. Это важный успех, потому что речь шла не только о будущем Сирии, а о будущем всего региона. Если бы комбинация из боевиков Исламского государства и Джебхат ан-Нусры утвердилась у власти в Дамаске, это было бы событие куда более значимое и вредоносное по своим последствиям, чем приход к власти Талибана в Афганистане в свое время. В этом случае идеи халифата, которые в 2010 гг. уже превратились в объединяющий миф и объединяющий политический лозунг для всех радикально настроенных мусульман, получили бы территориальное оформление: то есть в Сирии халифат обрел бы государственно-территориальную основу. После этого гораздо сложнее было бы и выбить ИГ из Ирака, и обуздать его и в самой Сирии,

и в регионе в целом. Поэтому следует выделить поражение ИГ в Сирии и победу над ним не только с точки зрения срыва планов по «смене режима» в Дамаске, то есть в рамках наших отношений с Западом, который рассматривает Сирию почти исключительно как поле противоборства с Россией на Ближнем Востоке. На деле этот характерный для Запада узкий подход не отражает драматизма того, что именно решалось в Сирии: во многом там решалась судьба всего региона. Россия не только сорвала планы по смене режима, но и создала условия для серьезного ослабления ИГ на Ближнем и Среднем Востоке.

Если бы не западная, прежде всего американская поддержка ИГ, его дни были бы уже сочтены. Но поскольку ИГ получает в разных формах помощь со стороны США и других стран Запада, которые рассчитывают использовать это движение в своих целях в регионе, оно еще существует. Однако решающую роль в его ослаблении сыграла именно военная операция России в Сирии: она переломила ход событий, позволила создать качественно новую обстановку и в самой Сирии, и в регионе в целом.

Второе достижение российской внешней политики за последние 10 лет связано с укреплением российских стратегических и военных позиций на Черном море. Оно произошло через признание Абхазии и воссоединение с Крымом. С геополитической точки зрения, воссоединение позволило не дать превратить полуостров в опорную базу для НАТО и США. Их планы насчет Крыма были хорошо известны. Дж. Байден в свое время даже сделал заявление, что Крым был бы прекрасным местом для размещения американских вооруженных сил. Известно, что в ходе сотрудничества Украины с НАТО военные суда и самого Альянса, и США неоднократно заходили в крымские порты, несмотря на протесты местных жителей, как бы присматриваясь к этой территории, к ее будущему военному и стратегическому освоению. Воссоединение с Крымом нанесло сильный удар по идее «сдерживания» России через окружение ее кольцом американских военных баз. В немалой степени реакция США и их европейских союзников на то, что произошло в Крыму, и на то, что Крым стал частью России, – это реакция геополитического «хищника», у которого отняли «добычу». Если в западных и украинских СМИ так называемая битва за Украину подавалась как схватка вокруг «европейского выбора Украины», то на деле было с самого начала ясно, что суть не в европейском выборе Украины, а в стратегическом выборе Украины и тех геополитических последствиях, которые будет иметь переход Украины де-факто на сторону Евроатлантического альянса. Именно Крым был тем скрытым призом, той неявной целью, которая имела ключевой интерес для США и маячила для них за майданом. Но стратегическую задачу захвата Крыма Запад выполнить не смог из-за действий РФ.

И третье достижение – это провал планов по изоляции России, которые официально выдвинула администрация Б. Обамы. Администрация Б. Обамы поставила задачу: в ответ на действия России на Украине, включая поддержку русскоязычного населения Донбасса, изолировать Россию. В процесс изоляции должны были включиться все европейские государства – и не только европейские. Предусматривалось, что изоляция позволила бы оказать на Россию такое давление, которое вынудило бы ее отказаться, как минимум, от поддержки Донбасса.

При этом, безусловно, санкции нанесли и продолжают наносить ущерб и российской экономике, и российскому предпринимательству, и российской внешней торговле. Тем не менее результаты преодоления санкционного давления оказались достаточно убедительными. Вплоть до того, что сегодня в ЕС неоднократно звучат признания того, что санкции надо пересматривать, поскольку они не дают результатов или, по крайней мере, их результаты ограничены, они не ведут к пересмотру внешнеполитической линии России. Таким образом, имеет место провал санкционной политики Запада. Думаю, можно в полной мере говорить именно о провале, несмотря на то, что эта политика создает нам определенные сложности. С точки зрения соотношения использованных средств и целей, которые были поставлены перед санкциями, цели, конечно, не выполнены. И это имеет серьезные последствия.

Во-первых, задача изоляции России снята с повестки дня администрацией Дж. Байдена, что было продемонстрировано на саммите в Женеве. При всем своем враждебном отношении к России, в США этот термин уже практически не используется, хотя это был официальный лозунг администрации Б. Обамы, в которой Дж. Байден был вице-президентом. Администрация Дж. Байдена использует термин «сдерживание» или «политическое наказание» России, но не термин «изоляция», потому что политика изоляции провалилась.

Во-вторых, это оказало воздействие на российских как близких внешнеполитических партнеров – таких, как Китай, так и на наших ситуативных партнеров, типа Турции, которые увидели, что потенциал России таков, что она сумела, бросив вызов коллективному Западу, устоять перед его давлением. И, естественно, с такой державой Пекин, Анкара, Тегеран, Каир, Тель-Авив, Дели и многие другие столицы готовы иметь дело, поскольку Россия доказала свою внешнеполитическую дееспособность в условиях совместного экономического и политического давления на нее со стороны внушительных игроков. Таким образом, срыв планов изоляции России – это, безусловно, третье достижение за последние 10 лет.

– На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Первый вызов, на мой взгляд, – это сохраняющийся вызов со стороны коронавируса. Глобальная эпидемия накладывает очень серьезный отпечаток на возможности государств, их внутреннее состояние, настроения населения, медицинские и социальные системы. Это задача общая для всего человечества. К сожалению, призывы России к сотрудничеству в этой области не были услышаны. Напротив, взяла верх доктрина соперничества и конкуренции между Западным альянсом, с одной стороны, Россией, с другой стороны, и Китая, с третьей стороны. Со стороны Запада мы увидели в основном знаки враждебности по отношению к России и Китаю – вместо желаний сотрудничать. Эммануэль Макрон, президент Франции, назвал это «войной вакцин». То есть мы попали в ситуацию, когда со стороны Запада объявлена политика «войны вакцин» вместо войны против коронавируса. На мой взгляд, эта политика бьет, прежде всего, по самому Западу, но и у нас, в России с 2020 г. на первом месте находится выход из эпидемии.

Второй вызов для России связан с опасностями, порожденными внешней политикой США. Хотя саммит в Женеве 2021 г. дал основания надеяться на возобновление ограниченного диалога между нашими странами, мы не можем не видеть то, что в США к власти пришла администрация, которая мыслит категориями конца XX в. То есть администрация новая, а мыслит категориями старыми. Это находит отражение в тех стратегических задачах, которые поставила перед собой администрация Дж. Байдена и которые, на мой взгляд, невыполнимы в современных условиях, поскольку США уже не имеют ни достаточных сил, ни достаточного авторитета, чтобы добиться выполнения своих задач.

Первая задача – возрождение американского лидерства под лозунгом «Америка вернулась». Это любимое политическое изречение Дж. Байдена. Под ним имеется в виду стремление США вновь навязать американскую политическую гегемонию другим странам. И это не чисто риторический прием, не пропаганда. Это глубокая убежденность в том, что Америка должна любыми средствами поддерживать так называемый либеральный глобальный порядок в ущерб своим отношениям с другими ведущими центрами силы – такими как Китай и Россия. Эта цель не адекватна возможностям США. Она опасна – опасна потому, что у США нет достаточного числа рычагов и инструментов, чтобы мирным путем навязать свою гегемонию. Отсюда угроза, что США будут больше полагаться на военные средства или средства политической агрессии, типа санкций, прямого давления, военных угроз для достижения этой цели.

США уже не могут мирно навязать миру американское лидерство, потому что для этого нет объективных оснований. Сегодня доля США в мировом ВВП (в пересчете на ППС) составляет менее 14%. Китай уже опередил США по этому показателю. Китай также примерно в 1,5 раза опережает США по своему весу в мировой торговле. На США приходится 9,5%, тогда как на Китай – 13% или 14%. Это объективные сдвиги, и они подрывают претензии США на единоличное лидерство. В 1960 г. на США приходилось 44% мировой экономики. Тогда они были безусловным лидером во всем том мире, который не был связан с Советским Союзом. Сейчас это уже не так. Например, у Бразилии, которая всегда находилась на «заднем дворе» США в Латинской Америке, первый внешнеэкономический партнер – это Китай, а не США. США оказались на втором месте, и это относится к очень многим странам мира. Возросший вес Китая очень чувствуется и в международных институтах, и в ООН, и на мировой арене. К Китаю совсем другое отношение в мире.

Изменился и вес России. Она после очень сложного периода, после распада СССР сумела не без труда, но все же вернуться в разряд ведущих мировых держав, сильно укрепила свою армию, создала новые системы ядерных вооружений, укрепила свои тылы, подавив сепаратистское движение в Чечне в начале 2000 гг. Занимая огромную территорию ключевого евразийского континента, Россия превратилась для США в серьезный противовес на евразийском пространстве. Это все вызывает у США большое раздражение: и против Китая, и против России выдвинута неадекватная – и с точки зрения здравого смысла, и с точки зрения объективных возможностей США – концепция одновременного противостояния и с Россией, и с Китаем. Азбукой американской внешней политики всегда была формула Г. Киссинджера: США могут позволить себе враждовать с Пекином, если они не враждуют с Москвой, и враждовать с Москвой, если они не враждуют с Пекином, но США не могут позволить себе враждовать и с Пекином, и с Москвой одновременно. Несмотря на очевидную правильность этой формулы, которую, кстати, теоретически никто не оспаривает, уже третья администрация идет по пути одновременного столкновения и с Россией, и с Китаем. Сначала – администрация Б. Обамы, затем антикитайский вектор политики заострила администрация Д. Трампа. А теперь этот же курс, судя по всему, намерена продолжить новая администрация США. В частности, она сейчас занимается изучением вопроса о возможности размещения ракет средней дальности с ядерным вооружением в союзных с США странах, которые окружают Китай. Надо ли говорить, каким новым «ракетным кризисом» это чревато – на сей раз на Дальнем Востоке. Одно это показывает степень неадекватности оценки соотношения сил со стороны США.

Третий вызов – это серьезный конфликт с Евросоюзом. Россия практически прекратила все политические отношения с ним, они сводятся к редким

встречам, которые не приводят к урегулированию разногласий. В ЕС набрала силу очень мощная антироссийская тенденция, что подрывает перспективы выхода из кризиса и возможность отмены взаимных санкций. Это наносит ущерб обеим сторонам, но не приводит ЕС к переосмыслению своей политики. Показательно в этом отношении решение Европейского Совета в июле 2021 г. не проводить саммит с В.В. Путиным, хотя с таким предложением выступили ФРГ и Франция – две самые влиятельные страны в ЕС.

Четвертый вызов – это устойчивое стремление Украины быть «боевым наконечником евроатлантического копья», направленного против России, если можно так выразиться. Это также может иметь очень серьезные практические последствия – в том случае, если Киев посчитает, что получил достаточную поддержку со стороны своих западных кураторов, и начнет новые масштабные военные действия в Донбассе. Или же если Украина будет предоставлять свою территорию для провокационных действий ВМС и ВВС стран НАТО, а в будущем разместит у себя на территории на постоянной основе американские, британские и войска других стран НАТО. Опасность такой перспективы возросла при администрации Дж. Байдена. Если для Д. Трампа Украина была в основном проблемой, которая усложняет его внешнюю политику, то Дж. Байден рассматривает Украину как страну, которую можно потенциально использовать против России.

– Какими будут приоритеты для России в отношениях с ЕС в ближайшие годы?

– Трудно говорить о приоритетах в отношениях с ЕС в условиях, когда Брюссель сделал своим приоритетом прекращение практически всяких отношений. И хотя в ЕС говорят, что заинтересованы в нормализации отношений с Россией, те условия, которые для этого выдвигаются, для России неприемлемы, и в ЕС это прекрасно знают. Так что стороны зашли в дипломатический тупик. Требования, которые выдвигаются в отношении РФ со стороны европейских институтов, таких как Европарламент, Парламентская ассамблея Совета Европы и других, по сути, невыполнимы. Требование передачи Крыма Украине невыполнимо, поскольку Крым является частью РФ и его принадлежность РФ подтверждена включением в Конституцию поправки о нерушимости территориальной целостности РФ, то есть никаких переговоров, разговоров, дискуссий относительно судьбы Крыма Россия не допускает. Точно так же невыполнимо другое требование – о прекращении поддержки ДНР/ЛНР или давнее требование ПАСЕ вывести российских миротворцев из Приднестровья. Оно невыполнимо, поскольку именно их присутствие в Приднестровье обеспечивает стабильность и мир на территории этой непризнанной респу-

блики, где примерно 50% населения (220 тыс. человек) – это граждане России. И Россия несет, безусловно, ответственность за то, что уже происходит и будет происходить в Приднестровье и вокруг него. Еще одно давнее требование со стороны Запада – это отказ от признания Абхазии и Южной Осетии, что тоже невыполнимо, поскольку эти республики уже утвердились как отдельные единицы на карте мира, никаких связей с Грузией у них нет, а народы Абхазии и Южной Осетии категорически исключают возможность возвращения в состав Грузии.

При этом, конечно, основой европейской позиции по отношению к России и главным обоснованием для санкций является обвинение Москвы в нарушении территориальной целостности Украины в Донбассе. Хотя это неправомерно, поскольку кризис вокруг Донбасса вызван внутренним расколом на Украине после государственного переворота февраля 2014 г. После этого, как известно, две части Украины отказались последовать за политическими силами, которые осуществили в Киеве государственный переворот. Это Крым и Донбасс. По этой причине кризис вокруг Донбасса является следствием государственного переворота, а не следствием политики России в отношении Украины.

В этих условиях отношения с ЕС следует «поставить на паузу», поскольку никаких разумных возможностей для их «перезагрузки» в условиях санкций и политического давления на Россию не существует. Говорить в такой ситуации о каких-либо приоритетах исключительно сложно. Для нас, полагаю, приоритет – это отказ ЕС от санкций, за которым должен последовать отказ России от введенных ею мер по ограничению импорта сельскохозяйственной продукции из ЕС. Но это приоритет теоретический. В практической политике реализация этого приоритета в обозримом будущем мне не представляется возможной.

Что касается двусторонних отношений со странами ЕС, то они есть, хотя развиваются в очень сложных условиях. Здесь можно выделить такие страны, как Австрия, Италия, Финляндия, Венгрия. У нас сохраняется политический диалог с Францией и Германией, хотя и в достаточно узком диапазоне. Полагаю, что в условиях тупика и вынужденной паузы в отношениях с ЕС Россия должна идти по пути поддержания продуктивных двусторонних отношений с теми странами, которые готовы к таким отношениям с Москвой, и реализации тех проектов, которые являются взаимовыгодными для России и этих государств. Возможно, в перспективе ЕС, столкнувшись с необходимостью взаимодействия с Москвой, начнет рано или поздно пересматривать свои подходы к России. И тогда можно будет говорить уже о новых задачах, которые могут появиться в условиях изменившегося политического контекста. Но, повторяю, на сегодня я не вижу возможности существенного сдвига, который позволит

восстановить продуктивный диалог. Тем более, что любые сдвиги в этом направлении блокируются антироссийским лобби в ЕС, которое превратило в своих заложников даже лидеров Евросоюза в лице Германии и Франции.

– В 2021 г. отмечается 25-летие вступления России в Совет Европы. Зачем России Совет Европы и зачем Совету Европы Россия?

– Совет Европы был нужен России 1990 гг. для закрепления ее стремления превратиться в современную политическую демократию и правовое государство. И в этом смысле пребывание в Совете Европы сыграло определенную роль, поскольку за пределами тех столкновений и баталий, которые разворачивались в ПАСЕ, о чем широкая публика достаточно хорошо информирована, есть еще и практическое сотрудничество между соответствующими органами исполнительной власти европейских государств, входящих в Совет Европы, и Россией. Это сотрудничество по линии министерств юстиции, культуры, спорта, здравоохранения, силовых структур, занимающихся борьбой с коррупцией и т.д.

Но с тех пор многое изменилось. Когда при Б.Н. Ельцине Москва вступала в Совет Европы, у нее и ЕС был единый подход к тому, что нужно создавать четыре общих пространства между Россией и Европой, которые их объединили бы и подчеркнули бы единство европейского континента от Лиссабона до Владивостока. Речь шла о совместном политическом, экономическом, правовом и человеческом пространствах. Совет Европы сыграл свою роль в тех процессах сближения между Россией и Европой, которые наблюдались в конце XX – в начале XXI вв. Однако затем, начиная с войны в Грузии против Южной Осетии, когда Россия ввела свои войска в Южную Осетию, чтобы спасти эту страну и ее народ от геноцида со стороны Грузии в условиях военной операции, которую начал М.Н. Саакашвили, – с этого момента наметился переход к политической конфронтации между политическим большинством в ПАСЕ и Советом Европы как таковым, с одной стороны, и РФ, с другой. Во время кризисных событий на Украине эта конфронтация приобрела открытый характер. Вплоть до того, что в апреле 2014 г. (я тогда возглавлял российскую делегацию в ПАСЕ) Ассамблеей были приняты санкции против российской делегации. В ответ наша делегация приняла решение покинуть ПАСЕ в знак протеста, поскольку такая великая держава, как Россия, член Совбеза ООН, не должна работать в тех организациях, которые вводят против нее политические санкции. В 2015 г. санкции были возобновлены, и тогда Россия приняла решение об окончательном уходе из этой организации – до момента отмены политики санкций. Москве предложили вернуться без санкций и ограничений только в 2019 г., когда возникла угроза выхода России из Совета Европы как такового.

Если сейчас взвешивать осмысленность российского пребывания в Совете Европы, то есть два подхода. Один исходит из того, что Россия в любом случае является частью Европы, не должна отрезать себя от нее и должна оставаться в Совете Европы как в организации, объединяющей 47 государств этого региона. Вторая точка зрения исходит из того, что Совет Европы, прежде всего ПАСЕ, превратился уже давным-давно из инструмента взаимодействия в инструмент конфронтации между нами и Европой. В последние годы создается ощущение, что антироссийская политика агрессивного антироссийского лобби в ПАСЕ перекрывает ту пользу, которую мы извлекаем из пребывания на этой европейской площадке. Последствия нашего пребывания в Совете Европы очень противоречивые.

С одной стороны, Россия входит в важный общеевропейский институт, и в этом есть свой смысл, поскольку Москва не отделяет себя от Европы. А с другой стороны, наше пребывание на антироссийской площадке, которой является ПАСЕ, служит предлогом для развертывания против нас мощных идеологических и политических кампаний. И дает возможность проявлять себя антироссийским силам, прежде всего в лице прибалтийских государств, Польши, Украины, Грузии, Швеции, Великобритании. И, соответственно, получается, что, находясь в Совете Европы, мы создаем еще одно поле для конфронтации с Европой. И эта противоречивая ситуация вызывает дискуссии о том, есть ли смысл России находиться в Совете Европы.

Совету Европы Россия нужна. Нужна по двум причинам. Во-первых, без России Совет Европы превращается в организацию без самой крупной страны континента. Влияние Совета Европы без России резко сокращается, и он утрачивает возможность оказывать влияние на позицию России. И неслучайно ведущие страны ЕС, такие как Германия, Франция и другие, пришли к выводу о необходимости предложить России вернуться в ПАСЕ. Перспектива нашего ухода из Совета Европы их совершенно не устраивала: они таким образом теряли важнейшую страну континента и теряли возможность оказывать на нее влияние.

Надо ли России в этих условиях оставаться в Совете Европы? Пребывание в Совете Европы дает Москве дополнительную возможность диалога с европейскими государствами в условиях, когда диалог с ЕС отсутствует. Недавно в Россию приезжал председатель ПАСЕ Хенрик Дамс. Речь шла о целом ряде вопросов, которые важны и для России, и для европейских государств. На исполнительном уровне я считаю, что это сотрудничество продолжает быть оправданным. Что касается ПАСЕ, то я думаю, Россия должна реагировать, исходя из следующего принципа: если ПАСЕ не предпринимает усилий по ограничению полномочий российской делегации, по принятию санкций, по умалению статуса РФ, не использует эту площадку для постоянной,

перманентной, агрессивной пропагандистской войны против России, то в этом случае я думаю, что, несмотря на все минусы пребывания в ПАСЕ, стране все же следует в ней оставаться. Если же мы убедимся в том, что большинство в ПАСЕ не желает отказываться от этого курса, то, возможно, нам следует сделать паузу в наших отношениях с ПАСЕ, как Россия уже делала: прекратить участие в ее работе, показать, что РФ не будет находиться в том европейском институте, который занимается не взаимодействием и сотрудничеством, не улучшением климата на европейском континенте, а ухудшением климата на европейском континенте, то есть выполняет задачи, противоположные тем, которые заявлены в Уставе самого Совета Европы. При этом не стал бы исключать возможности ухода России из Совета Европы в случае, если агрессивные тенденции против России возьмут окончательно верх в этой организации и европейских структурах в целом. Но вместе с тем мы исходим из того, что в Европе есть не только агрессивные антироссийские силы, но и другие силы, которые считают, что Россия исключительно важна для Европы, и взаимодействие с ней дает дополнительные возможности, приумножает силы Европы, а не ослабляет ее. Отказываться от взаимодействия с этими силами Россия не должна, поэтому до тех пор, пока Совет Европы будет давать возможность продолжать диалог с разумными, рациональными силами на европейском континенте, Москва должна его использовать.

НЕПРЕРЫВНЫЙ ДИАЛОГ РОССИИ И ИТАЛИИ СПОСОБСТВУЕТ ПРЕОДОЛЕНИЮ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

С.С. Разов – Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Итальянской Республике и в Республике Сан-Марино по совместительству, член РСМД

– Сергей Сергеевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Попробую сформулировать некоторые из них:

1) дальнейшее закрепление самостоятельной и независимой роли России на мировой арене. Даже самые критически настроенные по отношению к нам собеседники признают, что без активного участия нашей страны решение многих международных проблем, эффективное противодействие глобальным и транснациональным вызовам последнего десятилетия, не представлялось бы возможным. При этом в абсолютном большинстве случаев действия России мотивировались прежде всего собственными национально-государственными интересами, разумеется, в рамках поиска их возможного баланса с другими заинтересованными сторонами;

2) Россия выступала последовательным защитником международного права, основополагающих принципов устава ООН и авторитета этой организации. Конечно, успех внешней политики России здесь относителен. В практике международных отношений сила права нередко уступала праву силы, которое зачастую камуфлировалось неким «порядком, основанным на правилах». Как отмечал еще Б. Спиноза: «Каждый имеет право в меру значительности своей силы». Однако, повторяю, одно из принципиальных достоинств нашей внешней политики – стремление последовательно отстаивать принципы суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, взаимоуважительного конструктивного сотрудничества;

3) сохранение нашего влияния и относительной стабильности в зонах приоритетного внимания – по периметру протяженных границ Российской Федерации. Продолжают функционировать с большей или меньшей эффективностью организации и структуры с участием бывших республик СССР – ныне суверенных государств. Сохраняют актуальность процессы постсоветской разноскоростной и разноуровневой интеграции. Хотя, на мой взгляд, в нынешних условиях правильнее говорить не об интеграции, а о партнерстве и сотрудничестве. СНГ, Союз России и Белоруссии, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС – все это организации, где Россия по-прежнему играет заметную, во многом лидирующую роль;

4) безусловный успех нашей внешней политики – роль в урегулировании кризиса в Сирии и отчасти в Ливии. Антитеррористическая операция россий-

ских ВКС по запросу официальных властей Дамаска, как известно, вызывала противоречивые, а порой и огульные заявления со стороны западных лидеров. Однако впоследствии они же констатировали реальный успех России. Наша последовательная линия, основанная на стремлении к инклюзивному и равноправному диалогу, привела к созданию уникального и действенного астанинского формата;

5) к числу безусловных успехов отношу и так называемый поворот России на Восток, а лучше сказать – заметное усиление внимания к проблематике мира, безопасности и сотрудничества в быстроразвивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе, в рамках перспективной идеи «Большой Евразии». Здесь, разумеется, надо выделить укрепление стратегического партнерства с Китаем. 120 лет назад В.С. Соловьев называл Россию «великой окраиной Европы в сторону Азии». Отвлекаясь от глубоко укоренившейся в нашем общественном сознании дискуссии о соотношении западничества и евразийства, которая отчасти актуальна и сегодня, можно утверждать, что стратегическое партнерство с Китаем делает более устойчивыми наши позиции в мире, в том числе в диалоге с западными партнерами. Иногда звучащие утверждения о якобы превращении России в младшего партнера Китая считаю бесосновательными и неуместными.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– В среднесрочной перспективе одной из главных угроз будет оставаться пандемия коронавирусной инфекции, разрушительного воздействия которой еще в начале 2020 г. никто не ожидал. Этот вызов преподнес важный урок – даже самые мощные державы не в состоянии в одиночку или небольшой группой единомышленников решать глобальные и транснациональные проблемы человечества. Об этом неоднократно говорил президент Российской Федерации В.В. Путин, призывая к объединению усилий, равноправному и уважительному диалогу для противодействия новым угрозам и вызовам. В этом контексте высокой похвалы заслуживают выдающиеся достижения наших ученых, которые в кратчайшие сроки сумели создать высокоэффективные препараты для борьбы с пандемией. Преобладавшее на первом этапе недоверие и злопыхательство со стороны наших западных партнеров сменилось завистливым признанием этих достижений («Если похвалы друзей иной раз дают повод усомниться в их искренности, то зависть недоброжелателей заслуживает полного доверия», – К. Иммерман).

Кризисно-депрессивное состояние мировой экономики, спад деловой активности – все это будет оказывать непосредственное влияние на социально-экономическую ситуацию в России. Восстановительный рост мировой экономики и торговли по мере преодоления последствий пандемии не обещает быть быстрым. На экономике России будут сказываться и действующие секторальные санкционные ограничения и не исключаемые в будущем новые.

Особую озабоченность вызывает прогрессирующая деградация отношений с евроатлантическим блоком государств, которые, несмотря на существующие между ними различия в подходах, солидарно определяют нашу страну в качестве противника. Признаки холодной войны, которая, как казалось, навсегда осталась в XX в., вновь обрели плоть. Отличительная черта сегодняшнего противостояния – не менее (а может быть и более) опасная экзистенциальная конкуренция. Как некоторые говорят: «Запад хочет от России только одного – чтобы ее не было».

Санкции, которые вводятся по каждому поводу и без повода и становятся чуть ли не главным инструментом политики в отношении России. Оголтелая информационная война на уничтожение, попытки грубого вмешательства во внутренние дела, наращивание военных потенциалов по периметру наших границ (планы размещения РСМД на европейском и азиатском ТВД) – все это, на мой взгляд, свидетельства перерастания холодного мира в холодную войну (холоднее нынешней – только, не дай Бог, война горячая).

Непредсказуемость и опасность нынешнего противостояния усугубляется возобновившейся гонкой вооружений, разрушением системы международных договоров, сформировавших архитектуру мировой и европейской безопасности. Как сейчас не без оснований говорят: «Не знаешь, в какое время живешь – еще послевоенное или уже предвоенное».

Пользуясь модной сейчас медицинской терминологией, приходится констатировать, что некогда сильный и устойчивый антивоенный иммунитет в значительной мере утратил действие. Война, похоже, перестала пугать. Сошли на нет массовые во второй половине XX в. пацифистские, антивоенные демонстрации – теперь демонстрации организуют защитники прав ЛГБТ, сторонники *Black Lives Matter*, экологические активисты.

– Какими будут приоритеты России в отношениях с ЕС в ближайшие годы?

– Наши приоритеты, на мой взгляд, очевидны. Россия – неотъемлемая часть Европы. Явно политически мотивированным является получающий все большее распространение на Западе тезис о «якобы принципиальных различиях между Россией и Европой в «базовых ценностях». У нас общие христианские

корни, демократическое общественное устройство (разумеется, с естественной национальной спецификой), многовековая практика взаимодействия и сотрудничества, понятные экономические интересы, общие задачи обеспечения стабильности и безопасности единого пространства, борьбы с терроризмом, пандемией коронавирусной инфекции и т.д.

Политика же Брюсселя в отношении России весьма противоречива, что в значительной мере объясняется применением принципа консенсуса при решении наиболее важных вопросов отношений с Россией. Скорость движения каравана, как известно, равна скорости самого медленного верблюда. Это на практике приводит к тому, что общая согласованная линия ЕС в отношении России нередко оказывается в заложниках известной, русофобски настроенной, малочисленной группы стран. Эти, образно говоря, «верблюды», не просто тормозят движение каравана, но и откровенно пытаются тянуть его назад.

Если применительно к нашим сегодняшним отношениям с Китаем мы говорим об их наилучшем уровне за всю историю двусторонних связей, то сегодняшние отношения с Евросоюзом, на мой взгляд, к сожалению, худшие за всю их историю. Дело, как известно, дошло до того, что мы назвали Евросоюз ненадежным партнером, поставив вопрос о целесообразности продолжения взаимоотношений с ЕС как организацией.

Что касается возможных приоритетов, то основной упор мы могли бы делать на развитии экономических связей, прежде всего, в сферах энергетики и высоких технологий, а также инициативах в наименее политизированных областях. Обсуждение же чувствительной для всего объединения проблематики следует перевести в большей степени на двусторонние рельсы, используя дифференцированный подход в зависимости и с учетом готовности отдельных государств-членов к диалогу.

– Каково состояние российско-итальянских отношений? Оказала ли пандемия влияние на внутреннюю и внешнюю политику Италии и развитие отношений с Россией? По каким направлениям сотрудничество возможно и необходимо в ближайшие годы, на Ваш взгляд?

– Отношения России и Италии имеют многовековую историю и традиционно (за небольшим исключением) носили привилегированный партнерский характер. Они и сейчас продолжают достаточно устойчиво развиваться, несмотря на известные привходящие трудности.

Эпидемия коронавируса ощутимо повлияла на внутривнутриполитические и социально-экономические процессы, активизировала и без того бурную внутривнутриполитическую дискуссию. Усилились процессы дробления и консолидации политических сил, их весьма мобильной перегруппировки в различные коалиции.

Исторически подобные процессы здесь приводят к достаточно частой смене правительств. За последние 10 лет, например, сменилось семь правительств, а в послевоенной истории страны нынешнее Правительство Италии уже 67-е.

Разумеется, частые смены конфигураций правящих коалиций и персонального состава Кабинета министров неизбежно сопряжены с некоторой потерей темпа в продвижении двусторонних отношений. Задачу видим в том, чтобы по возможности сократить этот переходный период, двигаться вперед, не допуская затяжных пауз.

По конкретике двусторонних отношений отмечу, пожалуй, следующие события. В марте 2020 г. по решению президента России В.В. Путина наша страна одной из первых пришла на помощь итальянцам, направив гуманитарную миссию медиков и военных специалистов для лечения заболевших коронавирусом и дезинфекции зараженных территорий. Этот дружеский жест вызвал среди итальянцев всплеск добрых чувств к России.

Обстоятельный диалог поддерживается на высшем уровне, по линии законодательных органов власти, внешнеполитических ведомств двух стран. Министр иностранных дел России регулярно принимает участие в организуемой в Риме конференции «Средиземноморье: римский диалог». Глава МИД Италии в октябре 2020 г. посетил с визитом Россию и принял участие в полноформатном заседании российско-итальянского совета по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству. С Италией функционирует механизм встреч министров иностранных дел и обороны двух стран в формате «2+2».

Особую нишу в межгосударственном общении традиционно занимают связи в сфере культуры, науки, образования. Действует рассчитанная до 2022 г. межправительственная программа сотрудничества в сферах культуры, образования, средств массовой информации, молодежных обменов, спорта и туризма. 2021 год объявлен перекрестным годом музеев в России и Италии, запланировано немало интересных мероприятий.

Надо понимать, что Италия – член НАТО и ЕС – придерживается правил блоковой солидарности и дисциплины. На этот счет не должно быть никаких сомнений, а тем более иллюзий. При этом Италия традиционно выступает за поддержание устойчивых каналов диалога с Россией в интересах поиска совместных ответов на современные вызовы и угрозы. Рассчитываем, что и сформированное в феврале 2021 г. Правительство Италии продемонстрирует преемственность в этом смысле.

Апрель 2021 г.

БЕЗ КОНСТРУКТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ ЕВРОСОЮЗ ЕДВА ЛИ СМОЖЕТ СТАТЬ ЗНАЧИМЫМ ИГРОКОМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Л.Э. Слущкий – д. э. н., председатель Комитета Государственной Думы по международным делам, заместитель руководителя делегации Федерального Собрания РФ в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ), председатель Правления Международного общественного фонда «Российский фонд мира», член Президиума независимой ассоциации «Гражданское общество», член РСМД

– Леонид Эдуардович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Прежде всего, это способность проводить самостоятельный внешнеполитический курс. Как отметил министр иностранных дел С.В. Лавров, со времен распада СССР Запад упорно предпринимает попытки сделать Россию «послушной» страной, своего рода удобной территорией для продвижения своих геополитических интересов. Но попытки эти на протяжении последних десятилетий остаются тщетными. Москва последовательно проводит независимую политику, защищает свою самобытность и свой суверенитет, отстаивает вместе с партнерами принцип верховенства международного права в мировых делах, противостоит шагам США и их союзников по блоку НАТО, направленным на сдерживание нашей страны.

Россия весьма успешно продвигает свои интересы в крупнейших международных организациях и интеграционных объединениях, включая ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, «Группу двадцати». Активно и, главное, результативно участвует в решении острых региональных кризисов на планете. Уверен, что личные посреднические усилия президента России В.В. Путина по прекращению нагорно-карабахского конфликта войдут во всемирную хрестоматию разрешения кризисов. В пример можно привести и Сирию. Исключительно благодаря нашей стране там удалось сохранить государственность и сломить хребет международному терроризму.

И, пожалуй, основное – это позиционирование Москвы в качестве одного из ключевых центров силы в формирующемся полицентричном мире. Система международных отношений становится многополярной, и роль нашей страны в этих процессах сложно переоценить. При этом Россия – постоянный член Совета Безопасности ООН, и на нее возложена особая ответственность. Хотел бы упомянуть инициативу Президента В.В. Путина о созыве в ближайшее время встречи на высшем уровне государств – постоянных членов СБ ООН. Уверен, что такой саммит стран, которые внесли главный вклад в разгром фашизма и формирование послевоенного миропорядка, крайне необходим для выработки решений общих для всего человечества проблем и – процити-

рую президента – демонстрации «нашей общей верности духу союзничества, исторической памяти, тем высоким идеалам и ценностям, за которые плечом к плечу сражались наши предки, наши деды, наши отцы».

– На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Среди глобальных трансграничных вызовов выделю пандемию COVID-19, международный терроризм, климатические изменения, экологию, бедность, киберпреступность, милитаризацию космоса. Все эти проблемы необходимо решать на коллективной основе, сообща, без попыток насаждения новых разделительных линий и барьеров, включая противоправные, возводимые в обход ООН односторонние экономические санкции.

Но, к сожалению, коллективный Запад пока мыслит блоковыми категориями, продолжая вести необъявленную гибридную войну, цель которой – расширение зоны своего влияния. В этой связи в ближайшей перспективе нам вряд ли стоит ожидать смягчения или прекращения предпринимаемых Западом попыток сдерживания развития нашей страны. Но со всем этим, уверен, Россия успешно справится.

– Какими будут приоритеты для России в отношениях с ЕС в ближайшие годы?

– Весьма актуальный вопрос, особенно по итогам недавнего визита в Москву главы европейской дипломатии Ж. Борреля и его последующих «оправданий» в Европарламенте. Диалог России и Евросоюза после Солсбери и истории с «берлинским пациентом» все больше напоминает театр абсурда. Причем спектакль играют наши европейские партнеры. Россия предпочитает наблюдать.

Недавние оценки Ж. Борреля о якобы незаинтересованности Москвы в восстановлении отношений с Брюсселем абсолютно от лукавого. Россия действительно не собирается включаться в навязываемую ей явно провокационную повестку, объясняться за то, чего не совершала. Москва по-прежнему выступает за спокойный и равноправный диалог без двойных стандартов, подмены понятий и передергиваний. Отсюда вытекают российские приоритеты на упомянутом направлении. Это взаимодействие в рамках общеевропейского контура безопасности, прагматичное сотрудничество в областях, представляющих взаимный интерес, прежде всего в экономической сфере, культуре, образовании и туризме, конечно, с поправкой на эпидемиологическую ситуацию. При всем этом отношения должны опираться на дипломатическую культуру и

традиции. Хамство, истерия в информационном пространстве, санкционные угрозы и грубое вмешательство во внутренние дела нашей страны недопустимы и наносят долгосрочный ущерб нашим отношениям.

Сомневаюсь, что без конструктивных отношений с Россией — крупнейшим соседом и великой державой — Евросоюз сможет стать сколь-нибудь значимым игроком в «постковидных» реалиях и в более широком смысле в многополярном мире. Так что в Брюсселе должны задуматься, соответствует ли нынешняя явно враждебная и конфронтационная линия в отношении Москвы интересам европейского обывателя.

– В 2021 г. отмечается 25-летие вступления России в Совет Европы. Как Вы оцениваете результаты деятельности России после возвращения в ПАСЕ? Насколько открыты к диалогу европейские партнеры в рамках ПАСЕ? Каковы результаты этого взаимодействия?

– Действительно, после пятилетнего отсутствия российская делегация вернулась в Парламентскую Ассамблею Совета Европы. В 2014 г. российская делегация покинула Страсбург в знак протеста против лишения права голоса за воссоединение Крыма с Россией. Делегация не возвращалась в ПАСЕ до тех пор, пока не были достигнуты Хельсинские договоренности по разрешению институционального кризиса в Совете Европы, а в регламент Ассамблеи не были внесены поправки с отменой санкционных статей (позволявших до этого лишать национальные делегации базовых прав, таких как выступления в ходе прений, участие в голосовании и представительство в руководящих органах ПАСЕ). Начиная с октября 2019 г., российская делегация работает на сессиях Ассамблеи, в том числе в гибридном и онлайн-форматах.

Что это дает России? Прежде всего, имеется возможность доносить до европейских коллег российскую позицию напрямую, без искаженного преломления западной пропаганды. Медленно, но верно происходит возвращение в конструктивное рабочее поле. Конечно, наши оппоненты, особенно представители так называемой группы Балтик-плюс (Украина, Грузия, страны Балтии), не упускают любого повода, чтобы не попытаться в провокационном ключе оспорить полномочия и мандат России в ПАСЕ. Однако с каждым голосованием у них становится все меньше сторонников. Итоги последней зимней сессии ПАСЕ — тому подтверждение.

ПАСЕ остается самой широкоохватной межпарламентской площадкой в Европе, что дает дополнительную возможность для продвижения российских интересов и, повторю, доведения нашей позиции по широкому кругу вопросов мировой повестки дня до партнеров. В целом же, чем больше нас среди них, тем меньше их среди нас.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАССИОНАРНОСТЬ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

А.В. Чепурин – Чрезвычайный и Полномочный Посол России, член РСМД

– Александр Васильевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Пассионарность российской внешней политики в последнее десятилетие находилась в очевидном противоречии с инерционным экономическим развитием страны. При этом сохранялся так называемый комплекс Спарты, ощущение враждебного окружения и необходимости перманентной подготовки к отражению удара врага. Экономическая стагнация отчасти компенсировалась в самоощущении россиян внешнеполитическими успехами, которые, как и в позднем СССР, заняли центральное место в информационной повестке страны. Для многих россиян внешняя политика и Крым стали своего рода анестезией от экономических неурядиц.

Руководство России после успешных 2000-х гг., когда удалось прекратить распад страны и накормить народ, в 2010-е гг. восстанавливало оборонную сферу и делало упор на внешнюю политику. Только в последнее время появляется ощущение большей концентрации на экономическом развитии страны, для чего потребуется не только пассионарность, но и понимание естественных преимуществ и возможностей России, которые могут обеспечить экономический рост страны намного выше среднемирового. Внешнеполитический угол и здесь будет важным, а порой и главным.

Вместе с коронавирусными потрясениями, начавшимся энергетическим переходом и экологической повесткой Россия и мир подошли к новой развилке, требующей от страны «людей с длинной волей», как говорил Лев Гумилев.

– На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Главное, пожалуй, в правильности позиционирования России в складывающемся миропорядке. Ключевое место в международной повестке займет усиливающееся соперничество США и Китая. Понятно, что Вашингтон будет препятствовать дальнейшему экономическому и геополитическому укреплению конкурента.

Мне представляется, что у России нет никаких объективных причин втягиваться в это противостояние. Поворот на Восток уже произошел, что важно и нужно для баланса. Вместе с тем при развитии отношений с Китаем Россия

не должна повторять свою ошибку с Западом, превращаясь в его сырьевой придаток.

В последние год-полтора предпринимаются усилия для того, чтобы создать условия для нового качества российского экспорта. Кое-что уже делается в том числе в газохимии, лесопереработке, импортозамещении, инфраструктуре. Но нынешние импортеры дешевого непереработанного российского сырья, от китайцев до финнов, этому противятся и будут противиться в будущем. Тем не менее нужно активное и необратимое возвращение к проверенной формуле «ввози сырье, вывози готовую продукцию». По традиции русские долго, 10 лет, запрягали, теперь, надеемся, быстро поедут.

Репутация США даже на Западе уже не та. Травма приобретающей все более очевидные контуры утраты единоличного мирового лидерства делает американскую внешнюю политику труднопредсказуемой, а нередко и трудно-понимаемой. Шахиншахи – цари царей – сегодняшнему миру не нужны.

Объективно США должны быть заинтересованы в том, чтобы Россия и Китай не сблизилась до создания крупнейшего военно-экономического союза. Геополитически американцам важны стабильные отношения с Москвой. Сегодня Россия – завидная невеста.

На практике пока все наоборот. Создается мир, где места здравому смыслу не так много. Фантомные боли США будут осложнять международную повестку, но не остановят закономерную эволюцию.

В ближайшей перспективе России выгодно максимальное сближение с ключевыми странами Европы, прежде всего с Германией, Францией и Италией. Важно держать в поле зрения «ближнее зарубежье», уделять особое внимание «родственным странам», таким как Белоруссия, Сербия и Украина.

– Какими будут приоритеты для России в отношениях с Брюсселем в ближайшие годы, учитывая возможное вступление в ряды ЕС отдельных государств Западных Балкан?

– Думаю, что страны Евросоюза переживут ту же необходимость стратегического позиционирования между США и Китаем, что и Россия. Политическая культура будет подсказывать им дистанцироваться от противостояния. Во многом наше положение будет схожим.

Сегодня в Евросоюзе из 27 государств-членов только четыре периферийных государства полностью ориентируются на Вашингтон. Они же выступают с русофобских позиций. Эти страны нередко заказывают музыку, но не они определяют решения Евросоюза. Такие решения будут формироваться в Берлине и Париже, возможно, и в Риме. Повышенное внимание к этим государствам в предстоящие годы станет важнейшей задачей россий-

ской внешней политики, в том числе с прицелом на развитие нашей экономики.

При всей нынешней любви России к Востоку Европа останется территорией нашего большого цивилизационного поля. Россия – часть этого континента, его истории, культуры, территории, наконец. Попытки сближения России и ЕС предпринимались в последние десятилетия неоднократно, в том числе в первый президентский срок В.В. Путина. Сейчас складываются исключительные условия, когда обе стороны объективно заинтересованы в сближении. Думаю, что такие попытки могут быть повторены. В складывающейся геополитической ситуации это выгодно обеим сторонам.

Усиливает наши позиции и то, что из ЕС вышла Великобритания, которая была единственным крупным русофобским государством в Евросоюзе. Она-то явно намерена в будущем геополитическом раскладе «сливаться» с США. Россия нужна Германии, Франции, Италии и Брюсселю как ключевой партнер с «близкой ДНК». Если Россия в предстоящие годы станет экономически успешной и богаче, то будет нужна еще больше.

А что касается Балкан, то ЕС со временем приберет их себе, но, думаю, еще не скоро. Тогда в Евросоюзе появится такая пророссийская страна как Сербия. Сближение России с Европой поможет несколько успокоить страсти в той части континента, которая остается нашим ближним европейским зарубежьем.

Все это непросто, но открывающееся окно требует сделать еще одну попытку «склеивания» Европы от Лиссабона до Владивостока, которая таким образом могла бы стать пространством развитых, сильных и богатых государств, не втянутых в глобальное соперничество США и Китая.

– Сербия является государством-кандидатом на вступление в ЕС, поддерживая при этом тесные отношения с РФ и не вводя против нее санкции. Сможет ли Белград сохранить тесное сотрудничество и дружественные отношения с Москвой на своем пути в Евросоюз и на фоне увеличивающегося давления со стороны Брюсселя?

– Сербия стремится в ЕС, но не в НАТО. Это важно. Не нужно забывать, что сохраняется проблема Косово. Россия здесь – ключевая страна, поддерживающая Белград. Россия перед сербами в долгу, помогаем там, где можем. Белград этим дорожит. Будучи в ЕС, Сербия усилит дружественное к России крыло Союза. Вступление же, если и произойдет, то после 2025 г., а скорее всего, много позже. Это, во-первых.

Во-вторых, нынешнее сербское руководство и без вступления в Евросоюз добилось заметных экономических успехов. Темпы роста экономики все по-

следние годы до COVID-19 просто удивительны для Европы – 5-6%. Прогноз на 2021 г. – 6%. Это результат настойчивых, почти десятилетних усилий команды А. Вучича, наладившей аполитичное взаимодействие с тремя полюсами инвесторов и торговых партнеров: с ЕС (в основном Германия и Италия), с Россией и Китаем. Это выгодно Сербии. Да и России тоже. И российскую вакцину первыми в Европе зарегистрировала, закупила и начала производить Сербия. С российской, немецкой и китайской вакцинами она сегодня в числе лидеров по вакцинации на континенте.

Наконец, Сербия всегда была, есть и останется дружественным России государством. В этом вопросе президент Сербии А. Вучич имеет широчайшую поддержку населения, что важно. Москва же должна делать все, чтобы отвечать близкому народу и дружественной стране поддержкой и эффективным взаимовыгодным сотрудничеством.

В ОТНОШЕНИЯХ С ЕС МЫ НЕ ЗАКРЫЛИ НИ ОДНОЙ ДВЕРИ, НЕ ОПУСТИЛИ НИ ОДНОГО ШЛАГБАУМА

В.А. Чижов – Постоянный представитель Российской Федерации при Европейском союзе, Чрезвычайный и Полномочный Посол России, член РСМД

– Владимир Алексеевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Думаю, что главным достижением не только 10, а последних 20 лет стала последовательная реализация самостоятельного и независимого внешнеполитического курса, направленного на защиту национальных интересов и обеспечение благоприятных условий для внутреннего развития при готовности договариваться с партнерами на равноправных началах. Именно в этом и состоит ключевая задача российской дипломатии, лежащая в основе доктринальных документов в сферах внешней политики, национальной безопасности и обороны. Несмотря на нескрываемые, зачастую топорные попытки «сдерживания» России «коллективным Западом», никто, включая недоброжелателей, не станет спорить с тем, что Россия в полной мере вернулась на мировую арену в качестве значимого глобального игрока, с которым нельзя не считаться и без которого не может быть решен целый ряд серьезных вопросов международной повестки дня. В конкретном плане отмечу усилия, направленные на защиту прав русских и русскоязычных людей на Украине, в странах Прибалтики и по всему миру; каждодневную работу по противодействию попыткам размывания центральной роли ООН и подмены международного права так называемым миропорядком, основанным на правилах; успехи в укреплении стратегического партнерства с Китаем; продуктивное участие в работе таких форматов, как «Группа двадцати», БРИКС, ЕАЭС и ШОС; вклад России в сохранение государственности Сирии, урегулирование ситуации вокруг иранской ядерной программы. Список, конечно, можно продолжать.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Главным вызовом не только для России, но и для всего человечества является построение более справедливой системы международных отношений, обеспечивающей суверенитет, равенство, безопасность без разделительных

линий и стабильные условия для развития всех ее участников. Необходимо сообща нащупать механизмы выработки и принятия коллективных решений в ответ на глобальные угрозы.

В случае с пандемией коронавируса убежден, что человечество упустило исторический шанс для подлинного сплочения и объединения усилий с целью противостояния общему врагу. Это печально, но теперь важно, чтобы этот кризис послужил для мирового сообщества уроком на будущее. Собственно, сам список вызовов очень обширный и открытый – изменение климата и так называемый зеленый переход, цифровизация, трансформация производственно-логистических цепочек и реформирование мировой торговой системы, борьба с международным терроризмом и другими транснациональными угрозами.

– Какими будут приоритеты для России в отношениях с ЕС в ближайшие годы?

– С сожалением вынужден констатировать, что отношения России с Евросоюзом находятся сейчас в ненормальном, более того, в плачевном состоянии. В Брюсселе на среднесрочную перспективу готовятся к их дальнейшей деградации. В качестве условий нормализации предъявляются требования «улучшения» поведения России, прекращения приписываемых ей «злонамеренных действий» и, конечно, выполнения Минских соглашений, которые целенаправленно саботируются Киевом для привлечения внимания к себе и сохранения санкционного нажима на Россию. Понятно, что с таким подходом Россия едва ли сможет качественно продвинуться по пути выправления нарушенных связей с ЕС. Как четко дал понять министр иностранных дел России С.В. Лавров: «Под надеждами на игру с нами в одни ворота окончательно подведена черта». Не Москва «замораживала» успешно работавшие до 2014 г. механизмы сотрудничества и даже углубленного партнерства, не Москва вводила односторонние незаконные санкции, повлекшие обвал двустороннего товарооборота более чем в два раза. Напротив, Россия не закрыла ни одной двери, не опустила ни одного шлагбаума. Не делает она этого и сейчас. Приоритетом для России в связях с ЕС, как и с другими странами и их объединениями, было и остается выстраивание прагматичных и обоюдовыгодных отношений, но только на основе равноправия, взаимного уважения и учета интересов.

– Каково влияние пандемии COVID-19, поразившей мир в 2020 г., на состояние отношений России и ЕС, окажет ли пандемия и ее последствия влияние на дальнейшее развитие отношений России и ЕС?

– Безусловно, пандемия и связанные с ней санитарно-карантинные ограничения негативно сказались на и без того утративших былую интенсивность, политических и отраслевых контактах между Москвой и Брюсселем, нанесли дополнительный ущерб товарообороту. Сейчас лидеры Евросоюза задним числом уверяют, что с первых дней пандемии взялись проявлять всеобщую солидарность. Но мы помним, насколько хаотичной и разрозненной была реакция этого действительно наиболее продвинутого интеграционного объединения в первые, наиболее тяжелые месяцы борьбы с COVID-19. По сути дело тогда свелось к судорожным мерам на национальном уровне, нескоординированному закрытию границ, проявлениям эгоизма и конфликтам внутри «западного лагеря».

На последующем этапе евроинституты взяли себя в руки и вместе со странами-членами активно вступили в борьбу за пальму первенства в качестве мирового лидера по производству и распространению вакцин, иммунизации собственного населения. Эта сфера быстро была политизирована, на примере необоснованно затянувшейся сертификации в ЕС российского препарата «Спутник V» мы столкнулись – впрочем, уже без всякого удивления – с проявлением «вакцинного протекционизма». Не видим, чтобы представители ЕС извлекли из пандемии какие-то уроки, которые позволили бы им в будущем больше ценить эффективное сотрудничество с соседями. Хотя формально Брюссель декларирует заинтересованность в «выборочном вовлечении» России в области общественного здравоохранения и противодействия пандемиям, конкретики за этими словами пока немного. Россия открыта к работе на основе взаимности в этой и других сферах общих интересов, но не исключительно интересов ЕС.

МЯГКАЯ СИЛА МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЕС В ЛУЧШУЮ СТОРОНУ

А.О. Чубарьян – д.и.н., научный руководитель Института всеобщей истории РАН, президент ГАУГН, академик РАН, председатель Национального комитета российских историков, сопредседатель Российского исторического общества, председатель экспертной комиссии РСОШ по истории, член РСМД

– Александр Оганович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Я думаю, что главное достижение заключается в том, что Россия смогла восстановить и заявить о себе на международной арене как о самостоятельном, влиятельном игроке и восстановила свое былое положение. В 1990-х гг. существовало мнение, что Россия больше не представляет собой «великую державу», что после поражения в холодной войне, после распада СССР Россия не может рассматриваться как один из главных игроков на международной арене. За последние 10 лет Россия восстановила свое положение ценой как внутренних мер, направленных на повышение обороноспособности страны, так и активной внешней политики. Очень многое было достигнуто и на европейском, и на азиатском направлениях.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Я не очень согласен с тем, что такой системный глобальный кризис существует в мире. Этот кризис связан с переменами, произошедшими в начале 1990-х гг. Кончилась эпоха Ялтинско-Потсдамской системы, которая была сформирована после Второй мировой войны и просуществовала фактически до конца 1980-х гг. Последующие годы – это время, когда формировалась и еще формируется новая система международных отношений. Россия участвует в ее формировании, и ей приходится сталкиваться с рядом вызовов, главный из которых – усиливающиеся попытки Соединенных Штатов, рассматривающих Россию и Китай в качестве главных врагов, вернуть себе монопольное гегемонистское положение в мире.

Второй вызов, с которым сталкивается Россия в среднесрочной перспективе, связан с европейскими делами, в частности с серьезными переменами, происходящими на постсоветском пространстве, где идут довольно сложные процессы, неизбежно затрагивающие и Россию. Для России главный вызов –

не допустить, чтобы эта приграничная зона была зоной, нарушающей безопасность нашей страны. Я думаю, что Россия должна считаться с тем, что изменить что-то в этих странах мы не можем. Впрочем, это и не нужно. Однако важно сделать так, чтобы эти страны, вся периферия рядом с нами, не создавали какую-либо угрозу безопасности Российской Федерации.

Третий вызов больше связан не с внешней политикой, а с общемировым кризисом, который, однако, влияет и на внешнюю политику. Это природные катаклизмы, погода, климат, а сейчас это пандемия – кризис, с которым Россия вынуждена считаться наряду со всеми другими государствами.

– Что Россия и ЕС могли бы предпринять уже сейчас для минимизации/преодоления кризиса в двусторонних отношениях?

– Сейчас у нас непростые отношения с Европейским союзом. Но ЕС – это организация, не вся Европа. Поэтому, когда мы говорим «Россия и Европа», мы должны иметь в виду, что принадлежность России к Европе не замыкается на отношениях с Европейским союзом. Все же ЕС – важное интеграционное объединение. Перспектива должна быть такая: во-первых, укреплять отношения с государствами – членами ЕС, которые к этому готовы. Среди основных стран, прежде всего, Франция, Германия, Италия и Испания. Второй момент – акцент на экономических отношениях. На данной стадии, когда идут сложные политические процессы, необходим упор на экономику для налаживания отношений Российской Федерации и ЕС.

Третий момент, который меня особенно интересует, связан с тем, что одним из раздражителей наших отношений с Европейским союзом является историческое наследие. Коллеги из ЕС очень чутко реагируют на любые интерпретации истории, которые им кажутся несоответствующими настроениям Европейского союза. Поэтому здесь нужно резко активизировать наши связи с ними, и самое главное – активизировать связи с ЕС по линии гражданского общества, в области науки, культуры, образования, молодежных обменов и т.д. Это та самая мягкая сила, которая может внести коррективы в отношения России и Европейского союза. Налаживание отношений с теми государствами – членами Евросоюза, которые выступают в авангарде ухудшения отношений, является важным моментом.

– Как сегодня можно бороться с фальсификацией истории Второй мировой войны, особенно со стороны западных партнеров?

– Мне не нравится слово «фальсификация», но, конечно, в других странах существуют определенные оценки Второй мировой войны. Я бы не использовал

слово «запад», потому что в основном крупные европейские страны, такие как, например, Франция, Германия, Англия, имеют близкие к нашим оценки Второй мировой войны. В последнее время в США разговоры шли о том, кто главный победитель, но это все риторика.

Необходимо усиливать связи с академическими кругами. Академическая наука во всех странах, в том числе и в странах, наиболее активно действующих в истории Второй мировой войны, менее заражена попытками пересмотра позиций, поэтому мы должны наращивать отношения с академическими кругами, что и происходит. Однако нужно искать контакты также со странами, которые имеют иную позицию – это и страны Балтии, и Польша. Возможными способами являются публикация документов, чем мы занимаемся, а также, что очень важно, выдвижение нашей позиции по проблемам истории Второй мировой войны, доведение ее до сведения широких кругов и средств массовой информации. Здесь я должен отметить позитивную роль наших коллег в Германии. Дело в том, что вопреки резолюции ЕС о равной ответственности гитлеровской Германии и Советского Союза за развязывание Второй мировой войны, в мае вышла известная статья министра иностранных дел Германии и директора Института современной истории в Мюнхене, в которой они четко отметили: «Ответственность за развязывание Второй мировой войны несет гитлеровская Германия, Советский Союз не имеет к этому отношение».

Таким образом, способы противостояния подобным вещам существуют. Особую роль играют публикация документов и развитие активного диалога на двустороннем и многостороннем уровнях.

КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ГОНКИ В КОСМОСЕ НЕТ, НО ПРОТИВОСТОЯНИЕ ОСТАЕТСЯ

Ю.М. Батурин – д.ю.н., главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН, член-корреспондент РАН, Герой Российской Федерации, летчик-космонавт, участник двух полетов в космос – на орбитальный комплекс «Мир» (1998) и Международную космическую станцию (2001), член РСМД

– Юрий Михайлович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Среди успехов можно выделить: успешное сопротивление политике НАТО и многолетнее противостояние санкциям; быстрое развитие ШОС и БРИКС; создание Евразийского экономического союза и Таможенного союза; хорошие отношения с Китаем и Индией; восстановление присутствия России во многих регионах мира; способность поддерживать деловые контакты со всеми силами (включая антагонистов) на Ближнем и Среднем Востоке.

– Насколько важно для человечества развитие космических технологий и изучение космоса?

– Изучение космоса важно для человечества в первую очередь с точки зрения самопознания. Известно, что никакую систему невозможно полностью познать, не выйдя за ее пределы.

Когда-то геопространство (пространство обитания на Земле) состояло из распределенных местоположений: Средиземноморье, Европа, Восточная и Центральная Азия, Латинская Америка и т.д. С развитием мореплавания геопространство постепенно становилось связным. Путешествия, великие географические открытия, военные и разведывательные походы, развитие торговых путей, дальние дипломатические миссии вели к «сшиванию» мира в некое единство (Великий Шелковый путь, Марко Поло, походы Чингисхана и Александра Македонского, Христофора Колумба и т.д.), которое укреплялось широтной и меридиональной экспансией. Степень связности геопространства значительно увеличилась с появлением авиации. Технологии коммуникации и связи довершили дело: геопространство стало замкнутым. 4 октября 1957 г., когда был запущен искусственный спутник Земли, пространство «разомкнулось». Через четыре года человек вышел за пределы Земли и с тех пор имеет возможность смотреть на нее со стороны, чего никогда раньше не было. Началось полномасштабное самопознание человечества.

А геополитический смысл произошедшего в следующем: свершился переход от геополитики на пространстве земного шара к политике, которую те-

перь уже можно называть целумополитикой (от лат. «*caelum*» – небо, все пространство между Землей и звездами).

Политика вышла за пределы «гео», следовательно, вместе с ней международные отношения и дипломатия. Конечно, мы это не сразу почувствовали – для истории полвека – не время. Но вот директива президента США Джорджа Буша мл. «Национальная политика в области космоса», подписанная 31 августа 2006 г., уже имела некоторые черты целумополитики. Сверхдержаве стали тесны рамки земных международных отношений, и она прямо заявила об этом. В 2020 г. президент США Д. Трамп попытался существенно продвинуться в этом отношении. Новые «космические» международные отношения строятся на космических технологиях, а потому они так важны для тех, кто не хочет отстать – остаться на Земле.

Кроме того, космические технологии всегда двойные – они были и будут источником новой техносреды человечества, так же как и военные технологии всегда двигали научно-технический прогресс. Но лучше летать в космос, чем воевать.

– Каким Вы видите освоение космического пространства в будущем? Будут ли колонизированы Луна и Марс? Колонизация будет проходить всем человечеством вместе или странами по отдельности?

– Колонизировать Луну нет большого смысла, можно обойтись базами, такими как станции «Северный полюс» или полярные станции в Антарктике. До колонизации Марса как процесса массового освоения и заселения новых территорий дело дойдет только в XXII в. До этого времени ни человечество в целом, ни отдельные страны не будут готовы именно к колонизации, хотя попытки символических шагов – поставить флаг и сказать: «Мы вернемся!», – конечно, возможны.

– Возможна ли очередная космическая гонка между странами или эпоха противостояния в космосе прошла?

– Сегодня правила компьютерных игр (очки, уровни – кто больше, и кто первый) уже не интересны в мире Большого Космоса. Это удел тех, кто идет во втором эшелоне и доказывает конкурентам свое право перейти в первый. Какая может быть гонка, если количество «дорожек» (идущих, кстати, в разных направлениях) существенно превышает число «бегунов».

Гонки нет, но противостояние остается. Теперь оно сводится к созданию «космических преимуществ» на совокупности выбранных направлений. Например, экономических, торговых, ресурсных и др.

– Как Вы оцениваете перспективы милитаризации космоса?

– Милитаризация космоса будет происходить, но не в тех масштабах, как думали полвека назад. Вспомните про планы создания ракетных баз на Луне. А потом выяснилось, что никаких боевых преимуществ при ведении военных действий на Земле они не дадут. Правда, генеральные штабы сегодня разрабатывают способы ведения вооруженной борьбы в космической геостратегической зоне, а оборонные конструкторские бюро предлагают соответствующие комплексы вооружений. Но на нынешнем уровне развития техники создание ударного стратегического космического вооружения и нецелесообразно, и экономически невозможно. По оперативным характеристикам оно уступает существующей ядерной триаде, а техническая эксплуатация его будет очень сложна.

– Космос – это не только сотрудничество между странами, но и конкуренция, в первую очередь технологическая. Что, на Ваш взгляд, сейчас самое передовое у России, США, Европы, Японии и КНР в сфере космоса?

– Сейчас никакая страна не может быть лидером во всех областях космических технологий. У каждой космической державы есть свое преимущество в какой-то области. США, передав околоземный космос частному бизнесу, почти создали несколько новых пилотируемых космических кораблей (пока один) и имеют возможность поставить их в серию. Япония и Европейское космическое агентство делают удивительные автоматические космические станции. Китай пока старается повторить то, что сделали до него страны-лидеры космонавтики, но и разрабатывает новое. Так, ему удалось преодолеть трудности приготовления и хранения жидкого водорода и начать производство экологически чистых и эффективных для больших высот (вторая и третья ступени) тяжелых ракет. Китай не единственный, конечно (их производят США, а также Япония по американской лицензии), но это серьезная заявка на лидерство.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

БРИКС ВСТУПИЛА В СЛОЖНЫЙ ЭТАП СВОЕГО СТАНОВЛЕНИЯ

В.М. Давыдов – д.э.н., член-корреспондент РАН, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, академик РАЕН, член научного совета Совета безопасности РФ, научного совета при министре иностранных дел РФ, при Председателе Совета Федерации РФ, член РСМД

– Владимир Михайлович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– За последние 10 лет произошло очень много событий на международной арене. Среди них сложно выбрать и определить какие-то конкретные. Основными успехами российской внешней политики я бы назвал Минские соглашения по Донбассу; инициативную роль России в формировании БРИК\БРИКС; совместное заявление (Азербайджан-Армения-Россия) о прекращении войны в Карабахе в 2020 г.; частичное политическое урегулирование ситуации в Сирии.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Россия может столкнуться и уже сталкивается со следующими международными рисками: разрушением последних основ международной стратегической безопасности в мире; поиском компенсационных решений для усиливающихся в этой связи экзистенциальных рисков; достижением, хотя бы, минимального согласия по вопросу об обеспечении широкого международного сотрудничества в преодолении рисков, связанных с пандемией COVID-19.

– Как Вы оцениваете нынешнее состояние отношений стран Латинской Америки и России? Что хорошо в них, а над чем стоит работать?

– Состояние российско-латиноамериканских отношений можно признать относительно благополучным. Климат существующих отношений в большинстве страновых случаев характеризуется взаимным уважением и взаимопониманием.

Время Трампа, конечно, «отравило» былой климат, вынуждая наших латиноамериканских партнеров оглядываться на Вашингтон и вписываться в формат санкционного прессинга против России.

Для укрепления позиций Москвы в странах Латинской Америки необходимо, во-первых, обеспечить диверсификацию нашего торгово-экономического обмена, последовательно добиваясь включения новых экспортных позиций (с повышенной добавленной стоимостью в номенклатуру экспорта РФ). Во-вторых, желательно найти механизм эффективной финансовой поддержки нашего несырьевого экспорта через институты развития. В-третьих, необходимо резко повысить вклад российской мягкой силы.

– Как Вы оцениваете роль БРИКС на международной арене?

– БРИКС, набрав немалый потенциал влияния и значительный вес на международной арене, вступил в последнее время в более сложный этап своего становления. Помимо ухудшения общемирового климата (конфронтация) сказывается определенное расхождение идейно-политических ориентиров в составе членов «пятерки». Это в первую очередь касается Бразилии, где сменилось руководство страны в 2019 г. (произошел правый поворот). Учитывать нужно и осложнение китайско-индийских отношений.

В новых условиях требуется уменьшить рамки амбициозных целей, прагматически сосредоточиться на выполнении наиболее близких задач с точки зрения достижения результатов. Необходимо выждать неизбежную паузу и выждать достойно.

Объективные интересы и мотивы государств-членов вернут БРИКС на траекторию активного согласованного развития. Эта траектория крайне важна для России, нуждающейся в преодолении конфронтационного давления со стороны Запада.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ПРИОБРЕТАЮТ ЧЕРТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

В.В. Чхиквадзе – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, директор Фонда ветеранов дипломатической службы, член РСМД

– Владимир Викторович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Основным достижением российской внешней политики за последние годы, по моему мнению, является поддержание политической стабильности в мире и обеспечение решения ее основной задачи – создания благоприятных условий для политического, социально-экономического и культурного развития страны в интересах российского народа. Наши граждане поверили в себя, в свою страну и ее руководство. Это стало возможным в условиях многополярного мирового порядка, формирующегося при активном участии России, в том числе в результате:

- сохранения региональных интеграционных организаций, таких как СНГ и ОДКБ;
- преодоления кризисных явлений в стране, возникших как следствие оранжевых революций на постсоветском пространстве, когда из-за вмешательства Запада в ряде соседних с нами государств к власти пришли антироссийские режимы, и возникла реальная угроза разрыва их отношений с Россией;
- украинского кризиса, в результате которого России была возвращена территория Крыма;
- создания новых международных организаций, таких как ШОС, БРИКС и ЕАЭС, предусматривающих военное, экономическое, культурное сотрудничество, создание интегрированного рынка, а также обеспечение мер безопасности для борьбы с терроризмом и сепаратизмом;
- всесторонней поддержке Сирии, что доказало способность России успешно противостоять агрессивной внешней политике США и ее геостратегическим планам;
- политико-дипломатическому решению по Нагорному Карабаху;
- внешнеполитической деятельности на азиатском направлении и налаживанию стратегического партнерства с Китаем, укреплению влияния России в Латинской Америке и на африканском континенте – свидетельств того, что Россия вновь становится глобальной державой, не зависящей от Запада и его условий;

- позитивному позиционированию нашей страны на международной арене в связи с успехами в вопросах борьбы с коронавирусной эпидемией.

Этот список можно было бы продолжить, хотя главный вывод очевиден – сегодня в мире, несмотря на издержки, вызванные информационной войной против нашей страны, Россия в глобальной политике играет все более ощутимую роль, гораздо более весомую, чем, скажем, 10 лет назад, и в этом безусловная заслуга нашей дипломатии.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Современный мир находится на важном историческом этапе своего развития. Несмотря на высокий уровень глобализации, создающей большие возможности для разностороннего сотрудничества, многократно возросли проблемы и противоречия, как между странами, так и между их объединениями.

Жизненно важными для России и для всего человечества являются вопросы глобальных вызовов и угроз (экология, борьба с изменениями климата, прекращение межрелигиозных и межкультурных конфликтов, борьба с терроризмом, в том числе бактериологическим и ядерным, выравнивание уровня жизни людей).

Однако сегодня для России самым злободневным является конфликт с Западом. Фактически речь идет о столкновении цивилизаций, от которого зависит ее будущее.

Западная цивилизация с ее проектом «потребительского общества» хотя и переживает кризис своей идентичности, но все еще является доминирующим фактором формируемой новой ментальности для большинства мировых, в том числе азиатских культур, правда, с учетом их национальной специфики.

Именно поэтому для России наступает момент истины – какой в условиях новой технологической и цифровой действительности будет роль русской цивилизации с ее ментальностью и культурно-историческими ценностями. Достаточен ли запас прочности и накопленных достижений идентичности для противостояния реализованной на Западе модели общества потребления?

Рано или поздно перед Россией встанет вопрос о выборе пути развития – примкнуть к уходящей западной цивилизации, к чему стремятся разного рода оппозиционеры и либеральные демократы, или присоединиться к наступающей восточной с ее новыми западными «потребительскими» чертами. Россия, конечно, может позиционировать себя как посредник межкультурного и меж-

цивилизационного диалога, хотя балансирование между Западом и Востоком не может продолжаться вечно. Представляется, что единственно возможным для нас является собственный путь развития.

Россия может и должна превратиться в центр притяжения для всего человечества в духовно-культурном смысле, но для этого необходимо переформатировать все сферы идеологической и духовной жизни, создать новый проект своего развития. Россия может обрести свое место в грядущем мире, придав импульс своему совершенствованию через реализацию потенциала всех своих до конца не раскрытых ценностей, созданных прежней русской цивилизацией и достижениями советского периода. Залогом тому – величие России как цивилизации, и главная ментальная черта русского народа – вера в позитивный исход собственной истории. А временная «самоизоляция», вызванная пандемией коронавируса, предоставляет нам уникальную возможность усилить такое преобразование с расчетом на собственные силы.

– Как Вы оцениваете нынешнее состояние отношений стран Латинской Америки и России? Что хорошо в них? Над чем стоит работать?

– Концепция российской внешней политики определяет стремление укреплять политическое и экономическое сотрудничество со всеми странами Латино-Карибской Америки (ЛКА), расширять взаимодействие с ними в международных делах, сотрудничать в международных организациях, поощрять экспорт российской промышленной продукции, осуществлять совместные проекты в культурно-гуманитарной и научно-образовательной сферах.

К сожалению, в 1990-х гг. интерес России к Латинской Америке в силу известных причин был утрачен, что привело к нарушению ранее налаженных связей и негативно сказалось на политических и экономических позициях России в этом регионе.

Тем не менее российской дипломатии удалось восстановить полноформатные отношения с подавляющим большинством латиноамериканских государств, а на Карибах и в Центральной Америке – даже нарастить их. Россия выстраивает отношения со странами ЛКА, одновременно укрепляя свое сотрудничество с региональными политическими и экономическими организациями. Особенно развиты отношения России с Кубой, Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой, Колумбией, Мексикой, Уругваем, Эквадором, Перу и Чили. Именно эти страны определяют сегодня лицо региона и характеризуются высоким экономическим и научно-промышленным потенциалом, а также ведущей ролью в мировом экспорте сырья.

Страны Латинской Америки проявляют все больший интерес к сотрудничеству с Россией в области мирного атома, биотехнологий, авиа- и верто-

летостроения, транспортной и портовой инфраструктуры, IT-технологий, защиты персональной информации, борьбы с киберпреступлениями, городского транспорта, энергетики, электро-, авто- и железнодорожного транспорта, инвестиционного и высокотехнологичного сотрудничества в сельском хозяйстве, а также фармакологии, что подтвердили их запросы на российскую вакцину против коронавируса.

Реальные возможности для развития взаимовыгодного сотрудничества существуют с каждой из латиноамериканских стран, причем независимо от того, кто находится в них у власти. Однако для достижения желаемых результатов по дальнейшему продвижению наших политических и экономических интересов и наращиванию торговых и инвестиционных связей требуется большая кропотливая работа.

Предстоит совершенствовать и расширять правовую базу взаимоотношений, проявлять большую гибкость и конкурентоспособность в условиях рыночной экономики, критически использовать накопленный опыт, технологические и инновационные преимущества, обеспечить высокое качество товаров и услуг, углублять и диверсифицировать партнерские связи, расширять кооперацию, уделять должное внимание местным многонациональным корпорациям, а также рынкам капиталов, таким как Андская корпорация развития, Центральноамериканский банк экономической интеграции и др., создать эффективный механизм государственной поддержки экспортной и инвестиционной деятельности. Следует в полной мере задействовать инструменты мягкой силы, усилить работу над созданием дружественного климата и по продвижению позитивного имиджа России в общественном сознании населения Латинской Америки. Здесь следует отметить эффективность вещания на испанском и английском языках российского телеканала «РТ», доступного телезрителям практически во всем регионе.

Подводя итоги сказанному, можно с определенной уверенностью заявить, что, несмотря на геополитическую ситуацию в регионе, тревожные тенденции в экономической и социальной сферах, вызванных пандемией коронавируса, и тот факт, что ЛКА является ареной борьбы за влияние самых мощных мировых геополитических игроков, Латинская Америка является перспективным направлением нашей внешней политики, а отношения России со странами этого региона приобретают черты глобального, стратегического характера и имеют высокий потенциал дальнейшего развития.

– Каковы перспективы развития отношений России и Чили в ближайшие 5 лет?

– В настоящее время отношения между Россией и Чили носят партнерский характер. Позитивная динамика их развития обусловлена схожестью подхо-

дов по ключевым международным проблемам, обоюдной заинтересованностью в развитии двусторонних отношений, а также взаимодействием в рамках АТЭС, по линии ЕАЭС, Тихоокеанского альянса, МЕРКОСУР и Андского сообщества. Важное место в современной структуре наших взаимоотношений занимает налаженный регулярный политический диалог, который ведется на различных уровнях, в том числе – на высшем.

В последнее время Чили вошла в число крупнейших внешнеэкономических партнеров России в Южной Америке. Россия для Чили представляет привлекательный рынок, особенно для экспорта продуктов питания и продовольственных товаров. После введения Россией экономических контрмер на санкции Запада замещение ряда товаров на нашем рынке происходило при активном участии Чили.

Российский экспорт в Чили состоит в основном из поставок нефтепродуктов, удобрений, изделий из древесины, бумаги, картона, резины. К сожалению, несмотря на постоянный рост товарооборота, сохраняется значительный дисбаланс в торговле не в российскую пользу. Хотя существует серьезный нереализованный потенциал в поставках в Чили российской авиационной и автомобильной техники, энергетического оборудования, лекарственных препаратов и др.

Говоря о торгово-экономическом сотрудничестве, нельзя не отметить повышенный интерес чилийцев к Евразийскому экономическому союзу и установлению более тесных отношений со странами ЕАЭС, в том числе в целях создания зоны свободной торговли (ЗСТ). Базовые документы по созданию ЗСТ уже подписаны с Чили по линии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Также подписан меморандум о взаимопонимании между Чили и ЕЭК, в рамках которого стороны обязались взаимодействовать в вопросах соблюдения санитарных и фитосанитарных норм, в области финансов, транспорта, энергетики, сельского хозяйства, промышленности, таможни, бизнеса и в других сферах, представляющих взаимный интерес.

В заключение следует подчеркнуть, что на чилийском направлении, как, впрочем, с большинством стран латиноамериканского региона, Россия имеет серьезный нереализованный потенциал торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия и неплохие перспективы на ближайшие годы.

**МЕЖДУ-
НАРОДНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ**

КРИЗИС СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ И РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: МОЖНО ЛИ ПОВЕРНУТЬ ВСПЯТЬ НАМЕТИВШУЮСЯ ТЕНДЕНЦИЮ УПАДКА?

А.Г. Арбатов – руководитель Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН им. Е. М. Примакова, академик РАН, член Научного совета при министре иностранных дел РФ и Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН, член совета директоров Международного фонда за предотвращение ядерной войны (Nuclear Threat Initiative) и Центра исследования проблем нераспространения Монтерейского Института, член РСМД

– Алексей Георгиевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Важным достижением российской внешней политики было урегулирование нагорно-карабахского конфликта. И хотя он был сопряжен с немалым количеством жертв и ситуация до сих пор остается неустойчивой, но все-таки то, что Россия сыграла большую роль в урегулировании и обеспечила своими миротворцами прекращение огня в зоне конфликта, несомненно, является большим успехом.

Также значительным успехом я считаю то, что в последние два года Россия поставила в центр своей внешней политики спасение режима контроля над вооружениями. До этого данный вопрос не был приоритетен, эта проблема упоминалась вскользь, не всегда последовательно и даже весьма противоречивым образом. В частности, Договор по ракетам средней и меньшей дальности на протяжении долгих лет подвергался только критике на самом высоком уровне, и о нем стали говорить что-то хорошее только в последние два года. Спасти, к сожалению, этот договор не удалось, но есть надежда на то, что удастся не только продолжить соблюдать договор СНВ-III, который продлен на пять лет тоже благодаря титаническим усилиям России в последние пару лет, но также на этой основе возродить и продвинуть вперед процесс контроля над вооружениями.

Еще один успех российской внешней политики – это важнейшая роль в коллективных усилиях, которые позволили в 2015 г. договориться о Совместном всеобъемлющем плане действий (СВПД) по ограничению атомной программы Ирана и обеспечению ее транспарентности. К сожалению, США из него вышли, но Россия показала должную сдержанность, конструктивную направленность, и вместе с другими членами – участниками этого соглашения (помимо США) все-таки удержала его на плаву. Благодаря этому сейчас, с приходом новой администрации США, появляется возможность его спасти, несмотря на все трудности и промедления.

– Сегодня привычными стали суждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, о некоем глобальном системном кризисе. Как Вы считаете, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Главный вызов для России – это спасение своей экономики, восстановление экономического роста, который был у нас в начале 2000-х гг., и переход с экспортно-сырьевой на высокотехнологичную экономическую модель развития. Я бы это назвал важной целью внешней политики, т. к. без соответствующих усилий на международной арене эта цель достигнута не будет. Входит сюда в первую очередь предотвращение большой войны и обеспечение безопасного политического и военного окружения РФ в непосредственной близости и в дальнем зарубежье, потому что без этого страна вынуждена находиться в постоянном состоянии мобилизационной готовности. А это никак не способствует экономическому росту. Во всяком случае, не способствует с тех пор, как мы закончили индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства в 1930-е гг. прошлого века.

Исключительно важно восстановление и развитие отношений с индустриально развитыми странами Запада, которые никто для России не заменит в качестве источника капиталовложений и высоких технологий. Китай в этом смысле не панацея, а учитывая его растущие политические амбиции при определенных обстоятельствах он может стать большой проблемой. Это подразумевает мирное урегулирование существующих конфликтов в Европе, прекращение взаимных экономических и финансовых санкций, возвращение на путь экономического и политического сотрудничества, взаимодействие в борьбе с прежними и новыми общими угрозами.

– Каким Вы видите будущее моратория на ракеты средней дальности?

– За последние два года Россия реально поставила во главу своей политики спасение этого Договора, который до этого только критиковала. Но, судя по всему, такое изменение настроений произошло слишком поздно для спасения Договора. Буквально под занавес 2020 г. были впервые предложены реальные практические пути спасения соглашения. Я напому, что Россия предложила договориться с США о размещении запрещенных прошлым договором систем оружия в Европе: от Атлантики до Урала. То есть в зоне, в которой в свое время действовал договор о сокращении обычных вооружений. На этой территории было предложено не размещать ракеты такой категории, включая те, которые России вменяют в качестве нарушения Договора по ракетам средней и меньшей дальности, – пресловутые 9М729. Для того чтобы проверять

выполнение этого соглашения, были, естественно, предложены радикальные меры в виде инспекций на месте. Правда, они были напрямую связаны только с Калининградской областью и с базами ПРО США в Румынии и Польше. По логике вещей, поскольку Россия заявила, что не будет размещать эти ракеты в европейской части своей территории, без инспекций на месте во всем этом пространстве взаимный мораторий реализовать невозможно.

Мне кажется, что это вполне практический подход с учетом того, что в азиатско-тихоокеанском регионе это уже вопрос не только российско-американских отношений, но в еще большей степени – американо-китайских отношений. И Россия, я думаю, должна способствовать их переговорам и достижению согласия по вопросу ракет средней и меньшей дальности в азиатско-тихоокеанском регионе, потому что бесконтрольное развертывание там таких вооружений Китаем и США будет негативно сказываться на безопасности России в силу геостратегических факторов и технических характеристик этих систем оружия. То же относится к переговорам об ограничении стратегических вооружений после недавних новостей о том, что Китай вроде бы приступает к их форсированному наращиванию в ближайшее десятилетие. Как бы ни были хороши наши текущие отношения с КНР, это объективно затрагивает безопасность России, не говоря уже о том, что это может снова завести в тупик начавшиеся переговоры России и США по стратегической стабильности.

– Следует ли ожидать дальнейшего разрушения режима нераспространения ядерного оружия?

– Дальнейшая судьба режима нераспространения неразрывно связана с будущим соглашения с Ираном (СВПД). Для спасения этого соглашения США необходимо вернуться к соблюдению своих обязательств по нему и снять экономические санкции, не связывая их при этом ни с развитием ракетной программы Ирана, ни с расширением военно-политического влияния Ирана на Ближнем Востоке. При таком развитии событий Тегеран с высокой долей вероятности также вернется к соблюдению своих обязательств по договору. В таком случае на будущее режима нераспространения ядерного оружия можно будет смотреть с долей разумного оптимизма. А это в решающей степени будет определять устойчивость режима нераспространения ядерного оружия.

– Появления каких новых проблем, сопряженных с ядерной сферой, следует ожидать в ближайшем будущем?

– Главная угроза – это неудача в деле спасения СВПД. Это не просто будет шок для режима нераспространения ядерного оружия, но может стать триггером

гером новой войны на и без того кроваво бурлящем Ближнем Востоке, причём большой войны с воздушными ударами Израиля по всей ядерной инфраструктуре Ирана со всеми вытекающими последствиями. Это все равно, что в тлеющий пожар вылить ведро керосина. Если эту угрозу удастся предотвратить, то надо будет приложить все усилия для урегулирования ядерной проблемы на Корейском полуострове, а затем для фундаментальной реновации всего режима нераспространения ядерного оружия.

Договор о нераспространении ядерных вооружений был создан более 50 лет назад в совершенно другой международной обстановке, совершенно с другими экономическими и техническими реалиями, и пора бы его серьёзно обновить и адаптировать к новой международной ситуации. Он, конечно, не был закостеневшим на протяжении всей полувековой истории своего существования, а потихоньку менялся и совершенствовался, но все же в недостаточной степени. Сейчас с этим договором сопряжен целый ряд проблем, разрешить которые весьма непросто. Основным моментом, бесспорно, является вопрос размытости разграничения мирной и военной атомной деятельности, обусловленной физико-техническими аспектами обогащения урана и сепарации плутония. Но кроме этого существует ряд других моментов, нуждающихся в пересмотре и обновлении ничуть не меньше.

ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ КОНФРОНТАЦИИ РОССИИ И ЗАПАД: ПОИСК ТОЧЕК СОПРИКОСНОВЕНИЯ

В.Г. Барановский – д.и.н., академик РАН, член дирекции ИМЭМО РАН, действительный член (академик) Академии военных наук (АВН), член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), член Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), член Правления Российской ассоциации политической науки (РАПН), член Международного института стратегических исследований (IISS), член Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI) и др., член РСМД

– Владимир Георгиевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Давайте будем считать успехом, хотя и с большой долей условности, – то, что повышает значимость страны на международной арене. Думаю, в этом плане заслуживают внимания три темы: сближение с Китаем, обретение военно-политического плацдарма в Сирии и роль в армяно-азербайджанском вооруженном конфликте. Они не просто сделали Россию более заметной на радарх мировой политики, но и направили *urbi et orbi* весьма внятный сигнал: у страны есть внешнеполитический ресурс и она в состоянии его использовать.

В случае с Китаем – как политически близкий партнер появляющейся на наших глазах сверхдержавы, которая будет (и уже становится) одним из демиургов XXI в.

В случае с Сирией – как государство, способное проецировать силу в регион высокой нестабильности, где оно сочло важным обеспечить свое присутствие.

В случае со скоротечной войной на Кавказе осенью 2020 г. – как внешний «умиротворитель» в локальном военном конфликте вблизи своих границ, востребованный его участниками.

Конечно, стратегическая масштабность трех названных сюжетов неодинакова: они условно могут быть вписаны, соответственно, в глобальный, региональный и локальный контексты международно-политического развития. Результативность российского вовлечения и мера его «успешности» тоже могут трактоваться по-разному. На мой взгляд, наиболее значительны они в последнем из трех перечисленных случаев.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Я не считаю, что имеет место глобальный системный кризис. Турбулентности и неопределенности – это имманентное качество международного пространства в любых его состояниях. Время от времени возникают договоренности о его структуризации, что в дальнейшем историки обозначают как некоторые реперные точки или символы: Венский конгресс (1815), Версальский порядок (1919), Ялтинско-Потсдамская система (1945), Хельсинкский Заключительный акт (1975) и т. п. Эта структуризация формируется и фактическим поведением государств, мерой их адаптации к окружающей международной среде. Но в последней постоянно возникают те или иные изменения в составе действующих лиц, в их внутренней динамике, во внешнем позиционировании государств, в соотношении сил между ними, в их поведении, в формальной и неформальной иерархии на мировой арене. На этой почве и произрастают многообразные и разнонаправленные коллизии, растет напряженность, которая подтачивает внутреннюю прочность международной системы. Если дестабилизирующие последствия таких изменений не удастся купировать, результатом их накопления может стать драматический коллапс системы с экстремумом в виде все обрушающего военного конфликта.

Альтернатива – постепенная модификация международной системы через формальные и неформальные договоренности ее участников, их практическое взаимодействие, через адаптацию к складывающимся реальностям, через компромиссы, взаимные уступки и т. п.

Главный международный вызов, возникающий перед Россией, – как не допустить первого из этих двух сценариев, катастрофического и потому абсолютно неприемлемого. А все остальные вызовы сводятся в конечном счете к тому, чтобы при развитии по второму, адаптационно-компромиссному, сценарию обеспечить благоприятный для страны баланс издержек и выигрышей.

Понятно, что это достаточно общее определение тех ориентиров, которые надо иметь в виду в наших взаимоотношениях с внешним миром. А конкретные оценки идущих извне вызовов, интерпретация возникающих в связи с этим проблем и возможных ответов с нашей стороны требуют серьезной аналитической работы и комплексных оценок. Они невозможны в кратком ответе, поэтому я ограничусь обозначением лишь некоторых ключевых направлений, на которые, как мне представляется, должно быть нацелено наше внешнеполитическое внимание.

На первое место я бы поставил задачу обеспечения стабильности в непосредственном окружении России. Я не вижу внешних вызовов, напрямую угрожающих нашей стране, ее суверенитету и территориальной целостности. А вот внутренние пертурбации в соседних странах и регионах могут «выплеснуться» и в Россию. Сделать максимум возможного, чтобы свести нестабильность вокруг нашей страны к минимуму – таким, на мой взгляд, должен быть один из важнейших ее внешнеполитических приоритетов.

Далее весьма серьезный вызов связан с необходимостью минимизировать ущерб от обрушения наших отношений с западными странами. Здесь удалось удержаться от того, чтобы свалиться в неуправляемый штопор, но потери уже сейчас весьма велики и могут оказаться еще более значительными. Как материальные, так и репутационные. Понятно, что для России свет клином не сошелся на отношениях с Западом, но без них ее политика будет несбалансированной, а страна окажется уязвимой для давления, как геополитического, так и цивилизационного. Это было бы слишком высокой ценой за «поворот на Восток», пусть даже и расширивший наши внешнеполитические горизонты.

Понятно, что в отношениях с Западом «отыграть назад» не готовы ни наша страна, ни ее оппоненты, но осторожно лавировать по фарватеру преодоления «холодной войны 2.0» мне представляется необходимым. Для начала хотя бы восстанавливая относительную политкорректность в официальном дискурсе и маргинализируя разнузданную пропагандистскую риторику.

Еще одна тема, которая требует внимания, на мой взгляд, – это продвижение позитивной повестки дня в международных делах с акцентом на интересы и проблемы глобального социума. Сейчас и в политике, и в аналитике популярна прямо противоположная логика, ставящая во главу угла национальные интересы. Традиционная практика организации международного пространства – приведение таких интересов к общему знаменателю (что может происходить по-разному: на основе молчаливого признания существующего положения дел, через переговоры, с использованием разнообразного инструментария, включая силовой, и т. п.). Этот алгоритм, несомненно, останется преобладающим и сегодня, и завтра. Но вот послезавтра...

На мой взгляд, способность выходить за рамки партикулярных интересов – качественный маркер политики, ориентированной на будущее. Это внешнеполитический вызов для любой страны, которая хотела бы играть роль значимого и ответственного участника международной жизни. Особенно для тех, кто претендует на глобальное лидерство. Лидерство становится невозможным обеспечить только за счет энергичного продвижения своих интересов. Надо, чтобы при этом была еще убедительная картина вовлеченности в продвижение интересов социума в целом, в том числе и на перспективу.

Можно назвать экологическую и климатическую проблематику как пример возникающего на наших глазах нового измерения международно-политической системы, где участники проходят своего рода тест на соответствие императивам двадцать первого века. Тест на способность руководствоваться не только своекорыстными соображениями, но также мотивами «общего дела», тест на умение выйти за пределы сугубо прагматических расчетов и ориентироваться на более отдаленные временные горизонты.

– Каково будущее международного режима контроля над вооружениями?

– Контроль над вооружениями по большому счету имеет два основания. Во-первых, мотивы обеспечения собственной военной безопасности – когда возникает понимание, что договоренности с оппонентом позволяют добиться более надежных результатов и с меньшими затратами, нежели через односторонние усилия. Во-вторых, опасения касательно безудержного военного соперничества, когда оно чревато реальными опасными последствиями (как в случае с ядерными испытаниями) или возможностями непредсказуемых военно-технических прорывов с резким изменением баланса сил в пользу оппонента.

Эти факторы действуют и сегодня – в этом смысле контроль над вооружениями, безусловно, имеет будущее. Но, как и раньше, никаких гарантий касательно выработки конкретных договоренностей на этот счет нет. У всех вовлеченных сторон есть свои интересы и своя специфика в оценке проблем безопасности, они обладают неодинаковыми военно-техническими возможностями, руководствуются разными геополитическими императивами. Для превращения всего этого многообразия в платформу для договоренностей по контролю над вооружениями требуется огромная работа.

Так, впрочем, было и раньше. Сегодня перспективу контроля над вооружениями сдерживает (но не перечеркивает) общая негативная динамика наших отношений с Западом. Еще одно осложняющее обстоятельство – объективная потребность в региональном дизайне контроля над вооружениями, более труднодостижимом и менее устойчивом.

– Возможно ли не допустить эскалации новой «ядерной» гонки вооружений между Россией и США?

– Возможно. С учетом уже высказанных выше соображений и с пониманием того, что другого способа, кроме переговоров, пока не придумано. Здесь самый серьезный осложняющий фактор, помимо негативной политической атмосферы, – необходимость перевода договоренностей об ограничении гонки

ядерных вооружений в многосторонний формат. Главный вопрос: как вовлечь Китай? А ядерным оружием обладают еще шесть государств...

– Какими могут быть последствия вступления России и США в новую гонку вооружений?

– Для обеих стран: возрастание опасности непреднамеренного возникновения военного конфликта, перехода возможного конфликта на более высокие уровни военного противоборства, превращения конфликта из обычного в ядерный.

Для России: нерациональное использование интеллектуальных, человеческих, финансовых, научно-технических, природных ресурсов. Непосильная нагрузка на экономику. И весьма высокий риск снижения уровня безопасности, если противоположная сторона окажется более успешной в военном соперничестве на основе использования высоких технологий.

МИРОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОДКБ: СТОИТ ЛИ ОЖИДАТЬ УВЕЛИЧЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ?

Н.Н. Бордюжа – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, генерал-полковник (отст.), генеральный секретарь ОДКБ (2003–2016 гг.), член РСМД

– Николай Николаевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Если говорить о локальных успехах, то их достаточно много. Во-первых, это развитие многих международных организаций, где Россия является одним из основных игроков. К таким организациям относятся ШОС, БРИКС, СНГ, ОДКБ. Российская дипломатия приложила колоссальные усилия к оптимизации их работы, а также к тому, чтобы защищать свои национальные интересы посредством этих структур. Во-вторых, я бы вспомнил о многих экономических проектах, которые были реализованы за эти годы, причем хотел бы заметить, что без участия российских дипломатов они никогда бы не состоялись. Последний пример – «Северный поток – 2». Без российской дипломатии, без колоссальных усилий международных юристов и дипломатов реализовать этот проект не удалось бы. Это также и проекты по Ирану, проекты по Центральной Азии, проекты по арабским странам. Таких проектов много, и везде российские дипломаты принимали участие. Все это я бы отнес скорее к локальным успехам.

Самый крупный результат работы внешнеполитического ведомства России вместе с руководством Российской Федерации – это достаточно эффективная защита национальных интересов страны. Сейчас в мире ситуация очень непростая, что во многом обусловлено тем, что Россия перестала уступать в мелочах и в крупных вопросах постоянному давлению со стороны Запада. Я работал послом как в 1990-е гг., так и в начале 2000-х гг. Я видел, что происходило в Европе, и помню, как именно с нами разговаривали в Европе. Говорили с нами очень жестко, многого требовали, и мы очень часто были вынуждены идти на уступки, причем зачастую в тех сферах, где, на мой взгляд, можно было бы и отстоять свою позицию. Но такова была воля руководства страны в то время, и, к сожалению, такая политика привела к потере множества наших позиций. Вспомните хотя бы А. В. Козырева и как много мы в то время были вынуждены уступить США и странам Европы. Сейчас же мы видим, что ситуация изменилась в корне. Сегодня, на мой взгляд, мы четко проводим линию, на которую ориентированы наши национальные интересы. И все это уже знают и понимают, что просто требовать от нас каких-то невыполнимых вещей попросту невозможно, т. к. нашей главной задачей является

не убажывать зарубежные страны, а отстаивать наши национальные интересы. В этом заслуга в первую очередь внешнеполитического ведомства. Даже наши дипломаты сами по себе изменились коренным образом, их настроения, позиции. Мне это очень нравится.

– Сегодня привычными стали суждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, о некоем глобальном системном кризисе. Как Вы считаете, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Таких вызовов много. Я бы мог традиционно упомянуть угрозу терроризма, наркотрафик, климатические вызовы, но я бы хотел поговорить о другом. Для меня ясно, что на сегодняшний день самая большая угроза – это угроза вооруженного столкновения. Эта угроза совершенно реальна, она приближается с каждым годом. Наши партнеры в Европе и США ведут себя крайне неосмотрительно, постоянно создавая у наших границ ситуации, которые могут в итоге перерасти в какой-либо инцидент или даже военный конфликт. К тому же мы можем наблюдать, что Украину поставили на рельсы подготовки к вооруженному конфликту с нами. Украина постоянно провоцирует вооруженные столкновения. Взять хотя бы диверсии в Крыму. Как это можно понять, когда государство, находящееся в непосредственной близости от Российской Федерации, своими органами государственной власти готовит и реализует диверсионные акты? Даже это уже вполне может привести к началу вооруженного конфликта между нами. Я уж не говорю о том, что невозможно исключить начало конфликта и с более крупными странами – членами альянса НАТО.

– Как вы оцениваете миротворческий потенциал ОДКБ?

– Миротворческий потенциал существует, он создан уже много лет назад, он дееспособен. Миротворческие силы ОДКБ, куда входят как воинские контингенты, так и контингенты правоохранительных органов, готовы к выполнению задач и проведению миротворческих операций. На мой взгляд, сегодня этот компонент ОДКБ готов к использованию, но при этом пора бы уже начать предпринимать конкретные шаги для того, чтобы реально использовать его частично или же полностью в одной из миротворческих операций в мире. И такая востребованность есть. Я помню о своей встрече и с Генеральным секретарем ООН, и с руководителями департаментов по миротворческим операциям ООН, которые мне много раз говорили о том, что они заинтересованы в использовании нашего потенциала для проведения миротворческих

операций. Я считаю, что на сегодняшний день мы, к сожалению, опаздываем. Уже давно надо было предпринять шаги для того, чтобы использовать или хотя бы апробировать наш миротворческий потенциал в реальных операциях. Я также считаю, что сегодня секретариату ОДКБ и председателю организации нужно быть более активными с точки зрения своих предложений об использовании нашего миротворческого потенциала в мире.

– Насколько актуальна будет угроза террористической деятельности для стран ОДКБ в ближайшем будущем?

– Она не в ближайшем будущем, она уже сегодня очень актуальна. Вы посмотрите на состав правительства в Афганистане. Подавляющая его часть представлена бывшими членами террористических группировок, людьми, непосредственно ответственными за подготовку террористических актов. Вы посмотрите на то, что происходит в Афганистане, где окопались и ИГИЛ, и Аль-Каида (организации признаны террористическими, их деятельность запрещена на территории РФ). И понятно, что прямо на наших глазах создается плацдарм для проведения террористических актов за пределами Афганистана. Я думаю, что мы уже сегодня столкнулись с качественно новой ситуацией. Недавно обстановка была значительно более благоприятной, особенно после применения наших контингентов в Сирии, когда была уничтожена террористическая угроза с сирийской территории, прежде всего благодаря усилиям Российской Федерации. Но появился Афганистан, и тема терроризма заиграла новыми красками и с новой силой. И я думаю, что в ближайшее время мы столкнемся с колоссальными проблемами, связанными с террором.

– Каково будущее ОДКБ?

– ОДКБ с каждым годом, особенно с учетом той ситуации, которая сложилась вокруг государств-членов, становится все более значимой. Тем более что в рамках организации уже много лет существует немалый потенциал. Это и военный потенциал, и потенциал правоохранительных органов, и органов государственной безопасности. Создана система взаимоотношений между этими структурами и между государствами – членами ОДКБ. Также созданы системы, которые обеспечивают преференции нашим странам при вооружении их армий, при оснащении специальной техникой и средствами правоохранительных органов и органов безопасности. И вот это все позволяет достаточно эффективно реагировать на те угрозы, с которыми сталкиваются государства. А так как механизм рабочий и он может быть реально использован, востребованность этой структуры будет только увеличиваться.

БУДУЩЕЕ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЕМ: СМОГУТ ЛИ США, РОССИЯ И КИТАЙ НАЙТИ КОМПРОМИСС?

Е.П. Бужинский – к.воен.н., председатель Совета ПИР-Центра, генерал-лейтенант (отст.), вице-президент РСМД

– Евгений Петрович, что бы Вы отнесли к основным успехам внешней политики России за последние 10 лет?

– Главным успехом российской внешней политики начиная с 2007 г. можно назвать тот факт, что Россия реально превратилась в самостоятельную силу на международной арене. Среди примеров можно отметить Крым и Сирию.

– В современном мире привычными стали рассуждения о турбулентности и неопределенности в мире, о глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– В среднесрочной перспективе основным вызовом является противостояние с Западом. Коллективный Запад во главе с США не успокоится до тех пор, пока не получит жесткий отпор либо пока не добьется своей цели и не заставит Россию следовать в своем фарватере.

– Каким Вы видите будущее международного режима контроля над вооружением?

– Режим контроля над вооружением – довольно сложный и многокомпонентный вопрос. По большей части все зависит от России и США, т. к. основа контроля над вооружением как общего процесса – это контроль над ядерным вооружением, большая часть которого приходится на Россию и США. Все остальные страны (Китай, Великобритания, Франция, Индия, Пакистан) несопоставимы с ними, а Индия и Пакистан – вообще неядерные державы в контексте ДНЯО. Но к сожалению, Россия и США имеют разные взгляды насчет контроля над вооружением. США беспокоит российское нестратегическое ядерное оружие и новые виды вооружения, а Россия, в свою очередь, обеспокоена американской системой ПРО и позицией США в отношении космоса. А как совместить данные озабоченности – не совсем ясно. США отказываются говорить с Россией по поводу интересующих ее вопросов, но в то же время хотят, чтобы Россия полностью удовлетворяла интересы США, чего в принципе не бывает в процессе переговоров по контролю над воору-

жением. Такие переговоры – это всегда компромисс и учет всех интересов обеих сторон.

– Как Вы считаете, стоит ли ожидать новой ядерной гонки вооружений между Россией и США?

– Я считаю, что качественная гонка уже идет. Количественной не будет. Дураков нет, и никто не станет повторять ошибки прошлого, безразмерно увеличивая свой ядерный арсенал. Американцы это тоже понимают. Во-первых, это не нужно. Во-вторых, дорого содержать огромное количество ядерного оружия, как в конце 1960-х гг., когда у каждой стороны было по 30 тыс. боезарядов. Я всегда говорю, что нет никакой необходимости уничтожать эту планету 10 раз, одного раза будет вполне достаточно. Возможны небольшие изменения, но уровни, которые сейчас существуют, с моей точки зрения, оптимальны.

– Как Вы считаете, каковы перспективы интеграции Китая в существующую систему контроля над вооружением?

– Я не сказал бы, что в Китае происходит какая-то бешеная гонка ядерного вооружения. Для этого нет никаких оснований или фактов. Однако я совсем не верю в магическую цифру в 300 боезарядов, которую китайцы публикуют во всех справочниках последние 25 лет. А в прошлом году они вообще снизили цифру до 250 боезарядов. Я думаю, как и многие эксперты, что Китай обладает примерно 700–800 боезарядами. Конечно, они отстают от России и США, но руководство Китая считает, что нет необходимости достигать паритета. Потому что для чего нужно ядерное оружие? Прежде всего, для ядерного сдерживания. У каждой страны свой объект или субъект ядерного сдерживания. Для России это США, для США – Россия. Для Китая ни Россия, ни США не являются объектами сдерживания. Для Китая объектом сдерживания, прежде всего, будет Индия, для которой китайского потенциала вполне достаточно. Для того чтобы в случае нападения на Китай они смогли нанести любой стране неприемлемый ущерб, у них тоже вполне достаточно боезарядов. А выходить на уровни США и России или превосходить эти уровни, я полагаю, Китай вряд ли планирует.

– Но при этом как Вы считаете, мог бы Китай каким-то образом интегрироваться в уже существующую систему?

– Теоретически это возможно. Но, скорее, в том случае, если бы существовало трехстороннее соглашение по ракетам средней и меньшей дальности, к

которому Китай вполне мог бы присоединиться. Потому что их ядерный потенциал – это в основном ракеты именно средней и меньшей дальности. Что же касается соглашения наподобие СНВ, то вероятность присоединения к нему Китая невелика. Я не верю, что в обозримом будущем Китай согласится присоединиться к подобным соглашениям, если только он не решит достичь в стратегических наступательных вооружениях уровня России и США.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА ПОСЛЕ КРИЗИСА 2014 Г.: НАРАСТАЮЩИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПОИСКА ТОЧЕК СОПРИКОСНОВЕНИЯ

А.В. Загорский – к.и.н., заведующий отделом разоружения и урегулирования конфликтов Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, старший вице-президент, директор проекта Института Восток – Запад, Прага (1999–2001 гг.), проректор МГИМО МИД России (1992–1999 гг.), член РСМД

– Андрей Владимирович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Начало прошедшего десятилетия ознаменовалось рядом многообещающих, но временных внешнеполитических успехов, развивавших российские инициативы конца «нулевых» годов. К ним можно отнести короткий период «перезагрузки» в отношениях России с США. Несмотря на то что «перезагрузка» была заморожена в 2012 г. и свернута окончательно в 2014 г., она позволила сохранить режим контроля над стратегическими наступательными вооружениями (ДСНВ). Другим внешнеполитическим успехом можно назвать интенсивную дискуссию по вопросам европейской безопасности 2008–2014 гг., начало которой было положено внесением российской стороной предложения о заключении Договора о европейской безопасности. В ходе дискуссии были обозначены перспективы «перезагрузки» в отношениях России с НАТО и ЕС и проведения в 2015 г. саммита ОБСЕ для фиксации договоренностей по вопросам европейской безопасности. Однако эффект от этих успехов практически полностью исчерпал себя после 2014 г.

Во второй половине десятилетия можно отметить ряд успешных внешнеполитических акций, осуществление которых, однако, не привело к улучшению международного положения России.

Формирование Евразийского экономического союза и расширение его состава в 2015 г., наряду с деятельностью ОДКБ, обозначило прогресс в институциональной консолидации евразийского сообщества государств на части постсоветского пространства, однако не привело к существенному углублению экономической интеграции и не остановило процессы фрагментации в условиях кризиса в отношениях России с США и Западом.

Хотя попытки не допустить подписания соглашений Украины с ЕС об ассоциации и о глубокой и комплексной зоне свободной торговли оказались безуспешными, присоединение Крыма и поддержка антиправительственных сил на востоке Украины затормозили, но не закрыли полностью обсуждение вопроса о перспективах интеграции Украины с ЕС и о ее возможном вступле-

нии в НАТО. Если этот результат считать успехом, то он имел очень высокую цену: был практически обнулен наметившийся в начале десятилетия прогресс в отношениях с США, ЕС и НАТО, а также с основными бывшими стратегическими партнерами России в Европе.

Вмешательство в гражданскую войну в Сирии в 2015 г. и установление перемирия между Арменией и Азербайджаном в 2020 г. продемонстрировало готовность и способность России действовать решительно, но одновременно повысило затратность внешней политики.

Углубление отношений стратегического партнерства с Китаем позволило в некоторой, но далеко не в полной мере компенсировать потери от введенных западными странами в 2014 г. антироссийских санкций. Однако в то же время перед российской политикой появилась новая дилемма: как избежать возрастающей опасности попадания в ловушку зависимости от Китая.

– С какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Основными экономическими вызовами являются процесс перераспределения экономической мощи в мире в пользу новых центров и продолжающийся рост Китая. На этом фоне обращает на себя внимание тенденция к дальнейшему сокращению доли России в мировой экономике: по такому показателю, как доля в ВВП мира по паритету покупательной способности, Россия сегодня «вернулась» к уровню конца 1990-х гг. Слабая диверсификация российской экономики, ее сохраняющаяся зависимость от экспорта углеводородных ресурсов на фоне начавшегося перехода значительной части мира к низкоуглеродной экономике способна еще больше усилить экономические вызовы, с которыми Россия столкнется к середине столетия.

Все более значимым вызовом становятся последствия климатических изменений и необходимость адаптации к ним. Для России этот вызов особенно значим с учетом того, что около двух третей территории страны находится в зоне многолетней мерзлоты.

К политическим вызовам следует отнести широко обсуждаемую сегодня тенденцию к постепенному формированию в мире «новой биполярности» по оси отношений США – Китай, дальнейшее развитие которой может поставить Россию, ЕС и региональные державы перед необходимостью определить свое место в новом биполярном миропорядке.

Нарастающее фокусирование американской политики на отношениях с Китаем и на развитии обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе может негативно сказаться на российско-американском диалоге по вопросам стратегической стабильности: определение параметров возможных в будущем

двусторонних договоренностей со стороны США все больше будет затрудняться неопределенностью, которую китайский фактор привносит в поддержание стратегической стабильности.

Давно перестали быть новыми и такие угрозы для национальной и международной безопасности, как террористическая деятельность, незаконная миграция, трансграничная организованная преступная деятельность (в том числе торговля людьми и незаконный оборот наркотиков), трансграничные последствия техногенных катастроф и не в последнюю очередь — перспектива новых волн пандемий. Порождаемые этими угрозами вызовы не только сохраняются на высоком уровне, но и, возможно, станут еще более значительными.

В военно-политическом плане отношения России с Западом в долгосрочной перспективе будут определяться возвратом к политике взаимного военного сдерживания. В этих условиях даже в случае некоторой разрядки напряженности вряд ли будет возможен возврат к выстраиванию отношений стратегического партнерства с западными странами и к политике, направленной на формирование с ними механизмов совместного принятия решений.

– Каково будущее взаимоотношений России и Европейского союза в сфере безопасности?

– Отношения России с Европейского союза в сфере международной и региональной безопасности, не получившие значительного развития и до 2014 г., сегодня определяются политикой взаимного военного сдерживания, а также укреплением и расширением сотрудничества ЕС с НАТО и с партнерами ЕС на постсоветском пространстве в интересах скоординированного реагирования на «российский вызов».

В этих условиях не исключается точечное сотрудничество России и ЕС по отдельным вопросам международной безопасности: продолжается деятельность в рамках ближневосточного «квартета» и координация совместных усилий, направленных на возобновление выполнения всеми сторонами положений Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы.

Однако на обозримую перспективу с повестки дня снят обсуждавшийся в 2010–2014 гг. вопрос о формировании Россией и ЕС механизма для принятия совместных решений и тем более для осуществления совместных действий в сфере международной безопасности. Более того, будут сохраняться и, возможно, нарастать расхождения в политике, проводимой ЕС и Россией на Ближнем Востоке, на постсоветском пространстве, а также в отношении Афганистана.

Ограниченное сотрудничество с ЕС вряд ли будет содействовать снижению издержек российской политики.

– Можно ли говорить о нарастающем кризисе НАТО? Что можно сказать о будущем организации?

– Прогнозы нарастающего кризиса в НАТО, ставшие популярными в период администрации Д. Трампа, с самого начала были сильно преувеличены. На деле вторая половина прошлого десятилетия была отмечена усилением сплоченности альянса на фоне кризиса в отношениях с Россией, а в последнее время – на фоне дискуссии о политике Китая. Данная тенденция сохранится и в обозримом будущем.

На сплочение Альянса работало и будет работать утвердившееся восприятие России в качестве вызова или даже угрозы для безопасности европейских стран – членов НАТО и ЕС. Несмотря на существенные различия в восприятии «российской угрозы» европейскими государствами, поиск нового консенсуса и сохранение единства представляет для них большую ценность, чем отказ от «сдерживания» России.

Сами проявления «кризиса» в НАТО были сильно преувеличены. Несмотря на эпатажный политический стиль бывшего президента Д. Трампа, к окончанию его президентского срока коммуникация между США и европейскими союзниками существенно улучшилась. Вашингтон во многом смог добиться согласия последних на включение в приоритетные сферы деятельности альянса важных для него направлений, в том числе – обсуждения вопроса о «китайском вызове» в ходе подготовки новой стратегической концепции. Это обсуждение сопровождалось активизацией политики Великобритании, Франции и Германии в Индо-Тихоокеанском регионе.

Дискуссия о «стратегической автономии» Европейского союза не выходит за рамки обозначенного в 2016 г. и подтвержденного в последующие годы «уровня амбиции» политики безопасности и обороны ЕС. Этот уровень ограничен в основном теми сферами деятельности, которые были обозначены в стратегии безопасности ЕС еще в 2003 г., и не предполагает формирование Евросоюзом собственного потенциала для коллективной обороны. Наоборот, принятие в 2016 г. Глобальной стратегии ЕС в значительной степени способствовало укреплению сотрудничества Европейского союза с НАТО по вопросам региональной безопасности и развития оборонного потенциала.

– На сегодняшний день военные угрозы России в Арктике относительно невысоки. Как это может измениться в обозримом будущем?

– Военно-политическая обстановка в Арктике в последние годы дифференцируется. Большая часть региона в силу особых климатических условий, неразвитости инфраструктуры, удаленности региона и многих других причин на

обозримую перспективу останется недоступной для обычной (нестратегической) военной деятельности. В силу низкого уровня военных угроз и крайней дороговизны военного строительства в регионе, прибрежные государства, за исключением России, не размещают здесь на постоянной основе существенные боевые силы, не считают целесообразным инвестировать значительные средства в береговую инфраструктуру и строительство для своих ВМС кораблей, сконструированных и оборудованных для плавания в арктических водах. Прогнозируемые климатические изменения, включая таяние многолетней мерзлоты в сухопутной Арктике, не облегчают, а затрудняют здесь военную деятельность.

Исключением из этой общей картины является, однако, более доступная, более населенная и освоенная в плане береговой инфраструктуры часть арктического региона, примыкающая к Северной Атлантике – Северная Европа и бассейны Норвежского и Баренцева морей. Именно здесь в последние годы активизировалась военная деятельность России и стран НАТО. Акватории Норвежского и Баренцева морей входят в зону оперативной ответственности как российского Северного флота, так и воссозданного в 2019 г. Второго флота США. В основу проводимых здесь странами НАТО с 2018 г. учений положена отработка временного развертывания сил и средств в Норвегии с целью усиления вооруженных сил страны. Восстанавливается противолодочный рубеж на стыке Северной Атлантики с Евро-Арктическим субрегионом.

Активизация этой военной деятельности не свидетельствует о тенденции к милитаризации Арктики в целом, а является частью возобновившейся после 2014 г. деятельности России и стран НАТО по взаимному военному сдерживанию в Европе и Северной Атлантике. Поскольку возврат к политике взаимного сдерживания носит долгосрочный характер, такую деятельность в Евро-Арктическом регионе следует считать «новой нормой». Однако не следует ожидать ее существенного наращивания, так как нестратегическая деятельность здесь по своим масштабам и характеру носит скорее периферийный характер. Тем не менее данное изменение имеет существенный характер, поскольку учения, в том числе военно-морские учения США и ряда других стран НАТО в Баренцевом море, проводятся вблизи от основных баз российских морских стратегических ядерных сил на Кольском полуострове.

– Как Вы оцениваете будущее российского влияния в арктическом регионе?

– Россия обладает значительным влиянием в Арктическом регионе. Она непосредственно участвует в принятии всех решений, касающихся регионального и международного регулирования основных видов деятельности в Арктике:

обеспечения устойчивого развития, сохранения биологического разнообразия, безопасности судоходства, защиты морской среды от загрязнения, освоения биологических и минеральных ресурсов региона.

В то же время прекращение западными странами сотрудничества с Россией по военной линии после 2014 г. остановило наметившийся в начале прошлого десятилетия процесс формирования основанной на сотрудничестве архитектуры региональной (невоенной) безопасности, центральным звеном которой должны были стать ежегодные встречи начальников генеральных штабов государств – членов Арктического совета. Возврат России и Запада к политике взаимного сдерживания привел к возрождению и цементированию военно-политических разделительных линий в регионе.

Учитывая долгосрочный характер перемен в отношениях России и Запада, вопрос о преодолении этих «новых старых» разделительных линий сегодня не стоит в повестке дня. Тематика военно-политического сотрудничества фактически ограничивается сегодня задачей минимизации рисков эскалации опасных военных инцидентов в зоне активизации военной деятельности России и НАТО на стыке арктических морей и Северной Атлантики, хотя сами эти риски, по крайней мере на Западе, как правило, воспринимаются как приемлемые.

Хотя доминирующая в политике США ставка на нарастание глобального соперничества с Китаем, а также на сдерживание России дала о себе знать и в Арктике, регион в целом в силу своих особенностей остается периферийным с точки зрения нестратегической военной деятельности. Основные военно-политические проблемы в отношениях США с Китаем сосредоточены на спорах в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а с Россией – в Европе и Северной Атлантике. Это оставляет открытой дверь для углубления сотрудничества арктических государств, в частности, в рамках Арктического совета по вопросам климатической повестки дня, устойчивого развития, комплексного, основанного на экосистемном подходе управления морскими пространствами в регионе.

В этих условиях Россия могла бы использовать свое председательство в Арктическом совете в 2021–2023 гг. для укрепления регионального сотрудничества на основных направлениях, сформулированных в принятом в мае 2021 г. Стратегическом плане на период до 2030 г. Основное внимание при этом могло бы быть уделено формированию механизма научного сотрудничества: необходимо сфокусировать его на подготовке основанных на экосистемном подходе рекомендаций по комплексному управлению морскими пространствами в Северном Ледовитом океане, прежде всего – в его центральной части.

Смягчению эффекта от возрождения военно-политических разделительных линий в Арктике может способствовать дальнейшее укрепление регио-

нального сотрудничества по реализации соглашений о поиске и спасании и о готовности к разливам нефти в Арктике. В перспективе на базе Арктического форума береговых охран может быть сформирована единая региональная система поиска и спасания, предотвращения техногенных катастроф и ликвидации их последствий, а также координации спасательных сил.

Укреплению позиций России в Арктике также может способствовать более активное и конструктивное вовлечение государств-наблюдателей в обсуждение ключевых вопросов в Арктическом совете, а также открытость к обсуждению всех возникающих вопросов международного регулирования в регионе на основе норм международного права и прежде всего – на основе норм Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

РОССИЯ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ И НА ГЛОБАЛЬНОЙ АРЕНЕ: УСПЕХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

В.В. Корабельников – генерал армии, Герой Российской Федерации, руководитель исследований по определению направлений развития информационных средств и систем, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1997–2009 гг.), член РСМД

– Валентин Владимирович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Осознание Западом того, что Россия является самостоятельной державой, для которой на первом месте всегда будут свои национальные интересы – главное достижение российской внешней политики за последние 10 лет.

Созданная в 2010 г. группа БРИКС – это российский и китайский ответ на «Большую семерку», и ответ успешный. По общему ВВП и численности населения страны – члены БРИКС превосходят государства «Большой семерки». Можно сказать, что именно эти огромные государства – новые локомотивы мировой экономики в условиях глобализации. БРИКС является привлекательным проектом, в котором можно увидеть убедительный ответ, перечеркивающий американскую гегемонию и ось Вашингтон – Брюссель.

Украинский, точнее крымский, кризис 2014 г. также стал ярким примером успешной внешней политики России. Крым возвратился в Российскую Федерацию, а крымчане получили защиту от украинских националистов.

Российская помощь Сирии доказала, что после Украины Россия еще раз успешно воспрепятствовала американским геостратегическим планам по захвату ключевых регионов мира. Вступление России в конфликт позволило радикальным образом изменить направленность и характер военных действий. В январе 2017 г. по инициативе России, Турции и Ирана в Нур-Султане (Астане) начались межсирийские мирные переговоры, участниками которых впервые за время конфликта стали представители сирийского правительства и вооруженной оппозиции. 11 декабря 2017 г. на авиабазе Хмеймим президент В. В. Путин объявил о достижении главного результата – сохранения Сирии как суверенного, независимого государства и создания условий для политического урегулирования под эгидой ООН.

Создание Евразийского экономического союза в 2015 г. стало экономическим ответом на проект Европейского союза и китайскую инициативу Нового шелкового пути. Сейчас ЕАЭС объединяет пять стран-членов (Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения и Киргизия) и предполагает интегрированный рынок почти 200 млн потребителей и 4 трлн долл. ВВП по паритету покупательной способности.

В ходе вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе Россия вновь проявила себя как миротворец, способный разрешать любые международные проблемы. При ключевом участии России стороны подписали совместное заявление президентов Азербайджана и Российской Федерации, а также премьер-министра Армении о полном прекращении огня и всех военных действий в зоне конфликта. После размещения в Нагорном Карабахе российских миротворцев началось постепенное восстановление Степанакерта и других населенных пунктов. Возвращаются беженцы, начинают работу школы и общественный транспорт, поступает гуманитарная помощь.

Разработка и регистрация вакцины от новой коронавирусной инфекции COVID-19 – еще один успех. В скорости разработки вакцины наши ученые смогли превзойти зарубежных коллег. «Спутник V» получил регистрацию уже в 64 странах, его применение одобрено в Аргентине, Боливии, Венесуэле, Парагвае, Мексике, Никарагуа, Сент-Винсенте и Гренадинах, а также в Алжире, Республике Гвинея, Палестине ОАЭ, Бахрейне, Иране, Тунисе, Ливане, Мьянме и Пакистане. Кроме того, в список входят Сербия, Республика Сербская (энтитет Боснии и Герцеговины), Черногория, Венгрия, Монголия, Казахстан, Туркмения, Армения и Белоруссия.

Все эти достижения вместе образуют одно – создание многополярного мирового порядка. К счастью, мир больше не разделен на два полюса, как это было во времена холодной войны, и не является однополярным, как в 1990-е гг. Государства обязаны сотрудничать, чтобы обеспечивать стабильность и принимать взвешенные и реализуемые решения.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– В среднесрочной перспективе к основным международным вызовам можно отнести:

- постоянное военное присутствие Соединенных Штатов Америки практически во всех регионах мира;
- готовность военно-политического руководства США в одностороннем порядке применять военную силу в обход существующих механизмов обеспечения глобальной безопасности и норм международного права;
- техническое и технологическое превосходство США и их союзников в разработке и производстве вооружений, продукции военного и двойного назначения, особенно в области информационных, телекоммуникационных технологий и искусственного интеллекта;

- нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области ограничения и сокращения стратегических вооружений;
- стремление отдельных государств и негосударственных участников международных отношений к обладанию оружием массового поражения и средствами его доставки для реализации своих политических целей, которые, как правило, идут вразрез с интересами остальных субъектов военно-политических отношений;
- активизация экстремизма (терроризма) в глобальном масштабе, проявление его в новых формах в условиях недостаточно эффективного международного антитеррористического сотрудничества, реальная возможность проведения терактов с применением радиоактивных и токсичных химических веществ, расширение масштабов транснациональной организованной преступности, прежде всего незаконного оборота оружия и наркотиков;
- развитие за рубежом военно-прикладных программ по совершенствованию ОМП и средств его доставки;
- расширение практики использования современных информационных технологий для воздействия на массовое сознание населения.

– Каковы шансы возникновения новых военных конфликтов на Ближнем Востоке, что они могут означать для роли России в регионе?

– Ближний Восток традиционно представляет собой «горячую точку» с высоким конфликтным потенциалом. Этот маленький участок суши стал ареной, на которой идет многовековое выяснение отношений между тремя монотеистическими религиями (христианство, иудаизм и ислам). Здесь сосредоточена значительная часть мировых запасов энергоносителей, через страны региона проходят основные торговые пути между Европой и Азией. Кроме того, на территории региона постоянно сталкиваются интересы ведущих мировых держав.

В настоящее время наибольшую угрозу для региональной стабильности представляет возможный конфликт между Израилем и Ираном. Вместе с тем, учитывая приход к власти в Тель-Авиве нового правительства, а также наметившиеся позитивные сдвиги на переговорах между Тегераном и Вашингтоном по возвращению сторон к выполнению Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию ядерной проблемы Ирана, шансы на переход ирано-израильского противостояния в «горячую» фазу невелики.

– Каким Вы видите будущее сирийского конфликта?

– Объективно необходимо признать: сирийский народ во главе с переизбранным президентом Б. Асадом одержал убедительную военную победу над международным терроризмом, пытавшимся создать на территории САР свое государство. Кроме того, Дамаск устоял под совокупным политическим, военным и экономическим давлением коллективного Запада во главе с Вашингтоном.

Сейчас военные действия на большей части территории Сирии фактически завершены. Окончанию конфликта препятствует незаконное присутствие в САР иностранных воинских контингентов, которые препятствуют завершению разгрома ИГИЛ сирийской армией.

Таким образом, будущее сирийского конфликта зависит от политической воли международного сообщества, которое должно поддержать сирийский народ в стремлении восстановить свою страну и жить мирной жизнью.

– Какие угрозы безопасности России будут наиболее актуальными в обозримом будущем?

– С учетом тенденций развития глобальной и региональной военно-политической обстановки, а также планов ведущих зарубежных стран по военному строительству наиболее значимыми угрозами безопасности Российской Федерации будут являться:

- развертывание глобальной системы противоракетной обороны США, подрывающей международную безопасность и нарушающей сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере;
- милитаризация околоземного космического пространства;
- денонсация США Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, что будет способствовать формированию нового витка гонки вооружений и подрыву региональной безопасности в Европе;
- сохранение существующих или возникновение новых очагов вооруженного противостояния по периметру границ Российской Федерации;
- активизация мероприятий оперативной и боевой подготовки антироссийской направленности в приграничных районах, а также в зонах жизненно важных интересов России;
- демонстрация военной силы с провокационными целями, попытки воспрепятствования работе систем государственного и военного управления России;
- расширение практики применения против Российской Федерации действий комплексного («гибридного») характера со стороны иностранных

государств и негосударственных субъектов международных отношений;

- целенаправленная и согласованная деятельность стран Запада и отдельных государств Ближнего Востока по ослаблению позиций Российской Федерации в Центральной Азии и Закавказье;
- наращивание силового потенциала НАТО, наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры альянса к границам Российской Федерации, в том числе путем дальнейшего расширения состава блока;
- участие США и их союзников в повышении боеспособности вооруженных сил Украины, Молдавии, Грузии и переводе их на стандарты НАТО, а также создание условий для использования территории и объектов военной инфраструктуры этих государств для обеспечения действий вооруженных сил альянса.

В качестве вновь возникшей угрозы безопасности России можно рассматривать попытки США и их союзников поставить под договорный контроль новые российские системы вооружения.

В сфере противодействия терроризму и экстремизму источниками угроз безопасности Российской Федерации будут являться:

- деятельность международных террористических организаций, в первую очередь ИГИЛ и движения «Талибан», по расширению своего влияния на Северном Кавказе и в Центральной Азии с последующим переносом террористической активности в регионы Российской Федерации со значительной долей мусульманского населения;
- проникновение из-за рубежа на территорию Российской Федерации членов международных террористических организаций, участвовавших в боевых действиях на Ближнем Востоке и в Северной Африке;
- создание, оснащение, подготовка и деятельность террористических бандгрупп на территории Северного Кавказа, Поволжья, Южного Урала, Республики Крым;
- деятельность экстремистских, националистических и сепаратистских организаций, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, а также на дестабилизацию внутривластной обстановки в стране;
- расширение масштабов распространения на территории Российской Федерации идеологии терроризма, в том числе с использованием сети Интернет.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ВНУТРЕННИЕ УГРОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А.С. Куликов – д.э.н., генерал армии, действительный член РАЕН, член Экспертного совета ОДКБ, президент Клуба военачальников Российской Федерации, депутат Государственной думы Российской Федерации (2000–2007 гг.), заместитель председателя правительства России – министр внутренних дел России (1997–1998 гг.), министр внутренних дел России (1995–1997 гг.), заместитель министра внутренних дел РФ – командующий внутренними войсками МВД России (1992–1995 гг.), член РСМД

– Анатолий Сергеевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– В первую очередь я бы назвал то, с чего начал наш президент в 2007 г., когда в Мюнхенской речи обозначил полную самостоятельность и полную российскую автономность в мире. Конечно, на нас были взвалены дополнительные трудности и требования, но именно это стало важным поворотным моментом. За последние 10–13 лет основной успех российской внешней политики состоял в том, что Россия, обозначив эту автономность, ее практически достигла. Если можно внешнюю политику сравнить с кораблем, то корабль за эти 13 лет вышел в открытое море.

Думаю, что встреча российского президента с американским коллегой летом 2021 г. показала, что с В.В. Путиным и Россией считаются. Ведь инициаторами встречи были именно Соединенные Штаты Америки. Несмотря на все гадости, которые сделал Запад России санкциями, они все же смиренно попросили встречи. Это уже успех. Я очень надеюсь, что наши очень мудрые, толковые руководители, президент страны и министр иностранных дел С.В. Лавров, которые имеют колоссальный опыт, выдержали свою концепцию на этой встрече. Таким образом, эта встреча стала рубежом во внешней политике России.

– В таком случае скажите, пожалуйста. Сегодня традиционными стали суждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, о некоем глобальном системном кризисе. Как Вы считаете, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Если смотреть с точки зрения международной политики, то я думаю, что нападки на Россию не уменьшатся. Наша география, наши стратегические запасы полезных ископаемых, наши ресурсы – они всегда были, есть и останутся целью если не прямого завоевания, то по крайней мере влияния. Попытки принизить роль этих ресурсов и всячески завладеть ими не прекратятся.

Плюс, Арктика – это самый дешевый торговый путь, и наше сопровождение торговых кораблей должно вызвать повышенный интерес, равно как и транзит через Россию по железнодорожным путям из Азиатско-Тихоокеанского региона. Все это должно непременно стать объектом попыток влияния извне.

Что касается безопасности, то я с точки зрения своего опыта могу сказать, что нынешнее состояние преступности приобретает другой вид. Международная преступность становится киберпреступностью, она хорошо оснащена и вооружена, из любой точки мира она может серьезно повлиять на те или иные финансовые операции и на другие вещи.

Например, отключение мясной промышленности США. Вся мясная промышленность США вдруг в одночасье оказалась отключенной, если можно так выразиться. Они тут же свалили это на нас, сказали, что это наша работа и так далее. Но я не исключаю, что это элементарная грубая ошибка или умысел какого-то местного конкурента. Я не думаю, что все это можно полностью записать на наш счет. Более того, я даже уверен, что мы к этому никакого отношения не имеем. Но это очень хороший пример влияния киберпреступности на государственную безопасность. «Хороший» в кавычках, конечно же. В будущем количество преступлений, связанных с цифровизацией, будет только расти.

– Как Вы считаете, что на сегодняшний день является главной угрозой для безопасности России?

– Мы недавно провели конференцию в Клубе военачальников. Она называется «Обострение внешних и внутренних угроз: необходимые меры по их предотвращению». После конференции я работал над докладной запиской в адрес администрации президента с тем, чтобы доложить об этом. И там мы свои рекомендации как раз и изложили. С моей точки зрения, ключевым вопросом угрозы безопасности России является отсутствие единой информационно-управленческой системы в стране. Мы имеем системы обороны, безопасности, экономики. В каждом ведомстве есть своя [система], но они, к сожалению, не замкнуты под единый купол. И в случае глобальной неприятности, связанной с нашей территорией, у нас могут появиться проблемы. Поэтому, т. к. в теории у нас уже есть такая система, ее нужно замкнуть на практике на основе имеющихся у нас новых прорывных технологий. Они у нас есть, но нам нужна политическая воля для их унификации. Об этом мы тоже будем докладывать, и это – основная угроза.

Но я хотел бы добавить, что у нас не меньшая угроза исходит изнутри. Вопиющая коррупция и недостаточно эффективная борьба с ней. Мы иногда сами на ровном месте создаем себе угрозы внутри страны. Взять того же А.А. Навального, который нарушил условия содержания по условному наказанию. Вместо

того чтобы сразу привлечь его к ответственности, на это закрыли глаза. А потом, когда меры были приняты, это сразу стало поводом для утверждений о том, что это было сделано целенаправленно для достижения политических целей. Почему меры не были предприняты раньше? На ровном месте создали проблему.

– Как Вы считаете, насколько серьезными остаются угрозы внутреннего терроризма на территории России?

– Я считаю, что после 2004 г. как президент, так и законодательные органы приняли очень эффективные меры по борьбе с терроризмом. Что имеется в виду? В 2006 г. президентом В.В. Путиным был подписан закон о противодействии терроризму. Это, на мой взгляд, лучший в мире закон, предусматривающий превентивные меры противодействия терроризму. А противодействие подразумевает упреждающее действие, непосредственно борьбу и минимизацию последствий. Когда у нас раньше был закон о борьбе с терроризмом, превентивных мер не предусматривалось. А когда ввели закон о противодействии терроризму, превентивные меры стали обязательными. Этот закон предусмотрел персональную ответственность четкого руководителя операции федерального или регионального масштаба. Все расписано в этом законе детально: каждая задача, применение вооруженных сил и в воздухе, и на земле, и на границе. Более того, президент на основе этого закона принял указ по созданию национального антитеррористического комитета во главе с директором ФСБ, который заблаговременно собирает и анализирует условия внутреннего и международного терроризма, а также принимает упреждающие меры. По этой причине начиная с 2006 г. мы самая безопасная страна в мире с точки зрения нейтрализации террористических угроз. И с этим согласны даже наши оппоненты. Вот сравните с тем, что в последнее время происходит в Европе. А у нас ни одного серьезного террористического акта в последнее время совершено не было. И в этом заслуга закона и указа президента.

– Как Вы считаете, каковы перспективы международного сотрудничества в борьбе с угрозой терроризма?

– Я не знаю, какие будут перспективы, могу только выразить пожелания. Я считаю, что наши усилия, в том числе усилия МИД и правоохранительных структур (ФСБ, МВД и др.), связанные с международным сотрудничеством в борьбе с угрозой терроризма в первую очередь должны быть направлены на налаживание тесных контактов с зарубежными структурами. Наше сотрудничество с ними было на очень высоком уровне, но во многом мы его утратили. С тех пор к нам появилось недоверие. К примеру, с 2007 г. военное сотрудни-

чество практически полностью сошло на нет. Его удалось наладить в Сирии, но это скорее исключение из правила.

Мы крайне мало сотрудничаем в сфере борьбы с терроризмом. Это сотрудничество нужно немедленно расширять. А здесь так много вопросов: единый банк данных по всем международным террористам, участие Интерпола и т. д. Мы в свое время считали, что если Интерпол наделить оперативно-розыскной деятельностью и подчинить ему в каждом национальном образовании силы специального назначения для борьбы с терроризмом, то он может стать международным органом, принимающим непосредственное участие в борьбе с международным терроризмом.

Далее требуется унификация законов на уровне парламентов государств. Для достижения этой цели мы когда-то были инициаторами, так сказать, «антикриминального антитеррористического Давоса». Идея заключалась в том, чтобы создать модельные законы и потом доводить их до руководителей государств, а также до их органов законодательной власти. Вот мы приняли этот лучший закон, им заинтересовались немцы, французы. Я был руководителем рабочей группы по этому закону. Там даже было мое определение: терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на соответствующие органы, на соответствующие должностные лица путем угрозы и насилия. Так вот, если бы этот лучший закон проанализировали и по его образцу в других странах приняли единый модельный закон, у нас было бы меньше проблем с терроризмом.

Я считаю, что в целом перспективы международного сотрудничества в области борьбы с терроризмом хорошие. И Сирия показала это. Мы практически за два года уничтожили ИГИЛ с помощью России и, конечно же, других сил. Не будем преуменьшать их роль. Если бы мы раньше этим занялись, если бы мы вместе сотрудничали, то тогда бы не было такого наплыва в Европу беженцев. Беженцы же оттуда бежали, именно от игиловцев. Они наполнили Европу, и сегодня там свои «чудеса» творятся. Они создали сами себе проблему, отказавшись от сотрудничества с нами. А мы им всегда предлагали. У нас есть группа «Эльба», где пять американских четырехзвездных генералов и пять наших генералов армии. Я руководитель с российской стороны этой группы и принимаю в ее работе непосредственное участие. Мы встречаемся ежегодно на нейтральной площадке и обсуждаем вопросы, в т. ч. международного терроризма, стратегической стабильности и борьбы с международным ядерным терроризмом, а также другие вопросы, связанные с текущими конфликтами в той или иной точке.

Несмотря на все, мы остались единственным каналом взаимодействия с американцами. Мы даже хотели отказаться от него, поскольку трудно пробивать эти решения, но нас попросили из администрации президента и МИД сохранить эту площадку. В 2020 г. мы провели ее в режиме онлайн, а в 2021 г. проведем в Стокгольме, если не будет вспышки пандемии.

БУДУЩЕЕ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ЧЕГО СЛЕДУЕТ ОЖИДАТЬ ОТ НАРАСТАЮЩЕГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ С США?

В.П. Назаров – д.полит.н., советник председателя правления ПАО «НОВАТЭК», заместитель секретаря Совета безопасности (2006–2016 гг.), член РСМД

– Владимир Павлович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Успехов не так уж и много. Среди главных можно выделить следующие:

а) воссоединение России с Крымом, которое, однако, лишь частично компенсировало грубые просчеты в политике на украинском направлении;

б) мирное урегулирование карабахского конфликта, хотя в итоге Россия серьезно ослабила влияние на Азербайджан, превратившийся фактически в протекторат Турции;

в) операция в Сирии заметно усилила влияние России на Ближнем Востоке и позиции в Средиземноморье. Однако в связи с неопределенностью конечных целей нашей операции политическое урегулирование сирийского конфликта буксует, а присутствие воинского контингента в условиях продолжающегося вооруженного противостояния между его сторонами с участием мощных внешних игроков представляет серьезный риск;

г) развитие всестороннего российско-китайского взаимодействия, которое становится влиятельным фактором всей системы международных отношений;

д) расширение БРИКС, хотя перспективы объединения до кризиса 2008 г. выглядели гораздо более многообещающими;

е) расширение состава ШОС, развитие сотрудничества в рамках организации;

ж) экономическая дипломатия России в рамках «Группы двадцати» и ОПЕК+ по стабилизации мирового рынка нефти;

з) антироссийские санкции США и их союзников, которые, хотя и замедляют экономический рост, заставляют правительство РФ принимать реальные меры для развития отечественного промышленного и сельскохозяйственного производства, импортозамещения, изыскания внутренних возможностей для инвестирования.

В целом хотелось бы заметить, что эффективность внешней политики должна оцениваться не качеством реагирования на действия партнеров и оппонентов, а расширением числа наших союзников и симпатизантов на международной арене, реальным строительством пояса безопасности и добрососедства по периметру границ. Это предполагает активную внешнюю политику,

разработку и выдвижение собственных инициатив, направленных на поиск точек совпадения интересов, расширение областей сотрудничества и взаимодействия, наличие собственной повестки, которая предлагается партнерам.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Следует ожидать роста угроз безопасности России вследствие дальнейшего усиления давления со стороны Запада, новых санкций, в том числе в финансовой области и экспортном контроле, активизации действий Запада в приграничных государствах бывшего СССР, вероятного усиления нестабильности в Центральной Азии. Серьезно возрастает для России угроза военного конфликта, который может начаться на территории Украины или Закавказья, в черноморском бассейне. Ситуация в Белоруссии может вновь обостриться и, с учетом ее важности для интересов безопасности России, потребовать нашего непосредственного участия. В целом поле для маневра российской внешней политики может еще более сузиться.

– Каким Вы видите будущее сотрудничества России и США в области стратегической безопасности?

– Значимых перспектив здесь не просматривается в связи с ростом открытой враждебности правящих кругов США в отношении России. Наиболее реальным представляется диалог между военными ведомствами в интересах предотвращения вооруженных столкновений в воздухе и на море, прежде всего в Сирии и Арктической зоне. С учетом того, что диалог по контролю над вооружениями будет использоваться американской стороной лишь для ограничения тех новых российских систем вооружения, которые американцы считают наиболее опасными (гиперзвуковое оружие, «Посейдон»), нам не стоит рассчитывать, что эта сфера способна придать положительный импульс развитию двусторонних отношений или сократить расходы на вооружения. Более того, как представляется, наш отказ от контактов в области контроля над вооружениями будет лишь способствовать проявлению Вашингтоном сдержанности в отношении России в военной области, поскольку важный канал получения информации о российских военных программах будет для них закрыт, что создаст выгодную нам сегодня ситуацию стратегической неопределенности в оценке реального соотношения сил.

– Что на сегодняшний день представляет основную угрозу энергетической безопасности РФ?

– Угроза видится двоякой:

а) ограничение поставок энергоносителей, прежде всего по газопроводу «Северный поток – 2», за счет растущей конкуренции со стороны СПГ и увязки Вашингтоном и Брюсселем объема этих поставок с украинским транзитом и ситуацией на Востоке Украины;

б) рост «зеленой» энергетики, который будет уменьшать потребность ЕС в углеводородах и в целом негативно влиять на объемы поступлений от экспорта углеводородов.

– Каким Вы видите будущее «газовой» политики России по отношению к Европе?

– Перспективы этой политики видятся в ближайшие 15–20 лет в увеличении поставок СПГ, в том числе в силу того, что этот рынок все в большей степени становится спотовым (фактически биржевым), а значит – в наименьшей степени подверженным политическому влиянию.

Постепенно природный газ в трубопроводных и танкерных поставках будет замещаться водородом, который будет вырабатываться из метана в районах добычи: на Ямале, Гыдане, Таймыре.

– Насколько способны экономические санкции США подорвать безопасность Российской Федерации?

– В очень серьезной степени, если мы не откажемся, наконец, от ситуативной тактической политики в области социально-экономического развития в пользу стратегического планирования и стратегического управления. Результат отсутствия стратегии экономического развития – экономический застой на протяжении уже 12 лет.

– Усиления каких угроз безопасности России следует ожидать в обозримом будущем?

– К уже упомянутым угрозам следует добавить на внешнем контуре киберугрозу и попытки Запада манипулировать российским общественным сознанием, а на внутреннем – социально-политическую нестабильность на фоне экономического застоя и внешнего враждебного воздействия.

РОССИЙСКОЕ ОРУЖИЕ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА: СМОЖЕТ ЛИ ВПК РОССИИ СОХРАНИТЬ СВОИ ПОЗИЦИИ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ РЫНКАХ?

Р.Н. Пухов – директор Центра анализа стратегий и технологий, член Общественного совета при Министерстве обороны России, член РСМД

– Руслан Николаевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Мне кажется, основной успех российской политики – то, что удалось сорвать попытку стран Запада и их союзников блокировать и маргинализировать Россию, как Иран или Северную Корею. Россия остается уважаемым членом международного сообщества, что, бесспорно, является огромным успехом. В качестве второго достижения можно выделить то, что Россия смогла конвертировать свою военную мощь, которую она стала более интенсивно использовать для защиты своих интересов, в некое подобие *soft power*. Те же саудиты или катарцы несколько лет назад поливали нас «грязью», называя пособниками убийства мусульманских детей в Сирии. Но вот уже спустя несколько лет саудовский король прилетел в Москву для встречи с президентом России В. В. Путиным. И аналогичная ситуация с катарцами: покупка русского оружия в их системе координат это некая «взятка» России.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– На мой взгляд, основные вызовы России лежат все-таки не во внешней плоскости, а во внутренней. Это стареющее население и другие демографические проблемы, неограниченная миграция в Россию, отказ мигрантов ассимилироваться и т. д. С точки зрения внешних вызовов, обратная сторона нашей активной внешней политики и использования военной силы – рост напряжения. У нас с целым рядом соседей, с целым рядом стран дальнего зарубежья отношения в последнее время стали достаточно натянутыми. Конечно же, необходимо четко разделять, где эта напряженность оправдана, а где она избыточна. Как в свое время говорил Наполеон, искусство политики заключается в том, чтобы быть львом или лисой. Но главное – никогда не путать, когда именно нужно быть львом, а когда – лисой.

– Какая военная продукция на сегодняшний день наиболее востребована в мире? Каких изменений стоит ожидать в обозримом будущем?

– Сейчас многие из тех стран, которые традиционно были импортерами вооружения, стали достаточно хорошо его производить самостоятельно и отправлять на экспорт. Среди них можно назвать Турцию, Южную Корею, отчасти даже Иран. Поэтому востребованной будет продукция с высокой добавленной стоимостью. Классический пример российского бестселлера – системы противоракетной обороны С-400, «Бук», «Тор». Еще один пример – это двигатели. Стран, которые делают танки и боевые самолеты, много. А вот государств, делающих сложные двигатели, крайне мало. Так, и боевые, и транспортные китайские самолеты используют российские двигатели, а замечательный шведский самолет «Грипен» – американский. Таким образом, Россия — одна из пяти стран, производящих полный спектр двигателей. И перед нами стоит важная задача в будущем не растерять это наследие, оставленное нашими великими предками. Историю России можно рассматривать как непрерывающуюся битву за военно-техническое преимущество и технологическую самодостаточность государства практически со времен Ивана III. СССР удалось победить в этой битве: на момент распада Союз находился на пике своей технологической мощи.

– Как Вы оцениваете перспективы российского вооружения на международном рынке? Насколько конкурентоспособным останется российское оружие в обозримом будущем?

– Российское вооружение не просто конкурентоспособно, оно *чрезвычайно* конкурентоспособно. Как известно, Россия стабильно занимает второе место по продажам вооружения в мире после США. И это при том, что по интегральному весу Россия вряд ли находится на втором месте. Москва, скорее, по каким-то совокупным признакам замыкает десятку или же уже выпала из нее. А тут мы занимаем второе место. Поэтому мы имеем очень хорошие перспективы, но необходимо помнить, что рынок очень конкурентный. Те же южные корейцы или турки постепенно отъедают у нас часть рынка. Другую часть забирают французы и немцы, которые сейчас более активно экспортируют свое вооружение, нежели 10 лет назад. Если японцы откажутся от политики самоограничения, они также заберут у нас существенную часть рынка вооружений. Мало кто помнит, что Бразилия во времена правления военных до 1985 г., а также во второй половине 1980-х гг. была одним из ведущих экспортеров вооружения. Потом она стала импортером. Таким образом, останавливаться нельзя, нужно вкладываться в НИОКР, искать новые ниши, искать новых партнеров, т. к. современные вооружения чрезвычайно

дороги, зачастую одна страна не располагает достаточными средствами для полного обеспечения своей оружейной независимости. Есть множество примеров производства вооружений на двусторонней основе: французы делают корабли совместно с итальянцами, а США, страна весьма богатая, тем не менее привлекает иностранных партнеров для работы над такими проектами, как самолет F-35. Мы также должны идти аналогичным путем. Такие проекты у нас тоже есть, хотя их не так уж и много.

– Какие регионы имеют наибольший потенциал в качестве новых рынков экспорта вооружений?

– Это хороший вопрос, и дать однозначный ответ на него очень сложно. Многие рынки, на которых присутствует Россия, близки к перенасыщению. Например, российский бестселлер – самолеты семейства Су-30. Россия на протяжении последних 20 лет успешно экспортировала их, однако тяжелый авиационный комплекс по карману далеко не всем странам. Так, Индонезия, которая является пользователем российских самолетов Су-30, сейчас намеревается переключиться на другие модели.

Поэтому мне кажется, что очень перспективным рынком является Африка. Понятно, что речь идет не обо всех странах региона, далеко не всем можно предложить именно самолеты системы Су-30, некоторым могут подойти другие модели. Кроме того, достаточно перспективный несатурированный рынок – южноамериканский континент. И кроме того, существует несколько страновых рынков, куда Россия не смогла прийти в силу некоторых политических соображений (Пакистан) или в силу лоббирования других стран (Иран). В последнем случае несколько лет назад нас ограничивало мнение американцев, а сейчас мы оглядываемся на мнение израильтян. Но при этом нас с Ираном сегодня многое объединяет: общие интересы в Сирии, на Ближнем Востоке в целом, совместные коммерческие интересы и т. д.

Так что нужно отринуть какие-то «лирические» представления о прекрасном и попытаться совершить еще один рывок с тем, чтобы не утратить наше лидерство. А главное, что речь идет не о каком-то абстрактном первенстве, а о том, что военный бюджет ограничен. Россия, в отличие от СССР, не печатает деньги, и сфера оборонной промышленности достаточно непростая. Многие ниши в ней уже заняты, и она в корне отличается от гражданской промышленности. Таким образом, нужно продавать на экспорт, как это делают те же израильтяне с целью поддержания уровня финансирования собственной оборонной промышленности, которую одно министерство обороны и силовые ведомства не могут полностью финансировать. Одна из наиважнейших национальных задач – обеспечение притока средств в российский ВПК из-за рубежа.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРОРА: НОВЫЕ МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОТЕНЦИАЛ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ

В.А. Соболев – к.полит.н., генерал-полковник, председатель совета директоров ООО «ВСК – линия жизни», исполняющий обязанности секретаря Совета безопасности РФ (2007–2008 гг.), заместитель секретаря Совета безопасности РФ (1999–2012 гг.), заместитель, первый заместитель директора ФСБ России (1994–1999 гг.), член РСМД

– Валентин Алексеевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Прежде всего, основные успехи заключаются в повышении авторитета страны на международной арене. Вспомните, что мы имели 10 лет назад, и сравните с тем, что имеем сейчас. Сегодня к России уже прислушиваются. Это не значит, что жить стало легче, давление усиливается с каждым годом, но мы многому научились. Чему именно? В первую очередь работать в санкционных условиях, особенно в последние годы, когда для нажима на Россию вводятся все новые и новые санкции. Несмотря на такое давление, грамотная политика, проводимая государством, дипломатами и высшим руководством страны, не только доказала всему миру, что экономическое давление – это «палка о двух концах», но и позволила добиться определенных успехов в продвижении некоторых наших проектов.

Хороший пример – «Северный поток – 2», который удалось реализовать несмотря на санкции. Нам удалось убедить нашего партнера, Германию, в том, что проект выполняется не только в интересах России, но и в интересах развития европейской энергетики, что это взаимовыгодное начинание. Кстати, внешние силы препятствовали не только строительству «Северного» и «Южного» потоков, но также и созданию трубопровода в Болгарии. И тут также был разработан план выхода из сложившейся ситуации. Я думаю, что одно из основных достижений российской дипломатии заключается как раз в умении работать в подобных сложных условиях.

Без всякого сомнения, к успехам нашей дипломатии я бы также отнес уверенное укрепление отношений с Китаем. Установление тесных взаимовыгодных связей позволяет нам сохранять не только военный, но и политический паритет, который, по всей видимости, складывается в мире.

Значительно укрепляет наши позиции военно-политическое присутствие в тех регионах, которые представляют опасность для России, как в ближнем зарубежье, так и в дальнем. Работа наших советников в таких точках позволяет не только контролировать ситуацию, но и реагировать на происходящие там военные и политические изменения. Наши базы перечислять

я не буду, они всем хорошо известны, но последние события в Афганистане лишний раз подчеркивают, насколько важно такое присутствие. Афгано-таджикская граница сейчас далеко не безопасна, и наличие российской военной базы в Таджикистане значительно упрощает реакцию России в случае возникновения угрозы.

– Сегодня привычными стали суждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, о некоем глобальном системном кризисе. Как Вы считаете, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Попытки оказать давление на Россию по всему флангу будут, несомненно, продолжаться. Это очевидно, поскольку каждый успех нашей страны рассматривается противоположной стороной не просто как усиление авторитета, но как активная попытка экспансии Москвы. Особенно я бы выделил акценты, которые сдвигаются в сторону наших близких границ. Прежде всего это те отношения, которые нужно выстраивать в условиях обострения обстановки и возможных провокационных действий со стороны наших бывших союзных республик. Особенно тех, которые имеют к нам территориальные претензии. Сохраняется реальная возможность военных провокаций со стороны Украины, Грузии, Молдавии. Это нужно обязательно учитывать в любой нашей деятельности: как дипломатической, так и политической. Без сомнения, усиливаются противоречия не только с нашими бывшими союзными республиками, но и с т. н. молодыми европейцами, которые в прошлом чувствовали себя несколько ущемленно, а сейчас начинают вспоминать свои бывшие обиды. Это такие страны, как Польша, Чехия, возможно, ряд других государств, которые могут действовать самостоятельно и при этом стремятся завоевать свое место под солнцем среди «стареющих» европейцев. В целом можно говорить, что актуальными остаются все бывшие угрозы: международный терроризм, экономическое неравенство, экологическая безопасность. Все эти проблемы не уходят, они общие для всего мира и решать их придется вместе.

– Как Вы оцениваете будущее кибертерроризма в XXI в.? Следует ли ожидать, что в обозримом будущем основную опасность террористические организации будут представлять именно в киберпространстве?

– Естественно, с развитием любых новых технологий терроризм старается их освоить для достижения собственных целей. Сама история это показывает. Сначала были выстрелы, причем выстрелы по конкретным лицам: монархам, политическим деятелям. Потом начались взрывы, взятие заложников. Цель

перенесли с отдельных политических деятелей на общую массу людей, на создание системы, запугивающей общество. Терроризм наиболее эффективен именно в обстановке страха, которую он и стремится создать.

Ни одна страна не сможет справиться с этим процессом самостоятельно. Хороший пример – США. Естественно, на ум сразу приходит катастрофа Всемирного торгового центра в 2001 г., но не стоит забывать, что еще в 1993 г. в том же торговом центре был произведен взрыв в подвале, когда погибли шесть человек. После теракта 2001 г. государства всего мира были вынуждены совершенно иным образом взглянуть на вопрос безопасности. Стоит отметить, что в те времена, т. е. в первое десятилетие XXI в., обмен информацией и делегациями с США был достаточно активным и по линии Совета безопасности, и по линии РАН. Российских специалистов не просто выслушивали с большим вниманием, но старались перенять опыт, который, к несчастью, на тот момент мы накопили в избытке.

При этом трагедия 2001 г. продемонстрировала тенденцию к интернационализации терроризма. Так, в связи с терактом были арестованы 16 человек, среди которых были подданные Саудовской Аравии, а также граждане ОАЭ, Египта и Ливана. Это наглядно демонстрирует объединение международного терроризма. Также отметим тенденцию к созданию квазигосударств и попытки прийти к власти в тех странах, где радикалы способны ее захватить. Понятно, что речь в первую очередь идет об ИГИЛ, где в качестве главы халифата был назван известнейший террорист Абу-Бакр, а его правой рукой и военачальником стал Умар Чеченский. Это опять же подтверждает, что в нужное время они объединяют усилия для создания единой силы.

Мы, кстати говоря, уже наблюдали такое и на территории нашей страны. Так, в августе 1999 г., уже после подписания Хасавюртовских соглашений, которые позволяли Чеченской Республике выйти из состава России в течение пяти лет путем проведения референдума, террористы пошли войной на Дагестан. Причем пошли не только чеченцы, с ними был и Абу аль-Валид, араб, и уроженец Кувейта Абу Дзейт. Они вместе с Ш. С. Басаевым направились в Дагестан, уверенные в том, что местное население их поддержит, и они, объединившись на почве религии, смогут что-то сделать. Причем идея войны заключалась не в «освобождении Ичкерии», а в создании халифата с границами от Черного моря до Каспийского.

История повторяется и сейчас с попытками ИГИЛ сначала создать, а потом удержать халифат. Сложно сказать, чем именно закончатся сегодняшние события в Афганистане, но совершенно ясно, что все время своего существования «Талибан» использовал террор в качестве основного оружия. Сегодня талибы уже находятся у власти, а значит, террор может стать элементом государственной политики. Таким образом, нужно опасаться и развития так

называемого государственного терроризма. Афганистан – это ближний сосед наших союзников, так что эта угроза напрямую касается и нас.

Следующая серьезная угроза – риск получения террористами оружия массового поражения: боевых отравляющих веществ, ядерного оружия. Все понимают, что на сегодняшний день оно находится в надежных руках, но можно говорить о грязной атомной бомбе: многие исследования показывают, что сделать ее из отходов вполне реально. Пусть это и не настоящее ядерное оружие, но оно все же крайне опасно. И, естественно, совершенно новую угрозу начинает представлять кибертерроризм. Это уже преступления на абсолютно ином технологическом уровне. Когда на одной из последних коллегий ФСБ выступал В.В. Путин, он совершенно четко отметил, что сегодня «России нужна выверенная стратегия по борьбе с киберпреступностью, основанная на прогнозировании ситуации, на учете потенциальных рисков для общества и государства». Кстати, это не первое выступление, в котором Россия отмечает возросшую угрозу терроризма в киберпространстве. Об этом в свое время говорил и С. В. Лавров, выступая в ООН. Он оценил мировой ущерб от кибертерроризма за 2019 г. в 2,5 трлн долл. и спрогнозировал, что к 2022 г. эта цифра может вырасти до 8 трлн долл. И уже в 2019 г. на Генеральной Ассамблее ООН была принята российская резолюция по борьбе с киберпреступностью.

– Насколько актуальна угроза террористических атак для Российской Федерации и стран СНГ? Следует ли в ближайшем будущем ожидать увеличения террористической активности на территории Российской Федерации и стран СНГ?

– Угроза, конечно же, существует. Мы живем не изолированно, причем речь идет не только об открытых границах, но о вопросах связи и контактов, которые давно уже вышли за рамки государственных границ. Сегодня злоумышленник, совершающий киберпреступление, совершенно необязательно физически находится рядом с объектом воздействия. За счет этого угроза терроризма, бесспорно, существенно повышается. России и странам СНГ необходимо приложить максимум усилий, чтобы быть готовыми к таким вызовам. Если говорить о России, то можно заметить, что наша система борьбы с терроризмом – одна из лучших в мире. Она сформировалась, к сожалению, во многом благодаря накопленному трагическому опыту. Так, мы можем вспомнить события двух последних десятилетий, когда в нашей стране террористы угоняли самолеты и взрывали дома, гибло огромное количество людей. Необходимость борьбы с этими преступлениями способствовала формированию той эффективной системы, которой мы располагаем на сегодняшний день. Ее преимущества заключаются уже в том, что она основана не только

на теории, но и на практическом знании, а также в том, что ее работа предполагает не только взаимодействие всех внутренних силовых структур страны, но также и активное сотрудничество с зарубежными партнерами. Поэтому я надеюсь, что россияне сегодня могут чувствовать себя достаточно уверенно. Но внимание еще очень долго будет приковано к этой проблеме, ведь уничтожение терроризма – это весьма долгий процесс, завершить который за мгновение невозможно.

БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОЛИТИКА РОССИИ В ЭПОХУ НОВОГО ВИТКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ С США: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

С.В. Степашин – д.ю.н., к.и.н., председатель Императорского православного палестинского общества, президент Российской ассоциации международного сотрудничества, сопредседатель Ассоциации юристов России, председатель Счетной палаты России (2000–2013 гг.), первый заместитель председателя Правительства РФ – министр внутренних дел, председатель Правительства РФ (1999 г.), первый заместитель министра безопасности, директор Федеральной службы контрразведки, директор Федеральной службы безопасности, министр юстиции, министр внутренних дел России (1993–1998 гг.), член РСМД

– Сергей Вадимович, что бы Вы отметили в качестве основных успехов РФ во внешней политике за последние 10 лет?

– Я бы сказал, что последние 10 лет были очень непростыми для России. Особенно это связано с США, Украиной и некоторыми другими аспектами. И все же на первое место я бы поставил возвращение Крыма. Если у кого-то раньше и были сомнения относительно намерений Украины, то сегодня, когда Киев возбудил уголовное дело в отношении наших размещений в Севастополе, становится очевидно, что без этого решения мы потеряли бы и Севастополь, и Крым. Что бы там творилось, честно говоря, трудно представить.

Второе, конечно, это наши успехи на Ближнем Востоке: мы снова вернулись в данный регион. Если бы не Россия, ИГИЛ точно захватил бы сегодня всю Сирию. И какая ситуация была бы в целом на Ближнем Востоке – сказать трудно.

Успехом я называю работу ЕврАзЭС и БРИКС, установление не только партнерских, но и стратегических отношений с КНР, активную деятельность в Юго-Восточной Азии и в Латинской Америке. Все-таки удается, правда, с трудом, удерживать в фарватере СНГ и бывшие республики Советского Союза, которые еще остались в СНГ.

Россия сыграла выдающуюся роль в урегулировании конфликта в Карабахе. Я это по себе знаю, я во времена Советского Союза нес там службу и знаю, что это такое, не понаслышке.

Наверное, такие основные успехи внешней политики я бы выделил сегодня. Но если в целом подводить итоги, то Россия на протяжении уже последних 20 лет демонстрирует свою самостоятельность и независимость. Можно сказать, что такую позицию мы заняли даже чуть раньше, когда Примаков стал министром иностранных дел и вектор у нас изменился. Главное для российской внешней политики – это результат для самой страны. Мы суверенное государство, и у нас суверенная внешняя политика, что, кстати, многим теперь не нравится.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, о некоем глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России придется столкнуться в среднесрочной перспективе?

– В первую очередь, противостояние с США. После распада Союза, после ликвидации блоковой системы, выражавшейся в реальном противостоянии систем НАТО и Организации Варшавского договора, США объявили, что они вершители судеб и что в этом заключается их официальная внешнеполитическая доктрина. Они будут определять и внешнюю, и внутреннюю политику других государств. Они будут доминировать на поле прав человека и в других областях. Все это показывает, что сегодня главным серьезным оппонентом будут являться США.

Второй вызов – это взаимоотношения с НАТО и Евросоюзом. К сожалению, позиция ЕС оказалась совершенно зависимой от внешней политики США. И в связи с этим, конечно, очень важно, чтобы Россия работала по вопросам внешней политики и экономики не с Евросоюзом, а со странами Европы. Сейчас это уже делается с Австрией, Венгрией, Словакией, Словенией и Италией. У нас также сохраняются вполне неплохие отношения с Германией. Я вообще считаю, что Россия и Германия могли бы стать центром консолидации сил как Европы в частности, так и Евразии в целом для конкуренции (в хорошем смысле слова) с США. Получится это или нет – уже другой вопрос.

Проблем много, они есть и среди «наших близких друзей» – бывших союзных республик. Конечно, самая большая проблема сегодня – это Украина и особенно Донбасс, потому что эскалация напряженности и срыв Минских соглашений, на мой взгляд, налицо. Не все просто в республиках Средней Азии. По сути дела, война между Арменией и Азербайджаном (двумя странами СНГ) показала, что России придется постараться, чтобы создать мирные условия для нормальной жизни. Так что работы у нас очень много.

– На протяжении последних лет мы видели некоторые, хотя и не очень удачные, попытки решить палестино-израильский конфликт. Как Вы считаете, каковы перспективы его урегулирования в будущем?

– К сожалению, похоже, что это будет такой отложенный и длительный процесс. Я здесь вижу несколько причин. Одна из них – отсутствие единства в самих палестинских рядах, наличие противоречий между группой Махмуда Аббаса и ХАМАС в Газе, за счет чего подрывается единство самой Палестины.

Вторая причина состоит в том, что Израиль полностью игнорирует все резолюции Совета Безопасности с 1967 г.: строительство поселений идет на захваченных территориях, равно как и на Голанских высотах. И я не вижу с их стороны каких-либо попыток урегулирования территориальных споров, что для Палестины очень болезненно.

И третья причина – позиция США. Они перенесли посольство в Иерусалим, они однозначно подыгрывают этой ситуации, способствуя сохранению конфликта.

К сожалению, в ситуации с Палестиной нарушилось и единство арабского мира. Если еще совсем недавно все страны арабского востока выступали с консолидированной позицией относительно Палестинского государства и палестинского единства, то сегодня ряд стран, в том числе страны Залива, уже меняют свою точку зрения по этому вопросу. Поэтому, к сожалению, этот конфликт еще долго будет нерешенным, и я с трудом сейчас могу дать рецепт, как его в ближайшее время можно будет урегулировать. Другое дело, что нужно отстаивать международные правила, нужно помогать палестинскому народу, нужно работать с Израилем, что мы и делаем. Но это так называемая оперативная работа, а не решение стратегической задачи.

– Как Вы считаете, что на сегодняшний день представляет основную угрозу безопасности РФ?

– В первую очередь, для меня очевидно, что это расширение НАТО на восток, «бряцание оружием» на наших границах и чрезвычайно агрессивная риторика США. Такой не было очень давно, даже при Обаме и его предшественниках. Разве что Рейган называл нас «империей зла».

Второе – это, конечно, международный терроризм, он не снят с повестки дня. И здесь, слава Богу, мы находим точки соприкосновения и с нашими партнерами на Западе, как называет их Владимир Владимирович.

Очень беспокоит ситуация в Афганистане после захвата власти талибами. «Спасибо» Президенту Байдену и его предшественникам.

Третье – это так называемые локальные конфликты. Это Приднестровье, с учетом сегодняшней политики Молдовы. Это и история на Северном Кавказе, я уже об этом говорил. И, конечно, ситуация в Донбассе, которая для меня сегодня представляется чрезвычайно тревожной, потому что похоже, что Зеленский стал заложником националистов. Для того чтобы держаться у власти, он готов на опрометчивые поступки, как это было в свое время при Порошенко.

– Каким Вы видите будущее стабильности Ближнего Востока? Есть ли какие-то перспективы создания системы коллективной безопасности в регионе?

– Мы ведем эту работу. Я должен отметить, что в этой области российская внешняя политика мне сегодня представляется чрезвычайно эффективной. Позиция России по вопросам Ливии, Ирака и Йемена очевидна, также мы продолжаем работу с нашими традиционными партнерами. Совсем недавно министр иностранных дел побывал в так называемых странах Залива. Было достигнуто то, что еще несколько лет назад казалось невыполнимым: у нас прекрасные отношения с Саудовской Аравией, очень хорошие отношения складываются с Катаром. Когда Россия показала свои возможности в урегулировании кризисов и в борьбе с бандитами, террористами ИГИЛ в Сирии, страны Ближнего Востока, традиционно хорошо относящиеся к России и Советскому Союзу, поняли, что Россия может быть одним из гарантов создания коллективной безопасности на Ближнем Востоке.

И конечно, надо не забывать работать с европейскими странами. Стоит отметить, что сотрудничать с США сложно, но с ними тоже нужно работать, в том числе и по теме Ближнего Востока. Так что, полагаю, события в Сирии и Ливане говорят о том, что создание системы коллективной безопасности в регионе – не утопическая, а чрезвычайно нужная и важная тема. И я уверен, что нам удастся добиться есоздания такой системы.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОМУ ВПК: ЧТО УГРОЖАЕТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ?

Д.Е. Шугаев – к.э.н., директор Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству, член РСМД

– Дмитрий Евгеньевич, какую часть в общем объеме российского оружейного экспорта составляет техника и вооружение для военно-морских сил? Кто основные покупатели?

– Ежегодный объем российского экспорта военно-морской техники для иностранных заказчиков находится у нас на уровне примерно 10% от общего объема ПВН. И формируется он в рамках заказов от иностранных партнеров на строительство изделий основной номенклатуры.

А доля послепродажного обслуживания ранее поставленной техники составляет 5–7% от общего ежегодного экспорта.

Тут стоит отметить, что в настоящее время субъекты ВТС России ведут активную работу над усовершенствованием системы послепродажного обслуживания. Эффективное сопровождение жизненного цикла поставленной техники, ее своевременный ремонт и обслуживание ну и в целом уровень сервиса существенно влияют на заключение новых сделок. Нашими традиционными партнерами в данной области являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе Индия и Вьетнам.

– Структура и география экспорта ПВН претерпели изменения в 2020–2021 гг.? Какие у России самые популярные экспортные образцы военной техники?

– Не стоит забывать, что международный рынок вооружений — область довольно консервативная. Поэтому в прошлом году структура и география экспорта российских поставок вооружения не претерпела каких-то существенных изменений. Мы присутствуем практически во всех сферах экспорта: это и сухопутная, и военно-морская, и бронетанковая, авиационная техника, техника ПВО, системы РЭБ и многое другое.

Нашими визитными карточками по-прежнему остаются боевая авиация и системы противовоздушной обороны. Это самолеты марок «Су» и «МиГ» и авиационные двигатели к ним, учебно-боевые самолеты Як-130. Востребованы ударные вертолеты «Миля».

По линии противовоздушной обороны крайней популярностью пользуются «Панцирь» и, не побоюсь этого слова, мировой хит — С-400 «Триумф».

На эти изделия за последние три года нам поступило более 30 заявок. К примеру, в поставках С-400 заинтересованы Малайзия и Эфиопия, в поставках «Панцирей» — Турция, ОАЭ, Иран.

Также нашими основными партнерами остаются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, заказчики на Африканском континенте и на Ближнем Востоке, в Центральной и Восточной Европе.

Могу сказать, что по-прежнему около половины экспорта вооружений у нас приходится на авиацию, порядка четверти — на ПВО, все остальное делят между собой сухопутная и военно-морская техника.

– В 2019 г. принята Стратегия ВТС. На какие виды техники будет сделан акцент в среднесрочной перспективе? Отслеживаем ли мы глобальные тренды развития рынка и как чувствуем себя в новых сегментах рынка, таких как робототехника и БПЛА?

– Тут стоит подчеркнуть, что несмотря на недобросовестную конкуренцию со стороны Запада, спрос на наше вооружение остается высоким. И секрет успеха здесь очевиден. В отечественной продукции сочетается показатель «цена — качество — эффективность». Продукция, которую мы производим и предлагаем, имеет аналогичное с иностранными конкурентными образцами качество и, как правило, более высокую эффективность, но при этом существенно меньшую стоимость.

Уже в ближайшем будущем Россия сможет предложить мировому рынку вооружений около полусотни перспективных образцов.

Можно, к примеру, выделить вооружения, разработанные предприятиями, входящими в контур госкорпорации «Ростех». Это бронетехника на платформе «Армата», созданная предприятиями «Уралвагонзавода», это самолет пятого поколения Су-57 от Объединенной авиастроительной корпорации (ОАК), вертолет корабельного базирования Ка-52К и модернизированный Ми-28 холдинга «Вертолеты России», а также целая линейка автоматов Калашникова.

Мы понимаем, что наступила эра беспилотников, мы готовы к этому, и нам есть что предложить. Сейчас нашим иностранным партнерам мы предлагаем многофункциональный комплекс с беспилотниками «Орлан», комплекс воздушной разведки с беспилотными летательными аппаратами большой продолжительности полета «Орион» и робототехнические комплексы типа «Уран». В ближайшей перспективе будет предлагать другие беспилотники и наземные роботы.

В то же время надо понимать, что в отношении недавно созданных вооружений приоритетом для отечественных предприятий оборонно-промыш-

ленного комплекса является выполнение заданий гособоронзаказа в интересах Минобороны РФ.

– США продолжают предпринимать действия по препятствованию нашей контрактной работе на рынке вооружений? Насколько это у них получается?

– Тут, безусловно, присутствует недобросовестная конкуренция, причем это мягко сказано. На мой взгляд, это совершенно открытый шантаж, который заключается в том, что людям совершенно в открытую угрожают санкциями, закрытием счетов и вообще тем, что им «придется несладко». Сейчас это уже просто неприкрытая ничем санкционная война.

Посмотрите, что происходит, они ведь сбились со счета со своими санкциями. Тут недавно договорились до того, что не будут поставлять нам оружие.

Но при этом русские люди могут гордиться своей смекалкой, наша система ВТС даже в таких условиях действует очень эффективно.

**МЕЖДУ-
НАРОДНЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ**

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО

Е.Ю. Винокуров – д.э.н., главный экономист Евразийского фонда стабилизации и развития, профессор РАН, член РСМД

– Евгений Юрьевич, сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Есть ощущение системного кризиса экономического миропорядка, развертывание которого наблюдается сейчас, и полноценная фаза которого скорее придется на вторую половину 2020-х гг., нежели на первую. В международном экономическом контексте это (а) растущая конфронтация США и Китая; (б) кризис системы регулирования международной торговли; (в) резко возросший уровень суверенной задолженности и (г) быстрое развертывание технологических войн, где оружием выступают техническое регулирование и нетарифные барьеры. Во внутренних экономических контекстах это (д) «левый поворот». В специфически российском контексте накладывается также (е) угроза резкого снижения значимости углеводородного экспорта. Мне кажется – хотя ошибка здесь очень возможна, – итогом может стать серьезное потрясение основ, но скорее к концу декады, чем в первой половине.

В среднесрочной перспективе наиболее легко прогнозируется рост конфронтации между США и Китаем, а также рост технологической составляющей международных торговых войн.

– Роль международных институтов падает с конца XX в. Как можно повысить ее и вновь сделать эти институты востребованными для международных отношений? К чему может привести рост регионализации в мире: к большему уровню сотрудничества или усилению конфронтации?

– Разделяю обеспокоенность, связанную с фрагментацией международного сотрудничества и институтов. В экономике кризис COVID-19 характеризуется тем, что государства вынуждены брать на себя большие обязательства, поддерживая систему здравоохранения и обеспечивая социальные расходы. При этом правительствам сегодня приходится принимать трудные решения относительно экономической политики. Возникает необходимость привлекать новые долги, чтобы закрыть разрывы бюджета и платежного баланса, тем самым обременяя будущие поколения. Стоит иметь в виду, что на национальном уровне самым первым уровнем самозащиты являются собственные

резервы стран. В небогатых экономиках они невелики и не могут рассматриваться как достаточный стабилизационный источник финансирования. Кроме того, как показывает мировая практика, страны неохотно идут на расходование резервов, боясь потерять доверие экономических агентов. Опыт коронакризиса подтверждает эту практику. Таким образом, учитывая глубину кризиса и важность минимизации его долговременных последствий для экономики, совершенно необходима адекватная реакция на региональном и глобальном уровне.

Однако пессимизм не всегда и не во всем оправдан. Например, в области моей компетенции, в части реализации антикризисных функций мировой финансовой системы огромные усилия 2010-х гг. сейчас дают плоды, а сложные процессы глобализации/деглобализации носят комплексный и пока позитивный характер. Хорошая новость заключается в том, что степень ситуационной готовности Глобальной сети финансовой безопасности (ГСФБ) в целом за последнее десятилетие резко возросла. Из компактной двухуровневой системы с национальными резервами и МВФ, ГСФБ быстро эволюционировала в многоуровневую и гораздо менее централизованную систему с дополнительными элементами на региональном и национальном уровнях. В настоящее время объем доступного финансирования в рамках ГСФБ достиг эквивалента 4% мирового ВВП.

На глобальном уровне МВФ отреагировало на остроту ситуации оперативно и полно. В рамках своих программ экстренного реагирования МВФ расширил лимит доступных средств до 1 трлн долл. К концу апреля 2020 г. уже 103 страны – более половины членов организации – прислали заявки на экстренное финансирование. МВФ удвоил доступ к своим чрезвычайным инструментам, утвердил облегчение долгового бремени в 25 государствах с низким уровнем дохода через реформированный Фонд защиты и ликвидации последствий катастроф и создал Инструмент краткосрочной ликвидности для помощи в управлении ликвидностью. Своими действиями МВФ укрепил свое место «в центре ГСФБ», что было в очередной раз зафиксировано в Совместном коммюнике «Группы 20». Фактическое усиление МВФ (центр Глобальной сети финансовой безопасности) противоречит тезису о деглобализации.

В целом, ГСФБ – хороший кейс происходящих в международной экономике сложных, комплексных процессов. В Глобальной сети финансовой безопасности присутствует и конкуренция, и взаимодополнение, и сотрудничество. Среди представителей международных финансовых организаций идет оживленное обсуждение плюсов и минусов текущего состояния дел. На мой взгляд, регионализация и процветающая многоуровневость ГСФБ является скорее благом, чем проблемой. Растет роль и вес регионального уровня ГСФБ. Своего рода «позитивная деглобализация» и усиление неглобалист-

ских уровней несет в себе решение проблемы неравномерности охвата ГСФБ. С новыми преимуществами неизбежно приходят и новые риски. Прежде всего, это касается вопросов координации внутри ГСФБ и рисков неоптимального распределения ресурсов.

– Как ЕАЭС влияет на экономические процессы в Евразии? Как Вы оцениваете перспективы развития Союза? Как будут развиваться международные связи ЕАЭС?

– В основе ЕАЭС лежит идея движения к свободному перемещению товаров, услуг, труда и капитала как средства повышения экономического роста, модернизации экономики и улучшения жизни граждан. У ЕАЭС на сегодняшний день уже есть существенные достижения, в частности единое таможенное пространство, общий рынок труда, работающие финансовые институты (ЕАБР и ЕФСР), общее техническое регулирование, первые соглашения о свободной торговле.

Вместе с тем есть проблемы, к которым желательно найти эффективные подходы, и есть горизонты, к которым предстоит идти. Трудности преодоления пандемии в 2020 г. еще раз показали важность сотрудничества и координации усилий. На мой взгляд, прогресс в решении следующих задач в течение 2020-х гг. принес бы бизнесу и гражданам стран ЕАЭС наибольшую пользу в нескольких областях.

Достройка общих рынков и обеспечение максимально полного применения Единого таможенного тарифа. Конечной целью может стать максимально широкий охват Общим рынком всей торговли товарами и услугами. Общие рынки ЕАЭС позволяют компаниям-инвесторам пользоваться рядом преимуществ в ведении бизнеса, а также более активно строить трансграничные цепочки добавленной стоимости.

В качестве необходимого и важного процесса для модернизации и кооперации экономик стран ЕАЭС видится прогресс в деле ликвидации/унификации нетарифных барьеров. На практике нетарифные барьеры препятствуют торговле сильнее, чем невысокие импортные пошлины. Без успешной борьбы с нетарифными барьерами эффективность единого таможенного пространства резко снижается.

Реализация крупных интеграционных проектов системного характера – прежде всего в транспортно-логистическом комплексе, электроэнергетике (включая возобновляемые источники энергии) и информационно-коммуникационных технологиях – улучшит жизнь людей в странах ЕАЭС.

Оптимальное с точки зрения экономических интересов встраивание в глобальную экономику цепочки стоимости – отдельная важнейшая задача, и

в ее решении ЕАЭС может сильно помочь. Безусловно, потенциал экономической и технологической кооперации на постсоветском пространстве значителен, но все же объективно ограничен размерами и текущей экономической специализацией. Основным инструментом на практике выступает заключение Соглашений о свободной торговле (ССТ). Современные ССТ представляют собой комплексные и гибкие механизмы, охватывающие торговлю, инвестиции и регуляторику – в зависимости от того, что партнерам реально нужно друг от друга.

В рамках евразийского сотрудничества актуальны разработка и реализация целевых межгосударственных программ в сфере социальной интеграции, образования, науки, научно-технического сотрудничества, экологии, культуры, истории и туризма. Тем самым будут решаться задачи социального взаимодействия – формирования «общественной ткани» интеграции. В частности, целесообразно создание в ЕАЭС собственной программы образовательной и академической мобильности – новой научно-образовательной модели и платформы, нацеленной на молодежь.

Таким образом, в моменте важна сосредоточенность на практической стороне дела, на потребностях бизнеса и населения. Такой подход, ориентированный на практические нужды экономического и социального развития, характеризуется как «прагматическое евразийство». В его основе лежит понимание интеграции не как цели, а как инструмента решения насущных экономических проблем вовлеченных государств. Главная из них сегодня – модернизация экономик и повышение эффективности экономических взаимосвязей, дающее реальные преимущества и возможности для бизнеса и населения. Прагматическое евразийство направлено на обеспечение успешности «интеграции снизу» – потоков товаров, услуг, труда и капитала, что является главным условием долгосрочной устойчивости и успешности евразийского интеграционного проекта. При этом региональный интеграционный блок не замыкается в себе, а осознает необходимость выстраивания оптимальных форм своего участия в мировой экономике.

От успешности реального движения по этим направлениям в долгосрочной перспективе будет зависеть, насколько полезным станет ЕАЭС для роста благосостояния граждан своих стран.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ УСПЕХА. ЧТО ДАЛЬШЕ?

А.С. Дзасохов – к.и.н., д.полит.н., заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, вице-президент РСМД

– Александр Сергеевич, в чем уникальность такой организации как РСМД? Что можно выделить как успехи за время его деятельности?

– Хорошо помню время создания Российского совета по международным делам. Оно выпало на благоприятный цикл в сфере международных отношений и солидного потенциала внешнеполитических возможностей нашей страны. Вспомним череду крупных мероприятий, состоявшихся по инициативе РСМД. Например, 1 марта 2013 г. РСМД при поддержке нашей страны провел конференцию «Россия–Европа: возможности партнерства». Конференция имела большой резонанс и в России, и в Европе. Дискуссии были содержательными. Материалы этого форума не утратили значимость и в наши дни. С докладом выступил председатель ЕС Ж.М. Баррозу и председатель Правительства РФ Д.А. Медведев. Убедительный пример, как набирала высоту и известность молодая и, как показало время, нужная площадка для поиска ответа на актуальные вопросы международной жизни и новые вызовы.

В общественном сознании появление новой организации международного профиля с высоким статусом (создана Распоряжением президента РФ) было воспринято положительно, но одновременно мы полагали, что потребуется много времени для развертывания реальных дел. В нашем случае так не произошло. И этому есть убедительное объяснение. Президентом РСМД был избран известный в России и в мире опытный политик и дипломат И.С. Иванов. Он же, не секрет, является «архитектором» создания РСМД.

Попечительский совет возглавил Е.М. Примаков, имя которого многие десятилетия ассоциируется с масштабной личностью политика и ученого, умеющего собрать вокруг себя политическую элиту. Позже Попечительский совет возглавил С.В. Лавров, тем самым сохранились широкие возможности взаимодействия РСМД с Министерством иностранных дел Российской Федерации.

Удачно, что с самого начала в составе руководства РСМД оказался А.В. Картунов — династийный политический аналитик и организатор.

Нет сомнений, что РСМД за 10 лет своей деятельности обрел высокий рейтинг. Что особенно важно, стал связующим звеном между властью, научно-экспертным, гражданским сообществами и бизнесом.

Считаю разумным подход руководства к формированию первого состава Совета, в который вошли люди разных профессий, разных поколений, дипломаты, ученые, деятели культуры.

Спустя почти 30 лет после дезинтеграции Советского Союза в 1990-е гг., была разбалансирована внешняя политика. В дипломатической риторике в те годы избыточно твердили, что с ушедшей эпохой должна уйти и «старая внешняя политика». Это не иначе как упрощение проблемы. Именно базовые, фундаментальные основы национальных интересов (суверенитет, роль в мировом сообществе и др.) не должны подвергаться сомнению. Они на все времена. Тем более, что новая Россия является правопреемницей Советского Союза. В этом качестве РСМД сыграл незаменимую роль для сохранения преемственности внешней политики, разумеется, с учетом меняющегося мира.

Хочу обратить внимание на то, что РСМД за прошедшие годы сумел сформировать эффективную связь между внешнеполитическими задачами и внутренними проблемами. Установление таких связей далеко не всегда удается другим организациям международного профиля. Совет выбрал новые траектории и новых партнеров. Совет сумел наладить регулярное сотрудничество с ведущими университетами страны, которые теперь имеют статус корпоративных членов РСМД. Как и другие члены Совета, я имел возможность быть в ряде университетов и видел, как важно для вузовской общественности иметь такие продуктивные связи с авторитетной внешнеполитической организацией.

Заслуживает одобрения внимание к молодежи, связывающей свое будущее с вопросами международного характера. Сотни молодых людей, будущих дипломатов и журналистов, прошли практику в РСМД, опубликовали свои первые статьи на сайте и в изданиях Совета.

Я не знаю других примеров, кроме РСМД, кто бы с пользой для дела сотрудничал с федеральными органами исполнительной власти, оказывая им экспертную помощь в области их внешних связей.

За прошедшие 10 лет РСМД установил связи с сотнями национальных, региональных и международных организаций и сотрудничает с ними по широкому спектру вопросов. Более того, активность Совета на международной арене стимулировала появление новых организаций.

Сказанное мною – лишь часть многогранной деятельности Совета. Первые 10 лет истории РСМД были успешными. Теперь важно обратиться в будущее.

В этом контексте хочу высказать в краткой форме следующие соображения:

- необходимо содействие дальнейшему утверждению многополярного мироустройства, раскрытие потенциала ШОС, БРИКС и других коалиций государств, где Россия играет весомую роль;
- отдельным, несомненно, самым приоритетным направлением нашей деятельности должно быть содействие развитию интеграционных процессов Евразийского экономического союза, а также обеспечение

добрососедских отношений с сопредельными России государствами, в частности, входящими в состав СНГ;

- затянувшиеся на многие годы дискуссии о роли ООН применительно к меняющемуся миру, пессимистические прогнозы о будущем ООН, требуют нахождения мер яркого, консолидирующего, резонансного, масштабного характера. Суждения о реорганизации ООН, разные взгляды на роль Совета Безопасности ООН, конечно, важны. Но они не выходят за пределы дискуссии дипломатического сообщества. Может быть, настало время подготовки и проведения специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН с участием всех государств-членов, дискуссиями о задачах в современном, сложном мире и поиском единства по главным вопросам: от равных прав, возможностей развития и, конечно, реакции на эффективное урегулирование региональных конфликтов и др.;
- в целях поддержания связей ООН с международными и региональными общественно-политическими организациями было бы полезно приглашать их представителей перед началом ежегодных заседаний Генеральной Ассамблеи, а также на крупные форумы по глобальным темам (климат, экология, демография, пандемия и др.);
- представляет интерес вопрос о роли партийно-политических движений разного толка (правые, центристы, левые). Их роль, если обозреть историю недавнего прошлого, была высокой и нередко способствовала выработке общемировой повестки дня.

В 1989 г. председатель Социнтерна, бывший канцлер ФРГ Вилли Брандт представил миру доклад «Север-Юг: программа выживания». Документ, можно сказать, стал программой действий, вызвал глубокий интерес на многие десятилетия, по сути, стал мировоззренческой базой справедливого экономического порядка. Вопрос, о котором мы говорим, более чем актуален. Не только в контексте «Север – Юг», но применительно ко многим странам с гигантским разрывом социального положения населения.

Еще раньше, в 1969 г., в Карловых Варах на совещании коммунистических и рабочих партий впервые было заявлено о концепции общеевропейской безопасности. Позже главы государств социалистического содружества внесли предложение о проведении в Хельсинки конференции по проблемам безопасности и сотрудничества в Европе. А дальше, как известно, все трансформировалось в документ исторической важности — Хельсинскую декларацию.

Идей много, но надо завершать. Нет никаких сомнений, что богатый опыт деятельности РСМД будет и впредь востребован в интересах поддержки внешнеполитических задач Российской Федерации.

МИР, ДОБРОСОСЕДСТВО И ПРОГРЕСС – ГЛАВНЫЕ ЦЕЛИ СНГ

С.Н. Лебедев – Председатель Исполнительного комитета СНГ, член РСМД

– Сергей Николаевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Главным успехом российской внешней политики в эти годы, на мой взгляд, можно назвать то, что, несмотря на немыслимое давление извне и политику санкций, руководству России и дипломатам удалось защитить интересы страны и сохранить ее авторитет на международной арене, обеспечить мирные условия для дальнейшего поступательного развития России.

К числу очевидных успехов российских усилий в международных делах я бы отнес также сохранение и продолжающуюся деятельность СНГ, чье 30-летие мы отмечаем в этом году (2021 г.). Ведь уже столько раз политологи и журналисты «хоронили» СНГ, предрекали его скорую кончину, но Содружество не только успешно функционирует, но и стало базой для создания еще двух важных интеграционных объединений на постсоветском пространстве – ОДКБ и ЕАЭС. Все три объединения сегодня востребованы, продолжают развиваться и совершенствоваться.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Как это ни печально, приходится констатировать, что в ближайшие годы России придется и далее противостоять массированным нападкам и давлению, попыткам повлиять на ее внешнеполитический курс, ослабить роль России на международной арене. Нет сомнений в том, что западные страны во главе с США будут продолжать политику вмешательства во внутренние дела России с целью изменения как ситуации в самой стране, так и ее курса в международных делах.

Так называемый коллективный Запад бросает сейчас миллиардные суммы и делает все возможное для того, чтобы ослабить или подорвать отношения России с ее соседями и традиционными партнерами. И здесь очень важно помешать реализации этих планов, работать на внешнеполитическом фронте с опережением, сохранить авторитет и влияние России на мировой арене.

– Роль международных институтов уменьшается с конца XX в. Как можно увеличить ее и вновь сделать эти институты востребованными для народов стран СНГ?

– Я уже более 10 лет возглавляю Исполнительный комитет такой крупной международной организации как СНГ. И, естественно, искренне заинтересован в повышении роли Содружества и его востребованности на постсоветском пространстве. Исполнительный комитет СНГ – рабочий аппарат Содружества Независимых Государств и наш многонациональный коллектив, состоящий из представителей всех государств Содружества, делает все возможное для того, чтобы способствовать не только сохранению нашей интернациональной структуры, но и ее дальнейшему развитию и всестороннему укреплению. Однако этого мало. Важно желание и готовность политических элит стран СНГ содействовать этому процессу. Жизнь уже неоднократно подтверждала и подтверждает сегодня, что государства – участники СНГ, расположенные по соседству друг с другом, связанные столетиями совместного пребывания в одном государстве, общими экономическими, культурными, гуманитарными, родственными и дружественными связями, объективно обязаны тесно взаимодействовать и сотрудничать друг с другом. Это в интересах каждого из государств СНГ и в наших общих интересах. Вместе нам намного легче решать многочисленные проблемы, возникающие перед нашими странами. Более того, как человек, регулярно бывающий в странах Содружества и общающийся с представителями самых разных слоев населения, могу сказать, что и среди жителей стран СНГ большинство по-прежнему питают добрососедские чувства друг к другу и высказываются за сохранение дружественных отношений и развитие традиционных тесных связей.

Очень важна конструктивная поддержка инициатив, направленных на укрепление многостороннего сотрудничества со стороны руководства стран СНГ, соответствующих министерств и ведомств. Только при такой поддержке наше Содружество имеет шансы на дальнейшее существование и поступательное развитие.

– Усиление процесса регионализации приведет мир к большему уровню сотрудничества или усилению конфронтации?

– Последние годы мы наблюдаем развитие процесса регионализации. Это объективно, потому что, объединяя усилия и ресурсы, намного легче решать как региональные, так и глобальные проблемы. При этом важно, чтобы руководители той или иной международной организации не замыкались на региональных проблемах, а конструктивно взаимодействовали с другими

международными структурами. СНГ со времен своего основания традиционно выступает за сотрудничество и поддержание тесных контактов с другими международными региональными объединениями.

В марте 1994 г. Содружеству отдельной резолюцией в рамках ООН был придан статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН. Аналогичный статус предоставлен Содружеству в ЮНКТАД (19 апреля 1994 г.). 24 мая 1996 г. Устав СНГ был зарегистрирован в Секретариате ООН. Каждые два года в рамках сессии Генеральной Ассамблеи ООН принимается резолюция ГА ООН о сотрудничестве между ООН и СНГ. Исполнительный комитет поддерживает отношения с исполнительными структурами более 20 международных организаций, с 15-ю из которых заключены соглашения о сотрудничестве. Это и Управление ООН по наркотикам и преступности, отделение ООН в Женеве, секретариаты ЮНКТАД, ЕЭК ООН, ЮНЭЙДС, ЮНЭСКО, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, Администрация МОМ, и многие другие. 31 октября 2018 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Антитеррористическим центром СНГ и контртеррористическим управлением ООН. А 27 ноября 2018 г. подписан меморандум об углублении взаимодействия между Исполкомом СНГ и Евразийской экономической комиссией. По вопросам мониторинга избирательных процессов в государствах – участниках СНГ на уровне Миссии наблюдателей от СНГ мы взаимодействуем с миссиями БДИПЧ/ОБСЕ, ПА ОБСЕ, ПАСЕ и Шанхайской организацией сотрудничества. На одном из заседаний Совета глав государств нам было поручено углублять такое взаимодействие. Мы поддерживаем рабочие контакты и обмениваемся информацией со структурами Международной организации уголовной полиции (Интерпол), Центральноазиатским региональным информационным координационным центром (ЦАРИКЦ), участвуем в качестве наблюдателя в мероприятиях Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), тесно взаимодействуем с ВОЗ. И я хочу отметить, что к СНГ наши партнеры относятся уважительно – как к одной из влиятельных международных региональных организаций, которая имеет четкую и сбалансированную программу совместных перспективных действий, направленных на обеспечение динамичного социально-экономического роста государств-участников, повышение их роли и авторитета в мировом сообществе.

Мы настроены и дальше углублять и расширять наше взаимодействие с другими международными организациями, полагая, что такое сотрудничество весьма полезно как для нас, так и для наших возможных партнеров. Изолирую себя, ничего не решишь. Контакты и коллективное сотрудничество всегда помогают. Главное, чтобы оно было конструктивным и взаимоуважительным.

– Что, по Вашему мнению, сегодня представляет собой СНГ? Какие направления взаимодействия в рамках СНГ развиваются, а по каким имеются трудности? Как Вы оцениваете взаимодействие СНГ с международной средой? Насколько сегодня востребовано СНГ и будет ли оно востребовано в будущем?

– Начну с того, что сегодня альтернативы СНГ нет. Давайте вспомним о том, что как только была создана эта организация, некоторые эксперты говорили, что она не сможет существовать. Есть и сейчас те, кто так полагают. Что можно им ответить? В декабре 2021 г. СНГ исполняется 30 лет. Это хороший повод для осмысления пройденного пути и извлечения уроков для совершенствования нашей организации с учетом глобального запроса на позитивные перемены. Содружество Независимых Государств – это авторитетная региональная международная организация, не имеющая аналогов в мире, ставшая одним из эффективных инструментов обеспечения региональной стабильности, важным механизмом согласования позиций по ключевым вопросам. Но как и любая организация, СНГ не может стоять на месте, ей необходимо совершенствоваться, укрепляться и расти.

Негативные тенденции в мировой экономике, санкционные кампании, усилия внешних игроков с целью превратить пространство Содружества в конкурентное поле для его последующей дезинтеграции, а также другие неблагоприятные факторы, безусловно, накладывают отпечаток на нашу совместную деятельность.

Пандемия COVID-19 заставила нас по-новому взглянуть на происходящее. В нашу практику, да и в лексикон вошли такие понятия как «пандемия», «работа на удаленке», «масочный режим», «локдаун» и многие другие. И мы все, как говорится, «на ходу» учились работать в этих новых условиях. Практика показывает, что в это сложное время большое значение приобретает тесное взаимодействие наших государств. Важно не допускать ситуаций, которые могли бы разъединять наши народы, а искать пути и возможности для налаживания взаимовыгодного сотрудничества.

На минувшем саммите в декабре 2020 г. лидеры наших стран подчеркивали, что рассматривают СНГ как уникальную, имеющую огромный потенциал для дальнейшего развития, важную и эффективную площадку для углубления практического партнерства по всем направлениям политического, торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества. Главы государств назвали Содружество одним из эффективных инструментов обеспечения региональной стабильности. Они утвердили Концепцию дальнейшего развития СНГ, важный документ, который определяет стратегические направления сотрудничества стран Содружества в среднесрочной перспективе и позволит совместно достичь новых целей на приоритетных направлениях.

Базовые принципы функционирования СНГ – право государств на выбор собственной модели развития и возможность избирательно участвовать в тех направлениях сотрудничества, которые представляют для них наибольший интерес. У СНГ большой потенциал. Обратите внимание, что Содружество занимает 16% мировой территории. На долю СНГ приходится 14,5% мирового экспорта энергоносителей, 6,2% железа и стали, 3,5% сельскохозяйственной продукции.

Объединяющая роль СНГ очень велика. Мы сегодня продолжаем взаимодействовать даже с теми государствами, которые в свое время вышли из Содружества. Удалось сохранить связи с этими странами. Многие из них по-прежнему сотрудничают в отраслевых советах и других объединениях СНГ. Все это говорит о гибкости механизмов и форматов взаимодействия в рамках Содружества.

Нас объединяют культурные и экономические связи, общая история и общая победа. В СНГ исходят из того, что именно Советский Союз благодаря единству всех его народов добился перелома в войне с нацизмом и заплатил самую высокую цену за полномасштабное освобождение европейских стран. Среди погибших на полях сражений были воины всех национальностей. Это обязывает нас делать все возможное, чтобы память о Великой Победе сохранилась в веках для укрепления дружбы наших народов и дальнейшего развития сотрудничества государств – участников СНГ. Совместные усилия стран сосредоточены также на пресечении попыток переписывания истории и оправдания чудовищных преступлений нацизма, на сохранении военно-мемориального наследия народов государств – участников СНГ и формировании чувства гордости за нашу Великую Победу, патриотизма и героических традиций у послевоенных поколений стран Содружества.

Очень важный объединяющий всех нас фактор – язык. Официальный язык Содружества – русский. И 2023 год будет объявлен в Содружестве годом русского языка, как языка межнационального общения.

СНГ – системообразующая организация, формирующая единое пространство в социальной, экономической, гуманитарной, политической сферах. Примером эффективной формы политического сотрудничества в формате Содружества и важным элементом международной системы мониторинга избирательных процессов стала деятельность Миссии наблюдателей от СНГ на проводимых в государствах-участниках выборах и референдумах.

Насколько востребовано СНГ сегодня? Приведу вам слова президента Российской Федерации В.В. Путина, которые он произнес на одном из оперативных совещаний с постоянными членами Совета Безопасности: «Направление СНГ – одно из важнейших, если не самое главное, самое важной направление нашей работы на внешнеполитическом треке. Это самые близкие для

нас страны, я уже не говорю, что это соседи, это государства, с которыми нас связывает очень многое».

Главы государств СНГ намерены сосредоточить свое внимание на усилении роли Содружества для улучшения уровня жизни населения, решения проблем, вызванных глобализацией и новыми вызовами современности.

Приоритетные задачи сегодня – скорейшее восстановление экономик, торговых и кооперационных связей наших стран. Остро стоит вопрос социальной и правовой защиты граждан государств СНГ, которые ведут трудовую деятельность в наших странах. Особо актуально формирование эффективной системы мониторинга и раннего реагирования на чрезвычайные ситуации, связанные с массовыми заболеваниями и эпидемией.

Цели СНГ – дальнейшее повышение эффективности организации, поддержание ее авторитета на международной арене, укрепление интеграции государств-участников в целях обеспечения мира, добрососедства и прогресса на пространстве Содружества.

ПРИОРИТЕТНЫМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУППЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ В ЭТИ ГОДЫ БЫЛ РЯД ВОПРОСОВ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ

Ф.М. Мухаметшин – д.полит.н., заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, заместитель Председателя Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир», Чрезвычайный и Полномочный Посол, член РСМД

– Фарит Мубаракшевич, в 2020 г. многие мероприятия Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир» были посвящены 15-летию участия Российской Федерации в качестве наблюдателя в Организации исламского сотрудничества. Как Вы оцениваете сегодня это сотрудничество?

– Прежде всего в своей работе мы исходим из установок президента России В.В. Путина, постоянно уделяющего внимание расширению взаимодействия как с Организацией исламского сотрудничества (ОИС), так и на двусторонней основе по укреплению доверия и взаимопонимания между Россией и государствами – членами ОИС. В.В. Путин не раз подчеркивал, что «голос российских мусульманских деятелей должен громче звучать и на международной арене, в мировом исламском сообществе...сегодня и на Ближнем Востоке, и в исламском мире в целом растет востребованность в российском присутствии. И мы должны действовать более активно, развенчивая губительные для человечества проекты манипулирования странами и народами, информацией и общественным сознанием. Россия не только не заинтересована в расколе или перестройке исламского мира, но, напротив, проводит последовательную, твердую линию по укреплению его единства».

Прошедший 15-летний период тесных контактов между Россией и государствами – членами ОИС был насыщен важными для них событиями. Россия и исламские страны сблизилась на основе сбалансированных подходов по ряду проблем современного мироустройства, подтверждая примером своего взаимодействия возможность бесконфликтного сотрудничества цивилизаций в условиях формирования многополярного мира.

Приоритетным в деятельности Группы стратегического видения в эти годы, и юбилейный год не стал исключением, был ряд вопросов глобальной повестки дня: сохранение многоконфессиональности и многокультурности в обществе, защита традиционных ценностей, углубление гуманитарного сотрудничества, развитие молодежных связей и обменов, улучшение информационных потоков и коммуникации.

Следует подчеркнуть, что мусульманские государства, с которыми у России сложились и успешно развиваются отношения взаимовыгодного со-

трудничества, представляют собой уникальную цивилизационную общность, которая заявляет о своих особых целях и интересах в международной политике, экономике и гуманитарном взаимодействии. ОИС ценит сложившиеся у нее связи с Россией как с одним из самых влиятельных участников международного общения, ее деятельность идет в русле укрепления принципов цивилизационного многообразия и полицентричности, продвижения региональной интеграции, раскрытия конструктивного потенциала солидарности людей, объединяемых единым верованием и убеждениями.

– В 2019 г. на заседание Группы, проводившемся в особняке МИД России с участием Министра иностранных дел С.В. Лаврова и ряда послов государств – членов ОИС были обновлены программная деятельность и состав Группы стратегического видения. Как они повлияли на дальнейшую работу Группы?

– Как Вы знаете, Группу стратегического видения в свое время возглавляли известные в стране и мире общественно-политические и государственные деятели – Е.М. Примаков и М.Ш. Шаймиев. После небольшого перерыва она продолжила свою работу под руководством Р.Н. Минниханова, президента Республики Татарстан.

Новые времена ставят новые задачи, и следует соответствовать меняющейся политической реальности. В этой связи обновление концепции и программной деятельности Группы в первую очередь было связано с необходимостью повышения эффективности использования потенциалов и возможностей по укреплению партнерских отношений и диалога России со странами исламского мира, с поднятием на качественно новый уровень содействия международному взаимодействию и сотрудничеству не только в ближневосточном, но и на широком афроазиатском пространстве с учетом динамики международных отношений.

Поэтому состав Группы был обновлен за счет приглашения руководителей российских регионов с мусульманской составляющей населения – Башкортостана, Дагестана, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Крыма, Северной Осетии и Чечни. Обновился и состав зарубежных представителей Группы. Региональные лидеры являются связующим звеном в сотрудничестве России с рядом стран исламского мира.

Сегодня деятельность Группы становится основным механизмом народной дипломатии в исламском направлении по содействию предпринимаемым по межгосударственной линии усилиям в целях поиска новых, нестандартных подходов к решению проблем комплекса гуманитарного сотрудничества России и стран исламского мира, включая межцивилизационный и межрелигиоз-

ный диалог. Группа стала востребованным партнером, создав новые форматы сотрудничества с различными структурами мусульманских стран, международными и региональными организациями в первую очередь с ОИС и ее Генеральным секретариатом.

Таким образом, присоединение России к деятельности самого крупного международного объединения государств исламского мира – ОИС – в качестве наблюдателя и создание Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир» определили приоритетные направления работы по восстановлению традиционных для нашей страны отношений с мусульманскими странами. Благодаря тесным контактам между Россией и государствами – членами ОИС по линии Группы стратегического видения возникли хорошо зарекомендовавшие себя механизмы и формы общения и взаимодействия в области общественной дипломатии. Именно через эти форматы общения сегодня проходят важные импульсы обновления и укрепления нашего сотрудничества.

– Какими были основные мероприятия Группы в 2020 г., когда из-за COVID-19 международные контакты между организациями и партнерами оказались максимально ограничены?

– Да, действительно, 2020 г. был сложным и для нас, проведение ряда мероприятий было перенесено, а наиболее важные были реализованы в онлайн-формате – «15-летие партнерства Российской Федерации и Организации исламского сотрудничества», «Мусульманский мир перед вызовами пандемии: единение в условиях социального дистанцирования», «Россия – Африка»: политика, экономика, история и культура», «Ислам в мультикультурном мире» и др.

Особое место в деятельности Группы заняла тема «75-летие Победы в Великой Отечественной войне и единение народов и религиозных общин во имя защиты Отечества».

Продолжилось партнерство Группы с получившим широкое признание за рубежом Международным экономическим форумом «Россия – Исламский мир»: *KazanSummit*.

Зарубежные партнеры были ознакомлены с положительным опытом России по развитию межрегионального сотрудничества и потенциалом регионов в реализации экономических, научно-образовательных и инновационных проектов.

– Группа стратегического видения как международная общественная организация, несмотря на сложности прошлого года, сумела провести большую работу по налаживанию внутриисламского сотрудничества и по вовлечению внешних партнеров в международный диалог и взаимодействие с исламским миром. Каковы основные мероприятия Группы в 2021 г.?

– Да, на самом деле Группа стратегического видения в сотрудничестве с организациями государств – членов ОИС, Генеральным секретариатом ОИС и Постоянным представительством России при ОИС, известными международными мусульманскими объединениями достигла неплохих результатов по дальнейшему укреплению экономических, гуманитарных и духовных связей. Однако весь имеющийся потенциал нашего сотрудничества еще не раскрыт полностью, и впереди нас ждет кропотливая работа по расширению взаимодействия с ОИС по масштабному диапазону межрелигиозных и межнациональных вопросов, а также в рамках межцивилизационного диалога в целом.

В числе первостепенных задач Группы на 2021 г. и последующие годы мы рассматриваем обсуждение актуальных проблем исламского мира с перспективой подготовки инициатив по их решению на выездных заседаниях Группы. Среди них – проведение в октябре 2021 г. в Королевстве Саудовская Аравия (г. Джидда) очередного заседания с повесткой дня: «Джидда – Россия и Исламский мир – диалог и перспективы сотрудничества».

Наряду с участием Группы в проведении уже традиционных для нас форумов, таких как: Международный экономический саммит «Россия – Исламский мир: *KazanSummit – 2021*» (Казань, июль 2021 г.), Казанский фестиваль мусульманского кино (осень 2021 г.) и других, запланирована организация ряда международных конференций, фестивалей и реализация молодежных проектов.

Обращаем особое внимания также на углубление контактов с центральноазиатскими государствами с учетом задач борьбы с экстремистскими тенденциями в исламе и укрепления сотрудничества в сфере образования, культуры и духовных связей.

Планируем проведение осенью 2021 г. в Узбекистане международной конференции совместно с Духовным управлением мусульман России и Центром исламской культуры при Кабинете министров Узбекистана с повесткой дня: «Духовный шелковый путь: цивилизационное наследие в пространстве диалога и добрососедства».

В рамках деятельности Группы рассматриваем также проведение ряда мероприятий и акций, приуроченных к Всемирной конференции по межрелигиозному и межэтническому диалогу, проводимой под эгидой Совета Федера-

ции с участием глав государств, парламентов и руководителей мировых религий, которая состоится в мае 2022 г. в России.

– Судя по форумам и конференциям, организованным Группой, большое внимание она уделяет гуманитарному, культурному сотрудничеству. Деятельность Группы в каких областях является приоритетной?

– Наряду с традиционными фестивалями, такими как ежегодный Казанский международный фестиваль мусульманского кино, где Группа вручает свою традиционную награду победителю ежегодного конкурса, посвященного диалогу культур, появились новые мероприятия. Например, обновлен формат проведения традиционных Айтматовских чтений, которые с 2020 г. будут проходить под названием «Международный форум писателей и интеллектуалов имени Чингиза Айтматова». Тема проведенной в рамках этого форума конференции «Россия и Исламский мир»: Роль традиционных ценностей в поддержке культурного многообразия» выявила неподдельный интерес российских и зарубежных участников мероприятия.

Широкий резонанс вызвала проведенная Группой во взаимодействии с Постоянным представительством России при ОИС и Посольствами России и Казахстана в Саудовской Аравии видеоконференция «У истоков современных дипломатических отношений с исламским миром: жизнь и судьба К.А. Хабирова и Н.Т. Торекулова».

Группа участвовала в проведении первого празднования Международного дня исламского искусства, провозглашенного ЮНЕСКО в 2020 г. Руководство ЮНЕСКО заявило о готовности активно подключиться к реализации российского научно-культурного проекта «Петербургский музей-институт исламской культуры». Речь идет о создании первого в России музея нового типа, в основу экспозиции которого лягут богатейшие исламские коллекции, связанные с историей российского ислама. В 2022 г. после открытия своей первой очереди музей планирует принять активное участие в праздновании 1100-летия со дня принятия ислама Волжской Булгарией. Музей способен стать одним из важнейших центров культурной жизни мусульманских народов России, представлять духовные достижения и историю российского ислама за рубежом.

ВСЕ СТРАНЫ – УЧЕНИКИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ШКОЛЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

М.А. Федотов – д.ю.н., директор Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» НИУ ВШЭ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, заслуженный юрист РФ, член РСМД

– Михаил Александрович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– 10 лет – слишком длинный срок и одновременно слишком короткий для того, чтобы выделить какие-то конкретные успехи и поистине великие достижения в отечественной внешнеполитической деятельности. Каждый год, едва ли не каждый месяц приносят нам известия о новых достижениях или неудачах. Очередные антироссийские санкции – это прокол, но предсказуемый и неотвратимый, а саммит президентов России и США – достижение, но закономерное, логичное, результат напряженного труда отечественных дипломатов.

Сложно выделять успехи еще и потому, что значительная часть этого периода пришлось на углубляющееся противостояние между Россией и коллективным Западом, сопровождаемое санкциями и контрсанкциями, которые не приносят ничего хорошего ни одной из сторон.

Это противостояние началось в конце 2011 – начале 2012 гг., когда Владимир Путин баллотировался на пост президента после 4-летнего перерыва. И Россия не была инициатором противостояния, поскольку вопрос о том, кого стране избирать своим президентом – ее внутреннее дело. Так внутривнутриполитический выбор российского избирателя предопределил похолодание во внешнеполитической среде.

Наиболее отчетливо недовольство «коллективного Запада» проявилось, на мой взгляд, в принятии Конгрессом США т. н. «Акта Магнитского». И тогда, и сегодня считаю это решение американских властей серьезной тактической ошибкой, имеющей катастрофические стратегические последствия. Помимо прочего, оно сильнейшим образом ударило по работе Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ), который мне в то время довелось возглавлять в качестве советника главы государства.

СПЧ тогда очень энергично и эффективно занимался общественным расследованием обстоятельств гибели юриста Сергея Магнитского в СИЗО. По нашей инициативе были внесены серьезные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: если бы они появились на несколько лет раньше, для «Акта Магнитского» просто не было бы повода. Но после принятия «Акта Магнитского» всякое сотрудничество прекратилось, поскольку тема перешла из чисто гуманитарной, правозащитной сферы в сферу внешнеполитического противостояния.

Ответом на «Акт Магнитского» стал пресловутый «Закон Димы Яковлева», который, помимо прочего, запретил иностранное усыновление, чем вызвал возмущение многих российских правозащитников и социально ориентированных некоммерческих организаций. А дальше последовали законы об «иностранцах-агентах», «нежелательных организациях», «недружественных странах» и другие. Все эти законы были ответом на действительно дискриминационные меры, которые применялись к различным российским государственным или окологосударственным структурам (*Russia Today*, *Sputnik* и др.) в США и других странах.

Однако пострадали от этих законов, прежде всего, не иностранные, а российские граждане и НКО. Отечественные некоммерческие организации оказались отрезаны от иностранных фондов, чьи гранты поддерживали их благотворительную деятельность в предыдущие 20 лет. Это их лишили устойчивых контактов с аналогичными зарубежными НКО: правозащитными, экологическими, женскими и т.д.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Полагаю, что в среднесрочной перспективе, как и сегодня, Россия будет стоять перед нелегким выбором. Первый возможный вариант – углублять конфронтацию с «коллективным Западом», имея целью нанести ему поражение во второй холодной войне. Второй вариант – стараться постепенно снижать напряженность и взаимную настороженность, работать на формирование общих целей и задач (экология, климат, борьба с эпидемиями, терроризмом, киберпреступностью и т.д.), глубже интегрироваться в мировую экономическую систему, в трансграничные творческие и коммуникационные индустрии. Пока этот выбор окончательно не сделан, мы колеблемся, делаем шаги то в одну, то в другую сторону, и потому оказываемся в положении человека, идущего по расходящимся железнодорожным путям.

Выбор первого варианта потребует последовательной мобилизации всего общества, тотального насаждения идеологии осажденной крепости и милитаризации всех сторон жизни. Советская история отлично знает, как это выглядит на практике. Правда, первая холодная война закончилась не в пользу СССР: он распался, как и ОВД и другие международные структуры соцлагеря. У этого варианта есть немало сторонников, полагающих, что вторая холодная война приведет к распаду НАТО, Европейского союза и даже США, а Россия, напротив, укрепит свое положение в качестве одной из мировых сверхдержав наряду с КНР.

О недостатках этого варианта мне довелось говорить на встрече президента России с СПЧ в октябре 2014 г. Их можно свести к фразе Томаса Манна, с которой я согласен. Он утверждал, что «война – всего лишь трусливое бегство от проблем мирного времени». На мой взгляд, важно использовать сложившийся высокий уровень доверия общества к власти не для военной, а для гражданской мобилизации, нацеленной на решение реальных проблем мирного времени.

Второй вариант потребует увеличения степеней свободы внутри страны и большой изобретательности нашей внешнеполитической службы. В максимальной степени нужно будет задействовать потенциал народной дипломатии, а следовательно, сильно скорректировать, если не отменить, принятые в последние годы законы, преследующие за «связь с иностранцами». Наоборот, наличие у российских НКО устойчивых связей с зарубежными коллегами должно стать таким же знаком качества, как публикация в международных научных журналах – для преподавателей вузов и сотрудников НИИ.

Также во втором варианте задача состоит в демилитаризации общественного сознания. Не в демобилизации, а именно в демилитаризации. Только перейдя от информационной войны к информационному взаимопониманию мы сможем постепенно восстановить конструктивные отношения с теми народами, которые сейчас смотрят на нас как на источник опасности.

Возвращение в мирное время, где было и осталось множество проблем, требует пересмотра поведенческих установок, сформировавшихся за время кризиса. Стереотипы подозрительности и враждебности неизбежно ведут к интеллектуальному обезвоживанию и оскудению во всех сферах жизни. Им на смену должны вернуться открытость и стремление к сотрудничеству, которые всегда помогали нашему движению по пути модернизации и гуманизации российского общества.

Естественно, танго танцуют вдвоем, и второй вариант может быть реализован только вместе с нашими внешнеполитическими партнерами. Какое бы отчуждение мы ни встречали на этом пути со стороны зарубежных партнеров, мы должны следовать избранным курсом, ориентируясь на общечеловеческие ценности, чтобы в конечном итоге прийти как минимум к взаимопониманию по всем спорным вопросам.

– Значимость международных институтов падает с конца XX в. Как можно повысить их значимость и вновь сделать востребованными для международных отношений?

– На мой взгляд, падение влияния международных организаций является результатом двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, когда создается

та или иная международная организация, страны-учредители более или менее отчетливо представляют себе, зачем она им нужна, какие она должна решать задачи, какие иметь полномочия и т.д. И эти свои представления они закрепляют в уставных документах соответствующей организации. В дальнейшем происходит постепенное удаление стран-членов от управления организацией. При этом одни страны пытаются монополизировать свою роль в организации, сделать ее послушным инструментом собственного влияния на международные дела в соответствующей сфере, а другие довольствуются малым – возможностью сидеть за общим столом и время от времени добиваться для себя того ли иного бонуса. И очень немногие страны-члены стремятся добиться от организации, чтобы она решала те задачи, ради которых была создана.

С другой стороны, созданная государствами-членами международная организация с течением времени все больше начинает работать на себя, а не на интересы тех стран, которые ее учредили. Она зацикливается на собственных проблемах, закукливается, реализует только те проекты, которые по тем или иным причинам выгодны ее секретариату. Иными словами, она развивается в полном соответствии со знаменитыми «законами Паркинсона», превращая государства-члены скорее в клиентов, нежели в хозяев организации.

Допускаю, что мои суждения слишком конспективны, резки и применимы далеко не ко всем международным организациям.

– Как Вы оцениваете вклад ЮНЕСКО в защиту прав человека? Каков тренд по вопросу соблюдения прав человека, если его можно выделить?

– ЮНЕСКО, конечно, не является правозащитной организацией в отличие, скажем, от Совета по правам человека ООН. Однако было бы ошибкой утверждать, что ЮНЕСКО не занимается правами человека. Занимается, но в рамках своей уникальной миссии, которая исходит из понимания того, что для поддержания человеческого достоинства – а это основа прав человека – необходимо широкое распространение культуры и образования среди всех людей на основе справедливости, свободы и мира. В Уставе ЮНЕСКО говорится, что «мир, основанный лишь на экономических и политических соглашениях правительств, не сможет завоевать единодушной, прочной и искренней поддержки народов; он должен базироваться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества». Именно на формирование этой солидарности и нацелена деятельность Организации.

Родившись и пережив свое становление на руинах Второй мировой войны, ЮНЕСКО, как и вся система послевоенных международных организаций семьи ООН, основана, прежде всего, на идее недопущения новой мировой войны. Не случайно поэтому она поставила своей уставной целью укорене-

ние идей защиты мира в умах людей. Мир – это главная цель деятельности ЮНЕСКО. Образование, наука, культура, коммуникации – средства, через которые эта высокая цель достигается. Именно через тему защиты мира ЮНЕСКО выходит на правозащитную проблематику, опираясь при этом на Всеобщую Декларацию прав человека.

Главное преимущество Организации – приближение ее программ к коренным нуждам государств-членов. Поскольку приоритеты ЮНЕСКО являются результирующей интересов всех 193-х государств-членов и принимаются Генеральной конференцией с их общего согласия, постольку на первый план объективно выходят глобальные проблемы человечества. Содействуя их решению, Организация вносит уникальный вклад в разработку социально-гуманитарных, правовых, культурных, экологических, информационных сторон международной жизни, тем самым содействуя реализации широкого спектра прав человека по всему миру.

Совершенно очевидно, что ЮНЕСКО не должна превращаться в наднациональный механизм, навязывающий странам определенную политику и приоритеты в развитии образования, науки, культуры, коммуникаций. Это не умаляет значение нормативной функции ЮНЕСКО, реализуя которую Организация способствует выработке и принятию значительного числа конвенций, деклараций, рекомендаций и модельных законов в рамках вопросов своей компетенции.

Конечно, позиция любого государства-члена ЮНЕСКО основана на его политических предпочтениях и доктринах. И в этом смысле всякая межправительственная организация является политической. Но в отличие от многих других международных организаций, например, ОБСЕ или Совета Европы, в сфере мандата ЮНЕСКО просто нет вопросов, которые нельзя было бы решить консенсусом. Практически по любому вопросу согласие может быть достигнуто, если страны-члены проявят добрую волю, откажутся от выдвижения надуманных проблем или политизации проблем реальных, и если ни одна из стран или групп стран не будет стремиться к какому-то привилегированному положению в Организации.

Почему-то считается, что проблематика прав человека является сугубо политической и обращение к ней неминуемо ведет к политизации. Категорически не согласен с такой позицией. Напротив, тема прав человека является самой объединяющей, если согласиться с тем, что все мы, все страны – ученики в глобальной школе прав человека. Кто-то из нас лучше учится по тем или иным предметам и имеет значительные достижения, например, в области защиты прав жертв домашнего насилия или обеспечения общественного контроля за соблюдением прав заключенных. Кто-то учится по этим предметам хуже, но зато прекрасно успевает, например, в области защиты права на охра-

ну здоровья или права на благоприятную окружающую среду. Поэтому как добрые товарищи по школе мы могли бы помогать друг другу осваивать трудную науку прав человека, как это практикуется у детей: дать списать домашнее задание, подсказать на контрольной... Главное – осознать, что все мы ученики в школе прав человека и никто здесь никому не учитель.

Это тем более важно сейчас, когда ситуация с правами человека во всем мире ухудшается, и наша страна, к сожалению, не выпадает из общего тренда. Уже не первый год нарастают угрозы в области экологии. Вспоминается предсказание Нильса Бора о том, что человечество погибнет не в термоядерной катастрофе, а задохнется под грузом собственного мусора. Продолжающиеся вооруженные конфликты подрывают важнейшее, хотя текстуально и не зафиксированное в Декларации 1948 г. и Пактах 1966 г., право человека на мир. Пандемия коронавируса нанесла сокрушительный удар не только по гарантиям права на охрану здоровья, но и по неприкосновенности частной жизни. Развитие информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта, помимо неоспоримых преимуществ и выгод, несет миру и вполне реальные новые угрозы, требуя международного признания нового поколения прав человека, которое включало бы не только право на доступ в киберпространство, но и право на персональные данные, право на забвение, право на доступ к интернет-технологиям, право на отказ от интернет-технологий, право на ментальную неприкосновенность, право на неприкосновенность цифровой личности и т.д. Все эти угрозы требуют консолидации усилий мирового сообщества.

МЕЖДУ- НАРОДНОЕ ПРАВО

БЛАГОПРИЯТНЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ В РОССИИ ВОЗМОЖЕН ПО СИНГАПУРСКОЙ МОДЕЛИ

Д.О. Афанасьев – председатель Комитета партнеров АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», член РСМД

– Дмитрий Олегович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Сильная игра слабыми картами, в результате чего получена передышка. Важно использовать ее для перестройки экономики и инфраструктурно-технологической «индустриализации» страны, чтобы обеспечить ее конкурентоспособность.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Основной международный вызов – это стремление США и их союзников сдержать развитие России, а как максимум – развалить доминирующего игрока на евразийском пространстве. Это стремление не уникально по отношению к России. Подавление центров силы, способных составить конкуренцию США, является основой американской геополитики после Первой мировой войны.

Остальные вызовы являются производными от основного. В их числе особенно актуальным будет восстановление российской сферы влияния в границах бывшего СССР, что подразумевает противостояние Турции, Китаю и Польше на этом пространстве.

– Какие правовые механизмы, на Ваш взгляд, могли бы повысить инвестиционную привлекательность России, и, с другой стороны, защиту российских инвестиций в развивающихся странах?

– Основная проблема инвестиционного климата в России – это недоверие предпринимательского сообщества к судебной и правоохранительной системе, к предсказуемости, обоснованности и разумности в процессе правоприменения. Решение этой проблемы имеет конституционное значение. В определенных аспектах может быть применима сингапурская модель. Защитить российские инвестиции в развивающихся странах можно, способствуя тому,

чтобы в этих странах были дружественные правительства. Также нужно развивать инвестиционный арбитраж, но его практические возможности ограничены.

– В условиях глобальной конкуренции капитала перед Россией стоит задача по повышению ее инвестиционной привлекательности. Какие, с Вашей точки зрения, усилия необходимо предпринять, чтобы улучшить инвестиционный климат в стране и обеспечить ее привлекательность для зарубежных инвесторов?

– На мой взгляд, необходимо следующее:

- повысить доверие предпринимательского сообщества к судебной и правоохранительной системе через комплекс мер;
- снизить стоимость финансирования для бизнеса;
- последовательно обеспечивать судебную защиту свободы договора субъектов предпринимательской деятельности;
- снизить давление на государственный и частный бизнес в рамках борьбы с коррупцией;
- ввести эффективные меры по борьбе с зарубежными санкциями в защиту национального бизнеса;
- запустить цифровой рубль как национальную криптовалюту;
- упростить и приветствовать иммиграцию в Россию квалифицированного иностранного персонала;
- сохранять привлекательный налоговый режим для физических лиц и несырьевого сектора экономики;
- применять российское право экстерриториально для защиты интересов российских граждан и бизнеса за границей.

РОССИЯ ГОТОВА ЖЕСТКО ОТСТАИВАТЬ СВОИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

В.С. Груздев – председатель правления Ассоциации юристов России, член РСМД

– Владимир Сергеевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет являются два взаимосвязанных и объективных процесса, отрицать которые не может ни один трезвомыслящий политик, в том числе наши западные партнеры.

Первое: события прошедшего десятилетия подтвердили правоту России, отстаивающей концепцию многополярного мира и обоснованность нашей позиции относительно невозможности навязывания рядом государств, пусть даже очень мощных в военном и экономическом отношении, собственных стандартов другим независимым государствам.

Несмотря на огромные задействованные ресурсы, в том числе пропагандистские, коллективному Западу практически не удалось добиться ничего в отношении Венесуэлы (в последнее время, например, Евросоюз «сбавил обороты» как в риторике в адрес Н. Мадуро, так и в практических шагах), постепенно стабилизируется обстановка в Сирии, где много было сделано для того, чтобы заставить уйти законно избранного президента Б. Асада. Эти и другие события, такие как победы сторонников левых взглядов в Мексике и Аргентине на президентских выборах, показывают, что проводимая Россией линия по защите концепции многополярного мира и права народов самим решать судьбу своих стран имеет сторонников и в среде элит, и в широких слоях населения в подавляющем большинстве государств. Мир сегодня де-факто многополярный. Во многом благодаря последовательной внешней политике Российской Федерации.

Второе – при все новых и новых санкционных сюжетах в отношении России Запад сейчас однозначно понимает, что Россия, отойдя от социализма и встав на капиталистический путь развития, не готова «влииться» в его систему ценностей и раствориться в ней. У России собственный путь, свои национальные интересы, свое видение приоритетов развития и прав личности, и она готова жестко отстаивать их, не навязывая при этом свои ценности другим. У Москвы есть все ресурсы для достижения этой цели, в том числе дипломатические.

Президент России В.В. Путин после встречи с президентом США Дж. Байденом подчеркнул: «Период однополярного мира прошел. Какие бы санкции ни применяли к России, чем бы ни пугали, Россия развивается и по некоторым параметрам наша страна превзошла европейские страны и даже те же США».

Конечно, всегда будут «ритуальные» действия западных политиков, адресованные своим избирателям, но у них есть и реальное понимание, что навязать России ничего не удастся, что надо искать точки соприкосновения и договариваться по конкретным вопросам. Особенно в сфере обеспечения безопасности и в области экономического сотрудничества.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Основой системных кризисов в среднесрочной перспективе являются, в первую очередь, усугубляющиеся неравномерность экономического развития и огромные различия в уровне жизни на планете, неравенство возможностей, помноженное на рост миграционных потоков с соответствующим столкновением культур, а также появление новых мощных экономических держав с растущими амбициями и объективной потребностью в финансовой и торговой экспансии. Все это однозначно усугубится последствиями пандемии коронавируса, которые пока никто не может с достаточной степенью точности просчитать.

Из серьезных международных вызовов можно выделить медленно, но с завидным упорством реализуемые планы по интеграции Украины в НАТО. Об этом недавно заявил и президент России В.В. Путин. «Меня беспокоит начало военного освоения украинской территории», – сказал он. «По конституции Украины, там не может быть военных баз иностранных, но можно создать учебные центры, можно пользоваться другими формами... Военное освоение территории, которая непосредственно граничит с нами, создает для нас существенные проблемы в сфере безопасности. Это касается уже реальных жизненных интересов Российской Федерации и народа России. И именно это вызывает беспокойство, и об этом мы должны думать», – отметил В.В. Путин.

Также среди вызовов нельзя не отметить нарастающий миграционный кризис, который может задеть и Россию.

Не может не беспокоить наметившийся (пока преимущественно по линии США) более жесткий курс Запада в отношении КНР по противодействию финансовой и экономической экспансии Китая, гораздо лучше справившегося с пандемией, чем Запад, несмотря на то, что она началась в китайском Ухане. ЕС пока старается занимать нейтральную позицию, однако в перспективе нельзя полностью исключать более жесткого противостояния Запада со страной, динамично развивающейся и довольно агрессивно действующей в сфере внешней торговли и инвестиций. В этой ситуации России придется про-

водить очень выверенную и сбалансированную политику, ни в какой форме не втягиваясь в противостояние и не допуская использования себя в качестве разменной фигуры ни одной из сторон.

Совместной реакции и международной координации может потребовать такое опасное явление, как растущее влияние IT-гигантов (например, *Facebook*, *Google*) на все сферы жизни общества и их возможные попытки стать еще одной очень влиятельной ветвью власти, причем в мировом масштабе. Финансовые ресурсы и технологии уже имеются, а в последнее время проявились и амбиции. В перспективе вместо «мирового жандарма» – государства, мир может получить глобального контроллера – корпорацию.

– Какие правовые механизмы, на Ваш взгляд, могли бы повысить инвестиционную привлекательность России и, с другой стороны, защиту российских инвестиций в развивающихся странах?

– В России основным регулирующим документом инвестиционной деятельности выступает Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». Системообразующим фактором инвестиционного законодательства является защита прав инвестора как главная цель правового регулирования инвестиций.

Инвесторы обращают внимание на развитость инфраструктуры, финансового рынка и на то, насколько прост для инвестора выход на рынок. Крайне важна понятная, прозрачная и быстрая судебная защита инвесторов. Обеспечение перечисленных условий повышает привлекательность страны для институциональных инвесторов, что дает крупный приток инвестиций, стимулирующих экономику к развитию.

Значимым правовым механизмом является Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», обеспечивающий гарантию правовой защиты иностранных инвесторов на территории Российской Федерации, а также гарантию перехода прав и обязанностей иностранного инвестора другому лицу, компенсации при национализации и реквизиции имущества иностранного инвестора, гарантию от неблагоприятного изменения для иностранного инвестора законодательства Российской Федерации, а также использования на территории Российской Федерации и перевода за пределы Российской Федерации доходов, прибыли и других правомерно полученных денежных сумм и т.д.

В настоящее время в России хорошо развито законодательство в области инвестиционной деятельности, что снижает правовой риск для инвесторов и повышает инвестиционную привлекательность страны.

Развивающиеся страны с переходной экономикой и неустойчивой политической ситуацией считаются наиболее рискованными для инвесторов. Самым распространенным механизмом защиты российских инвестиций за рубежом традиционно является соглашение о защите капиталовложений.

**ОБРАЗОВАНИЕ,
НАУКА И
КУЛЬТУРА**

ЗАКРЫТИЕ ГРАНИЦ ПОКАЗАЛО, ЧТО ДЛЯ ЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ ГРАНИЦ НЕТ

А.Б. Безбородов – д.и.н., ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), заведующий кафедрой истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ, член РСМД

– Александр Борисович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– В последнее десятилетие произошло несколько важных процессов в сфере образования. Во-первых, завершился этап стандартизации образовательных программ высшей школы. Теперь вузы работают в некоторой общей логике. В масштабе страны была выстроена новая система образовательных уровней: бакалавриат, магистратура и аспирантура. Отлажены механизмы перехода между уровнями образования и построения индивидуальной образовательной траектории. Во-вторых, мы получили опыт вузовской мобильности, международных программ, сначала перенимая европейский опыт, а затем выстраивая самостоятельный путь с ориентацией на экспорт образования в другие страны и регионы мира, среди которых Китай, Центральная Азия, арабские страны и Иран, Африка и Латинская Америка.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Думаю, главное событие и главный фактор сегодня – это осознание того, что мы оказались в будущем. Еще недавно мы говорили о цифровом будущем образования. Сейчас обстоятельства заставили нас применить весь комплекс накопленных технологий и сделали это будущее повседневной реальностью. Дело не в том, вернутся ли к нам карантин и локдаун, а в том, что теперь освоенные навыки мы можем применять очень широко. По сути, закрытие границ показало, что для информации, а значит, для знания и образования границ нет. И в этом новом, необязательно «глобальном» («глобальность» навязывает какую-то одну схему развития) мире, в мире разнообразных маршрутов и множественных коллабораций мы можем сделать очень многое. Самое главное и интересное – это расширение географии знания, обмен идеями, технологиями и опытом в самых разных направлениях, а не только с Запада на Восток. РГГУ, например, недавно открыл филиал в Латинской Америке, в Гватемале. И он действует именно в дистанционном, циф-

ровом формате. Оказалось, что латиноамериканцы интересуются не только Россией и ее культурой, но и тем, как российские ученые изучают культуру Латинской Америки. Мне кажется, будущее во многом за этим новым типом межкультурного обмена.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Конкурентоспособность зависит не только от качества и совершенства, измеряемого по какой-то одной шкале. Если присмотреться к критериям мировых университетских рейтингов, то можно увидеть, что их философия достаточно поверхностна: они не могут измерить реальное качество подготовки специалистов и реальное качество исследований. Они оценивают количество публикаций, размещенных в определенных базах, которые на данный момент объявлены собранием трудов, являющихся эталоном научности. Однако массовая погоня за этими цифрами приводит к имитации качества, а в конечном итоге – к дискредитации этих эталонов и шкал. Конкурентоспособность многообразных траекторий в будущем мире будет заключаться в умении создавать спрос на какое-то уникальное предложение, на какое-то специфическое знание. Нужны альтернативные ценности, ценностные шкалы и измерительные модели. В гуманитарном знании вообще невозможна какая-то единая шкала, измеряющая научность и значимость тех или иных идей, теорий, исследований, текстов. И конкурировать должны сами ценностные шкалы, а не люди и институты, в погоне за престижными, но вовсе не «единственно верными» индексами и показателями. Люди, сообщества и страны должны иметь возможность выбора, на какую из научных и культурных традиций равняться и какую ценностную шкалу принимать в качестве определяющей для себя.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Онлайн-образование не заменит живого общения преподавателя и студента, однако оно уже стало неотъемлемой частью нашей жизни. Оно будет играть важную сопроводительную роль. Видеолекции, излагающие основы дисциплины и основные факты, будучи доступны в любое время в интернете, высвободят время для обсуждения трудных и проблемных научных вопросов на занятиях. Системы онлайн-заданий и учета достижений студента позволят передоверить машине рутинные процедуры проверки. Преподаватель сможет применить свои продвинутые экспертные знания для реализации и проверки каких-то сложных кейсовых или проектных заданий, играющих

ключевую роль для развития исследовательских или практических навыков. Цифровое хранение портфолио создаст условия для внедрения новых подходов к вступительным испытаниям между различными уровнями образования, позволит более качественно оценивать компетенции абитуриентов и студентов. В международном пространстве все это – залог успешного экспорта образования за рубеж, залог нашей конкурентоспособности.

– Чем опыт РГГУ в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– Мы уделяем много внимания именно созданию интереса к нашим ценностям, культуре и образованию. Делаем акцент на социальных аспектах образования и просвещения как внутри страны, так и в международной сфере. Экспертно-аналитическое обеспечение эффективной реализации государственной национальной и внешней политики, распространение знаний среди специалистов и широких групп населения по вопросам общероссийского гражданского самосознания – в этом заключаются наши приоритеты в этой области. Мы постоянно участвуем в научно-просветительских программах Российского исторического общества, Молодежного образовательного форума «Таврида», в проведении «Тотального диктанта», «Всероссийского диктанта Победы» и др. Активно занимаемся расширением числа программ онлайн-образования для иностранных граждан, реализуем образовательные туристические маршруты и летние программы обучения для иностранцев, проводим Дни русского языка и культуры в университетах СНГ, Ближнего Востока и Западной Европы. Мы стараемся наращивать гуманитарно-образовательное присутствие в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. На наш взгляд, все это не несет сиюминутной выгоды, но создает фундамент для будущей сети международных взаимодействий, через которую будут реализовываться в том числе и наши образовательные продукты.

ОНЛАЙН-ФОРМАТЫ НЕ ЗАМЕНЯТ ПЕРСОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Е.А. Ваганов – д.б.н., научный руководитель Сибирского федерального университета, академик РАН, научный руководитель с российской стороны международной Научной обсерватории «станции высотной мачты» ZOTTO, председатель Сибирского регионального учебно-методического центра, член редколлегий международных и российских научных журналов («Лесоведение», «Сибирский экологический журнал»), член РСМД

– Как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет оцениваю удовлетворительно. Среди достижений я бы отметил увеличение конкуренции среди вузов, лучшую информированность потенциальных студентов, а также мобильность. Стало уделяться больше внимания формированию среды общения и обучению студентов с нарушениями здоровья. Среди минусов стоит отметить падение среднего уровня подготовки выпускников, разрывы с реальным сектором производства, а также падение престижа науки и высшей школы.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– По моему мнению, траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы будет определять такой фактор, как повышающаяся автоматизация реальных производств, которая увеличивает безработицу в этих секторах. Помимо этого, влияние будут оказывать появление новых «мультидисциплинарных» специальностей, миграционные процессы и рост численности населения Земли.

– Как COVID-19 повлиял и будет влиять в будущем на международное научное сотрудничество?

– Коронавирус повлиял и будет влиять на международное научное сотрудничество негативно. Это связано с тем, что онлайн-форматы не заменят персонального общения. Это касается в первую очередь предметных совещаний, семинаров и симпозиумов.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российской науки в мире (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Конкурентность российской науки определяется двумя основными факторами: самые лучшие умы и современное оборудование. Во времена «железного занавеса» наши лучшие умы производили современное оборудование. Теперь необходимо, чтобы государство давало возможность для того, чтобы ученые работали на хорошем научном оборудовании.

РЕЙТИНГИ НИКОГДА НЕ БЫЛИ САМОЦЕЛЬЮ — ОНИ БЫЛИ ТОЛЬКО СПОСОБОМ «СВЕРИТЬ ЧАСЫ»

Э.В. Галажинский – д.п.н., ректор Томского государственного университета (ТГУ), вице-президент Российской академии образования (РАО), член РСМД

– Эдуард Владимирович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Я оцениваю позитивно прорывные национальные проекты, в частности особые программы развития университетов, проект «5-100», проект опорных вузов. Благодаря им российскому образованию удалось вернуться в международную конкурентную среду. Говоря о проекте «5-100», ставшем без преувеличения визитной карточкой российского высшего образования не только для прошедшего десятилетия, но и на долгие годы вперед, хотелось бы отметить, что именно благодаря данному проекту университеты получили возможность двигаться, создавать и реализовывать стратегические программы. Проект «5-100» иногда критикуют за излишнее внимание к рейтингам. На мой взгляд, такая оценка не совсем корректна. Рейтинги никогда не были самоцелью – они были только способом «сверить часы», причем не главным. В частности, международный совет программы всегда оценивал не продвижение в рейтингах, а глубину процессов трансформации, происходящих в университетах. ТГУ всегда относился к рейтингам спокойно, и наше продвижение в них – в некотором смысле результат такого отношения и правильно расставленных акцентов.

В проекте программы «Приоритет 2030», которая будет запущена в этом году, принципиально расширена база университетов участников: их теперь будет около ста. Большое число университетов означает большее влияние на систему образования. Это стало возможным благодаря тому, что в проекте «5-100» было создано ядро российских университетов-лидеров. Важнейшей его целью была интернационализация, выход на глобальную образовательную арену, но при этом важно, что мы удержали идентичность, локальность, не ушли в глобальность целиком.

Главное – произошел переворот в мировоззрении, появились новые ценности. Сформировалась целая плеяда университетских команд, мыслящих прогрессивно.

– Какие факторы будут определять траекторию развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Самый близкий и очевидный – это COVID-19 и связанные с ним онлайн- и гибридные форматы обучения. Менее очевидный, но более глубокий фактор – это изменение структуры занятости и профессий. По некоторым данным, к 2024 г. более 50% работников в мире будут самозанятыми. Распространятся такие формы образования, как дополнительное образование, переподготовка, *microdegree*, предназначенные для работников, готовых взять ответственность за свое развитие.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках со стороны университетов и со стороны правительства?

– Повышение компетенций в области владения английским языком, в том числе благодаря платформенным решениям, развитию англоязычной инфраструктуры в вузах. Именно инфраструктура должна стимулировать изучение языка. Мы понимаем, что заставить учить язык нельзя, но когда в университетах будет создана критическая масса носителей языка, сотрудники и студенты заговорят сами.

Университеты должны принимать меры для развития науки: создавать для этого благоприятную среду, приглашать лучших ученых. Нам приходится конкурировать с ведущими вузами за великих ученых, и это требует определенных финансовых затрат. Однако важно помнить, что ученые ценят прежде всего атмосферу научного поиска и поддержку проектов.

Безусловно, нужны такие программы, как «5-100» и «Приоритет 2030», потому что они поддерживают логику развития университетов. Из собственных средств вуза основные потоки идут на текущую деятельность, а если университет идет в сторону зарабатывания денег, то это уже коммерциализация образования, это уже другой ресурс. Необходимо помогать удерживать логику развития, поддерживать коллаборацию с другими вузами, развивать мобильность и новые траектории образования.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Образование будет более гибким, в большей степени нацеленным на выработку определенных навыков. Онлайн будет больше работать там, где есть понятный образовательный результат. Например, продукты *Skillbox* дают навыки, которые можно развивать в удаленном режиме. Этот сегмент будет

расти, и он растёт уже сегодня. В онлайн-образовании будут применяться новые технологии: адаптивные решения, искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность. Подобные подходы позволяют развивать навыки в гибком формате. В онлайн-образовании большую роль также будут играть сообщества, в которых развивается критическое мышление и для поддержки мотивации используются новые инструменты, предполагающие участие сообществ (например, совместное обучение). Будут появляться новые платформенные алгоритмы, в которых будет действовать такая же среда, как в кампусе, где люди поддерживают и мотивируют друг друга.

– Чем опыт ТГУ в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– У нас создана целая система, которая включает внутреннюю интернационализацию, работу волонтеров, баддинг, англоязычную информационную среду. Мы ставили интернационализацию как двуединый процесс. С одной стороны, она включает в себя мобильность, работу с ведущими учеными и другими университетами – это интернационализация извне. С другой стороны, существует внутренняя интернационализация, которая включает в себя адаптацию местных студентов и научно-педагогических работников к процессу интернационализации и вовлечение в него. Для нас интернационализация – это, прежде всего, опыт взаимодействия с другими культурами, средство работы с потенциалом всех обучающихся.

Второй принципиальный момент – это построение системы работы по трем трекам: таланты, ресурсы и мягкая сила, которая предполагает разные технологии. Эти треки соответствуют трем основным группам студентов, поступающих к нам и в другие российские вузы.

Таланты требуют в первую очередь сильных научных школ и хорошей исследовательской базы. Они изучают рейтинги и публикации тех, к кому планируют ехать. Ресурсы – это наибольшая по величине группа студентов, готовых платить за образование и ориентированных на работу по полученной профессии. В университете их интересуют состояние инфраструктуры, современные методы обучения и англоязычность. Мягкая сила – это будущие политические, управленческие и бизнес-элиты других стран. Это те люди, которые будут формировать на родине лояльное отношение к России, русской культуре и русскому языку. Многие из них происходят из статусных семей, и с ними на первый план выходит задача социальной, культурной и языковой адаптации. Они могут требовать к себе индивидуального подхода несколько в другом смысле, чем таланты, но усилия, потраченные на них, принесут бонусы и университету, и Томску, и всей стране.

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА НЕ ТОЛЬКО ПРИНЕСЛА РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, НО И ОТКРЫЛА НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

М.А. Егорова – д.ю.н., профессор, начальник управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), сопредседатель Международного альянса юристов и экономистов Франции, член РСМД

– Мария Александровна, чем опыт МГЮА в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– Я придерживаюсь мнения, что каждый университет выстраивает свою собственную траекторию в международном образовательном пространстве, поэтому нужно работать над адаптацией известных инструментов интернационализации применительно к каждому университету в отдельности. Что касается МГЮА, то, безусловно, одним из ключевых элементов является крепкая сеть научных международных связей между учеными-правоведами, которую мы с готовностью поддерживаем и расширяем. Второй важный аспект – это программы академической мобильности для студентов и преподавателей. Они не только позволяют выстраивать живой диалог в студенческой и академической среде, но и помогают в презентации университета за рубежом.

– Насколько силен интерес среди иностранных абитуриентов к юридическому образованию в России? Чем он обосновывается? Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российского юридического образования на международном рынке?

– Безусловно, профессия юриста имеет свои особенности, в частности необходимость работы с законодательством конкретного государства. Поэтому я бы выделила две категории абитуриентов, заинтересованных в получении юридического образования в России. Во-первых, это соотечественники, проживающие за рубежом или в странах СНГ, планирующие в дальнейшем переехать в Россию и получить одну из престижных и высокооплачиваемых профессий. Вторая группа – это представители дальнего зарубежья из государств, традиционно интересующиеся построением экономических связей с Россией. Такие абитуриенты планируют в будущем участвовать в сопровождении бизнес-процессов между российскими и зарубежными компаниями. Как раз для этой категории абитуриентов МГЮА с 2021 г. запускает магистерскую программу «Юрист международного бизнес-права», которая будет преподаваться на английском языке.

– Какие у МГЮА существуют механизмы привлечения иностранцев на обучение? Как пандемия повлияла на развитие этих механизмов?

– Как бы радикально ни менялась ситуация, необходимо продолжать искать новые пути развития. Пандемия коронавируса не только принесла разрушительные последствия, но и открыла новые возможности. Например, она стала стимулом для перехода в дистанционный формат работы, что позволило проводить мероприятия с большим количеством иностранных участников. В 2020 г. МГЮА стала проводить англоязычные летние и зимние онлайн-школы зарубежного права, в которых приняли участие студенты и преподаватели из 15 стран. Этот удобный способ презентации университета на международной арене позволяет студентам в первом приближении познакомиться с учебным заведением и его преподавательским составом, а также активно включиться в научно-образовательную деятельность.

– Каковы, на Ваш взгляд, перспективные направления международного научного сотрудничества в области юриспруденции?

– Сегодня первостепенное значение приобретают глобальные проблемы. Именно поэтому международное научное сотрудничество, прежде всего, необходимо при рассмотрении «трансграничных» вопросов, актуальных для юристов из большинства стран. Среди таких вопросов повышение качества юридического образования, обеспечение верховенства закона и доступа к правосудию, соблюдение прав человека. Отдельного внимания заслуживают вызовы, возникающие в условиях появления новых технологий и автоматизации. Проведение совместных исследований и зарубежный опыт могут стать прекрасной отправной точкой для поиска возможных решений и для создания правового регулирования.

ТРЕБУЕТСЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗАХ

Е.В. Загайнова – д.м.н., ректор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (ННГУ), член-корреспондент РАН, член РСМД

– Елена Вадимовна, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные достижения и ошибки можно отметить?

– За последние 10 лет система высшего образования России сделала значительный шаг вперед. Ведущие вузы, а также региональные университеты, в которых есть признанные группы научно-педагогических работников, на конкурсной основе получили современное оборудование. Это существенно усилило их потенциал и продвинуло научное и образовательное взаимодействие с Российской академией наук. Созданная система грантов и проектов значительно расширила сотрудничество с лидерами науки из других стран. Полученные научные результаты широко представлены в признанных международных научных изданиях.

Нерешенным вопросом является недостаточное закрепление молодых специалистов (преподавателей, научных сотрудников) в региональных вузах, которые не имеют значительной финансовой поддержки. Это снижает статус лучших выпускников, остающихся работать в вузе, и мотивирует их уходить в другие сферы деятельности. В конечном счете это негативно сказывается на развитии потенциала вуза.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективу?

– Среди факторов, которые будут определять траектории развития высшего образования, я бы выделила следующие. Во-первых, это необходимость развития массового высшего образования без значительного увеличения числа университетов, которое будет способствовать усилению процесса выделения ведущих вузов и удешевлению подготовки по массовым специальностям. Во-вторых, свое влияние будет оказывать повышение требований, касающихся взаимодействия вузов и общества, а также взаимодействия вузов и работодателей. В перспективе будут формироваться и институционализироваться формы широкого взаимодействия, когда развитие определяется не только университетским пониманием своей роли, но и осознанием быстро меняющихся новых общественных запросов.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Среди таких мер стоит выделить активное участие в мировой системе рейтингов, являющихся линейкой определения лидерства. Кроме того, для повышения конкурентоспособности российских вузов необходима поддержка и использование внутри страны (в том числе учредителем) созданных в России и признанных в мире рейтингов, например, Московского рейтинга «Три миссии университета», *Round University rankings*, рейтингов вузов России от РА «Эксперт». Важно дальнейшее совершенствование этих рейтингов, которые не только ориентируют вузы, в каких направлениях необходимо двигаться вперед, но и отражают образ страны и ее взгляд на будущее.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Развитие методической базы, библиотек курсов и тестовых материалов расширит использование онлайн-подготовки для массовых специальностей, поскольку снимет проблему пребывания студентов на площадке университета и облегчит совмещение учебы с работой.

Некоторые учебные материалы очень высокого качества, которое определяется соответствующим уровнем преподавания, будут использоваться во многих вузах. Сейчас создание материалов такого уровня является долгим и дорогим процессом. Развитие получают межвузовские курсы по выбору студента, которые вуз должен будет зачесть.

Онлайн-образование – это новый виток развития дополнительного образования. Многие образовательные программы и модули могут быть перенесены в онлайн-формат, что позволит слушателям проходить профессиональную переподготовку без отрыва от работы. Кроме того, онлайн-курсы дополнительного образования могут стать основой для второй траектории образования, второй специальности после второго курса.

Онлайн-курсы открывают новые возможности для экспорта образования. Курсы на иностранных языках, размещенные на международных платформах, позволят повысить рейтинг университета и привлечь внимание абитуриента к возможному очному обучению в этом вузе.

Элитная подготовка, определяющая научно-технический потенциал страны, требует личного взаимодействия преподавателя и студента. Тем не менее, поскольку вновь может произойти пандемия, необходимо продолжать разрабатывать технологии онлайн-обучения.

– Чем опыт ННГУ в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– Интернационализация из «декоративного» элемента, украшающего университетскую жизнь, превратилась в важную содержательную составляющую деятельности вуза, эффективный инструмент обеспечения качества образования и актуальности научно-образовательной повестки. Произошло переосмысление самого понятия «позиционирование университета», осознание глобального характера конкуренции на научно-образовательном рынке, необходимости сопоставлять себя с ведущими вузами, конкурировать за таланты и т. д.

Университет Лобачевского достиг нового уровня развития экспорта образования, в разы увеличив численность иностранных обучающихся и расширив их географию. Сейчас в вузе обучаются иностранные студенты из более чем ста стран. В университете сформирована по-настоящему международная студенческая среда.

Приоритетом в развитии экспорта образования стала работа по привлечению иностранных студентов, показывающих выдающиеся способности. Университет является организатором международной олимпиады для иностранных студентов «Лобачевский/RU», основная задача которой – найти талантливых абитуриентов со всего мира и привлечь к обучению в Университете Лобачевского.

ННГУ стал международным научным центром, в нем созданы лаборатории под руководством ведущих мировых ученых. Сейчас растет количество и качество публикаций, существенно выросла доля профессорско-преподавательского состава, публикующегося в международных журналах.

ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВА — СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ И ДЕЛАТЬ БОЛЕЕ КОМФОРТНЫМИ УСЛОВИЯ ПРЕБЫВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ

П.С. Зенькович – вице-президент группы компаний «Просвещение», первый заместитель министра просвещения Российской Федерации (2019–2020 гг.), член РСМД

– Павел Станиславович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Наиболее знаковым событием за последние 10 лет, оказавшим значительное влияние на внешнюю политику России и ее положение в мире, стало «возвращение Крыма в родную гавань». Это наиболее яркий и характерный пример того, как Россия вновь может не только защищать своих соотечественников и геополитические интересы, но последовательно отстаивать принятые решения, несмотря на беспрецедентное внешнее давление.

В целом для российской дипломатии это было одно из самых сложных десятилетий за вековую историю. Если говорить непредвзято и без идеологических прикрас, то, наверное, такой же сложный период в истории отечественной дипломатии был в 1920-е гг. прошлого века. Все это время Россия занимает активную позицию на международной арене, защищая свои национальные интересы. Можно сказать, что в 2014 г. завершился период, когда, говоря словами А.М. Горчакова, «Россия собиралась». Главный успех в том, что Россия полноправно вернулась в разряд мировых держав и является одним из ключевых акторов на международной арене. Я думаю, что это главный собирательный результат последнего десятилетия.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Мне кажется, есть две группы проблем, с которыми России придется столкнуться в будущем. Во-первых, если говорить о международных отношениях как о межгосударственном формате взаимодействия, то весь комплекс вопросов и противоречий, накопленный за последние два десятилетия, может привести к трансформации архитектуры международных отношений, сложившейся после Второй мировой войны. И России в этих условиях нужно не утратить те позиции, которые она занимает в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН и ключевого члена других международных организаций.

Во-вторых, мы должны осознать новую реальность — появление новых влиятельных негосударственных игроков, что связано с процессами цифровизации мира. В первую очередь речь идет о крупных цифровых компаниях, таких как *Google* или *Facebook*, владеющих большими данными, объединяющих через свои социальные сети миллиарды людей. По своей силе и влиянию на общественное мнение они становятся мощнее, чем отдельно взятые государства. Такие компании будут играть в международной повестке все более важную роль. В ближайшие годы нам предстоит выработать новые правила игры для таких игроков, подвести под них международно-правовую основу.

– Как Вы оцениваете развитие российской системы образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– За последние 10 лет российское образование развивалось поступательно и позитивно, решая накопившиеся проблемы. И в школьное, и в высшее образование были инвестированы колоссальные средства. «Майские указы» 2012 г. позволили решить насущные задачи, связанные с повышением уровня зарплат учителей до среднего по стране и регионам. То же самое было сделано с зарплатами преподавателей вузов.

В 2018 г. были запущены национальные проекты, объявлено о беспрецедентном финансировании, которое пойдет на развитие школьного образования. Если посчитать консолидированные бюджеты на ближайшие годы, то это около 700 млрд руб. Когда я об этом говорил на международных встречах, коллеги, в том числе и западные, смотрели на меня с завистью. Сейчас сложно найти страну, где столько внимания уделяется развитию образования, а государство готово инвестировать в это такие значительные бюджетные средства.

Кроме того, были запущены инфраструктурные программы по строительству новых школ, их переоснащению современным оборудованием. Эти планы еще до конца не реализованы, но за последние годы был сделан большой инфраструктурный скачок. Государство много сделало для того, чтобы систематизировать образование и вернуть контроль над его содержанием, чтобы оно соответствовало стандартам, обеспечивало единое образовательное пространство в стране.

В сфере высшего образования было много сделано для того, чтобы сократить число частных вузов, которые «штамповали» дипломы, а также чтобы повысить качество вузовского образования. Дан старт проекту создания на базе университетов научно-образовательных центров (НОЦ) мирового уровня.

Многое уже сделано, и еще больше предстоит сделать. Президентом России была поставлена задача войти в «десятку» лидеров по уровню школь-

ного образования. Высшее образование должно сохранить свое лидерство, авторитет и качество. Страна стоит перед необходимостью осуществить научно-технологический прорыв, а школьное и вузовское образование должны обеспечить кадры для новой цифровой и научно-технологической экономики.

Не могу сказать, что были допущены какие-то явные ошибки. Наверное, что-то можно было сделать больше и быстрее, но не получилось в силу объективных обстоятельств.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российского образования на международном рынке (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– У России изначально, если учитывать советское наследие, очень хорошие позиции в мире, потому что российское образование сохраняет авторитет и конкурентоспособность. С одной стороны, оно не настолько дорогое, как на Западе. С другой стороны, российские дипломы до сих пор во многих странах дают выпускникам фактически путевку в жизнь. Многие из нас, находясь в зарубежных командировках, встречают высокопоставленных чиновников или крупных бизнесменов, которые оканчивали российские вузы, прекрасно говорят по-русски и, что самое главное, очень тепло и хорошо относятся к России. Этот задел, который был сделан в советское время, нельзя потерять. Нужно использовать и развивать потенциал.

Высшее образование для будущего студента и его семьи – это путевка в жизнь. Чтобы сделать российское образование еще более привлекательным, нужно развивать национальную экономику. Потому что страна, чья экономика развивается и чьи компании работают во всем мире, вызывает интерес у абитуриентов. Получение диплома дает возможность иностранному студенту остаться работать в России или в отечественных компаниях, которые работают за рубежом. Такая практика существует, например, в «Росатоме», который готовит в российских вузах специалистов для своих проектов за рубежом. Поэтому привлекательность страны и развитие экономики в целом – это колоссальный фактор, который способствует в том числе привлекательности образования.

Много за последние годы было сделано, чтобы упростить миграционные режимы и режимы пребывания иностранных студентов. К сожалению, ограничения, связанные с распространением COVID-19, несколько притормозили эти процессы. Упрощение режима пребывания студентов – важный фактор привлекательности образования, потому что иностранным студентам важно понимание того, что у них не возникнет проблем с въездом в Россию и что им будет комфортно здесь учиться. Задача государства – продолжать совер-

шенствовать и делать более комфортными условия пребывания иностранных студентов в России. В этой связи важно, чтобы вузы совершенствовали свои навыки и компетенции в работе с иностранными студентами, чтобы студенты видели в сотрудниках ректоратов и деканатов своих помощников, чувствовали поддержку в решении бытовых и прочих вопросов. Люди приезжают в незнакомую страну с незнакомым языком, и университеты на своем уровне должны научиться создавать для них лучшие условия. В России есть вузы-лидеры, такие как РУДН и МГИМО, которые и так уже много делают для этого. Их компетенции, навыки и умения могут послужить примером для других.

Что касается российских вузов, то за последние годы было много сделано в рамках указов президента и выполнения других задач для того, чтобы университеты прочно заняли заметные места в рейтингах. Международные рейтинги вузов являются одним из ориентиров для будущих студентов, которые выбирают, где получать высшее образование. Несколько десятков российских вузов занимают достойные позиции в предметных рейтингах, особенно по естественным и математическим наукам. Безусловно, в этом направлении должна вестись дальнейшая работа, так как это один из важных факторов, которые определяют выбор будущих студентов.

Отдельная история – это увеличение количества программ на иностранных языках, в первую очередь на английском. Многие студенты, получив диплом в России, возвращаются в свои страны. Возможность получить образование на английском языке для них – это дополнительный бонус и хорошая база для того, чтобы российские программы высшего образования получали больше международного признания.

– Как коронавирус повлиял и будет влиять в будущем на международное сотрудничество в сфере образования?

– События 2020 г., связанные с глобальной пандемией коронавируса, еще долго предстоит осмысливать. В средне- и долгосрочной перспективе это не повлияет на дальнейшее развитие образовательного сотрудничества, потому что взаимодействие между вузами и совместные сетевые программы – это наиболее перспективное направление развития в системе высшего образования. Много перейдет в онлайн, и это, наверное, неплохо с точки зрения того, что студентам не надо будет тратить время и деньги на переезд из страны в страну, оформление документов и т. д. Очный формат останется, но он будет сокращен до каких-то необходимых перемещений, когда, например, нельзя полноценно учиться без доступа к лабораториям.

Часть программ определенно будет переведена в онлайн. Это будет способствовать укреплению развития международного сотрудничества, потому

что этот формат более простой с организационной точки зрения. Он подтолкнет мировые вузы и страны к расширению развития сотрудничества в высшем образовании. Хотя в первые несколько лет переход из одной стадии в другую в краткосрочной перспективе создаст определенные проблемы. Но в средне- и долгосрочной перспективе, я думаю, это заставит более гибко и широко использовать цифровые возможности для образовательного сотрудничества.

ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ БУДУТ ОПРЕДЕЛЯТЬ СПОСОБНОСТЬ ВУЗА ПРИВИТЬ СТУДЕНТУ ШИРОКИЙ ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ, КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И СТРЕМЛЕНИЕ К НЕПРЕРЫВНОМУ ОБУЧЕНИЮ

С.В. Иванец – директор по науке Центра компетенций под эгидой ЮНЕСКО Санкт-Петербургского горного университета, ректор Дальневосточного федерального университета (2012–2016 гг.), помощник министра, директор департамента министерства, заместитель министра образования и науки Российской Федерации (2007–2012 гг.), член РСМД

– Сергей Владимирович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Последние 10 лет в российском университетском образовании прошли под мощным призывом бежать вперед так, чтобы войти в число ведущих, признанных мировых вузов. Такая задача, которая требовала стремительных темпов и напряжения всех сил отечественных университетов-лидеров, подтолкнула вузы к тому, чтобы внимательно изучать опыт лучших зарубежных учебных заведений, начать сопоставлять себя с ними, вырабатывать собственные лучшие практики. Российские вузы открыли глаза, посмотрели на мир, попытались найти в нем свое место. Это важный шаг на пути к повышению качества университетской деятельности. В российский вузовский обиход прочно вошло словосочетание «программа развития». Пришло понимание того, что это живой, реальный и необходимый план действий вуза с однозначными формулировками своего видения будущего, с конкретными амбициозными задачами и жесткой системой отчетных показателей, с четким определением того, кому именно нужны запланированные университетом результаты. Наконец, пришло осознание важности и необходимости конкурентной борьбы, в том числе и между российскими вузами. Эти подходы и принципы оказались понятны и значимы не только для нескольких десятков лучших отечественных университетов, но и для всей системы, поскольку всем вузам пришлось тянуться за лидерами. Все это я отношу к достижениям за последние 10 лет.

К сожалению, российские университеты не были и не стали за это время свободны в путях реализации разработанных ими программ. Им навязывались неоднозначные и зачастую необоснованные «рецепты успеха». Усилия вузов постоянно отвлекались на решение второстепенных, а нередко и вовсе не связанных с университетом и ненужных ему задач. Совершенно необходимая свобода действий связывалась чрезмерно жесткими и во многом неоправданными требованиями. Многие применявшиеся к вузам критерии не

соответствовали ни международной практике, ни самой сути образовательного процесса. Эти ограничения не позволили университетам добиться запланированных исключительно важных и в целом достижимых результатов.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на краткосрочную и долгосрочную перспективы?

– Полагаю, что в краткосрочной перспективе таким фактором может стать готовность вуза предложить абитуриенту набор программ, по окончании которых он «гарантированно» находил бы высокооплачиваемую работу в наиболее перспективных, динамично развивающихся секторах экономики. То есть будет важно наличие очевидной для студента связи между обучением в конкретном университете и качественным трудоустройством непосредственно по его окончании. Это касается и трудоустройства в другой стране, что свидетельствовало бы о международном уровне квалификации выпускника.

В отдаленном будущем при ожидаемой дальнейшей дифференциации «высшего» и «профессионального» образования этот фактор, как я надеюсь, будет иным. Думаю, что траектории развития высшего образования будут определять способность вуза привить студенту широкий взгляд на жизнь, глубокое критическое мышление на основе, прежде всего, гуманитарных дисциплин, стремление к дальнейшему и непрерывному обучению компетенциям, подтверждаемым международной профессиональной аттестацией (т. е. в прямом смысле «университетское образование»).

Вместе с тем, факторы, определяющие развитие университета в России, могут иметь свои особенности. Значимым фактором на предстоящие годы могла бы стать способность отечественного вуза придать должный высокий статус университетской профессуре, который характеризуется уважением в обществе и в своем университете. Статус, который дает возможность непосредственно влиять на развитие учебного заведения, вести активную исследовательскую работу, в том числе предполагающую академическую мобильность, возможность привлекать в вуз к себе на обучение лучших студентов и брать за это ответственность.

К сожалению, сегодня престиж этой позиции в глазах студентов и вузовского административно-управленческого персонала невысок. Профессура вместо науки вынужденно занята колоссальной бюрократической отчетностью, а правами по определению направлений развития вуза пользуется преимущественно администрация.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Научные исследования в российских вузах в целом не носят такой массовой, качественный и востребованный характер, как хотелось бы. Технологические разработки университетов имеют низкий спрос. Несколько лет назад были приняты законодательные нормы, направленные на поощрение инновационной активности вузов. При этом процесс формирования университетских стартапов до сих пор не стал в России хорошо работающей практикой, играющей сколько-нибудь серьезную роль в инновационной экономике. Причины этого, в том числе связанные с чрезвычайной бюрократизацией всех сопутствующих процессов, хорошо известны. Тем не менее такая проблема сохраняется уже много лет.

Попытки поставить во главу угла погоню за рейтингами и увеличить в разы публикационную активность решить данную проблему не смогли. При этом очевидно, что публикации должны быть, и цитируемость их должна быть на международном уровне, чтобы было понимание: работы российских ученых замечены и высоко оценены коллегами из других стран.

Устранение всех этих проблем и противоречий, за которые несут ответственность в том числе федеральные органы исполнительной власти, могло бы способствовать повышению конкурентоспособности российских университетов. Этой работе очень помогла бы активность самих вузов в части научного и образовательного международного сотрудничества, поощрение двусторонней мобильности ученых. Кроме того, будут полезны совместные исследовательские проекты, включая многосторонние, а также широкое привлечение российской научно-технической диаспоры за рубежом, которое в последние годы существенно сократилось.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Таким же, как и во всем мире, – очень востребованным. Сегодня очевидно, что это необъятный рынок. В мире уже около 20 компаний, которые специализируются на образовательных онлайн-услугах и достигли стоимости в 1 млрд долл. и более. Их суммарная стоимость – приблизительно 64 млрд долл. То есть рынок образовательных онлайн-услуг обеспечен огромным опережающим спросом.

Вынужденное сейчас дистанционное обучение такой спрос только подстегивает. Однако не уверен, что из нынешней пандемийной истории мы вынесли все нужные уроки в плане организации образовательного процесса.

Например, урок того, что уходит в прошлое лекции в их традиционном понимании как в очном режиме в потоковой аудитории, так и в онлайн-формате через *Zoom*. Во всех признанных мировых университетах темы таких лекций уже давно самостоятельно осваиваются студентом в процессе внеаудиторной подготовки, т. е. в удаленном режиме. Тем не менее во многих случаях российское дистанционное обучение представляет собой те же лекции, только «по телевизору».

Если отечественным вузам удастся изменить сохраняющуюся архаичную лекционную практику, то качество и востребованность российского онлайн-образования значительно возрастет. Преподаватели, в свою очередь, избавятся от тяжелого бремени в сотни часов «горловой нагрузки» и получат возможность больше заниматься активной научной деятельностью. Такая перестройка потребует и значительных усилий самой профессуры, помимо необходимых нормативных и методических мер министерства и администрации вузов.

В любом случае очевидно, что по многим направлениям подготовки, прежде всего инженерным, не получится заменить «дистантом» ни лабораторные, ни практические занятия в вузе. Это понимают и у нас, и во всем мире. Недаром упомянутые крупнейшие онлайн-компании специализируются в основном в сфере среднего образования, репетиторства и на преподавании иностранных языков.

ТРУДНОСТИ ДАЮТ ТОЛЧОК РАЗВИТИЮ

Г.Б. Карасин – председатель Комитета Совета Федерации по международным делам, статс-секретарь – заместитель министра иностранных дел Российской Федерации (2005–2019 гг.), член РСМД

– Григорий Борисович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– За последние 10 лет российское государство усилило свои позиции в области регулирования высшего образования, активно меняя и структуру системы, и правила поведения, и механизмы финансирования. Большое внимание уделяет этой сфере президент России В.В. Путин.

Реформы начались с реализации мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, который проводится ежегодно с 2012 г. Его результаты привели к многочисленным реорганизациям в вузовской среде. Мониторинг позволил проводить объективную оценку деятельности вузов с точки зрения образовательной, научно-исследовательской и финансово-экономической деятельности, а также оценку состояния их инфраструктуры.

Первостепенной целью мониторинга стало выделение группы университетов с «признаками неэффективности». В отношении таких вузов были приняты решения о необходимости реорганизации через присоединение к другим вузам. Это, по оценкам экспертов, положительно сказалось на эффективности деятельности российских вузов. В результате объединения был образован целый ряд федеральных университетов с объединенной научной базой и развитой филиальной сетью. К примеру, Сибирский федеральный университет, расположенный в Красноярске, включил в себя 19 институтов и три филиала.

В 2012 г. стартовал проект по повышению международной конкурентоспособности ведущих российских университетов «5-100». Его цель заключалась в том, чтобы к 2020 г. обеспечить вхождение не менее пяти российских вузов в первую сотню мировых рейтингов.

Благодаря целевому финансированию программ повышения конкурентоспособности ведущие вузы получили возможность привлекать талантливых молодых ученых, развивать программы академической мобильности, внедрять новые международно-ориентированные образовательные программы, реализовывать прикладные и фундаментальные исследования.

Согласно недавно озвученным оценкам Счетной палаты РФ, цели проекта «5-100» в 2020 г. так и не были достигнуты. Ни один из 21 вузов-участников не смог войти в первую сотню мировых вузов. Лидер среди российских университетов, МГУ им. Ломоносова, занял 74-е место в рейтинге *QS World University Rankings*, СПбГУ – 225-е место, НГУ – 228-е место. Тем не менее нельзя не отметить, что реализация проекта «5-100» привела к существенным положительным сдвигам в российской системе высшего образования. Участвующие в проекте вузы продемонстрировали положительную динамику в продвижении в мировых рейтингах в целом и особенно в рейтингах по отдельным предметным областям. Восемь российских вузов попали в топ-100 в отдельных предметных рейтингах *Academic Ranking of World Universities*, *Times Higher Education* и *QS*.

В 2016 г. стартовала программа развития опорных вузов. Ее цель заключалась в создании конкурентоспособных современных университетов в российских регионах. Опорный университет в проекте определен как генератор будущего экономического роста региона, имеющий перспективное видение развития знаний, индустрий и технологий на территории региона с учетом различных социальных и экономических условий. На текущий момент программа опорных университетов включает 33 вуза, вошедших в проект по итогам двух конкурсных отборов.

В октябре 2016 г. был принят приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций», нацеленный на поддержку ведущих университетов и центров регионального инновационного развития. В качестве ориентиров выбраны устойчивое присутствие российских вузов в мировых рейтингах по всему спектру научных направлений и создание центров инноваций в каждом субъекте РФ на базе вузов.

В 2018 г. были приняты национальные проекты «Образование» и «Наука», отражающие приоритеты развития, установленные Указом Президента России от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Стратегические ориентиры в сфере высшего образования также затрагивает нацпроект «Цифровая экономика Российской Федерации».

Основные направления развития высшего образования, закрепленные в этих федеральных проектах: повышение международной конкурентоспособности высшего образования, экспорт образования, кадры для цифровой экономики и непрерывное образование. Кроме того, особое внимание уделено системе подготовки научных кадров и развитию ведущих научно-образовательных центров.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Основной тренд на ближайшее и отдаленное будущее и для российского, и для зарубежного высшего образования – это цифровизация образования, повышение его гибкости и внедрение интернет-технологий.

Приоритет для российских университетов, который во многом будет определять их развитие в будущем, – увеличение исследовательского потенциала. В XXI в. вузы должны больше влиять на экономику и на технологическое развитие. В России 724 головных вуза. Для тех из них, кто сможет стать по-настоящему исследовательским образовательным учреждением, это будет настоящий прорыв.

Второй приоритет связан с участием Российской академии наук и университетов в достижении масштабных целей, в числе которых создание консорциумов, объединение усилий академических институтов РАН, университетов и бизнеса. Хотя, прежде всего, речь идет об объединении системы высшего образования и системы исследований и разработок.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Продвижение российских вузов в мировых образовательных рейтингах, активная работа над которым проводилась в рамках проекта «5-100», безусловно, скажется на повышении позиций российского образования за рубежом.

Россия сегодня входит в шестерку стран – лидеров по уровню общемировой студенческой мобильности. Семь российских университетов вошли в ежегодный рейтинг «Самых интернациональных университетов мира», опубликованный в январе 2021 г. британским изданием *Times Higher Education*. Это значит, что многие иностранные студенты отдают предпочтение именно российским вузам.

Отечественным университетам, безусловно, есть куда расти. Отрадно, что уже на протяжении нескольких лет идет активная содержательная трансформация российских вузов: усиливается материально-техническая база, повышается фокус на научно-исследовательскую деятельность, вводятся новые востребованные курсы и специальности, в учебный процесс внедряются лучшие мировые практики. На повышении привлекательности российского высшего образования за рубежом положительно скажется предстоящее увеличение квот на бюджетные места для иностранных студентов, а также реализация мер по трудоустройству лучших из них в России.

Сегодня в России обучаются 315 тыс. иностранных студентов. Квота для иностранцев и соотечественников из-за рубежа, поступающих в российские вузы на бюджетные места, будет увеличена в 2021 г. до 18 тыс., в 2022 г. – до 23 тыс. и начиная с 2023 г. – до 30 тыс. Но увеличение контрольных цифр приема – только начало работы. Проект по созданию ресурсных центров российского образования за рубежом, стартовавший в ноябре 2019 г., нацелен на выведение образования на русском языке для иностранцев на качественно новый уровень. Задача заключается в том, чтобы иностранный студент тратил время и силы не только на изучение русского языка, но и на изучение предметов на языке. В этом смысле создание в странах-партнерах ресурсных центров для детей и педагогов, обеспечивающих популяризацию углубленного изучения общеобразовательных предметов на русском языке, выполняет сразу несколько функций. Помимо тех задач, которые поставлены в рамках федерального проекта «Экспорт образования» национального проекта «Образование», речь идет и о повышении качественного состава студентов, приезжающих учиться в нашу страну. У ресурсных центров также есть и гуманитарная миссия – облегчить иностранцам процесс адаптации, что снизит психологическую нагрузку на молодых людей в новой среде.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Онлайн-образование в России, как и во всем мире, безусловно, будет все больше входить в обиход, расширять свои формы и содержание. Как это часто бывает в нашей жизни, трудности дают толчок развитию. Пандемия коронавируса и режим изоляции подтолкнули систему образования к вынужденному переходу в дистанционный режим. Это было серьезным стрессом и для преподавателей, и для обучающихся. Но по прошествии нескольких месяцев онлайн-лекции, семинары и экзамены стали восприниматься легче. Более того, Россия, как и весь мир, вышла на качественно новый уровень использования цифровых инструментов в образовании.

При этом остается очевидным факт, что никакой семинар в *Zoom* не может заменить живого общения преподавателя и студента. Я убежден, что по окончании карантинных мер очная форма образования останется главной и доминирующей. В то же время онлайн-обучение откроет новые возможности: оно даст больше свободы выбора обучающимся, доступ к лучшим профессорам и наиболее востребованным курсам в России и за рубежом, позволит гибко выстраивать учебный график. Студенты от этого только выиграют. Впрочем, процесс это непростой и займет время.

– Каковы перспективы развития сотрудничества в сфере образования России со странами СНГ?

– Страны Содружества остаются приоритетным направлением сотрудничества в том числе в сфере образования. Образование начинается со школы. Именно в средней школе во многом формируются личностные, культурные и профессиональные ориентиры человека. Очень важно уже на уровне средней школы взаимодействовать с нашими ближайшими соседями и нести русский язык и русскую культуру подрастающему поколению. Это основа дружбы и сотрудничества между нашими народами в будущем. Этой цели посвящен гуманитарный проект «Русский учитель за рубежом», реализуемый Министерством просвещения и Россотрудничеством при участии МИД России.

Интерес к проекту проявляют в Узбекистане и Туркменистане, в Таджикистане и Киргизии, а также во Вьетнаме, Сербии, Словакии и Монголии. В 2019–2020 учебном году в реализации проекта в Таджикистане приняли участие 48 российских преподавателей русского языка, литературы, физики, математики, химии, биологии и географии из 12 регионов страны. Их учениками стали более 7,5 тыс. местных школьников. В Киргизии работали 17 российских преподавателей начальных классов, русского языка, литературы и математики из восьми регионов. Они обучили более двух тысяч школьников.

В Ташкенте недавно был подписан Меморандум гуманитарного проекта «Класс!». На первом этапе проекта 32 российских методиста отправились в Узбекистан, чтобы провести мониторинг текущего уровня владения русским языком преподавателей и учащихся местных школ. Далее, как и в других странах, предстоит системная работа преподавателей в узбекских школах.

Одно из перспективных направлений сотрудничества с нашими соседями – подготовка преподавателей русского языка из числа граждан стран СНГ в российских вузах с последующей работой по специальности на родине. В этом направлении Совет Федерации активно взаимодействует с Минпросвещения, Россотрудничеством и ведущими российскими педагогическими университетами.

ОСНОВНЫМИ ТОЧКАМИ РОСТА РОССИЙСКИХ ВУЗОВ ДОЛЖНЫ СТАТЬ КОНСОРЦИУМЫ УНИВЕРСИТЕТОВ, НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПРЕДПРИЯТИЙ

В.А. Кокшаров – к.и.н., ректор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, член РСМД

– Виктор Анатольевич, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения можете отметить?

– Главным успехом российского высшего образования в 2010-х гг. можно считать кратное усиление авторитета отечественных вузов на мировой образовательной и научной арене. Стимулом к этому стал запуск проекта «5-100», участником которого является и Уральский федеральный университет (УрФУ). У вузов появились возможности для оборудования лабораторной базы самыми современными приборами, для приглашения в университет зарубежных профессоров, инструменты для привлечения иностранных студентов и аспирантов. Большую экспертную поддержку и, главное, аудит процессов интернационализации вузы получают благодаря Российскому совету по международным делам. Все это стимулирует публикационную активность, повышает узнаваемость и авторитет российских ученых и университетов в мире.

Индикатором развития российских университетов стали позиции в мировых рейтингах. За пять лет УрФУ укрепил в два раза свои позиции в рейтинге *QS World University Rankings* и сейчас находится на 351-й строчке, а по целому ряду предметных рейтингов мы входим в топ-100: это «Нефтегазовое дело» (*Petroleum Engineering*), «Социальная политика и управление» (*Social Policy & Administration*) и «Гостеприимство и менеджмент досуга» (*Hospitality & Leisure Management*).

Проект «5-100» хоть и направлен на поддержку 21 вуза-участника, но при этом усилил всю систему российского высшего образования. Участники проекта не просто развиваются самостоятельно, а становятся экспертными центрами, делятся лучшими практиками с другими университетами. Вопросы повышения качества образования, усиления исследовательских проектов и интернациональной активности сегодня ставят перед собой не только ведущие вузы, но и многие другие российские университеты.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Университеты в России и в мире развиваются путем консолидации материальной базы и интеллектуальных ресурсов для совместной работы над прорывными научными и исследовательскими проектами, созданием новых технологий. Ученые УрФУ входят в исследовательские группы порой из нескольких десятков научно-образовательных центров. Университет поддерживает связи с пятью сотнями вузов и исследовательских институтов по всему миру. Усиление такой совместной работы – один из основных факторов в развитии образования и науки.

На первый план в развитии высшего образования также выходит эффективное взаимодействие университетов с корпоративными партнерами. В условиях постоянного технологического развития и тотальной цифровизации важно опираться на запросы работодателей для создания современных образовательных программ, а также предлагать предприятиям актуальные разработки и технологии для трансформации необходимых процессов. Сегодня на передовой именно такие вузы: с сильной партнерской базой, с эффективными форматами взаимодействия с работодателями, с портфелем конкретных проектов для предприятий.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны вузов и со стороны правительства)?

– Перспективным для российских университетов становится проект «Приоритет 2030», конкурсный отбор для участия в котором стартует в этом году. Основными точками роста российских вузов должны стать консорциумы университетов, научно-исследовательских институтов и предприятий. Такой синергетический эффект позволит усилить работу исследователей и качество образования. Особенно важно, что его возможностями сможет воспользоваться широкий круг российских вузов.

УрФУ готов к участию в конкурсе и видит большие перспективы развития, особенно в контексте создания Уральского научно-образовательного центра мирового уровня. Новый центр объединяет вузы, научные центры и предприятия реального сектора экономики Свердловской, Челябинской и Курганской областей для создания прорывных технологий и новых материалов, в том числе конкурентоспособных на мировых рынках.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Онлайн-образование получило значительное развитие в последние годы, и немалую роль в этом сыграл переход к технологиям дистанционного обучения в период пандемии. Грамотное использование онлайн-курсов открывает возможность обучать студентов по материалам ведущих мировых университетов и исключительно позитивно сказывается на качестве обучения.

Возможности онлайн-образования также позволяют приглашать для проведения лекций и образовательных курсов компетентных экспертов, которые не имеют возможности на долгое время приехать в университет лично. Именно с таким прицелом в 2021 г. в УрФУ будет запущена первая онлайн-магистратура «Умный регион: устойчивое развитие в цифровой экономике». Эта программа реализуется на платформе Coursera с возможностью доступа к курсам из любой точки мира и с любого устройства. Режим обучения гибко подстраивается под индивидуальный график и часовые пояса.

Современный онлайн-формат – это не просто записанные лекции и набор тестов в онлайн-курсах. Сегодня лучшие ресурсы для дистанционного обучения предполагают использование виртуальных тренажеров, дополненной реальности, удаленного управления реальным лабораторным оборудованием и других интерактивных форм. Это позволяет студентам не только усилить теоретическую базу, но и приобрести необходимые практические навыки без ущерба для их качества, в сравнении с традиционными формами обучения.

Однако онлайн-технологии неспособны заменить традиционный учебный процесс на все 100%. К 2024 г. мы в УрФУ планируем перевести в онлайн-формат до 40% учебной нагрузки студентов. Практические занятия, в особенности проектная работа, пока остаются более эффективными при личном контакте студентов и преподавателей.

– Чем опыт УрФУ в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– В УрФУ накоплен серьезный опыт в продвижении образовательных программ на зарубежных рынках, в адаптации иностранных студентов, в культурном обмене благодаря развитым отношениям с консульствами иностранных государств. Более того, в этом году УрФУ создал консорциум по экспорту образования с двумя другими уральскими вузами: юридическим (УрГЮУ) и медицинским (УГМУ). Его основная задача – увеличение потока иностранных студентов на Средний Урал. Он предполагает создание совместных образовательных программ, реализацию целого ряда технологических новинок и научно-исследовательских работ для индустрии и развития экономики.

ПОДГОТОВКА ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ-ИННОВАТОРОВ – ГЛАВНОЕ КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО УНИВЕРСИТЕТА

И.А. Краева – к.ф.н., доцент, ректор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), член РСМД

– Ирина Аркадьевна, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– За последние 10 лет особенно возросло понимание того, что развитие образования – это необходимое условие для качественного обновления и развития экономики и социальной сферы. Как следствие, увеличивается объем бюджетных вложений в систему образования. И это большой плюс. Поэтому среди достижений системы высшего образования я бы назвала переосмысление роли университетов в жизни страны: они стали рассматриваться не только как «кузницы кадров», но и как центры науки, а также как центры экономического и социокультурного развития, центры получения нового знания.

Преемственность в образовании стала достаточно заметным фактором, который повлиял как на формирование образовательных программ и траекторий, так и на структуру образовательных отношений. Растет сложность человеческих отношений, что требует нового уровня социализации молодого поколения. Повышается многогранность системы образования, что предъявляет новые требования к научно-педагогическим работникам и их квалификации, а также к качеству управления данной сферой.

Необходимо признать, что российская система образования сталкивается с экономическими и социальными вызовами. Содержательные перемены повлекли за собой институциональные, управленческие и экономические изменения. Они потребовали и продолжают требовать принципиально новых подходов к бюджетному и внебюджетному финансированию данной сферы, к повышению эффективности использования ресурсов, поступающих в систему образования.

За последние 10 лет российская система высшего образования получила значительные импульсы развития, в том числе за счет интернационализации и интеграционных процессов. Они дали российским вузам возможность для сравнения. Причем важно, что сближение происходило как с традиционно высокоуровневыми университетами США и стран Европы, так и с вузами стран Азии, Африки и Латинской Америки, динамично набирающими имиджевую силу. Российские университеты создавали проекты сетевого партнерства с

ближайшими соседями, странами СНГ и ближнего зарубежья. Для МГЛУ как ведущего лингвистического университета страны особенно важно, что в российском высшем образовании за эти годы усилилось понимание важности изучения иностранных языков для повышения конкурентоспособности выпускников и позиций вуза.

Если говорить об ошибках, в условиях пандемии уже понятно, что основной серьезной недоработкой российского высшего образования стало недостаточное развитие и внедрение систем, платформ и стандартов дистанционного обучения на разных уровнях и в разных образовательных программах. Несмотря на то что высшее образование ни в коем случае и никогда не уйдет полностью в онлайн-формат, только гибридный подход к организации учебного и научного процессов поможет вузам оставаться востребованными.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Если говорить о факторах развития, то сейчас перед вузами поставлены новые задачи, определены новые беспрецедентные условия, появились новые пропорции между традиционным и виртуальным форматами деятельности и сотрудничества. Сменились парадигмы и появились новые возможности. Профессиональная сфера во многом нивелирует принадлежность к различным странам, национальным культурам и даже цивилизациям. Среди факторов, влияющих на траектории развития высшего образования, я бы выделила следующие: высокая скорость изменения востребованных на рынках труда компетенций, в том числе ориентированных на совершение «цифрового прорыва» в российской экономике, необходимость понимания широкого контекста профессиональной деятельности в контексте социально-экономической и политической действительности, способность адаптироваться и эффективно осуществлять коммуникацию, сохранять фокус внимания на цели, несмотря на многомерность и фрактальность информационного поля, возможность создавать условия не только для формирования профессиональных компетенций, но и для формирования личности, способность трансформироваться и при этом сохранять корни, традиции и фундаментальность.

Переход в виртуальное пространство потребовал повысить инклюзивность, доступность, экономическую эффективность, эргономичность и экологичность мероприятий, проводимых в онлайн-формате. Трансграничное научно-образовательное сотрудничество оказалось меньше затронуто последствиями ограничения физической мобильности и социального дистанцирования благодаря цифровым технологиям. Поэтому «научно-образовательные дипломаты» становятся одними из основных проводников публичной дипломатии.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российского высшего образования на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Со стороны правительства образовательным организациям необходима помощь в обеспечении эффективной деятельности высококонкурентных лабораторий, научно-образовательных центров, ориентированных на создание и продвижение отечественных технологических разработок как на территории России, так и за рубежом, помощь в обеспечении их оснащения. Именно это поможет российским университетам развиваться как центрам «притяжения знаний», центрам компетенций, экспертным «хабам».

Традиционно именно в университеты приходят за тем, чтобы получить самые новые знания и умения, повысить свою квалификацию до конкурентно необходимого стандарта. Общая задача вузов и правительства – сделать так, чтобы как можно больше не только соотечественников, но и представителей разных стран и регионов формировались в качестве новой элиты в стенах российских университетов.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Будущее уже настало. Сейчас ни у кого не осталось сомнения в том, что онлайн-формат будет одной из важнейших форм высшего образования, но не единственной. В МГЛУ еще до пандемии использовались возможности дистанционного образования, в том числе и международные, в коллаборациях с организациями и вузами-партнерами.

Онлайн-образование в России должно быть таким же, как и во всем мире, сейчас вузы уже не имеют права сказать, что они «не хотят» или «не готовы» предложить программы онлайн-образования. Если не будут прилагаться все возможные усилия для развития рынка российских образовательных онлайн-услуг, вузы просто потеряют своих «клиентов», которые уйдут на другие рынки. МГЛУ как один из ведущих российских вузов понимает свою и общую ответственность за сохранение традиционного кампуса, традиционного университетского сообщества. Университет осознает, что профессионалов высокого, международного, конкурентного класса можно подготовить только в аудиториях путем личного общения с преподавателем, ментором, экспертом, сокурсниками.

Хотелось бы подчеркнуть следующее: будущее, конечно же, за гибридным образованием. Создать готовые рецепты на каждый случай невозможно, и баланс между офлайном и онлайн будет в значительной мере зависеть как от специфики предметной области и возможностей университета, так и

от личности преподавателя и обучающегося. Главное для университетов – сохранить высокую планку качества образования, чтобы в погоне за онлайн-форматом не превратить профессионалов во фрилансеров с портативными навыками и микрознаниями.

Несомненно, международные сетевые программы и программы двойных дипломов для магистров, программы дополнительного образования для аспирантов от онлайн-форматов только выиграют. Университеты, вне зависимости от их размера и степени финансирования, получают возможность самостоятельно или совместно с другими вузами организовывать курсы, приглашая преподавателей и ученых из разных регионов и стран для проведения удаленных занятий. И здесь многое будет зависеть от разработанности законодательной базы для подобных случаев.

– Чем опыт МГЛУ в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– Главным конкурентным преимуществом университета является подготовка высококвалифицированных специалистов-инноваторов, сочетающих фундаментальное базовое гуманитарное образование с навыками инновационной и предпринимательской деятельности, в полной мере владеющих цифровыми компетенциями и навыками.

Интернационализация подразумевает интеграцию международного измерения в образовательный процесс, научную и инновационную деятельность университета для обеспечения подготовки выпускников, обладающих качествами «глобальных инноваторов», имеющих востребованное современным обществом знание сочетание творческих, предпринимательских и коммуникативных навыков. МГЛУ добился в этом определенных успехов и готов делиться опытом.

У МГЛУ есть большой опыт сотрудничества с иностранными партнерами (международными организациями, учебными заведениями и работодателями) в таких сферах, как программы двойных дипломов, долгосрочные и краткосрочные стажировки, курсы, совместные образовательные модули, программы по трудоустройству, различные мероприятия и проекты. С 2017 г. работает Программа подготовки переводчиков для международных организаций. В июне 2019 г. был подписан Меморандум о договоренности между ООН и МГЛУ относительно сотрудничества в области подготовки кадров для лингвистических служб ООН. МГЛУ реализует программы двойных дипломов с Университетом Гранады (Испания), Университетом Пизы (Италия), студенческие обмены в рамках программы *Erasmus+* с Узбекским государственным университетом мировых языков (УзГУМЯ, Узбекистан), проекты с Университетом

им. Иоганна Гутенберга (Германия) и многими другими, в том числе из стран Латинской Америки и Африки.

Студенты МГЛУ проходят стажировки в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, Информационном центре ООН в Москве, Секретариате Организации Договора о коллективной безопасности. У университета более ста вузов-партнеров. В рамках сотрудничества с Университетом Ихва (Республика Корея) реализуются совместные семестровые образовательные модули («Корейский язык для международных» 2020 г., «Читаем корейские СМИ» 2021 г.), повышение квалификации для преподавателей корейского языка и различные мероприятия.

В МГЛУ действует ряд научных центров и лабораторий, в том числе международных, в которых ведутся исследования, позволяющие решать междисциплинарные задачи применительно к разным языкам. Исследователи университета активно взаимодействуют с учеными из 140 университетов ближнего и дальнего зарубежья, с производственными корпорациями, в том числе с технологическими компаниями, представляют результаты научной деятельности на крупных международных конференциях, в научных публикациях и в СМИ.

Международные исследовательские проекты получают поддержку научных фондов. Результатами этих международных проектов стал запуск не только программ двойных PhD, но и международного журнала «Языки и модальности», который начинает выходить с 2021 г. на английском языке.

АРКТИКЕ ЦИФРОВИЗАЦИЯ НЕОБХОДИМА КАК ВОЗДУХ

Е.В. Кудряшова – д.филос.н., ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (САФУ), член РАЕН, член РСМД

– Елена Владимировна, какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Начать стоит с того, что в последние 15–20 лет сфера образования реформируется и в развитых, и в развивающихся странах. Россия не исключение. Развитие образования, в том числе и высшего, все чаще рассматривается как условие, предпосылка и возможность для качественного развития региональной экономики и социальной сферы. На первый план выходит так называемый человеческий капитал, и его роль в экономике с каждым годом только увеличивается.

Эксперты отмечают несколько международных трендов в сфере развития образования. Прежде всего, рост международной конкуренции за интеллектуальный капитал между странами на глобальном рынке научно-образовательных услуг, что делает экспорт образовательных услуг одним из ключевых национальных приоритетов ведущих технологических стран на ближайшие десятилетия. Университеты вовлечены в эту «большую игру», они предлагают свои образовательные программы и курсы на глобальных платформах. Каждый вуз старается иметь свою особенность, выделяющую его на фоне остальных. Для САФУ им. М. В. Ломоносова такой особенностью является арктическая направленность, и здесь вуз может дать фору многим ведущим вузам России и мира. Преподаватели САФУ, к примеру, читают лекции по вопросам освоения Арктики, развития альтернативной энергетики в высоких широтах и по другим «арктическим темам» студентам Оксфорда, в том числе с применением цифровых технологий.

Еще одним важным трендом развития высшего образования является цифровизация научной и образовательной деятельности. Пандемия COVID-19 подтолкнула университеты активнее переходить в онлайн-режим и делать свои курсы доступнее не только для своих студентов, но и для сетевых партнеров. И это существенно расширяет возможности студентов, которые, обучаясь в региональном вузе, могут слушать лекции и участвовать в семинарах ведущих специалистов крупнейших российских и мировых университетов.

САФУ активно работает в направлении развития цифровых технологий, внедряя их в образовательные процессы и системы управления вузом. В самом начале пандемии преподавателями университета было создано и актуа-

лизировано более 2 тыс. онлайн-курсов. Всего за 2020–2021 учебный год было реализовано около 4 тыс. таких сетевых проектов, еще 88 курсов были взяты в рамках взаимодействия в университетах-партнерах. Сам университет стал «экспортером» своих программ, реализовав несколько онлайн-курсов в рамках сетевых договоров.

Параллельно САФУ активно развивает свою инфраструктуру: в рамках программы развития планируется создание уникального IT-парка «*Digital Arctic*», который станет драйвером развития не только университета, но и Архангельской области и всей Арктической зоны России. Задача проекта – создать межрегиональную IT-экосистему для формирования цифровых компетенций населения, подготовки кадров и реализации проектов цифровой экономики. Появление в Архангельске IT-парка «*Digital Arctic*» позволит существенно расширить перечень образовательных программ с «цифровой тематикой» и увеличить их охват. Сегодня университет всерьез работает над проектом «Онлайн-университет», чтобы жители арктических территорий получили широкие возможности для онлайн-обучения, расширения социальных контактов, а также улучшения качества жизни в целом. В САФУ разрабатываются и реализуются новые модули, направленные на формирование цифровых навыков и их применение в профессиональной сфере в разрезе перспективы как минимум 3–6 лет, разрабатываются не только основные образовательные программы (высшего и среднего профессионального образования), но и программы дополнительного профессионального образования. Цифровые компетенции необходимы независимо от возраста и специальности.

Не менее важное направление – исследования по разработке и применению цифровых технологий в различных отраслях экономики. Так, в САФУ разрабатывается проект *Arctic v-Navigation and port-logistic*, его реализация осуществляется совместно с АО «Ситроникс». Цель проекта – научное, методическое, экспертное сопровождение внедрения в практическую реализацию технологий e-Навигации ключевыми участниками морской отрасли Арктической зоны Российской Федерации, а также создание коммерческих продуктов в области e-Навигации.

Еще один проект – Ситуационный центр «Система управления ледовой обстановкой» на базе Центра космического мониторинга Арктики САФУ. Цель – непрерывный, круглосуточный мониторинг района защищаемого объекта путем сбора данных о ледовой обстановке с различных датчиков, устройств и внешних информационных ресурсов. Проект «Система определения уровня сорности целлюлозной массы» разрабатывается совместно с АЦБК. Цель проекта – разработка программно-аппаратной системы определения уровня сорности целлюлозной массы.

Сегодня проявляется и еще одна тенденция – приоритет инвестиций в центры, отвечающие глобальным вызовам и формирующие «якорные» технологии. Примером такого центра может стать НОЦ «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования», ядром которого стал САФУ. Консорциум, объединивший три региона и более 80 предприятий и учреждений, нацелен на решение практических задач для освоения Арктики и подготовки кадров для предприятий, работающих в высоких широтах.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Университету необходимо реализовывать комплексную стратегию по интернационализации вуза в рамках модели *Intrenationalization at Home*. Суть ее сводится к интеграции международной деятельности в базовые процессы университета, в первую очередь в образовательные и научные. Начинать необходимо с регуляторных механизмов, создания нормативной базы, которая позволяет сформировать благоприятные условия для разработки экспортно-ориентированных образовательных программ, для международной проектной деятельности и привлечения ведущих иностранных специалистов в университет.

Важнейшей составляющей интернационализации является вовлечение научных и образовательных коллективов университета в международную деятельность и выстраивание горизонтальных связей между ними, развитие языковых компетенций сотрудников, чтобы коллектив университета был готов отвечать международным стандартам. Согласитесь, что привлечение ведущих зарубежных специалистов в университет без создания рабочей внутренней среды, принятия международных стандартов не даст эффекта и будет лишь «паллиативным» решением.

Второй не менее важной составляющей в международной деятельности университета является выстраивание партнерской базы университета, развитие имеющихся и формирование новых партнерств с ведущими вузами зарубежных стран, в том числе в формате многосторонних партнерств в рамках ассоциаций и консорциумов вузов. Практика современного международного сотрудничества показала, что многосторонние партнерства обладают колоссальным потенциалом и выступают важнейшим ресурсом для развития конкурентоспособности участников международных партнерств. САФУ в этом плане имеет большой опыт участия в международных многосторонних форматах сотрудничества, являясь активным участником нескольких консорциумов, включая «Университет Арктики», Институт Северного измерения, Ассоциацию

технических университетов России и Китая, Евразийскую ассоциацию университетов, Объединение инженеров-нефтяников, Великую Хартию университетов.

Университетам нужна поддержка со стороны правительства. Считаю важным формировать баланс в сфере международной академической мобильности. Без обмена студентами и учеными невозможно развивать свой кадровый потенциал и привлекать лучших студентов и специалистов для обучения и работы в российских вузах. Сегодня, к сожалению, существует асимметрия в сфере обеспечения мобильности. К примеру, в Арктическом регионе, несмотря на то что ставится задача развивать конкурентоспособность университетов, удерживать и привлекать человеческий капитал региона, нет ни одной российской программы академической мобильности. Зато в научно-образовательном пространстве региона существует целый комплекс программ мобильности, которые финансируются национальными фондами стран-членов и стран – наблюдателей Арктического совета, даже странами Азиатско-Тихоокеанского региона (КНР, Южная Корея).

– Чем опыт САФУ в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– Сегодня САФУ позиционирует себя как международный университет. Здесь учатся более 900 студентов-иностранцев из 65 государств мира. Одним из неотъемлемых направлений работы САФУ является системная, многоуровневая адаптация иностранных студентов – это одно из самых важных направлений работы. Со студентами проводится целый комплекс мероприятий, нацеленных на успешную адаптацию к условиям жизни в северном регионе, эффективную интеграцию в учебную среду университета и социализацию вновь прибывших иностранных обучающихся. Иностранные студенты-первокурсники активно включаются в университетскую творческую жизнь. Они с готовностью участвуют в конкурсах, поэтических вечерах и мастер-классах.

Конечно, особое место в международной работе уделяется проектной деятельности как значимому инструменту интернационализации и повышения конкурентоспособности вуза. За 10 лет работы был обеспечен существенный рост количества международных проектов с 32 в 2011 г. до 76 в 2020 г. При этом университет стал лидером по количеству привлеченных международных грантов среди университетов и научных центров Арктической зоны. Более чем в 3 раза увеличилось количество подаваемых ежегодно проектных заявок, повышен процент их одобрения к финансированию. Увеличен размер привлеченных внебюджетных грантовых средств из зарубежных источников.

Наряду с двусторонними проектами возросло число проектов, реализуемых в рамках многосторонних консорциумов (до 40 партнеров в проектах

в рамках программы «Горизонт»), что позволило расширить географию партнерства вуза, инициировать новые направления и форматы сотрудничества. На сегодняшний день партнерская база по проектам САФУ включает более 180 зарубежных организаций из 42 стран мира. Среди стран – участниц совместных проектов – Норвегия, Финляндия, Швеция, а также Германия, Великобритания, Дания, Канада и США.

Важнейшее место в международном сотрудничестве с партнерствами занимает участие САФУ в деятельности Университета Арктики (*University of the Arctic – UArctic*). Это международная сеть университетов, колледжей, научно-исследовательских институтов, занимающихся вопросами образования и исследований на Севере. На сегодняшний день членами Университета Арктики, получившего в феврале 2020 г. статус международной организации, являются 217 высших учебных заведений и других организаций, расположенных в 8 арктических странах и в 14 государствах Европы и Азии за пределами Арктики. Университет Арктики имеет статус наблюдателя Арктического совета, активно взаимодействует с рабочими и целевыми группами международного форума. Эксперты *UArctic* вносят значимый вклад в подготовку отчетов и оценочных докладов, а также в реализацию проектов рабочих групп Арктического совета. Развитие сотрудничества в рамках Университета Арктики – одна из стратегических задач в международной деятельности университета. САФУ входит в состав руководящих органов Университета Арктики (правление и администрация), ученые САФУ участвуют в работе 14 тематических сетей Университета Арктики.

– Какие задачи ставит перед собой САФУ в рамках арктической повестки? Какой вклад он вносит в развитие международного сотрудничества в Арктике?

– САФУ – арктический вуз не только по названию. Вектор развития университета, прописанный в Программе развития университета до 2035 г., определен именно так. Университет должен содействовать государственным программам по освоению Арктики, обеспечивать подготовку кадров для предприятий, работающих в высоких широтах, а также проводить необходимые научные и исследовательские работы в этом направлении. Сегодня университет работает по самым разным научным направлениям арктической тематики: от лесовосстановления до разработки новых материалов и технологий для арктического судостроения. Большое значение придается вопросам цифровизации Арктики – это тренд, заданный стратегическими документами.

Сегодня САФУ реализует 5 международных проектов в области цифровых технологий в сотрудничестве с 12 зарубежными партнерами из 4 стран

мира. Тематика проектов охватывает создание живых лабораторий по проблемам изменения климата, применение технологий 3D-печати по металлу, развитие блокчейн-технологий и интеллектуального анализа данных в сфере транспортной логистики, лесопромышленного комплекса, управления отходами, умных городов и др. Развивается направление по применению технологии виртуальной и дополненной реальности в области сохранения архитектурного наследия Арктики. Среди партнеров университета в этих проектах – вузы Швеции, Норвегии, Финляндии и ЮАР. И это сотрудничество не останавливается, прирастая новыми идеями, исследованиями и предложениями.

Цифровизация Арктике необходима как воздух. Именно цифровизация может обеспечить жителей Арктики работой, что позволит уменьшить отток населения из региона. В числе наиболее перспективных проектов цифровизации для Арктики можно назвать телемедицину, беспилотный транспорт (авиационный и морской), безопасность, а также развитие коммуникаций и инфраструктуры. Прежде всего, необходима инфраструктура, ведь там, где создаются необходимые инфраструктурные объекты, начинается быстрое освоение пользователями цифровых возможностей.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ БУДЕТ В НЕМАЛОЙ СТЕПЕНИ ОПРЕДЕЛЯТЬСЯ НАУЧНЫМИ РАЗРАБОТКАМИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Н.М. Кропачев – д.ю.н., ректор Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), член-корреспондент РАН. Член Президиума Ассоциации юристов России, член Совета по науке и образованию при Президенте РФ, член РСМД

– Николай Михайлович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Давайте сразу определимся. Развитие российской высшей школы – это, конечно, прежде всего достижения. Ошибки возможны и даже неизбежны: не ошибается тот, кто ничего не делает. Но если ошибки замечают и исправляют, они становятся показателем развития. Я считаю, что развитие российской высшей школы за прошедшее десятилетие, безусловно, было позитивным.

Большим достижением для всей системы образования, в том числе для высшей школы, стало принятие в 2012 г. закона «Об образовании» (Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ). Этот интегральный закон объединил все уровни образования, обеспечив правила и возможности получения и предоставления образования в течение всей жизни. Преимуществом уровней образования чрезвычайно важна. Очевидно, что обучение в университете не может быть эффективным, если школа не обеспечила будущему студенту достаточных базовых знаний. Хорошо, что внедрен и работает инструмент, одновременно оценивающий уровень школьного образования и возможность обучения в высшей школе, я имею в виду ЕГЭ. Замечу, что уже 10 лет СПбГУ по среднему баллу ЕГЭ зачисленных абитуриентов занимает первое место среди классических университетов России.

Еще одним достижением считаю появление российского международного рейтинга университетов «Три миссии». Два из трех мировых рейтингов, QS и THE, ориентированы на англосаксонскую образовательную модель и далеки от учета национальных особенностей университетов других стран. Наш рейтинг сразу получил признание в мировом университетском сообществе благодаря равной применимости выбранных показателей к университетам любых стран и образовательных систем – англосаксонской, европейской, азиатской и, конечно, российской. Я горжусь тем, что СПбГУ медленно, но уверенно продвигается в этом рейтинге и в последнем издании вошел в топ-40 лучших вузов мира.

В прошедшее десятилетие наблюдалась позитивная эволюция системы образовательных стандартов как инструмента выравнивания качества высше-

го образования. Наверное, самым важным шагом было решение 2018 г. установить связи между образовательными стандартами и профессиональными стандартами. Цель такой связи – примирение «академического» подхода к результатам обучения со стороны вузов и «прагматического» со стороны работодателей. СПбГУ пошел по этому пути еще в 2015 г. (подробнее: советы образовательных программ СПбГУ, учебно-методические комиссии СПбГУ, научные комиссии СПбГУ, участие работодателей в жизни университета).

Для нас давно стало очевидно, что оценивать качество результатов обучения и определять, чему учить, должны не те, кто учат, а те, кто потом принимает наших выпускников на работу. Поэтому университет последние годы прицельно занимается активным вовлечением представителей бизнеса, государственных структур, профессиональных сообществ, определяющих требования рынка труда, в работу по созданию и реализации образовательных программ (таких советов уже около 200), проведение итоговых аттестационных испытаний (ежегодно в работе ГЭК участвуют более 2 500 представителей работодателей), мастер-классов, совместных проектов и т.д. Только таким способом можно добиться актуальности того обучения, которое идет в стенах университета или колледжа. Для нас принципиально общественное признание необходимости именно такого подхода в оценке качества образования.

Вместе с тем это в целом позитивное развитие характеризуется значительными перекосами и разбалансированностью всей системы. В России сформировалась группа вузов-лидеров, обеспечивающих рост репутации российской высшей школы в мире, рост привлекательности для иностранных абитуриентов за счет специальных, порой беспрецедентных мер организационной, имущественной и финансовой поддержки со стороны государства. Эта группа лидеров включает «ведущие классические университеты» (МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ), особый статус которых определен специальным федеральным законом; сеть «федеральных университетов», «национальных исследовательских университетов» и «опорных университетов». Несомненно, все вузы, которые получают особые меры государственной поддержки, должны оправдывать существенные дополнительные вложения, которые делает в них государство (порой в ущерб другим участникам системы высшего образования): МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ обязаны выполнять роль флагманов, работающих на пользу всего российского образования и науки; «федеральные университеты» – поддерживать и развивать систему высшего образования в федеральных округах; национальные исследовательские университеты – обеспечивать инновационное развитие определенных отраслей экономики; «опорные университеты» – решать общерегиональные задачи.

Сам по себе этот подход государства к организации финансирования системы высшего образования и науки в условиях дефицита государственных

средств и кризисных явлений в мировой экономике является оправданным, но вот насколько получателями средств выполняются поставленные перед ними задачи? Боюсь, что недостаточно хорошо. Многие из «особых» вузов занимаются исключительно собственным развитием, «построением коммунизма в отдельно взятой квартире». Более того, вузы порой действуют по модели «собака на сене»: и сами не в полном объеме используют имеющиеся у них ресурсы, включая материально-техническую базу, и своим соседям (из числа государственных образовательных организаций) доступ к пустующим помещениям, простаивающему оборудованию, незанятым комнатам в общежитиях или спортивным объектам не разрешают, что еще больше усугубляет проблему ресурсного обеспечения.

Вот, например, СПбГУ в течение всех лет с момента приобретения особого статуса являлся экспериментальной площадкой, где проходили апробацию самые разные инструменты, которые затем масштабировались и становились применимыми для других участников системы: собственные образовательные стандарты, собственные правила присуждения ученых степеней, собственные правила конкурсного отбора на должности научно-педагогических работников, система равного доступа к университетскому оборудованию центров коллективного пользования и т.д. Кроме того, и МГУ им. М.В. Ломоносова, и СПбГУ реализуют специальные программы (проект МГУ «Вернадский» и проект СПбГУ «Менделеев»), направленные на развитие и поддержку образовательной деятельности и научных исследований во всех других вузах страны. Надеюсь, что новая федеральная программа развития системы высшей школы «Приоритет-2030» сумеет преодолеть сложившиеся негативные тенденции.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Развитие высшего образования в России в следующем десятилетии предопределено перспективами государственной политики, сформированными за последние 3–5 лет. Определены Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г., приняты другие стратегические документы: Стратегия научно-технологического развития РФ, Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г., Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г.; в качестве инструментов для продвижения к реализации национальных целей утверждены соответствующие национальные проекты. Роль университетов в практической реализации государственной политики по всем этим направлениям трудно переоценить, и коротко это участие можно определить слоганом «развивать и развиваться».

Развитие российской экономики будет в немалой степени определяться научными разработками университетских ученых, которые лягут в основу современных технологий и высокотехнологичных продуктов, анализом хода преобразования и выработкой научных рекомендаций, подготовкой высококвалифицированных кадров. Неслучайно нацпроект «Наука» теперь трансформирован в нацпроект «Наука и университеты». С другой стороны, университеты и сами будут развиваться вместе с развитием экономики, включая развитие материально-технической базы, без которой невозможны современные исследования, портфеля образовательных программ всех уровней, ориентированных на быстро меняющиеся запросы рынка труда и интересы граждан, усиление социальной и культурной миссии.

Естественно, на развитие российской высшей школы будут оказывать влияние общемировые тенденции. Главная из них – это цифровая трансформация. Самые современные цифровые технологии, технологии искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности уже пришли в высшее образование.

За последние годы в СПбГУ создана цифровая образовательная среда, включающая электронные системы поддержки учебного процесса и администрирования образовательной деятельности, приема в университет, в том числе разработанные специалистами СПбГУ.

Используются система дистанционного обучения на базе *LMS Blackboard* (работает в СПбГУ с 2012 г.), *MS Teams*, платформа *Google Hangouts* для видеоконференций, онлайн-курсы СПбГУ на платформах *Coursera*, «Открытое образование» и других, а также собственной образовательной платформе СПбГУ, видеолекции с использованием программ *Zoom*, *Skype*, *Discord*, *Google Class*, авторские электронные учебники и пособия, электронные библиотечные системы и т. д.

Так, например, СПбГУ первым в стране ввел в дипломы выпускников QR-код. С 2016 г. с помощью QR-кода, включенного в бланк диплома СПбГУ собственного образца, можно выйти на специальную страницу портала СПбГУ, где доступна электронная копия диплома выпускника, содержащая следующую информацию: тему выпускной квалификационной работы, Ф.И.О. научного руководителя, составы государственных экзаменационных комиссий по приему государственных экзаменов и по защите выпускных квалификационных работ, места прохождения практики, сведения о профессионально-общественных и (или) международных аккредитациях образовательной программы, перечень изученных выпускником дисциплин и т.п. Обратившись к персональной странице выпускника, можно узнать как о его достижениях (участии в конкурсах и волонтерской деятельности, наличии грантов, наград, успехов в учебе), так и о его дисциплинарных нарушениях или задолженностях, если такие имеют-

ся. Данные на персональной странице выпускника формируются на основе данных, содержащихся в электронном портфолио обучающегося, внесенных с использованием сервиса «Личный кабинет обучающегося».

С 2017 г. QR-код содержится и в дипломах кандидатов и докторов наук, защитившихся по правилам СПбГУ. Он позволяет получить доступ к архиву данных и прочесть саму диссертацию, прослушать аудиозапись защиты и получить объективную информацию об университете.

Цифровизация затронула все сферы жизни университета, не только образовательную деятельность. При этом мы понимаем, что предстоит еще очень многое сделать на этом пути.

Борьба с распространением новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в 2020 г. стала и проверкой на прочность каждого из нас, и стимулом для развития системы образования. Вынужденный переход вузов России к образованию с использованием цифровых инструментов радикально изменил организацию учебного процесса, стал импульсом к популяризации цифровых образовательных технологий.

При этом, не ограничиваясь решением собственных «локальных» задач, мы старались оказывать помощь нашим партнерам – конкретными действиями продемонстрировать потенциал реализации принципа единства системы вузов России. Командам других университетов часто не хватало знаний о существующих технологиях, и специалисты СПбГУ в кратчайшие сроки подготовили методические материалы, которые стали востребованными как преподавателями вузов, так и школьными учителями. Начиная с середины марта 2020 г. онлайн-курсы СПбГУ осваивали обучающиеся каждого девятого вуза России. При этом мы первыми в России приняли решение сделать получение сертификатов о прохождении наших онлайн-курсов в период пандемии COVID-19 бесплатным для обучающихся всех российских образовательных организаций и призвали все ведущие вузы последовать нашему примеру. В весеннюю сессию количество слушателей онлайн-курсов СПбГУ выросло в три раза, превысив отметку в 400 тыс. человек. Сейчас СПбГУ входит в пятерку ведущих вузов по числу онлайн-курсов на платформе *Coursera*.

Опыт трансформации работы высшей школы в условиях распространения новой коронавирусной инфекции позволил нам сформулировать минимум два вывода, которые ранее не казались столь очевидными.

Первое: образовательный процесс с использованием информационно-коммуникационных технологий в текущем формате – это очная форма обучения, позволяющая в полной мере одновременно использовать знания, опыт, талант, творческий потенциал педагога, а также внедрять в образовательную деятельность достижения информатизации. Цифровой формат не дезавуирует и не может дезавуировать качество университетского образования.

Второе: академическому сообществу остро необходимо развитие национальной и международной кооперации, недостаточный уровень которой высветила пандемия. Отдельно консолидация усилий требуется в вопросах онлайн-образования.

Полагаю, что именно высокий уровень цифровой доступности образовательных ресурсов СПбГУ обеспечил значительный рост интереса со стороны поступающих в университет из-за рубежа: из 12 тыс. заявлений в петербургские вузы от иностранцев пять тысяч были поданы в СПбГУ. Таким образом, практически каждый второй абитуриент-иностранец в городе Санкт-Петербурге подал заявление в наш университет. Среди зачисленных в СПбГУ в рамках приемной кампании 2020 г. – более 2 500 граждан из 91 зарубежного государства.

Хочу отметить созданные на базе СПбГУ в ответ на описанные выше вызовы времени новые подразделения, которые призваны обеспечить научные разработки в области цифровизации. Это, во-первых, научно-образовательный центр мирового уровня в области математики – Международный математический институт имени Л. Эйлера, созданный в 2019 г. Он занимается в том числе теоретическими основами цифровой трансформации в актуальных областях современной математики, теоретической информатики и т.п. Во-вторых, это Центр технологий распределенных реестров СПбГУ, созданный в 2018 г. в рамках реализации государственной программы «Национальная технологическая инициатива». Он, в частности, занимается разработкой и внедрением проектов на базе технологии блокчейн, в том числе созданием программного обеспечения для проведения электронного голосования «КриптоВече», а также рядом других инновационных разработок. Образовательные задачи в цифровом формате и онлайн решают и научно-образовательные центры, в которых участвует СПбГУ: НОЦ «Генетика и клеточная биология растительно-микробных взаимодействий», НОЦ «Математическая робототехника и искусственный интеллект», НОЦ «Молекулярно-биологические основы здоровья человека и окружающей среды Северо-Западного региона России», партнерский НОЦ «Инженерия будущего» и др.

Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

В последние несколько лет определенно наметилась тенденция к более активному продвижению российских образовательных услуг на зарубежных рынках. С 2017 г. в Российской Федерации реализуется приоритетный проект «Экспорт российского образования», рассчитанный до 2025 г. и направленный на повышение привлекательности российских образовательных программ для иностранных граждан, улучшение условий их пребывания в период обучения на территории России, а также повышение узнаваемости и статуса

бренда российского образования на международном образовательном рынке. Результатом реализации проекта должно стать практически трехкратное увеличение числа иностранных студентов, поступивших в российские вузы на очную форму обучения.

Стоит отметить, что СПбГУ имеет достаточно успешный опыт привлечения иностранных абитуриентов. По данным Россотрудничества, третий год подряд СПбГУ становится наиболее востребованным вузом среди иностранных абитуриентов. В 2020 г. Санкт-Петербургский университет выбрали 16 620 иностранных граждан (например, на подготовительном отделении СПбГУ (для иностранных граждан) каждый год обучаются абитуриенты 40 стран, обучение возможно проходить в дистанционном формате). Кроме того, ежегодно более тысячи иностранных студентов получают опыт обучения в СПбГУ по линии программ академической мобильности.

Вместе с этим СПбГУ ведет масштабную деятельность в сфере языкового тестирования. Государственное тестирование по русскому языку как иностранному (ТРКИ) проводится по шести уровням владения в соответствии с общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком, от A1 до C2 (шкала *Common European Framework of Reference, CEFR*). Результаты тестирования признаются крупнейшим международным сообществом тестировщиков – *The Association of Language Testers of Europe (ALTE)*. В настоящее время СПбГУ проводит ТРКИ в 100 центрах в 40 странах мира, ежегодно более пяти тыс. иностранцев проходят этот международный сертификационный экзамен (в настоящее время есть возможность выполнить тестирование дистанционно). Прохождение сертификационного экзамена не только позволяет получить иностранцу документ государственного образца, который необходим для подтверждения уровня владения языком при поступлении в вуз, но в то же время деятельность по популяризации русского языка как иностранного через информирование о системе ТРКИ способствует укреплению статуса русского языка как международного языка, а также способствует продвижению российского образования среди иностранной аудитории.

СПбГУ прилагает большие усилия по проведению мероприятий среди иностранных граждан, направленных на поддержку и популяризацию русского языка и повышение экспортного потенциала российского образования, которые пользуются высоким спросом как в России, так и за рубежом.

Одним из таких мероприятий, которое с 2018 г. реализует университет, является проект «Онлайн-школа СПбГУ» – это уникальный образовательный проект, в рамках которого иностранные школьники бесплатно дистанционно обучаются по программам российской школы по девяти предметам. За это время в проекте приняли участие около 2 500 школьников из шести стран (Латвии, Эстонии, Испании, Казахстана, Узбекистана и Киргизии).

Кроме того, с 2018 г. СПбГУ проводит самую масштабную олимпиаду по русскому языку как иностранному. Более 22 тыс. иностранных граждан из 150 стран по всему миру стали участниками этих соревнований. Стоит отметить, что дипломы победителя и призера олимпиады дают преференции при поступлении на образовательные программы университета, это способствует дополнительному привлечению аудитории иностранных абитуриентов в СПбГУ.

Также стоит отметить, что в период пандемии университет усилил работу в части проведения вебинаров. Так, например, в вебинарах по актуальным вопросам сферы русского языка как иностранного (для студентов и преподавателей в общей сложности было проведено 67 вебинаров) приняли участие более 7800 человек из 118 стран.

Эти и многие другие мероприятия помогают университету сохранять и укреплять позицию самого привлекательного в России вуза для иностранцев.

Несмотря на очевидные успехи, достигнутые нашим университетом в этом направлении, по-прежнему сохраняется ряд проблем, решение которых может способствовать увеличению экспортного потенциала российского образования и еще большему увеличению потока иностранных обучающихся в российские вузы.

Для повышения конкурентоспособности российского образования на международном рынке представляется целесообразным осуществление деятельности по нескольким направлениям. Во-первых, это увеличение числа образовательных программ в российских вузах, преподаваемых на иностранных языках. Во-вторых, это повышение качества инфраструктуры университетских кампусов и создание благоприятной среды для иностранных обучающихся и сотрудников российских вузов (улучшение условий проживания в общежитиях, создание пространств и обеспечение технических возможностей для самостоятельной работы в общежитиях / университетских кампусах). В-третьих, создание и поддержание конкурентоспособной среды для приглашения гостевых лекторов (уровень заработной платы, предлагаемые условия проживания, осуществление необходимой административной поддержки профильными подразделениями и т.д.). В-четвертых, это упрощение процедуры оформления визовых документов для высококвалифицированных специалистов. В-пятых, это реализация на государственном уровне более активной политики по продвижению российского высшего образования среди иностранных абитуриентов. В-шестых, популяризация изучения русского языка за рубежом. В-седьмых, это закрепление статуса сертификата системы ТРКИ в зарубежных странах в качестве официального документа, подтверждающего языковую компетенцию владельца (в настоящее время сертификат ТРКИ признается на государственном уровне в ряде зарубежных стран, однако представляется необходимым приложить дополнительные усилия по работе в данном направлении).

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Нельзя не признать, что СПбГУ был и остается активным участником процесса создания этого будущего «дивного нового мира» онлайн-образования. Мы являлись одним из инициаторов и учредителей национальной образовательной онлайн-платформы «Открытое образование», и сегодня Санкт-Петербургский государственный университет занимает первое место как по количеству размещенных на этой платформе курсов (148 курсов из 724), так и по аудитории слушателей, которая приближается к двум миллионам человек (при общем количестве слушателей всех курсов, размещенных на платформе, свыше восьми млн человек). Также СПбГУ входит в топ-5 вузов мира по количеству курсов, развернутых на крупнейшей международной образовательной платформе *Coursera*. Особую гордость мы испытываем, потому что СПбГУ стал первым и остается единственным российским вузом, разместившим курсы на китайской платформе «Сюэтан». Наконец, Санкт-Петербургский государственный университет стал соучредителем и первым представителем России во Всемирном союзе массовых открытых онлайн-курсов (МООК), инициаторами которого выступили Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании (*UNESCO IITE*) и Университет Цинхуа (Китай). О создании МООК было официально объявлено на Всемирной онлайн-конференции в Пекине «Революция обучения и трансформация высшего образования», прошедшей в декабре 2020 г.

Сейчас ведутся многочисленные споры о будущем университетов в контексте «цифровой революции». Некоторые утверждают, что цифровизация приведет к полному замещению очного университетского образования онлайн-новым и таким образом к гибели существующей модели университета. Надо иметь в виду, что университеты всегда находились и находятся под давлением технологий и общественных интересов. И реакция на это давление определялась одновременно консерватизмом и лабильностью. Консерватизм ограничивал метания из крайности в крайность, чем обеспечивал стабильность развития. В то же время университеты как аккумуляторы знаний имеют потенциал для развития на базе теоретических и научно-практических разработок. Такое сочетание на протяжении всей истории обеспечивало университетам успешную адаптацию к меняющимся условиям и сохранение научно-образовательной и социальной миссий. Полагаю, что и теперь слухи о гибели университетов сильно преувеличены. Назову три наиболее вероятных тренда развития.

Первый – это нахождение баланса между онлайн- и офлайн-формами смешанной модели высшего образования. *Homo sapiens* – существо социальное, поэтому отказ от очного обучения едва ли возможен. Неслучайно в ходе опросов студентов и преподавателей в период пандемии одной из основных

проблем названо отсутствие живого общения. И никакая дополненная реальность такого общения не заменит.

Второй – развитие экосистемы университета, включающей связи с работодателями и бизнесом, общественными институтами, коллегами по научно-образовательному сообществу и государственными структурами. Цифровые технологии позволяют создавать, развивать и использовать такие связи быстро, в широком диапазоне и для решения разнообразных задач.

И третий тренд – индивидуализация образовательных траекторий за счет применения дистанционных образовательных технологий и онлайн-образования. Представим, что в различных 15 вузах есть только по одному студенту, который желает прослушать какой-то курс, – в традиционной парадигме удовлетворить потребность одиночки невозможно, но в рамках «виртуального университета» это вполне реально. Это не только повысит заинтересованность обучающихся в обучении, а значит и качество образовательного процесса, но и обеспечит наибольшую возможность раскрытия личного потенциала. Возрастет также скорость адаптации рынка образовательных услуг к рынку труда в выборе обучающимися структуры учебного плана и особенно в выборе дополнительных образовательных программ.

– Чем опыт СПбГУ в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– Одним из ключевых направлений деятельности в области реализации политики интернационализации СПбГУ является реализация проекта «Представительства университета» в сотрудничестве с зарубежными организациями-партнерами. На текущий момент проект СПбГУ реализован в таких странах как КНР, Республика Корея, США, Испания, Италия, Греция, Турция. В рамках «Представительств университета» реализуются многочисленные мероприятия (выставки, круглые столы, открытые лекции и т.д.), направленные на популяризацию русского языка и культуры, образования и науки в целом. Такой формат деятельности не только способствует укреплению и расширению партнерства с тем или иным вузом или другой организацией-партнером, которая участвует в реализации проекта в определенной стране, но и ведет к повышению «видимости» университета, реализуемых им программ и мероприятий для соответствующей зарубежной аудитории.

Еще одним направлением деятельности университета, нацеленным на расширение и углубление сотрудничества с ключевыми международными партнерами, является создание образовательных программ по модели двух дипломов. СПбГУ в рамках соглашений с вузами из Финляндии, Франции, Гер-

мании, Италии, Австрии, Китая ведет прием на 12 программ магистратуры, в рамках которых выпускникам предоставляется возможность получения сразу двух дипломов, российского и зарубежного. Обучение по программе двойного диплома – это уникальная возможность получить образование в таком значимом российском вузе, как Санкт-Петербургский университет, и одновременно иметь доступ к ресурсам ведущих научных и образовательных центров.

Помимо программ двойного диплома, СПбГУ также реализует программы с иностранным образовательным компонентом. За последние пять лет число таких программ существенно увеличилось благодаря активному сотрудничеству с зарубежными партнерами, а по ряду направлений возросло в десятки раз (так, в настоящее время в университете реализуется более 50 программ с китайским компонентом: «Юриспруденция с углубленным изучением китайского права и китайского языка», «Экономика с углубленным изучением экономики Китая и китайского языка» и др.

Сотрудники СПбГУ осуществляют активную деятельность, направленную на обеспечение стипендиальной поддержки академической мобильности обучающихся и сотрудников университета. С 2015 г. СПбГУ принимает участие в программе Европейской комиссии в области образования *Erasmus+* KA107, которая предполагает возможность полной стипендиальной поддержки обучающихся и сотрудников вузов, участвующих в программах академической мобильности в европейских университетах-партнерах. СПбГУ участвует в данной программе на протяжении шести лет. Если в 2015 г. у СПбГУ было 13 действующих соглашений в рамках проекта *Erasmus+*, то в 2021 г. их количество превысило 100 (увеличение в восемь раз), что свидетельствует о высокой степени заинтересованности европейских партнеров в развитии и интенсификации сотрудничества с университетом в данном направлении.

Особое внимание СПбГУ также уделяет интернационализации научных связей. Так, на базе университета с 2020 г. функционирует Совместная лаборатория СПбГУ и ООО «Техкомпания Хуавэй». Лаборатория была создана для проведения математических исследований в приложении к мультимедийным технологиям (воспроизведения цветных изображений и звуков). Основные темы работы лаборатории касаются оптимизации, теории вероятностей, математической статистики, геометрии, математической логики, математической физики, машинного обучения и т.д. В работе лаборатории участвуют сотрудники факультета математики и компьютерных наук СПбГУ.

С 1992 г. исследователи СПбГУ являются активными участниками международного сообщества физиков, занимавшихся созданием экспериментов на Большом адронном коллайдере (БАК) в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН). Летом 2021 г. планируется открыть доступ для ученых и студентов СПбГУ к ресурсам ЦЕРН. Ученые Университета принимают участие

в двух фундаментальных научных экспериментах, проводимых на базе ЦЕРН: эксперимент ALICE (*A Large Ion Collider Experiment*), в котором трудятся физики из 176 научных организаций из 39 стран мира, и эксперимент NA61/SHINE (*SPS Heavy Ion and Neutrino Experiment*) на Протонном суперсинхротроне (SPS), в котором участвуют ученые из 28 институтов из 14 стран. В состав рабочей группы СПбГУ входят ученые, имеющие высокий индекс Хирша, а также инженеры и молодые ученые с опытом как теоретических, так и экспериментальных исследований в составе крупнейших международных научных коллабораций на установках класса «мегасайенс» ALICE и NA61/SHINE в ЦЕРН (30 человек, среди них 13 студентов и аспирантов, средний возраст по лаборатории 35 лет).

На базе СПбГУ ежегодно проводятся мероприятия, конгрессы и конференции мирового уровня, собирающие сотни представителей мирового научного сообщества из различных стран и организаций. Среди наиболее знаковых международных научных мероприятий, проводимых Университетом в последние годы, можно выделить конгресс *UArctic*, Международную академию аутоиммунитета, международную конференцию «Ананьевские чтения», международную конференцию «Развивающиеся рынки» и многие другие.

В качестве еще одного успешного примера интернационализации можно привести также мероприятие *Staff Training Week*, ориентированное на обмен опытом административных сотрудников международных служб. Мероприятие проводится ежегодно с 2018 г. В течение недели представители разных университетов – партнеров СПбГУ обсуждают наиболее актуальные вопросы международного сотрудничества и делятся лучшими практиками интернационализации образовательной и научной деятельности, применяемыми в их вузах. Подобные встречи позволяют не только изучить опыт коллег из разных стран в реализации программ международного сотрудничества, но и осветить деятельность СПбГУ и лучше познакомить партнеров с нашими программами и возможностями обучения для иностранных студентов.

РОССИЯ ДОЛЖНА ПОДНЯТЬ ЛУЧШИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВУЗЫ ДО УРОВНЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Я.И. Кузьминов – к.э.н., научный руководитель ВШЭ, ректор НИУ ВШЭ (1992–2021 гг.), главный редактор журнала «Вопросы образования», член РСМД

– Ярослав Иванович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Около 10 лет назад, а точнее, в 2012 г. был дан старт новому этапу развития системы высшего образования в России. Несмотря на отдельные неудачи, его можно охарактеризовать как период реализации важных и успешных проектов. Системная трансформация затронула все группы вузов: ведущие российские университеты, ориентированные на глобальные рынки образования и исследований, региональные вузы и институты меньшего масштаба.

Реформы начались со старта программы по повышению международной конкурентоспособности ведущих российских университетов – проекта «5-100». Главной целью проекта было обеспечение вхождения к 2020 г. не менее пяти российских вузов в первую сотню ведущих мировых рейтингов. За счет целевого финансирования программ повышения конкурентоспособности ведущие вузы получили возможность привлекать талантливых молодых ученых, развивать программы академической мобильности, внедрять новые международно-ориентированные образовательные программы, реализовывать прикладные и фундаментальные исследования. Если говорить об итогах проекта и сопоставлять его с программами других стран, то Россия сумела существенно повысить свою известность в целом ряде направлений: в экономике, химии, гуманитарных технологиях. И это очень серьезный результат. За это десятилетие, по сути, был заново сформирован отряд исследовательских университетов, представляющих Россию в элите глобального образовательного сообщества. Число иностранных студентов выросло в два с половиной раза, в среднем до 2,5 тыс. человек на вуз. Ни одна страна не добивалась таких высоких результатов за столь короткий промежуток времени.

Еще один элемент новой системы высшего образования – проект формирования сети опорных вузов, который был запущен в 2015 г. Его миссия – создание конкурентоспособных современных университетов ради повышения привлекательности регионов как образовательных, исследовательских и инновационных центров. В проекте приняли участие 33 вуза.

Широкое внедрение и реализация мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования (ежегодно с 2012 г.) привели к многочисленным реорганизациям вузов. Разработанные инструменты позволили проводить объективную оценку деятельности вузов с точки зрения реализуемой ими образовательной, научно-исследовательской и финансово-экономической деятельности, а также оценивать состояние их инфраструктуры. Впервые в постсоветской России можно увидеть прозрачные характеристики деятельности вузов, обеспечившие их объективное сравнение друг с другом.

Не стоит забывать о том, как экстраординарно прошел 2020 г. То, как российская система образования справилась со «стресс-тестом» во время пандемии COVID-19 – прекрасный индикатор качества российского высшего образования. Большинство вузов смогли успешно перейти на дистанционный формат и внедрить цифровые технологии, пусть и не одномоментно. Сложностей было немало, но самое главное, что студенты продолжили учиться, абитуриенты не отказались от поступления в вузы, преподаватели не потеряли работу. Многие вузы даже смогли использовать ситуацию себе во благо, привлекая новые кадры из других регионов и стран для ведения занятий в онлайн-формате.

Спустя 10 лет после начала этапа реформирования система высшего образования еще сохраняет неоднородность, но успешно запущенные проекты заложили основу для устойчивости сети.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– В России фиксируют три главных «триггера» изменений: цифровая революция, ускорение обновления технологий и следующих за ними квалификаций, а также экспоненциальный рост объема полезной информации. Образование по своему «генному коду» – сфера консервативная. Его миссия – трансляция культуры, передача новому поколению накопленного богатства знаний и умений. Но высшее образование отличается от школы или колледжа тем, что оно работает с новыми исследованиями, учит студентов не только усваивать чужое знание, но и оспаривать его, сомневаться и опровергать.

Став массовым, высшее образование в XX в. во многом утратило эту свою корневую черту и зачастую просто передает готовое знание. Сейчас настоящих исследовательских университетов в мире едва ли треть. Революция, в которой Россия сейчас участвует, возвращает высшее образование к его исходному, гумбольдтовскому состоянию.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– И страна в целом, и образовательное сообщество заинтересованы в расширении российского присутствия в секторе глобальных исследовательских университетов. Задача продвижения в международных университетских рейтингах остается актуальной. Если сейчас Россия представлена в топ-100 предметных рейтингов 16 вузами, то через 10 лет может надеяться на то, чтобы занять 50–60 позиций. Рейтинги отражают роль университета в глобальном разделении труда, его востребованность, его репутацию. Сегодня ни одна страна, даже США, куда традиционно едут самые перспективные ученые, не участвует даже в половине научно-технологических фронтиров, существующих в мире. Наука глобальна, и при этом она разделена. Критическую роль здесь играет участие в обмене передовыми идеями, в научном общении.

За 10 лет в мире изменилось отношение к российской науке. Если еще в первом десятилетии XXI в. она воспринималась как слабеющая тень советской, то сегодня – как реально существующая величина, современная и молодая. Россия пока не остановила «утечку мозгов», но смогла создать реальное противодействие этому. Российские ведущие университеты не упускают поголовно сильных выпускников и проявившихся перспективных ученых, и они принимают молодых исследователей из сильных университетов других стран.

Ученые, выбирая, где бы им «приземлиться», рассматривают, как правило, два параметра. Их интересует, есть ли в университете необходимое оборудование (или доступ к данным) для исследования и какова плотность академической среды, интересно ли окружение коллег. Чтобы понять, что удалось сделать в отношении последнего, можно привести пример НИУ ВШЭ. В университете в 2010 г. 12% преподавателей имели статьи в международных научных журналах, сегодня – почти 70%.

Другое важнейшее направление – обеспечение опережающего развития университетов в регионах России. Россия не может существовать с 25 конкурентоспособными вузами. Россия – большая страна, у нее много регионов, и в каждом из них должен быть сильный университет. Я не верю ни в какие инвестиции в регион, если выпускники школ не остаются в нем учиться. В стране есть почти треть регионов, где нет ни одного вуза со средним баллом ЕГЭ больше 70. Когда при наличии вуза в городе говорят, что «у нас негде получать высшее образование», – это трагедия для региона. Если регион не может удержать свою интеллигенцию и не имеет привлекательности как центр интеллектуального производства, у него нет будущего в новой экономике.

Нужно развивать всю систему российского высшего образования через сетевые программы с региональными университетами, а также через предоставление им доступа к цифровым ресурсам, онлайн-курсам и т. д. Но самое главное – Россия должна поднять лучшие региональные вузы до уровня исследовательских университетов. Задача академического лидерства заключается в том, что будут отобраны уже порядка 100 вузов, а не 25. Существующие лидеры через зеркальные лаборатории, сетевые программы и через онлайн-курсы должны воздействовать на широкий круг высших учебных заведений и непосредственно на студентов.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Глобальное развитие университетских онлайн-курсов, в котором отечественные вузы занимают лидирующие позиции, сравнимо разве что с появлением печатного станка Гутенберга. Сейчас НИУ ВШЭ занимает 5-е место по количеству курсов на глобальной образовательной платформе *Coursera*. У нее 3,5 млн слушателей по всему миру, среди которых 600 тыс. – из США, а более полумиллиона представляют страны Евросоюза. Благодаря этим онлайн-курсам люди охотнее едут учиться сюда – я имею в виду не только НИУ ВШЭ, но и Россию в целом.

Аудитория слушателей онлайн-курсов одной только НИУ ВШЭ сейчас составляет более 3 млн человек во всем мире. Онлайн-образование дает немыслимое раньше расширение предложения. Неважно, где ты учишься и где ты живешь, есть ли у тебя возможность переехать в другой город или страну. В любой точке земного шара ты включен в систему передачи знаний, обсуждения нового знания, которое предлагается учеными из ведущих мировых центров.

Тем не менее не следует ждать массового закрытия университетских кампусов. Даже после перевода всего образовательного процесса в онлайн-формат, корпуса НИУ ВШЭ остались открытыми, и примерно каждый десятый студент ежедневно приходил туда, чтобы общаться с коллегами, организовывать проектные группы. В образовании очень важна эмоциональная связь. Поэтому традиционное образование никуда не денется. Не исчезнут школы, не исчезнут университеты, но изменится сам формат деятельности: он будет более креативным, проектным и эмоционально окрашенным. Будет расти спрос на коворкинги, причем не только студенческие, но и школьные.

Цифровые элементы будут замещать рутину, вузы в значительной степени виртуализируются, все больше будут включать в себя удаленных на большие расстояния людей. Но обучение через живое общение точно никуда не уйдет. Вузы останутся центрами притяжения и новых социальных конструкций.

– Чем опыт ВШЭ в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– НИУ ВШЭ начинала с доли иностранных студентов на уровне 1%, в то время как в большинстве ведущих университетах еще в 2000-х гг. стабильно было около 10% иностранцев. НИУ ВШЭ подошла к решению задачи комплексно: не как к отдельному обособленному направлению по интернационализации на локальном уровне, а как к процессу формирования глобального позиционирования на мировом рынке образования. Это потребовало больших усилий по изменению подходов во многих аспектах как приемной компании и маркетинга, так и университетской среды. Сейчас на программах вуза учатся студенты из 110 стран мира, и он входит в топ-10 российских университетов по общей численности иностранных студентов.

НИУ ВШЭ работает по трем стратегическим направлениям: продвигает свои программы на открытом рынке, интернационализирует среду внутри всего университета и развивает онлайн-образование. Успешность работы на открытом рынке обеспечена новыми подходами к стратегии рекрутинга и маркетинга программ. Университет работает с «большими данными» и автоматизирует процессы. Примерно лишь 5–10% из тех, кто получал информацию о возможностях поступления, подают заявки, а из них проходят в итоге не более 20%. То есть отдача всего 1–2% – и это требует постоянного расширения аудитории. Маркетинг охватывает все подразделения НИУ ВШЭ без исключения и может быть ориентирован на разные целевые аудитории. Переход в цифровую среду позволил вузу создать единую систему данных о мероприятиях, расширить целевую аудиторию, более точно определять интересы за счет работы с опросами.

Огромное внимание стоит уделить созданию международной академической среды во всем университете, вне зависимости от числа иностранных студентов. Для многих вузов большой сложностью является переход к англоязычной среде. НИУ ВШЭ тоже сталкивается с сопротивлением. Но многие его инновации помогли сформировать единое понимание правил и возможностей у преподавателей, научных сотрудников, администраторов и студентов. Общеуниверситетские инициативы обязательно включают англоязычные площадки – пространства и форматы, позволяющие интегрировать участников, являющихся носителями разных языков и культур.

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ УНИВЕРСИТЕТАМИ БУДЕТ ПРИОБРЕТАТЬ СЕТЕВОЙ ХАРАКТЕР

В.А. Май – д.э.н., ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), советник председателя Правительства РФ (1992–1993 гг.), член РСМД

– Владимир Александрович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные вехи и достижения Вы можете отметить?

– Общая оценка, несомненно, положительная. Главное, на мой взгляд, состоит в том, что в России растет спрос на качественное образование. Во-первых, все больше людей относятся к образованию как к инвестиции, а не услуге. Все чаще студенты и слушатели выбирают более сложные программы, тщательно их анализируют. Во-вторых, растет спрос на непрерывное образование. Это особенно заметно в Президентской академии.

Если же говорить об итогах десятилетия со стороны отрасли образования, то надо отметить формирование сети ведущих вузов. Это те университеты, которые получили право устанавливать собственные образовательные стандарты и присваивать ученые степени вне системы ВАК. Это порядка сотни вузов, которые в значительной степени обеспечивают развитие российских регионов и разных отраслей экономики.

Свою положительную роль сыграл и начатый в 2012 г. мониторинг эффективности российских вузов. Это привело к значительному оздоровлению образовательного пространства. Произошло перераспределение ресурсов, резко сократилось число частных вузов и их филиалов.

Еще один важный момент: в силу демографических причин снижается численность студентов. Кроме того, с 2014–2015 гг. численность студентов очных отделений превысила число «заочников», что дает основания говорить о росте качества образования. Отдельно нужно упомянуть о том, что к 2014 г. была отрегулирована система сдачи ЕГЭ. С тех пор доверие к ЕГЭ выросло.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Ключевой вызов для системы высшего образования сегодня – это неопределенность вследствие ускорения технологических изменений. Соответственно, задача университета – подготовить человека к постоянным изменениям. Учебные заведения должны делать акцент на развитии адаптивности.

Профессии постоянно обновляются, и заранее предсказать, какие знания и навыки будут востребованы через 5–10 лет, уже невозможно. Сегодня готовить нужно не к определенной специальности, а к тому, что учиться придется непрерывно в течение всей жизни.

Будут развиваться технологии дистанционного обучения. Важно подчеркнуть, что дистанционное обучение – это именно технология, а не форма образования. Эти технологии могут использоваться как в очном образовании, так и в заочном.

Кроме того, на первый план выходят вопросы содержания образования, соотношения фундаментального и прикладного знания. Работодатель хочет быстро получить результат, ему ближе практико-ориентированный подход. Однако уже завтра технологии изменятся и придется переучиваться. А вот фундаментальные знания так быстро не устаревают. Именно они обеспечивают гибкость, становятся основой для развития адаптивности. Фундаментальность и отказ от избыточной специализации для университета предполагают ведение поисковых, прорывных исследований, которые не должны обосновываться пресловутой «практической значимостью». Такие исследования проводятся ради удовлетворения научного интереса и не требуют объяснять их практический смысл и цель, хотя самые практичные открытия изначально были связаны с чистой наукой.

Важным навыком является способность развивать *soft skills*. К ним относятся и коммуникативность – это одна из компетенций XXI в. наряду с умением работать в команде и быть креативным. Впрочем, эти компетенции всегда были востребованы.

Приоритетное значение получает непрерывное образование (*lifelong learning*) и расширение контингента обучающихся за счет старших возрастов. Президентская академия уже сегодня является школой непрерывного образования, реализуя большое количество образовательных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации для взрослых слушателей.

Растет и, по-видимому, будет и далее расти интерес к среднему профессиональному образованию, но уже как к начальной фазе образовательного трека. Сегодня можно наблюдать, как постепенно меняется отношение к среднему профессиональному образованию в обществе.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Россия пока недостаточно представлена на мировой карте высшего образования. Иностранец, который не интересуется этим вопросом специально и

не бывал в России, как правило, не знает о том, сколько здесь университетов и чем они хороши. Во многих исследовательских университетах есть хорошее оборудование, на котором были бы рады работать студенты и научные группы из других стран, но часто они просто не знают о такой возможности.

Для того чтобы изменить эту ситуацию, необходимо делать так, чтобы о российских вузах узнавали. Способов много. Например, активное участие в деятельности международных ассоциаций университетов. Как правило, в них мало или совсем нет российских участников, либо они присутствуют формально. Однако такие ассоциации открыты к общению, с ними получается быстро наладить человеческую коммуникацию и договариваться о хороших совместных проектах. У РАНХиГС такой опыт есть. Например, в течение 2020 г. Академия совместно с руководством ведущих международных ассоциаций и с ключевыми мировыми экспертами в области международного образования провела серию вебинаров по интернационализации. Президентская академия находится в постоянном контакте с зарубежными партнерами.

Еще один важный вопрос – необходимость профессионализации международной деятельности в университетах. По сути, идеальный международник – это междисциплинарный специалист, который должен разбираться в договорах, в учебном процессе, в миграционном законодательстве и выставочной деятельности, в маркетинге, в вопросах рекрутинга иностранных студентов. И это далеко не все. В России на сегодняшний день профессии университетского международника формально не существует. Очевидно, что специалисты, которые занимаются этими вопросами, должны обладать рядом определенных навыков и компетенций, помимо понимания ценностей академического мира. Поэтому наличие хорошего международного офиса во многом остается вопросом удачного стечения обстоятельств.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства) в плане привлечения иностранных студентов?

– Основные факторы, которые влияют на поток иностранных студентов, достаточно понятны. Среди них стоимость обучения, государственные квоты для обучения иностранцев, системы грантов и стипендий. При выработке соответствующей политики все это необходимо учитывать.

Университет должен стараться помогать иностранным студентам, в том числе с трудоустройством во время обучения. Кроме того, для привлечения иностранных студентов важно обеспечить возможность для лучших из них остаться работать в России.

Важно прилагать усилия для того, чтобы иностранные студенты понимали, что они действительно могут получить качественное образование в России. В основном люди приезжают в Россию учиться по двум причинам. Они хотят трудоустроиться в стране с более высоким уровнем жизни, либо считают, что диплом хорошего российского вуза повысит их шансы на трудоустройство после возвращения в родную страну или при переезде в другие страны.

Помимо этого, в условиях пандемии COVID-19 важно, насколько качественно университет может обеспечить образование в дистанционном формате. Многое зависит от того, как развита цифровая инфраструктура в тех странах, откуда приезжают студенты.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– В этом вопросе очень важна четкость формулировок. Пока есть некоторая путаница. В России есть заочное, дистанционное и онлайн-образование, и все это – разные вещи. Студент-заочник получает задание, работает самостоятельно и присылает выполненное задание преподавателю, с которым у него почти нет живого контакта. Полноценное дистанционное образование – это занятия в формате видеоконференции, где преподаватели и студенты встречаются по расписанию, общаются. И наконец, онлайн-образование – это возможность пройти готовый курс в интернете. У вас может быть тьютор, вы можете получить сертификат, но можете и забросить курс на середине.

Элементы дистанционного образования и онлайн-технологий могут использоваться как в очном, так и в заочном образовании. Но не они являются критериальными для отграничения первого вида образования от второго.

Сегодня можно совмещать очную форму и дистанционную, а в дополнение использовать онлайн-курсы. В зависимости от того, как формируется этот набор, каждый вуз и каждый факультет могут иметь разные соотношения очного, дистанционного и онлайн-обучения. Существует тенденция, что в сильных вузах дистанционное образование как формат будет развиваться. Однако это потребует развития культуры использования дистанционных технологий как на уровне студентов, так и на уровне преподавателей.

Можно с некоторой долей условности сказать, что очное образование – театр, а дистанционное – кино. Техника актерской игры в театре и кино сильно различается, как и возможности влияния. Впрочем, последнее пока остается «театром по телевизору», и необходимо дойти до уровня качественного кинематографа. Это очень сложная задача, и ее решение может занять определенное время.

– Чем опыт РАНХиГС в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– Сегодня в Президентской академии обучается около 3 тыс. иностранцев из более 70 стран. Кроме того, Академия является базовой организацией для подготовки госслужащих в странах СНГ. Международная деятельность является для нас одним из безусловных приоритетов.

РАНХиГС – активный участник приоритетного проекта «Экспорт образования», цель которого состоит в повышении привлекательности и конкурентоспособности. Для того чтобы иностранные студенты приезжали учиться в российские университеты, необходимо многое. В том числе целесообразно создавать в университетах международные службы для поддержки таких студентов. С этой целью в Академии был создан Центр компетенций международных служб образовательных организаций.

У РАНХиГС есть большой опыт организации сетевых университетов совместно с вузами других стран. Ведь сегодня сетевое взаимодействие – это устойчивая мировая тенденция развития высшего образования. Так, Российско-французский университет был поддержан XXI сессией Российско-Французского совета по экономическим, финансовым, промышленным и торговым вопросам еще 25 января 2016 г. Это консорциум российских и французских образовательных организаций. В рамках РФУ уже реализуются 27 совместных образовательных программ двух дипломов и 15 программ академической мобильности. Основные направления – право, экономика и управление, гуманитарные и естественные науки. В 2020 г., несмотря на пандемию и отсутствие фактической возможности реализации физической мобильности студентов, на образовательные программы РФУ поступили 208 студентов, а их общее количество достигло 560.

Одна из главных задач сегодня – создание безбарьерного взаимодействия при реализации всех видов академического сотрудничества, в том числе совместных образовательных программ и сетевых академических обменов. В работе находится проект развития виртуальной сетевой мобильности внутри консорциума, когда студент сможет выбирать онлайн-дисциплины в университетах-участниках и засчитывать их в своем домашнем университете. Все это позволит студентам формировать индивидуальные траектории обучения, в том числе в смешанном формате.

Другой сетевой проект, в котором РАНХиГС принимает активное участие, – это Альянс российских и испанских университетов, в который вошли четыре российских университета и четыре университета Испании. Развивается интересный формат сотрудничества с Лондонским университетом: Академия

имеет статус аккредитованного учебного центра Лондонского университета, и в рамках этого сотрудничества реализуются магистерские программы ряда колледжей Лондонского университета в формате параллельного образования с соответствующими магистерскими программами РАНХиГС. Формат параллельного образования дает студенту возможность обучаться одновременно по программе, разработанной РАНХиГС, и по соответствующей программе Лондонского университета. Выпускник может получить два диплома. Программы Лондонского университета реализуются с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. РАНХиГС оказывает тьюторскую поддержку студентам, в том числе помогает подготовиться к сдаче экзаменов. Важно, что обучение идет полностью на английском языке. К преподаванию на этих программах Академия привлекла профессионалов-практиков очень высокого уровня, в большинстве прошедших обучение за рубежом. Кроме того, запускаются новые проекты и программы с университетами Италии, Швейцарии, Нидерландов, Германии, Китая, Индии и Бразилии.

Возвращаясь к вопросу о траекториях развития высшего образования, можно сказать, что университеты будут больше сотрудничать между собой, и это сотрудничество будет приобретать сетевой, распределенный характер, когда несколько университетов, по сути, объединяются в единую образовательную экосистему.

НЕ БЫЛО СЧАСТЬЯ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО

А.Ю. Мельвиль – д.филол.н., декан факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), заслуженный деятель науки РФ, член Ученого совета НИУ ВШЭ, председатель Диссертационного совета по политологии при НИУ ВШЭ, проректор по научной работе в МГИМО (1999–2009 гг.), член РСМД

– Андрей Юрьевич, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Россия по-прежнему в значительной степени испытывает на себе проблемы советского прошлого и наследия 1990-х гг. В советские времена на некоторых образовательных направлениях – прежде всего естественнонаучных – были очень внушительные результаты. Тогда как в области социального и гуманитарного образования господство идеологии было фатальным тормозом для развития. Идеологизация – это вообще очень плохо для науки и образования. Идеологические явления нужно изучать и преподавать как предмет анализа, но когда они становятся «призмой», определяющей взгляд на мир, это ведет к катастрофе для знания.

К «рыночной» альтернативе тоже следует относиться *cum grano salis*. Конечно, в образовании тоже работают рыночные принципы, и российские вузы это хорошо усваивают. Но без целенаправленной, сфокусированной и масштабной государственной поддержки система высшего образования не может развиваться. Будет консервироваться отсталость и несправедливость. Так не только в России, но и во всем мире.

В России с этим точно недостаток. Высшее образование и наука, в сравнении с развитыми странами, в том числе и в Азии, страдают от недофинансирования. Еще никак не могут решить проблему слабой социальной защищенности студентов из семей с невысоким достатком.

Серьезной проблемой остается искушение уехать, особенно со стороны наиболее способных студентов и выпускников. Здесь нужны очень внятные стимулы, в том числе финансовые, для сокращения продолжающейся «утечки мозгов», чтобы лучшие выпускники находили себе достойное место в России. Еще одна системная проблема – качество и длительность среднего образования, поскольку на первых курсах бакалавриата зачастую происходит «доучивание» старшеклассников, чего не встретишь в лучших зарубежных университетах.

Из правильных решений я бы отметил введение ЕГЭ. Это движение в верном направлении. Другое дело, что система нуждается в серьезной доводке.

Считаю успехом запуск с 2012 г. проекта «5-100», который был нацелен на адаптацию и включение ведущих российских университетов в международную образовательную среду и на использование соответствующих критериев оценки образовательных и научных результатов.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– В ближайшей перспективе в России и во всем мире главным фактором, влияющим на ситуацию в высшем образовании, будет оставаться пандемия со всеми сопутствующими ограничениями, в том числе на офлайн-обучение. Наиболее вероятная перспектива – гибридные образовательные форматы. Будут продолжаться трансформации образовательных и всех академических процессов. Но возникший полтора года назад кризис – это в каком-то смысле и возможность развития. Хотя университет – это во многом институт консервативный, начавшиеся изменения в высшем образовании, несомненно, будут продолжаться, поскольку пути назад нет. Эти перемены просто вскрыли многие давно подспудно вызревавшие тенденции, вывели их на поверхность и актуализировали. Намечу лишь некоторые из их числа.

Во-первых, высшее образование во многих отношениях становится более открытым. Переход к онлайн-обучению открывает перед студентом больше возможностей, которых раньше не было. Студент получает больше возможностей строить свою собственную образовательную траекторию, выбирать курсы, предлагаемые другими университетами и платформами, в том числе зарубежными. Правда, не везде и не для всех: и в России, и во всем мире «цифровое неравенство» не преодолено.

Во-вторых, во всю университетскую жизнь все больше проникает цифровизация: в преподавание, исследования, управление. В полной мере «цифровой университет», конечно, дело будущего, при этом в высшем образовании в России сохраняется значительное неравенство. Но направление развития уже намечено.

В-третьих, рост открытости высшего образования связан и с его интернационализацией, вовлечением в международные образовательные и исследовательские сети, расширением доступа к международным информационным, экспертным и иным ресурсам. Эффекты пандемии, разумеется, серьезно ограничивают «живую» интернационализацию, препятствуют реальным студенческим и научным обменам и контактам, но вектор развития так или иначе прослеживается.

В-четвертых, ключевым фактором в развитии передовых университетов становятся собственные исследования и разработки. Этого почти не было

в советское время, когда существовало достаточно жесткое разделение по функционалу. В университетах учат, в Академии наук и в отраслевых институтах занимаются фундаментальными и прикладными исследованиями. В мировой традиции и в современных университетах это не так. В перспективе вероятно дальнейшее разделение на ведущие исследовательские университеты и своего рода «учебные». Возможно также, что будут и дальше продолжаться поиски сотрудничества между университетской наукой и академическими центрами и институтами.

Скорее всего, в ближайшем и обозримом будущем вероятны образовательные эксперименты: внедрение проектного подхода (некоторые «передовики» уже пошли по этому пути), образовательный аутсорсинг, развитие сетевого взаимодействия и сотрудничества, предложение вариантов так называемых микростепеней, апробирование «игровых» форматов и технологий и многое другое.

– Как коронавирус повлиял и будет влиять в будущем на международное академическое сотрудничество?

– Это влияние – и сейчас, и на перспективу – крайне негативное. Пандемия фактически обрушила многие, если не большинство устоявшихся и работающих форм международного академического сотрудничества и создала здесь совершенно новую ситуацию. Но одновременно она вывела на передний план некоторые постепенно вызревавшие явления и тенденции. Утрируя, я бы даже сказал, что «не было счастья, да несчастье помогло».

Всем, кто вовлечен в такое сотрудничество, пришлось резко мобилизоваться и начинать в новой ситуации прямо «с колес». Это относится и к «академикам», и к «организаторам процессов». Посудите сами, международные конференции и семинары переведены в онлайн-формат, однако возможны и «гибридные» формы. Это очень серьезное ограничение, хотя оптимисты находят в этом и положительные моменты. И наверное, они есть: больше свободы выбора участия в обсуждениях и дискуссиях по времени, возможности академического выбора, снижение своего рода «транзакционных издержек» и др. Но, как я считаю, не нужно иллюзий, живой академический диалог с зарубежными коллегами реально ограничен, хотя мы все ищем также иные варианты. Среди них, в частности, «удаленные контракты» с зарубежными коллегами, которые ведут онлайн-курсы, семинары, выступают с отдельными образовательными модулями. В НИУ ВШЭ на 2021 г. таких контрактов уже около 100. Стоит активнее испытывать и варианты международного академического руководства курсовыми, выпускными квалификационными работами и диссертациями в онлайн-форматах.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Практически все университеты в мире, в том числе и в России, перешли сейчас во многом на онлайн-обучение. Насколько я могу судить, основываясь на собственном опыте, студенты и преподаватели относительно успешно приспособились к новым обстоятельствам. Хотя новые условия, разумеется, непривычны, вызывают усталость, иногда даже раздражение и острую ностальгию.

Понятно, что прямое общение «глаза в глаза» с преподавателями и сокурсниками остается и останется важнейшей чертой университета. Ведь университет дает не только знания и навыки, но и опыт общения, формирования социального капитала. При этом нужно готовиться и готовить стратегии возможного и в идеале оптимального «симбиоза» офлайн- и онлайн-форматов. Будущее всего высшего образования в России и в мире в разных сочетаниях будет связано с онлайн-обучением.

Сейчас проводятся эксперименты с гибридными формами, дальнейшие перспективы сочетания офлайн- и онлайн-форматов обсуждаются, но во многом они туманные. Как бы то ни было, компоненты онлайн-образования останутся с нами при любом варианте развития событий. Гибридные формы образования останутся с нами, судя по всему, навсегда. Это очень важно для планирования стратегий развития российских университетов. Важно подчеркнуть, что речь идет именно об очном, а не заочном образовании, поскольку студенты остаются постоянно включенными в занятия – просто в других форматах.

Кстати, базовые онлайн-проекты создавались и до сегодняшнего кризиса – взять хотя бы *Coursera* или российскую Национальную платформу открытого образования. Другой пример – массовые открытые онлайн-курсы, у них тоже своя история. Дальнейшие эксперименты необходимы и неизбежны.

Проблемой для будущего онлайн-образования в России остается доступ к интернету, который, несмотря на успехи в последнее время, все же ниже, чем в среднем в развитом мире. Сохраняются серьезные различия между регионами. У российских университетов очень разные возможности и готовность к онлайн-обучению и к цифровым технологиям. Тем не менее это один из магистральных векторов развития высшего образования в России и во всем мире.

– Как Вы оцениваете вклад российских исследований в развитие социальных наук в мире?

– Вклад этот пока что относительно скромный. Сказываются серьезное отставание в этой области, сложившееся в десятилетия господства идеоло-

гической предвзятости, хотя и по-своему, в разных социальных науках. Игрет роль недостаточная включенность в исследования и практики мирового уровня, а также в мировые образовательные стандарты. В общем плане Россия отстает по ряду важных направлений: по разработке и освоению современных строгих методов, количественных и качественных, по созданию и освоению новых баз данных, по концептуализации, по разработке новых «больших» теоретико-методологических моделей в социальных науках, хотя это пока нерешенная проблема и для зарубежных коллег. Сказываются и некоторые известные «внешние» по отношению к научной сфере ограничения.

Но есть индивидуальные и групповые исключения, положительная динамика, исследования мирового уровня. Например, в области социологии это экономическая социология, изучение институтов и практик на несовершенных рынках, эмпирические исследования, отчасти теоретическая социология, социология молодежи и социальной работы. В политологии это анализ региональных политических процессов в России, изучение электорального поведения, а также сравнительный анализ режимной динамики. В психологии достигнуты явные результаты мирового уровня в области когнитивных исследований, социальной психологии, кросс-культурной психологии, психологии личности. Есть некоторые оригинальные наработки и в области государственного и муниципального управления, пока что недостаточно интегрированные на уровне мирового социального знания. Есть некоторые значимые результаты и в других дисциплинарных областях.

НУЖНЫ ПРОГРАММЫ ПОДДЕРЖКИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

Е.И. Михайлова – д.пед.н., к.псих.н., президент Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (СВФУ), академик РАО, ректор СВФУ (2010–2019 гг.), вице-президент Республики Саха (Якутия) (2007–2010 гг.), заместитель председателя правительства Республики Саха (Якутия) (2002–2007 гг.), министр образования Республики Саха (Якутия) (1996–2002 гг.), член РСМД

– Евгения Исаевна, как Вы оцениваете развитие системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Оцениваю позитивно, и это не только моя оценка. Качественные изменения в деятельности вузов России отмечают коллеги из университетов других стран. Россия вступает в новый этап своего развития, и вузам отведена фундаментальная роль в интеллектуальном и духовном развитии общества. Глобализм, гипермобильность трудовых ресурсов, динамизм промышленных и биомедицинских технологий, снижение трудоемкости в промышленности, расширение сферы услуг, появление новых профессий – все эти изменения диктуют новые отношения и новые правила. Очевидно, что нужна новая парадигма профессионального образования. В этом плане, в отличие от зарубежных вузов, российские университеты традиционно содействуют своим выпускникам в трудоустройстве. Но далеко не все компании распахивают двери перед молодыми специалистами. Существующие промышленные узлы обеспечены трудовым ресурсом на много лет вперед. У отдельных предприятий отсутствуют долгосрочные производственные планы на 5–10 лет и связанные с ними потребности в кадрах. Без них сложно обосновывать планы подготовки специалистов, проводить производственные практики и трудоустраивать выпускников вуза.

Отпускать выпускника на вольные хлеба недальновидно. Россия это уже проходила, когда было отменено государственное распределение выпускников. Это было мотивировано тем, что «распределение – это ограничение прав человека», но во внимание не принималось то, что у человека есть право на труд. И как реализовать это право, если нет открытых вакансий? Правительство призвано создавать условия для организации трудовой деятельности гражданина страны. В Якутии ежегодно стали квотировать рабочие места для выпускников профессиональных учебных заведений всех трех уровней. У выпускника был выбор: воспользоваться предложением правительства Республики Саха (Якутия) или искать работу самому. Отмечу, что предлагаемые вакансии закрывались полностью, и таким образом трудоустраивалось до 90–95% выпускников. Сейчас ситуация другая. Теперь перед вузами ставится

задача отслеживать выпускников и помогать им трудоустроиться до тех пор, пока они не начнут работать. СВФУ не отказывается от этого, молодежь должна заниматься полезным делом. СВФУ трудоустраивает выпускников, но с каждым годом все сложнее. Рынок диктует свои условия, прием на работу проходит по конкурсу, который вчерашние выпускники не всегда выдерживают.

Поэтому хотелось бы, например, реальной поддержки малых инновационных предприятий, созданных при университетах. Хотя многие понимают, что они являются, по сути, учебно-производственными лабораториями для студентов, здесь они получают практические навыки и первую зарплату. В таких предприятиях студенты начинают постигать основы создания собственного бизнеса, формы государственной поддержки, приобретают навыки конкурентной деятельности, проявляют интерес к собственному делу. Думаю, нужна программа поддержки молодых предпринимателей – выпускников вузов.

Затрону еще один немаловажный вопрос. Благодаря поддержке программы развития СВФУ из средств федерального бюджета, проведена работа в первую очередь по повышению квалификации преподавателей, модернизации кампуса, создана современная научно-исследовательская инфраструктура, ведется ремонт и строительство учебно-лабораторных корпусов и общежитий, жилых домов для преподавателей и др. Новые условия вдохновляют сотрудников на творчество, работу над научными исследованиями, приглашение зарубежных коллег, проведение индивидуальной работы со студентами и аспирантами и др.

Важное достижение – это увеличение заработной платы преподавателей до 200% от средней зарплаты в регионе. Признание значимости и сложности работы преподавателя университета – это хороший стимул. Например, в СВФУ средняя зарплата по покупательской способности – 134 тыс. руб. в месяц, у профессоров – выше. Опросы показывают, что преподаватели отмечают появление новых возможностей, включая создание рабочего места с компьютером дома. Повысилось качество преподавания и научных исследований, а также качество экспертной деятельности для принятия различных государственных и муниципальных решений. При этом хотелось бы, чтоб зарплата увеличилась у лаборантов и инженерной службы, т. к. в связи с появлением нового лабораторного оборудования и уникальных установок для исследований повысились требования к профессиональному уровню персонала лабораторий.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективу?

– Исследования в регионах РФ и в мире отражают тенденции к резкому росту востребованности обществом качества профессионального образования,

равного доступа и массовизации высшего образования, к усилению потребности самих специалистов в непрерывном профессиональном образовании. Отсюда и определяются траектории развития высшего образования. Главное, образование как общественное благо будет и далее поддерживаться государствами. Роль образования расширяется, а миссия университетов усложняется. 17 Целей в области устойчивого развития, заявленных ООН, призывают вузы к содействию в конструктивном решении проблем в обществе и стране. При этом все острее ощущается фактор неопределенности и риска. Эта неопределенность связана с пандемией, международными отношениями, развитием цифровых технологий, широким использованием искусственного интеллекта, переходом на низкоуглеродную экономику. Существует риск, связанный с проблемами развития личности выпускника, готового к постоянным изменениям и необычным, нетрадиционным или нестандартным ситуациям, которые складываются в окружающем мире. Многофакторность развития образования потребует поиска новых решений обучения и воспитания, развития «мягких» компетенций, которые выходят за рамки узкой специальности и сложившихся концептов.

Несомненно, будет продолжаться цифровизация образования. Также будет расти потребность в развитии партнерских отношений с бизнес-сообществом, которое является одним из основных заказчиков и работодателей. Создание направлений обучения будет во многом связано с заказом бизнеса.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Самые нужные меры уже были разработаны, надо их «прочитать» заново и продолжить. Целевые задачи и мероприятия заложены в национальных проектах, инициированных президентом РФ, и в его посланиях Федеральному Собранию и обществу. Хороший ответ на этот вопрос дает проект новой конкурсной программы Правительства РФ по развитию конкурентоспособности вузов «Приоритет 2030», предложенный министром образования и науки В.Н. Фальковым. Существует необходимость усиления кооперации университетов, академических институтов, индустрии и бизнес-структур, а также развития новых форм взаимодействия.

Как известно, каждый рейтинг имеет свою методологию. Есть индикаторы, которые зависят только от университетов, и есть такие, которые не зависят от вузов, они формируются под внешним воздействием. Так, например, в группе индикаторов раздела «Преподавание» рейтинга *Times Higher Education* есть критерий «Отношение числа преподавателей к числу студентов»: чем

меньше студентов «приходится» на одного преподавателя, тем лучший эффект дает этот показатель, больше баллов. Так, в МГУ им. М. В. Ломоносова соотношение числа преподавателей к числу студентов равно 8,4, в Стенфордском университете – 7,4, в СПбГУ – 7,1, в Казанском федеральном университете – 9,7, в СВФУ – 11,6. И это не «предел».

По дорожной карте правительства РФ вузы должны привести соотношение «преподаватель/студенты» к соотношению 1:12, что еще более увеличит разрыв между показателями и баллами российских и зарубежных вузов. Не хотелось бы думать, что в правительстве не знают об этих «тонкостях» методики рейтингов.

Заметный показатель в разделе «Исследования» – это репутация университета среди вузов в области научных исследований. Репутацию, как известно, можно заслужить совместной деятельностью с коллегами, например, объединив мотивированную возможность взаимодействия каждого для решения общей задачи. А для сотрудничества нужны совместные проекты. Поэтому желательно увеличить количество тематических конкурсов, финансируемых РФ, отраслевыми министерствами, регионами в том числе для международных межвузовских временных творческих коллективов, создаваемых университетами.

– Как коронавирус повлиял и будет влиять в будущем на международное междууниверситетское сотрудничество?

– Пандемия повлияла на повсеместное внедрение и развитие информационных технологий. Однако технологии – это всего лишь коммуникации, инструмент. Цифровые технологии, применяемые в период пандемии, останутся в будущем в качестве неотъемлемой части образовательного процесса. Проведение онлайн-конференций позволяет значительно интенсифицировать международные связи. Например, в СВФУ успешно прошел международный воркшоп «В поисках холода», организованный совместно с вузами-партнерами Арктическим государственным институтом культуры и искусств и Высшим институтом прикладного искусства в Ренне (Франция). Обучающиеся исследовали тему холода с точки зрения геологии, картографии, традиционного и современного строительства. Формат мероприятия позволил пригласить 150 студентов из Франции и почти столько же из Якутии.

Проводятся онлайн-мероприятия с вузами-партнерами: зимние и летние школы, онлайн-семинары, международные мероприятия в гибридном формате. Например, Северный форум по устойчивому развитию в 2020 г. был проведен в гибридном формате, что позволило увеличить количество участников до 2,5 тыс. человек из 38 стран мира. Вместе с тем, живое общение преподавателей и студентов – наиболее желаемый формат.

– Развивается ли международное сотрудничество на региональном уровне в Арктике? Как, на Ваш взгляд, можно было бы сделать его более интенсивным? Какой вклад вузы арктических регионов России могут внести в его развитие?

– Международное сотрудничество в образовательно-научной сфере на региональном уровне в Арктике реализуется, во-первых, в рамках межвузовской сети «Университет Арктики». Научное сотрудничество развивается через сети Университета Арктики по разным темам, которые объединяют ученых из многих вузов. СВФУ участвует в 19 тематических международных сетях Университета Арктики, 4 из которых возглавляет и является в них соорганизатором. В 2020 г. в Копенгагене (Дания) прошло очередное заседание Ассамблеи Университета Арктики, в рамках которого были утверждены 8 новых тематических сетей Университета Арктики, включая сети «Адаптация человека в меняющейся Арктике» под руководством кафедры ЮНЕСКО СВФУ и «Стойкие органические загрязнители и потенциально опасные химические вещества в азиатской части Арктики» под руководством СВФУ и Харбинского политехнического университета.

Далее, например, за счет средств эндаумента СВФУ реализовал крупный проект с Кембриджским университетом по исследованию культуры народов Арктики и Севера. Были проведены более 20 этнографических экспедиций, собран богатый материал по языковому разнообразию, изменению культурного пространства, этнической и культурной идентичностей коренных народов Арктики. Реализуются проекты по палеогенетике, по изучению глобального изменения климата и таяния мерзлоты совместно с учеными Японии, Германии, Великобритании, США.

СВФУ планирует более масштабно объединять усилия для решения проблем устойчивого развития Арктики. Для этого создана международная экспертная площадка «Северный форум по устойчивому развитию» в Якутске, основными организаторами которой выступают СВФУ, международная организация северных регионов «Северный Форум» и правительство Республики Саха (Якутия). Например, тематика Северного форума в 2021 г. направлена на актуальные вопросы мировой экологической повестки, пленарная тема – изменение климата и реакция многолетней мерзлоты. Приглашаем.

ВЫПУСКНИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА БУДУТ ОПРЕДЕЛЯТЬ НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ МАКРОРЕГИОНА

А.Н. Николаев – д.б.н., ректор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (СВФУ), проректор по естественно-математическому направлению СВФУ (2017–2018 гг.), проректор по естественному и техническому направлениям СВФУ (2018–2019 гг.), член РСМД

– Как Вы оцениваете развитие российской системы образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– За последние 10 лет было достаточно преобразований. Для всех российских университетов произошел полный переход на Болонскую систему образования – двухуровневую систему обучения студентов, разделенную на бакалавриат и магистратуру. Кроме того, в России был принят новый «Закон об образовании», и это тоже внесло некоторые коррективы в нашу деятельность. Если раньше мы говорили о том, что аспирантура входила в сферу научной деятельности, то по новому закону это стало третьей ступенью высшего образования. За последние 15 лет появились программы поддержки университетов. Появились определенные типы университетов, среди них такие как наш – федеральные. Появились опорные университеты, университеты – участники проекта «5-100». Это была важная мера трансформации университетов и достижения определенных показателей, мера повышения уровня их конкурентоспособности не только в системе образования в нашей стране, но и во всем в мировом пространстве.

За последние 10 лет университеты стали центром притяжения научной мысли. Они начали создавать большое количество научных лабораторий, привлекать ученых. Университеты стали не только научно-образовательными, но и крупными экспертно-аналитическими центрами, центрами воспитания молодежи и т. д. Были созданы механизмы мониторинга деятельности университетов. Конкурентоспособность определяется степенью влияния на работу системы высшего образования за счет ряда факторов. Этими факторами являются средний балл ЕГЭ при поступлении, возможность зарабатывать деньги научной деятельностью и привлекать другие внебюджетные источники. Сюда входит и трудоустройство выпускников. СВФУ не просто готовит кадры. Университет заинтересован в их трудоустройстве. СВФУ взаимодействует с работодателями напрямую, старается способствовать карьерному росту выпускников.

Были достижения, связанные с проектами Российского научного фонда, мегапроектами, специализированными программами поддержки вузов. СВФУ начал трансформировать и модернизировать свою структуру. Сейчас перед

СВФУ большой пласт работы: развиваются такие системы, как «Образование через всю жизнь», ДПО, курсы повышения квалификации. Университет делал это и раньше, но сейчас это стало одним из приоритетов, показателем состоятельности университета: не только учить студентов, но и курировать их дальнейшую работу и дальнейший рост на протяжении всей жизни.

Что касается научных публикаций, 10 лет назад публикаций СВФУ в ведущих цитируемых базах данных было мало. И планомерная работа в течение этих лет привела к тому, что у вуза в разы увеличилась публикационная активность. Индексы цитируемости повышаются. И это привело к тому, что СВФУ в последние годы стал выигрывать и мегагранты, и проекты РФФИ и РНФ. Это хороший результат. Если бы не была заложена основа 10 лет назад, сейчас этого могло и не быть.

СВФУ сейчас динамично продвигается в рейтингах, входит в тридцатку лучших вузов России. СВФУ начал попадать и в рейтинг *Impact Rankings*, впервые попал в основной рейтинг *THE*. Это показывает и уровень, и узнаваемость университета. Это тоже результаты планомерной работы. Без нее, возможно, студентов из других регионов и из других стран было бы намного меньше.

Не думаю, что за последние 10 лет были совершены какие-то грубые ошибки. Университеты – это большая динамичная система. На многие резкие государственные изменения они всегда очень быстро реагируют. Возможно, иногда принимаются не совсем правильные решения, но они быстро корректируются.

Когда СВФУ был преобразован в федеральный вуз, ему выделяли финансовые средства для открытия новых лабораторий, но некоторые из них не достигли ожидаемых результатов. Не хватало кадров. СВФУ не успевал вовремя освоиться и подготовить их для этих лабораторий. Некоторые лаборатории университет не успевал полностью обеспечить необходимым оборудованием. Это не были грубые ошибки – просто не успевали по времени. СВФУ не останавливается, постоянно развивается. Продолжается подготовка кадров, и в течение ближайших 3–5 лет университет достигнет поставленных целей.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на краткосрочную и долгосрочную перспективы?

– Университет – большая своеобразная структура с очень разветвленным функционалом. Пандемия COVID-19 стимулировала вузы к внедрению новых цифровых технологий. Больше года назад все университеты, следуя буквально одному приказу, перешли на дистанционное обучение. Это показало, что университеты должны внедрять новые технологии. С одной стороны, это был вызов, с другой – вузы научились друг с другом кооперироваться. Мы откры-

ли доступ к своим образовательным программам, наши партнеры – к своим. Таким образом, вузы обогатили друг друга.

Пандемия поставила вопрос о том, насколько же университеты готовы к новым цифровым вызовам с технологической стороны. СВФУ эти технологии оценивает с точки зрения того, что придется улучшать возможности университета, модернизировать их. Если взять систему образования в целом, сейчас очень много говорят о том, что будут внедряться цифровые технологии при приеме новых абитуриентов, запуске сетевых программ между университетами, внедрении гибридных технологий. Все это делается для того, чтобы часть студентов могла сидеть в аудитории, часть – в других местах. Такие технологии будут внедряться в образовательный процесс, и каждый университет оставляет за собой выбор, как именно это реализовывать.

Сейчас университет будет активнее применять дистанционные технологии. Для СВФУ это особенно важно, так как он находится в нескольких тысячах километров от других федеральных центров, где есть сильные вузы. Новые технологии дают возможность СВФУ открывать вместе с ними совместные сетевые программы.

Университет – это среда, которая создает окружающий мир. В будущем выпускники СВФУ будут определять направления трансформации, улучшения качества жизни в макрорегионе. В этих условиях необходимо быть самодостаточным, то есть важна коммерциализация инноваций, научных достижений и технологий. Если СВФУ не будет трансформироваться и улучшаться, он может просто не выдержать конкуренцию. Необходимо постоянно развиваться для того, чтобы быть привлекательным для будущих абитуриентов. Таким образом, произойдет дифференциация и вырастет конкуренция. Последняя в долгосрочном плане ужесточится не только между региональными вузами, она увеличится между вузами всей страны. И если повысится академическая мобильность студентов, которые будут свободнее перемещаться между другими странами, то СВФУ будет конкурировать еще и с зарубежными вузами. Нужно сделать определенный рывок для того, чтобы выдержать эту конкуренцию в долгосрочной перспективе.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках?

– Необходимы меры поддержки со стороны федерального центра. Руководство СВФУ иногда не может взять и трансформировать свой вуз, так как имеются определенные финансовые ограничения. В 2010–2011 гг. СВФУ получил достаточное финансирование, после того как стал федеральным вузом. Это

стало отправной точкой преобразования СВФУ. Он стал сильным и узнаваемым вузом благодаря помощи, оказываемой в рамках программы создания федеральных университетов. Ту же поддержку получили НИУ и опорные вузы. Потом появился проект «5-100». После него появились ведущие университеты-драйверы, которым выделяли финансовые средства, чтобы они попали в топ-100 вузов ведущих рейтинговых агентств. Предполагается также открытие проекта «Приоритет 2030», в рамках которого будет выбрано 100 вузов – претендентов на получение базового финансирования. Кроме того, приоритетное финансирование получит около 30 вузов. Это большие финансовые средства, и, получив эту поддержку, университет сможет выполнить те задачи, которые ставит перед собой.

Миссия СВФУ – подготовка персонала для работы на Севере. У вуза амбициозные цели, выстроенные вокруг Целей устойчивого развития. Они основаны на развитии и улучшении качества жизни в экстремальных условиях. При поддержке региональных властей и при хорошей оценке со стороны экспертов у СВФУ есть очень хорошие шансы попасть в эту программу. Она, в отличие от Проекта «5-100», будет ориентирована на то, чтобы вузы стали драйверами развития макрорегионов. Надеюсь, что расположение СВФУ, его влияние и работа показывают, что этим требованиям он отвечает. Задача СВФУ – оказаться конкурентоспособным в глобальном мире. Для этого университет реализует проекты и мегапроекты, выполняет госзадания федерального министерства, повышает квалификацию сотрудников. Надеемся, что идеи СВФУ будут поддержаны, и на этом направлении у вуза будет хорошее и динамичное развитие.

– Чем опыт СВФУ в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен другим вузам?

– Для СВФУ, находящегося на краю Земли, это вопрос довольно сложный. 10 лет назад это был совсем другой университет. На данный момент вуз расширил свои возможности, число студентов из-за рубежа увеличилось в разы, хотя до некоторых ведущих университетов СВФУ пока не дотягивает.

В первую очередь СВФУ социально ориентирован. Университет постоянно уделяет иностранным студентам внимание, оказывает помощь в любой ситуации. Кроме того, университет модернизирует свои образовательные программы. Сейчас в вузе есть две группы студентов, которые полностью обучаются на английском языке. Что касается рекрутинга, кафедра филологического факультета очень помогает при работе с партнерами университета из других стран. Представители кафедры регулярно выезжают с языковыми курсами к партнерам вуза и осуществляют там рекрутинг иностранных студентов, чтобы они заинтересовались СВФУ и приехали сюда учиться. Хорошо

поставлена работа по запуску сетевых программ. Сейчас открыты программы с несколькими французскими университетами, Университетом Хоккайдо. Также планируется открыть сетевую программу с Харбинским политехническим университетом, программу по медицине совместно с университетом в Хэцзэ. Будет повышаться квалификация сотрудников СВФУ.

Благодаря всему этому вуз становится узнаваемым, и студенты приезжают в СВФУ. Уникальный опыт заключается в том, что, когда студенты сюда приезжают, они видят, какие здесь внешние условия. Больше всего всех шокирует климат. Именно поэтому для студентов регулярно проводятся мероприятия, для них был создан клуб *NEFU International*, в котором студенты узнают больше о культуре разных стран, им рассказывают о культуре России и региона. Университет никогда ни одного иностранного студента в беде не бросит. В любой ситуации вуз вместе со студентом находит выход через консульства, посольства, ассоциации и международные организации. Студент чувствует себя защищенным. Показательно то, что студенты, которые заканчивают бакалавриат СВФУ, часто остаются учиться в магистратуре и аспирантуре.

– Какие задачи ставит перед собой СВФУ в рамках арктической повестки? Какой вклад он вносит в развитие международного сотрудничества в Арктике?

– В силу своей специфики и своего особенного географического положения СВФУ активно работает на арктическом направлении. Если взять территорию ответственности университета, получится около половины арктической сухопутной территории России. Это более 2 млн кв. км. Получается, университет дает специальные навыки для работы в Арктике, разрабатывает программы для малокомплектных школ и поддерживает молодежь, которая туда приезжает.

В СВФУ были открыты совместные программы с Университетом Экс-Марсель по геоматике. Есть и магистратура по программе «Специалист по Арктике», совместная с Университетом Хоккайдо. Юридической факультет открыл программы по правовым вопросам Арктики.

СВФУ стал инициатором федерального проекта по сохранению культуры и языков народов Арктики, который станет основным в период председательства России в Арктическом совете. Это демонстрирует высокий уровень влияния университета на проведение арктических исследований. СВФУ – держатель исследований, направленных на Арктику. Университет не только готовит кадры, но занимается наукой и инновациями в арктическом регионе. Считаю, что вклад СВФУ в развитие Арктики можно назвать большим не только на уровне региона, но и на мировом уровне.

В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ МОЖНО ОЖИДАТЬ ДАЛЬНЕЙШУЮ ЦИФРОВИЗАЦИЮ ВУЗОВ

В.В. Панова – к.и.н., проректор по международным отношениям Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), научный руководитель Экспертного совета по подготовке и обеспечению председательства Российской Федерации в объединении БРИКС, советник директора Российского института стратегических исследований (РИСИ), член РСМД

– Виктория Владимировна, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– В последнее десятилетие действительно многое изменилось, и решающим фактором стали проведенные реформы. Сейчас можно уверенно сказать, что они определили положение российского высшего образования как на национальном, так и на международном уровне. Высшая школа России сегодня – это сочетание многолетнего опыта качественной научной и образовательной деятельности с мировыми стандартами развития.

Российские вузы переживают глубокие трансформационные процессы: это и повышение качества образования, и внедрение новых управленческих практик, и укрепление позиций в международных рейтингах, и многое другое. Цепочка преобразований началась с принятого в 2012 г. закона «Об образовании в Российской Федерации». В соответствии с ним были проведены мероприятия, направленные на приведение национальной системы в состояние, соответствующее современным практикам и стратегиям. На сегодняшний день Россия имеет гарантированную общедоступность общего и среднего профессионального образования, а также возможность получить бесплатное высшее образование в рамках конкурса. С учетом Болонской декларации Россия уточнила и доработала систему уровней образовательной подготовки, ориентированную на подготовку кадров для нужд национальной экономики.

Отдельно хочется отметить меры по повышению эффективности и качества высшего образования. В рамках этого направления была проведена масштабная работа по преобразованию структуры образовательной системы, в центре которой вопрос о закрытии неэффективных вузов и филиалов. Параллельно формировалась сеть вузов-лидеров, которые должны стать проводниками лучших практик как в России, так и за рубежом. Помимо объединения в Ассоциацию ведущих университетов, включившей 46 федеральных образовательных, научно-исследовательских и других учреждений, вузы получают поддержку по еще одной важной траектории деятельности – экс-

порту российского образования за рубеж. Очевидно, что в условиях нарастающей глобальной конкуренции среди национальных систем образования международная повестка является неотъемлемым фактором формирования стратегии университета. В настоящее время происходит оценка результатов российских вузов в рамках программы «Экспорт образования» и действовавшего до недавнего времени проекта «5-100». Могу сказать, что эти инициативы позволили Дальневосточному федеральному университету и его коллегам из других вузов начать более глубокую интеграцию в мировые образовательные процессы.

Если говорить о проблемах, с которыми Россия продолжает сталкиваться, то это медленный процесс адаптации к изменениям: к введению новых уровней образования, растущей бюрократизации, регулярным обновлениям образовательных стандартов. Другая проблема – низкий уровень экспертизы на местах. Также следует учитывать тот факт, что далеко не всегда коммерциализация и получение прибыли должны являться определяющими в оценке эффективности той или иной деятельности. Требуется постоянная государственная поддержка для сохранения достойного уровня развития фундаментальной науки, запуск проектов мегасайенс. Не стоит недооценивать важность вложений в инфраструктуру учебных заведений. Но главное на сегодняшний день – это поддержание высокого уровня человеческого капитала и предоставление возможностей для постоянного повышения квалификации и саморазвития как в столице, так и в регионах России.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Высшее образование, наряду с другими сферами российской общественной жизни, продолжает стремительно меняться под действием глобального технологического и экономического развития. События минувшего 2020 г. в очередной раз заставили университеты вернуться к пересмотру своих подходов, подтолкнули к внедрению инновационных практик и идей, полноценное воплощение которых в ряде случаев ранее откладывалось. Здесь говорится о расцвете дистанционного обучения и различных его форм, в том числе об онлайн и смешанных форматах. Обеспечение качества онлайн-обучения и его грамотное внедрение в образовательный процесс станет одним из главных факторов, определяющих деятельность университетов на ближайшие несколько лет. С другой стороны, указанные тренды вызывают и к более практико-ориентированному подходу, в рамках которого у студентов появляется возможность развивать *soft-* и *hard-skills*, востребованные на рынке труда. Вузы будут стремиться сочетать обновление образовательных программ с

активизацией сотрудничества с бизнесом-сектором, что позволит учесть не только глобальный, но и региональный контекст развития.

Тенденции развития образования в условиях развития цифровой экономики и промышленной революции свидетельствуют о том, что в долгосрочной перспективе можно ожидать дальнейшую цифровизацию вузов. На первый план здесь выходит оптимизация и автоматизация административных процессов, пересмотр моделей образовательного процесса, «глобализация» ориентиров и целей университета, разработка новых методик преподавания и вариантов программ подготовки, которые отвечали бы запросу другой тенденции – необходимости непрерывного образования на протяжении всей жизни (*life-long learning*). Впрочем, не стоит забывать о том, что университет – это гораздо больше, чем просто передача знаний и умений. Это постоянное совместное формирование образа будущего. Поэтому, несмотря на важность технологической и цифровой составляющей, ключевым в рамках экономики знаний остается человек, взаимодействие между людьми, процесс творчества и обретения новых навыков и возможностей в живом общении.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Продвижение российского образования за рубежом является комплексной задачей, требующей активной поддержки со стороны правительства. В условиях растущей конкуренции профильные министерства и государственные органы становятся гарантами единой системы координации. В настоящее время данные цели достигаются посредством уже упомянутых федеральных проектов по повышению конкурентоспособности, которые обеспечивают учреждения определенным, хотя и не всегда достаточным уровнем финансирования и нормативно-правовой поддержки, а также позволяют вузам выстраивать свою локальную стратегию продвижения российских образовательных услуг в рамках утвержденной общегосударственной логики.

Тем не менее практика показывает, что достижение конкретных результатов лежит на плечах каждого отдельного вуза. На местах возникает необходимость проводить куда более ответственные и решительные меры: качественно менять работу с иностранными абитуриентами, повышать уровень исследовательской деятельности, создавать релевантные англоязычные образовательные программы, развивать международный бренд университета, формировать комфортную и дружелюбную среду для российских и иностранных студентов.

– Чем опыт ДВФУ в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– Дальневосточный федеральный университет представляет собой примечательный кейс в области интернационализации, что включает в себя совершенствование образовательных продуктов, международное продвижение, развитие сервисов, укрепление репутации и имиджа в регионе. ДВФУ дальше всех продвинулся в своем «профильном» Азиатско-Тихоокеанском регионе. Университет годами наращивал сеть образовательных партнерств, направляя усилия на поиски новых форм международной академической мобильности и научно-технического взаимодействия. За последние годы ДВФУ выстроил взаимодействие с глобальными и региональными организациями и форумами, среди которых ЮНЕСКО и АТЭС, Форум «Азия-Европа», АСЕАН, БРИКС и «Группа двадцати». ДВФУ регулярно принимает участие в образовательных инициативах, а также организует собственные при их активной поддержке. Например, ежегодно начиная с 2012 г. ДВФУ проводит Международную конференцию АТЭС по сотрудничеству в области высшего образования (МКО АТЭС), которая теперь проходит в рамках программы Восточного экономического форума. Следует отметить, что это единственный постоянный проект АТЭС. Он, в свою очередь, позволяет выстраивать партнерство с ведущими вузами региона, делиться опытом, договариваться о сотрудничестве. Например, повышать студенческую мобильность или создавать совместные образовательные программы. Не стоит забывать и о том, что ряд принятых на уровне АТЭС документов в сфере образования прорабатывались именно на МКО АТЭС.

В 2020 г. ДВФУ подключился к председательству России в БРИКС, инициировав крупнейший проект в области гуманитарного сотрудничества стран «пятерки» – Международный университет ДВФУ – БРИКС. Благодаря этому проекту около сотни студентов из БРИКС полгода бесплатно учились в ДВФУ на пяти наиболее востребованных среди российской и зарубежной молодежи программах. Это большая гордость, что такой проект впервые состоялся в России, в ее дальневосточной столице.

ДВФУ уделяет особое внимание формированию интернациональной образовательной среды, открытой и комфортной для иностранных студентов. Этому способствует многолетний опыт социальной адаптации, изучения истории и культуры стран, а также весьма обширная практика взаимодействия с учреждениями стран АТР. Именно поэтому многие студенты рассматривают ДВФУ в качестве географически близкого европейского университета с высокклассными условиями для обучения и жизни.

Сохранять позиции лидирующего российского вуза в АТР нам помогает учрежденная сеть зарубежных представительств. На сегодняшний день пред-

ставительства ДВФУ открыты на базе Ханойского университета (Вьетнам), Университета Токай (Япония), Академии общественных наук (КНР) и Университета Амита (Индия). Параллельно с этим на базе ДВФУ функционируют представительства партнеров. Договоренности с опорными вузами в этих четырех странах способствуют развитию эффективной, а главное, прямой коммуникации с партнерами и абитуриентами в той или иной стране, экспорту российского образования, а также открывают новые возможности для академического и научного сотрудничества.

– Каковы перспективы развития международного научно-технического сотрудничества в рамках БРИКС?

– За последние несколько лет позиции и роль БРИКС в мире качественно изменились. Страны БРИКС – лидеры по многим направлениям инновационно-технологического развития. Актуальные задачи научно-технического сотрудничества определены в обновленной Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г., которую приняли в прошлом году в рамках российского председательства. В частности, Стратегия указывает на необходимость продвигать интересы БРИКС в области «цифровой экономики в интересах человека в контексте цифровой трансформации», а также в области науки, технологий и инноваций. На мой взгляд, очень важно, что БРИКС своевременно реагирует на вызовы цифровизации, вызванные вспышкой COVID-19.

Помимо определения долгосрочных целей в рамках Стратегии, «пятерка» договорилась о реализации конкретных проектов по линии Управляющего комитета Национальной технологической инициативы (НТИ) и Рамочной программы БРИКС по НТИ. Например, Рамочная программа проводит конкурс на финансирование лучших многосторонних исследовательских работ по нескольким актуальным направлениям по линии борьбы с COVID-19.

В целом динамика научно-технического сотрудничества внутри объединения достаточно высока. К настоящему моменту по большинству направлений сотрудничества сформированы институциональные механизмы, программы и планы взаимодействия.

Реализация конкретных инициатив в рамках БРИКС создает возможности для ускорения разработки и внедрения технологий четвертой промышленной революции. Среди них – Партнерство БРИКС по новой промышленной (цифровой) революции (ПартНИР), Виртуальный институт фотоники, Сетевой центр стран БРИКС по материаловедению и нанотехнологиям, интернет-платформа для обмена технологиями при поддержке ЮНИДО, платформа экологически чистых технологий *BEST* и другие проекты.

Среди перспективных направлений можно выделить взаимодействие в области освоения и внедрения новых технологий, учреждение цифровых платформ, системы для улучшения взаимодействия в цифровой среде, технопарков и акселераторов, активный обмен опытом в сфере НТИ. Уверена, что все эти инициативы не только станут катализатором роста и цифровизации экономик БРИКС, но и будут способствовать решению глобальных задач по достижению Целей в области устойчивого развития.

РУССКИЙ ИНСТРУМЕНТ МОЖЕТ БЫТЬ ИНСТРУМЕНТОМ ПРОДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.И. Пивовар – д.и.н., президент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, председатель редакционного совета журнала «Вестник РГГУ», член правления Российского союза ректоров, член президиума Совета ректоров государственных вузов Москвы и Московской области, председатель правления Российского общества историков-архивистов, ректор РГГУ (2006–2016 гг.), член РСМД

– Ефим Иосифович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Я буду больше говорить о гуманитарном образовании. С одной стороны, образовательная система и сообщество поступательно развиваются, и этот процесс нельзя остановить. С другой стороны, в этом деле есть еще большие возможности для развития.

Во-первых, считаю, что российским университетам не хватает гибкости и скорости в открытии актуальных направлений исследований, особенно на стыке различных дисциплин. Нужно ускоряться, поскольку гуманитарные знания, помимо своей постоянно растущей специализации и дробности, которая будет продолжаться, показывают появление синтеза не только пограничных полей, но и мультидисциплинарных направлений. И этот процесс будет нарастать. То есть необходимо увеличивать скорость в открытии новых программ. Во-вторых, нужно иметь в виду гуманитаризацию естественнонаучного и инженерного знания. Здесь тоже есть большие возможности.

Сейчас актуальны вопросы цифровизации, но гуманитарная составляющая этого процесса пока, к сожалению, представлена слабо. В этом нет вины представителей научного или инженерного знания. Гуманитарии не всегда могут доказать значимость своей деятельности. В обществе значимость энергосбережения или новых технологий, использующихся в быту, видна невооруженным глазом. А значение гуманитарной составляющей не всегда ясно, хотя те, кто этим занимаются, понимают ее важность.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Один из таких факторов – это дальнейший синтез знания, который уже имеет место. Процесс и фактор синтеза знаний будет доминировать. Параллельно с этим будет идти углубление в специализации. Думаю, что синтез гуманитарно-

го и естественнонаучного знаний будет нарастать через биологию, информационные технологии и другие каналы. Будет расти геоэкономическая, геополитическая и геоэкологическая конкуренция, поэтому вместе с глобализацией будет иметь место тренд «национального эгоизма» и незаинтересованности в распространении безграничных достижений, сохранение их в своих национальных или региональных структурах. Этот вопрос касается и пандемии. Эта угроза показала, что единения, которого раньше было легче добиться, не происходит даже в масштабах ООН. Звучат заявления в отношении объединения усилий, но реальность складывается другая. Эта тенденция тоже будет иметь место, так как эгоизм на национальном уровне уже проявляется.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Считаю, что России нужно максимально усилить вложения человеческого капитала и ресурсов в то, что в российской науке и образовании традиционно имеет успехи в системе производства. Достижения в сельском хозяйстве и системе военно-промышленного комплекса показывают, что необходимо вести серьезный учет и контроль этих направлений. Нет проблемы в части масштабов производства, но здесь стоит учитывать, что достигнутые успехи стали возможны не благодаря импортным технологиям. Думаю, нужно серьезно изучать, как и за счет чего все это получается. Это важно для будущего, потому что такие прорывы – это не просто часть истории. Это важно с точки зрения кризисного управления. Конечно, проблемы всегда есть, в том числе в упомянутых секторах, необходимо их анализировать и делать выводы. Это касается и фундаментальной науки, которая внесла огромный вклад в имеющиеся достижения.

Необходимо активно следить за тенденциями в развитии науки в целом. То, что сейчас происходит, – это глобальный процесс, который нельзя остановить. Он существует в любой стране и различается только степенью влияния.

Считаю, что одна из самых слабых сторон в развитии высшего образования и науки – это координация действий. Очень часто разные структуры занимаются одним и тем же, даже не зная о деятельности друг друга.

– Как COVID-19 повлиял и будет влиять в будущем на международное академическое сотрудничество?

– Коронавирус существенно повлиял на международное академическое сотрудничество. Научное и образовательное творчество немислимо без взаи-

модействия, контактов и обсуждений. Это происходит и в онлайн-формате, но не с таким качеством и результатами. Есть и плюсы, которые, думаю, сохранятся. Перестройка процесса получения и передачи информации привела к тому, что некоторые форматы показали свою эффективность. Они менее бюрократизированы, создают меньше препятствий для передачи информации, более просты, эффективны и экономичны в части организации. Это достижение, о котором раньше мало кто задумывался, хотя видеоконференции были и раньше. Думаю, онлайн-коммуникации в любом случае останутся важным инструментом оперативного получения и передачи знаний и информации.

В России в пандемию было крайне мало проблем с передачей информации, хотя наши расстояния – это одна восьмая часть света. Хотя даже в развитых странах такие проблемы были. Россия провела большую работу, и на этой стадии необходимо изучить, каким образом удалось добиться таких высоких результатов. При том что все хотят вернуться к старым форматам, я бы не хотел, чтобы новые форматы совсем исчезли. В некоторой степени должен сохраниться смешанный формат, он не мешает и не противоречит живому общению, которое тоже важно.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– В этой области у России есть достижения. Например, действуют платформы открытого образования, хотя российские вузы стали развивать их позже, чем американские университеты. В России будут действовать два формата онлайн-образования. С одной стороны, не получится избежать онлайн-обучения на английском языке, которое уже не имеет границ и будет расширяться. С другой стороны, необходимо развивать онлайн-образование и на русском языке. Свой язык поддерживают все великие гуманитарные державы, такие как Франция, Германия, Испания. Русский язык – это великое достижение. Он может быть языком не только межнационального общения, но и продвижения отечественного образования в таких областях, как литературоведение, языкознание, история и архивоведение. Желательно, чтобы два этих направления сосуществовали.

Онлайн-образование особенно важно для вовлечения в образовательную систему огромных территорий России, находящихся далеко от городов-миллионников, а также для расширения доступности образования. Многие образовательные процессы уже проводятся в онлайн-формате, включая приемные кампании, выдачу документов и справок. В ведущих вузах это на настоящий момент уже автоматизировано. Думаю, что онлайн-технологии будут продолжать расширяться, этот процесс уже не остановить. Он показал свою эффективность. Однако это не изменяет традиционного формата передачи знаний.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ДОЛЖНА РЕАГИРОВАТЬ НА АКТУАЛЬНУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПОВЕСТКУ

М.В. Румянцев – к.филос.н., ректор Сибирского федерального университета (СФУ), заместитель министра образования Красноярского края (2018–2020 гг.), член РСМД

– Максим Валерьевич, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Наука и образование всегда, и особенно в последние годы, были в фокусе внимания правительства. 2006 г. можно считать точкой отсчета повышенного внимания, когда появились первые национальные проекты, стал меняться ландшафт высшей школы и началось формирование федеральных и научно-исследовательских университетов. Важными вехами стали запуск в 2012 г. проекта «5-100» и национального проекта «Наука» в 2019 г., появление Стратегии научно-технологического развития и ряда целевых программ. И, наконец, запуск проекта «Приоритет 2030» в 2021 г. Только таким образом, создавая условия для повышения качества этой системы, можно перейти в другой технологический уклад и создать экономику знаний. Поэтому в целом я оцениваю развитие системы высшего образования позитивно.

Конечно, не все однозначно. Зачастую развитие сопровождается оптимизацией и предусматривает вывод неэффективных активов. В результате сеть образовательных организаций сократилась, многие фабрики дипломов перестали существовать. Повысило ли это качество образования? Ответить на этот вопрос однозначно нельзя, однако, на мой взгляд, сокращение было нужно, чтобы устранить недобросовестную конкуренцию и профанацию.

Наверное, хотелось бы большей преемственности. На примере федеральных университетов это может быть понятно. Созданные как флагманы сети на каком-то витке изменений, они остались без внимания, и только сейчас наблюдается возвращение интереса в виде особых задач, которые ставит перед университетами правительство.

В обществе неоднозначны результаты проекта «5-100», который ставил задачу вывода образовательных организаций на международный рынок. С одной стороны, проект был эффективен, и это достижение высшей школы России. Но, с другой стороны, изменения не распространились на широкую сеть подведомственных учреждений, и в этом заключается его узковязимость.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Попадание в рейтинги и международное лидерство не должны быть самоцелью. И это уже общепризнано. Неслучайно президент обратил внимание на систему национального образования. Это не значит, что приоритеты смещаются кардинально и что не нужно стремиться на международный образовательный рынок. Здесь, как и в любом процессе, важен баланс.

Глобальная повестка однозначно не уйдет, она сохранится для тех, кто уже приобрел компетенции, но при этом важное значение приобретает внутренняя национальная политика, связанная с формированием региональных центров компетенций на основе партнерских коллаборационных взаимоотношений консорциумного типа. Эти проекты очень важны, потому что разные участники с разным весом и потенциалом начинают делать одно дело. За счет этого кто-то учится и приобретает новые знания. Возможно, стоит поощрять негосударственные вузы к развитию. Мне кажется, что это хороший тренд.

Национальная система образования должна быть эффективной, она должна реагировать на актуальную экономическую повестку, на запросы промышленности и общества. Мне кажется, что повышение эффективности всех участников образовательной системы, которые стремятся к мировому лидерству, способно быстрее сформировать прочный средний класс. Он, в свою очередь, позволит вырастить лидеров не только по национальным стандартам, но и по мировым.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– По моему мнению, тех мер, которые предпринимаются сегодня для повышения конкурентоспособности российских университетов, достаточно. Все есть, чтобы быть успешным. Все проекты носят заявительный характер, и если образовательные организации хотят меняться, у них есть возможность конкурировать. Есть недостатки в целом бюрократической машины, но они общие для всего мира.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Зависит от того, в каком аспекте рассматривать понятие «онлайн-образование»: как платформенные решения, на которые люди самостоятельно выходят и формируют собственную образовательную траекторию, или как ги-

бридный формат работы университета, когда он ведет традиционные занятия и совмещает это с элементами использования онлайн-ресурсов.

Если говорить про платформы, то они состоялись, и период пандемии это показал. В дальнейшем они будут успешны, и на них будет появляться национальный контент. СФУ тому пример: ряд программ университета присутствует на международной платформе *Coursera*. Если говорить про гибридный формат в университетах, то он сохранится, и сегмент цифрового обучения будет расширяться. После пандемии он будет представлен в большем объеме. Заменит ли онлайн-образование университет? Не заменит. Университет – это не место, где просто обучаются. Это социальный институт, и большое значение в нем имеет коммуникация разного уровня наряду с обучением и научными исследованиями. Коммуникация может носить воспитательный, дидактический, эвристический характер. Наряду с архивным знанием коммуникация позволяет делать это знание актуальным для разного пользователя.

Университет – это то, что объединяет наставника и молодых людей, у которых есть интересы, устремления и страсти. Это место, которое в концентрированном виде использует знания, – и в этой оценке университеты совсем не поменяли своего назначения. Вузы концентрируют знания и формируют личность. Немаловажно и то, что университет – это институт человека. Онлайн-образование не сформирует ни человека, ни его трудовую функцию. Онлайн-образованию в чистом виде свойственна индивидуалистская атомарность – то, что приводит к разобщению и распаду человеческого мира. Мир не существует вне общих ценностей, он не может существовать только в интересах индивидуальности.

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЯВЛЯЕТСЯ НЕПРЕМЕННОМ УСЛОВИЕМ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Н.Г. Скворцов – д.социол.н., к.ф.н., декан факультета социологии СПбГУ, член РСМД

– Николай Генрихович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– В целом развитие было поступательным. Российская система высшего образования обрела новые черты и ориентиры, продемонстрировала достаточно высокий уровень восприимчивости к изменениям. Очевидной тенденцией в развитии российского высшего образования стало усиление регулирующей роли государственных институтов. Это проявилось в проведенных структурных реформах, изменении системы финансирования, увеличении его объемов, в выработке новых механизмов оценивания эффективности вузов, в углублении внутреннего эшелонирования системы высшего образования и т. д. Видимым и важным фактором развития стала цифровизация образовательного процесса. Все это, безусловно, имело положительное значение для отечественной образовательной системы.

За указанный период повысилась конкурентоспособность российского высшего образования, свидетельством чего можно считать очень заметное увеличение числа наших университетов в мировых рейтингах (*THE*, *ARWU* и *QS*). Хотя формально государственная инициатива «5-100», задачей которой было попадание пяти российских университетов в первую сотню мировых рейтингов, в целом не достигла желаемых результатов, российские университеты продемонстрировали высокие позиции в предметных рейтингах. Например, успехи наших коллег-социологов из ВШЭ поистине впечатляют и становятся ориентиром для других.

Если говорить об ошибках, отмечу только одну, но весьма серьезную. Речь идет о переводе в 2013 г. аспирантуры в ранг образовательной программы третьего уровня. В результате институт аспирантуры в значительной степени утратил свою основную функцию – готовить научные и научно-педагогические кадры высшей квалификации. Это имело печальные последствия. Сейчас, правда, на законодательном уровне предпринимаются меры к исправлению ситуации, хотя и они не выглядят бесспорными.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Мне кажется, онлайн-образование имеет неплохие перспективы в российском образовательном пространстве. Не в смысле конкуренции с офлайн-обучением, а в качестве дополнения к нему. Сегодня, после испытания пандемией, для всех стало очевидным, что онлайн-обучение не может заменить непосредственного общения студента и преподавателя. Традиционный формат обучения незаменим для формирования того, что называют *soft skills*, обладание которыми необходимо будущему успешному специалисту. Однако нельзя умалять и значение онлайн-образования, рынок которого сегодня велик и разнообразен. Уже сама возможность слушать курсы дисциплин в исполнении лучших ученых и специалистов независимо от того, в каком вузе студент учится, в какой стране или городе живет, дорогого стоит.

Важная область развития онлайн-обучения – реализация всевозможных программ дополнительного образования. В силу динамичности процессов, происходящих на рынке труда, этот сегмент образования приобретает особое значение для миллионов специалистов, желающих повысить свою квалификацию, сменить профессию или приобрести новые знания.

– Перед какими вызовами стоит современная российская наука? Какие меры необходимы для поддержания воспроизводства научных кадров в текущих условиях со стороны правительства?

– В Указе Президента «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (2016 г.) четко обозначены т. н. большие вызовы для общества, государства и науки. С учетом этих вызовов формулируется новая роль науки как основополагающего элемента в решении многих национальных и глобальных проблем, выражающаяся в первую очередь в прогнозировании происходящих изменений, анализе тенденций, ожиданий и потребностей российского общества (что, кстати, напрямую относится к социальным наукам). Безусловно, со стороны государства очень много сделано и делается для создания условий, направленных на повышение эффективности и результативности научной деятельности. Это увеличение финансирования науки, реструктуризация научно-исследовательских учреждений, обновление парка научного оборудования и т. д. При этом остается немало проблем, одной из которых является воспроизводство научных кадров. Чтобы ее решить, необходимо в первую очередь повысить престижность труда ученого в обществе. Сегодня молодежь не слишком стремится на работу в НИИ и вузы, чтобы «в науки вперить ум, алчущий познаний». В России средний возраст кандидата наук составляет 51 год, доктора наук – 64 года. Необходима целая

система мер поддержки и стимулирования научной молодежи: повышение уровня оплаты труда, расширение возможностей для стажировки в лучших зарубежных и отечественных научных организациях и т. п.

– Как пандемия COVID-19 повлияла и будет влиять на будущее международного научного сотрудничества?

– Безусловно, пандемия негативно повлияла на состояние международного научно-образовательного сотрудничества. Введенные ограничения, закрытие границ сделали невозможными привычные формы взаимодействия с зарубежными коллегами. Часть научных мероприятий была отменена, значительное количество перенесено на более поздний или даже неопределенный срок. Но нет худа без добра: повсеместным и необходимым элементом взаимодействия стали информационно-коммуникативные технологии, которые были очень быстро освоены учеными, преподавателями, студентами и стали инструментом массовой образовательной и научной коммуникации. Опыт показал, что дистанционная работа на платформах *Zoom* или *MS Teams* дает и очевидные преимущества: возможность коммуникации в условиях ограничений, экономия средств, затрачиваемых на транспортные расходы, размещение, командировочные и т. п. Очевидно, что нарабатанные компетенции будут активно использоваться для взаимодействия ученых и в постковидном мире.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российской науки в мире?

– Политика, целью которой является повышение конкурентоспособности российской науки, прежде всего должна исходить из решения ряда ключевых задач. Важнейшая из них, как уже отмечено, – это повышение научного потенциала путем вовлечения в науку талантливой молодежи и создания благоприятных условий для научной карьеры молодых людей. Необходимо выстроить систему выявления молодых талантов, оказывать им помощь в выстраивании траекторий исследовательской деятельности, в том числе путем включения в международные проекты и коллаборации.

Очень важной задачей является развитие научно-исследовательской инфраструктуры путем инвестирования в нее средств, сопоставимых с затратами передовых в научно-технологическом отношении стран.

Непременным условием повышения конкурентоспособности российской науки является развитие международного сотрудничества, выполнение совместных международных проектов. Понятно, насколько затруднено решение

этой задачи в современных условиях напряженности в международных отношениях, но двигаться в этом направлении необходимо.

Наконец, необходимо диверсифицировать источники финансовой поддержки науки. Вряд ли можно считать нормальным положение, когда в огромной стране в результате выполнения плана оптимизации институтов развития останется единственный на все науки и направления государственный фонд.

НЕОБХОДИМО ОБЕСПЕЧИТЬ ПОДЛИННУЮ АВТОНОМИЮ УНИВЕРСИТЕТОВ ПРИ СОХРАНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ ПОДДЕРЖКИ

В.А. Тишков – д.и.н., научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, директор Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ, член РСМД

– Как Вы оцениваете развитие российской науки в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Могу судить только о гуманитарных науках. Закон 2013 г. о реформировании РАН положил начало глубоким институциональным переменам. РАН, которая будет отмечать 300-летие в 2024 г., фактически перестала быть главным российским научным учреждением, и все институты перешли в ведомство Федерального агентства научных организаций, а затем – Министерства науки и высшего образования. Ничего позитивного в этом я не вижу, т. к. аппарат министерства едва справляется с управлением и контролем за содержанием работы 700 вузов страны. Для 500 НИИ у него нет возможности эффективного управления, кроме как спускать формализованные формулы, методики госзаданий и отчетности. Однако саморазвитию институтов помогли установки на омоложение коллективов, улучшение материального обеспечения, сохранение грантовой поддержки со стороны научных фондов (РНФ и РФФИ). Получила существенный стимул университетская наука, особенно в федеральных вузах. Хотя вторичный характер перегруженной учебной работой вузовской профессуры во многом сохраняется, но установка на повышение публикационной активности дает о себе знать. Число журнальных публикаций, как и число самих научных журналов, заметно выросло. Некачественной работы и плагиата здесь довольно много, но рано или поздно должны быть и позитивные результаты. А сильное желание публиковаться в зарубежных журналах и на иностранных языках российским гуманитариям совсем не подходит.

С точки зрения разрабатываемой проблематики российские гуманитарии сохранили традицию глобального охвата сюжетов. Этот охват включает в себя все: от ранних этапов человеческой эволюции, всемирной истории стран и регионов до отечественной тематики, от демографии и социологии до лингвистики и искусствоведения. Мировые достижения есть в области археологии, антропологии, востоковедения, лингвистики, исследований русской культуры и культуры других народов. Все государственные премии РФ в области науки гуманитарии получили за работы именно по этим направлениям.

В последние годы хорошую грантовую поддержку получили общественно-политические исследования, и это должно вывести российских политоло-

гов, включая специалистов-международников, на новые рубежи. Уже сейчас в России есть центры мирового уровня по части изучения вопросов мировой политики и международных отношений. Банкротить издательство «Наука» с его известностью, высокой культурой издания научных книг и материальным ресурсом было ошибкой. Сейчас научная книга издается зачастую любительским образом и без должного продвижения на рынке и в вузовской среде. В мире студенты продолжают учиться по книгам-монографиям, а не по скачанным из интернета суррогатным рефератам.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Здесь много составляющих. Прежде всего, важны национальные амбиции России как мировой державы на сохранение статуса образованной и просвещенной страны с развитой наукой, которая обеспечивает развитие общества и его обороноспособность. Для России эта потребность будет обязательно сохраняться. Второе – это поддержание в обществе престижа высшего образования для жизненного преуспевания. Если в этом плане появится явная конкуренция со стороны профессий, не требующих высшего образования, то и желающих его приобретать с тратой пяти лет жизни и денежных ресурсов будет все меньше. Как пойдет дело – сказать трудно, но образ успешных самоучек и денежные довольствия разных правоохранителей могут поубавить стремление поступать в вузы. Бизнесмены, бюрократы и их охранники могут стать наиболее престижными профессиями.

Однако институт университета сохранится, и в перспективе будет расти потребность в инженерных профессиях, коммуникационных технологиях, биологии, медицине, психологии. Какова будет потребность в обществоведах – предугадать трудно, но специальности юристов, социологов, антропологов, филологов и историков останутся востребованными. Насчет философов и культурологов сомневаюсь.

В России сохранится подготовка специалистов по творческим профессиям: театр, хореография, музыка, кино. Учитывая геополитическое положение и статус России как государства, страна не сможет обойтись без профессиональных страноведов, знатоков языков и дипломатов.

По ряду обстоятельств, включая языковой барьер, климат и социальную среду, российское высшее образование не обретет международную притягательность. Больше молодых людей будут уезжать учиться, чем приезжать на учебу из других стран. Хотя система стипендий может привлечь студентов из зарубежных стран, в том числе из стран бывшего СССР, где сохраняется знание и престиж русского языка.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российского высшего образования на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Прежде всего, необходимо обеспечить подлинную автономию университетов при сохранении государственной и частной поддержки. Необходимо решить проблему бюрократической нагрузки на администрации и преподавателей вузов. К этому добавляется перегруз учебными, особенно аудиторными, занятиями. Необходимо срочно снизить в два раза требуемый сейчас объем нагрузки и ввести систему годичных творческих отпусков для профессорско-преподавательского состава. Нужно развивать университетскую структуру на базе кампусов со своей отличительной интеллектуальной, спортивной, рекреационной жизнью студентов и профессоров. Необходимо сократить, а лучше ликвидировать, суррогатные формы обучения и получения дипломов через разные филиалы или частные вузы низкого уровня. Кроме того, важно привлечь компании и выпускников к поддержке университетов, выбрать брендовые направления подготовки для зарубежных студентов (математика, физика, медицина, культура, языки).

– Перед какими вызовами стоит современная российская наука? Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российской науки в мире?

– Необходимо возвращать высокий статус профессии ученого и научных занятий в общественном мнении и номенклатуре профессий. Нужно вводить в перечень профессий специальности археолога, антрополога, историка, языковеда, литературоведа. Гуманитарная наука в целом на хорошем уровне, и только языковой барьер мешает распространению ее достижений в мире. Может помочь система переводов лучших научных книг на иностранные языки, хотя бы на английский. Историческая наука много выиграет, если будут открыты многие архивные фонды. Гонка за наукометрическими показателями по части публикации журнальных статей привела к снижению научного уровня российских публикаций и к утрате авторитета, а не к его повышению. Этот вопрос тоже нужно решать.

РОССИЯ НЕ ТОЛЬКО УСТОЯЛА В НЕПРОСТЫХ УСЛОВИЯХ, НО И ЗАНЯЛА СВОЕ ЗАСЛУЖЕННОЕ МЕСТО В МИРЕ

А.В. Торкунов – д.полит.н., ректор Московского государственного института международных отношений МИД России (МГИМО), Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, академик РАН, председатель Российской ассоциации содействия ООН, президент Российской ассоциации международных исследований, член Научного совета при Совете безопасности РФ, главный редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета», член РСМД

– Анатолий Васильевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Чтобы ответить на Ваш вопрос, предлагаю вспомнить, как выглядел мир 10 лет назад. Это была совсем другая реальность: шла «перезагрузка» отношений между Россией и США. Председатель КНР обсуждал в Вашингтоне права человека и недавно было заключено экономическое соглашение Пекина с Тайбэем. Сейчас подобное уже сложно представить. Мир находится если не в состоянии второй холодной войны, то уж точно в эпохе «противостояния великих держав».

Главным успехом российской внешней политики я назвал бы то, что Россия не только устояла в непростых, резко меняющихся условиях, но и заняла свое заслуженное место в мире. Защищает своих граждан, в том числе за рубежом, проводит независимую политику и готова ее отстаивать. Мне кажется, это начинают понемногу понимать и партнеры из США и стран Европы. Можно надеяться, что это приведет к возможности вести переговоры на равных.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Не уверен, что соглашусь со столь однозначно негативным описанием международных процессов. Да, налицо возросшие турбулентность и неопределенность, но это следствия отхода от однополярной системы, сложившейся после распада СССР. Тот период был исторической аберрацией, он не мог длиться вечно. Но было бы наивно ожидать, что слом частично уже сложившейся системы пройдет безболезненно.

Сейчас формируется новая система международных отношений, и Россия обустроивает в ней свое место. Ей предстоит взаимодействовать со всеми центрами силы, вырабатывать новые правила игры. И у нее не будет возмож-

ности спокойно заниматься такой кропотливой работой. Все это придется делать «на лету» на фоне изменения климата, пандемии COVID-19, конфликтов по всему миру. Это потребует от России максимальной сосредоточенности, слаженной работы государственного аппарата, высокого мастерства российских дипломатов.

– Отношения России с США и европейскими странами переживают кризис. Какие пути Вы видите для его преодоления?

– Для начала надо понять, что же мешает преодолению этого кризиса. Со стороны Вашингтона – неготовность принять, что другие страны могут вести себя на международной арене независимо, не спрашивая американского одобрения. На это накладывается то обстоятельство, что Россия, к сожалению, стала сугубо внутривнутриполитическим фактором в США, «страшилкой», которую удобно использовать против оппонентов.

С Европой все еще сложнее. Часть европейских стран по историческим причинам видят во всех действиях России угрозу. Она столкнулась с этим в том числе на фоне пандемии коронавируса, когда российская вакцина стала политическим вопросом. Часть стран хотела бы выстраивать конструктивные отношения, но им мешает европейская и натовская солидарность. Добавьте к этому отсутствие сильного европейского лидерства и оглядку на Вашингтон, и становится понятно, почему налаживать отношения с Европой в целом очень сложно. При этом у России есть вполне рабочие отношения с отдельными европейскими государствами.

Что же касается путей выхода из сложившейся ситуации, боюсь, никаких чудодейственных рецептов здесь нет. Думаю, на Западе растет понимание, что изолировать Россию не получится и она никуда не исчезнет. Отсюда уже полшага до признания того, что нужно садиться и договариваться о правилах сосуществования. Россия всегда открыта к переговорам, к поискам вариантов взаимодействия, сотрудничества при учете российских национальных интересов. Если обе стороны демонстрируют открытость, последовательность и готовность к диалогу, есть шанс на нормализацию отношений.

– Каковы, на Ваш взгляд, перспективы научной дипломатии в России в краткосрочной и долгосрочной перспективах? Какие меры необходимы для развития института научной дипломатии в России?

– Востребованность научной дипломатии сегодня во многом определяется глобальными вызовами, с которыми сталкиваются все страны мира, включая Россию. Международные переговоры по таким темам, как изменение кли-

мата, регулирование цифровых технологий, освоение космоса, трудно себе представить без серьезной проработки специалистами различных областей.

Если говорить более конкретно, то 2020 г. напомнил всем о той роли, которую играет наука, нередко оставаясь за кулисами мировой политики. Международный успех российской вакцины укрепляет репутацию как России, так и российских ученых. Надеюсь, он послужит основой для долгосрочного сотрудничества.

Для развития института научной дипломатии важнее всего такие меры, которые позволяют строить мосты между двумя мирами, живущими по своим законам, – наукой и внешней политикой. Главное, чтобы дипломаты и представители науки понимали потребности друг друга и могли взаимодействовать на взаимовыгодной основе. Впрочем, научная дипломатия этим не исчерпывается. Не стоит забывать о таком измерении сотрудничества, как «ученый – ученый». Речь идет о совместной работе над конкретными исследовательскими проектами.

Россия здесь не стоит на месте. В частности, в МГИМО открыта магистерская программа по искусственному интеллекту. Эта сфера активно развивается, поэтому академические исследования, как, например, недавний доклад РСМД «Новые горизонты научной дипломатии в России», весьма полезны.

– Какие глобальные вызовы актуальны для российской дипломатии? Что необходимо для повышения эффективности процесса подготовки кадров для дипломатической службы? Как обеспечить совершенствование работы кадровых дипломатов, которые пришли в профессию в прежние годы?

– С одной стороны, дипломатия усложняется и проникает во все сферы жизни. Помимо классических дипломатов растет запрос на специалистов-международников в других областях. Например, в МГИМО готовят спортивных дипломатов, ведут программу подготовки сельскохозяйственных атташе.

С другой стороны, важно готовить российских специалистов для глобального мира, которые бы хорошо представляли реалии других стран, имели опыт взаимодействия с иностранными коллегами. И здесь ничего лучше непосредственного погружения в среду не придумаешь. Поэтому МГИМО развивает международные магистерские программы и имеет подобные проекты с университетами из более десяти стран Европы и Азии.

Что касается совершенствования дипломатических кадров, то есть традиционное повышение квалификации, которое проводят в Дипломатической академии. Но надо понимать, что в XXI в. учиться будут все и делать это они будут постоянно. Это могут быть более краткие курсы, не привязанные к регулярным срокам. За этим направлением МГИМО тоже следит, в частности развивает программы профессиональной переподготовки.

ЭКСПОРТ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ — ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЗАДАЧ, КОТОРАЯ СТОИТ ПЕРЕД ВУЗАМИ СТРАНЫ

А.А. Федоров – д.филос.н., ректор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (БФУ им. И. Канта), член экспертной группы национального проекта «Образование», член Совета при Президенте РФ по науке и образованию, ректор Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (2012–2019 гг.), член РСМД

– Александр Александрович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Развитие отечественной системы высшего образования – процесс сложный и в чем-то противоречивый. С одной стороны, Россия развивает собственную систему, основанную на федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) и компетентностном подходе, имеющую свою внутреннюю логику. С другой – она стремится повысить глобальную конкурентоспособность и международную привлекательность российских университетов как для студентов, так и для преподавателей, исследователей. Переводим ли язык ФГОСов на язык международного студенчества – вопрос, на мой взгляд, все еще открытый.

Министерство, ведущие университеты и система в целом сделали немало, открыли множество интересных программ. Были основаны целые новые образовательные направления: междисциплинарные, актуальные, перспективные. В то же время в области взаимодействия выпускников БФУ им. И. Канта с работодателями и «потребителями» многое предстоит еще сделать. Остро стоит вопрос практико-ориентированности обучения, актуальности знаний, квалификации преподавателей.

Конкуренцию традиционным университетам составляют не только вузы, но и новые краткосрочные и онлайн-форматы обучения, ориентированные на получение максимально «полезных» знаний для их скорейшего применения на практике. Современные студенты – изначально цифровые и глобально ориентированные. Думаю, что классические образовательные организации не всегда успевают за их меняющимися потребностями. С другой стороны, они обеспечивают системную основу, преемственность и сохранение традиций.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Экспорт российского образования – одна из ключевых задач, которая стоит перед вузами страны. Оставаться конкурентоспособными на мировом рынке образовательных услуг невозможно без постоянного наблюдения за последними трендами и запросами мирового сообщества, с одной стороны, а также без разработки и внедрения собственных подходов и практик, которые будут интересны и востребованы, с другой стороны.

В этом отношении федеральные программы развития становятся тем самым драйвером, который позволяет университетам стать видимыми на международном рынке, развить свой потенциал, повысить спрос на свои услуги среди иностранных абитуриентов и т. д. Среди таких программ – проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров «5-100».

Важным направлением развития университетов станет разработка и реализация совместных образовательных программ, позволяющих получить диплом сразу нескольких вузов, дальнейшее усиление междисциплинарности учебных планов, предоставление возможности для создания персональной образовательной траектории и управления ею.

Примером стратегического планирования, направленного в будущем на построение совместного долгосрочного вектора развития «вуз – индустрия – регион», является заявка БФУ им. И. Канта на участие в федеральной программе создания на территории России инновационных научно-технологических центров. Концепция инновационного научно-технологического центра (ИНТЦ) «Балтийская долина *Humantech*» подразумевает формирование предпринимательской технологической платформы с проработанной финансово-экономической моделью, нацеленной на формирование добавочной стоимости за счет реализации полного цикла создания инновационного технологического продукта. В основе этой концепции лежит предпринимательская позиция, сформулированная крупными индустриальными партнерами – потенциальными участниками проекта (ГК «Содружество», компания «Энкор»).

Трансформация университета в модель проектной технологической платформы является основой политики трансфера БФУ им. И. Канта на 2020–2030 гг. В основе новой политики БФУ им. И. Канта лежит принцип университета – драйвера развития территориальной инновационной системы (ТИС). Принцип «измерения – исследования – разработки – воздействия» (*MRDI*) подразумевает трансфер исследований и разработок в образование и партнерские промышленные проекты.

Эта политика будет реализована по следующим направлениям. Во-первых, это инкорпорирование результатов деятельности в инновационные продукты путем включения университета в проект ИНТЦ, направленный на развитие и коммерциализацию «человекоцентричных» технологий. Во-вторых, это форсированный трансфер результатов исследовательской деятельности всех участников сетевых проектов в образовательный процесс. В-третьих, это создание на территории региона открытой предпринимательской экосистемы и формирование компетенций технологического предпринимательства.

Безусловно, необходимо продолжать поддержку публикационной активности отечественных ученых, поскольку это позволяет развивать научную кооперацию, продвигать достижения российской науки. Немаловажной мерой остается и реализация сетевых программ, программ обмена студентов и преподавателей, ученых.

Эти меры были апробированы в ходе участия университета в проекте «5-100», и они продемонстрировали свою эффективность. В БФУ им. И. Канта значительно возросла доля иностранных студентов: вдвое с 2016 г., до 11,6% обучающихся. Количество сетевых программ достигло 30, хотя в начале реализации проекта «5-100» их было всего 11. Журналы университета «Кантовский сборник» и «Балтийский регион» теперь индексируются базами *Web of Science* и *Scopus*.

– Как пандемия COVID-19 повлияла и будет влиять в будущем на международное академическое сотрудничество?

– Всем системам и институтам мира пришлось принимать достаточно большое количество быстрых решений, направленных на обеспечение нормального функционирования в новых условиях. Эта экстренная перестройка затронула и сферу международного сотрудничества в системе высшего образования, однако уже сейчас можно смело говорить о том, что БФУ им. И. Канта удалось не только адаптироваться под условия новой реальности и достичь намеченных целей и задач, но и интенсифицировать международные контакты и свое присутствие на мировом образовательном рынке.

Основные изменения касались формата проведения мероприятий, а именно перехода в онлайн. В таком режиме университет совместно с зарубежными партнерами провел ряд крупных научно-просветительских мероприятий. В первую очередь следует выделить серию круглых столов, посвященных актуальным вопросам из разных областей наук: медицины, юриспруденции, филологии. Состоялся ряд масштабных международных событий, посвященных преподаванию и изучению русского языка как иностранного, они привлекли значительное количество участников из разных концов света.

В ближайшие годы в сфере международного академического сотрудничества на первый план будет выходить виртуальная мобильность студентов, преподавателей, исследователей, сотрудников. Такой формат облегчит процесс реализации совместных образовательных программ, позволит совмещать обучение сразу в нескольких вузах, что, по моему мнению, является одной из ключевых траекторий развития системы образования.

– Чем опыт БФУ им. И. Канта в интернационализации различных аспектов функционирования университета может быть интересен и полезен для других вузов?

– В Балтийском университете проводится всесторонняя политика интернационализации, в рамках которой реализуются различные меры по развитию полиязычной и многонациональной образовательной, научной и социокультурной среды как в пространстве кампуса, так и в регионе в целом. В основе этого – принципы максимальной толерантности, академической свободы, гибкости механизмов управления, безопасности, ответственности всех акторов.

Главная цель БФУ им. И. Канта – создание корпоративной системы поддержки и удержания иностранных студентов и сотрудников в БФУ им. И. Канта, закрепление лучших из них в экономике региона, в том числе за счет индивидуальной работы с каждым. Достижения университета в этом направлении были отмечены в рамках премии *EEUA 2019*: БФУ им. И. Канта стал победителем в номинации «Вовлечение иностранных студентов во внеучебную жизнь вуза».

Среди наиболее заметных проектов отмечу традиционные мероприятия, направленные на повышение уровня владения иностранными языками и развитие компетенций в области межкультурного общения. Например, в ходе ежегодной акции «Мой первый урок иностранного языка» иностранные студенты БФУ им. И. Канта проводят открытые мастер-классы по изучению своих родных языков и культур. Аудитория этой акции весьма широка: от студентов региональных вузов до школьников, их учителей и родителей – всего более 300 участников ежегодно.

Политика интернационализации не замыкается на языковой составляющей. В прошлом году университет разработал и реализовал программу летнего отдыха для иностранных студентов, которые из-за пандемии не смогли уехать на родину. Это позволило снять напряженность у студентов, которые были вынуждены провести летние каникулы вдали от родных. Кроме того, это содействовало развитию межкультурного взаимодействия и большей включенности иностранных студентов в жизнь университета. В рамках системной

работы по интеграции иностранных студентов можно также отметить проект временного трудоустройства студентов. В рамках данной инициативы в административные подразделения университета на летний период были трудоустроены иностранные студенты, что позволило им попробовать себя в новой роли и принять решение о продолжении карьеры в России.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Развитие онлайн-образования – не отечественный, а глобальный тренд. В этом контексте его и надо рассматривать. Преимущества очевидны: максимальная гибкость, удобство для всех сторон, возможность привлечения лучших кадров и создания «сборных» команд, изначальная интегрированность современных технологических решений в учебный процесс. Это крайне перспективный сегмент. На *EdTech* с интересом смотрят не только собственно учреждения образования, но и IT-гиганты, финансовые корпорации, венчурные фонды. Количество стартапов здесь исчисляется тысячами.

Год пандемии, создав серьезные трудности как для образовательных учреждений, так и для обучающихся в них студентов, в то же время способствовал развитию онлайн-платформ и форматов в вузах и школах по всей стране. Он привел к тому, что тысячи преподавателей, миллионы учеников, сотни тысяч студентов прошли «ускоренный курс молодого бойца» – получили практический опыт взаимодействия в новой среде. Не все было просто и гладко. В то же время такой принудительный эксперимент, в который оказалось втянуто все педагогическое сообщество, позволил выявить узкие места и оперативно скорректировать политику информатизации образовательных учреждений.

Значение и доля образовательных услуг, оказываемых онлайн, будут расти. Это неизбежно. Однако выскажу ряд предостережений. Такое обучение все еще не панацея: оно не может являться полноценной заменой классическому образованию. Пока еще не накоплен достаточный опыт, чтобы с уверенностью говорить об итоговой эффективности новых форматов и о том, как дистант влияет на пресловутую «атмосферу» и культуру учебных заведений. Эта сфера весьма коммерциализирована. При достаточно низком пороге входа многочисленные игроки, нацеленные на укрепление своих позиций и повышение прибыли, активно рекламируются, иногда создавая завышенные и не всегда адекватные ожидания у потенциальных потребителей таких образовательных услуг.

Тем не менее участвовать в этом движении необходимо. Без этого невозможно обеспечить конкурентоспособность ни отдельного университета, ни образовательной системы в целом. Качество и скорость изменений в этой

области будут только нарастать, запрос на это слишком велик. Люди и корпорации во всем мире как никогда раньше готовы вкладываться в человеческий капитал. Уровень собственно технических решений достиг небывалого совершенства. В том или ином виде неизбежна революция, которая изменит глобальный образовательный масштаб и принесет новое качество отношений между поставщиком и потребителем образовательных услуг. Но как именно она произойдет и какие формы примет – никто не знает.

УНИВЕРСИТЕТЫ ДОЛЖНЫ ОТКРЫВАТЬ СЕБЯ МИРУ

В.М. Филиппов – д.ф.-м.н., президент Российского университета дружбы народов (РУДН), заведующий кафедрой сравнительной образовательной политики РУДН – кафедры ЮНЕСКО, председатель Комитета по образовательным программам ЮНЕСКО при МИД РФ, член РСМД

– Владимир Михайлович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних десяти лет, какие достижения были сделаны, какие ошибки были допущены?

– Считаю, что последние 10 лет система российского высшего образования была в стабильном развитии. Слово «стабильное» очень важно, потому что во многих странах мира, когда сменяются министры и политические партии у руля власти, начинается введение таких инноваций, которые шатают систему образования из стороны в сторону. К счастью, этого нет в России, притом что за последние 10 лет сменилось пять министров. Тем не менее российская система высшего образования стабильна и в мире котируется достаточно высоко, потому что живет по государственным стандартам, утвержденным для всех вузов страны. И если в американских университетах каждый вуз сам придумывает, чему учить журналиста или инженера, то в российской системе образования прописаны компетенции, которыми должен овладеть выпускник: общекультурные, специализированные и др.

С одной стороны, это очень правильно. С другой стороны, российская система образования впитала ту часть мирового опыта, когда на высшее образование не хватает средств. И в этом случае всегда есть два пути: либо советский путь, где надо поддерживать тех, кто слабо работает, либо путь, где надо поддерживать сильных. За последние 10 лет министерство образования реализовало целый ряд мер по поддержке сильных вузов, включая проект «5-100».

Не вижу, чтобы за последние 10 лет были какие-то существенные ошибки. Единственное, считаю, что можно было по каким-то направлениям двигаться быстрее. Но в связи с изменениями в министерстве некоторые наработки остаются незадействованными, потому что приходит другая команда и требуется как минимум полгода на замену старой. Учитывая, что за 10 лет сменился уже пятый министр, не все можно было сделать в таком темпе, в каком хотелось бы. Сейчас надо пожелать только стабильности, чтобы новое министерство смогло наконец реализовать в полной мере те планы, которые оно строит.

– Вы упомянули проект «5-100», который завершился в конце 2020 г. Можете рассказать о том, как Вы его оцениваете?

– Это действительно замечательный проект в масштабах российской системы высшего образования, потому что он назывался проектом повышения международной конкурентоспособности российских университетов среди других университетов мира, среди мировых научных образовательных центров. Это значит, что была поставлена планка высокого уровня: российские вузы должны войти в конкуренцию и повысить конкурентоспособность в сравнении с ведущими университетами мира. Кроме того, эта программа разработана и реализована не только в России. Ее аналоги на сегодняшний день реализует целый ряд стран мира, включая Францию, Германию и Китай. И если посмотреть на результаты, могу на примере РУДН сказать, что у нас количество публикаций в журналах из международных баз цитирования выросло в девять раз. Публикации в коллаборации с зарубежными учеными – почти в 10 раз. И это за пять лет.

Все университеты проекта «5-100» вложили большие средства в свою научно-техническую базу. Был создан тот задел, те новые лаборатории и институты, которые будут работать много лет после окончания данной программы. В этом и была ее суть: нельзя жить только за деньги проекта «5-100» все годы, а надо создать потенциал, который будет потом работать на российские университеты в ближайшие 5–10 лет.

– Какие факторы, на Ваш взгляд, будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на краткосрочную и долгосрочную перспективы?

– Ключевой фактор, который влияет на развитие высшего образования в мире, – это «массовизация» высшего образования. Сейчас происходит переход в эпоху, когда высшее образование массово, в отличие от предыдущих периодов, когда оно было элитарным. Это создает определенный вызов, поскольку при массовом производстве одинаково высокого качества быть не может. И к этому надо относиться нормально. Люди привыкли к словосочетанию «высшее образование», как будто слово «высшее» гарантирует высшее качество. Но это не так. Высшее образование, став массовым, становится различным. Есть вузы, которые работают на свой конкретный регион, а не на всю страну, и им нужно готовить специалистов только для конкретного региона с учетом его специфики. Это очень большой вызов.

Второй вызов связан с тем, что общество требует все большей и большей открытости вузов для абитуриентов, родителей, работодателей да и в целом

для всего мира, потому что университеты должны показывать себя и свою жизнь тем, кто их финансирует: правительству, общественности и профессиональному сообществу. В этом и заключается второй вызов: как сделать так, чтобы информация о вузе была общедоступной.

Третий вызов – это интернационализация высшего образования, один из ключевых трендов в мире. И то, как российские вузы будут реагировать на это, учитывая, что СССР был закрыт от внешнего мира и задача интернационализации высшего образования раньше не стояла. Для нас это новая тенденция, в отличие от стран Европы и США, которые многими десятилетиями были открыты всему миру.

Четвертый вызов – это цифровизация, внедрение онлайн-технологий. Он воспринимается наиболее остро.

– Как Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– Президент России неоднократно подчеркивал свое видение развития образования с учетом онлайн-технологий, говоря о том, что не произойдет тотального перехода в онлайн-образование. Хочу напомнить определение, которое есть в законе «Об образовании», в ст. 2: «Образование – это целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах личности, семьи, общества и государства». На первом месте стоит процесс воспитания, обучение – на втором месте. И если функцию обучения еще можно выполнять с помощью онлайн-технологий, то функцию воспитательной работы невозможно выполнять без контакта между студентами в группе и контакта с преподавателями. Поэтому сейчас предстоит очень сложная работа: как можно более активно комбинировать онлайн-образование с очным образованием.

Это вызов, стоящий не только перед студентами, которые должны это осваивать, но и перед преподавателями: как им, с учетом онлайн-технологий, осуществлять интерактивное обучение, чтобы студенты, даже прослушивая онлайн-курсы, активно участвовали в учебном процессе. А онлайн-технологии можно широко использовать в реализации программ дополнительного образования, когда человек хочет получить какие-то дополнительные знания. Сейчас перед российской системой высшего образования стоит вызов: как скомбинировать онлайн-технологии с очными формами обучения, с интерактивным участием преподавателей и студентов.

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов как на международном образовательном пространстве, так и на научном рынке (со стороны университетов и со стороны правительств)?

– Поскольку вопрос касается развития российских университетов в международном образовательном пространстве и на научном рынке, здесь надо ставить перед вузами такие задачи, чтобы они брали планку не соседнего университета в своем городе, а планку международного высшего образования. Это называется «бенчмаркингом»: надо выбирать в качестве примера вуз мирового уровня и стараться к нему тянуться. Пусть это касается не всех дисциплин в данном вузе, а отдельных направлений, предметов и т. д., но университеты должны ставить такие высокие планки перед многими своими направлениями деятельности.

Кроме того, важно больше открываться мировому пространству для признания в академическом сообществе и среди работодателей, ставить высокие задачи, участвовать в мировой конкуренции, т. к. это важнейший элемент рыночных отношений. Неслучайно в мире во многих научных работах, касаясь международного сотрудничества, обращаются к термину «академический капитализм». Вузы зарабатывают деньги. А если есть конкуренция – это уже рыночные отношения. Между вузами существует конкуренция по многим направлениям деятельности (за абитуриентов, гранты, договоры с работодателями), но самая главная – конкуренция за качество образования.

30–40% студентов почти во всех системах мира, где есть платное образование, – это студенты, которые обучаются на платной основе. Студенты несут деньги в тот университет, где качество образования лучше, чей диплом признается во многих странах мира, а не только в России. Почему им нужно рекламировать себя и открываться миру? Чтобы диплом был востребован в мире, и за ним пришли студенты обучаться на платной основе. Перед университетами стоит огромная задача – выжить в условиях конкуренции.

Что касается правительства, то оно может помочь финансированием. Экономить на образовании нельзя. Президент России неоднократно говорил, что в приоритете у страны – здравоохранение и образование. За этим будущее. И если Россия не будет вкладывать сейчас деньги в образование, то и в будущем перспективы у такой страны нет, потому что сейчас конкуренция в странах идет не только за нефть и газ, а за умы, за тех, кто будет делать новые технологии, с помощью которых можно потом получать дивиденды. Мы это видим на примере автомобилестроения. Нет у нас этих новых идей, новых моделей. И за счет того, что есть эти умы в автомобильной промышленности многих стран мира, наш российский рынок и заполнен западными моделями.

Это взаимосвязано, как сказал в свое время министр А.А. Фурсенко, инженеры-выпускники российских вузов не хуже российских автомобилей.

Важно, чтобы правительства больше доверяли вузам и меньше их контролировали. Ведь сейчас, если государство дает больше денег, то оно хочет все жестко контролировать. Но контроль науки превращается в контроль преподавателя. В итоге отчетностями перегружены в школе учителя, в вузе – преподаватели. Поэтому нужно реализовывать принцип, согласно которому министерства и правительства оценивали бы деятельность университетов по конечному результату, а не по процессу. Не надо контролировать процесс. Надо дать свободу вузам и ректорам реализовывать их планы. Вот если они нарушат какую-то норму законодательства или какие-то нормативные акты – тогда надо наказывать. Но не стоит контролировать каждый шаг.

– Как Вы оцениваете введение новой программы стратегического академического лидерства в связи с этим? Является ли она продолжением проекта «5-100»?

– Программу стратегического академического лидерства обязательно нужно реализовать. Если российский вузы не подвигать на это стратегическое видение и на конкуренцию в международном сообществе, то российское высшее образование потеряет авторитет. Китай реализует такого рода программы уже около 20 лет. У нас только семь лет, как был запущен проект «5-100», и вопрос в том, какие ставить приоритеты. Это вопрос государства, не только самих университетов. И им надо относиться с пониманием к поставленным государством задачам перед вузами. Это включает, например, развитие регионов России, развитие прорывных научных технологий, упор не только на науку, но и на опытно-конструкторские работы.

При этом важно сохранить и поддерживать то, чем всегда была сильна отечественная высшая школа и наука, – фундаментальные исследования. Потому что именно на базе этих исследований потом могут рождаться новые важнейшие технологии. Поэтому данная программа очень необходима, но она должна реализовываться не для всех вузов, а только для ведущих университетов. Важно решать одну из стратегических задач России на данном этапе – развитие сильных вузов, в том числе региональных.

– Как пандемия повлияла и будет влиять в будущем на научное сотрудничество, на Ваш взгляд?

– Возвращения в полностью очное образование и в очную административную жизнь университетов не произойдет. Университеты сейчас возвращаются

в учебный процесс, и многие поточные лекции, мероприятия и совещания можно проводить с помощью онлайн-технологий. И в учебном процессе, и в организации внутренней жизни университета эти технологии будут использоваться. Эти технологии будут применяться и в научной деятельности, в частности в организации конференций с участием представителей из-за рубежа. Онлайн-технологии теперь отработаны, и есть возможность абсолютное большинство мероприятий проводить с охватом больших аудиторий.

ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ ОРИЕНТИРОВАНА НА ИНТЕГРАЦИЮ ВУЗОВ МЕЖДУ СОБОЙ И НА ИХ СОТРУДНИЧЕСТВО С БИЗНЕСОМ

И.И. Халеева – д.пед.н., профессор, академик РАО, научный руководитель Московской международной академии, член РСМД

– Ирина Ивановна, как Вы оцениваете развитие системы высшего образования в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Ответ на этот вопрос вызывает у меня чувство некоторого психологического дискомфорта, своего рода когнитивный диссонанс, автором теории которого был американский психолог Л. Фестингер. С помощью этой теории он постарался объяснить внутренние конфликты, которые возникают у человека в результате событий или каких-либо действий окружающих. Понятие «когнитивный диссонанс», введенное Л. Фестингером в социальную психологию, означает столкновение в сознании человека взаимоисключающих, противоречивых идей, ценностей, представлений об окружающем мире и эмоций.

Опираясь на теорию когнитивного диссонанса Л. Фестингера, хочу сказать, что идеальной системы высшего образования не существует. Существуют образовательные системы со своими плюсами и минусами. Исходя из этого, вызовом для системы образования следует считать усиление положительного опыта, одновременно с этим – актуализацию и оценку отрицательного. Это делается для того, чтобы опыт со знаком минус превратить в свою противоположность, т. е. в плюс, расширяя диапазон достижений такой отрасли, как высшее образование.

Среди достижений в развитии российской системы высшего образования за последние 10 лет я бы отметила следующие. Во-первых, была достигнута управленческая самостоятельность вузов. Во-вторых, университеты обрели самостоятельность при формировании содержания обучения (учебные планы, учебные программы и т. д.). В-третьих, было активизировано международное академическое сотрудничество (студенческие обмены, двойные дипломы, обмен преподавателями).

Среди недостатков я бы выделила следующие. Во-первых, управление вузовским сообществом оставляет желать лучшего. Это выражается в том числе в большом объеме отчетных бумаг по контролю за работой вуза со стороны профильного министерства. Во-вторых, в 2000 г. были утверждены образовательные стандарты, что обозначало переработку образовательных программ, включая учебные планы и программы дисциплин, а это не одна сот-

ня документов. В-третьих, в отношении программы международных студенческих обменов существует невозможность согласования с вузом-партнером совместной программы обучения. Количество недостатков или явных ошибок в управлении системой высшего образования в России можно продолжать и продолжать, усиливая влияние когнитивного диссонанса на вузовскую общественность.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективу?

– Траектория развития высшего образования в России и в мире детерминирована новой программой министерства науки и высшего образования России, которая в июне 2020 г. была представлена министром науки и высшего образования на собрании Российского союза ректоров. Это «Программа стратегического академического лидерства», которая призвана определить вектор развития российской высшей школы на ближайшее десятилетие.

Стратегия опирается на указ президента РФ от 07.05.2018, согласно которому России необходимо войти в число пяти крупнейших экономик мира за счет развития инновационного бизнеса, ориентированного не только на внутренний, но и на мировой рынок. Задача высшей школы – обеспечение подготовки специалистов будущего, способных совершить необходимый стране технологический рывок.

Траектория развития университетов ориентирована на интеграцию вузов между собой и на их сотрудничество с бизнесом. Иными словами, речь идет как о сетевом взаимодействии вузов, обеспечивающем качество образования, так и о партнерстве «вуз – отрасль». Таким образом получается прорыв к мировому лидерству по нескольким стратегическим направлениям (например, искусственный интеллект, квантовые технологии и т. д.)

– Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российских университетов на международном образовательном и научном рынках (со стороны университетов и со стороны правительства)?

– Для повышения конкурентоспособности вузов необходима реализация представленной министром и одобренной правительством программы. Как правительство, так и министерство обозначили четкую систему ориентиров для интеграции вузов между собой и их сотрудничества с бизнесом. Согласно программе, подразумевается как вертикальная, так и горизонтальная интеграция университетов и академических институтов. Затрудняюсь давать оценку «Программе стратегического академического лидерства», но могу сказать.

– Каким Вы видите будущее онлайн-образования в России?

– На этот вопрос я хотела бы ответить не вербально, а визуально. Тот когнитивный диссонанс, в который меня погружают предложенные вопросы и формулирование ответов, вызывают во мне определенную эмоциональную рефлексию, которая в моем сознании трансформируется в конкретный образ. Речь идет о картине норвежского художника Мунка «Крик».

ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ НУЖНА КООРДИНАЦИЯ УСИЛИЙ БИЗНЕСА И НАУКИ

А.В. Хлунов – к.ф.-м.н., генеральный директор Российского научного фонда, директор Департамента науки, высоких технологий и образования Правительства Российской Федерации (2010–2012 гг.), начальник Управления президента Российской Федерации по научно-образовательной политике (2010–2012 гг.), заместитель министра образования и науки Российской Федерации (2008–2010 гг.), член РСМД

– Александр Витальевич, как Вы оцениваете развитие российской науки в течение последних 10 лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Оценивая ситуацию последних лет, могу отметить довольно много позитивных результатов. Если говорить о финансовом аспекте, то за последние 10 лет бюджетное финансирование гражданской науки возросло на 7,6%, объем финансирования фундаментальных исследований увеличился на 22,5%.

Сформированы и реализуются федеральные научно-технические программы, в том числе развития сельского хозяйства, генетических технологий. Идет подготовка новой программы в сфере экологии и климата. Эти меры позволили нацелить научные коллективы на решение значимых для страны задач и направить усилия на обеспечение перехода результатов фундаментальной науки в создание новых технологий и их дальнейшее использование в промышленности.

Развивается сеть уникальных научных установок класса *megascience* на территории России. Речь идет о реакторе нейтронного излучения ПИК в Гатчине, ускорительном комплексе *NICA* в Дубне, начато строительство источника синхротронного излучения СКИФ в наукограде Кольцово и других объектов.

Отдельно отмечу, что грантовое финансирование науки получило существенное развитие. Объем финансового обеспечения научных фондов вырос в 2020 г. по сравнению с 2012 г. в 4,6 раза: с 9,5 до 43,6 млрд руб. Для большого числа ученых были созданы условия для работы по научным проектам, сравнимые с теми, которые существуют в ведущих научных странах.

Все это, безусловно, позволило укрепить кадровую базу науки, сократить отток научных кадров за рубеж, обеспечило устойчивый рост доли молодежи в науке. Только по одним лишь грантам РНФ в 2020 г. работало более 27 тыс. молодых исследователей.

В то же время в последние годы продолжается снижение относительного вклада в науку со стороны внебюджетных источников. Ситуация складывается таким образом, что увеличение бюджетного обеспечения сферы научных исследований не приводит к увеличению объема финансирования науки, а лишь

замещает в них деньги частного сектора. Я вижу большую проблему в том, что научно-технические разработки отечественных ученых не находят дорогу в производственную сферу, а действенные управленческие механизмы по реализации созданных научных результатов в производстве товаров и услуг пока не найдены.

Тонким местом остается и проблема координации ведомств, осуществляющих финансирование исследований, органов управления крупными программами и национальными проектами между собой и выстраивание сбалансированной системы мер поддержки науки на всей территории страны.

– Перед какими вызовами стоит современная российская наука? Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российской науки в мире?

– «Большие вызовы», стоящие перед обществом, государством и наукой, закреплены в Стратегии научно-технологического развития России. Если переформулировать вызовы в приоритеты для науки, то звучать они будут так: цифровые технологии, ресурсосберегающая энергетика, персонализированная медицина, продовольственная безопасность, противодействие всем видам терроризма, связанность территории, взаимодействие человека и природы. Критическую важность этих приоритетов ярко проиллюстрировала пандемия COVID-19.

В этой связи не без гордости отмечу, что в 2020 г., несмотря на все трудности, удалось сконцентрировать финансовые ресурсы, соединить потенциал научно-технологических разработчиков и производственного комплекса и в кратчайшие сроки обеспечить создание и регистрацию в России вакцин и биомедицинских клеточных продуктов для борьбы с COVID-19. Это не только свидетельствует о серьезном изменении позиции России на мировом фармацевтическом и биотехнологическом рынках, но и создает новые возможности.

На мой взгляд, сейчас необходимо воссоздавать собственное производство основных фармацевтических субстанций биотехнологической направленности, иметь собственное производство биореакторов и, конечно, массово готовить высококвалифицированных специалистов для работы на этом высокотехнологичном оборудовании. Это позволит обеспечить защиту жизненно важных интересов россиян по сохранению и поддержанию здоровья в условиях санкционной политики в отношении России в этой критически важной для России области.

Другой пример – развитие на основе отечественных научных разработок экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, в том числе водородной, формирование новых источников, способов транспортировки и хра-

нения энергии, создание новых экологически чистых источников и накопителей. Реализация этих мер даст преимущества, которые может почувствовать каждый гражданин страны, в том числе через снижение тарифов на оплату энергоносителей и уменьшение выбросов вредных веществ в окружающую среду при производстве энергии.

Еще одно направление – это комплекс проблем старшего поколения. В России в этом году доля лиц старше трудоспособного возраста достигнет 39 млн человек, к 2030 г. ученые прогнозируют уже 40,5 млн человек. Старение населения является одним из важных факторов, влияющих на политику в социальной и экономической областях и на рынке труда. Критическим становится активное использование потенциала всех поколений и особенно растущей численности старшего поколения. Возможности увеличения физиологического ресурса жизнедеятельности человека и здорового долголетия могут быть реализованы только в том случае, если используются достижения новых технологий на основе передовых научных исследований. Это и есть необходимое нам развитие человеческого потенциала.

Безусловно, для решения задач национальной безопасности и повышения конкурентоспособности российской науки нужна большая координация усилий бизнеса и науки. Обязательно при комплексной поддержке со стороны государства по ограниченному количеству приоритетных направлений, имеющих цель повышения качества жизни человека. В этой связи мне кажется эффективным создание специальных стимулирующих условий для производственных компаний, улучшение деятельности научных и проектных организаций, в том числе за счет совершенствования модели «квалифицированного заказчика» и повышения роли научно-технической экспертизы. При этом самое главное – активная координация этого процесса со стороны государства, возможно, посредством создания координирующего органа по управлению комплексными проектами.

Реализация этих мер обеспечит повышение эффективности управления научно-технологической сферой и в конечном итоге повышение уровня жизни, создание комфортных условий для проживания и работы в России. В этом случае роль науки в развитии страны будет понята и поддержана обществом.

– Как COVID-19 повлиял и будет влиять в будущем на международное научное сотрудничество?

– Очевидно, что в эпоху пандемии наука и ее достижения вышли на передний план повестки всех без исключения мировых лидеров. Существенно вырос и запрос общества в отношении результатов исследовательской деятельности, особенно в отношении ее скорости и эффективности. Страны, невзирая

на существующие политические или экономические противоречия, готовы работать вместе в научной сфере для скорейшего решения общей беды.

Во-вторых, кризис еще раз доказал, что в одиночку решить такие глобальные проблемы и вызовы, как пандемия, климатические изменения, угрозы биоразнообразию и многие другие, практически невозможно. Особенно это актуально для фундаментальных исследований, направленных на изучение окружающего мира. Без контактов с коллегами из других стран здесь просто не обойтись. Международное сотрудничество научных коллективов в прикладной сфере должно учитывать вопросы потенциально возникающих коммерческих отношений на мировых рынках.

– Каким образом можно повысить эффективность системы финансирования научных исследований в России?

– В настоящее время в России сформированы все основные формы финансовой поддержки науки: базовая, программно-целевая, грантовая, государственный заказ и т. д. Как я уже отмечал, одна из основных проблем в системе финансирования – отсутствие скоординированности ведомств, осуществляющих поддержку науки, и дублирование самих мер поддержки.

Это прежде всего относится к прикладным исследованиям. Основной акцент предстоит сделать на совместной с бизнесом более четкой постановке конкретной задачи и проектном подходе к ее реализации в ограниченном пространстве приоритетов.

Решение этого вопроса мне видится в первую очередь в создании системы планирования и учета реально произведенных затрат из бюджетных и внебюджетных источников на исследования, а также в разработке и внедрении правил мониторинга и оценки эффективности расходования средств. Нелишним будет нормативное закрепление некоего универсального алгоритма действий федеральных органов исполнительной власти и госкорпораций при планировании расходов федерального бюджета на исследования, обязательно с учетом востребованности планируемых результатов. И, конечно, необходимо обеспечить гибкости бюджетного законодательства и адресности выделения финансовых средств.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ОСТАНЕТСЯ ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.В. Чупрунов – д.ф.-м.н., научный руководитель Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (ННГУ), заведующий кафедрой экспериментальной физики, ректор ННГУ (2008–2019 гг.), член РСМД

– Евгений Владимирович, как Вы оцениваете развитие российской системы высшего образования в течение последних десяти лет? Какие основные ошибки и достижения Вы можете отметить?

– Главных достижений было несколько. Во-первых, готова система конкурсного получения научных грантов. У нее, конечно, есть некоторые недостатки, но в отличие от того, что было раньше, есть понимание, что именно надо выигрывать, какие необходимо иметь объективные характеристики и т. д. ННГУ всегда был зарабатывающим университетом, потому что он участвовал во многих конкурсах. Создание этой системы, пусть и с шероховатостями, какими-то небольшими недоразумениями, – это все равно большое достижение.

Во-вторых, считаю большим успехом для России реализацию проекта «5-100». Конечно, денег было выделено не так много, особенно если учесть ранжирование вузов. Но дело не в этом. Самое главное, что был результат. Российские университеты посмотрели на себя с точки зрения того, какими их видят в Европе, Америке, Азии. Пришло понимание, чего именно отечественным вузам не хватает. Например, единственное, в чем я позавидовал американским вузам, – это кампусы. Российским вузам также не хватает университетского патриотизма. В США он строится не только на науке, но и, например, на бейсбольной команде университета. Все студенты болеют за свою команду. У нас же это невозможно. ННГУ пытался создать хоккейную команду, но это обошлось довольно дорого, и было не совсем понятно, как ее финансировать. Таким образом, ННГУ не проигрывал зарубежным вузам по качеству образования, но уступал в ряде других, более второстепенных вопросов.

В-третьих, была запущена программа развития национальных исследовательских университетов. Думаю, что она была реализована великолепно. Вузам никто не ставил препятствий для того, чтобы покупать новейшее оборудование и обучать персонал в тех странах и тех компаниях, которые это оборудование произвели. ННГУ выучил всех, кто на этом оборудовании работает, и, благодаря этому, выиграл двенадцать мегагрантов и гранты РНФ.

Думаю, что главные достижения заключаются в этом. Я их связываю со временем, когда министрами образования были А.А. Фурсенко и Д.В. Ливанов.

– Какие факторы будут определять траектории развития высшего образования в России и в мире на ближайшую и долгосрочную перспективы?

– Одним из таких факторов останется финансирование. В России, по крайней мере, точно. Вузы – участники программы развития национальных исследовательских университетов и вузы, участвующие в проекте «5-100», которые правильно расходовали деньги, сумели существенно улучшить свое материально-техническое обеспечение. Российские университеты теперь могут соревноваться с зарубежными вузами по некоторым областям науки, входить в международные рейтинги. Наука сейчас дорогая. Образование без науки невозможно, а хорошее образование на базе науки – это тоже недешево. Поэтому финансирование останется фактором, определяющим траектории развития высшего образования, в обязательном порядке.

На развитие высшего образования будет влиять разумная степень цифровизации. Я не против онлайн-образования, но оно должно быть дополнением. Все-таки классическое образование основывается на принципе «делай, как я». Всегда должен быть гуру, который показывает, что и как нужно делать. И дело даже не в знаниях и навыках – дело в каком-то влиянии, в стереотипности действий в хорошем смысле этого слова. Необходимо найти баланс между очным обучением, когда великие, интересные люди передают знания студентам, с онлайн-образованием, которое может быть хорошим дополнением.

– Перед какими вызовами стоит современная российская наука? Какие меры необходимы для повышения конкурентоспособности российской науки в мире?

– Необходимо сделать так, чтобы в Россию приезжали получать образование и заниматься научной деятельностью. Нужно сделать так, чтобы люди, которые уезжают, чувствовали себя представителями российского сообщества. Было бы хорошо восстановить ряд отечественных научных журналов. Когда-то продвижение российских журналов обсуждалось в проекте «5-100», но продвигалось это не очень активно. Наука – дело дорогое. Это надо понимать.

– Как коронавирус повлиял и будет влиять в будущем на международное научное сотрудничество?

– Думаю, что на международное научное сотрудничество пандемия вряд ли сильно повлияла, так как все общались по интернету. Она, скорее, повлияла на образование. Я не вижу каких-то фатальных научных проблем в этой си-

туации. А вот образовательные – да. Это касается того, о чем я говорил. Сейчас онлайн-образования слишком много, особенно в таких науках, которым обучают в ННГУ. Необходимо, чтобы студенты не просто получали знания, а умели что-то делать. В этом плане пандемия, конечно, нанесла большой урон образованию. И на науку это, конечно, тоже влияет.

ЗАМЕНИТ ЛИ ДИПЛОМАТА БУДУЩЕГО ЦИФРОВОЙ АВАТАР?

А.В. Яковенко – д.ю.н., ректор Дипломатической академии МИД России, член коллегии МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заместитель министра иностранных дел России (2005–2011 гг.), посол России в Великобритании (2011–2019 гг.), член РСМД

– Александр Владимирович, как осуществляется повышение квалификации дипломатов? И насколько это вообще актуально? Как структурирована эта работа?

– Как известно, основным профилем Дипломатической академии является повышение квалификации отечественных и иностранных дипломатов.

Решением задач по совершенствованию подготовки дипломатических сотрудников занимается Факультет повышения квалификации (ФПК). В основе его работы лежит принцип преемственности и обновления: использование уже наработанных методов обучения в форме лекций и дискуссий по тематике международных отношений и внешней политики России и постоянная актуализация содержательной составляющей курсов.

Очень высокие требования предъявляются к качеству преподавания, что обусловлено прежде всего усложнившейся международной обстановкой и тем, что слушателями курсов Академии являются профессионалы, как правило, на достаточно высоком уровне владеющие обсуждаемыми проблемами.

В 2020 г. в соответствии с решением Коллегии МИД были оптимизированы и обновлены тематики всех курсов повышения квалификации российских дипломатов с учетом предложений всех департаментов министерства.

В настоящее время в течение года Дипломатическая академия обеспечивает повышение квалификации дипломатов МИД России разного уровня в ходе 14 различных программ, касающихся тех или иных направлений международных отношений, международных экономических отношений, правовых, региональных тем, а также специфических вопросов дипломатической службы. В ближайшее время будут открыты еще два курса: четвертая технологическая революция и устойчивое развитие и «зеленая экономика». Как правило, такое повышение квалификации дипломаты проходят с перерывом в 3–4 года.

В МИДе и посольствах действительно работают подготовленные люди. Однако даже они не могут в полной мере отслеживать все изменения, которые происходят в различных областях международных отношений. А Академия дает эти знания, что позволяет дипломатам повышать свой уровень.

– Как готовят современных послов перед выездом к месту своей работы?

– Ключевым элементом подготовки являются проводимые дважды в год Высшие дипломатические курсы для вновь назначаемых послов, представителей в международных организациях, советников-посланников, генеральных консулов. Перед слушателями этого высшего дипломатического звена выступают все заместители министра иностранных дел, высшие руководители других министерств и федеральных агентств, представители крупных государственных и частнопредпринимательских структур.

Важнейшей задачей в этой связи является обеспечение высокого уровня и качества обучения, подбора соответствующего состава профессоров, а также известных специалистов из МИД России и других организаций и ведомств. В работе ФПК задействованы ведущие профессора Академии, покрывающие значительную часть занятий, в том числе на иностранных языках. В числе профессоров Дипломатической академии работают бывшие чрезвычайные и полномочные послы, посланники и генеральные консулы, имеющие ученые степени и обладающие большим практическим опытом работы. Среди преподавателей заслуженные деятели науки и дипломатической службы, признанные ученые.

– На что Академия обращает особое внимание при подготовке будущих дипломатов?

– Особое направление работы здесь – это, безусловно, расширение общего кругозора путем совершенствования и углубления теоретической подготовки по общественно-политическим и страноведческим дисциплинам, овладение искусством устного выступления. Главная формула успеха в данном плане видится в сочетании приобретения научных знаний с развитием творческого мышления, являющегося непременным условием соответствия нынешних поколений российских дипломатов целям и задачам, стоящим сегодня перед Россией на международной арене. В Академии имеется своя уникальная методика, которая совершенствовалась десятилетиями на основе лучших практик МИДа и посольств.

– В чем отличие современной внешнеполитической повестки дня от конца прошлого века? И как это учитывается в повышении квалификации дипломатов?

– На мой взгляд, это непрерывное увеличение «удельного веса» тем, порождаемых последствиями промышленно-экономической и научно-исследова-

тельской деятельности человечества, отражающейся на окружающей среде, природе и климате. В их числе, прежде всего, комплекс взаимосвязанных вопросов, составляющих такое понятие, как «устойчивое развитие», борьба с углеродными выбросами в атмосферу, противодействие различного рода природным и техногенным катастрофам, обеспечение продовольственной безопасности, развитие искусственного интеллекта.

Более осязаемую остроту приобретают и глобальные темы, имеющие социальные корни, особенно в том, что касается обеспечения продолжительности жизни человека, здравоохранения, демографии и миграции, защиты прав человека. Последняя пандемия COVID-19 представляет собой разительный пример того незадействованного дипломатического резерва, который существует в области международного сотрудничества в данной сфере.

При всем при этом российская глобальная повестка продолжает уделять приоритетное внимание проблемам, связанным с поддержанием международной стабильности и международной безопасности, устойчивости государственных образований. Их актуальность возрастает в условиях осложнения международной и региональной напряженности, роста недоверия между странами. Комплексная проблема ядерной безопасности и сокращения вооружений, противодействия международному терроризму, сдерживания региональных конфликтов остается в числе основных в российской повестке.

– Скажите, пожалуйста, Вы никогда не задумывались, каким будет дипломат, скажем, через 20–30 лет?

– Очень важная тема. Сейчас Академия как раз работает над докладом на эту тему. Речь не идет о футурологическом прогнозе, но тем не менее хочется представить, насколько изменится облик этой профессии, скажем, в 2050 г.

Дело в том, что мир меняется. Меняется не раз в 10 лет, а стремительно, ежегодно, а вместе с ним меняются методы и формы работы дипломата. Происходит это в первую очередь с учетом быстроразвивающегося научного и технологического прогресса, изменений в политической, экономической и международной обстановке и множества других факторов.

Надеюсь, что дипломат будущего будет еще более квалифицирован и образован, чем сегодняшшний сотрудник внешнеполитического ведомства. Это должен быть человек с широким кругозором, с самым многообразным набором знаний, причем из самых разных сфер: от гуманитарных до технических. На мой взгляд, дипломат будущего будет представлять собой собирательный образ политолога, историка, географа, инженера, ученого, журналиста и многого другого. По крайней мере, он должен хорошо ориентироваться в этих сферах.

И уверен, это будет человек высокой культуры, хорошо разбирающийся в литературе, искусстве, живописи, музыке. Это, конечно же, будет лингвист. Никакие переводчики не заменят реальных знаний иностранного языка, а через него и культуры. Если сейчас речь идет о необходимости отличного знания двух иностранных языков, то такие требования возрастут как минимум до 3–4. Кстати, в Академии многие студенты уже не ограничиваются двумя языками.

На эту тему можно говорить очень много, но хотелось бы подчеркнуть главное: дипломат будущего должен быть прекрасным аналитиком, умеющим собирать и анализировать информацию, предлагать правильные решения. Нет нужды говорить о том, что дипломатическая профессия останется в ряду интеллектуально элитарных. Специалист-международник должен быть не только знающим, но и преданным своему делу и родине дипломатом, умеющим аргументированно отстаивать национальные интересы своей страны.

– Заменит ли дипломата будущего «цифровой аватар», который будет хорошо знать все позиции государства и аргументированно их излагать?

– Не думаю, что это произойдет, пока будет существовать сегодняшняя цивилизация. А вот усилить информационно-аналитическое обеспечение дипломата нужно обязательно.

Речь идет о создании специальных информационных алгоритмов, которые позволят расширить знания дипломатов по всем вопросам, которые и составляют сегодня международную повестку дня. А их тысячи. Ни один вуз уже не может дать этих знаний комплексно. Это просто невозможно. А вот создать «информационного аватара», который предоставит Вам требуемую информацию и уже используемые аргументы для ведения переговоров либо же просто для беседы и обмена мнениями, нужно обязательно. Это одна из крупных задач, которую предстоит решить внешнеполитическому ведомству в ближайшей перспективе. Насколько мне известно, такая же задача на повестке есть и у многих других стран. И каждый, наверное, будет создавать своего «аватара» исходя из имеющегося опыта и традиций, а главное, возможностей.

**ПОСТ-
СОВЕТСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО**

ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ОПАСНОСТЕЙ – ВОССОЗДАНИЕ ЕДИНЫХ ВРАЖДЕБНЫХ ПОДХОДОВ США И ЕВРОПЫ К РОССИИ

В.Н. Казимиров – Чрезвычайный и Полномочный Посол России, руководитель посреднической миссии России, полномочный представитель президента Российской Федерации по Нагорному Карабаху и сопредседатель Минской группы ОБСЕ от России (1992–1996 гг.), член РСМД

– Владимир Николаевич, что бы Вы назвали основными успехами внешней политики России за последние 10 лет?

– Бесспорных успехов не так много, но их надо особо ценить. Я бы к ним отнес возвращение Крыма, поступательное развитие наших связей с КНР, создание новейших типов оружия и фиксацию позитивной позиции РФ по ограничениям вооружений массового поражения (в частности, продление СНВ-3, мораторий на размещение ракет средней и меньшей дальности наземного базирования). Есть также немало того, что можно назвать полезными подвижками в наших внешних делах, однако иногда они требуют пристального внимания в дальнейшем. Тут можно назвать Сирию и влияние на Ближнем Востоке, пресечение войны в Карабахе, политику в Арктике и даже совсем неоднозначные отношения с Турцией и Ираном, развитие структуры БРИКС. Можно указать и импортозамещение во внутренней политике, что полезно и для внешней. В целом дипломаты широкого профиля дают слишком общую оценку достижений и проблем – гораздо ценнее мнение компетентных специалистов в каждой данной области.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Одна из главных опасностей – воссоздание единых враждебных подходов США и Европы к России, смягчение расхождений между ними на этой почве, а также покорность европейцев диктату США. Если Европейский союз не наладит связи с Россией, то наша страна будет строить взаимовыгодные двусторонние отношения с влиятельными государствами Европы. В сложном современном мире нужна более тщательная подготовка новых шагов и более внимательная реакция на происходящее.

– Учитывая сложную ситуацию сразу в нескольких постсоветских республиках, будет ли меняться политика России в отношении всего региона, стоит ли ожидать, что он станет более приоритетным?

– В последние годы остро встал вопрос о том, как воспринимать многовекторность внешней политики близлежащих государств. В какой мере это лишь объективное следствие независимости? На постсоветском пространстве стоило бы усилить акцент на стратегических связях наших стран, на общем понимании ими новых опасностей в мире и в регионе, на деятельности ОДКБ. В этом и должен быть приоритет наших связей.

– Какими Вы видите будущее двусторонних отношений Армении и Азербайджана? Стоит ли ожидать очередной эскалации конфликта или стороны придут к новому формату сосуществования?

– Трудно поверить пока в оба эти варианта. Новое осложнение конфликта вряд ли возможно из-за географического положения Армении и ряда преимуществ ее соседей-недрузгов. Вряд ли быстро достигим тут и новый формат сосуществования, хотя что-то в этом направлении сделано Россией. Пожалуй, неопределенность в этом регионе останется на какое-то время.

Стоит вспомнить, что отношения Армении и Азербайджана не были простыми с начала прошлого века и были полностью травмированы двумя войнами в Карабахе: в 1990-е гг. и в 2020 г. Первый в СССР вооруженный этнический и территориальный конфликт между ними (вскоре были и другие) удалось завершить России лишь более двух лет спустя – 12 мая 1994 г. прекращением огня и переходом к переговорам. Перемирие было бессрочным (по умолчанию), держалось более 26 лет. Переговоры в рамках Минской группы ОБСЕ шли вяло и трудно.

Но срыв перемирия 27 сентября 2020 г. – акт вероломства Азербайджана при подстрекательстве Турции. Баку лживо говорил о своем «контрнаступлении» – у армян, а тем более у Нагорного Карабаха и сил-то не было для войны по всей линии соприкосновения. И.Г. Алиев хвастал, будто опроверг, что этот конфликт неразрешим силой. Многие заявления и действия тогда выглядели не достойными президента Республики Азербайджан. Он напоказ топтал ногами дорожный указатель с армянской надписью. Не сознавая абсурда, величал свою войну отечественной. Характерно и само начало войны: рано воскресным утром, чтобы противник не мог быстро мобилизоваться (как А. Гитлер напал на СССР 22 июня 1941 г.). Тут почти нет случайностей – множество закономерностей в поиске реванша за 1990-е гг.!

И.Г. Алиев выдавал за предлог (чуть ли не *casus belli*) долгую оккупацию армянами земель Республики Азербайджан. Но многие забыли, как ее расширяли не только армяне, но и сам Баку тем, что считал в начале 1990-х гг., что сломит армян силой. Вопреки четырем резолюциям СБ ООН, где прекращение огня было самым первоочередным требованием, Азербайджан упорно продолжал бои, теряя район за районом. Когда Россия, США, Италия и даже Турция призвали выполнить первую резолюцию 822 (30 апреля 1993 г.), то армяне согласились, а Баку даже не дал ответа. Тогда под контролем армян были лишь два района Азербайджана: Лачинский и Кельбаджарский (оба находятся между Республикой Азербайджан и Нагорным Карабахом), а к резолюции 884 (12 ноября 1993 г.) – уже семь районов (пять целиком, два частично). Именно из-за продолжения войны со стороны Баку армяне и не спешили освободить захваченные земли, надеясь на переговоры. Сначала азербайджанцы, а уже затем армяне сорвали выполнение наказов СБ ООН. Парадоксально, что со-автор этой оккупации – Баку – тщетно ищет в ней *casus belli*. Он и не имел права грубо, вероломно сорвать бессрочное перемирие. Многие столицы верно оценили агрессию Республики Азербайджан.

– Как Вы оцениваете роль России в урегулировании конфликта между Арменией и Азербайджаном? Какой будет дальнейшая роль России в урегулировании конфликта?

– Роль России в пресечении войны, безусловно, была решающей (и не в первый раз). Вряд ли всем безразлично, кто развязал вторую войну в Карабахе. Будучи главным посредником, официальная Москва об этом ни слова не сказала, что еще можно понять. Но общественность вправе знать истину. Как молчать о том, что 44 дня войны имели более 6 тыс. жертв, вдвое больше раненых и массу разрушений. России важно, чтобы соблюдалось все, что было согласовано 9 ноября 2020 г. Но ведь и перемирие 1994 г., также достигнутое Россией, поддерживалось сопредседателями и членами Минской группы ОБСЕ. В срыве перемирия и войне виноват И.Г. Алиев – президент Азербайджана и главнокомандующий ее вооруженными силами.

Другой виновник – Турция. Она явно подстрекала Азербайджан, помогала ему. СБ ООН не отменял резолюций 874 и 884, в которых призвал все государства региона «воздержаться от любых враждебных актов и от любого вмешательства, которые привели бы к разрастанию конфликта и подорвали бы мир и безопасность в регионе». Турция же вмешивалась, лезла в дела Закавказья, пытаясь восстановить там свою давнюю роль.

Цель Минской группы ОБСЕ – мирно разрешить этот конфликт. Анкара игнорировала эту цель. Отношения с ней требуют особой аккуратности. Нель-

зя верить этому партнеру, обольщаться тем, что его неоднозначно воспринимают в НАТО.

Важное достижение – миссия российских миротворцев в Карабахе. Это допускал и Г.А. Алиев, но на своих условиях. Деятельность наших миротворцев уже ценится. Скандинавы явно не имели бы таких возможностей. Стоит подчеркнуть, что так пока и не решен вопрос о самом Нагорном Карабахе. Это потребует немало времени и особого внимания. Не совсем уверен, что на это хватит пяти первых лет.

РОССОТРУДНИЧЕСТВО БУДЕТ РАБОТАТЬ УВЛЕЧЕННО

Е.А. Примаков – Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества), член РСМД

– Евгений Александрович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Она стабильна и предсказуема, и она активна. И, возможно, даже чуть более успешна, чем многое другое, что нам удастся сделать в области промышленной политики и в других областях, потому что на внешнем периметре именно благодаря нашей внешней политике и Министерству иностранных дел, а в первую очередь, конечно, благодаря президенту – создателю внешней политики – нам удалось напомнить окружающему миру о том, что проблемы глобальные невозможно решить без нас, а с нами – можно. Это касается, естественно, ситуации в Сирии, которую стабилизировала именно Россия. Это касается и иранской ядерной сделки, в которой мы были, так сказать, коспонсором, а также многих других ситуаций, когда Россия выступала как медиатор, как поставщик безопасности – глобальной и стратегической. Наша страна одна из двух крупнейших ядерных держав мира. Даже исходя из этого, перед Россией лежит огромная ответственность за сохранение глобального мира и стратегической стабильности. И, конечно, никогда нельзя забывать, что Россия – великая мировая держава. Наша внешняя политика подтверждает это.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, о глобальном системном кризисе. На ваш взгляд, с какими главными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Стратегическая причина той неопределенности и турбулентности, которую мы проходим – это смена лидерства и абсолютное утверждение многополярности мира в международных отношениях. Но при этом присутствует абсолютная неготовность мириться с этим прошлых лидеров. Это видно в том, как сейчас они политическими и военно-политическими средствами пытаются зацепиться за рынки капитала, труда, ресурсов, сбыта и т.д. Эта схватка ожесточенная, и чем больше они отдаляются от лидерства (в первую очередь США и та плеяда государств, которые следуют в их фарватере, главным образом, Евросоюз), чем больше они понимают, что теряют глобальное лидер-

ство, которое опиралось, как мне кажется, в течение нескольких веков на их военное превосходство, а потом и экономическую мощь. Вот теперь, чем больше они теряют это лидерство и чувствуют это, тем ожесточеннее эта борьба становится. К чему это приведет? Мы видим дезинтеграционные процессы, которые спонсируются в ходе этой борьбы. Мы видим смену режимов, которая поддерживается в контексте этой борьбы. Есть еще и классические вызовы, связанные с наличием и распространением оружия массового поражения. А также такие беды, открытые нами в 2020 г., как пандемии. Отсюда – необходимость работать с биологическими угрозами. Можно также сказать о загрязнении окружающей среды. Плюс вопрос изменения климата. Есть ученые, которые отрицают его, но, тем не менее, мы видим все меньшую доступность питьевой воды и сельскохозяйственных ресурсов. Поэтому мир меняется, и это изменение будет продолжено. Тем важнее становится Россия с ее предсказуемостью, природными ресурсами и ядерным арсеналом как один из гарантов глобальной безопасности.

– Если говорить о вызовах для России, то какие они?

– Для России – это дестабилизация стран на ближнем периметре. Это то, из-за чего мы сейчас страдаем. Надо понимать, что, возможно, санкции против России начались с использования Украины как предлога. Я полагаю, что рано или поздно был бы другой предлог и были бы те же самые санкции. Тем не менее понятно, что Украина была «подожжена» для того, чтобы у России появилась рана и Россия «истекала кровью». Образно говоря. То, что происходит там – это серьезная угроза и нашей безопасности. И то, что происходит в других местах пространства бывшего Советского Союза тоже угрожает безопасности нашей страны. Я имею в виду и физическую безопасность, и демографическую, и экономическую и т.д. Я думаю, что вряд ли в ближайшие годы это поменяется.

– Учитывая сложную ситуацию в нескольких постсоветских республиках, говоря о наших границах, будет ли меняться политика России в отношении в целом постсоветского региона и стоит ли ожидать, что это получит еще больший приоритет чем раньше?

– Да, Вы абсолютно правы в том, что приоритет большой. Но нужно, чтобы российская внешняя политика в отношении этого самого ближнего периметра – пространства бывшего СССР – становилась все более и более прагматичной. С течением времени проходит ностальгическое очарование от Советского Союза. Этот процесс неизбежен. Однажды В.В. Путин уже гово-

рил, что у того, кто не жалеет о крушении Советского Союза, нет сердца, а у того, кто желает его восстановить, нет мозгов.

Все больше становится ясно, что надо окончательно избавляться от этих иллюзий и строить свою политику в отношении приграничных и не приграничных стран. Молдавия же не граничит с Россией? Это тоже пространство бывшего СССР и тоже важная для нас страна. Соответственно, нужно строить свою политику в отношении этих стран, исходя из своих национальных, внутренних интересов. В число этих интересов входит их дружелюбное отношение к нам, их мирное состояние, их торговля с нами, положение русскоговорящего населения в этих странах, отношение в этих странах к русскому языку, неучастие в военных блоках, которые нам угрожают. Безусловно, весь этот набор, в котором отчасти есть еще и ностальгия по общему прошлому, но ностальгия по общему прошлому стремительно исчезает.

– Россотрудничество вступает в новый этап своей деятельности. Кто-то говорит, что своей истории. Какой это будет этап и какие цели ставит руководство?

– Оно не то, чтобы вступает, оно уже вступило. Россотрудничество меняется. Пока что это все похоже на старую строчку из песни, что «есть у революции начало, нет у революции конца». Мы преобразуемся, и мы все время будем меняться под какие-то конкретные нужды, конкретные запросы, конкретные вызовы.

Появляется социально-гуманитарное измерение в нашей работе – то, чего раньше не было просто потому, что мы традиционно исходили из представления «гуманитарного» как чего-то не относящегося к области точных естественных наук. То есть, есть математика, физика, химия, а есть «гуманитарное». Это не очень правильно, потому что во всем мире «гуманитарное» означает сфокусированность на нуждах и потребностях человека, на качестве его жизни, на его правах и т.д. Что содержит в себе и культурный компонент, и образовательный, и его социальную безопасность, и защищенность прав человека, и прав сообществ, ценностная тематика. Все это описывается вопросами гуманитарной политики, и мы будем правильно трактовать этот термин.

Нам хотелось бы, и мы собираемся все больше этим заниматься, больше фокусироваться на вопросах содействия международному развитию, которые не являются чем-то отвлеченным, но отвечают национальным интересам России. Ни одна страна мира (из крупных игроков) никогда не говорит о том, что она хотела бы заниматься вопросами содействия международному развитию из-за, так сказать, красоты этого термина и уважения просто к жизни на Земле. Это всегда инструмент, в том числе, продвижения национальных интере-

сов, и я считаю, что странно было бы лукавить и говорить, что это не так. Просто в число наших национальных интересов входят такие базовые ценности, которые можно называть национальными идеями.

Мы же все время прибываем в поиске национальной идеи. На самом деле, не надо ее искать, она уже давно есть. Это мир, защита мира, защита справедливости, вопросы развития нашей страны, родины и как часть, наверное, защиты мира – экспорт безопасности и поддержка суверенитета других стран. С этой повесткой мы будем двигаться дальше, работать. Это те национальные интересы, которые нужно декларировать и не делать вид, что мы просто рядом стояли – играли на скрипочке. Это неправильно.

– Как Россотрудничество будет работать в проблемных регионах, например, на Украине и в Грузии, чтобы вернуть добрососедские отношения их жителей к России?

– Я бы сказал, «будет работать увлеченно».

– Это, конечно, хорошо, но мы знаем, что сейчас есть ряд конкретных мер, которые предпринимаются ведомством...

– Да, смотрите. Везде разные ситуации. Везде надо учитывать конкретный запрос, конкретную актуальность того или иного проекта, той или иной гуманитарной политики, в каждой конкретной стране, в каждый конкретный момент.

Разница есть даже между такими очевидно антироссийски настроенными государствами как Грузия и Украина. Заметьте, я сейчас говорю не про украинцев и грузин. Я говорю про государственные образования, которые к нам очень некомплементарны, мягко говоря. В Грузии нет представительства Россотрудничества. На Украине оно как бы есть, но, судя по последним указам В.А. Зеленского, уже как бы и нет. Тем не менее, что схоже и там, и там – уже выросла довольно крикливая прослойка людей, и она достаточно большая, которые будут старательно срывать любые попытки деконфликтинга. Это абсолютно очевидно. Мы это видим ежедневно из того, что там происходит на улице.

Например, сейчас, когда наше представительство попало под санкции на Украине, самая главная для нас забота – это, чтобы не пришли какие-то люди с покрывками и просто не спалили наше здание. Такие вопросы, которые, в принципе, до 2014 г., в 2012-2013 г. было тяжело представить. Сейчас – да. Мы озабочены безопасностью наших сотрудников. Работать как? Ну да – увлеченно и более изобретательно, наверное. Я не считаю, что мы должны строить

свою работу только там, где есть официальное межправительственное соглашение и представительство. У нас есть в каждой стране люди, сообщества, НКО, которые симпатизируют России, которые говорят, что надо дружить с Россией, надо общаться с Россией, надо торговать с Россией, надо учиться у России и т.д. Причем это не агенты Кремля, как их преподносит пропаганда, а люди, которые строят мосты между нашими странами. И нужно искать способы поддержки их там, где мы даже не представлены. Будет ли это их какое-то сообщество, которое откроет культурный центр, будут ли это образовательные программы, которые они сами придумают. Будем стараться искать союзы. Наша работа – это поиск союзов. И они есть.

ОСЛОЖНЕНИЕ СИТУАЦИИ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИШАЕТ РОССИЮ СВОБОДЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МАНЕВРА

Г.А. Рапота – государственный секретарь Союзного государства России и Белоруссии, член РСМД

– Григорий Алексеевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– К числу наиболее заметных успехов внешней политики я бы отнес в первую очередь воссоединение Крыма с Россией. Тем самым была восстановлена историческая справедливость, соответствующая – как показали результаты референдума в Крыму – чаяниям жителей полуострова.

Очевидным успехом, как представляется, стало также завершение военной операции в Сирии, в результате которой были разгромлены боевые силы экстремистов, сохранена целостность страны и восстановлена политическая стабильность в регионе.

Урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта также продемонстрировало эффективность внешней политики России, сыгравшей решающую роль в качестве посредника в прекращении военных действий между Арменией и Азербайджаном

Можно также выделить придание некоторой положительной динамики развитию интеграционных структур ЕАЭС и Союзного государства. В 2012 г. вступили в силу 17 базовых соглашений о формировании Единого экономического пространства, с 1 января 2012 г. начал функционировать новый исполнительный орган – Евразийская экономическая комиссия, а с 1 января 2015 г. начал работу Евразийский экономический союз. В Союзном государстве подписано соглашение о взаимном признании виз, принята новая редакция военной доктрины и подготовлен пакет «дорожных карт» по дальнейшему развитию Союзного государства.

В течение последних 10 лет получили развитие российско-китайские отношения. Сегодня они вышли на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и представляют собой новый тип отношений между великими державами, которые следуют исторической логике, соответствуют национальным интересам обеих сторон и демонстрируют стратегическую тенденцию устойчивого развития. Особо хочу отметить, что 2020–2021 гг. объявлены годами российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества.

– Сегодня уже традиционными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Вызов первый и, на мой взгляд, главный – опасность технологического и экономического отставания России от главных конкурентов в этой области – США, Китая, объединенной Европы. Необходимо не допустить этого, исходя из того, что мощная экономика, опирающаяся в современном мире на высокие технологии, значительно усиливает внешнеполитические возможности страны.

Вызов второй – рост напряженности в современной международной обстановке. Здесь в первую очередь стоит задача добиваться стабильности и предсказуемости в отношениях с США и Европой.

Вызов третий – эпидемии, последствия глобального потепления, международный терроризм, киберпреступность, распространение наркотиков и иные виды преступлений. Без объединения усилий международного сообщества в борьбе против этих общих угроз человечество будет поставлено на грань выживания.

Вызов четвертый – возможное снижение роли международных организаций и союзов, прежде всего на постсоветском пространстве. Необходимо добиваться их укрепления и развития и в первую очередь тех, где активным, а иногда и ключевым участником является Россия: СНГ, ЕАЭС, Союзное государство, ШОС, БРИКС.

– Учитывая сложную ситуацию сразу в нескольких постсоветских республиках, будет ли меняться политика России в отношении всего региона, стоит ли ожидать, что он станет более приоритетным?

– Отношение к своим ближайшим соседям у России должно, как представляется, строиться в соответствии с приоритетами национальной безопасности, которые, по моему мнению, выстраиваются в следующей последовательности:

- обеспечение внутренней стабильности и основанного на этом устойчивого развития;
- «комфортная среда обитания» в среде своего ближайшего окружения – приграничных стран, в число которых, конечно же, входят страны СНГ;
- отношения с великими прежде всего ядерными державами.

В применении к российской внешней политике можно сказать, что реализация первой приоритетной задачи облегчает решение двух других, а до-

стижение целей в рамках второго приоритета усиливает наши позиции при решении третьей задачи.

Осложнение ситуации в странах постсоветского пространства лишает Россию свободы внешнеполитического маневра при решении других задач, а потому будет требовать особого внимания.

– Как будут меняться отношения России и Белоруссии после массовых волнений в последней? Возможно ли сохранение Союзного государства или этот формат взаимоотношений будет пересмотрен?

– Массовые выступления в Белоруссии рассматриваются российским руководством как еще одна попытка дестабилизировать ситуацию в стране – ближайшем союзнике России – с использованием технологий так называемых цветных революций. При этом усматриваются попытки распространить этот опыт и на территорию Российской Федерации.

Как показали последовавшие вслед за этим события, российско-белорусские отношения скорее консолидировались в борьбе с общим злом, чем были ослаблены им. Более того, анализ недавних переговоров на высшем уровне позволяет сделать вывод о том, что события в Белоруссии подтолкнули страны к дальнейшему развитию отношений, в том числе в рамках Союзного государства.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

НЕ ХОЧЕШЬ МЕНЯТЬСЯ – ПОЛУЧИШЬ Д. ТРАМПА: УРОК УХОДЯЩЕЙ ЭПОХИ

В.Н. Гарбузов – д.и.н., директор Института США и Канады РАН, член РСМД¹

– Валерий Николаевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– К реальным крупным результатам последнего десятилетия можно было бы отнести возвращение России на мировую геополитическую арену в качестве самостоятельного актора, вновь обретшего статус великой державы, что, правда, сопровождалось неизбежным усилением конфронтации с США и их союзниками.

Рост в XXI в. мировых цен на энергоносители и усиление роли государства стимулировал выработку новой энергетической стратегии России – инструмента, направленного не только на обретение собственной финансовой самостоятельности, но и на формирование с ее помощью новых сфер геополитического влияния и новых интеграционных структур.

Ревизия итогов своего собственного внешнеполитического поведения эпохи 1990-х гг. привела не только к определенным результатам (присоединение Крыма), но и принесла с собой ощутимые издержки в виде созданной США антироссийской коалиции, экономических санкций, направленных на долгосрочное торможение России, а также зашедшего в тупик урегулирования в Донбассе. Вместе с тем массированный отпор Запада вынудил Россию осваивать евразийское геополитическое пространство, а затем «развернуться» на Восток. Таким образом, неудачи России на западноевропейском направлении и продолжающиеся бои за сохранение влияния на постсоветском пространстве в какой-то степени были компенсированы ее успехами на поднимающемся Востоке.

Азиатский вектор внешнеполитической активности России направлен не только в сторону Китая, но и по направлению к Индии, Японии, Республике Корея, выступающих в роли мощных потенциальных инвесторов и импортеров. Развитию этих контактов способствуют новые интеграционные структуры, созданные по инициативе и при участии России (ЕАЭС, ШОС, БРИКС, РИК). Но для закрепления этого поворота необходимы постоянные усилия, направленные на то, чтобы сделать его необратимым. Стоит учесть и то, что

¹ В интервью были использованы идеи, высказанные ранее автором в статьях: Изгнание Трампа, или Три урока уходящей эпохи // Независимая газета. Дипкурьер. 15.11.2020. https://www.ng.ru/courier/2020-11-15/9_8014_usa1.html; Подошли ли отношения России и США к грани разрыва // Независимая газета. Дипкурьер. 28.03.2021. https://www.ng.ru/courier/2021-03-28/9_8113_usa.html

безоглядный разрыв с Западом явно не в интересах России, и когда-то ситуация здесь должна будет измениться.

Начав в 2015 г. военную операцию в Сирии, Россия проявила себя и как успешный глобальный игрок, способный в противоречивой региональной среде Ближнего Востока разрешать сложные мировые конфликты и отстаивать собственные интересы. К числу успехов следует отнести также и урегулирование Россией нагорно-карабахского конфликта в 2020-2021 гг.

Однако стремление России удержать свое влияние на постсоветском пространстве, намерение остановить расширение НАТО, усилия, направленные на создание собственных геополитических полей почти по всему земному шару, сопровождаются и часто оборачиваются развалом сложившегося механизма регулирования конфронтации с Западом. При этом надо понимать нынешние реалии: появление России в разных регионах мира не всегда воспринимается позитивно. Зачастую ее рассматривают как нежелательного и запоздалого конкурента, а это создает почву для нового витка конфронтации.

Следствием этого стало негативное восприятие России и ее внешней политики как на уровне мировых элит, так и в массовом сознании. По данным опросов, проведенных социологическим центром «Пью» летом 2020 г., лишь 29% населения ведущих стран мира высказывалось о России в позитивном ключе. Подавляющее же большинство (66%) относилось к ней негативно.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Новая мировая неопределенность связана с новыми вызовами, к которым человечество оказалось не вполне готово. Прежде всего, следует отметить самое масштабное после распада СССР изменение баланса сил в мире, вызванное экономическим и политическим усилением и возвышением Китая и внешнеполитическим поведением России, воспринимаемым на Западе как агрессивное и реваншистское. Это обстоятельство, а также формирующаяся многополярность приводят в движение остальные центры силы полицентричного мира, стремящиеся к реализации собственных интересов. В результате в нем складываются конфронтационные оси различного масштаба, которые и способствуют этой самой мировой турбулентности. Это в свою очередь рождает ответную реакцию, в частности стремление сдерживать Китай и Россию, угрожающие прежде всего доминированию США и былому преимущественному положению Западу. И именно такая политика сдерживания, на-

правленная на торможение развития, и есть серьезный и главный вызов для современной России.

Другие вызовы для России, как и для многих стран, формируются сразу в нескольких сферах: эпидемиология, информатизация, киберугрозы, зеленые технологии, новые виды вооружений и пр. А к ним Россия страна не готова. Причем приоритеты этих угроз и вызовов определяются зачастую не их стратегическим планированием, а складывающимися обстоятельствами. И пример нынешней пандемии – тому свидетельство. Неожиданно ворвавшись в нашу жизнь, она сразу же сместила приоритеты в перечне тех угроз, которые воспринимались как главные в течение последних лет, отодвинув на задний план ядерную угрозу, угрозу терроризма, климатические проблемы и пр.

– Что Россия и США могли бы предпринять уже сейчас для минимизации/преодоления кризиса в двусторонних отношениях?

– Для того, чтобы преодолеть кризис, в котором оказались США и Россия, обе стороны должны кое-что изменить прежде всего в своем внешнеполитическом поведении. Как только придет осознание, что обе державы несут равную обоюдную ответственность как за все случившееся, так и за будущее, только тогда можно будет говорить о начале преодоления двустороннего кризиса. Но, по-моему, ни США, ни Россия к этому пока еще не готовы.

Взорвавшее информационное пространство интервью Дж. Байдена Дж. Стефанопулосу, с необыкновенной легкостью вытянувшего у американского президента возмущивший многих утвердительный ответ, быстро перекроил поле для возможных маневров со стороны России. Что делать в создавшейся ситуации, каким должно (или может) быть ее дальнейшее поведение? Причем в условиях нарастающих санкций, продолжающейся информационной войны и политики сдерживания – всего того, что уже годами блокирует Россию.

Честно говоря, модели ее внешнеполитического поведения в создавшихся новых условиях крайне ограничены, но они все-таки есть:

Политика стратегического терпения. Она исходит из того, чтобы не поддаваться на мелкие провокации и не позволять внешней силе втягивать себя в ненужные конфликты. Такая политика характеризуется наличием сильного рефлексующего элемента, использованием самоанализа с целью поиска причин происходящего, а также выстраиванием продуманных вариантов поведения, детальным просчитыванием возможных ходов и принятием взвешенных окончательных решений. Подобная линия поведения, хотя явно и замедляет сам процесс их проработки, все же позволяет избегать непродуманных и импульсивных действий, которые невольно могут втянуть в глубокий и длительный конфликт.

Политика избирательного взаимодействия. Во взаимоотношениях с оппонентом она выдвигает на передний план холодный расчет и собственный государственный интерес. Несмотря на общую конфронтационную канву двусторонних отношений, логика поведения действующего в таком направлении мирового актора предполагает сотрудничество в тех областях, в которых его собственный интерес уже сформирован. Именно этой стратегии по отношению к России, судя по всему, и собирается придерживаться администрация Дж. Байдена. Подобной же тактики (в рамках зеркального ответа), очевидно, должна следовать и Россия.

Политика взаимных уступок. Это традиционный и универсальный способ разрешения затянувшегося межгосударственного конфликта посредством взаимных эквивалентных уступок. Она предусматривает частичное удовлетворение интересов обеих сторон путем **взаимного** отказа от ряда собственных требований или позиций и выработку усредненного компромиссного подхода. Такая модель позволяет двум противоборствующим сторонам скорректировать собственное внешнеполитическое поведение и начать диалог и движение навстречу друг другу. Но пока обе стороны явно не склонны идти в этом направлении.

Конечно, ни одна из приведенных выше моделей не является идеальным способом выхода из создавшейся ситуации, а вернее из того сложного конфронтационного процесса, участниками которого оказались сегодня США и Россия. Только разумное сочетание различных элементов этих стратегий взаимодействия способно подвести обе стороны к взаимовыгодному диалогу и восстановлению доверия. А вместе с этим позволит избежать полного развала российско-американских отношений, приблизившихся за последние дни к опасной черте – грани разрыва.

– Какова была роль Д. Трампа для республиканской партии США? Какой партия будет без Д. Трампа? На Ваш взгляд, нуждается ли данная партия в реформировании? Какие реформы можно ожидать к 2024 г.?

– Уроки из нежданного «пришествия» Д. Трампа должны извлекать все. И прежде всего республиканцы, которые стали его первой жертвой еще на этапе праймериз. А самый главный и универсальный урок таков: не хочешь меняться – получишь Д. Трампа. То, что Республиканская партия в силу своего консерватизма и инертности не реформировалась десятилетиями, в итоге обернулось «Движением чаепития», а позже бунтом Д. Трампа, взорвавшим изнутри всю ее некогда размеренную и спокойную жизнь.

Сама громкая победа Дональда Трампа в 2016 г., несмотря на неожиданность, была все же закономерна. Его пришествие явилось результатом целого

комплекса процессов и явлений, происходивших в США на протяжении длительного времени. Глобализация экономики и ее последствия, в частности перенос производства к более дешевым источникам сырья, рабочей силы и рынкам сбыта, привели к изменению положения и недовольству среди ряда сегментов американского общества, что вылилось в изменение их электоральных предпочтений.

Накопление на протяжении десятилетий проблем в иммиграционной сфере, в системах здравоохранения и социального обеспечения, привело к формированию той критической массы противоречий, наличие которых препятствовало прогрессу и способствовало в конечном счете избранию Д. Трампа.

Не менявшаяся на протяжении десятилетий Республиканская партия оказалась поражена тремя кризисами одновременно:

- Электоральным (неумолимо сокращающийся электорат республиканцев не оставлял им надежды);
- Кризисом программных установок (которые, в силу консерватизма партии, не обновлялись десятилетиями);
- Кризисом лидерства (неспособностью найти и выдвинуть такого лидера, который смог бы, как в свое время Р. Рейган, стать знаменем консервативных сил, объединяющим их и страну в целом).

Сторонящаяся перемен и реформ неповоротливая республиканская партийная элита неизбежно должна была столкнуться с внутренним противодействием. И такой внутрипартийной сопротивляющейся силой оказался не обладавший навыками государственного управления популист, миллиардер и шоумен Дональд Трамп. Ворвавшийся в американскую политику подобно метеориту он стал действовать быстро и решительно, взбаламутив и заполнив собой все ее перенасыщенное давним межпартийным противостоянием пространство.

Устроив внутрипартийный бунт и вступив в битву за Овальный кабинет, обещая «вернуть власть народу», он сумел легко обойти на республиканских праймериз 2016 г. всех своих конкурентов. Несмотря на сопротивление партийного руководства, добившись номинации на партийном съезде и, впоследствии оттянув на себя часть электората Демократической партии, Д. Трамп одержал шокировавшую всех победу над кандидатом демократов Х. Клинтон.

Таким образом, неспособность бюрократии своевременно меняться и менять страну обернулась пришествием Трампа, оказавшегося в результате политическим раскольником, ставшим мощным внутренним взрывателем как Республиканской партии, так и всего американского общества с его традиционным двухпартийным консенсусом.

Восприняв это как настоящую катастрофу для страны, либеральная Америка, применяя доступные инструменты (прессу, конгресс, бюрократию,

расследование спецпрокурора, импичмент), стала делать все возможное для откровенной дискредитации и отрешения от власти этого чужеродного политического явления. Но, перестав быть действующим президентом, Д. Трамп остался лидером Республиканской партии. Он намерен вновь вступить в бой в 2024 г. и победить. Сумеет ли Д. Трамп повторить свой успех, неизвестно. Но сейчас ясно одно – чтобы выжить Республиканская партия должна преодолеть все вышеназванные проблемы и изменить себя.

НЕ ВЫРВАТЬ ПОРАЖЕНИЕ ИЗ РУК ПОБЕДЫ

С.А. Караганов – д.и.н., научный руководитель – декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, член Научного совета при Министре иностранных дел России, член научно-консультативного совета при Совете безопасности РФ, почетный Председатель Президиума СВОП, член Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, член РСМД

– Сергей Александрович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Российская внешняя политика развивалась крайне успешно до 2017 г. С 2010 по 2017 гг. мы выполнили вторую задачу нынешнего тысячелетия, которая стояла перед нами. Первая была «встать с колен», вторая – вернуть себе статус великой державы. Россия это сделала. Она остановила продвижение НАТО на восток и, таким образом, предотвратила казавшуюся весьма вероятной большую войну, которая бы неизбежно произошла, если и когда состоялось бы вхождение Украины в НАТО. В Сирии Россия, продемонстрировав новую мощь вооруженных сил, серьезнейшим образом укрепила ядерное сдерживание и мир, остановила волну навязывавшихся цветных революций. Но с 2017–2018 гг. российская внешняя политика вышла на плато. Россия не выдвигает новых идей. Поскольку внутренняя база начинает сокращаться, страна может вырвать поражение из рук победы.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– В среднесрочной перспективе главным вызовом является многоуровневая дестабилизация военно-стратегической обстановки – как на военно-техническом уровне, так и на политическом (деградация элит многих стран). Коронакризис обострил социальные противоречия внутри стран и противоречия между ними, поэтому я думаю, что главный вызов – это военно-политическая нестабильность нашей периферии и большие кризисы, которые могут перерасти в глобальную войну.

Второй вызов – это необходимость нахождения новой модели развития нашей страны. Мы уже 10 лет находимся в экономической стагнации, сокращая экономическую базу своей внешней политики, но при этом весь мир – и это проявилось особенно ярко во время нынешнего кризиса – пришел к ис-

черпанию развития существующей модели капитализма, основанной на бесконечном росте материального потребления. То есть нам нужно одновременно решать и проблему роста, и проблему перехода к другой модели развития. Это гигантский вызов – интеллектуальный, политический, экономический, социальный.

– Что Россия и США могли бы предпринять уже сейчас для минимизации/преодоления кризиса в двусторонних отношениях?

– На этот вопрос ответить довольно легко. В идеале – восстановить нормальные цивилизованные отношения, но, по-моему, американские партнеры к этому пока не готовы. Но и без этого можно восстановить некоторые каналы связи, начав, например, формальные разговоры об ограничении отдельных видов вооружений, чтобы «оздоровить» обстановку, которая сейчас является совершенно неприемлемой. Она хуже, чем в худшие годы холодной войны благодаря тому, что в какой-то момент американской элите понадобился искусственный враг. К этому добавилось раздражение по поводу того, что Россия не подчиняется тем мечтам, которые питала в ее отношении американская элита, надеявшаяся, что Россия пойдет в фарватере американской политики. Но, я думаю, пять-шесть небольших шагов, которые можно сделать в области ограничения вооружений, предотвращения конфликтов и налаживания связей и коммуникаций между военными, окажут серьезное оздоровляющее воздействие. На большее надеяться нельзя.

– С кем, на Ваш взгляд, отношения России развиваются и будут развиваться в дальнейшем более успешно: с Западом или Востоком? Нет ли у Вас ощущения, что «поворот на Восток» несколько затянулся?

– Хотелось бы, чтобы у нас были равновеликие отношения и с Западом, и с Востоком. Но в ближайшие годы этого не предвидится по той простой причине, что Запад вошел в системный кризис, Европа вошла в системный кризис, и им нужен враг.

«Поворот на Восток», безусловно, затянулся, благодаря некоторым ошибкам, сделанным в ходе его воплощения, но еще больше из-за того, что значительная часть российской элиты, уже понимая бесперспективность западного направления, тем не менее цепляется за него ментально, почти что генетически.

Сейчас в интеллектуальной сфере по-прежнему наикрупнейшим вызовом для российской политики является Европа- или западоцентризм многих российских элит. Этот западоцентризм, который когда-то был признаком про-

грессивности, является ныне признаком умственной политической отсталости. Но, безусловно, нам нужно интенсифицировать наше сближение с Азией, и главное – развивать не только Дальний Восток, но и Сибирь. Центральная Сибирь – наиболее развитый в интеллектуальном и экономическом отношении регион в России, который пока находится в условиях так называемого континентального проклятья – в отдаленности от важнейших рынков. Нужно включать в азиатский рост всю Сибирь и всю Россию.

ДИАЛОГ БУДЕТ ВОССТАНАВЛИВАТЬСЯ, КОГДА ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ В США ВОЗОБЛАДАЕТ

С.И. Кисляк – член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, член РСМД

– Сергей Иванович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Последние 10 лет были сложными и для России, и в целом с точки зрения обеспечения стабильности в мире. В ряде ситуаций требовались твердые позиции и действия со стороны нашей страны, включая проявление решимости защищать российские интересы. То, как проявила себя Россия, показательно для определения ее места в мире и для ее собственного видения роли, которую она играет. Каждый из нас может перечислить довольно яркие, иногда очень непростые ситуации, где Россия действовала, и действовала хорошо.

Прежде всего надо сказать о том, как Россия с пониманием и решимостью реагировала на стремления жителей Крыма в условиях силового переворота на Украине вернуться туда, куда исторически жители полуострова стремились. Чрезвычайно важно, что мы говорим не столько о территории Крыма, сколько о людях, которые живут в Крыму, об их историческом выборе. В этом огромная разница между российским видением ситуации и тем, как ее разворачивают наши противники. Это были очень решительные, серьезные шаги с нашей стороны. Я считаю, шаги абсолютно правильные, логичные с точки зрения исторической справедливости, логичные с точки зрения уважительного отношения к людям, которые проживают в Крыму.

Другая ситуация, которая требовала наших действий, – ситуация в Сирии. Мы помогли в большой степени восстановить законность и порядок в этой стране, по сути, помогли вернуть ее в более-менее нормальное состояние, решая при этом важные задачи в контексте интересов безопасности России и других стран в борьбе с терроризмом. Особого уважения заслуживает то, насколько наши шаги в Сирии опирались на решимость и отточенный профессионализм наших военных. Все это закрепило возможности России оказывать стабилизирующее влияние на пространстве, которое близко к нашим границам и при иных обстоятельствах могло стать еще большим источником террористических угроз для нашей страны. Я считаю это большим успехом.

Другой успех совсем иного рода, но тоже очень характерный. Я о наших действиях в урегулировании карабахского кризиса. Только Россия могла сделать так, чтобы болезненный и кровавый кризис, который разразился у ее соседей, был завершен оперативно мирными договоренностями. Конечно,

он был завершен в трудных для соседей России условиях, тем не менее, я надеюсь, с результатом, бесповоротно обеспечивающим дальнейшее постепенное, непростое, но мирное решение проблем, которые там существовали десятилетиями. То, что сделала и продолжает делать Россия в этой ситуации, я считаю большим внешнеполитическим успехом. Успехом, в котором были заинтересованы близкие нам народы.

Наверняка, можно было бы сейчас пройти по истории событий последних десятилетий и привести еще немало конкретных примеров ситуаций, в которых Москва действовала с позиции страны, заслуживающей уважение. Однако и в более системном контексте в последние десятилетия, на мой взгляд, за Россией все тверже и тверже закреплялось место великой державы. Как бы ни звучало это высокопарно, но это так. Великой не потому, что Россия крупная страна по территории, населению, экономическому и военному потенциалу, или же страна, которая будет навязывать свою волю другим. Абсолютно нет. У меня другие критерии великой державы – это держава, которая прежде всего устойчива к внешним давлениям, которая способна проводить самостоятельный политический курс и способна отстаивать свои интересы, защищать себя без внешней помощи. Я не выдумывал эти критерии. Скорее, суммировал многое из того, что пишут думающие специалисты.

Другой, если хотите, системный фактор, заключается в том, что за эти десятилетия усилилось доверие российского народа к внешнеполитическому курсу, выросла поддержка внешнеполитической линии России, что я считаю огромным успехом для нашей страны, нашим внутренним успехом, который дает нам силы действовать дальше в таком же ключе.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Я с долей скептицизма воспринимаю рассуждения о «неопределенности», «турбулентности» времени, в котором мы живем. Мир намного сложнее и одновременно проще. То, что происходит, особенно в последнее десятилетие в мире, – это, скорее, процесс исторического переформатирования всей системы, не скажу, что только международных отношений, но всех международных связей, распределения факторов, влияющих на общечеловеческое и межгосударственное общение. Переформатирование носит довольно трудный характер. Претензии американцев на единоначалие в мире исчерпывают себя. Мир меняется, за последние десятилетия выросли серьезнейшие центры, если не военной, то политической, экономической силы. Как бы это не

называли, переход от однополярности к многополярности или полицентричности, мир перестает быть тем, который давал возможность американцам и их союзникам – как мы говорим, «коллективному Западу», – рассчитывать, на управление остальными так, как они считают правильным, в том числе навязывая и внутривнутриполитические решения другим странам. Это уходит. Наши коллеги на Западе не менее профессиональны, чем мы, и, конечно же, они тоже видят и понимают все эти тенденции. Однако далеко не все готовы согласиться, что это процессы, которые должны определять будущее мира в среднесрочной, а тем более в долгосрочной перспективе. То, что мы видим в последние годы – по сути, попытки американцев зацепиться за былые механизмы формирования однополярного мира и сохранить их себе на будущее. Отсюда ставка на «сдерживание» остальных, в том числе России. Сдерживание многокомпонентное, будь то военное, политическое, в том числе за счет развертывания вооруженных сил у наших границ; экономическое, где по большой разметке задействуется механизм санкций, кстати, абсолютно нелегальный с точки зрения международного права. Развернута беспрецедентная пропагандистская война против нашей страны и не только нашей: посмотрите на отношения с Китаем, некоторыми другими государствами. Все это проявление трудностей переходного периода от одной структуры отношений, где Запад и прежде всего американцы рассчитывали, что будут и дальше управлять миром.

– Фактор США уже прозвучал в нашей беседе, как Вы видите приоритеты для России в отношениях с США в ближайшие годы?

– Говоря о приоритетах России, я бы прежде всего исходил из реалий современного мира. США будут стремиться проводить в отношении нашей страны политику сдерживания. Некоторые в США даже начали называть это честнее – политикой «задерживания России в развитии». Это фактор, который так просто никуда не уйдет. Нынешние политические элиты США, да и коллективного Запада в целом, увязли в антироссийском запале. Хотим мы или нет, в ближайшее время нам придется сдерживать попытки американцев оказывать всестороннее многокомпонентное давление на Россию. Я абсолютно уверен, что Россия будет это делать спокойно, неагрессивно, но с уверенностью в собственных силах, и в конечном счете это и будет срабатывать.

Нужно работать над возвращением отношений к нормальности, когда американцы для этого созреют. Я не говорю пока о «партнерстве», я говорю об отношениях на уровне «нормальности», когда мы были бы в состоянии вести честный серьезный диалог по существующим проблемам, диалог на основе взаимного уважения. Даже такой нормальности от нынешних США добиться

очень непросто. Но без этого трудно рассчитывать на выход на какое-то продуктивное партнерство, которое, по большому счету, объективно было бы полезно для таких государств, как США и Россия, обладающих самыми большими ядерными потенциалами в мире, и государств, которые много могут сделать, в том числе для борьбы с вызовами общечеловеческого характера. Однако для этого нужно быть способными работать честно и на основе взаимного уважения.

При всем при этом, есть темы, по которым мы могли бы работать, потому что это отвечает нашим интересам. Одним из немногих, но устойчиво позитивных компонентов наших отношений даже в самые тяжелые времена было сотрудничество на космической станции. При всех разногласиях, которые у нас есть, наши космонавты вместе летают, вместе рискуют жизнью, они уверены, что бы ни случилось, они могут полагаться друг на друга. В долгосрочной перспективе, на мой взгляд, такой должна быть модель наших отношений в целом, но до этого, к сожалению, в делах с Америкой очень далеко. Тем не менее темы для работы даже в ближнесрочной перспективе есть. Это прежде всего стратегическая стабильность, нераспространение ядерного оружия, борьба с терроризмом, климат.

– Как Вы видите роль парламентской дипломатии в условиях кризиса в отношениях между Россией и Западом? До недавнего момента достаточно активно развивалось парламентское взаимодействие между Россией и Францией. Может ли оно служить примером для взаимодействия по парламентской линии с другими странами, например, с США?

– Потенциальные возможности для развития парламентской дипломатии весьма существенны, и они не то что недоиспользуются, они просто «лежат» нетронутыми. Более того, то, что мы видим, скажем, в многосторонних механизмах, межпарламентских – это просто унижительно для наших коллег, использующих межпарламентские трибуны в основном для антироссийских истерик и отнюдь не для совместного обсуждения проблем, которые затрагивают всех. Я думаю, это «отрыжка» общего состояния отношений, а бывает и показатель отсутствия культуры межпарламентского общения у наших партнеров. Это проявляется сейчас в ОБСЕ, в ПАСЕ. Посмотрите, как о России говорит Европарламент, который настолько увлекся истеричным тоном в делах с Москвой, что как партнер для диалога с нами себя почти уничтожил. При этом, с отдельными европейскими государствами у нас есть возможность для контактов, и они бывают довольно субстантивными. Вы абсолютно правильно упомянули Францию. Мне бы очень хотелось, чтобы мы сделали больше с французами. Мы провели две серии встреч с целью сформулиро-

вать, если пока не совместное видение российско-французских отношений, то, по крайней мере, составить каталог существующих проблем, изложив и французскую точку зрения, и российскую. Была даже попытка подумать, как их преодолевать. Я очень надеялся, что у этого будет продолжение, но вмешался коронавирус и, к сожалению, пандемия затормозила работу. Уверен, что, как только начнет смягчаться санитарная ситуация, и мы сможем нормально общаться с нашими коллегами, мы не только возобновим, но и серьезно продвинем такую работу. Потенциал и готовность, по крайней мере с нашей стороны, есть. Надеюсь, что с французской – тоже. Даже в условиях COVID-19 мы провели похожий диалог с итальянскими, с финскими коллегами, но он был «заочным», по компьютерной связи. Вы понимаете, что межпарламентское общение требует личного общения, иногда эмоционального, возможности не просто зачитать свои позиции, но обсудить, ответить, возразить. Я уверен, что мы это продолжим. Сейчас же пандемия COVID-19 организационно не помогает.

Что же касается наших американских коллег, то я чрезвычайно скептически настроен, т.к. и Сенат США, и Палата представителей сейчас почти неизлечимо увлечены антироссийскими законодательными инициативами, а потому практически малоспособны на серьезный разговор. Более того, за последние два-три электоральных цикла в США те, кто избирался, стремились использовать антироссийские сантименты в США как фактор для своего избрания. И трудно рассчитывать, что они быстро развернут вспять свои позиции. Я допускаю, что диалог, когда здравый смысл в США возобладает, будет восстанавливаться, но для этого потребуется, вероятно, приход в парламентские структуры, то есть в Сенат и Палату представителей, свежих людей, более-менее способных к разумному обсуждению проблем, существующих между нашими странами. К сожалению, завтра этого не произойдет.

РОССИЯ И США: ЕСТЬ ЛИ БРЕШИ В СТЕНЕ КОНФРОНТАЦИИ?

В.П. Лукин – д.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, профессор НИУ ВШЭ, член РСМД

– Владимир Петрович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Я предпочитаю об успехах внешней политики говорить по прошествии 10–15 лет после того, как завершится цикл, в котором эта политика реализуется. Вы знаете, есть знаменитое изречение китайского премьера, Чжоу Эньлая, когда его спросили, какого его мнение о последствиях и значении Великой французской революции, которая как известно началась в 1789 г., он сказал (дело происходило где-то в 1950-е гг.): «Еще рано судить». Об успехах и неудачах внешней политики судят по прошествии довольно значительного времени, когда полностью реализуются последствия того, что произошло. Вот, например, о внешней политике канцлера А.М. Горчакова, знаменитого российского дипломата, который действовал в середине XIX в., я вам могу рассказать. Политика канцлера А.М. Горчакова, который пришел после поражения России в Крымской войне, привела к отсутствию крупных военных конфликтов в течение довольно значительного времени, и во время этих спокойных лет, которые внешняя политика обеспечила России, произошли великие реформы Александра II. В результате этих реформ Россия радикальным образом переменялась, осовременилась: было отменено крепостное право, прошли военные реформы, правовая реформа, создавшие современные суды и т.д. Вот об этом периоде российской внешней политики я могу уже судить уверенно. Дайте мне еще 20 лет, и я смогу судить о внешней политике за последние 10 лет.

Если в двух словах, то за последние 10 лет мы живем без крупных войн, это большое достижение, и слава Богу, что мы без них живем. К этому имеет отношение внешняя политика. В чем задача? Прежде чем отвечать на Ваш вопрос, надо поставить другой вопрос: в чем смысл внешней политики? Что такое внешняя политика, чем она занимается? Внешняя политика состоит в том, чтобы содействовать на внешней арене таким состояниям, которые надежно обеспечивали бы безопасность России и содействовали бы процветанию ее граждан. Для этого нужны серьезные экономические переобразования, сдвиги, мероприятия, программы и т.д. И вот для их реализации должна быть создана благоприятная внешняя среда. Я бы сказал, что по вопросу о независимости нашей страны задача вполне выполнена, а по второй части, по тому как внешняя политика влияет на наши внутривнутриполитические процессы, давайте поговорим дополнительно.

– На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Международные вызовы России – это вызовы не ее границам. Я не вижу никакой угрозы, которая непосредственно исходила бы извне в отношении российских границ. Россия – великая ядерная держава. Вместе с США мы имеем примерно 90% всей ядерной мощи современного мира, поэтому покушаться на наши границы вряд ли кто-то в состоянии. Что же касается проблем более глубоких, они состоят в том, что мир XXI в. очень не похож на мир XX в. XXI век – это мир, где возникает огромное количество новых проблем, в том числе и новых угроз. И как мы справляемся с этими вызовами, это очень серьезная проблема, потому что Россия – страна, в которой, с одной стороны, есть высокие технологии в ряде областей, в том числе в области обороны имеются большие ресурсы и т.д., но с другой стороны, имеются очень большие проблемы в плане модернизации страны, всех устоев жизни страны, а стабильность без модернизации – это отставание. И поэтому преодолеть это противоречие – наша главная задача. В этом смысле у нас существует много угроз, потому что угроза может состоять не в форме перехода иностранной армии через границу нашей страны, а совсем в других совершенно неожиданных, еще совсем недавно появившихся направлениях, связанных с научно-технической революцией, с информационными проблемами и т.д. Вот здесь у нас непочатый край работы, в том числе внешнеполитической работы.

– Какими будут приоритеты для России в отношениях с США в ближайшие годы?

– Если говорить о приоритетах, то они уже были частично упомянуты, когда я сказал о ядерном оружии. Только две державы в настоящее время могут эффективно уничтожить самих себя, а заодно и все человечество – Россия и США. И с этой точки зрения на нас лежит не только национальная, но и глобальная ответственность за сохранение человеческого рода, за сохранение разумной жизни на нашей планете. С этой точки зрения, разумеется, главной задачей наших отношений с США является укрепление стабильности в ракетно-ядерной сфере. Это укрепление стабильности можно достигнуть только путем сохранения, продолжения и дальнейшего развития процесса контроля над вооружениями и процесса снижения уровня вооружений в сбалансированном виде. Я помню, как министр обороны США в правительстве Дж. Кеннеди, Р. Макнамара, высказался о балансе вооружений: «Сверхубийство, помноженное на сверхубийство, будет не больше,

чем свехубийство». Тогда США владели где-то тремя сотнями боеголовок, а СССР имел меньше, но возможности были сопоставимы. Стало быть, вот этот сбалансированный процесс прекращения и движения вспять гонки вооружений – это главное.

Поэтому мне очень нравится, что сразу же после прихода к власти администрации Дж. Байдена, Россия сумела договориться с США о продолжении процесса контроля и сокращения гонки вооружений – имеется в виду сохранение еще на пять лет договора СНВ-3. Это очень важно, потому что истекал срок действия этого важнейшего договора. Надо сказать, что уже некоторое время наша дипломатия и наша власть активно напоминали об этом Соединенным Штатам Америки, ратовали за то, что было бы очень важно продлить этот договор. США долго не могли окончательно решить этот вопрос при прошлой администрации, а нынешняя администрация обещала и выполнила свое обещание по вступлению с нами в соглашение. Это огромный плюс и это, конечно, главное в приоритетах, о чем вы меня спросили.

Но, конечно, есть и многие другие вопросы, в том числе связанные с региональными кризисными ситуациями. Это и более общие проблемы взаимного доверия и взаимных подозрений, связанных с недопустимым, как считает каждая сторона, вмешательством в дела другой стороны. Россию, как известно, обвиняют во вмешательстве в выборы, США также не остаются неуязвимыми в этом плане. Нужны очень серьезные и трезвые переговоры по вопросам об укреплении уровня доверия, о создании таких правил поведения и структур их согласования и реализации, которые бы не мешали развитию сотрудничества в области экономики, культуры и т.д. Это я считаю еще одним серьезнейшим приоритетом.

Что же касается кризисных ситуаций, то есть такая тенденция участвовать в локальных войнах если не самостоятельно, то *by proxy*, как говорят, т.е. через посредников. Этот процесс начался еще при СССР во времена Корейской войны и продолжается довольно долго. У США довольно много примеров ведения подобных войн, начиная с Вьетнама. Эти процессы опасны сами по себе, губительны в смысле потери людей, но еще и чреваты тем, что они могут легко эскалироваться и перерасти в конфликты более широкого плана, в перспективе во всеобщий ядерный конфликт. Поэтому их надо избегать, а также найти и развить механизмы предотвращения или разрешения этих конфликтов, если они возникают.

– Согласно итогам выборов 2020 г. в США победу одержал демократ Джо-зеф Байден. Какова, по Вашему мнению, будет его политика в отношении России? Как она повлияет на санкционную тематику, сферу контроля над вооружениями, политическое сотрудничество и другие вопросы?

– Это вопрос столь широкий, что ответить на него в нескольких фразах будет трудно. Дело в том, что администрация Дж. Байдена конечно же пришла к власти в очень трудное для себя время и в очень трудное время для США. Там бушуют страсти, США, как известно, расколоты: те люди, которые поддерживают демократов, особенно левое крыло демократов, занимают довольно резкие и радикальные позиции, хорошо нам известные, приближающиеся к классическим левым формулам и лозунгам. Правое крыло, столь же решительное, с тем же уровнем нетерпимости не менее ретиво отстаивает свои собственные точки зрения. У меня сейчас нет времени их излагать, но они были хорошо видны, когда они воплотились в политике предыдущего президента США Д. Трампа, доведя страну до того, что разъяренная толпа даже штурмовала в последние дни пребывания Д. Трампа у власти американский Конгресс.

Вот почему был бы очень удивлен, если бы Дж. Байден посвятил свое четырехлетнее пребывание у власти занятиям исключительно внешней политикой. Его конечно же больше волнуют вопросы внутренней политики вообще и особенно то, что он может сделать и что может предложить своим избирателям через четыре года. Когда будут проходить ближайшие промежуточные выборы, возникнет вопрос, как предстать перед избирателями с позиции человека, который сделал для них что-то конкретное, и они соответственно должны за это ответить ему симпатиями. Я имею в виду Демократическую партию и тот круг, который он сейчас собирает вокруг себя. Конечно Дж. Байден будет заниматься внутренней политикой прежде всего. Я его понимаю и думаю, что это совершенно естественно, потому что США, как и мы, вряд ли могут чувствовать себя страной, которую вот-вот кто-то оккупирует – либо из Канады, Мексики или Японии и даже из Китая. Но угрозы изнутри Соединенных Штатов, угроза американскому социальному строю, угроза американской политической системе стали впервые очень зримыми и ощутимыми. И что с этим делать – это вопрос очень серьезный. Поэтому я думаю, что администрация Дж. Байдена займется на две трети или на три четверти внутренней политикой. Это, в свою очередь, создаст возможность и нам сконцентрироваться на нашей внутренней политике, а внешнюю политику сделать такой, чтобы она была разумной и достаточной для решения наших острейших внутреполитических дел.

Безусловно, начало отношениям России и США с приходом администрации Дж. Байдена положено хорошее. Я имею в виду продление Договора

СНВ-3. Мне бы хотелось, чтобы оно развивалось и дальше, хотя должен подчеркнуть, что пять лет, которые нам остаются до окончания нового срока действия Договора – это очень маленький срок. В дальнейшем будет необходимо заключить по-настоящему новый договор, для того чтобы сделать новый шаг в том процессе увеличения надежности взаимного баланса наших вооружений, в том числе и ядерном. Возникло очень много новых моментов и сложностей на этом пути. С особой остротой встала проблема того, как совместить межконтинентальные баллистические ракеты и баланс по этому виду вооружений с включением в общий баланс ракет малого и среднего радиуса действия, без чего общий баланс невозможен.

Это очень серьезная проблема, но эта проблема включает уже определенным образом такие страны, как Китай, Индию, Пакистан, другие ядерные державы. Если мы хотим решить эти проблемы, то это будет большая историческая победа. Я надеюсь, что в ходе будущих переговоров, сложных и пофазовых, доверие между Москвой и Вашингтоном будет возрастать. Без, хотя бы, минимального доверия договариваться совершенно невозможно. Надо думать о том, как России вести дела с США практически, по-деловому, заботясь о собственных интересах и понимая, что забота о наших интересах тесно связана с тем, что мы должны понимать и видеть, в чем состоят интересы нашего оппонента.

РОССИЯ И США: СОСТОЯНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ 2.0

С.М. Рогов – д.и.н., академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН, член РСМД

– Сергей Михайлович, можно ли говорить, о том, что Россия и США находятся в состоянии новой холодной войны, какие выходы из этого тупика Вы видите, и что Россия и США могли бы предпринять уже сейчас для минимизации напряженности в отношениях и для недопущения скатывания отношений к нулю в будущем?

– Я считаю, что последние семь лет с 2014 г. Россия находится в конфронтационных отношениях с Соединенными Штатами, которые я называю «холодная война 2.0». У нас в стране существуют разные мнения по поводу того, можно ли применять такую терминологию, как холодная война, в отношении нынешнего состояния взаимодействия России и США, России и западных стран. Мне кажется, что термин «холодная война 2.0» вполне применим. Связанно это со следующими обстоятельствами.

Первое – это разгул пропаганды, которая очень часто подменяет объективный, серьезный, политологический анализ. Самые пошлые стереотипы времен холодной войны возродились, их постоянно повторяют средства массовой информации, и это несомненно сказалось на общественных настроениях, как показывают опросы, и в России, и в США. Сегодня широко распространено крайне негативное отношение друг к другу, то есть в России к США, у Америки – по отношению к России. Особую опасность в этой связи представляет тезис о том, что Запад и Америка являются и всегда будут противником России, и мы обречены на противостояние. В Америке, опять же, Россия рассматривается как экзистенциальная угроза США, как страна, которая всячески противодействует американцам по всем направлениям. Это первая черта новой холодной войны.

Вторая – это прекращение нормальных политических и дипломатических контактов. По существу, уже длительное время контакты сводятся к редким встречам на уровнях министров или заместителей министров. Те механизмы взаимодействия, которые были созданы в свое время, можно вспомнить комиссию «Гор – Черномырдин» в 1990-е гг. или президентские комиссии, которые были созданы 10 лет назад, прекратили свое существование. Парализован, кстати, и Совет Россия – НАТО, фактически там нет никакого серьезного диалога, и это очень печально.

Третий момент – это экономическая война, которая развязана США против России. Если после прекращения холодной войны ставили задачу интегра-

ции России в мировую экономику, содействие рыночным реформам в нашей стране, то сегодня США и их союзники пытаются нанести максимальный экономический ущерб России и изолировать ее от мировой экономики. Конечно, этого не получается достичь в полной мере, тем не менее, экономическая война в виде санкций, к сожалению, продлится в течение долгого времени. Когда я начинал свою карьеру американиста полвека назад, то подготовил записку, посвященную принятию Поправки Джексона – Вэника, и, конечно, трудно было тогда представить, что Поправка Джексона – Вэника просуществует 40 лет и переживет окончание холодной войны. Я думаю, что нынешние экономические санкции, к сожалению, будут развиваться по такому же сценарию, во всяком случае, перспективы их отмены не наблюдаются.

Четвертое – США начали новую гонку вооружений. В конце 1990-х гг. сокращение военных расходов прекратилось, с администрации Дж. Буша-младшего началось наращивание военных расходов. Сегодня они достигают максимального уровня в постоянных ценах, пожалуй, за всю историю наших отношений. Одновременно США предприняли целый ряд шагов, которые привели к кризису системы контроля над вооружениями. Многие механизмы контроля над вооружениями, которые обеспечивали стратегическую стабильность, были ликвидированы. Это касается Договора о противоракетной обороне, из которого США вышли еще в 2002 г., это касается Договора о ракетах средней и меньшей дальности, Договора об открытом небе. Под угрозой оказался и Договор СНВ-3. Я думаю, что если бы победителем президентских выборов 2020 г. был признан Д. Трамп, то США не стали бы продлевать этот договор.

То обстоятельство, что администрация Дж. Байдена пошла на продление договора, вселяет осторожный оптимизм, что может быть нам удастся «изобрести заново» контроль над вооружениями, чтобы он соответствовал реалиям XXI в. И включал бы вопросы в первую очередь развития военных технологий как ядерных, так и неядерных, высокоточного обычного оружия, противоракетной обороны, размещения оружия в космосе, развития кибероружия.

Идет модернизация ядерных вооружений. Пока количественного наращивания ядерных вооружений нет, но недавний шаг Великобритании, принявшей решение увеличить количество своих ядерных вооружений, может оказаться дурным примером, которому последуют и остальные.

Помимо технологических причин есть и геополитические причины, которые требуют радикальной модернизации режима контроля над вооружениями. Сегодня мы живем в условиях не биполярной, а многополярной системы международных отношений, и помимо России и США, есть и другие центры силы, многие из которых обладают ядерным оружием. И даже, если нам удастся сохранить и придать новый импульс российско-американским договоренностям в этой сфере, без подключения в дальнейшем к процессу контроля над

вооружениями других великих держав говорить об обеспечении глобальной стабильности будет очень сложно.

Какой из этого следует прогноз? На мой взгляд, конфронтация между США и Россией в политической и экономической сферах будет продолжаться длительное время. Однако я надеюсь, что будут достигнуты договоренности и по ограничению ядерных вооружений, и компромиссные решения, касающиеся других систем вооружения, которые носят стратегический характер и не обязательно являются ядерными. Я бы сказал, что шансы для этого 50 на 50.

Команда Дж. Байдена еще до конца не сформирована, потребуется какое-то время, прежде чем будут утверждены ключевые игроки на рабочем уровне, также США требуется сформулировать новый подход. Некоторые вещи на данный момент уже носят позитивный характер, например, администрация Дж. Байдена реабилитировала термин стратегической стабильности, от которого отказалась администрация Д. Трампа. Выражены намерения вести диалог с Россией не только по ядерным вооружениям, но и по вопросам кибероружия и космоса. Я не исключаю, что одной из корзин в будущем переговорном процессе окажется противоракетная оборона. Однако это вовсе не означает, что каждое из этих направлений будет завершаться заключением нового юридически обязывающего договора. Возможно, будут какие-то политические обязательства, параллельные шаги, но посмотрим, что будет происходить в этой сфере.

Что касается экономических санкций, как я уже говорил, вряд ли они будут отменены в обозримое время. Хотя политический диалог может возобновиться. Важное значение имеет российско-американский саммит в июне 2021 г., поскольку без решения двух президентов о том, что надо начинать серьезный переговорный процесс, вряд ли мы сможем выйти из тупика. Это будет способствовать стабилизации отношений, предотвращению сползания к военной конфронтации.

Наконец, надо учитывать то обстоятельство, что есть целый ряд факторов, которые не контролирует США и Россия, и эти факторы могут оказывать негативное влияние на наши отношения, в первую очередь связанные с региональными конфликтными ситуациями.

– Вы уже выделили сферу контроля над вооружениями, ядерные риски, упомянули риски, связанные с региональными конфликтами. На Ваш взгляд, с какими еще вызовами и рисками придется столкнуться России в ближайшие 5–10 лет?

– Для нас и американцев есть общие угрозы, с которыми сталкивается человечество в настоящее время, достаточно назвать пандемию. К сожалению, приходится констатировать, что коронавирус вряд ли бесследно исчезнет и

все возвратится на круги своя. Такие страшные эпидемии могут повторяться и принимать новые, еще более опасные формы.

Глобальное изменение климата – еще одна проблема, с которой сталкиваемся и мы, и американцы, например, таяние льдов в Арктике может иметь очень серьезные последствия. С одной стороны, это может подтолкнуть новую гонку вооружений в этом регионе мира, с другой стороны, требуются совместные действия, причем не только наши, но и стран всего мирового сообщества, чтобы затормозить, а в лучшем случае повернуть вспять глобальное изменение климата, но пока этого не происходит.

Не исчезла и проблема международного терроризма. Можно назвать целый ряд других направлений, где мы могли бы сотрудничать, но, к сожалению, пока этого не происходит.

– Какие успехи Вы могли бы выделить на российско-американском направлении и во внешней политике России в целом за последние 10 лет?

– Говорить об успехах на российско-американском направлении очень сложно. Предотвратить новую холодную войну нам не удалось, и ожидать, что она прекратится завтра-послезавтра тоже сложно. Я думаю, что главным успехом нашей внешней политики является то обстоятельство, что Россия продемонстрировала готовность защищать свои интересы и дала четко и ясно понять, что нельзя не принимать во внимание ее позицию в подходе к большинству ключевых международных проблем. Это является достижением, хотя мы видим, что со стороны США сегодня предпринимаются попытки осуществлять стратегию «двойного сдерживания» России и Китая, и пока нет признаков того, что этот подход будет пересмотрен.

Достоянием нашей внешней политики можно назвать и то обстоятельство, что попытки изолировать Россию на международной арене провалились. С большинством стран мира у нас развиваются нормальные отношения, в том числе и с такими ведущими державами, как Китай, Индия, хотя приходится констатировать, что сам по себе многополярный мир вовсе не гарантирует уменьшения международной напряженности и обеспечение глобальной стабильности. Механизмы, которые должны решать эти задачи, либо неэффективны, либо вообще отсутствуют. Фактически второстепенную роль играет ООН, которая не выполняет свои основные задачи, заложенные в Уставе, а именно поддержание мира и обеспечение нормальных отношений между членами мирового сообщества.

Создание такого механизма – это, на мой взгляд, очень важная задача, которая стоит перед нашей политикой на мировой арене, и вряд ли эту задачу удастся решить без достижения определенных сдвигов в российско-амери-

канских отношениях, в первую очередь в сфере контроля над вооружениями. Если такой процесс начнется, то в него в той или иной степени должны будут включиться и другие ключевые игроки на мировой арене.

В экономической сфере также должны быть определенные общие правила поведения, и эти нормы должны основываться на международном праве и не просто декларироваться, а соблюдаться на деле. С этой точки зрения вызывают, на мой взгляд, тревогу те обстоятельства, что США и союзники сегодня широко используют такой термин как «мировой порядок, основанный на соблюдении правил» и не вспоминают термин «международное право». Это означает, что правила выработывают только те страны, которые действуют заодно с США, а другие участники международных отношений оказываются перед грубым нажимом, фактически ультиматумом.

В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И США НУЖНО РАСЧИСТИТЬ ЗАВАЛЫ

С.А. Рябков – заместитель министра иностранных дел России, член РСМД

– Сергей Алексеевич, как Вы оцениваете состояние российско-американских отношений в текущий момент? Какими будут приоритеты для России в отношениях с США в ближайшие годы?

– Приходится с сожалением констатировать, что отношения с США к окончанию срока президентства Д. Трампа достигли низшей точки за весь период после окончания холодной войны. Ответственность за это целиком на американской стороне. Мы прилагали большие усилия по разным направлениям все последние годы для того, чтобы, по крайней мере, сдержать дальнейшую деградацию этих отношений, начавшуюся, кстати, задолго до президентства Д. Трампа и задолго до ситуации с Крымом. При администрации Б. Обамы, примерно с самого начала 2010-х гг., мы почувствовали первые признаки политики давления, которая со временем стала доминировать в отношении Вашингтона к Москве. Это осознанный выбор, он связан с тем, что политические элиты в США, независимо от их партийной принадлежности, не готовы смириться с изменившейся ролью России в мире, с нашей независимой внешней политикой и с твердой решимостью отстаивать наши национальные интересы, защищать суверенитет.

Сегодня мы видим не просто осложнение, а серьезное обострение в российско-американских отношениях в силу того, что США по-прежнему уверены в собственной непогрешимости, в способности через прессинг, санкции и ультиматумы вынудить нас отказаться от собственных приоритетов и подходов, и по сути дела, перейти в положение ведомого в паре «США – Россия». Естественно, искомого эффекта они не достигли, но отношения сломали, и на этих обломках формировать какое-то новое здание достаточно сложно. Вначале нужно расчистить завалы. Их немало. Весь блок вопросов, относящихся к двусторонним делам, находится в крайне тяжелом, я бы даже сказал, запутанном состоянии. За что ни возьмись, мы везде видим проявление нежелания американских коллег считаться с реальностью и воспринимать мир вокруг себя, в том числе современную Россию такой, какая она есть.

В понимании американцев не может быть и речи о поиске решения имеющихся проблем на основе равноправия и взаимного уважения. Компромиссы как метод ведения дел отброшены. В американской политике на российском направлении полностью доминируют попытки навязать односторонний подход. И если разобрать пункт за пунктом, то, конечно, большую тревогу вызывает удручающая ситуация, сложившаяся к концу 2020 г., в сфере кон-

троля над вооружениями, где США выходит из одного соглашения за другим как двустороннего характера, так и из многих многосторонних документов. Посмотрим, что будет происходить при следующей администрации. Мы, разумеется, отфиксировали сигналы Дж. Байдена и его команды в пользу, как минимум, продления Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). Возможно также возвращение к Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД) по иранской ядерной программе. Однако все это требует проверки, а также тщательного анализа уже фактических действий Вашингтона.

В экономической сфере происходит массивное наращивание санкционного прессинга на Россию под надуманными предлогами. За четырехлетие Д. Трампа было около 50 циклов применения санкций против России. Это намного превышает то, что произошло при Б. Обаме. При этом сам Д. Трамп неоднократно декларировал намерения «поладить с Россией», но за этими словами ничего не последовало. Либо не было встречного движения с американской стороны, либо происходил фактический саботаж этих позитивных импульсов с самого верха американской иерархии на нижних этажах. То есть как принято называть «глубокое правительство» (*“deep government”*), по сути, саботировало любые здравые идеи и позитивные импульсы на российском направлении.

Тем не менее ситуация в наших экономических отношениях с США была не такой плохой, как могло показаться. Крупные американские компании за редким исключением остаются в России, и, более того, наращивают свое присутствие здесь через инвестиции или расширение производственно-сбытовых цепочек. Знаю не понаслышке из общения с коллегами из предпринимательских кругов, что условия работы в России их устраивают. Товарооборот колеблется от 25 до 30 млрд долл., и дальнейшего роста не происходит. Это мало, в том числе и по масштабам российской экономики, если сравнить с тем, что мы имеем с другими ключевыми партнерами. Соответственно надо заниматься тем, чтобы искать возможности для расширения сотрудничества.

В гуманитарной сфере колоссальные проблемы по всем азимутам: визовые затруднения, по сути дела, препоны, шлагбаумы, опущенные перед российскими гражданами американской стороной под разными предлогами, в последнее время под предлогом COVID-19. По сути дела, свернуто визовое обслуживание, где бы то ни было, кроме Москвы. Это вызывает сожаление с учетом масштабов нашей страны. Ранее Вашингтон пошел на беспрецедентные меры, потребовав закрытие наших консульских служб на западном побережье США. С учетом важности именно штатов западного побережья, как с точки зрения экономической активности и внешнеэкономических связей с Россией, так и с точки зрения проживания значительного числа граждан Рос-

сии, либо русскоязычных граждан, находящихся там по контракту, на ПМЖ, перешедших на американское гражданство, но не потерявших связи с родной – это просто удар по нормальному общению между людьми, не говоря уже о негативном эффекте для двусторонних отношений.

Крайне запущены все вопросы, связанные с нормальным функционированием посольств и других загранучреждений. Введены искусственные ограничения на поездки, произошла серия взаимных высылки дипломатов. Все это требует, по сути дела, начало работы с чистого листа. И мы очень заинтересованы в том, чтобы следующая администрация США все-таки более серьезно подошла к этому комплексу вопросов, учитывая, что это в интересах обеих наших стран.

Что касается приоритетов нашей работы на дальнейшую перспективу. Я бы сказал так: Россия и США – две страны, несущие особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Мы не должны отказываться от комплексного всестороннего диалога по контролю над вооружениями и нераспространению. Мы должны сохранять то, что наработано в этой сфере и наращивать имеющийся фундамент за счет новых более современных договоренностей. Как, например, в сфере усовершенствования механизмов недопущения опасных инцидентов в ходе военной деятельности. Особенно в море и в воздушном пространстве над ним, где мы сталкивались в последние годы с эпизодами потенциально опасными, чреватых эскалацией.

Работа по региональным конфликтам, безусловно, важна, и здесь есть позитивный опыт диалога. Например, по Сирии и Афганистану. Его нужно продолжать. Но, к сожалению, мы видим, что в ряде случаев американцы с элементом ревности подходят к тому, что предпринимает Россия. В том числе и в непосредственной близости от российских границ. Пример – Нагорный Карабах, где наша миротворческая роль в политическом и практическом плане была встречена американцами с большой подозрительностью, если не сказать негативно – это печально. Впечатление такое, что коллеги в Вашингтоне оперируют применительно к России исключительно схемами «свой-чужой» и такого базового понимания, что бывают ситуации, когда от взаимодействия выигрывают обе стороны, просто не осталось.

Я добавил бы на среднесрочную перспективу в каталог сюжетов, по которым стоит работать, решение проблем в культурно-гуманитарной сфере. Мы, к сожалению, уже много лет не можем наладить нормальное общение не просто деятелей культуры, но даже выставочные обмены. В силу того, что культурно-исторические ценности из государственных музеев и хранилищ Российской Федерации находятся под угрозой ареста по произвольным искам. В данном случае речь идет конкретно о религиозной общине любавических хасидов, ко-

торые на произвольном основании добились ситуации, когда наши культурные ценности находятся в угрожаемой зоне, поэтому в интересах защиты от ареста и утраты мы вынуждены приостановить обмены. Мы будем предлагать американцам вернуться к заключению соглашения о суверенных иммунитетах культурных ценностей от подобного рода действий, но это все непростой путь.

Надо продолжать сотрудничество в космосе. Хотя здесь мы также находимся на развилке. Продолжается взаимодействие по МКС, но, называя вещи своими именами, это наследие прежней поры. В дальнейшем приоритеты США не до конца понятны. При Д. Трампе был взят курс на Луну, причем с помощью заключения т.н. Соглашений Артемиды. Это двусторонние документы со странами, которые, безусловно, согласны с подчиненной по отношению к США ролью, готовы выполнять функции субподрядчиков, по большому счету, следовать тому курсу, который формируется в Вашингтоне, включая со временем возможность освоения природных ресурсов Луны, а в дальнейшем и других небесных тел в отсутствие решений, которые можно было бы назвать универсальными. Решений, основывающихся на правильном прочтении международного договора по космосу, и тех решений, в пользу которых Россия выступает, в частности в Комитете ООН по космосу. Опять сепаратные подходы, коалиции заинтересованных – кто не с нами, тот против нас. Эта логика и идеология пронизывает политику современных Соединенных Штатов, и думаю, что вряд ли в этом плане что-то изменится от смены администрации. Кто бы ни находился в Белом Доме, какой бы символ не стоял на столах, у тех, кто представляет соответствующую партию, находящуюся у власти: слон или осел, все останется по-прежнему.

– Каковы перспективы развития системы контроля над вооружениями? Какой формат отвечал бы интересам России, возможно ли договориться о нем с США?

– По нашему глубочайшему убеждению, контроль над вооружениями не изжил себя. Это не реликт какой-то прежней эпохи. В условиях ускоряющегося технологического прогресса, появления новых, доселе не существовавших технологий, приемов ведения боевых действий, средств вооруженной борьбы оружия и других средств – в этих условиях контроль над вооружениями, безусловно, остается одним из надежнейших способов обеспечивать безопасность нашего государства. Это эффективный способ гарантировать безопасность в сочетании, разумеется, с мерами военного и военно-технического плана, в плане минимизации, насколько это возможно, расходов на альтернативные решения. Хочу подчеркнуть, что еще до выборов в США 3 ноября 2020 г. мы передали коллегам в Вашингтоне свое видение того, что

могут представлять собой рамки будущего контроля над вооружениями, особенно в стратегической области.

По сути, мы ведем речь о том, чтобы разработать новое стратегическое уравнение безопасности, в котором учитывались бы все факторы, влияющие на ситуацию в этой сфере. В том числе такие, как неуклонно продолжающееся создание Соединенными Штатами глобальной системы ПРО, как появление средств стратегической межконтинентальной дальности в обычном оснащении. Эти средства теоретически могут решать задачи сопоставимые с ядерным оружием. То есть они носят явно дестабилизирующий характер. Мы должны заниматься перспективой, которую все же хочется предотвратить – появление ударных средств в космосе. Космос давно милитаризован. Уже много десятилетий военные организации крупных государств не могут нормально функционировать без использования космоса в своих целях. Это и связь, и разведка, и целый комплекс задач, связанных с дистанционным зондированием земли. Множество вопросов геолокации. Все это, разумеется, очень востребовано в военной сфере, и мы не претендуем на то, чтобы от этого отказываться. Совсем нет. Но мы проводим четкую грань между такого рода использованием космического пространства и крайне опасной перспективой появления на орбитах ударных средств: средств нападения, средств ведения вооруженной борьбы, как об этом все чаще говорят в Вашингтоне, средств достартового перехвата баллистических ракет. Удар из космоса по позиционным районам наших или чьих-то еще стратегических систем, которые играют роль средства сдерживания – это прямой путь к открытому конфликту с непредсказуемыми последствиями. Само появление такого рода оружия носило бы исключительно дестабилизирующий характер, тем не менее США не готовы идти по пути, который мы предлагаем вместе с Китаем уже на протяжении ряда лет, а именно по пути разработки юридически обязывающего договора о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве.

Сами США и вслед за ними их союзники, не только в Европе, но и в Азии, занимают резко негативную позицию в отношении нашего другого предложения, а именно принять политическое обязательство о размещении первыми оружия в космосе. Это проще, чем разработка юридически обязывающего договора, но, по большому счету, если основные космические державы, страны, обладающие соответствующим потенциалом, приняли бы подобного рода обязательство на двусторонней основе друг с другом или коллективно – это стало бы существенной мерой укрепления доверия и стабилизировало бы обстановку.

То же самое можно сказать об известном сюжете с нежеланием Вашингтона подтвердить известную формулу М. Горбачева и Р. Рейгана о том, что в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть

развязана. Мы ещё в 2018 г. предложили официально американцам зафиксировать это. Они долго уходили от прямого ответа. Потом они заявили нам, что оптимальнее это сделать в формате всей ядерной пятерки. Соответствующие предложения мы и там внесли, но они начали насыщать наши предложения всякого рода идеями и предложениями по коррекции самого языка, самой формулировки. Из чего мы сделали вывод, что они просто не готовы на такой шаг, а, следовательно, по большому счету, в каких-то штабах, у каких-то военных планировщиков в Вашингтоне, наверное, теплится мысль а, может быть, уже проникает на уровень принятия тех или иных решений, о том, что в ядерной войне победить можно. И, кстати, с точки зрения военного строительства в США мы наблюдаем в последнее время появление все большего количества признаков того, что это так и есть.

Нежелание США не просто отказываться от своего стратегического ядерного оружия в Европе, а попытки модернизировать находящиеся на вооружении и хранящиеся в ряде европейских стран ядерные авиабомбы, модернизировать с точки зрения их точности и возможности поражать заглупленные цели – это один из примеров. Второй пример – это перевооружение части баллистических ракет подводных лодок «Трайдент-2» боеголовками пониженной и варьируемой мощности от пяти до семи килотонн. То есть так поступают люди, которые, видимо, думают, что если такой небольшой ядерный взрыв где-то устроить, то соответствующие последствия можно минимизировать – это опаснейшая иллюзия. Мы не раз объясняли американцам, в том числе в ходе продолжительных дискуссий последних лет о военных доктринах, что для нас идея ограниченной ядерной войны неприемлема. Они не должны питать иллюзий в сокрушительном характере ответа, если они решатся на подобный безумный шаг. Но коллеги в США продолжают придвигать инфраструктуру свою и своих союзников все ближе к нашим границам. Резко активизировали учебно-тренировочную деятельность, полеты разведывательной авиации, заходы кораблей, в том числе оснащенных самыми современными вооружениями в акватории поблизости от Российской Федерации: это и Черное море, это и на севере Баренцева моря.

Не так давно был неприятный инцидент с заходом в территориальное море Российской Федерации эсминца с управляемым ракетным оружием «Джон Маккейн» на Дальнем Востоке в заливе Петра Великого. Они играют с огнем. Они думают, что все это не более чем проецирование американской мощи и проявление политики так называемого сдерживания России. На самом деле это нагнетание напряженности и провокации. Мы надеемся, что следующая администрация США будет проводить более здравый курс и сможет прислушаться к нам в части того, что нужно деэскалировать весь комплекс вопросов, связанных с «соприкосновением» наших военных и на суше, и в море.

Будем продолжать настойчиво работать в этом направлении, хотя в последние годы здесь скорее регресс, чем какие-то проявления готовности, совместно искать алгоритмы поведения и методики реагирования на те или иные ситуации, не допускающие именно эскалации.

15 декабря 2020 г.

О ГЛОБАЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ И КАНАДЕ

О.В. Степанов – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Канаде, член РСМД

– Олег Владимирович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Минувшее десятилетие закрепило статус России как уникального центра многополярного мира, защитника незыблемости международно-правовой системы, основанной на Уставе ООН. Россия – постоянный член Совета Безопасности ООН и ведущая ядерная держава, служит гарантом мира на планете. Аксиома российской внешней политики – безусловное уважение суверенного равенства государств и их права на самобытное развитие в соответствии с традиционными ценностями. Принципиальная приверженность такому курсу утверждает Россию в качестве ориентира для стран и народов, желающих сохранить независимость и самостоятельность на нынешнем непростом этапе мирового развития. Россия продемонстрировала устойчивость к внешнему давлению, попыткам вмешиваться в ее внутренние дела и сдерживать экономическое развитие. Доказана бесперспективность создания антироссийских фронтов, политики изоляции и сдерживания нашей страны.

Россия осуществляет стратегический поворот на Восток, используя свое положение евразийской и евро-тихоокеанской державы. Важнейшие события последних лет – формирование Евразийского экономического союза и выдвинутая В.В. Путиным инициатива Большого Евразийского партнерства с целью создания общеконтинентального интеграционного контура с участием всех, без исключения, государств Евразии. По сути, мы говорим о движении к общему пространству от Лиссабона до Джакарты, объединяющему и синхронизирующему все имеющиеся интеграционные проекты в Евразии и АТР, двусторонние и многосторонние механизмы сотрудничества на основе принципов взаимодополняемости и взаимовыгодности. Стратегическая задача – превратить Большую Евразию в мировой экономической локомотив и затем на этой основе заложить новую континентальную систему безопасности, мира и сотрудничества. Такая система будет устойчива и гармонична, избавит евразийское пространство от искусственных разделительных линий и навязываемой извне конфронтационности. И, кроме того, позволит европейским странам «вернуться домой», сбросив с себя оковы архаичного трансатлантического вассалитета. Аналогичный путь открыт и для Японии. Экономическое, технологическое, научное и гуманитарное сотрудничество в рамках Большой Евразии с участием государств – членов ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и, надеюсь,

Евросоюза поможет установлению добрососедства как естественной формы сосуществования на нашем материке.

Большое достижение – укрепление таких механизмов, как БРИКС и «Группа двадцати». Они способствуют упрочению многополярности, поддержанию баланса интересов разных регионов мира, выработке справедливых коллективных решений для преодоления общих проблем. Дальнейшее развитие сотрудничества в рамках стран БРИКС – безусловный приоритет и на будущее десятилетие.

Высокой динамикой отличаются отношения с Латинской Америкой и Африкой – двумя «регионами будущего». Причем сотрудничество выстраивается на прагматичной и взаимовыгодной основе без влияния политической конъюнктуры. Страны ЛАКБ и Африканского континента – друзья России и партнеры.

Без преувеличения эпохальные события – воссоединение Крыма с Россией, «русская весна», консолидация Русского мира. В ряд не менее значимых достижений можно поставить и защиту суверенитета Сирии, разгром террористического интернационала на ее территории. В лучших русских традициях сочетания творческой дипломатии и грамотного приложения военных возможностей.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Неопределенность в мире создают силы, стремящиеся переписать историю, подорвать миропорядок, созданный по итогам Второй мировой войны, подменить международное право некими келейно выдуманскими «правилами», использовать силу и экономический прессинг для продвижения региональных интересов, вмешиваться во внутренние дела для смены неугодных правительств под прикрытием лозунгов о «защите демократии». Круг единомышленников, разделяющих озабоченности России, широк, и страна будет последовательно отстаивать принципы межгосударственных отношений, закрепленные в Уставе ООН. С учетом снижения уровня доверия и разбалансировки системы контроля над вооружениями считаем необходимым продолжать диалог с США по стратегической стабильности с целью предотвращения глобального конфликта. Настало время, чтобы рамки дискуссий о будущих режимах контроля над вооружениями охватывали и такие страны, как Великобритания и Франция.

При сохранении угроз терроризма, оргпреступности, наркотрафика во многих зарубежных обществах усиливается недовольство углубляющимся

неравенством, дискриминацией, нежеланием элит заниматься реальными проблемами, агрессивным навязыванием нетрадиционных идей и взглядов и диктатурой псевдолиберализма. Россия на этом фоне – остров стабильности. Но возможную проекцию на Россию чужих и внешних проблем нельзя недооценивать и, тем более, игнорировать. Это вызов, купирование которого по-прежнему будет требовать слаженной работы всех государственных структур, вовлеченных в обеспечение национальной безопасности.

Цифровое пространство стало одной из сред обитания человека. Поэтому необходимо обеспечить его безопасность во всех измерениях, включая экономическое и социальное, поддерживать стабильное и надежное функционирование интегрированной инфраструктуры, защищать персональные и корпоративные данные. С российской точки зрения, это требует коллективных усилий, выработки единых международных норм и правил, взаимодействия государств по выявлению и нейтрализации незаконной деятельности, расследования подобных преступлений без политизации и двойных стандартов. Работа предстоит большая.

Пандемия коронавируса показала, насколько уязвимо человечество перед новыми инфекциями. Пример COVID-19 высветил, насколько сложно бывает добиться, вопреки очевидной необходимости, сплоченности международного сообщества для борьбы с подобной угрозой. К сожалению, мы наблюдали и всплески национального эгоизма, и продвижение интересов богатейших фармацевтических гигантов вместо объединения усилий перед лицом общей беды. Данный сюжет, вошедший в повестку дня практически всех многосторонних форумов, сохранит свою актуальность.

Если же вычленить самую насущную для России проблему, решение которой требует максимальной концентрации, то это, на мой взгляд, внутриукраинский конфликт. Установление мира на Украине и приведение отношений с ней в соответствие с интересами России – задача наиважнейшая, по сравнению с которой все остальные международные вопросы отступают на второй план.

– На Ваш взгляд, оказывает ли состояние российско-американских отношений влияние на характер и развитие отношений между Россией и Канадой? Как Вы оцениваете в целом состояние российско-канадских отношений?

– Российско-канадские отношения могли бы быть теплее. Но сегодня на них, несомненно, оказывает влияние и характер диалога США с Россией, и общие подходы НАТО к России. Канада присоединилась к западным антироссийским санкциям, введенным под разными надуманными предлогами. У нас

сохраняются серьезные разногласия по ряду актуальных тем, включая ситуацию на Украине. Мы не приемлем попытки вмешиваться во внутренние дела суверенных государств, как это делает коллективный Запад применительно к Белоруссии. Не разделяем и энтузиазма в отношении социальных экспериментов, включая пропаганду однополых отношений и либерализацию наркотиков.

Вместе с тем имеются возможности для создания более конструктивной, стабильной и предсказуемой атмосферы. Прежде всего мы соседи. Важно, чтобы соседство было добрым. Никогда не забываем о боевом братстве в антигитлеровской коалиции, о вкладе Канады в разгром нацизма. Помним и ценим ее участие в Северных морских конвоях.

Диалог на различных уровнях продолжается. Россия настроена на сотрудничество, как отметил Президент России В.В. Путин в поздравительном послании новому генерал-губернатору Канады М. Саймон, первой представительнице коренного канадского населения на этом посту.

– Несмотря на кризис, взаимодействие между Россией и Канадой продолжается в Арктическом регионе, какие основные сферы для сотрудничества в арктическом регионе Вы могли бы выделить? Возможно ли сотрудничество России и Канады по другим вопросам, помимо арктических, и есть ли оно в последние годы?

– Арктика – наш общий дом, территория, объединяющая наши страны. Видим заинтересованность Канады в сохранении и наращивании сотрудничества в северных широтах как на двусторонней основе, так и в рамках Арктического совета. Оттава поддержала предложенную нами повестку дня на период председательства России в Арктическом совете до 2023 г. Атмосфера диалога в целом конструктивная, налицо много сюжетов, по которым у нас схожие подходы, объективно взаимные интересы. Это и задачи устойчивого развития, сохранения биоразнообразия, защиты экологии, содействия коренному населению, углубления научного сотрудничества. Среди актуальных тем – развитие биоресурсов, изучение процессов таяния ледников и вечной мерзлоты. Намечено большое количество мероприятий, в которых канадская сторона готова принимать участие, вносить свой вклад в общую работу по освоению и сохранению уникальной флоры и фауны Заполярья, содействию развитию районов Крайнего Севера.

Помимо Арктики большой потенциал имеют межрегиональные связи. Ряд российских субъектов, включая Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Татарстан, Республику Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий автономный округ поддерживают прямые контакты с коллегами в канадских про-

винциях Квебек, Онтарио, Альберта, Британская Колумбия, Ньюфаундленд и Лабрадор. Важную роль играет бизнес-сообщество, проявляющее интерес к новым формам сотрудничества, в частности в горнодобывающей, сельскохозяйственной, рыболовной и других сферах. Опорой в этом служит Канадская деловая ассоциация в России и Евразии (СЕРБА), организующая множество тематических форумов и конференций с участием наших партнеров из Белоруссии, Армении и Казахстана.

Пандемия не могла не сказаться на динамике взаимодействия, но в планах остаются обмены делегациями, бизнес-форумы, фестивали, в том числе проведение дней Москвы в Монреале. Поощряем и поддерживаем побратимские связи, проекты, способствующие расширению общения между людьми как в культурной, так и в спортивной сферах.

Напомню, что в 2022 г. мы будем отмечать 80-летие установления дипломатических отношений, состоявшегося в годы Второй мировой войны (12 июня 1942 г.), и 50-летие знаменитой хоккейной суперсерии СССР-Канада, ставшей началом ярких состязаний на льду двух сильнейших команд (2 сентября 1972 г.). Рассчитываем, что празднование этих юбилеев внесет положительный вклад в развитие двусторонних связей.

ДЛЯ США КОНФРОНТАЦИЯ ПРОТИВ РОССИИ – ЭТО ВОПРОС ИХ ПОЛОЖЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ

Д.В. Суслов – заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, старший преподаватель департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, заместитель директора исследовательских программ СВОП, член РСМД

– Дмитрий Вячеславович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– За последние 10 лет Россия существенно укрепила свое положение как независимого центра силы, оказывающего влияние не только на свое непосредственное соседство, но и на более отдаленные регионы мира. И в результате стала одним из наиболее влиятельных глобальных полюсов вместе с США и Китаем. Другие центры силы существенно слабее по своему глобальному влиянию. Это произошло не только благодаря блестящей дипломатии, но и успешной военной реформе, позволившей России проецировать неядерную военную силу на большие расстояния в другие регионы мира, а также укрепившей стратегический баланс. Кроме того, росту российского влияния содействовали глобальные тренды последнего десятилетия – деградация американской гегемонии и формирование полицентричной международной системы.

Другой успех – укрепление партнерских отношений с Китаем. Российско-китайское партнерство стало подлинно стратегическим, и я бы сказал уникальным и в истории, и в теории международных отношений, когда независимые друг от друга соседние великие державы, имеющие общее соседство и не являющиеся при этом военными союзниками, не реализуют игру с нулевой суммой друг в отношении друга и не рассматривают подъем друг друга в качестве угрозы для самих себя.

Нынешнее российско-китайское партнерство делает международные позиции России более устойчивыми и выгодными, даже в сравнении с позициями СССР. Россия сегодня не ведет войну на два фронта, и партнерство с КНР приносит ей многие политические и экономические выгоды, особенно в условиях конфронтации с Западом. Более того, Россия и Китай совместно формируют международное региональное сообщество Большой Евразии, главный смысл которого – исключить нулевую сумму в российско-китайских отношениях, а в перспективе превратить данное сообщество в единицу глобального геополитического значения. При этом, укрепляя партнерство с Китаем, Россия сохраняет партнерские отношения с другими незападными центрами силами – с Индией, странами Юго-Восточной Азии (например, с Вьетнамом), странами

БРИКС в целом, Турцией, странами Ближнего Востока. Это укрепляет ее положение независимого центра силы.

Несмотря на конфронтацию с Западом и очень сильное противодействие российской политике на постсоветском пространстве со стороны США и Европейского союза, за последние десять лет возник и состоялся Евразийский Экономический Союз, ставший главным, наиболее продвинутым институтом интеграции на пространстве бывшего СССР.

Важным вкладом в укрепление позиций России на постсоветском пространстве стало нагорно-карабахское урегулирование. Россия с помощью дипломатии завершила вторую войну в регионе, установила там более устойчивый мир и при этом не поссорилась ни с Арменией, ни с Азербайджаном, а также резко ослабила позиции Запада в нагорно-карабахском вопросе.

За последние 10 лет Россия четко показала, что дальнейшее институциональное расширение Запада на Восток будет приводить к новым конфликтам и еще большей конфронтации, чреватым перерастанием в прямое военное столкновение Россия–НАТО, не говоря уже об угрозе даже не территориальной целостности, а самой государственности таких стран, как Украина и Грузия. Тем самым, разговоры об их вступлении в НАТО и даже о предоставлении им Плана действий по членству в НАТО можно рассматривать не более, чем ритуальные заклинания, за которыми ничего не стоит.

Следующее достижение – резкое укрепление позиции России на Ближнем Востоке. Она остановила череду поддерживавшихся Западом смен режимов в регионе, предотвратила развал Сирии и коллапс государственности с последующим ее превращением в «черную дыру», и благодаря своему военному успеху и активной дипломатии стала одним из полюсов притяжения для стран региона. Россия стала рассматриваться как надежный партнер, который не бросает своих союзников на произвол судьбы и добивается успехов. Она стала единственной страной мира, поддерживающей сбалансированные партнерские отношения со всеми ключевыми центрами силы на Ближнем Востоке: Саудовской Аравией, Ираном, Турцией, Египтом, Израилем, ОАЭ, Катаром, Иорданией.

Укрепление позиций России на Ближнем Востоке и на международной арене в целом открыли дверь для более активного расширения российского влияния в Африке. При этом привлекательность России в Африке во многом основывается на ее стратегической независимости: она воспринимается как партнер, отношения с которым укрепляют суверенитет и независимость африканских стран, позволяют им не делать «стратегический выбор» в пользу, условно, Запада или Китая, но который при этом сам не имеет ни желания, ни ресурсов создавать на континенте собственную систему гегемонии.

– На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Главными внешними вызовами для России являются глобальная конфронтация, транснациональные вызовы и региональная нестабильность. На глобальном уровне – это конфронтационная политика со стороны США и коллективного Запада в целом, который с приходом администрации Дж. Байдена консолидируется, пускай и временно. Эта конфронтация сохранится надолго. США не могут смириться с появлением и тем более усилением не подчиненных им центров силы. Они в принципе не знают равноправия в отношениях с другими великими державами, с другими центрами силы, не знают, как формировать совместный с ними международный порядок. Уход США из Афганистана стал водоразделом, подчеркнувшим завершение процесса смены парадигмы их внешней политики, начавшегося еще при Б. Обаме: от попыток распространить американский миропорядок и ценности на весь остальной мир Вашингтон перешел системному противостоянию с державами-соперниками.

Окончательную цель политики США в отношении Китая и России, которые отказались развиваться в соответствии с американскими идеологическими постулатами и встраиваться в американоцентричный миропорядок на правах младших игроков, блестяще сформулировал экс-госсекретарь М. Помпео, выступая в феврале 2020 г. на Мюнхенской конференции по безопасности: победа, аналогичная их победе в холодной войне. Применительно к России это означает фундаментальное изменение ее внутренней (приход к власти прозападных сил) и внешней политики – возвращение к «kozyревской модели» вхождения в Запад.

Основными инструментами конфронтации выступают санкции, информационная война, политико-дипломатическая борьба, попытки ослабить позиции России практически везде и дестабилизировать страны и регионы вокруг России, окружить ее недружественными режимами, неприкрытая поддержка российской оппозиции. Как показал саммит президентов России и США в Женеве 16 июня 2021 г., Вашингтон сейчас заинтересован в определенной стабилизации конфронтации с Россией, в недопущении ее неконтролируемой эскалации, но ни в коем случае не в ее преодолении. Отменять или ослаблять антироссийские санкции, корректировать политику в отношении Украины, Белоруссии, Сирии, по вопросам европейской безопасности, на постсоветском пространстве в целом, касательно внутренней политики России, США не намерены. Но в то же время в Вашингтоне понимают, что дальнейшая эскалация конфронтации с Россией будет отвлекать его внимание и ресурсы с главного – китайского направления, а также способствовать еще более стреми-

тельному военному усилению КНР благодаря партнерству с Россией. Поэтому они стремятся как бы зафиксировать конфронтацию с Москвой на нынешнем уровне, а не преодолеть ее, одновременно развивая избирательное сотрудничество с Россией там, где это выгодно им самим.

В результате этой конфронтации происходит выхолащивание правил игры в одних областях (развал системы контроля над вооружениями), появляются новые сферы противоборства, где правил нет вообще (прежде всего киберсфера). Как итог – усиливаются риски непреднамеренного военного столкновения России с США и НАТО. Кроме того, эта конфронтация усиливает, а порой и разжигает нестабильность вокруг России, мешает урегулированию конфликтов типа украинского, ограничивает свободу маневра российской внешней политики, мешает ее отношениям с целым рядом стран, а также негативно сказывается на ее экономическом развитии.

Другой международный вызов для России, актуальный в долгосрочной перспективе – это формирование международной системы, в которой совокупная мощь США и Китая будет значительно превышать мощь других центров силы, включая Россию. Такая система вряд ли станет классической биполярностью: это противоречит стремлению все большего числа стран развиваться самостоятельно и не присоединяться к какому-либо из мировых центров силы. Однако Россия в перспективе 15–20 лет, скорее всего, станет по сравнению с США и Китаем державой второго эшелона. С одной стороны, это дает новые возможности: повышается привлекательность России как страны, партнерство с которой укрепляет суверенитет многих стран и позволяет им не становиться сателлитами сверхдержав. Но, с другой стороны, Россия, скорее всего, потеряет статус эксклюзивного равного партнера США в вопросах стратегической стабильности, да и сама ситуация перехода во «второй эшелон» психологически неприятна.

Помимо вызовов, связанных с конфронтацией великих держав, Россия продолжает сталкиваться с транснациональными вызовами, связанными с глобализацией – изменение климата, турбулентность мировой экономики, пандемия, международный терроризм, международный наркотрафик. Причем подчас возникает резонанс традиционных и нетрадиционных вызовов. Конкретный пример подобного резонанса – изменение климата, которое помимо собственно экологических, социально-экономических и гуманитарных вызовов ускоряет превращение Арктики, которая еще недавно была регионом сотрудничества, в регион конфронтации России с США и НАТО. Для России – это существенный вызов, потому что Россия – это главная арктическая страна, и перетекание конфронтации США с РФ и КНР в Арктику будет негативно влиять не только на безопасность, но и на перспективы развития российской Арктики.

Поскольку Россия сталкивается одновременно с конфронтацией с США и связанными с ней вызовами, с одной стороны, и с рисками, связанными с глобализацией и глобальными трендами, с другой стороны, то возникает противоречие по поводу решения этих проблем. Совместить сотрудничество по решению глобальных проблем с великими державами с соперничеством этих же великих держав, как предлагает администрация Дж. Байдена, получается далеко не всегда.

Что касается региональных вызовов, то в 2020 г. мы наглядно видели, что постсоветское пространство превращается в дугу нестабильности от Беларуси на западе до Кыргызстана на востоке. Ни одна из ключевых проблем в регионе не будет разрешена в обозримой перспективе, и все они будут в той или иной степени отвлекать внимание и ресурсы России, а порой и обращаться для нее более существенными негативными последствиями (как, например, украинский конфликт).

Серьезным вызовом будет оставаться Афганистан, где в августе 2021 г. в мгновение ока пал поддерживаемый Вашингтоном режим и реставрировался режим талибов. Это создало новую неопределенность. Будут ли талибы и далее бороться с транснациональными террористическими группировками типа «Исламского государства» или начнут сотрудничать с кем-то из них? Будут ли они бороться с наркотрафиком или же будут и далее извлекать из него прибыль? Будут ли они содействовать распространению исламского фундаментализма в Центральной Азии? Пока дать однозначные ответы на эти вопросы невозможно, и России в любом случае придется уделять региону повышенное внимание, сочетая диалог с талибами с военной помощью странам Центральной Азии.

– Что Россия и США могли бы предпринять уже сейчас для минимизации/преодоления кризиса в двусторонних отношениях?

– Я не согласен с термином «кризис». Кризис – это состояние российско-американских отношений весны-лета 1999 г., осени 2008 г. или конца 2012 г. Сегодня же мы имеем дело с длительной системной конфронтацией, которую США вряд ли согласятся прекратить или до достижения своей победы или пока они не осознают, что победа невозможна. Для США конфронтация против России – это не только вопросы Украины, Сирии или Венесуэлы самих по себе, но вопрос положения их самих в международной системе, международного порядка.

В обозримой перспективе задача состоит не в том, чтобы преодолевать конфронтацию с США, что пока невозможно, а в том, чтобы управлять ей, не допускать ее выход за какие-то допустимые рамки. Прежде всего, не допускать непреднамеренного военного столкновения и неконтролируемой гонки

вооружений. Кроме того, необходимо сотрудничать там, где это работает во благо решения транснациональных проблем и выгодно России.

Первый подход предполагает укрепление механизмов деконфликтинга, диалога по военной линии, сохранение остатков контроля над вооружениями и формирование новой архитектуры поддержания стратегической стабильности в условиях ядерной многополярности и стирания грани между ядерными и стратегическими неядерными вооружениями. Также необходимо вырабатывать правила поведения в киберпространстве, особенно в военных аспектах кибербезопасности. Необходимо укреплять деконфликтинг по всей линии соприкосновения Россия – НАТО и Россия – США от Арктики до Средиземного моря. Важно минимизировать дальнейшую милитаризацию Арктики и перетекание туда конфронтации, и для этого усиливать взаимодействие в области охраны окружающей среды. Наконец, желательно восстановить нормальные дипломатические и консульские отношения.

Второй подход предполагает сотрудничество по борьбе с пандемией, борьбе с изменением климата и по защите природы в целом. Особенно в Арктике, где мы соседи, где природа наиболее хрупка, а изменение климата происходит гораздо быстрее, чем в других регионах мира, и где обе стороны в силу соседства и обоюдной уязвимости не заинтересованы в усилении военной конфронтации.

– В США давно рассуждают о том, как можно столкнуть Россию и Китай между собой. Предлагается отменить санкции против России, и в ответ она будет действовать против Пекина, или создать торгово-экономические условия для Китая, при которых взаимодействие с Москвой будет невыгодно. Возможны ли такие сценарии?

– США безусловно заинтересованы в ухудшении российско-китайских отношений, вплоть до геополитического столкновения. Администрация Д. Трампа начинала именно с разговоров о целесообразности улучшения отношений с Россией при условии ослабления ее партнерства с КНР. Однако реализовать этот замысел не удалось.

Во-первых, Россия четко дала понять США, что она не будет жертвовать самыми стабильными, продуктивными и интенсивными отношениями с другой великой державой, которые у России есть, ради непонятных перспектив. Ведь Вашингтон мало что может дать взамен. Тем более, ухудшение отношений с КНР создало бы для России серьезную угрозу безопасности и экономического развития.

Во-вторых, внутривнутриполитические проблемы, *Russiagate* в США тоже заблокировали какие-либо позитивные изменения в сторону России. Хотя с

уходом Д. Трампа роль Москвы в американской внутренней политике уменьшилась, российский фактор остается одним из инструментов внутривнутриполитической борьбы. США попросту не могут в нынешних внутривнутриполитических обстоятельствах пойти на сближение с Россией. В силу же инерции прошлой холодной войны, отсутствия экономической взаимозависимости и наличия влиятельных антироссийских этнических лобби Россия представляется весьма удобным врагом.

Сегодня мейнстрим в США считает, что Россия и Китай сами неизбежно столкнутся между собой в средне- и долгосрочной перспективе, и потому для их разведения Вашингтону не надо идти на какие-либо уступки Москве. Они исходят из того, что усиление асимметрии между Россией и КНР в пользу последней должно, в конце концов, заставить Россию начать воспринимать Китай как угрозу и, соответственно, искать защиты на Западе и менять вообще саму парадигму российской внешней политики. Как только это произойдет, шансы США на победу в новом глобальном противостоянии резко возрастут.

Для того, чтобы не допустить реализации подобного сценария, России нужно не только работать над дальнейшим укреплением партнерства с Китаем, но и формировать Большую Евразию как особое международно-политическое сообщество, в котором отсутствует игра с нулевой суммой, а также наращивать партнерские отношения с другими центрами силы Азии и Евразии – Индией, странами АСЕАН, Кореей и Японией.

СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ СОЗДАЕТ ДЛЯ РОССИИ РЯД БЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЙ¹

И.Н. Тимофеев – к.полит.н., программный директор РСМД, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», член РСМД

– Иван Николаевич, сегодня много говорится о кризисе либерального мирового порядка? Стоит ли ждать очередных «сумерек Запада»? Или запас прочности у либерального мирового порядка все же высок?

– Проблемы так называемого либерального мирового порядка давно обсуждаются на политическом и экспертном уровне. Обычно такой кризис связывается с несколькими факторами. Я бы отметил, как минимум, семь таких факторов:

Во-первых, следует отметить пределы глобализации и западно-центричной мировой экономики, накопление дисбалансов между реальными и спекулятивными секторами.

Во-вторых, наметились проблемы с продвижением западных ценностей и либеральной демократии как ключевого идеологического ориентира. Наблюдается отсутствие новых «волн демократизации», «откат от демократии» в целом ряде стран.

В-третьих, растет разобщенность политики США и других западных государств. Они пока относительно консолидированы в вопросе сдерживания России. Но такая консолидация буксует, когда речь заходит о противостоянии Китая. Демарши, подобные созданию AUKUS, вряд ли добавляют единства Западу.

В-четвертых, можно констатировать пределы использования военной силы для достижения внешнеполитических результатов. Военный потенциал США и союзников превосходит все остальные страны вместе взятые. Однако цена даже локального конфликта оказывается для них слишком высокой. Самые современные вооруженные силы не смогли, среди прочего, решить проблему афганского сопротивления.

В-пятых, налицо утверждение Китая на мировой арене в качестве нового экономического, технологического и военно-политического полюса. Внешняя политика КНР все более активна и постепенно выходит за рамки АТР.

В-шестых, следует отметить кризисные внутрисполитические явления и социальные протесты в западных обществах, прежде всего, в США. Кризис идентичности и размывание ценностной базы остаются актуальной пробле-

¹ Ключевые тезисы интервью впервые опубликованы в аналитической записке РСМД «COVID-19 и ситуация в современном мире: риски и возможности для внешней политики России». URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/covid-19-i-situatsiya-v-sovremennom-mire-riski-i-vozmozhnosti-dlya-vneshney-politiki-rossii/>

мой, несмотря на некоторую стабилизацию внутренней политики в США после выборов 2020 г.

Наконец, в-седьмых, «съеживаются» реальные возможности для США и их союзников играть роль глобального арбитра.

Без сомнений, сложившаяся конфигурация либерального мирового порядка нуждается в радикальных изменениях. Ближайшее десятилетие покажет, в какой степени Запад сможет адаптироваться к новым реалиям. Либеральный порядок пройдет через серьезные испытания. Однако было бы ошибкой констатировать гибель Запада и его уход с мировой арены. На то есть несколько причин.

Во-первых, несмотря на очевидные дисбалансы, экономики США и Европейского союза остаются наиболее развитыми и передовыми. В руках США и стран ЕС сосредоточены ключевые технологии. Освоение новых технологий Китаем и рядом других стран не означает их исчезновения в руках Запада. Даже если западные страны в некоторых отраслях оказываются догоняющими, они все равно остаются участниками «гонки» практически во всех жизненно важных отраслях. США сохраняют лидерство в мировой финансовой системе. Необходимость перехода к более плюралистической модели мировых финансов осознается другими центрами силы, однако требует значительных издержек и усилий.

Во-вторых, западные идеологические константы остаются наиболее систематизированными и целостными. Ни одна другая страна или коалиция стран пока не предложила значимой глобальной альтернативы. В качестве противовеса часто используются национальные модели, но они не носят глобального характера. Системную альтернативу не предлагает даже Китай. Опасность для западной идеологии представляет радикальный исламизм, которые захватывает широкие массы на Ближнем Востоке и за его пределами, но глобальной идеологией он тоже стать не может. Угрозой для Запада можно считать отрицание идеологии собственными гражданами, но переоценивать эти тенденции тоже нельзя. Все крупные западные страны сохраняют свое ценностное ядро. Идеологическое влияние Запада – фактор, с которым придется считаться еще долгие годы.

В-третьих, разобщенность США и Европейского союза имеет свои пределы. Трансатлантические связи остаются прочными. Это касается, прежде всего, вопросов безопасности. «Российская угроза» вдохнула новую жизнь в НАТО. В ЕС на официальном уровне признают США в качестве ключевого и безальтернативного партнера. Без сомнений, параметры трансатлантического партнерства будут меняться. Открытым остается вопрос о степени вовлеченности европейских союзников США в противостояние Вашингтона и Пекина, но сама структура их отношений остается стабильной.

Кроме того, ограниченность круга решения внешнеполитических задач военными методами не отменяет наличия мощнейшего оборонного и военно-

промышленного потенциала. Он позволяет сдерживать военные угрозы со стороны любых других игроков. Применение военной силы против них чревато значительными потерями, но и они ограничены в применении силы против США и любого союзника Вашингтона. Потенциал сдерживания обесценивает способность противников Запада использовать силу для балансирования не силовых методов внешней политики, таких как экономические санкции. В долгосрочной перспективе Запад сохранит за собой возможность военного сдерживания соперников на международной арене.

Стоит также добавить, что Китай действительно превратился в экономического гиганта. Его военно-политический и технологический потенциал растет. Однако бурный рост КНР шел в западно-центричной глобальной экономике. Пока Китай не может создать аналогичную глобальную систему. Китай стал мощной опорой мировой экономики, но сама система и правила игры пока не определяются Китаем.

Более того, мощные социальные протесты и внутривнутриполитические проблемы, прежде всего в США, вряд ли фундаментально угрожают политическим системам западных демократий. Они вполне могут приводить к острым внутривнутриполитическим кризисам, смене лидеров, правительств и партий у власти, но сами политические системы от этого пострадают мало. «Бурление» обществ и политические скандалы не должны вводить в заблуждение – политические системы в подавляющем большинстве западных стран являются устойчивыми. Размывание ценностей и кризис идентичности также могут смягчаться институтами. Подобные кризисы уже были в прошлом и неизбежны в будущем. Важно то, что они мало повлияют на стабильность политических систем.

При этом, США и Запад на ряде направлений могут уступать свои позиции. Однако речь зачастую идет об избавлении от «непрофильных активов» нежели о системном отступлении.

Наконец, в сухом остатке Запад останется важнейшим центром военно-политической, экономической и идеологической активности. Мировая финансовая система и глобальные производственные цепочки сохраняют значительное западное присутствие. Мощи Запада уже недостаточно для произвольного влияния на внешнюю и внутреннюю политику других крупных игроков. Однако такое влияние может иметь место ситуативно, в удобные моменты для западных стран и в критические моменты для их противников. Тогда как их влияние на Запад либо ограничено, либо чревато значительными издержками для них самих. Сценарий масштабного отступления Запада, и тем более его краха, не предопределен.

Большое значение будет иметь расклад сил внутри Запада. Важной исторической развилкой станет развитие отношений США и Европейского союза. ЕС пока сохраняет статус «экономического гиганта» и «политического карлика» на международной арене. Тем не менее внешнеполитический потенциал

ЕС постепенно усиливается. Вполне успешно происходит институционализация общей внешней политики и политики безопасности. Брюссель все более активно осваивает невоенные методы влияния. Если раньше они сводились в основном к мягкой силе, экономическому влиянию и «власти стандартов», то сегодня ЕС все более активно использует методы принуждения. Ключевым здесь является использование экономических санкций. Хотя по степени их применения Брюсселю далеко до Вашингтона, Европейский Союз уже можно считать вторым номером в мире по частоте применения односторонних ограничительных мер.

Евросоюзу пока далеко до создания собственных автономных вооруженных сил и силовых структур – разведки, органов безопасности и т.п. Он остается младшим партнером НАТО. Тем не менее потенциал для такого развития у Союза есть. Внутри НАТО сформировалась политическая субъектность ЕС. Постепенно создаются общеевропейские структуры реагирования на те или иные вызовы безопасности (например, в области «гибридных угроз»). Оборонная промышленность в странах ЕС способна к самостоятельному созданию практически всех современных видов вооружений. И хотя пока армии отдельных стран ЕС в значительных объемах используют технику США, при изменении политической обстановки и наличии политической воли Союз сможет обеспечить вооруженные силы государств-членов собственной техникой. Ключевой вопрос, как быстро будет процесс становления ЕС в качестве самостоятельного игрока. Тот факт, что до настоящего времени он шел медленно, не гарантирует того, что в будущем темпы повышения самостоятельности ЕС не вырастут.

Ключевым вопросом представляется не столько стабильность трансатлантических связей, сколько их направленность. «Российская угроза» вдохнула в НАТО вторую жизнь. Однако для Вашингтона ключевой проблемой является не Россия, а Китай. Большой вопрос, смогут ли США добиться от своих европейских союзников полноценного участия в холодной войне против Китая. Если Великобритания после *Brexit*, по всей видимости, присоединяется к политической линии США по Китаю (например, в виде новых запретов для компании «Huawei»), то активная роль Брюсселя вызывает вопросы. В любом случае противостояние США и Китая становится осью мировой политики на ближайшие годы, если не десятилетия.

– Можно ли назвать отношения США и КНР новой холодной войной?

– Совершенно точно можно говорить о растущем соперничестве двух держав. Вашингтон пытается упредить быстрый рост Китая и ужесточает в последние годы свой политический курс в отношении Пекина. Ключевой мотивацией на

резкую смену политического курса является технологический, экономический и военный рост КНР, который воспринимается в США как долгосрочная стратегическая угроза. Подобный рост стал возможным в том числе благодаря включенности Китая в западно-центричную глобальную экономику. Соответственно, сдерживание Китая наверняка будет предполагать (а в ряде отраслей уже предполагает) маргинализацию КНР, ее отлучение от западной технологической среды и цепочек добавленной стоимости. Если раньше подобная политика производила впечатление повышения ставок для последующего достижения компромиссов, то сегодня она явно входит в режим открытой конфронтации. Можно выделить несколько направлений американского наступления на Китай:

Первое – технологическая изоляция КНР в критически важных отраслях. В основном речь о телекоммуникациях и подрыве мощи ключевых телекоммуникационных компаний Китая (прежде всего, *Huawei*). Их изоляция ведется путем торговых и экономических санкций.

Второе – ужесточение доступа китайских компаний к инвестициям в технологические и промышленные компании США. Ужесточение режима доступа граждан КНР к научным и технологическим разработкам.

Третье – переосмысление и обновление отношений с союзниками в регионе АТР и за его пределами на платформе противодействия Китаю. Попытки расширить антикитайскую коалицию. Признаки ремилитаризации Тайваня.

Четвертое – усиление нажима на КНР с точки зрения его внутривнутриполитических проблем. Существенное наращивание критики и санкций за нарушение прав человека и этнических меньшинств. Поддержка диссидентов. Продвижение оппозиции «коммунистическое правительство против достойного китайского народа».

Пятое – модернизация вооруженных сил с общей направленностью на сдерживание КНР. Развал режима контроля над вооружениями с целью развязывания рук для гонки вооружений с КНР в области стратегических вооружений.

Шестое – сам Китай не торопится с ответной эскалацией, однако его позиция становится все более жесткой. Ответом на беспорядки в Гонконге стало новое законодательство, которое фактически обнуляет его автономию. КНР все более активно вводит ответные ограничительные меры против США. В области технологий американские ограничения лишь стимулировали Пекин к наращиванию своей автономии и внедрению собственных технологических платформ.

Седьмое – вместе с тем политический курс США на конфронтацию с Китаем чреват рядом рисков как для самих США, так и для их союзников. Среди них потеря позиций на рынке Китая. В целом доступ к национальному рынку – серьезный внешнеполитический инструмент в руках КНР, особенно в отношениях с союзниками США; целенаправленная политика Китая по уxo-

ду из долларовой финансовой системы под угрозой растущих санкций США. Создание альтернативных финансовых каналов сделок, подрывающих глобальную роль американских банков. Реализация данного курса может занять долгое время, но сам факт подобных изменений – плохой сигнал для глобальной финансовой системы в ее современном виде; риски непреднамеренных шоков для глобальной экономики в случае резкой расцепки китайской и американской экономики; двойное сдерживание России и Китая, чреватое перенапряжением ресурсов; избыточная гонка вооружений; консолидация Китая своих ресурсов для противодействия США, трансформация внешнеполитического курса КНР в сторону жесткого сдерживания США; разбалансированность антикитайской коалиции. Трудности мобилизации союзников в противодействии КНР; риски непреднамеренных обострений в военно-политической сфере. Для США конфронтация с Китаем осложняется нестабильной ситуацией в других регионах. Прежде всего, речь о Ближнем Востоке.

– США ушли из Афганистана и сокращают присутствие на Ближнем Востоке. Что это означает для региона?

– Растущая конфронтация с Китаем меняет значимость Ближнего Востока во внешнеполитической повестке США. Если раньше регион представлял собой передовой фронт в связи с противодействием исламскому радикализму, то сегодня он воспринимается американцами как «непрофильный» актив. Скорее всего, Вашингтон будет стремиться к сокращению военного присутствия в регионе при одновременном сохранении своего влияния. Добиться такого баланса будет непросто.

Сокращение военной активности происходит в ситуации принципиальной нерешенности проблемы международного терроризма и радикального исламизма. О ней меньше говорят в глобальных (западных) СМИ, но снижение внимания не означает решение вопроса. Международному сообществу действительно удалось нанести радикалам серьезный ущерб. Подорвано влияние Аль-Каиды. При непосредственном военном участии России разгромлен костяк ИГ (организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ). Однако условия, которые порождают радикализм, остаются неизменными. Регион остается полем многочисленных социальных и межконфессиональных конфликтов, являющихся питательной средой для радикалов. В демографическом плане ему свойственно наличие многочисленного и пассионарного молодого населения. Его активность не могут абсорбировать ни политические институты, ни экономика. В отличие от начала 2000-х гг. международное сообщество в деле противодействия международному терроризму и радикализму в значительной степени разобщено. Более того, за отдельными

радикальными группировками стоят специальные службы конкретных государств, что хорошо показал опыт гражданской войны в Сирии. Курс на демократизацию ряда оккупированных американцами государств оказался под большим вопросом. В Афганистане попытка разгрома Талибана провалилась.

Иран будет оставаться для США ключевым внешнеполитическим соперником в регионе. Вашингтон сохраняет экономическую блокаду страны. Перспективы возвращения в СВПД туманны. Расчет делается, в том числе, на смену политического режима под влиянием экономического кризиса и общественного недовольства. Сохраняются риски военного столкновения Ирана с США и их союзниками в регионе. Любой сценарий эскалации вокруг Ирана (смена режима, военный конфликт, полноценный возврат к ядерной программе и др.) чреват серьезными дестабилизирующими последствиями.

Очевидно, что сокращение военно-политического присутствия США в регионе будет иметь свои пределы. Вашингтон не сможет радикально высвободить силы, задействованные на Ближнем Востоке, для их концентрации в Азии. Это создает предпосылки для перенапряжения сил США (хотя и не гарантирует его). Китай пока громко не заявляет своего присутствия на Ближнем Востоке. Регион в ближайшей перспективе вряд ли станет ареной противостояния двух держав (это касается также Африки, Латинской Америки). Пекин избегает показывать свои политические амбиции и открыто вредить интересам США. Ситуация может измениться в случае дальнейшей эскалации американо-китайских отношений.

– Что все это означает для России?

– В условиях кризиса мировой экономики под влиянием COVID-19 и нарастающей конфронтации КНР и США, Россия сталкивается с новыми и обострением существующих вызовов. Сохраняется отсталость российской экономики, сырьевая направленность ее экспорта, зависимость от зарубежных технологий, слабость промышленной базы, пространственные диспропорции, неоднозначный деловой климат. В этом же списке – конфронтационные отношения с Западом (прежде всего, с США); политика санкций в отношении России, политизация экономических проектов («Северный поток – 2» и др.); идеологическая и информационная война против России; «игра с нулевой суммой» на постсоветском пространстве. Нельзя не упомянуть развал системы контроля над вооружениями, возобновление гонки вооружений. При этом сохраняются традиционные и возникают новые вызовы безопасности – террористическая угроза, международная преступность, транснациональная коррупция, угрозы цифровой среды и др. Немаловажную роль играет ослабление роли международных организаций и режимов, прежде всего, организаций системы ООН.

Наконец, еще один вызов для России – узкие возможности для гуманитарного влияния и применения мягкой силы, сокращение ареала «русского мира», ограниченное идеологическое влияние России в мире.

Вместе с тем у России сохраняется ряд важных преимуществ и активов. Среди ключевых – выгодное географическое положение, позволяющее играть роль сразу в нескольких регионах (в Европе, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе). Россия не обязательно является ключевым игроком, однако ее присутствие значимо для региональных коалиций и влияет на баланс сил. Еще одно преимущество – компактные и современные вооруженные силы. Наличие потенциала ядерного сдерживания и его опережающее технологическое обеспечение. Военные возможности в космосе, в арктическом регионе, в мировом океане.

Стоит также упомянуть о сохранении технологического и кадрового потенциала в ряде стратегических отраслей, прежде всего, в оборонной промышленности и цифровых технологиях. Потенциал к освоению передовых технологий, включая искусственный интеллект. Макроэкономическая стабильность, эффективная монетарная и фискальная политика, концентрация резервов, низкий долг – еще одно важное преимущество России. Как и человеческий капитал – остановка (но не разворот) негативных социальных тенденций, среди которых – ранняя смертность, алкоголизация населения, низкая фертильность и др. В этом контексте нельзя не упомянуть добрососедские и партнерские отношения с важнейшими мировыми и региональными не западными центрами силы, отсутствие вовлеченности в ключевые противоречия между ними. А также определенные успехи в проектах региональной интеграции в области экономики и безопасности (ОДКБ, ЕАЭС). Наконец, важна диверсификация отношений с Западом. Сохранение и развитие двусторонних диалогов с европейскими странами, ограниченное партнерство с ЕС.

Ситуация в современном мире создает для России ряд благоприятных условий. Во-первых, речь идет о растущей концентрации США на соперничестве с КНР. Новая ситуация принципиально отличается от структуры отношений двух-четырёхлетней давности, когда Россия находилась в центре западной конфронтационной повестки. В США Москва воспринимается как важный соперник. Однако подобный статус «разбавляется» присутствием Китая в качестве не менее важной угрозы в глазах Вашингтона. Второе важное условие – новые возможности для стратегического диалога Москвы и Пекина с учетом политики США. Третье – предпосылки к более активному продвижению урегулирования на Донбассе и реализации Минских соглашений. Прогресс на данном направлении способен фундаментально оздоровить отношения России и ЕС. Однако спешка здесь также контрпродуктивна. Пока фактор времени не играет против Москвы. Стоит также отметить осторожное отношение важных

центров силы (прежде всего, ЕС и Индии) к участию в конфронтации США и КНР. Рост востребованности многополярного (полицентричного) мира.

В складывающихся условиях представляются целесообразными следующие внешнеполитические шаги:

Первое – всестороннее обсуждение партнерства с КНР в новых условиях. Совместная оценка рисков технологической и финансовой блокады со стороны США. Разработка совместных инструментов адаптации к возможным недружественным мерам. Оценка и анализ углубления военно-политического сотрудничества, а также совместного реагирования на кризисные ситуации. Ревизия повестки ШОС в новых условиях. Российско-китайский диалог о новых модальностях организации мировой финансовой системы.

Второе – укрепление посреднической роли в диалоге Индии и КНР в формате РИК. Недопущение формирования коалиций против КНР с участием Индии. Поддержка традиционного курса Индии на неприсоединение. Углубление партнерства с Индией.

Третье – движение к урегулированию конфликта на Донбассе, в т.ч. в партнерстве с Германией и Францией. Формирование гибкой коалиции, направленной против «партии войны» на Украине. Маргинализация позиций «партии войны» в Минском процессе.

Четвертое – осторожное восстановление партнерских связей с Европейским Союзом. Полноценное сотрудничество без ущерба российским интересам в ближайшей перспективе невозможно. Однако Москва могла бы аккуратно содействовать повышению автономии ЕС в международных делах. Среди общих интересов России и ЕС: препятствование разворачиванию ракет средней и меньшей дальности в Европе, сохранение транспарентности военных потенциалов в европейском регионе, противодействие терроризму, энергетическая безопасность, климатическая повестка и др.

Пятое – диалог с США по вопросам безопасности. Обсуждение параметров новой системы контроля над вооружениями и международной безопасности. При понимании того, что возвращение к полноценному диалогу будет осложняться внутривнутриполитическими факторами в США и сохраняющимися противоречиями по ключевым вопросам.

Шестое – постепенная либерализация визового режима с целью облегчения инвестиций в Россию, деловых связей и торгово-экономических отношений. Развитие взятого курса на цифровизацию визовой политики.

Седьмое – восстановление экономики ЕАЭС после пандемии COVID-19. Лидирующая роль в реализации принятых мер.

Восьмое – критический анализ понятия многополярного (полицентричного) мира. Обсуждение его параметров и путей недопущения блоковой конфронтации с ключевыми партнерами на международной арене.

ГЛАВНЫЙ РЕЗЕРВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАХОДИТСЯ ВНУТРИ СТРАНЫ

Д.В. Тренин – к.и.н., директор Московского Центра Карнеги, член Шведской королевской академии военных наук, член РСМД

– Дмитрий Витальевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– На мой взгляд, наиболее удачным направлением внешней политики России в 2010-е гг. было ближне- и средневосточное. Речь не только об успешном проведении военной операции в Сирии, но прежде всего о реализации новой модели внешней политики страны в этом регионе:

- поведение России здесь определяется конкретными национальными интересами страны, а не абстрактными схемами или историческими воспоминаниями о прежних приобретениях и утратах;
- России удается поддерживать деловые контакты со всеми значимыми силами, в том числе с теми, кто настроен непримиримо по отношению друг к другу (например, Израиль и Иран);
- у России на Ближнем и Среднем Востоке нет ни вечных союзников, ни заклятых врагов; военная и дипломатическая линии внешней политики в основном согласованы;
- действия РФ опираются на качественную аналитику и глубокое знание и понимание очень сложного региона.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Внешних вызовов перед Россией в 2020-е гг. стоит много. Главными задачами по ответу на эти вызовы я бы назвал:

- управление конфронтацией с США и Западом в целом, позволяющее избежать риска вооруженного столкновения, способного эскалировать до военного конфликта и потенциально ядерной войны;
- разумное дистанцирование от американо-китайского противоборства, при том, что отношения России с США, скорее всего, останутся враждебными, а отношения с Китаем – партнерскими;

- поддержание равновесия в рамках отношений с крупнейшим партнером России – Китаем; исключение критической зависимости – экономической, финансовой, научно-технической – РФ от КНР;
- перестройка энергетической политики России в условиях перехода ведущих мировых экономик к углеродной нейтральности;
- развитие интеграционных связей со странами ЕАЭС;
- сохранение и развитие основы для отношений соседства и сотрудничества со странами Европы;
- укрепление партнерских отношений с Индией в условиях дальнейшего сближения России с Китаем, а Индии – с США.

При всей важности этих задач необходимо иметь в виду, что внутренние вызовы для страны – экономические, демографические, технологические, социальные, политические, морально-нравственные – гораздо серьезнее. Именно от ответа на них будет в первую очередь зависеть положение страны в мире.

– Что Россия и США могли бы предпринять уже сейчас для минимизации/преодоления кризиса в двусторонних отношениях?

– Конфронтация – это не кризис в отношениях. Острая фаза кризиса пришла на 2013–2015 гг., с тех пор отношения России и США перешли в стадию враждебных. Конфронтацию невозможно прекратить по взаимному согласию: столкновение мировоззрений и интересов России и США слишком принципиально для этого. Каков будет результат этой борьбы и когда его можно ожидать, пока сказать невозможно. Я предполагаю, что ответ на этот вопрос лежит в большей мере в области внутреннего развития России и Америки, чем в сфере их взаимоотношений.

Если конфронтацию нельзя прекратить, то ее можно сделать менее опасной, а в идеале договориться о некоторых правилах, которые сделают противостояние более предсказуемым, существенно снизят или даже исключат риск непредвиденных и непреднамеренных столкновений, чреватых войной. Последние шаги Москвы и Вашингтона ведут в этом направлении: продление Договора СНВ-3, встреча президентов двух стран, подготовка к диалогу о стратегической стабильности, разговор о кибербезопасности. Важно в этой связи поддержание постоянных и при необходимости чрезвычайных контактов между высшими военачальниками, руководителями советов безопасности двух стран, шефов спецслужб.

– Как может трансформироваться роль США в мировой политике с учетом роста таких полюсов силы, как Россия и Китай?

– Положение США как неоспоримого глобального лидера, каким они стали на рубеже 1990-х гг., – в прошлом. В 2010-е гг. вначале Россия бросила вызов порядку, установленному после окончания холодной войны, а затем США сочли, что возвышение Китая достигло отметки, когда оно стало угрожать американскому первенству в мире, и объявили КНР соперником и оппонентом. Сегодня США – пока еще сильнейшая по важнейшим параметрам мощи мировая держава, абсолютный лидер глобальной группировки экономически развитых стран, доминирующая сила в сфере глобальных финансов. Основы американской мощи и гегемонии США в рамках коллективного Запада пока еще довольно прочны. Выход китайской экономики на первое место в мире по объему ВВП (вскоре – и в номинальном долларовом выражении) не станет концом американского лидерства, как не стало им приобретение Советским Союзом во второй половине XX в. военно-стратегического паритета с США. Китай не заместит США в качестве мирового гегемона, но у США уже нет сил, чтобы победить, разгромить Китай.

В современном мире уже сложилась американско-китайская биполярность, но она существует – по крайней мере, пока – в отсутствие жесткого блокового деления, как это было во времена холодной войны. Многие союзники США, даже ближайшие – Великобритания, Германия, Франция, Япония – стремятся сохранить выгодные экономические связи с Китаем. Ближайший партнер КНР Россия проводит самостоятельную внешнюю политику. Другая великая держава, Индия, поддерживает близкие отношения с Россией и развивает связи с США. Региональные державы – Турция, Иран, Саудовская Аравия, Бразилия, Индонезия, ЮАР, Нигерия, ряд других становятся центрами силы в отдельных частях мира. Важную международную роль играют транснациональные компании, особенно технологические – правда, в основном это компании американские. Некоторые небольшие государства – от Норвегии и Швейцарии до Сингапура и Катара – являются и могут стать лидерами в отдельных областях. Россия – одна из глобальных великих держав, мировых центров силы (прежде всего в военной и геополитической областях). Влияние России на мировые дела может быть большим, если Россия сможет значительно укрепить свой экономический и технологический потенциал, а также морально-нравственные устои общества и в особенности правящей элиты страны.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ВАША СВОБОДА КОНЧАЕТСЯ ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ СВОБОДА ДРУГОГО

О.В. Алексеева – Главный редактор в мультимедийном сервисе ОККО (2019-2021 гг.), член РСМД

– Ольга Валерьевна, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Основной успех – это коренной слом внешнеполитической парадигмы. История про «мягкую силу» сработала, уверена, и в случае с Крымом, и с зимней Олимпиадой 2014 г. в Сочи. Но самая главная победа, конечно, в главной войне 2020–2021 гг., войне с пандемией COVID-19. И это не сражение одного государства с другим, а война всех против COVID-19. В этом вопросе России удалось предложить универсальное «оружие» – вакцину, похоже, бьющую точно в цель. Кажется, это куда более эффективно, чем бряцание настоящим оружием.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Первая проблема текущей политики – это нарастание хаотических явлений, которые уже не вписываются в традиционные теоретические языки описания, такие как теория игр или школы конфликтологии. Второй вызов – скорость происходящих изменений. Сегодняшние друзья становятся врагами, это происходит не завтра утром, а уже сегодня вечером. И наоборот. Человеческое сознание достаточно консервативно, поэтому такого рода быстрые изменения, если они происходят регулярно, ломают рациональное восприятие, аналитика не поспевает за многообразием кейсов, и действия акторов на политической арене уже больше похожи на принцип бихевиоризма «стимул – реакция».

– Как меняются современные СМИ? По вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– Будущее – за мультифункциональными кросс-платформами. Они будут вмещать в себе большинство доступных нам видов коммуникации – это и текстовые новости, и лонгриды, и видеожанры, и возможность читателей коммуницировать как друг с другом, так и с авторами материалов.

– В 2019–2020 гг. мы видели, как крупнейшие технологические гиганты (Twitter, Facebook, Google) оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например, ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Речь идет о том, что глобальные компании пытаются взять на себя основную функцию государства – так называемую монополию на насилие. Естественно, это уже происходит, ровно этот функционал они примеряют на себя, например, основываясь на собственных правилах, блокируют пользователей в интернет-пространстве. Но это неизбежная история, если сначала многим казалось, что транснациональные компании несут с собой только позитив и прогресс, сейчас всем очевидно, что это не всегда так. В идеальном мире в принципе не должно быть цензоров. К сожалению, мы живем не в идеальном мире, более того, мы живем во фрагментированной реальности, где каждый институт стремится цензурировать по своим правилам, и даже национальные государства уже не могут полностью регулировать все процессы в этой области. Полагаю, что в будущем возможно продолжение тренда на деглобализацию, то есть на процессы, обратные процессам глобализации, поскольку национальные государства и правительства обеспокоены упрочением позиций технологических гигантов.

В этом случае важнейшую роль будут играть новые технологии: блокчейн, искусственный интеллект. Позитивным является тот факт, что Россия имеет и свои собственные блокчейн-разработки (например, *Waves, Power ecosystem*). Будущее – за развитием и инвестированием в эти технологии на национальном уровне, чтобы не пришлось в очередной раз вести борьбу с *Facebook, Google* и другими западными информационными гигантами.

Что касается СМИ, я считаю, они должны представлять разные интересы. И здесь важны понятные для всех правила и ограничения. Золотой принцип – «ваша свобода кончается там, где начинается свобода другого человека». Правда, его не всегда легко применить в реальности, это и есть один из сложнейших вызовов для традиционных СМИ.

– Несколько лет назад Вы отмечали, что информационные войны стали новой реальностью, а их последствия стоит воспринимать так же серьезно, как и результаты, например, военных конфликтов. Чему может доверять «простой» человек сегодня? Насколько кардинально изменилась ситуация за это время, и стоит ли надеяться на то, что информационные войны рано или поздно закончатся?

– Думаю, что пока эта тенденция будет только нарастать. Сейчас это практически как у Т. Гоббса – конфликт всех против всех. Как мы помним, в «Левиафане» это закончилось общественным договором. Чем это закончится в текущих условиях? До конца неясно. Информационные войны активно взращиваются и финансируются в самых разных точках земного шара. Важно уже не само событие, а борьба за его интерпретацию.

Качнется ли маятник в обратную сторону? Есть ли на это основания? Будем надеяться, что качнется. Это произойдет тогда, когда ключевые игроки на этом поле рационально осознают деструктивные последствия и издержки информационных войн. Кроме того, свою роль сыграет и банальная усталость людей. Пусть последствия таких информационных конфликтов и не так очевидно разрушительны, тем не менее их негативное воздействие на психику общества накапливается. Однако если общество отстранится от негативного контента, перестанет его воспринимать, «война за умы» прекратится сама собой.

Чтобы выбрать заслуживающие интереса источники доверия, надо прежде всего воспитывать в себе критическое мышление. Путь к доверию лежит через недоверие. Для начала стоит изучить максимально широкий спектр мнений и затем выбрать собственную позицию. К сожалению, слепо верить даже одному и тому же источнику информации не всегда резонно.

Очень важно укреплять институт доверия не только на уровне «общество – власть», но и на общественном, то есть на уровне взаимодействия непосредственно между людьми. Здесь на помощь тоже могут прийти новые технологии, например, уже упомянутый блокчейн, позволяющий создать прозрачную и высоконадежную систему хранения информации, которой доверяют все участники коммуникации.

– С учетом резкого роста популярности Telegram-каналов в последнее время и многочисленных попыток государственных и общественных деятелей освоить новую для себя нишу, считаете ли Вы, что Telegram-пространство продолжит разрастаться, или пределы роста уже достигнуты? Какие форматы коммуникаций вы считаете наиболее перспективными?

– Информационно *Telegram*-каналы имеют достаточно ограниченный потенциал роста, учитывая, что большая часть ниш уже занята, а среди развлекательных ресурсов гораздо большие перспективы имеет, например, *TikTok*. Кроме того, появляются (и угасают) новые каналы коммуникации как, например, еще совсем недавно бешено популярный *Clubhouse*.

Тем не менее *Telegram* наверняка останется одним из базовых каналов коммуникации и точно будет продолжать развиваться в качестве мессендже-

ра. Однако дополнительным ограничением может послужить то, что часть его функций могут сделать платными.

Все большее значение приобретают профессиональные сообщества, подобные РСМД. Что касается перспективных каналов коммуникаций, считаю, что большой потенциал имеют нишевые профильные кросс-платформы. Это полноценное высокопрофессиональное комьюнити: его члены активны; горячо, но уважительно спорят друг с другом; работают с молодежью и делятся своим опытом. В науке, например, таких активных людей набралось бы не больше 15%, и это справедливо и для России, и для всего мира. Такие люди могли бы самоорганизовываться в сообщества, особенно если бы мерой успеха в науке были реальные научные достижения, и информация о них стала бы прозрачной и верифицируемой¹. И попытки сделать такую среду, которая бы позволяла преодолеть все эти барьеры, постепенно предпринимаются², причем не со стороны государства или за счет спонсора, а «снизу» по инициативе самого сообщества.

¹ А.А. Космарский, В.В. Картавцев и др. Трайбы и прозрачность: перспективы цифровых механизмов самоорганизации в российской науке // ВЦИОМ. 18.12.2019.
URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/957>

² О нас // InScience.news. URL: <https://inscience.news/ru/article/about>

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ

С.Б. Брилев – заместитель Директора филиала по специальным и информационным программам ТК «Россия», ведущий программы «Вести в субботу», президент Института Беринга-Беллингаузена по изучению обеих Америк (ИББА), президент Ассоциации «Глобальная энергия», член РСМД

– Сергей Борисович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Пожалуй, то, что Россия вернулась к суверенной внешней политике. Многие при этом говорят о «Вестфальском мире 2.0». Мне кажется, что точнее будет сказать о новом *эгоизме*. Для кого-то, наверное, печально, что это ставит крест на том, что было принято называть общими ценностями. Не скрою, что для меня лично трагедией является то, что мы все не воспользовались уникальным шансом создать большую Европу и по-настоящему большую Евразию. Но, наверное, это было невозможно.

Между тем, то, что происходит в последние годы, уже обозначило новую тенденцию: ресуверенизация и возвращение к эгоизму. Кстати, иной раз он может быть и коллективным. В конце концов, суверенный *Brexit* приблизил обособление внутри Запада целого коллективного клуба *AUKUS*, говоря по-старому, англо-саксонских держав. При этом, одновременно состоялось объявление о том, что Иран войдет в ШОС, что, в свою очередь, является квинтэссенцией евразийского эгоизма.

Но нельзя забывать и еще об одной тенденции. Не менее важно то, что идея ресуверенизации, возвращения к эгоизму захватила и развивающийся мир. Конечно, его экономические, политические, военные возможности намного скромнее. Тем не менее развивающийся мир и раньше играл на том, что совокупность его голосов важна при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН, в МОК или ФИФА. Но сейчас, глядя на то, что происходит на Севере, и на Юге – заговорили по-другому. Отчетливо вижу это на примере не чужой для меня Латинской Америки. Руководитель одной из ее интеграционных структур, имя которого я называть не буду по соображениям этики, недавно прямо сказал мне: «Я всем советую не становиться ничьим постоянным союзником. И вам советую не искать у нас постоянных союзников». Иными словами, добро пожаловать в XIX в. Не очень привычно. Но, кстати, не худшая система.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Не буду оригинален, начну с пандемии. Не надо быть эпидемиологом, чтобы понять: *COVID-19* стал только первой ласточкой. Из очевидного: перестают работать антибиотики. Поэтому понятно, что мы столкнемся с новыми и новыми волнами старых и новых болезней. События последних полутора лет показали, какие страны являются действительно лидерами в научных изысканиях. Печально, что если в 1970-е гг., на пике холодной войны, СССР и США смогли объединить усилия для того, чтобы избавить человечество от оспы, то сейчас мы видим тенденцию на некрасивое соревнование вакцин и очень некрасивую иллюстрацию того самого нового эгоизма: на такой-то вакцине правильная, наша этикетка, а с такой-то прививкой пожалуйста в карантин. Очевидно, что речь идет о защите не здоровья, а рынков. Это большая проблема. Кстати, в качестве примера для подражания вновь приведу Латинскую Америку и конкретно Уругвай. Сам он применяет четыре вакцины, но там ты считаешься вакцинированным, если поставил прививку легальную в стране твоего постоянного проживания. Очень, поистине демократично! Но Уругвай маленький, а мир большой.

С привычной политической точки зрения, коренная проблема – европейская безопасность. Точнее в целом новый военно-политический баланс создан (пусть даже и есть проблема Украины). Но надо думать о новых мерах если не доверия, то предотвращения столкновений. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)? Не уверен. Совет Россия–НАТО? Хорошо бы его реанимировать. Отдельная история связана с Азией, где все, в общем-то, только начинается с точки зрения согласования вопросов безопасности. ШОС – хорошо. Но нет механизмов в сторону решения проблем безопасности всего того, что лежит к югу и юго-востоку от Китая. Это, пожалуй, на мой взгляд, самый потенциально опасный регион с точки зрения того, как будет складываться глобальная система безопасности.

– Как меняются современные СМИ? По Вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– Это не первая революция в СМИ. Как «телевизионщик» могу сказать, что, пожалуй, самая прикладная проблема состоит в следующем: мы научились хорошо считать телевизионные рейтинги классического телесмотрения.

Но все больше и больше людей наш же видеоконтент смотрит в Интернете. По сути, телевизора уже нет. Есть монитор, на который вы получаете сигнал телеканалов, видеостримов и т.п. Как создать алгоритм синтетического рейтинга? Вопрос не в самолюбии или тщеславии. Вопрос в распределении рекламы, которая и позволяет СМИ оставаться на плаву. А СМИ – это средства массовой информации, а не интерпретации а-ля блогеры. Однозначно можно предсказать одно: мы все больше будем идти по пути создания мультимедийных ресурсов. Но это не отменяет коренной проблемы: создания алгоритма синтетических рейтингов.

СБЕРЕЖЕНИЕ ВЗАИМОУВАЖЕНИЯ МЕЖДУ НАРОДАМИ ПОСРЕДСТВОМ УГЛУБЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ – ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ПРЕОДОЛЕТЬ РАЗОБЩЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ МИРА ПЕРЕД ЛИЦОМ УГРОЗ СОВРЕМЕННОСТИ

В.В. Григорьев – вице-президент Российского книжного союза, член РСМД

– Владимир Викторович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– В течение последних 10 лет главная цель внешней политики России заключается в активном отстаивании своих национальных интересов и выработке приемлемых для всех участников международных отношений компромиссов по острым проблемам современности. Россия неоднократно успешно выступала посредником при разрешении интернационализированных конфликтов, например, в Сирии и Нагорном Карабахе, и как бы ни пытались дискредитировать усилия России, она зарекомендовала себя в качестве надежного и ответственного партнера.

Успехами можно назвать борьбу с международным терроризмом и экстремизмом, а также инициативы Москвы в сфере сохранения существующей договорной системы сдерживания гонки вооружений. Успешной можно назвать и российскую активную деятельность в БРИКС, ШОС, ОДКБ, а также «поворот на Восток», позволивший продвинуть интересы России в динамично развивающийся регион. В то же время практически все последнее десятилетие нарастал и углублялся конфликт между Россией и Западом. Не может не тревожить ситуация на юго-востоке Украины.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Россия и еще в большей степени Китай сталкиваются с агрессивным давлением стран Запада, порожденным стремлением законсервировать доминирование США и их союзников в мире. Однако это уже привычные угрозы. Главным же вызовом ближайших лет мне видится рост разобщенности мирового сообщества. Уже сейчас следует признать, что пандемия оказалась, пожалуй, самым значительным глобальным потрясением со времен Второй мировой войны, затронувшим не только и не столько вопросы здоровья, сколько вопросы экономической и политической безопасности. И пандемия

усугубила эту проблему разобщенности. Последствия спровоцированного COVID-19 глобального кризиса будут проявляться в течение еще многих лет. К вышеупомянутым вызовам стоит добавить вопросы изменения климата и финансовые кризисы, отчасти обусловленные созданием криптовалют и бурным развитием новых информационных технологий.

В подобной ситуации становится очевидной неспособность международных институтов, учрежденных для поддержания стабильности, справиться с актуальными вызовами. Также ясно, что никакая идеология или самая продвинутая система государственного управления не смогут найти ответы на эти угрозы в одиночку. В этой связи полагаю, что именно непонимание и недоверие между государствами может стать одной из основных проблем, с которой столкнется не только Россия, но и остальные страны мира. Сложившаяся сегодня в мире обстановка повышенной напряженности, взаимной подозрительности и бесконечных нападок рискует стать едва ли не ярчайшей иллюстрацией принципа домино: стоит пойти трещинами одной плите в фундаменте устойчивых международных отношений, и это тут же повлечет за собой цепную реакцию, в результате которой может обрушиться вся весьма хрупкая конструкция мира без войны.

При этом наращивание вооружений также опасно само по себе и является вызовом для России наряду с нежеланием властей различных стран слышать друг друга. Единственный способ не допустить развития катастрофического сценария в будущем – бороться за сбережение взаимодействия между народами, взаимоуважительного и проникнутого духом ценностей гуманизма.

– Как меняются современные СМИ? По Вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– Как однажды заметил талантливый российский телевизионный менеджер, К.Л. Эрнст, говорить о конкуренции между телевидением и Интернетом не приходится: театр же не конкурирует с кино, они сосуществуют, дополняют и обогащают друг друга. Сходные процессы происходят и в сфере масс-медиа. Традиционные СМИ – газеты, журналы, телевидение и радио – вполне успешно переориентируются на изменившиеся запросы своей аудитории.

Очевидно, что в связи с ограничениями, вызванными пандемией COVID-19, средства массовой коммуникации, как и другие отрасли экономики, оказались в особенно непростом положении. Компьютеризация общества и повышение цифровой грамотности населения выводит на первый план новый формат СМИ – так называемые новые медиа, постоянно доступные на цифровых устройствах и подразумевающие активное участие пользователей в создании

и распространении контента. Тем самым традиционные СМИ приобретают мультимедийный характер и используют в своей работе различные современные технологии и платформы: социальные медиа (*TikTok, Instagram*, Вконтакте), мессенджеры (*Telegram*), трансляции в сети Интернет, мобильные приложения и др.

Не отстает от этих тенденций и радиоиндустрия. В конце 2020 г. все крупнейшие игроки российского радиорынка запустили мультиплатформенный радиоплеер. Проект призван стать основным легальным агрегатором федеральных и региональных радиостанций в Интернете. Радиоплеер предоставляет интернет-аудитории доступ к эфирным радиоканалам на одной платформе. Идея радиоплеера несколько лет назад была успешно реализована в Великобритании, и на сегодняшний день там около 70% прослушивания эфирного радио онлайн приходится на радиоагрегатор, что помогает индустрии наращивать свою аудиторию.

Интерактивность и доступность новых медиа совершенно изменили модель коммуникации и способ общения людей друг с другом, дали возможность каждому попробовать свои силы в производстве медиаконтента. Одновременно с возрастанием конкуренции за внимание пользователя особую роль сегодня приобретает качество создаваемых и публикуемых материалов.

Что же касается печатных СМИ, то для того, чтобы не терять популярности, им необходимо представлять глубокую аналитику, чтобы читатели могли вдумчиво погрузиться в проблематику материала. В таких обстоятельствах едва ли можно прогнозировать вытеснение одних медиа другими. Скорее можно говорить о взаимном влиянии и обмене лучшими практиками между традиционными и новыми медиа. Для нас, как потребителей информационного продукта, это означает лишь одно: рост конкуренции за аудиторию неизбежно будет способствовать повышению качества выпускаемых СМИ материалов.

– В 2019 и 2020 гг. мы видели, как крупнейшие технологические гиганты (Twitter, Facebook, Google) оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например, ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Следуя американской санкционной логике, многие страны должны были ограничить работу «*Facebook*» и «*Google*» за доказанное сотрудничество с АНБ США, и я не исключаю такого развития событий в будущем. Вопрос интернационализации Интернета особенно остро стоит сейчас перед мировым сообществом. С одной стороны, Интернет является ключевым средством

коммуникации для всего мира, а с другой – монополия отдельных игроков в его регулировании может использоваться для ущемления и нарушения национальных интересов других государств. Россия неоднократно выступала с предложением пересмотреть текущую модель управления Интернетом и подключить к этому все страны с целью гарантии суверенитета и соблюдения безопасности. Более того, выработка правил поведения в глобальном информационном пространстве должна осуществляться с участием всех заинтересованных сторон: государства, общества, бизнес-структур и отдельных граждан. Исключительно важно взаимное уважение участников данного процесса и отсутствие доминирования.

Вместо цензуры необходима взвешенная, самокритичная оценка любых выходящих в свет сведений и суждений. Единственные необходимые ограничения – это проверка информации на соответствие критериям этичности, нравственности и гуманитарным ценностям, и при этом она, конечно же, должна находиться в рамках действующих правовых норм.

От того, что на роль цензора претендуют не только государственные органы, но и крупные корпорации, цензура не перестает быть цензурой. На повестке дня сегодня – выработка правовых механизмов противодействия цифровому диктату.

– Вы являетесь председателем Попечительского совета российской Национальной литературной премии «Большая книга». Как Вы оцениваете развитие российской литературы на сегодняшний день? Какие яркие имена Вы могли бы назвать?

– Национальная литературная премия «Большая книга», помимо глубокой литературоведческой экспертизы, является одним из самых ярких медийных проектов, нацеленным на повышение социальной значимости современной российской литературы, на поиск и поощрение авторов произведений, внесших существенный вклад в развитие литературного процесса в нашей стране, который, надо признать, активно и небезуспешно развивается. Благодаря премии российская литература эффективно продвигается за рубежом. Традиционно каждый победитель «Большой книги» получает 20–25 контрактов на перевод от зарубежных издателей. В числе победителей и лауреатов этой премии вы обнаружите множество авторов, в разное время прошедших школу «Форума молодых писателей России». Начиная с 2001 г. мы планомерно стараемся развивать и расширять систему подготовки талантливых литераторов, способствуя появлению в отечественной литературе новых имен и талантливых произведений. Среди них Е.Г. Водолазкин, Е.Н. (Захар) Прилепин, С.А. Шаргунов, Р.В. Сенчин.

Помимо Форума, мы также запустили Всероссийский литературный конкурс для школьников «Класс!», к участию в котором мы приглашаем увлеченных литературой подростков. Этот проект призван стать своеобразным мостиком между талантливыми подростками и профессиональными литераторами. Написать рассказы на заданные темы и посетить мастер-классы ведущих отечественных литераторов могут ребята уже из 60 регионов России.

В 2017 г. при содействии Группы компаний «ЛОТТЕ» в России была учреждена Литературная премия «Лицей» имени А.С. Пушкина для молодых писателей и поэтов. Ее цель – поиск и поощрение молодых талантливых российских авторов, способных создавать литературно-художественные произведения высокого качества.

Сейчас наша главная задача – мотивировать одаренную молодежь заниматься серьезной литературой.

– Как Вы можете оценить степень влияния новых медиа на традиционные СМИ? Изменился ли масштаб издательской и полиграфической деятельности Роспечати за последние несколько лет? Как изменилась деятельность Роспечати после того, как агентство присоединили к Минцифры России?

– Развитие цифровых технологий стимулирует традиционные СМИ искать качественные способы сохранения и приумножения своей аудитории (так как среди читателей СМИ существует высокий спрос на креативность). Сегодня серьезные редакции представляют собой целые фабрики контента, который профессионально перерабатывается под разные платформы – печатную версию, радио, телепрограммы, сайты, мессенджеры, социальные сети. Такое разнообразие в подаче материала, своего рода «система охвата аудитории на 360 градусов», дает людям возможность выбирать наиболее удобный для себя формат. Поэтому повторю: будущее не за старыми или новыми медиа – будущее за теми, кто мобилен и может оперативно принимать решения, кто изучает интересы своего читателя (слушателя, зрителя) и готов внедрять новые технологии, кто имеет стратегию развития и возможность привлекать новые кадры, генерировать идеи для воплощения новых проектов.

Что касается текущей ситуации в книгоиздании, в период пандемии COVID-19 объемы тиражей печатных изданий значительно уменьшились (в 2020 г. почти на 20%, что стало самым существенным падением за прошедшее десятилетие). С другой стороны, объем рынка электронных книг в России ежегодно растет на 30–40%, что считается одним из самых высоких темпов в мире. Этому тренду будет способствовать и введенный с 2021 г. льготный НДС на электронные книги в размере 10%.

Присоединение к Минцифры России прошло практически безболезненно, уже подготовлены и выпущены новые регламенты по грантовой поддержке печатных и электронных СМИ и книгоиздания, идет активная подготовка к международным книжным ярмаркам и иным значимым отраслевым мероприятиям. Одним из приоритетных направлений нашей работы остается популяризация чтения среди детей и подростков. В сентябре 2021 г. Россия впервые примет «37-й Всемирный конгресс по детской книге», который соберет ведущих издателей. Продолжается реализация стратегически важного проекта по созданию общенационального универсального энциклопедического интерактивного портала «Знание».

Наряду с вопросами продвижения фундаментальных знаний мы также уделяем внимание прикладной задаче повышения медиаграмотности россиян. И, безусловно, продолжим развивать электронные книжные ресурсы, будем способствовать цифровой трансформации региональных СМИ. Но это вовсе не означает, что традиционные бумажные книги и периодика останутся без нашего внимания.

Мир стремительно меняется, человечество покоряет новые технологические вершины. Но мы продолжаем беречь наши ценности, среди которых особое место всегда занимало и будет занимать стремление людей получать достойный и достоверный контент – будь он информационного, образовательного или художественного содержания. А мы, теперь уже в составе Минцифры России, продолжим этому соответствовать.

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ – РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА МИРОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

М.С. Гусман – первый заместитель генерального директора ТАСС, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заслуженный журналист Российской Федерации, член РСМД

– Михаил Соломонович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– На мой взгляд, само понятие «внешняя политика» для великой и большой России – это огромный пласт разновекторных успехов по ряду географических азимутов. Во внешней политике успех определяется качеством и стабильностью отношений государства с другими странами.

Однако существуют сложности в отношениях с некоторыми странами по вопросам тактического свойства. Последние 10 лет характеризовались укреплением позиций России на внешнеполитической арене. Россия становится страной, с которой невозможно не считаться, чью силу, возможности и необходимость в решении практически всех глобальных вызовов современности нельзя не признавать.

Из последних успехов необходимо выделить роль В.В. Путина в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. Именно миротворческая и выверенная стратегия по урегулированию конфликта позволила остановить военные действия.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Во-первых, необходимо достичь соглашений с США по целому набору договоров стратегического свойства: договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Эти договоренности, к сожалению, американские партнеры нивелируют или разрушают, но необходимость этих договоров, которым предшествовала кропотливая работа дипломатов обеих сторон, очевидна. Перед российскими дипломатами стоит огромная задача восстановления и укрепления стратегической стабильности.

Говоря об отношениях с Европой, хотелось бы отметить, что они находятся в двух измерениях. Россия имеет крепкие связи почти со всеми странами континента (Италия, Франция, Германия), но в то же время у России, не по ее вине, сильно ухудшились отношения с Европейским союзом. На мой взгляд, в данном вопросе Россия ведет правильную линию, находя точки взаимного интереса практически со всеми странами Европы. Что касается ЕС, отношения с ним могут быть поставлены на паузу. Однако хотелось бы надеяться, что она будет короткой.

Кроме того, у России есть длинная история плодотворного сотрудничества с Африканским континентом, что продемонстрировал саммит Россия–Африка в 2019 г. Россия заново открывает Африку как потенциально важного, полезного и взаимовыгодного партнера. У России продолжают укрепляться связи по широкому кругу интересов с Китаем. Потенциал развития отношений двух сторон огромен.

Кроме того, роль России также велика на Ближнем Востоке, что выражается в развитии ее сотрудничества с рядом стран: Египтом, Саудовской Аравией, Израилем, Иорданией и другими государствами этого региона. За всеми этими достижениями стоит кропотливая работа российского внешнеполитического ведомства МИД РФ.

– Как меняются современные СМИ? По Вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– Современные СМИ – это далеко не только социальные сети и Интернет. Еще долго будут существовать традиционные СМИ. В ближайшем будущем не исчезнут газеты, а люди не уйдут в Интернет от телевизионных экранов. В будущем не произойдет отмирания традиционных СМИ, т.к. продукты, предоставляемые медийными источниками, станут более сбалансированы для человека. Произойдет вкусовое, поколенческое и смысловое деление. Например, в телевидении человек будет заказывать себе индивидуальную комбинацию из определенных телевизионных программ, а социальные сети будут множиться.

Сегодняшние технологические возможности и информационная полифония предоставляют непростой выбор того, откуда получать информацию, какими источниками пользоваться и кому доверять. Основной проблемой является борьба с фейковыми новостями и пропагандой дезинформации. Противодействие этому является одной из основных задач ТАСС. Кроме того, в современных условиях сами люди должны быть более требовательны, им необходимо создавать внутренние профессиональные фильтры для определе-

ния фейковых новостей, предотвращая их распространение в массы. Иными словами, потребители информации должны стать более квалифицированы. Пример: 50 лет назад люди ходили в магазин и просто покупали хлеб, колбасу и сыр, позже стали покупать определенные сорта этой же продукции, сегодня же потребители смотрят производителя, состав, срок годности и прочие нюансы перед покупкой и употреблением продукта. Информация – тот же продукт. Нужно внимательно относиться к тому, кто, как и зачем производит продукт под названием информация.

– В 2019 и 2020 гг. мы видели, как крупнейшие технологические гиганты (Twitter, Facebook, Google) оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например, ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Тот факт, что, например, *Twitter* в свое время отказался работать с Д. Трампом, нельзя назвать цензурой. Это вопрос выбора руководства компании и ее владельцев, который может быть любым, даже убыточным для организации. Например, *Twitter* пошел на серьезные материальные убытки при блокировке Д. Трампа, поэтому нельзя сказать, что они руководствовались коммерческой или политической выгодой. Это был их выбор. Частным компаниям практически невозможно помешать принять какие-то решения и пролоббировать им свои интересы. Нужно отметить, что мы входим в новый мир взаимоотношений людей с социальными сетями. Пример: раньше в магазинах висело объявление: «Покупатель и продавец, будьте взаимно вежливы!». Сегодня в полной мере это относится к активным пользователям социальных сетей.

– Вы как уроженец Баку, безусловно, внимательно следили за разворачивающимися осенью 2020 г. военными действиями на Южном Кавказе. В российских СМИ работает большое количество талантливых журналистов армянского или азербайджанского происхождения. Во время конфликта в адрес многих из них были слышны упреки в предвзятости их мнения. Как Вы считаете, насколько сложно беспристрастно освещать мировые события специалисту, прямо или косвенно связанному с реалиями, которые он представляет общественности? Присуща ли журналисту «национальность», или он должен действовать, исходя лишь из профессиональной этики?

– Это вечный вопрос, потому что любой эксперт, аналитик, журналист, комментатор должен быть объективен, аналитичен, сбалансирован. Но все они остаются людьми, которые имеют свое видение, свои пристрастия, понимания, подходы, исторические знания. В любом случае от журналиста всегда требуется профессиональный и максимально объективный взгляд на проблему. Журналист должен быть готов ответить за каждое свое слово и иметь аргументированную позицию по той или иной проблеме. Профессиональный разговор журналистов должен основываться не на эмоциях, желаниях или откуда-то услышанной непроверенной информации, а только на точных знаниях предмета.

Что касается моего опыта, я половину жизни прожил в Баку. Еще до возникновения первого конфликта в конце 1980-х гг. много раз бывал в Нагорном Карабахе и был живым свидетелем того, как мирно, абсолютно дружелюбно и органично жили азербайджанские, армянские, русские, татарские, еврейские, талышские семьи в этом регионе. Внутри не было противоречий, которые бы неизбежно привели к военному столкновению. Если бы «трупный яд» сепаратизма не был внедрен извне в одну из общин, проживающих там, я уверен, все бы до сих пор жили мирно.

– Пару лет назад Вы предупреждали, что в скором времени на факультетах журналистики могут появиться предметы о фейковых новостях. Что должно составлять подобный курс? Есть ли прецеденты подобного опыта в РФ и за рубежом?

– Фейковые новости – это не чьи-то ошибки, проколы и глупость, это осознанная деятельность отдельных людей/групп/организаций/государств по дезинформированию людей, изменению общественного мнения внутри и вне своей страны. Для этого используются современные медийные технологические возможности. Фейковые новости существовали всегда, только они назывались «дезинформацией», «пропагандой», «контрпропагандой». Много лет существует понятие «информационная война». Иногда она носила горячие формы, когда потоки взаимных инвектив направлялись друг в друга, а иногда она находила более мягкую форму (российские газеты начала Первой мировой войны). Проще говоря, в Первую мировую войну человек был вооружен берданкой, а сейчас киберпространством.

ЖУРНАЛИСТИКА – ЭТО СОСТОЯНИЕ, А НЕ ПРОФЕССИЯ

В.Н. Игнатенко – президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), заслуженный журналист Российской Федерации, член РСМД

– Виталий Никитич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Основным успехом российской внешней политики является тот факт, что мы живем в нормальном мире, не воюем, а движемся вперед, развиваем все сферы жизнедеятельности. Это происходит благодаря тому, что внешнюю политику возглавляют очень опытные люди, профессионалы. Они находят в международных отношениях возможные положительные аспекты для взаимодействия и сотрудничества.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Россию нельзя отделять от другого мира и других стран. Весь мир вскоре столкнется с известными и неизвестными вызовами.

Во-первых, я думаю, нас ожидает вторая волна глобализации, с которой миру будет трудно справиться.

Во-вторых, вызовы преподнесет природа и экология. Эта проблема поглощает огромные финансовые, трудовые, человеческие и социальные возможности многих стран.

В-третьих, опыт с пандемией COVID-19, которая произошла неожиданно, показал, что мы живем в хрупком мире, где надо носить маску даже в самые «солнечные и добрые дни».

– Как меняются современные СМИ? По Вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– Сегодня только ленивый не бросает камень в СМИ, все считают, что они не выполняют своей главной роли: нести правду и помогать обществу двигаться вперед. Я с критиками во многих аспектах согласен. В журналистику пришла масса неквалифицированных людей через Интернет, блоги, различные социальные сети. Эти люди не понимают, что журналистика – это очень серьез-

ное занятие, где основным показателем профессионализма является ответственность за свое слово. Мы переживаем момент «отравления окружающей среды информацией». Человек растерян, когда сталкивается с огромным потоком информации, теряя некоторые ориентиры и не понимая, где правда, а где фейковые новости. Этот непрофессионализм и стремление одурачить своего партнера (читателя/зрителя и т.д.) становится оружием. Когда фейковые новости появляются в отношениях между странами и политиками, которые сами потребляют эти новости и выносят их на потребление обществу, ситуация становится опасной.

– За Вашу карьеру журналиста Вы прошли множество этапов. В разные периоды жизни Вы работали в газете «Комсомольская правда», в журнале «Новое время», были руководителем пресс-службы Президента СССР М.С. Горбачева, генеральным директором информационного агентства ИТАР-ТАСС, заместителем Председателя Правительства Российской Федерации, написали множество книг и сценариев к фильмам. Расскажите, что побуждало Вас менять направления работы и выходить на новые карьерные этапы?

– Мне кажется, я всю жизнь занимался одним и тем же, я всегда был журналистом, просто журналистика очень многогранна. В ней очень важно быть самим собой. Журналистика имеет несколько сфер: газетная, журнальная, информационная, телевизионная. Даже время, когда я занимал государственный пост, было одним из вызовов. Тогда был такой период, когда газеты, радио и телевидение оказались в тяжелом материальном положении и был необходим человек, понимающий это ремесло. Я не считал, что я представляю государство в СМИ, наоборот, я представлял журналистику в правительстве, поэтому нам удалось сохранить региональную печать и региональное телевидение, крупные газеты, такие как «Комсомольская Правда», «Аргументы и Факты» и т.д. Таким образом, вся моя жизнь была связана с разными видами проявления журналистики.

– Как, по Вашему мнению, изменилась деятельность журналистов за последние несколько десятков лет? Стала ли их работа легче ввиду увеличения мобильности и цифровизации мира?

– Журналистика всегда была тяжелой профессией, при том условии, если человек ей занимается честно. В журналистике нельзя обгонять других, нужно обгонять самого себя, все время быть в форме, понимать, чем занимаешься. Честь дороже всего того, что можно приобрести с помощью журналистики.

Если это все счастливо сочетается в судьбе, то человек будет полезен журналистике во все времена. Если же какой-то компонент выпадает, процесс нарушается. Хорошим журналистом работать трудно. Человек должен относиться к журналистике как к состоянию, а не профессии.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ, РОЛЬ СМИ И РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ В МИРЕ

А.И. Колосовский – независимый эксперт, член РСМД

– Андрей Игоревич, сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– В ближайшие 5–10 лет продолжат проявлять себя традиционные вызовы, связанные с отношениями между ведущими государствами, региональными конфликтами и проблемами безопасности (баланс сил, распространение ядерного оружия и т.п).

Если говорить о новых долгосрочных процессах, которые уже приводят и будут приводить к серьезным изменениям в международных отношениях и еще большим вызовам, для России необходимо полноценно участвовать в глобальном процессе технологического обновления. Человечество только начинает вступать в мир цифровых технологий, искусственного интеллекта, подключения всех устройств к Интернету, революционной биотехнологии, геной инженерии и т.д. Все это меняет не только повседневную жизнь и производственные цепочки, но и угрозы безопасности и меры по их пресечению. При этом глобализация не исчезла, а просто процесс снизил обороты, государства и общества осознают его результаты. За несколько десятилетий глобализация достигла того уровня, когда стало понятно, что она имеет не только значительные плюсы, но и несет многие проблемы, в частности, усугубляет неравенство. Она не отменяет существования государств, границ между ними, ценностных и культурных различий, но при этом создает определенные дополнительные угрозы. Пандемия COVID-19 – это хорошая иллюстрация противоречивости, но в то же время неизбежности глобализации. Своего масштаба пандемия достигла во многом из-за недостатка международного сотрудничества и неготовности отдельных государств и некоторых международных организаций к совместной борьбе против вируса. Первоначальной реакцией на пандемию даже у наиболее интегрированных друг с другом стран стал возврат к абсолютному суверенитету и закрытию границ. Но потом оказалось, что так не получается преодолеть текущий кризис, а тем более предотвратить повторение подобных катастроф в будущем. Только совместно государствам можно найти решения для предотвращения транспортных, продовольственных проблем, а также последствий изменения климата, киберугроз и т.д.

Если Россия хочет оставаться великой державой в среднесрочной и ближайшей перспективе, ее важнейшая задача – участвовать в глобальных технологических процессах, интегрироваться в глобальное технологическое разделение труда, а не просто перенимать передовые решения других или изобретать все с нуля. При этом сохраняя суверенитет и способность самостоятельно обеспечивать свою безопасность, находя во внешней политике баланс между этими двумя императивами при приоритете недопуска технологического отставания. Здесь важно иметь в виду, что Россия сама, да даже и в паре с какой-то другой державой мирового уровня, вряд ли сможет достаточно успешно участвовать в технологической гонке. Причины: 1) небольшая доля России в мировом ВВП; 2) еще меньшая доля в тратах на уникальные решения, которые являются абсолютными инновациями (*R&D*); 3) небольшой по меркам мировых держав внутренний рынок, который не может окупить современные *R&D*; 4) противоречивое советское наследие в виде отставания в развитии электроники и некоторых ключевых сейчас направлениях при неплохих заделах в фундаментальных науках и некоторых отраслях.

Нахождение баланса между технологическим развитием и защитой собственных интересов – проблема не только России, а всех мировых держав. Вследствие прежде всего кризиса взаимного доверия начался процесс так называемого технологического обособления различных групп стран. Но это обособление, скорее всего, не будет абсолютным, не исчезнет привычка искать везде наилучшие технологические решения и выстраивать наиболее экономически целесообразные производственно-сбытовые цепочки. Это, естественно, будет накладываться на существующие проблемы в двухсторонних отношениях, на региональные конфликты и т.п. Картина мира будет мозаичной и будет отличаться от относительно простого противостояния двух блоков в XX в. Главным вызовом для внешней политики России будет поиск положения в мире, которое позволяло бы ей развиваться, оставаться лидером в военной и энергетической сферах и становиться технологической державой.

– Как меняются современные СМИ? По Вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– СМИ – это, прежде всего, контент, сочиненный, отобранный и отредактированный профессионалами, которые определенным образом взаимосвязаны и несут ответственность за всю представленную ими информацию, вне зависимости от того, каким образом она попадает к потребителю – в печатном или электронном виде. С развитием Интернета была популярна теория, что роль СМИ будет быстро снижаться. Однако жизнь, в том числе нынешние

споры о модерировании социальных сетей, показали, что потребность в том, чтобы кто-то отбирал, проверял и оценивал информацию, не отпала, а возросла. Так что в будущем СМИ как таковые сохранятся, но будет меняться их формат.

Социальные сети на сегодняшний день в большинстве случаев, на мой взгляд, не СМИ, а несколько другой вид средств массовой коммуникации. В старых учебниках одним из древних средств массовой коммуникации назывался карнавал. Вот таким карнавалом, по сути, и являются соцсети. Люди сами что-то сочиняют, сами себя показывают другим. Станут ли соцсети подобием СМИ, то есть будут ли они редактировать контент своих пользователей и нести за него ответственность? Думаю, что нет, поскольку это изменило бы саму суть соцсетей как платформ для прямого общения миллионов людей, а, учитывая масштаб этого общения, это не вполне реально с технологической точки зрения. Другое дело, что подобно тому, как хорошо организованы самые знаменитые карнавалы в Венеции или Рио-де-Жанейро, информация, представленная в социальных сетях, тоже станет более упорядоченной, а для ее размещения будут существовать более прозрачные правила, как саморегулируемые, так и законодательно закрепленные. Не исключаю, что потребность пользователей защитить свои права на выбор контента приведет к значительному увеличению доли информации, предоставляемой по подписке за плату.

– В 2019-2020 гг. мы видели, как крупнейшие технологические гиганты (Twitter, Facebook, Google) оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например, ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Я придерживаюсь традиционной точки зрения, что цензура подразумевает запрет государством что-либо публиковать или показывать – чаще всего по политическим причинам. На сегодняшний день в большинстве стран редакции СМИ и телеканалы имеют право как публиковать, так и не публиковать полный текст выступлений официальных лиц, а также в случае необходимости давать дополнительные комментарии. При этом в основном они ориентируются на особенность своего издания и профиль аудитории. Кроме того, есть отдельная категория изданий, публикующих всю официальную информацию.

Что касается социальных сетей, сейчас речь идет об американских частных компаниях, то они в соответствии с сегодняшним законодательством, а именно с 230-ым разделом Закона США «Об этике в сфере коммуникаций»,

могут размещать и удалять практически любой, за очень небольшим исключением, контент и не нести за это ответственности. Другое дело, что в последние годы стало очевидно, что масштаб воздействия соцсетей на жизнь общества в целом и политику, в частности, достиг такого уровня, что требует обновления и регулирования. Острая дискуссия по этому поводу активно идет как в США, так и в других странах. Инцидент с Д. Трампом лишь обострил интерес к данной теме и судьбе 230-го раздела. Соцсетям придется прийти к более прозрачным и согласованным с обществом и государством алгоритмам поиска и регулирования контента.

– Как Вы оцениваете распространенное мнение о том, что роль крупных международных организаций неуклонно падает, а неинституционализованные группировки и платформы подобные БРИКС приобретают все большую значимость?

– Появление такого рода совещательных форматов полезно, но они не заменят ООН и других, основополагающих для современных международных отношений, организаций. ООН и подобные ей организации лучше приспособлены к роли переговорной площадки для множества государств, хотя многосторонние договоры вырабатываются и на других площадках. Эта переговорная деятельность, как и масштабная деятельность многих специализированных организаций системы ООН по оказанию международной помощи и выработке норм в самых разных областях, не особо заметны, но очень важны. Что касается решения наиболее конфликтных международных проблем, необходимо учитывать, что международные организации могут разрешить проблему только при желании членов организации сделать это, а не вопреки их воле. Безусловно, в системе ООН есть что улучшать, но главная причина отсутствия решения больших проблем – нежелание или неспособность основных мировых держав прийти к общему знаменателю по ряду вопросов.

– Расскажите, как «*machine learning*» используется в социальных сетях? По Вашему мнению, насколько СМИ прошли цифровую трансформацию?

– Соцсети полностью построены на «*machine learning*» и искусственном интеллекте. Работая по определенным алгоритмам, компьютеры сами находят информацию, анализируют профиль человека для предоставления информации и услуг, а также пресекают постоянные попытки хакеров создать ложные или взломать существующие аккаунты. Миллион подобных операций совершается одновременно. Это огромная, технологически сложная и дорогостоящая информационная система.

Процесс модерации (проверки сообщений, постов, публикуемых в Интернете) также построен на «*machine learning*» и искусственном интеллекте. По-другому технически было бы совершенно невозможно обработать такой объем информации. Конечно, там требуется человеческое участие, в частности, при создании алгоритмов и при разборе исключительных случаев. Это, естественно, приводит к определенной пристрастности. Но в основном проблемы, связанные с модерацией, на которые все больше обращают внимание, в том числе и в России, иллюстрируют как преимущества, так и ограничения искусственного интеллекта. Крайне тяжело оцифровать вещи, связанные с общественно-политической, этической и юридической тематикой, а также оценочные высказывания, материалы СМИ и т.д., особенно при том, что и в обществе, и в разных странах нет единого мнения на этот счет.

Цифровая трансформация СМИ – это другой вопрос. СМИ тяжело приспособились к распространению своего контента не в печатном виде или через телевидение, а в интернет-пространстве. Для многих из них процесс закончился провалом. Те же, кто раньше других осознал новую реальность, у кого был востребованный контент и некоторый финансовый запас, успешно справились, освоив выпуск контента сразу в нескольких форматах и добавив дополнительные материалы в виде аналитики, интервью, подкастов и многого другого, что доступно только в электронном виде. В дальнейшем большинство подобных материалов стало платным по подписке, и была выстроена система пакетов наподобие платного телевидения. Но в целом читатель только выиграл, ведь у него стало в разы больше контента, доступного в самой разной форме и в любое время. Тяжелее всего небольшим, прежде всего региональным изданиям, многие из которых закрылись, а некоторые перешли только на электронный формат. Судьба местных изданий, иногда единственных для населенного пункта, все больше вызывает беспокойство правительств.

Частично проблемы традиционных СМИ проистекают из того, что социальные сети и поисковики предоставляют бесплатный или почти бесплатный доступ ко всему контенту СМИ или его части – заголовкам или отрывкам из статей. Недавний острый конфликт австралийского правительства с *Facebook* и *Google* – яркое тому подтверждение. Думаю, что в связи с увеличивающимся во многих странах стремлением сохранить свои национальные, в том числе региональные СМИ, постепенно, не без скандалов и конфликтов, будет выработан и закреплен новый баланс интересов между СМИ, интернет-компаниями и пользователями. Не обойдется здесь, скорее всего, и без решительных действий государства.

ПОРЯДОК УХОДИТ, ИНСТИТУТЫ ПОДВЕРГАЮТСЯ ЭРОЗИИ

Ф.А. Лукьянов – главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель Президиума СВОП, директор по научной работе Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор-исследователь НИУ ВШЭ, член Президиума РСМД

– Федор Александрович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Одним из главных внешнеполитических событий стала российская военнополитическая операция в Сирии, которая изменила ситуацию и в самой стране, и в регионе, и в мире. Этот шаг символизировал возвращение России на глобальную сцену в качестве ведущего игрока не только на территории бывшего СССР, а на международной арене.

Второе событие, которое я бы выделил – сложный, но крайне важный процесс сближения России с Китаем, переход их отношений в более доверительную фазу. Конечно, страны не являются союзниками в силу ряда причин, но стремятся тесно сотрудничать по многим вопросам. Вне зависимости от того, что является движущей силой двусторонних отношений, это позитивный процесс, т.к. Китай растет, укрепляя свои позиции, и как минимум в ближайшие десятилетия будет одним из двух главных государств мира. Китай – непосредственный сосед России. Не иметь с таким соседом доброжелательных конструктивных, насыщенных отношений было бы глупостью и непростительным пренебрежением реалий. Бесспорно, будут противоречия и проблемы, тем не менее сближение с Китаем – это сдвиг огромной важности.

Вообще, важным событием стал рост внимания России к Востоку, прежде всего тому, который мы привыкли называть Дальним, к Восточной Азии. России необходимо искать свое место в этом географическом пространстве, которое в XXI в. по своей стратегической значимости приближается к уровню Европы в XX в.

Что касается постсоветского пространства, то в последние годы Россия стала осознавать свои реальные интересы в соседних странах. Подчеркну – реальные, а не те, которые диктуются, возможно, ностальгией или обидой на события тридцатилетней давности. Этот курс представляет собой сочетание внутренних изменений, взросления общества и политической элиты. Травма распада СССР постепенно преодолевается, что является шагом в верном направлении.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Наступил период кардинальных сдвигов международной системы. Часть институтов второй половины XX в. утратили актуальность в нынешнем столетии, часть пытается адаптироваться к новой реальности. С переменным успехом, мягко говоря. Начинает формироваться совершенно новая среда, институты подвергаются эрозии. На первый план выступают классические взаимоотношения отдельных субъектов, государств, такие, которые составляли основу международных отношений на протяжении большего периода их истории. Упорядоченная система холодной войны и периода после нее уходит.

Наступает период неопределенности, когда очень многое будет определяться *ad hoc*. Стратегия и линия поведения в такой ситуации – готовность к любым поворотам, создание основы путем разумного наращивания собственных возможностей и обеспечение минимально необходимой самодостаточности во избежание непредвиденных ситуаций. Пандемия показала, что государства могут рассчитывать только на себя. Это справедливо и для российского будущего. Сейчас важнее уделять внимание не долгосрочным стратегиям, а развитию навыка точной оценки текущих рисков на ближайшую перспективу.

– Как меняются современные СМИ? По Вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– Медиа и коммуникационные пространства показывают, что ничего не исчезает. Радио не убило газеты, телевидение не уничтожило радио, Интернет пока что не заместил телевидение. Все типы СМИ успешно сосуществуют, приобретая новые формы.

Информационная среда оказывает влияние на международную политику, поскольку она стала тотальной и всепроникающей. Свободный стиль общения внедрился в международный обиход, информация стала всепоглощающей, ее почти невозможно классифицировать по качеству и достоверности. Хамство и оскорбления стали нормой, например, в комментариях к публикациям ввиду полного чувства безнаказанности. Неприятно. Однако это можно трактовать и как положительное явление, «страсти», выплескивающиеся в информационное пространство, там и остаются. Так, например, во время политического

кризиса в Армении в начале 2021 г. генштаб заявил о недоверии премьер-министру, но как? Публикацией поста в социальной сети. Ответили им тоже информационной кампанией. Это иногда очень странно выглядит, но зато насилие сублимируется в переругивание в чатах. Не худший вариант.

Сформировалась совершенно новая среда, она влияет, в частности на дипломатию, которая уже не будет прежней. Нынешнее состояние тоже не финальное. Глобальная коммуникационная сеть тоже будет меняться. Ее всеохватность и безграничность едва ли сохранятся, у государств (вне зависимости от уровня их демократичности) пробуждается желание контролировать процессы, происходящие в информационном пространстве. Это не значит, что мир развалится на информационные, не связанные друг с другом сегменты, как это было в холодную войну.

– В 2019-2020 гг. мы видели, как крупнейшие технологические гиганты (Twitter, Facebook, Google) оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например, ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Частные компании могут брать на себя любую роль, на то они и частные. Можно возмущаться их действиями, но они имеют право делать, что хотят. Вопрос, как к этому относятся пользователи и регуляторы. Если их это устраивает, претензий к компаниям быть не может. Но явно уже не устраивает. Коллизия экстерриториальности действий технологических компаний беспокоит уже многие правительства. Коммуникационные, в основном американские, гиганты действуют в масштабах всего мира, руководствуясь даже не законами США, а своими собственными правилами, т.е., работая на территории определенного государства, они могут не соответствовать его законам. Возникает проблема соотношения между глобальным, транснациональным и национальным.

Кроме того, эпоха свободных действий пользователей в Интернете заканчивается. Принципы политкорректности и идеологические тенденции ограничивают свободу выражения. Попытки контроля будут все более интенсивными. Одновременно страх государства не справиться с различными влияниями будет нарастать. Мы вступаем в период, когда стремление к контролю Интернета будет постоянным, начнут возникать барьеры. Вряд ли Интернет, как объединяющая весь мир сеть, исчезнет полностью, но все может быть.

– В последнее время *Telegram*-канал журнала «Россия в глобальной политике» набирает популярность среди аудитории. Имея обширный опыт в данной сфере, как Вы считаете, с какими трудностями могут столкнуться журналы при работе с данным приложением, какие получить преимущества?

– Особых трудностей в работе с *Telegram*-каналом нет, т.к. эта социальная сеть удачно пришлась на новую эпоху, в которую люди хотят оперативно получать доступную информацию. *Telegram* удобен, но не самодостаточен, он ценен как средство продвижения контента, создаваемого все-таки не для *Telegram*.

Создавая *Telegram*-канал в 2017 г., мы рассчитывали расширить аудиторию, не представляя, что эта социальная сеть станет такой взрывной. По сравнению с крупными каналами у нас небольшая аудитория, но нам активные и заинтересованные подписчики важнее, чем погоня за цифрами. Не стоит переоценивать значимость *Telegram*, но в качестве инструмента он забавен, а главное информативен.

– Разница деятельности теоретиков и практиков во многих сферах часто является колоссальной. Как, по Вашему мнению, можно примирить эти две области так, чтобы информация из научных публикаций действительно соответствовала ее практическому применению в жизни?

– Теория и практика связаны, но являются разными сферами. В нашей дисциплине есть уникалы, которые из серьезных академических ученых-теоретиков перешли в международную практику. Яркими примерами служат Г. Киссинджер, Е.М. Примаков. Но это скорее исключения, чем правило.

Теория важна, она дает опору, понимание и контекст. Теоретическая подготовка должна быть очень солидной, потому что обеспечивает системное и целостное представление того, как устроены международные отношения. Сейчас в потоке всяческой громогласной шелухи это особенно важно. С другой стороны, теоретикам важно понимать, что их умопостроения имеют смысл только в том случае, если их можно приложить к реальности. Наука не будет прямым указанием к действию, но иногда ученые четче понимают, в каком направлении развивается ситуация, чем люди, находящиеся внутри системы (дипломаты, политики).

ЦИФРА ПЛЮС ТРАНСГУМАНИЗМ – ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ ЛИБЕРАЛОВ¹

А.Г. Оганесян – главный редактор журнала «Международная жизнь», член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, член Академии информатизации (ассоциированный член ООН), член Евразийской академии телевидения и радио, член Национальной ассоциации телерадиовещателей, член-корреспондент Международной академии менеджмента, член СВОП, член РСМД

– Армен Гарникович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние десять лет?

– Главный успех заключается в том, что удалось сохранить независимый внешнеполитический курс страны. Россия не «прогнулась» под внешним давлением и тяжестью санкций. Она отстояла не просто лицо и достоинство страны, но и сохранила свои интересы в мире, оставаясь при этом великой державой. Еще десять лет назад многие считали Россию региональной державой, но на наших глазах произошла ретрансформация, и мир вновь признал Россию мировой державой. Это подтверждает и сегодняшняя лексика наших «друзей», которые часто пользуются знаковыми словосочетаниями «Россия остается вызовом», «Россия остается глобальным вызовом».

За последние 10 лет Россия провела антитеррористическую операцию в Сирии, сохранила твердую позицию по отстаиванию интересов своих соотечественников за рубежом, справилась с внешним давлением и попытками управления внутривнутриполитическими процессами.

В советское время часто говорили о важности сохранения мира и предотвращения войны. За последние годы, хотя страна и была вовлечена в региональные конфликты, у России не было прямых военных столкновений с другими державами, а ведь, учитывая недавние события на Донбассе, такая возможность была вполне реальной.

Таким образом, три основных успеха российской внешней политики заключаются в том, что Москва сохранила независимый внешнеполитический курс, отстояла свои геополитические, идеологические и экономические интересы и не ввязалась в войну.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На ваш взгляд, с какими международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

¹ Впервые опубликовано в журнале «Международная жизнь» № 10, 2021 г.

– Серьезную угрозу внешней политике в наши дни представляет ее растущая идеологизация. Политика уступает напору новых идеологий. Это связано со сменой элит, приходом к власти нового поколения политиков с новыми ценностями, ориентирами и опытом. Данный процесс увеличивает турбулентность ввиду попыток решительно сломать всю архитектуру традиционных понятий, критериев и ценностей и заставить мир жить по понятиям идеологии постмодерна.

Россия не отказалась от своих ценностей и не пожелала оказаться в полувассальных отношениях с Западом, не захотела принимать политику и идеологию, которые стали бы чуждой, неорганичной надстройкой над собственной цивилизацией. Наконец, Россия не только активно противодействовала попыткам фальсификации истории, но сформировала и отстаивала понятие «Русский мир».

Мир становится все более сложным и непредсказуемым благодаря появлению постмодернистских идеологий после того, как известная нам форма либерализма потерпела крах. Сегодня мы видим, как неолиберальная идеология стремительно превращается в идеологию технологий, которые становятся последним прибежищем либерализма, а конвергенция либерализма в технологизм стремительно совершается на наших глазах.

Big Data, Big Pharma и «зеленая экономика» на вооружении неолибералов станут постепенно рабочими инструментами влияния на жизнь граждан и государств. «Можно вспомнить, – пишет французский философ Ален де Бенуа, – известную формулу, согласно которой общество рынка – это царство количества. Только количества». При этом современный финансовый капитал «требует все более и более гомогенного, однородного рынка и, как следствие, – уничтожение, подавление идентичности народных культур и разнообразия форм жизни». И процесс цифровизации играет здесь, конечно, не последнюю роль.

Сами по себе «цифра» или «фарма» – не плохи. Как говорится, «нельзя обвинять вино в пьянстве, а меч в убийстве». Но новейшие, в том числе цифровые технологии, играют положительную роль ровно до тех пор, пока они не служат оружейной мастерской постмодернистской идеологии. «Зеленая экономика», конечно, сама по себе содержит положительный замысел. Вспомним, однако, как в 1990-х гг. развернулась кампания под лозунгом «Россия не справляется с Арктикой и Сибирью, нужно ей помочь в управлении этими важнейшими регионами в интересах мировой экологии и человечества». От перевоплощения «полубожественной идеологии» энвайронментализма в механизм глобального управления, в том числе внутри климатической повестки, не раз предостерегал В. Клаус, второй президент Чехии (2003–2013 гг.), ранее бывший ее премьер-министром.

Ален де Бенуа справедливо замечает, что либерализм является «антропологической системой, даже в большей степени, чем социально-экономической», направленной на попытку изменить человека. К настоящему времени все социал-либеральные утопии «преображения человечества», включая глобализацию, закончились крахом.

Наконец, понимание того, что изменить антропологию человека внешним, даже шоковым воздействием невозможно, привело к появлению новой доктрины – это идеология и практика трансгуманизма, создание «улучшенного человека», которая содержит в себе метод «взрыва изнутри», непосредственное воздействие на человека, включающее изменение его органики и биологии, подмену и замену человеческого интеллекта искусственным. Современные технологии, биохимия и генная инженерия открывают перед такой философией огромные возможности, что в контексте внешней политики представляет угрозу, так как является стремлением навязать России не просто «новые подходы», а приступить к ее «вакцинированию», направленному изменению генетического кода российской цивилизации.

Ранее Россия уже имела дело с попытками протолкнуть так называемую трансгендерную политику и заставить признать ее во всех аспектах того, что раньше называли простым и понятным христианскому миру словом «содомия». Сегодня на Западе ее пропаганда растворена практически во всех информационных каналах, в любом мейнстримовском медиапространстве. Навязывание трансгуманистических и трансгендерных ценностей в перспективе ставит любое государство перед выбором их принятия или причисления себя к «идеологическим» врагам, которые впоследствии должны быть наказаны экономическими и внешнеполитическими средствами.

Нужно ли говорить, какое важное значение имеют в политике и жизни общества любые изменения в области правосознания, которые, конечно, отражаются и на международном праве.

Недавно журнал «Вопросы истории» опубликовал статью именитых авторов, которые напомнили читателям, что термин «функция» впервые был употреблен в трудах по математике Г.Ф. Лейбница в конце XVII в. Признавая оправданным «принципиальный разворот», отделивший на рубеже XIX–XX вв. право от нравственности для замены его функциональным правосознанием, авторы утверждают, что есть все основания для «развития юриспруденции познавательного инструментария, имеющего математические истоки». Дальше следует текст, достойный Дж. Оруэлла: «В современных условиях, характеризующихся внедрением NBIC-технологий как ключевого фактора наступающего шестого технологического уклада, обоснованным представляется предположение, что право переходит на уровень сложной саморазвивающейся системы, и это обуславливает внедрение в юридическую науку специального

математического инструментария, разработанного в рамках современной теории управления.

В научной литературе последнего времени отмечается, что одним из ведущих факторов современной трансформации общества и правопорядка являются именно технологические инновации, которые влекут не только качественные социальные изменения, но и социобиологические. Процесс технологической конвергенции предполагает, что различные наноэлементы (будь то атомы, код ДНК, нейронные цепи и/или биты) станут взаимозаменяемыми и он приобретет черты всеобщности в отношении как человека, так и сложных социальных систем, таких как право и правопорядок».

Думаю, Вы уже поняли, что от подобных рассуждений до машинного правосудия даже не шаг, а полшага. Скажете – «это системный бред». Конечно. Но ведь авторы сплошь доктора наук и даже один заместитель директора научного института.

Возвращаясь к мысли о влиянии идеологии и цифровых технологий на мировую политику и безопасность, закономерно задаешься вопросом о будущем таких понятий как суверенитет и идентичность государства и личности. И здесь хочется привести почти афористичную оценку Алена де Бенуа: «Враг, неприятель нашей идентичности – это не идентичность другого. Враг нашей идентичности – это идеологическая система, которая разрушает все идентичности».

– Как меняются современные СМИ? По вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свое значение - телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– Раньше говорили, что с появлением радио и телевидения книгу забудут. Маловероятно, что какое-то средство информации окончательно убьет другое. Последние опросы книжного сервиса «ЛитРес» показали, что школьники, которые в нашем представлении не вылезают из соцсетей и игр, читали этим летом больше книг, чем обычно. Многие познакомились как минимум с 10 произведениями. Из 500 респондентов 50,9% уделяли время чтению несколько раз в неделю, а 18,6% – каждый день. Бесспорно, соревнование между традиционными и новыми СМИ присутствует. Однако вопрос не в том, какие средства информации лучше, а в том, что эффективнее удовлетворит «глубинные» потребности и запросы той или иной аудитории.

Сейчас ошибочно считают, что их определяют исключительно рейтинги. Когда ВГТРК сняла телефильм «Идиот» по произведению Ф.М. Достоевского, те же рейтинги вдруг показали всплеск интереса к классике, в метро снова стали читать книги, конкретно этот роман. Значит, многое зависит от того, какой контент мы предлагаем – низкопробный или качественный.

Нельзя бесконечно заставлять аудиторию потреблять что-то, что ты сам предлагаешь. Люди не настолько управляемые. Они ищут свое в источниках информации. Такая потребность, а также индивидуальные навыки восприятия информации могут выдвигать на первый план и делать приоритетными разные информационные источники для разных групп людей. Кстати, беда, и она же вина некоторых менеджеров СМИ, заключается в иллюзии, будто они тотально определяют интерес аудитории. «Народ хаваает», – это лозунговая инерция СМИ из 1990-х гг. Именно поэтому, как показывают опросы, доверие ко многим СМИ падает.

Социальные сети дают возможность большей интерактивности. Там можно выставлять собственные оценки, высказывать свое мнение, быть самостоятельным, но и они имеют все больше ограничителей, ввиду подверженности цензуре и искусственному сужению свободы слова и информации. Эта «цензура ботов» может быть опасной для соцсетей.

Что касается печатных изданий. У каждого из них, как правило, есть свой сайт, через который публикации распространяются в Сети. Кроме того, редакции могут иметь студии, позволяющие им занять нишу на различных видеохостингах. Такое перетекание медийных форм дает возможность газетам и журналам успешно находить свое место внутри глобальной аудитории, особенно если вы работаете не только с русским языком.

Сегодня все больше появляется СМИ, ориентированных на конкретные групповые интересы, вместе они образуют конгломерат медиаресурсов, как говорится, «в одном флаконе». Успех любого современного медиа заключается в гибкой политике и умении использовать разные платформы, учитывая их адресность.

– В 2019 и 2020 годах мы видели, как крупнейшие технологические гиганты («Twitter», «Facebook», «Google») оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Подобные платформы с самого начала позиционировали себя как свободные и независимые дискуссионные площадки, которые несут новый уровень свободы и самовыражения. Однако сейчас они изменяют сами себе, потому что своими действиями бросают вызов не только тем, чьи аккаунты блокируют, но и миллионам их пользователей. В случае с США я имею в виду блокировку аккаунта Д. Трампа, можно сказать, что мы впервые столкнулись с однопартийной цензурой в этой стране, где известный всем маятник, качав-

шийся между республиканцами и демократами, вдруг застыл на одной точке. Частные IT-гиганты взяли на себя роль акторов, готовых влиять на выборы, что является серьезной заявкой на дальнейшее вмешательство в политику и не только в США.

При таком подходе платформ и мессенджеров в отношении чужого контента исчезает плюрализм мнений, прослеживается тенденциозная редакционная политика, которая отвергает то, что ей не соответствует. К сожалению, в настоящее время борьба идет не в пользу тех, кто отстаивает свободу слова на данных платформах.

Что касается России, бесспорно, что крупные IT-компании заинтересованы, и не только коммерчески, в такой большой аудитории. Возможно, учитывая это, можно было бы оказывать на них определенное воздействие и бороться за информационную независимость пользователей более решительно и кардинально.

– Как Вы считаете, сможет ли радиовещание сохранить свои позиции в ближайшие годы или его популярность будет неуклонно снижаться ввиду появления современных медиа? Как радиопрограммы могут заинтересовать российскую аудиторию больше, чем современные СМИ?

– С появлением соцсетей падение популярности радио, как, впрочем, и телевидения, налицо, при этом оно не критично. Радио до сих пор привлекает внимание значительного сегмента аудитории.

Существуют национальные традиции радиослушания во многих странах. В России она была воспитана еще в советское время. Радио оказывает большее эмоциональное воздействие на слушателя, чем телевидение на зрителя. Слушая радио, человек включает свое воображение, которое богаче предложенной картинке. Это из теории радио. Кроме того, радио более оперативно. В радиоэфир можно выходить, находясь где угодно, пользуясь минимальными техническими средствами. Эмоциональность и оперативность являются бонусами радио.

Профессиональность кадров необходима для популярности любого вида СМИ. К сожалению, сейчас наблюдается падение уровня профессионализма. Я часто сталкиваюсь с таким явлением, когда в редакцию приходят на работу молодые сотрудники. Связано это с проблемой образования. Бесконечные реформы в области просвещения сказываются на подготовке специалистов и в журналистской среде. Общий показатель образованности, культуры и понимание того, как подойти к теме и как найти «шкафчик», в котором лежит «ключик» к проблеме, иногда становятся для молодого журналиста непреодолимым препятствием.

Будущее радиовещания зависит от подготовленности журналистских кадров. Если тенденции продолжат развиваться в духе «хайпа» и «попсы», то не только радио, но и другие СМИ потеряют свое лицо и свои преимущества, которые есть у каждого из них.

– В последние годы исследования показывают, что пандемия и фейковые новости сильно снизили доверие к журналистике. Как вы считаете, что является причиной подобного явления и как традиционные СМИ могут его вернуть?

– Несколько лет подряд «Международная жизнь» проводит в России и за рубежом конференции, посвященные проблемам международных СМИ. На них много раз поднимался вопрос фейковых новостей и много говорилось о fact checking как защитной среде, которая может стать фильтром на пути фейковых новостей. Fact checking должен быть как на уровне конкретного автора, так и на уровне технологических средств. Сейчас существуют нейросети, которые по признаку частотности, по принципу фиксации аналогичной информации и т. д. предлагают редактору/журналисту обратить внимание на ту или иную информацию как потенциально фейковую. Однако не все могут воспользоваться подобным инструментом. Небольшие СМИ часто заимствуют информацию у больших СМИ или у тех, кто малоизвестен, но дает новые и интересные факты. Искушение взять и опубликовать уникальную информацию всегда велико, но это может привести впоследствии к снижению доверия аудитории, если информация не проверена.

Раньше существовал принцип, заключающийся в обязательном наличии двух и более источников информации для ее обнародования или публикации, но это занимает слишком много времени, а двух источников может и не быть. Кроме того, происходят события, о которых население должно узнать в срочном порядке, особенно ввиду увеличивающегося числа техногенных и природных катастроф в мире, когда вкуче вопрос скорости и достоверности информации критически важен.

Есть только один способ вернуть доверие к СМИ – это доверие к их профессионализму и ответственности, в первую очередь перед читателем, слушателем, зрителем. Однако это не только ответственность журналиста, но и в меньшей степени – его работодателя, будь то государство или частная компания.

ПОНЯТЬ ПЕППЕРШТЕЙНА! ПРОТИВ АВТОМАТИЗМА

Е.В. Островский – президент Управляющего совета фонда поддержки философии, интеллектуальной прозы и сохранения наследия Александра Пятигорского – Фонда А.М. Пятигорского, член РСМД

– Ефим Викторович, что бы Вы назвали успехами российской внешней политики за последние десять лет?

– Сама речевая конструкция «успех внешней политики» может оказаться в наше время ложной. Слово успех происходит от спешки, то есть от соревнования и конкуренции, и «успех внешней политики государства» подразумевает, что государство участвует в каком-то забеге, состязании. Так ли это? Каковы сравнительные показатели этого соревнования? «Куда он гонится», этот медийный призрак конкурирующего государства? За что борются эти воображаемые конкурирующие государства? Если мир поделен, а передел ведет, в конечном счете, к ядерной войне.

Очевидность смысла этого вопроса, действительно, обманчива. Куда мы должны успеть? Никто лучше П.В. Пепперштейна не рассмотрел эту обманчивую «смысловую» конструкцию – «успех внешней политики»: если понять его «Предателя Ада», многое в российской внешней политике станет гораздо яснее.

Многополярный мир никуда не спешит, он не знает этой obsессии, одержимости успехом.

Не нужно тревожиться об «удаче или неуспехе» внешней политики. «Успеха» в сегодняшней международной политике – не важно, о какой стране мы ведем речь – не бывает. Любой «успех» сегодня – это медийный спектакль.

Об этом говорит постоянно в своих выступлениях президент России В.В. Путин (странно, как некоторые этого не замечают). На это же намекает нам в элегантно́й статье генеральный директор РСМД, А.В. Картунов «Водка или коньяк: два взгляда на мировую политику».

Для меня это во многом вопрос о словах, стереотипах и противоречиях между двумя культурами русского языка. Из этих двух культур русского языка первую можно назвать международной, внешней, а другую консервативной, внутренней.

Как можно понять сегодняшние и исторические высокие образцы консервативной внутренней культуры русского языка, она не ищет успеха, она никуда не спешит. Учащенный пульс «торопыги» противоречит размеренному консервативному пульсу, ценители успеха к консервативной культуре не принадлежат.

Успех – это слово из международной культуры русского языка. Но те величественные структурные конструкции, что построены сегодня во внешней политике – это всецело достижения консервативной внутренней культуры. Они огромны, трудно их переоценить и бессмысленно перечислять. То, что сделано во внешней политике, важнее, чем успех.

Россия никуда не спешит и не нуждается в успехах: она устойчива. Ведь даже относительно возвращения Крыма, российскую официальную позицию скорее можно понять так, что это успех Крыма, а не России.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Почему привычными? Скорее автоматическими, обычными. В этом автоматизме (естественного) языка и кроется основной вызов, с которым уже встретились и мир, и Россия в мире. И в среднесрочной перспективе произойдет то, что Вы называете «столкновение» с этим вызовом. И так, куда нас вызывают, и кто нас вызывает?

Нас вызывает «интеллект удаленного доступа» (англ. *Remote Access Intelligence, RAI*)¹. Человечество успешно проходит тест Тьюринга, но проходит его зеркально по отношению к тому, как ожидали: не машина становится умнее, и тем самым приближается к человеку, а человек, вглядываясь в экран машины, все больше автоматизируется.

Если вчера международную политику все больше занимал тот факт, что компьютер может развязать ядерную войну, то сегодня стоило бы озаботиться тем, что человек скоро не сможет завязать без компьютера шнурки на своих кроссовках. Интеллект мигрирует с протеина на силикон, «с белка на песок», и это один раз «нормально» в том смысле, что на глину он мигрировал еще в Вавилоне, но другой раз вызывает к жизни ту самую турбулентность и неопределенность в мире, о которой Вы спрашиваете.

Интеллектуальные функции отделяются от индивидуального носителя, переносятся в удаленный (англ. *remote*) доступ, и в итоге приватизируются владельцем того или иного цифрового актива. В результате человек деинтеллектуализируется, становится тонким клиентом (англ. *thin client*), употребляющим интеллектуальные функции с помощью цифровых платформ, возникает его критическая зависимость от оцифрованного интеллекта.

¹ Е.В. Островский. «RAI: удаленный интеллект» // РСМД. 22.11.2018.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rai-udalyennyy-intellekt/>

– Как меняются современные СМИ? По вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– Прислушайтесь к слову *«information»* – нечто входящее и формирующее. *«In»* – значит, откуда-то и куда-то: сама приставка, префикс *«in»* подразумевает направленность движения откуда-то куда-то. Эта схема соответствует тому, как форма задается индустриальным обществом. Линейно и с высокой ценой входного билета Вам дорого организовать телеканал, газету, радиостанцию и, соответственно, число людей, допущенных до проектирования общественных форм, – небольшое. Эти немногие этими средствами (ин)формируют массы, придают им форму. Сегодня мы имеем дело со средствами массовой конформации. Все (кон)формируют друг друга – большие перемены!

Но вот что придает детективный характер этому сюжету: начав конформировать друг друга, люди не обращают внимания на то, что, пока они наслаждаются конформизмом друг друга, их интеллект утекает в цифровую форму. Я имею в виду не столько «большие данные», сколько упомянутый выше процесс миграции интеллекта.

Как я писал уже об этом ранее², ничего особо страшного в связи с этим не произойдет, просто люди постепенно сдвигаются к границе между Древним Египтом и донеолитической антропологией охотников и собирателей, к доминированию эмоционального интеллекта в отсутствие интеллекта рационального. Однако многих это приводит в паническое состояние.

Весь вопрос здесь заключается в вызове, как Вы говорите, в том, какие культуры породят свои глобальные (или региональные) цифровые компании, с достаточным объемом рынка для собственного развития, а какие не породят, или не смогут прокормить и воспитать. Кто будет владеть человеческим интеллектом, а кто будет его лишь потреблять в меру доступности?

² Е.В. Островский. «RAI: удаленный интеллект» // РСМД. 22.11.2018.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rai-udalyennyy-intellekt/>

– В 2019 и 2020 гг. мы видели, как крупнейшие технологические гиганты (Twitter, Facebook, Google) оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например, ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Могут, конечно, потому что берут. Но проблема не в сегодняшних цензурных манипуляциях, в конце концов, несогласные, если они достаточно многочисленны, могут создать свою конформирующую платформу.

Однако проблема здесь лишь видимая. Сегодня внимание в этой сфере приковано к оптическим свойствам Интернета: возможности *BigTV*, с одной стороны, возможности *Panopticum*'а (слежки, разведки), с другой. Интернет воспринимается как среда, которая позволяет что-то показать или что-то подсмотреть. Показать обман или правду (рекламу, кино, новость), подсмотреть секрет или большие данные. В конце концов, взаимно показать и посмотреть цифровые бухгалтерские записи зачисления и списания денежных средств (то есть произвести электронные расчеты). Интернет превратился в глобальные очки дополненной реальности, надетые на человечество, стал вторым зрением человечества, его второй природой. И понятно, что так или иначе контроль над природой второго зрения человечества может быть интернационализирован, но какое сопротивление вызывает эта мысль!

Однако не в этой области пролегает реальный фронт. Реальный фронт скрыт от наблюдателя PR-, GR-, IR-кампаниями цифровых корпораций (всеми этими идеологическими рассуждениями про искусственный интеллект, про сингулярность и тому подобные конструкторы). Реальность, стоящую за ними, понимают лишь они – и эта реальность интернациональна, а потому является предметом международной политики.

А что будет, когда они получат в свое распоряжение не Ваше зрение, а Ваш интеллект? Тоже ничего страшного, конечно.

– Скажите, считаете ли Вы правильной ориентацию на глобальные нормы и рейтинги при оценивании научных достижений российских авторов? Можно ли назвать позитивными для российских общественно-политических наук последствия ориентации, например, на Web of Science вместо упора на развитие каких-либо своих внутренних рейтингов?

– Кому нужны эти рейтинги? Научным бюрократиям? Что-то я не видел, чтобы научные рейтинги помогли поиску истины.

Да, научная картина мира испытывает давление других мифологий. Но вряд ли такая реформа рейтингов будет спасением, скорее наоборот.

– Как Вы считаете, помогает ли современному политику познание философии, и повышает ли оно эффективность выполнения поставленных перед ним государственных задач?

– Философия, история, психоанализ, другие искусства – весь этот *art* придуман для того, чтобы тайное, секретное обсуждать публично и по существу. Язык, естественный язык, дан человеку, чтобы скрывать свои мысли и свои действия. Но вот искусственные, другими словами, артистичные языки, вроде языка философии, о котором Вы спрашиваете, создаются, чтобы приблизиться к общим мыслям и к мышлению. Как нам обсудить то, что мы скрываем, скрываем даже от «себя» (кстати, кто этот «себя», в контексте, например, международных отношений, о которых мы сейчас говорим, и шире – в контексте «государственных задач»?) – только через абстракции, через «бесплезное».

Проще говоря, искусственные языки, включая философский, «помогают» и «повышают эффективность» тем, что позволяют обсуждать с помощью абстракций предметы, которые в их конкретной форме обнажать либо вредно для обсуждения (потому что такое обнажение приводит к аффекту, после которого невозможно уже что-то обсуждать), либо невозможно (потому что в деталях он неизвестен), либо бессмысленно (потому что, будучи обнажен, он меняет смысл).

И не могу не вспомнить, как А.М. Пятигорский цитировал случайно подслушанный им разговор двух пожилых дам. Одна из них говорила другой: «отнесись к этому по-философски: не думай». Шутка? Однако, может быть, шутка в том, что пожилая дама имела в виду «не думай автоматически»?

«ФЕЙКИ» БУДУТ ВСЕГДА

Д.С. Песков – заместитель Руководителя Администрации президента Российской Федерации – пресс-секретарь президента Российской Федерации, член Президиума РСМД

– Дмитрий Сергеевич, сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Действительно, есть целый ряд таких вызовов, которые уже хорошо понятны. Первый – это вызов, связанный с «прогибом» всей системы международных отношений. Эта система международных отношений начала меняться вместе с возникновением многополярного мира и с попытками США вместе с сателлитами удержать на плаву прежнюю систему – однополярную систему, которая возникла после распада СССР.

Есть различные проявления у этого опасного процесса: это, естественно, и подстегивание конфликтного потенциала в разных регионах мира; экономические проявления; это и те процессы, которые ведут к слому правил Всемирной торговой организации, международных торговых отношений, и мы видим все вот эти «ковбойские наскоки» на коммерческие проекты, будь то «Северный поток – 2», будь то абсолютно коммерческий проект, связанный с использованием ГТС Украины для транзита российского газа для европейских потребителей. Это все, конечно, подрывает устои международных экономических и иных отношений. Мы видим уже превращающиеся просто в одержимость такие санкционные упражнения США и их союзников, которые в первую очередь направлены на сдерживание России, но они не задумываясь применяются в отношении и других государств. Это первый такой набор вызовов, весьма субстантивный и то, что требует от России очень большого внимания.

Второй – это, с моей точки зрения, тот самый конфликтный потенциал. Я даже выделил бы отдельно региональный конфликтный потенциал. Где-то он связан с этническими процессами, где-то он связан с религиозным экстремизмом. Я не буду только ограничиваться исламским экстремизмом, это может быть какой угодно экстремизм, но это тоже вызов, который мы видим. Мы видим миграционные проявления этого вызова для европейцев, они воспринимают это очень болезненно и пока конца и края этого не видно.

Третий вызов – это чуть ли не самое важное – это климат, изменения климата. Имеют ли эти изменения климата антропогенный характер или нет – мы

точно не знаем. Есть аргументированные точки зрения как в пользу антропогенности изменений, так и против. И то и другое весьма аргументированно, но факт остается фактом – климат меняется гораздо быстрее чем нам хотелось бы. Здесь тоже свои, так сказать, ипостаси этого вызова. Чисто климатически мы видим, что даже в России появляются регионы, которые горят, когда они не должны гореть; которые тонут, когда они не должны тонуть.

Мы видим, что творится в Европе, мы видим катастрофические проявления в Австралии, в Африке и в других регионах. Мы видим стремительное таяние льдов на северном полюсе в Антарктиде. Все это, конечно, чревато еще более катастрофическими последствиями. Мы с Вами живем в стране, где больше 75% территории находится в зоне вечной мерзлоты. Мало кто об этом задумывается, но дело в том, что вся инфраструктура в этих условиях вечной мерзлоты, она основана на технологиях, которые держатся вот на этой мерзлоте. По-русски говоря, просто все стоит на сваях. И вот сейчас там на метр, на полтора и дальше эти сваи оттаивают, потому что земля оттаивает и все начинает, вся инфраструктура, ходить ходуном. Это потенциально большая опасность, которая чревата возникновением необходимости переселения большого количества людей и перемещения большого количества объектов промышленной и иной инфраструктуры.

Есть и экономические преломления этого вызова – «зеленый» переход. Европейцы настроены решительно в своих целях по декарбонизации экономики и это приведет, конечно, к большим экономическим процессам уже в ближайшие несколько лет. Буквально через пару лет, с 2023 г. ЕС начнет пробное декларирование углеродного следа. Потом еще там какое-то количество лет – и все. Необходимо будет платить повышенные сборы, пошлины и т.д. Это сложнейшие процессы, которые в целом приведут к переделу вообще международных рынков энергоресурсов, сократят их, потребуют внедрения абсолютно новых технологий.

Все это, пожалуй, самые серьезные вызовы, которые есть. И стоит отметить еще биологическую опасность. Климатические изменения ведут к изменению биологической среды, возникают новые вирусы, коронавирусы. Понятно, что они будут дальше возникать и это также опасно для всего человечества и для России. Наверняка можно вспомнить и другие вызовы, но я бы хотел остановиться на этих. Это все стоит высоко в повестке дня: руководство России и самые светлые головы работают над выработкой средств и методов ответа на эти вызовы.

–

На протяжении многих лет, а особенно в 2010-х гг., происходит трансформация средств массовой информации. Отталкиваясь от современных реалий, какие тренды развития являются ключевыми для СМИ? По Вашему мнению, традиционные СМИ сегодня уступают «новым медиа» в освещении событий, происходящих в мире?

– Суть трансформации СМИ заключается как раз в том, что традиционные СМИ перестают быть чисто традиционными и они приобретают характер мультимедийности. Ни одно СМИ сегодня как традиционное не имеет возможности существовать экономически. Только экономически оправданное существование СМИ является истинным залогом независимости СМИ, если вообще полная независимость СМИ в наше время возможна.

В то же время появление такой среды как интернет, социальные сети и т.д. дают, конечно, безграничную возможность для вещания каждого отдельно взятого человека, не только СМИ. Поэтому грань между вещателями, между блогерами, между аналитиками с использованием инфраструктуры соцсетей, грань их и средств массовой информации стирается и минимизируется.

А что касается традиционных СМИ, то да, сейчас нет «чистых» газет, каждая газета имеет свои сайты, имеет соцсети, имеет свои блоги, имеет свои подкасты и фактически сейчас любое СМИ является такой огромной мультимедийной экосистемой.

– Информационные войны становятся тоже новой реальностью. Сегодня к ним относятся столь же серьезно как к военным конфликтам, и насколько кардинально изменилась ситуация за последнее время? Стоит ли надеяться на то, что информационные войны рано или поздно закончатся? Возможна ли объективная и абсолютно непредвзятая журналистика в XXI в., на Ваш взгляд?

– Вы знаете, информационные войны не сегодня становятся такими опасными, и они не сегодня становятся такой сомнительной и неотъемлемой частью нашей жизни. Информационные войны были всегда в истории человечества. То, что раньше называлось слухами и искусно распространялось разными лазутчиками, во времена Александра Македонского и его войн с персами царями, например, то в наше время эту функцию выполняют социальные сети или обезличенные электронные источники, которые распространяют хорошо подготовленные «утки».

Поэтому это все старо как мир, просто сейчас инфраструктура и технологии делают возможным распространение обезличенной информации. Рас-

пространение информации сегодня возможно не только на какой-то маленький социум, на маленькую группу, но и в глобальном масштабе и делать это просто со скоростью звука.

Поэтому эти войны есть, они будут всегда. Всегда будут люди, которые на этом зарабатывают свой хлеб и всегда будут люди, которые придумывают способы борьбы с этой дезинформацией и информационными войнами.

– Вы уже затронули дезинформацию и «фейк-ньюс». В последние годы стало широкой практикой как раз распространение фейковых новостей, и становится все сложнее людям верифицировать информацию. Как Вы считаете, с чем связан рост фейковых новостей в современном мире? Как этому можно противостоять? И поможет ли повышение уровня журналистики и ее экспертизы бороться с «фейк-ньюс»? Какую угрозу «фейк-ньюс» представляют для свободы слова в мире?

– Очевидно, что «фейк-ньюс» распространяют или в силу некомпетентности, и здесь, конечно, большую роль играет уровень квалификации журналистов, или в силу осознанного распространения «уток» и лживой информации. Здесь, конечно, очень важно готовить и совершенствовать хороших, талантливых журналистов. Журналистика всегда была очень уважаемой профессией, но сейчас она требует совершенствования с учетом опять же мультимедийности всего и вся.

А что касается чисто «фейк-ньюс», то противодействовать им весьма и весьма сложно. Пространство Интернета – безграничное, и информация распространяется молниеносно. Люди должны отдавать себе отчет в том, что «фейки» будут всегда и, конечно, государство здесь, наверное, должно быть предводителем в том, чтобы развенчивать эти «фейки» и налаживать свою собственную инфраструктуру по опровержению лживых новостей.

СМИ ОБРАЗЦА XX ВЕКА УТРАЧИВАЮТ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВО

С.Н. Плеханов – председатель Комиссии по международным связям Московской организации Союза писателей России, член РСМД

– Сергей Николаевич, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Укрепление позиций России на Ближнем Востоке. Если в начале арабской весны казалось, что Россию «вынесут» из региона, то по мере развития событий лидеры стран, поначалу враждебно воспринимавшие все российские инициативы по противодействию подрывной стратегии «управляемого хаоса», изменили свои позиции. К настоящему времени даже наиболее непримиримо настроенные режимы пришли к конструктивному диалогу с Россией. Данное решение обеспечило координацию на рынке углеводородов, привело к углублению экономического сотрудничества стран и росту внешнеторгового оборота.

Еще одним важным достижением можно считать укрепление всесторонних связей с Китаем, сохранение и укрепление позиций России в Юго-Восточной Азии.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Главный вызов – отсутствие консенсуса в национальной элите. Если значительная ее часть продолжит рассматривать Запад как «родную гавань» для своего потомства и своих капиталов, это обесценит любые действия по укреплению позиций государства. Внешнее давление бессильно против сплоченного общества, и напротив, «дом, разделенный в себе, не устоит» (Мф, 12:25).

– Как меняются современные СМИ? По Вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– Очевидно, что СМИ, привычные для XX в., быстро теряют влияние на общество. Телевидение и «желтая» пресса еще несколько десятилетий будут востребованы наиболее отсталыми социальными слоями населения. А «большая» пресса сохранится в камерном варианте как трибуна экспертного со-

общества. Что же касается новостной повестки, она целиком станет уделом интернет-изданий. На формирование общественного мнения во все большей мере будут претендовать социальные сети.

– В 2019 и 2020 гг. мы видели, как крупнейшие технологические гиганты (Twitter, Facebook, Google) оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например, ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Частная цензура в той или иной форме существовала всегда в обличье редакционной политики. Нет оснований полагать, что владельцы социальных сетей откажутся от этой практики. Единственной причиной, которая может побудить их смягчить цензуру – появление подлинно независимых социальных сетей, не подвластных технологическим гигантам. Неким прообразом этого может служить задуманный И. Маском *Starlink*, но и тут возникает вопрос: какова степень приверженности свободе слова «Отца-основателя» или его преемников.

– Учитывая участившиеся в мире конфликты на конфессиональной почве, считаете ли Вы необходимым более подробное изучение ценностей и принципов различных религий в рамках школьных и университетских программ?

– Это может сыграть некоторую роль в установлении климата взаимопонимания. Но лишь вспомогательную. На деле религиозно ангажированные люди информирование об инославных исповеданиях воспринимают как подкоп под ценности их конфессии. Только с ослаблением религиозности в целом можно ожидать «плодов просвещения». Однако сегодняшние тенденции радикализации не позволяют прогнозировать успех на этом пути. Скорее паства ослабевших религий станет добычей других, более склонных к прозелитизму.

– Какое влияние новые СМИ оказывают на конфессиональные группы? Считаете ли Вы, что развитие таких СМИ может повлечь за собой увеличение религиозных конфликтов и рост ксенофобии?

– Используя Интернет, агрессивные конфессии получили доступ к каждому индивидууму. То, что прежде было сопряжено с техническими трудностями, а

также сдерживалось взаимной изолированностью религиозных сообществ, сегодня никаких преград не знает. Атомизированное общество, состоящее из одиноких душ, становится благодатной средой для ловцов, закидывающих свои сети не только в расчете на богатый разовый улов.

В XXI ВЕКЕ СТАЛО ОКОНЧАТЕЛЬНО ЯСНО, ЧТО НИКАКОЙ СВОБОДЫ ПРЕССЫ НЕТ

М.С. Симоньян – главный редактор телеканала RT, МИА «Россия сегодня» и ИА «Sputnik», член РСМД

– Маргарита Симоновна, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Крым наш. Лучшая в мире вакцина от COVID-19 создана в России. Страна каждый раз с новой силой решает колоссальные вопросы мирового устройства, которые не решались десятилетиями. Если бы не Россия, такого государства, как Сирия, уже бы не было. Боевые действия в Карабахе прекращены президентом России. Перечислять дальше?

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Мы сейчас находимся в той точке, когда Россия обеспечила себе военную безопасность. Никто не может с Россией ничего сделать. В стране обеспечена сельскохозяйственная безопасность – нам не нужно канадское зерно или «окорочка Буша». Мы во многом обеспечиваем себе фармацевтическую безопасность, но не до конца. Если нам в качестве санкций «влепят», например, запрет на продажу каких-то медикаментов в России, эти медикаменты должны быть у нас самих. Мы должны обеспечить себе информационную безопасность – свои операционные системы, свои гаджеты, свои платформы. Надо быть готовыми на случай, если нас «закроют» снаружи.

– Как меняются современные СМИ? По Вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– Я уже много лет говорю, что телевидение в том виде, в каком мы его знаем, умрет. Телевидение неповоротливо и не дает возможности мгновенного выбора, а Интернет дает. Все неудобное и медленное уступает место удобному и быстрому. Как когда-то гужевые повозки уступили место автомобилям. Что придет на смену соцсетям и видеоплатформам? Не знаю. Но мы должны развиваться в этом направлении, создавать свое – мощнее и круче.

– В 2019 и 2020 гг. мы видели, как крупнейшие технологические гиганты (Twitter, Facebook, Google) оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например, ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Как мы видим и на примере американских выборов, и вообще всего, что происходит в мире, социальные сети давно уже взяли на себя роль цензоров. Если Вы сейчас наберете в *Twitter* «Маргарита Симоньян», Вы не найдете меня в поиске, если не были подписаны на мой профиль. Также Вы не найдете аккаунты RT. Они совершенно официально ограничили нас в поиске, на основании того, что мы – «государственное издание». Это самая настоящая цензура, которая запрещена российской Конституцией. С этой цензурой на территории России мы должны бороться.

– Как Вы считаете, почему многие страны прибегают к обвинениям российских СМИ в пропаганде интересов России? Как России оглашать свою точку зрения, избегая подобных обвинений?

– Эти страны – большие лицемеры. Они обвиняют Россию в том, чем десятилетиями занимались сами. Все международные телевизионные каналы делают одно и то же – несут ценности своего государства в иноязычный мир. Ровно такая цель у BBC: «Нести британские ценности в мир». Похожие цели заявляли французский *France 24* и немецкий *Deutsche Welle*. Почему любая западная страна может доносить свои взгляды миру, а Россия нет? Мы работаем на свое государство и защищаем страну, как армия. Работать на Родину – это честь. Чем больше Россия показывает, что она не будет молчать, тем больше ее уважают.

– Как в XXI в. глобализация и монополизация СМИ определяется понятие «свобода прессы»? От кого необходимо «освободить» прессу, чьи позиции отстаивает свободная пресса, в каких странах она максимально выражена?

– В XXI в. стало окончательно ясно, что никакой свободы прессы нет. Все эти годы страны Запада нам рассказывали о свободе слова, о демократии, о том, что каждый волен изъяслять свои мысли, и никто не может быть наказан за свою позицию. Но оказалось, что это красивый миф. Удобно было говорить о свободе слова, пока это была свобода их слова. Как только голос RT

и *Sputnik* стало слышно, оказалось, что никакой свободы нам не положено. Поэтому они с нами и бьются – перекрывают нам кислород, пессимизируют в социальных сетях, создают эти бесконечные «центры противодействия российской пропаганде». Они впервые в жизни столкнулись с тем, что такое настоящая свобода слова, и поняли, что совершенно к ней не готовы.

РАНО ХОРОНИТЬ ЛЮБИМУЮ СТАРУШКУ

В.А. Фронин – главный редактор «Российской газеты», член РСМД

– Владислав Александрович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Прежде чем ответить на этот вопрос, замечу, что за десятилетие у нас с Российским советом по международным делам (РСМД) установились прочные деловые и творческие взаимоотношения. Мы постоянно участвуем в проводимых РСМД конференциях, отчетных собраниях. Материалы об этих мероприятиях публикуются в «Российской газете». Искренне благодарю президента РСМД И.С. Иванова – нашего авторитетнейшего автора. Его аналитические статьи написаны ярко, понятно, энергично. Их рейтинг всегда высок.

А теперь о последнем десятилетии, которое, на мой взгляд, выдалось как никогда тревожным для всего мирового сообщества и уж точно для России. Честно говоря, никогда после холодной войны, считавшейся завершенной, мир не испытывал такого политического напряжения. Иногда казалось, оно может перерасти в военное. Призрак войны не просто возник где-то на горизонте, а стал реальной угрозой.

От российской дипломатии потребовалась огромная выдержка, твердая вера в правоту своего дела, глубочайшее искусство ведения переговоров, умение сохранять поразительное хладнокровие в самых тяжелых ситуациях.

Поэтому позвольте назвать мне в числе достижений не только сохранение, но и укрепление отечественной школы российской дипломатии, нагрузка на которую огромна. Как и ответственность, выдерживаемая на ее отнюдь не хрупких плечах. Лицом российской дипломатии по-прежнему остается неггигаемый С.В. Лавров.

Возвращение Крыма в состав России видится мне одним из главных достижений десятилетия. И тут огромную роль сыграли не только «скромные неприметные люди», но и наши дипломаты.

Если уж заговорили о Крыме, то назову и переговоры в «нормандском формате». Представляю, что бы наворотили без них ближайшие соседи, хотя и представлять не хочется.

Сохранение дипломатических отношений с Киевом, во многом благодаря чему удастся не переступить порог, тоже отношу к достижениям. Откровенно говоря, так тонко выдерживать баланс в отношениях с Украиной при российской поддержке ДНР и ЛНР неимоверно сложно. Тем приятнее, что это пока удается.

Как и деятельность российской дипмиссии в США. Бывали ли такие коллизии, которые создавали и республиканцы, и демократы в истории российских отношений с США? Отмечу здесь, помимо стройной дипломатической линии, также выдержку посла России в США, А.И. Антонова. Порой диву даешься, какое самообладание надо иметь, чтобы вот так спокойно, достойно, давать ответ на постоянные нападки.

Это же относится и к российскому постпреду в ООН В.А. Небензе. Ему пришлось заменить безвременно ушедшего В.И. Чуркина. И со своей новой ролью он справился. Авторитет завоеван – и быстро.

От частностей – к достигнутым стратегическим целям. Усиление позиций России на Ближнем Востоке, в частности в Сирии, стало сюрпризом для Запада и огромным успехом для Москвы. Укрепление сотрудничества с КНР дается не так просто, как видится многим, но оно углубляется благодаря обоюдному сотрудничеству. Урегулирование ситуации, сложившейся в Карабахе, важнейший успех российской дипломатии.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Не вижу предпосылок для быстрого улучшения сложившейся ситуации. США, НАТО, коллективный Запад, потерявшие чувство достоинства и меры прибалтийские страны, Польша, пляшущая под дуду Дуды и прочих ПИСсовцев, непрекращающаяся череда военных учений НАТО у российских границ требуют анализа, оценки и ответа. Расширение НАТО, расширение санкций, возможный и даже вероятный переход некоторых государств на более жесткую риторику, как это произошло с Чехией, – вот вызовы, на которые придется ответить.

– Как меняются современные СМИ? По Вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– СМИ меняются даже быстрее, чем это можно было предположить до февраля 2020 г. Грянула пандемия COVID-19, а с ней ускорился неимоверно, в геометрической прогрессии переход на электронные носители. Все же, я бы не стал вот так разом сбрасывать со счета печатные СМИ. Долгая, вероятно, не такая безоблачная и бесконкурентная жизнь, как прежде, предстоит и телевидению. Интернет и социальные сети будут завоевывать медийное пространство. Но мы к этим вызовам готовы.

– В 2019 и 2020 гг. мы видели, как крупнейшие технологические гиганты (Twitter, Facebook, Google) оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например, ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Цензура вообще феномен отживший. Но сейчас все это цензурирование возрождается вдали от России для навязывания своих мнений, ценностей, призывая к активным противоправным действиям. Цензурой тут мало чего добьешься. Нужны убеждения, контроль, принятие законов как внутренних, так и международных. И здесь дипломаты должны взаимодействовать с журналистами.

– Многие говорят, что традиционная журналистика умирает, постепенно уступая место блогерам. На Ваш взгляд, может ли этот процесс повлиять на традиционные СМИ, каковы возможные перспективы? Как, по Вашему мнению, им удастся удерживать внимание своей аудитории?

– Рано хоронить любимую старушку. До кончины далеко. Но блогеры действительно завоевывают медийное пространство. Увы, многие из них так же далеки от настоящей журналистики, как мы с Вами от сельского хозяйства. Перспективы в одном: улучшать качество материалов. Необходимо повысить оперативность, в которой блогеры пока нас превосходят. Создавать порталы, где качественные материалы позволят не потерять читателя.

НАДО ЛИ УЧИТЬСЯ ЖИТЬ В МИРЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЕЙ

М.Е. Швыдкой – специальный представитель президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству, член РСМД

– Михаил Ефимович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Существует несколько направлений по укреплению позиций России на международной арене. Во-первых, это иранское досье. Россия способствовала выстраиванию отношений по данной теме не только с Ираном, но и с европейскими странами, США и МАГАТЭ. Она выступила посредником и гарантом того, что решение этой проблемы находится на этапе поиска компромисса. Во-вторых, это, безусловно, Сирия и защита прав сирийского народа. В-третьих, это Нагорный Карабах. На Южном Кавказе Россия выступает в качестве главного гаранта мира.

Также стоит отметить развитие отношений с дальневосточными странами. Отношения с Китаем плодотворно развиваются уже 20 лет с момента подписания договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В прошлом году Россия и Южная Корея отпраздновали 30 лет дипломатических отношений. В то же время отношения с Японией, пусть они и являются сложными, последнее десятилетие сохраняют стабильность. Также хотелось бы выделить осознание важности отношений России с Африкой (Саммит Россия-Африка в 2019 г.).

Помимо этого, отстаивание Россией своих интересов в Центральной Азии, развитие отношений в рамках организаций многостороннего формата, таких как ШОС, БРИКС и G20 являются одними из основных успехов.

Россия также защищает ООН от серьезной трансформации, которая могла бы подорвать и изменить смысл существования организации. Россия защищает международное право, не принимая «правила», предлагаемые западными партнерами.

Еще одно важное событие – сохранение договора СНВ-III. Это результат огромных усилий, прежде всего, российской дипломатии, а не изменившейся позиции администрации США.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– В самом вопросе заложен ответ. Россия столкнется с турбулентностью, ввиду стремления ее зарубежных партнеров разрушить сложившиеся после Второй мировой войны международные организации и принципы международного права для получения наибольшей выгоды. Сегодняшний мир только кажется биполярным, где Китай и США договариваются обо всех правилах повестки дня, но на сегодняшней арене достаточно много более и менее сильных игроков, где каждый ищет наибольшую выгоду для себя.

Самый серьезный вызов – это сфера IT технологий, которая может спровоцировать множество проблем. Развитие подобных технологий может привести к изменению существующего расклада в области вооружений, например, традиционное представление о ядерном оружии может устареть. Особенно это касается ядерных держав, потому что они могут оказаться в ловушке IT технологий, которые могут вмешаться в любые даже самые сложные пусковые системы или ПРО.

Следующий серьезный вызов может возникнуть через 35–40 лет ввиду развития «зеленой» повестки, он связан с использованием углеводородов, вокруг которых начнется экономико-политическая борьба. Россия может оказаться в тяжелом положении, и в таком случае ей придется искать выходы в другие сегменты экономического развития. Данный вопрос сейчас представляет не только внутривнутриполитическую, но и внешнеполитическую проблему для России. Уже сейчас идет борьба за рынки сбыта углеводородов, «Северный поток – 2» является подтверждением этому. Однако углеводороды еще будут играть определенную роль в развитии экономики десятки лет. Данный вопрос станет фронтом политико-экономической борьбы.

То же самое касается ресурсов питьевой воды. На Россию может оказываться серьезное давление, как на страну, обладающую большим запасом этого ресурса. Потребуется дипломатические усилия для поиска правильного тона в отношении с внешним миром в этой области. Но надо учиться жить в этом «турбулентном» мире. Другого выхода нет.

– Как меняются современные СМИ? По Вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– По данному вопросу я придерживаюсь консервативной точки зрения. Сегодня весь мир говорит о том, что больше не существует традиционных СМИ, и настало время *Telegram*-каналов, *ClubHouse* и прочих электронных ресурсов. Важно понимать различие между интернет-пространством и профессиональными СМИ. Главное, что доверие ко вторым не исчезает. Бесспорно, традиционные СМИ могут отказаться от бумаги и перейти в

электронный формат. Хотя, например, бумажные книги до сих пор востребованы. Отношения между электронным и печатным форматами книг стабилизируются.

Что отличает традиционные СМИ, например, телевидение – это качество и профессионализм представляемой информации. Если телевидение и газеты останутся платформами, ответственно предоставляющими профессиональную информацию, они сохраняют определенный круг читателей и зрителей.

Важно понять, что то, что связано с популярной культурой, уходит в Интернет. Телевидению необходимо стать более аристократичным, чтобы вместе с печатными изданиями обратиться к интеллектуальной публике, распространяя свое влияние, пусть и не по количеству зрителей, но по качеству продукта.

– В 2019 и 2020 гг. мы видели, как крупнейшие технологические гиганты (Twitter, Facebook, Google) оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например, ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Этот вопрос риторический. Большие компании уже берут на себя роль цензоров, они ведут себя как самостоятельные, независимые от регулятора игроки, используя эти механизмы, чтобы выработать свою стратегию и политику. Сегодня технологические гиганты вступают в конкуренцию с государствами. Несмотря на опыт в ограничении присутствия целого ряда информационных западных гигантов в некоторых странах, например, в Китае, «задушить» их повсеместно будет непросто. Удержать распространение электронной информации практически невозможно. Можно попробовать все «отключить», но всегда найдутся люди, которые смогут это «включить», эта игра будет продолжаться бесконечно.

Бесспорным является тот факт, что у корпораций свои интересы, так как они относятся к частному сектору, но в определенный момент у бизнеса может появиться идея заниматься политикой. Однако подобные действия приводят к бесконечному конфликту этих компаний с государством.

– Каким Вам видится будущее бумажных книг и иных изданий на фоне растущей цифровизации информации?

– В какой-то момент этот вопрос стабилизируется. Например, в Японии, в стране с передовыми технологиями, все-таки сохраняется определенное количество бумажных СМИ. Бумажное книгопечатание никуда не исчезнет.

Просто это разные типы общения с информацией и интеллектуальной средой. Можно отметить, что новое поколение детей читает и то, и другое.

– Есть ли в современном российском обществе проблема отцов и детей? Почему она возникает? В чем разница ценностей и культур двух поколений?

– В любом обществе существует проблема отцов и детей. В этом вопросе XXI в. мало отличается от X в. до н.э. Ничего нового мир не изобрел. Проблема возникает, когда новое поколение начинает предъявлять претензии к своим предшественникам, которые считают, что молодое поколение живет неправильно. Как говорят американцы: «Если ты в 16 лет не был революционером, то в 30 лет не будешь начальником пожарной команды».

Конечно, биологически мы изменились за последние 5 тысячелетий, но эти изменения непринципиальные. Мы психофизиологически консервативны, проходим одни и те же циклы рождения, взросления, смерти и т.д. на протяжении примерно 25 тыс. лет. Подобный консерватизм закладывает закон преемственности.

Сегодня в России остается все меньше людей из СССР. Опыт людей, родившихся до распада СССР сильно отличается от тех, кто родился в последние 30 лет. Например, у последних нет ностальгии по тому времени. Тем не менее внутреннего конфликта, который бы разорвал страну по возрастному принципу, не наблюдается. Консерватизм напрямую не связан с возрастом. При том, что дети, которые воспитываются в *TikTok*, отличаются от детей, воспитанных на Центральном телевидении. Есть всегда небольшие изменения, например, в скорости восприятия, переход от буквы к цифре. Маловероятно, что это сыграет радикальную роль, потому что и раньше люди читали абсолютно разные произведения, а не массово изучали академические работы.

Этот вопрос не к молодым людям, а вопрос к их родителям, к тому, как они воспитывают своих детей. Также это вопрос того, как будет устроено образование, потому что как говорил О. фон Бисмарк: «Войну выиграли школьные учителя». Проблема реформы школьного образования – одна из самых сложных. Ее результаты ощущаются и во внешней политике каждой страны, потому что в дипломатию должны приходить молодые люди с широким кругозором и глубокими познаниями. Нельзя сказать, что молодые люди хуже или лучше старшего поколения, они такие же, как и мы. А может быть, и лучше нас.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ МЕХАНИЗМ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

И.А. Юмашева – депутат Государственной Думы ФС РФ VII созыва, член РСМД

– Инга Альбертовна, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Основным успехом российской внешней политики за прошедшие 10 лет стало недопущение превращения России в «региональную», каковой ее видели на Западе, державу. Россия не просто сохранила, но и расширила глобальное присутствие и влияние – военно-политическое, экономическое и гуманитарное. Мы сумели успешно противостоять попыткам вытеснить Россию с Ближнего Востока, предотвратили смену режима в Венесуэле, закрепились в Африке. Но в то же самое время и на постсоветском пространстве Россия продолжила играть ведущую, системообразующую роль, в том числе через такие мирные инициативы, как Минский переговорный процесс и урегулирование нагорно-карабахского конфликта. Если предыдущее десятилетие стало периодом, перефразируя А.М. Горчакова, сосредоточения нашей внешней политики, то 2010-е гг. оказались для нее временем полномасштабного прорыва, кульминацией которого стал успех так называемой вакцинной дипломатии.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Во многом сами рассуждения о неопределенности и турбулентности порождаются российскими западными «партнерами». Их не устраивает и пугает крах концепций однополярного миропорядка и «конца истории», равно как и растущее неприятие либеральной ценностной парадигмы во все большем количестве стран. На мой взгляд, турбулентность и хаос, зачастую спровоцированные политикой «экспорта демократии», постепенно уступают место более упорядоченному, истинно многополярному мироустройству, при котором ключевая роль отводится не одному центру силы, а группе ведущих мировых держав, в том числе России, Китаю, Индии и т.п., а также региональным акторам. Все они отстаивают свои интересы и руководствуются не навязанным извне, а глубинным видением национальных целей и перспектив развития. Если где-то и наблюдается турбулентность в классическом ее понимании, то на Западе.

Главным вызовом для России станет необходимо заполнить лакуны, оставляемые в разных регионах мира США и их союзниками, которые нынче больше сосредоточены на своих внутренних, нежели международных проблемах. Уверена, что Россия с этой задачей справится.

– Как меняются современные СМИ? По Вашему мнению, за какими медиа будущее? Что станет наиболее востребованным, а что потеряет свою роль: телевидение, Интернет, печатные издания, социальные сети?

– Современные СМИ меняются в сторону все большего плюрализма. Еще четверть века назад большинство масс-медиа, по крайней мере, в странах, ориентировавшихся на «западную модель», в значительной степени выступали адептами глобалистского и американоцентричного видения мира. Сегодня же возрастает роль изданий и ресурсов, отстаивающих традиционные ценности, опровергающих западные пропагандистские тезисы и доносящих альтернативное «брюссельско-вашингтонскому» консенсусу видение мира до миллионов потребителей информации. Ярким примером такого СМИ нового типа является телеканал «RT». Безусловно, мы сталкиваемся с изощренными попытками цензуры этих независимых голосов, но они в любом случае будут звучать все громче. Оптимальной при этом станет гибридная модель, которая подразумевает одновременное функционирование ведущих СМИ и в соцсетях, и в более традиционных форматах. Радуется, что именно российские проекты в ходе этих процессов играют все более весомую роль.

– В 2019-2020 гг. мы видели, как крупнейшие технологические гиганты (Twitter, Facebook, Google) оказывают воздействие на политические процессы в некоторых странах, например, ограничивают деятельность официальных аккаунтов, в том числе президентских. Могут ли частные компании брать на себя роль цензоров? Кроме того, должны ли СМИ также брать на себя эту роль?

– Юридически социальные сети, как и частные СМИ, имеют право на любые действия в рамках существующего законодательства. Впрочем, свобода, как известно, не тождественна вседозволенности. Государственные органы, руководствуясь законами, тоже могут и должны ограничивать работу этих ресурсов, если выясняется, что их цензурная политика представляет угрозу национальной безопасности и противоречит интересам граждан. Но, по сути, проблема не в самих соцсетях и ангажированности их владельцев, а в монопольном положении, которое они занимают на внутреннем рынке многих государств. Динамичность развития того или иного общества в сегодняшних

реалиях существенно зависит от качества функционирования информационного пространства. Если, ограничивая работу отдельных сайтов и СМИ, мы лишаем граждан доступа ко всему разнообразию услуг и информации, мы, фигурально выражаясь, стреляем себе же в ногу. Прежде чем переходить к таким шагам, необходимо создать собственный, соответствующий высоким мировым стандартам, информационный сектор. На примере Китая мы видим, что ничего невозможного в решении этой задачи нет. Отрадно осознавать, что и Россия в условиях честной конкуренции прошла значительный путь в данном направлении.

– Как на Ваш взгляд меняется институт современной семьи? Является ли Россия частью мировых тенденций или у нас есть своя специфика?

– Сегодня в мире выделяются как минимум две тенденции развития института семьи. Первая тенденция наблюдается в странах Запада, где традиционная семья уже встречает все меньше поддержки, а право голоса отдается различным нетрадиционным движениям. У этого явления есть свои причины и бенефициары. Если кратко, то с середины XX в. в западном мире распространяется тезис о перенаселении Земли и о необходимости снижать темпы рождаемости, а проблемы с дефицитом рабочих сил решать за счет мигрантов. В поддержку этого тезиса активно разворачивается пропаганда нетрадиционных отношений, трансгендерности и транссексуальности, чайлдфри, радикального феминизма.

Другая тенденция – защита традиционных ценностей и семьи. На этой стороне выступают ряд европейских государств: Турция, Венгрия, Польша, Болгария. Эти страны уже тем или иным образом заявили о намерении отстаивать права традиционной семьи и не поддаваться навязываемому глобалистами видению семейных отношений.

В Конституции Российской Федерации закреплено понимание брака как союза между мужчиной и женщиной, отражен принцип сохранения и защиты традиционных семейных ценностей. Население России и так стремительно сокращается, поэтому идеология западного мира в отношении семьи противоречит стратегическим интересам России. Наше государство стояло и будет стоять на позиции традиционных семейных ценностей, видя в этом основу стабильности и здорового поступательного развития. Более того, с учетом глобальных демографических тенденций Россия может стать лидером просемейного движения в мире, образцом социального устройства, в основе которого – семья и дети, как это было испокон веков.

– В настоящее время Россия подвергается растущей демографической угрозе. Какие меры Вам представляются наиболее важными для выхода из демографической ямы?

– Действительно, население России стремительно сокращается, и, если не принять меры комплексного характера, в ближайшем будущем огромная территория нашей страны может остаться без исконного населения, и восполнять демографические потери придется исключительно мигрантами. Этот сценарий России не подходит.

Полагаю, что в текущих демографических реалиях вопросы поддержки семей и повышения рождаемости должны выйти на первый план. Необходимо предпринять ряд шагов на внешнем и внутреннем контуре государственной политики, чтобы создать условия для повышения рождаемости в стране и позиционирования России как лидера просемейного движения в мире:

- На международном уровне России необходимо провести анализ договоров и документов ООН и ВОЗ, толкования которых направлены на депопуляцию и сокращение рождаемости. Пересмотреть участие и денонсировать статьи, которые не соответствуют Конституции России;
- Имеет смысл присоединиться России к Женевской декларации, принятой на основе консенсуса, о содействии здоровью женщин и благополучию семьи;
- Инициировать конвенцию о защите семьи на уровне Союзного государства Россия – Беларусь с возможностью присоединения других государств;
- Признать нежелательными международные и российские организации, которые заняты агрессивной антидемографической пропагандой, разработать механизмы выявления и ограничения работы таких организаций;
- Инициировать международные договоры и конвенции, исключаящие «решение демографических проблем» методами разрушения семьи и морали, защищающие жизнь человека с момента зачатия, обеспечивающие гармоничное образование и развитие человека, основанное на нравственных принципах. Создать площадки для обсуждения путей реализации этих договоров и международного сотрудничества;
- На государственном уровне необходимо предоставить максимальную поддержку семьям с детьми, вплоть до полного решения жилищной проблемы;
- Принять закон о едином статусе многодетных семей и мерах их поддержки;

- Обеспечить необходимым бесплатным лечением детей с тяжелыми врожденными заболеваниями;
- Ввести во всех российских школах уроки семейного воспитания для формирования правильного отношения к семье;
- Предоставить молодежи бесплатное высшее образование;
- Принять закон «О биоэтике и биобезопасности», утвердив основополагающей ценностью защиту жизни и здоровья человека на всех этапах от зачатия до смерти;
- Ввести существенные ограничения на распространение деструктивного содержания посредством социальных сетей, музыкальных и медийных проектов, кинематографа. Создать эффективный механизм блокировки информации, нарушающей закон N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Обязать Роскомнадзор контролировать автоматическое удаление опасной для детей информации в досудебном порядке;
- Усилить пропаганду семейных ценностей путем введения государственного заказа на конструктивный позитивный контент.

Считаю, что реализация данных предложений станет прочным фундаментом поддержки семьи и традиционных семейных ценностей, будет способствовать формированию внешнеполитического имиджа России как страны, которая готова отстаивать семейные ценности на международном уровне и объединять страны, стремящиеся сохранить свой суверенитет и свое право защищать традиционную семью. Семейные ценности должны стать «мягкой силой» России.

ЭКОНОМИКА

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПОЛЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

С.А. Афонцев – д.э.н., член-корреспондент РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН, профессор МГИМО МИД России, член РСМД

– Сергей Александрович, глобальный экономический спад 2020 г. считается точкой отсчета, с которой странам мира стоит начать выстраивать новые экономические модели для восстановления экономик. На Ваш взгляд, с какими главными экономическими вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе и как обратить экономические риски в преимущества?

– Сейчас уже не вызывает сомнения тот факт, что 2020 г. действительно оказался рубежным для глобальной хозяйственной системы. После длительного периода поступательной динамики мировой экономики многие эксперты ожидали если не кризиса, то хотя бы коррекции роста, перебирали все возможные причины для подобного развития событий – а подлинная причина оказалась настолько неожиданной, что застала всех врасплох. При этом пандемия коронавируса не только «обвалила» глобальный ВВП на беспрецедентные для последних семи десятилетий 3,2%, но и имела еще как минимум два принципиально важных следствия. Во-первых, по какому-то почти мистическому совпадению из всех возможных причин глобального кризиса «сработала» именно та, которая максимально болезненно наложилась на проблему роста не кооперативности в международных экономических отношениях, и без того замедлявшую расширение внешнеторгового и инвестиционно-технологического сотрудничества с середины прошлого десятилетия. Во-вторых, различия в реакции национальных правительств и международных структур на распространение коронавируса и его экономические результаты рельефно высветили отсутствие очевидных «простых решений» в экономической политике как в части ее приоритетов, так и в части средств достижения поставленных целей. Все эти обстоятельства имеют фундаментальные последствия как для мирового хозяйства в целом, так и для позиционирования в нем российской экономики.

Во-первых, глобальный кризис в очередной раз продемонстрировал ущербность нынешней модели экономического развития страны, основанной на «перекачке» доходов ресурсного сектора через бюджет и крупнейшие финансовые структуры в «приоритетные» для государства проекты инвестиционного и имиджевого характера. Печальная правда состоит в том, что ресурсные доходы волатильны, а амбициозные «мегапроекты» редко имеют обозримые сроки окупаемости и не генерируют ощутимого прироста доходов для гражд-

дан России. В этих условиях попытки повысить темпы экономического роста путем форсирования капиталовложений (в т. ч. путем очередного «принуждения крупных компаний к инвестициям») выглядят иллюстрацией к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина: если кормить лошадей горохом и рисом, увеличение порций не сделает коневодство более эффективным.

Во-вторых, по-прежнему остро стоит задача поиска адекватной модели антикризисной политики. Пандемия коронавируса продолжается, и, несмотря на позитивные ожидания относительно темпов восстановления российской и мировой экономики, связанные с ней риски никто не отменял. Тот факт, что темпы спада ВВП России в 2020 г. составили «всего» 3,0%, не должен рассматриваться как признак ее устойчивости. Мировая экономика упала ненамного сильнее, а в среднем по странам с развивающимися рынками соответствующий показатель оказался заметно меньше (2,1%). Основные причины ограниченных масштабов спада российской экономики связаны с быстрым восстановлением сырьевых цен и отказом от введения жестких карантинных ограничений. При этом реальные доходы населения в очередной раз спикировали вниз (по пересмотренным оценкам Росстата, на 3,0%). Для сравнения, в США благодаря активной антикризисной поддержке реальные располагаемые доходы в расчете на душу населения в 2020 г. увеличились на 5,8%. По предварительной оценке, рост реальных доходов населения в Российской Федерации в I полугодии 2020 г. составил порядка 1,7% на фоне восстановительного «отскока» ВВП примерно на 4,7% за соответствующий период. Увы, доходы населения так и не стали у нас приоритетом антикризисной политики, что фактически исключает потребительский спрос из числа возможных драйверов восстановления экономики.

Наконец, в-третьих, мировая экономика все стремительнее превращается в поле геополитической напряженности и протекционистских экспериментов. В этих условиях, даже если в ближайшие 3–5 лет мы все-таки перейдем к приоритезации несырьевого развития, основанного на рыночной инициативе и технологических изменениях, адекватное позиционирование национальных компаний на внешних рынках без адекватных инициатив в сфере международной экономической дипломатии будет крайне затруднено.

– В XXI в. в мире получили свое развитие разные виды противостояния государств на международной арене. Среди них информационные, технологические и торговые войны. Чем для мировой экономики опасны торговые противостояния государств? Будет ли увеличиваться количество таких противостояний или случай США и КНР — единичный?

– За последние годы стремительно выросла интенсивность использования внешнеторговых барьеров и ограничений на инвестиционно-технологиче-

ское сотрудничество, мотивированных интересами укрепления экономических и геополитических позиций отдельных государств и региональных блоков. По данным мониторинга ВТО, объем внешней торговли товарами, на который распространяются вновь вводимые импортные ограничения, возрос с 79 млрд долл. в период с середины октября 2016 г. по середину октября 2017 г. до 588 и 747 млрд долл. в последующие два года. В период пандемии коронавируса наблюдалось снижение введения новых барьеров: так, с середины октября 2019 г. по середину октября 2020 г. они затронули торговые потоки на 441 млрд долл., а с середины октября 2020 г. по середину мая 2021 г. – лишь на 127 млрд долл. При этом меры, связанные с собственно карантинными ограничениями, по состоянию на май 2021 г. затрагивали торговлю товарами в объеме 106 млрд долл., в то время как меры, принятые для облегчения торговли в контексте целей преодоления последствий коронавирусного кризиса, распространялись на торговые потоки в размере 180 млрд долл. С формальной точки зрения это выглядит как свидетельство «сдерживающего» влияния пандемии на динамику торговых барьеров. Однако содержательных оснований для такого вывода нет.

С одной стороны, в период коронавирусного кризиса экономические мотивы к введению новых ограничений резко ослабли с учетом того, что номинальные объемы торговли товарами, по оценкам ВТО, в 2020 г. упали на 8% (а торговли услугами – на 20%). Коронавирусный кризис сам выполнил значительную часть протекционистской повестки. С другой стороны, кризис никак не повлиял на основные политические мотивы к введению барьеров. Ни интенсивность применения экономических санкций, ни острота американо-китайского геополитического (и, как следствие, технологического) противостояния, ни напор сторонников экологического протекционизма от коронавирусного кризиса ничуть не пострадали (причем позиции последних фактически усилились после избрания Дж. Байдена президентом США, чему во многом способствовало вызванное кризисом «нивелирование» экономических достижений администрации Д. Трампа). В результате на многих проектах и направлениях сотрудничества, которые еще несколько лет назад казались вполне реалистичными, был поставлен жирный крест. На сколько лет технологическое противостояние США и КНР отложило внедрение сетей 5G в глобальном масштабе – вопрос риторический. На сколько лет санкции отбросили сотрудничество между Россией и ЕС – вообще страшно подумать. Зато пышным цветом расцветают инициативы, предполагающие трату средств налогоплательщиков и потребителей на проекты, которые вообще не имели бы перспектив в условиях конструктивного международного взаимодействия.

С точки зрения России, основные угрозы на среднесрочную перспективу связаны с экологическим протекционизмом и, в частности, с возможностью

введения пресловутого «углеродного налога» ЕС. Его последствия будут крайне болезненными для российского экспорта, не только сырьевого, но и практически любого, поскольку внешнеторговые преимущества каждой богатой углеводородными ресурсами экономики естественным рыночным образом основаны на более интенсивном использовании соответствующих ресурсов в большинстве отраслей хозяйства. Попытка «отнять» у российской экономики соответствующие преимущества в интересах стран, пытающихся навязывать свои технологические стандарты мировому сообществу, должна расцениваться как вопиющий пример технологического протекционизма – и никак иначе. И ответ на него должен быть максимально жестким.

– Мы являемся свидетелями четвертой промышленной революции. Какой Вам видится экономика ближайшего будущего? Как она повлияет на человека?

– Вопрос о природе современных технологических изменений имеет принципиальное значение для понимания как факторов будущего глобального развития, так и угроз технологического протекционизма, о которых говорилось выше. Масштаб этих изменений, действительно, является революционным. Но у каждой революции есть выигравшие и проигравшие. И одно дело, когда распределение выигрышей и проигрышей определяется выбором экономических субъектов в пользу той или иной технологии, и другое дело – когда лидеры технологической революции получают от политиков искусственные конкурентные преимущества в ущерб всем остальным.

В последние годы стало модным утверждение: «Каменный век закончился не потому, что закончились камни». При этом забывают добавить, что запрет на использование камней также не был причиной окончания каменного века. Люди переходили к использованию металлических орудий труда и войны потому, что они показали свою более высокую эффективность по сравнению с каменными даже несмотря на то, что именно под влиянием «конкуренции» с металлом производство каменных орудий пережило последний взлет с точки зрения усложнения и совершенствования. Что-то похожее сейчас происходит с цифровыми технологиями: они шагают по миру семимильными шагами потому, что именно за них готов платить потребитель. Но есть и противоположные примеры. Где было бы сейчас производство электромобилей, если бы не многомиллиардные субсидии за счет налогоплательщиков? И где будут цели углеродной нейтральности ЕС, если конкуренты европейских компаний продолжат использовать традиционные технологии, не требующие дополнительных затрат?

Разумеется, любые протекционистские инициативы при каждом удобном случае обосновываются благородными мотивами. В США в их качестве обыч-

но фигурируют соображения национальной безопасности, в ЕС – экологические приоритеты. Позиционирование мер экологического протекционизма как средства борьбы с глобальным изменением климата позволяет вести игру на придание им респектабельности в международном масштабе, но никак не отменяет ущерба для тех стран, на которые они будут распространяться. И в этом отношении они ничем не отличаются от любых других менее «респектабельных» видов протекционизма.

Защита окружающей среды – разумеется, дело похвальное, но ее приоритеты отнюдь не ограничиваются борьбой с изменением климата и тем более – с выбросами углекислого газа. У России есть приоритеты поважнее: строительство очистных сооружений, утилизация отходов, рекультивация земель после экологически нерационального использования, снижение энерго- и ресурсоемкости экономики. На это мы должны быть готовы выделять деньги, и в этих сферах у нас есть многочисленные примеры успешного международного сотрудничества. А если кто-то хочет бороться за достижение других приоритетов, включая углеродную нейтральность, – милости просим, но при условии, что при этом не будет нанесен ущерб третьим сторонам. Например, если кто-то действительно хочет снизить концентрацию углекислого газа в атмосфере, то он может, например, заплатить бразильским лесорубам за отказ от вырубки амазонских лесов или компенсировать потери малайзийских фермеров за их отказ сводить леса под плантации масличных пальм. Последствия для экологического благополучия планеты при этом будут куда более заметными!

Разумеется, возможности противостоять экологическому протекционизму у российской стороны ограничены, но они есть. В качестве пробного камня можно было бы принять решение, предусматривающее автоматическое введение запрета на импорт электромобилей и гибридных автомобилей из стран, вводящих «углеродный налог» против российской продукции. С учетом того, что ряд лидеров европейского автопрома уже заявили о сроках отказа от производства автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, такое решение имеет шанс хотя бы отчасти охладить пыл европейских регуляторов. Другой рычаг влияния связан с механизмами ВТО, изрядно ослабленными, но еще живыми. Если против угрозы экологического протекционизма будет сформирована дееспособная коалиция стран, велик шанс, что эту угрозу удастся если не предотвратить, то минимизировать.

В целом пример «зеленых» технологий является очень показательным для формирования общего отношения к технологическим изменениям в постковидном мире. Там, где речь идет об освоении перспективных рынков, необходима скорейшая адаптация экономики к новым технологическим решениям, в т. ч. с использованием механизмов государственной поддержки. Здесь она будет гораздо уместнее, чем в сфере финансовой «накачки» крупных инве-

стиционных проектов. Иное дело – ситуации, где технологические изменения опираются на меры технологического протекционизма (как в случае ЕС, официальные документы которого упоминают цели обеспечения европейского лидерства в сфере экологических технологий и стандартов ничуть не реже, чем приоритеты борьбы с изменениями климата). У России нет интереса за собственный счет поддерживать лидерство чужих компаний. Российскими приоритетами должны стать повышение технологического уровня собственных компаний и обеспечение роста реальных доходов собственных граждан.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Е.Е. Гавриленков – партнер GKEM Analytica, главный редактор Экономического журнала ВШЭ, член РСМД

– Евгений Евгеньевич, что бы Вы назвали основными успехами российской экономики за последние 10 лет?

– Несмотря на невысокие среднегодовые темпы роста, которые в России были существенно ниже среднемировых в последние 10 лет, экономика страны продолжала эволюционировать, и одним из главных достижений можно считать формирование определенного иммунитета к внешним шокам. Так получилось, что эти шоки стали частью повседневной жизни и вряд ли исчезнут в обозримом будущем. В этом смысле формирующаяся адаптивность экономики страны является безусловным достижением, хотя определенная зависимость от конъюнктуры мировых цен на энергоресурсы сохраняется. Примечательно, что вопреки весьма пессимистическим ожиданиям, возникшим каждый раз при падении нефтяных цен или новых пакетах санкций (фактически ставших важным инструментом внешнеэкономической политики в арсенале ряда крупных держав), российская экономика функционировала в эти периоды гораздо лучше ожиданий.

В отличие от более глубокого экономического спада в 2009 г., когда российский ВВП сократился на 7,8% по отношению к предыдущему году, в 2015 г. спад составил лишь 2%. Уместно напомнить, что, помимо снижения нефтяных цен, начиная с середины 2014 г. Россия стала получать регулярные пакеты санкций от западных стран и внешний рынок капитала оказался фактически закрыт для многих российских компаний и банков. Уменьшился и приток прямых иностранных инвестиций. Однако углубления экономического спада не произошло. Одновременно существенно снизился и отток капитала, включая зарубежные прямые инвестиции российских компаний. Не давая оценки, насколько это хорошо или плохо, имеет смысл подчеркнуть, что с 2015 г. рост российской экономики во все большей степени финансируется из внутренних источников.

Другим аспектом повышения устойчивости экономики России к внешним шокам стало снижение зависимости бюджета от цен на энергоносители. Если в 2013–2014 гг. доля нефтегазовых доходов в общем объеме доходов федерального бюджета составляла более 50%, то в последующие годы она этот порог больше не превышала. Произошло это не только вследствие того, что цена нефти в среднем понизилась в предыдущие пять-шесть лет, но и в

первую очередь в силу того, что собираемость ненефтегазовых налогов значительно выросла. При этом относительно устойчивому сбору нефтегазовых налогов способствовал налоговый маневр, вследствие которого акцент был смещен с повышенного налогообложения экспортируемых энергоресурсов в сторону более равномерного распределения налогового бремени на все добываемые ресурсы. В результате даже в те годы, когда цена нефти была относительно невысокой, бюджет сводился с профицитом. Устойчивости бюджетной системы способствует и практически свободное курсообразование. Полностью свободным его назвать нельзя ввиду того, что Минфин проявляет активность на валютном рынке, предписанную в рамках бюджетного правила. Однако влияние этих интервенций на динамику курса рубля ограничено.

Примечательно, что на этом фоне в 2020 г., когда доля нефтегазовых налогов в федеральном бюджете упала ниже 30%, правительство продолжало накапливать резервный фонд. Дефицит же бюджета был полностью профинансирован за счет внутренних заимствований, причем чистый объем заимствований превысил размер дефицита бюджета. В итоге совокупные золотовалютные резервы продолжали расти и в период пандемии, достигнув к середине 2021 г. почти 600 млрд долл. Совокупный же внешний долг страны сократился с «пикового» уровня 733 млрд долл. в середине 2014 г. до примерно 471 млрд долл. в середине 2021 г. Более четверти этого долга номинировано в рублях.

Сложно судить о том, насколько столь осторожная макроэкономическая политика оправдана в краткосрочном плане. Есть аргументы и за, и против. В пользу такой политики, в частности, свидетельствует высокий уровень неопределенности в мировой экономике, а также сохраняющаяся угроза новых санкций. Так или иначе, спад ВВП в 2020 г. оказался умеренным, менее глубоким, чем ожидалось, а в 2021 г. экономический рост возобновился.

За прошедшее десятилетие поменялась и структура платежного баланса. Если до 2015 г. доля продукции нефтегазовой отрасли составляла примерно две трети в общем объеме экспорта, то в последующие годы она постепенно снизилась примерно до 60% в 2018–2019 гг. и до 45% в 2020 г. Очевидно, что во многом это произошло вследствие более низких мировых цен на энергоносители, но не только. Так, в долларовом выражении объем ненефтегазового экспорта не только не снизился, но даже несколько увеличился вследствие продолжающейся диверсификации экономики страны и структуры ее экспорта. Существенно вырос, например, экспорт сельскохозяйственной продукции, включая продукты переработки. Даже внутри энергетического сектора трудно не заметить определенные структурные сдвиги. В частности, начиная с 2015 г. Россия начала экспортировать сжиженный природный газ, выручка от поставок которого в 2019 г. достигла почти 8 млрд долл., несколько снизившись в 2020 г. вследствие коррекции цен. В итоге вне зависимости от конъюнктуры

цен на энергоресурсы сальдо счета текущих операций платежного баланса страны остается устойчиво положительным. А значит большого спроса на внешние заимствования у страны нет.

Упомянутые выше золотовалютные резервы включают в себя и часть Фонда национального благосостояния, который к середине 2021 г. достиг 13,6 трлн руб. (11,7% ВВП), из которых 7,2% ВВП размещены в ликвидных инструментах. Остальная же его часть используется для финансирования на возвратной основе разного рода проектов, включая развитие инфраструктуры, объектов социальной сферы и др. В результате качество инфраструктуры во многих регионах страны существенно повысилось.

– Глобальный экономический спад 2020 г. считается точкой отсчета, с которой странам мира стоит начать выстраивать новые экономические модели для восстановления экономик. На Ваш взгляд, с какими главными экономическими вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе и как обратить экономические риски в преимущества?

– Помимо санкций, продолжающейся пандемии и ухудшения демографической ситуации, вызовом для России становится и изменение глобального климата, необходимость противодействия этому процессу и адаптации к нему, в частности, следуя глобальным договоренностям о переходе к более экологически чистым производствам и о снижении выбросов в атмосферу. России придется направить существенную часть финансовых ресурсов на выполнение обязательств. Нет гарантии, что этот процесс будет легким для крупных российских металлургических и энергетических компаний, особенно если цены на энергоносители, а также на такие базовые продукты, как металлы, не будут устойчиво расти в долгосрочной перспективе. Для многих из таких компаний доступ к внешним рынкам капитала усложнен.

Другим серьезным вызовом является все еще недостаточный уровень развития инфраструктуры во многих регионах России. Модернизация и развитие транспортной инфраструктуры, системы образования и здравоохранения также будет требовать постоянного притока инвестиций.

Серьезным преимуществом России являются природные ресурсы, в первую очередь земли, пригодные для дальнейшего развития сельского хозяйства. В условиях роста мировых цен на продукты питания, который, скорее всего, в ближайшие годы продолжится на фоне изменений климата, растущих регулярных рисков потери многими странами части урожая, Россия могла бы в принципе нарастить объемы экспорта сельскохозяйственной продукции, особенно после ее переработки. Здесь, однако, важно найти правильный баланс и соблюсти интересы как производителей сельскохозяйственной продук-

ции, так и населения. Периодически накладываемые ограничения на экспорт тех или иных видов сельхозпродукции как меры, направленные на ограничение темпов роста цен внутри страны, не всегда находят понимание в аграрном секторе и, с одной стороны, лишают их части потенциальной прибыли, а с другой – снижают мотивации для развития производства. Не исключено, что стране придется пройти через этап дальнейшего роста цен на самые базовые продукты питания.

Еще одним вызовом для России является неравномерное развитие регионов. В частности, продолжающийся отток населения из Сибири и Дальнего Востока. В результате Россия не использует в полной мере возможности более тесной экономической интеграции и развития торговли между восточными регионами и быстрорастущими азиатскими странами. Для более эффективного развития экономики Сибири и Дальнего Востока и снижения издержек необходимы дальнейшие масштабные инвестиции в транспортную инфраструктуру, включая авиаперевозки.

Требуется дальнейшее развитие сети железных дорог и в целом по стране. Известно, что регулярное скоростное пассажирское железнодорожное сообщение между Москвой и Петербургом приводит к тому, что операторы вынуждены пускать грузовые составы по обходным путям, что существенно увеличивает временные и финансовые издержки для хозяйствующих субъектов.

Одной из причин того, что российская экономика относительно неплохо прошла первый год пандемии, является то, что в структуре экономики страны доминируют крупные компании, в том числе с существенной долей государственного участия. У такого рода компаний, как правило, имеется значительная финансовая «подушка безопасности». Однако быстрых темпов роста в предыдущее десятилетие экономика не демонстрировала. По данным Росстата, доля малого и среднего бизнеса в 2017 г. составляла 22% ВВП. В 2019 г. она снизилась до 20,8% ВВП. Скорее всего, в 2020 г. произошло ее дальнейшее снижение. Малый же и средний бизнес традиционно является менее капиталоемким и потенциально может быть более динамичным.

Таким образом, если стремиться к более высоким темпам роста экономики, то должна быть создана более благоприятная регуляторная и макроэкономическая среда для предприятий малого и среднего бизнеса. В частности, важно добиться снижения процентных ставок в целом по экономике, а не путем предоставления кредитов по более низким ставкам для отдельных категорий заемщиков, поскольку это неизбежно влечет за собой дополнительные бюрократические издержки и избыточный контроль. В целом же регуляторная среда должна развиваться так, чтобы постоянно снижать интенсивность взаимодействия как крупных компаний, так и малого и среднего бизнеса с кон-

тролирующими органами. Этот род взаимодействий должен быть делегирован профессиональным лицензированным аудиторским компаниям. Как показывает мировой опыт, это способствует существенному снижению административных барьеров и издержек ведения бизнеса.

– Мы являемся свидетелями четвертой промышленной революции. Какой Вам видится экономика ближайшего будущего? Как она повлияет на человека?

– Промышленная революция в мире, безусловно, продолжится, но при этом надо признать, что в предыдущие десятилетия этот процесс был в значительной степени стимулирован искусственно. Здесь имеется в виду бурный рост долга в первую очередь в развитых странах мира. Речь идет не только о росте госдолга, но и долга домашних хозяйств и компаний. Задолженность только одних нефинансовых компаний превышает объем мирового ВВП. В условиях крайне мягкой денежной политики, проводимой западными странами, начиная с конца 2008 г. поток дешевых денег был практически неограниченным. Следствием этого стала бурная инфляция стоимости активов, в результате чего крупнейшие инвесторы и корпорации под залог уже накопленных активов могли получать дополнительные кредиты и активно инвестировать в новые проекты. Это могли быть как более эффективные технологии производства традиционных продуктов, так и создание принципиально новых товаров и услуг. Спрос со стороны потребления тоже подогревался порой искусственно.

В результате мир, похоже, столкнулся с явным перепроизводством промышленных товаров, т. е. рынок постоянно диктовал потребителю регулярную необходимость обновления, покупки все новых продуктов (автомобилей, электроники и др.). Однако это характерно лишь для относительно развитых стран, в то время как для бедных стран не является исключением недостаток самых базовых продуктов. Нагрузка на природные ресурсы резко увеличилась, политики громче заговорили о грядущем изменении климата, о повышении уровня мирового океана, о более частых стихийных бедствиях и т. п. Неудивительно, что на этом фоне увеличился и поток мигрантов, меняя демографическую картину во многих странах мира. Нельзя гарантировать, что эти процессы будут устойчивыми. Возможный рост процентных ставок, рост инфляции, сдувание пузырей на рынке активов, рост социальной напряженности могут оказаться болезненными для мировой экономики.

В этом смысле надежно прогнозировать дальнейшую эволюцию промышленной революции достаточно сложно. Скорее всего, постепенное проникновение в производство и повседневную жизнь разного рода элементов продолжится, что будет повышать производительность, снижать издержки,

высвобождая трудовые ресурсы, и порождать новые проблемы, в частности социальные.

Пока же логика подсказывает, что на каком-то этапе в развитых странах товарное потребление должно как-то рационализироваться, особенно если процентные ставки пойдут вверх или возникнут какие-либо новые ограничения. Пандемия, например, уже продемонстрировала, насколько избыточным был спрос в прежние годы на авиационную технику, в частности на крупнофюзеляжные самолеты. Глобальное засорение пластиком заставляет отказываться от производства многих видов пластиковой тары и упаковки. Есть масса других примеров.

– В конце 2010-х гг. в мире набрали популярность блокчейн системы и криптовалюты. На Ваш взгляд, криптовалюты это т. н. мыльные пузыри или они могут быть реальными финансовыми инструментами?

– Безусловно, в блокчейн системах есть рациональное зерно. Но говоря о криптовалютах как о финансовых активах, уместно рассматривать их не отдельно от всего остального, а в контексте общей макроэкономической политики, в первую очередь ее монетарной составляющей. Если согласиться с тем, что инфляция активов имеет место, то, скорее всего, этот тезис можно распространить и на криптовалюты. Макроэкономическая политика в США и странах Еврозоны остается крайне мягкой, причем не только в части крайне низких ставок, но и в части «количественного смягчения», т. е. покупок денежными властями ценных бумаг. В результате рынки облигаций крайне искажены, значительная часть бумаг торгуется с отрицательной номинальной доходностью. Рынки акций перегреты. В этих условиях инвесторы идут на повышенные риски и ищут возможности вложения средств в альтернативные инструменты, в частности в криптовалюты. Рынок криптовалют еще не прошел испытания высокими ставками ФРС или ЕЦБ.

Пока по своим масштабам этот рынок невелик в сравнении с рынками облигаций или фондовыми рынками. Если он будет расширяться, то при этом следует помнить, что майнинг криптовалют – это достаточно энергозатратная деятельность. По разным оценкам, потребление электроэнергии для майнинга криптовалют в мире в целом уже сейчас сопоставимо с потреблением электроэнергии какой-нибудь небольшой страны. Гипотетическое расширение рынка криптовалют рано или поздно должно будет столкнуться с проблемой ограничений, связанных с глобальным движением в сторону снижения энергозатрат и ограничения вредных выбросов в атмосферу. Тема возможности использования криптовалют для отмывания «грязных» [денег] также не должна сбрасываться со счетов.

МЫ – СВИДЕТЕЛИ СМЕРТИ УТОПИЙ ДИРЕКТИВНОГО ПЛАНА И СВОБОДНОГО РЫНКА

Р.С. Гринберг – д.э.н., научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, член РСМД

– Руслан Семенович, что бы Вы назвали основными успехами российской экономики за последние 10 лет?

– К очевидным успехам российской экономики можно отнести лишь несколько достижений в области импортозамещения. Российский АПК, животноводство и еще ряд отраслей заметно окрепли в результате контрсанкций.

Следует еще приписать к российским успехам относительно низкую величину рецессии во время пандемии COVID-19. В России она составила 3%, у США 6–7%, а у европейских стран даже больше. Российская рецессия была относительно низкой. Во многом это связано с тем, что в стране сфера услуг в совокупном ВВП не такая высокая, как в странах Запада. А ведь именно она стала самой крупной жертвой пандемии. Хотя, с другой стороны, имел значение и тот факт, что в России не занимались такой массовой поддержкой населения деньгами. Здесь есть большой спор: есть серьезные экономисты, которые считают, что надо было поддерживать вообще всех. Но я думаю, что поддерживать всех опасно, потому что российская экономика не такая сильная, как западные экономики, и вообще она мала по мировым масштабам. Поэтому любое более или менее заметное увеличение ликвидности грозит подрывом ценовой стабильности, то есть создает ситуацию, когда лекарство хуже болезни.

Я часто не согласен с современной политикой Центрального Банка, но в случае пандемии COVID-19 скорее соглашусь с его предположением, что в России увеличение денежной массы сразу же ведет к росту инфляции, в то время как в странах капитализма с длинной историей та же операция ведет сначала к увеличению производства тех или иных товаров и лишь потом, да и то не всегда, к их удорожанию. Здесь я должен согласиться с госпожой Э.С. Набиуллиной, которая говорит, что в России «другая история», и поэтому ей надо внимательно смотреть за увеличением ликвидности.

– Глобальный экономический спад 2020 г. считается точкой отсчета, с которой странам мира стоит начать выстраивать новые экономические модели для восстановления экономик. На Ваш взгляд, с какими главными экономическими вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе и как обратить экономические риски в преимущества?

– Мы свидетели смерти двух утопий: утопии директивного плана и утопии свободного рынка. Это важно. Простой тезис, что чем больше частного сектора, тем лучше для экономики, не выдерживает испытание временем. Точнее, мы сейчас живем в этом времени, но понятно, что такой капитализм, какого хотели многие его критики и «обожатели», не получился. Какой капитализм не получился? Тот, где надо помогать богатым, потому что богатые делают богатство, а богатство богатых перетекает к бедным. Но не получилось. Получилось то, что везде (от США и до Африки) одна и та же история: резко увеличился разрыв между богатыми и бедными. Но дело даже не в том, что физически денег стало меньше, а в том, что у кого было мало денег стало еще меньше, а у кого было много стало еще больше. Все понимают, что это неправильно, но ничего с таким устройством экономики не происходит. При этом все хотят новое экономическое устройство.

Для России большая проблема в среднесрочной перспективе – «зеленая» трансформация. Все мы были твердо убеждены, что это фантазия. Еще пару лет назад говорили, что изменения климата – байки. Но сегодня все поняли, что это реальность. Теперь история с «зеленой» трансформацией будет реализовываться. И здесь мы видим большие проблемы для России. Возникает вопрос «что нужно делать?».

Реальные планы и цели ЕС уже установлены. Конечно, Россию особенно должно беспокоить введение т. н. углеродных механизмов ЕС. Это настоящий вызов. Я не думаю, что азиатский рынок сможет компенсировать те потери, которые Россия может понести при торговле с Западом по новым правилам. 23 июля 2021 г. министр экономического развития России М.Г. Решетников принимал участие в министерской встрече G20 по климату и энергетике. Я хотел бы озвучить одну его цитату, которая мне понравилась: «Такая мера [введение CBAM] может нанести ущерб торговле России с Евросоюзом, а многие страны и предприятия потеряют часть доходов своих предприятий, которые могли бы быть направлены на модернизацию производства и реализацию климатических проектов... и избежать негативных последствий поможет многосторонний подход к принятию климатических обязательств... Глобально значимое, эффективное решение климатических проблем может быть достигнуто лишь в сотрудничестве, а не в соперничестве». Это красиво звучит. Наверное, это было бы правильно. Но я не думаю, что все будет так хорошо, поскольку Россия и так находится в фазе конфронтации с Западом, и здесь ясно, что эти налоги будут рассматриваться как чисто протекционистская мера для Европы.

М.Г. Решетников также интересно отметил: «Россия в большей степени, чем многие другие страны, сократила выбросы парниковых газов. По сравнению с показателями 1990 г. эти выбросы уменьшились в два раза – с 3,1 млрд тонн эквивалента CO₂ до 1,6 млрд тонн». Но важно понимать, что это исклю-

чительно связано с деиндустриализацией, которая произошла после распада СССР. Это звучит красиво, но это проблема. Она не решается, и она опять будет обостряться, потому что мало что сделано с точки зрения прекращения примитивизации российской экономики, т. е. по-прежнему до 65% доходов в бюджет приходится на экспорт нефти, газа и нефтепродуктов.

Сейчас, например, мы можем наблюдать хорошую волатильность валюты, потому что, похоже, восстановление экономик всех стран – реальная картина, и все это требует природных ресурсов. Ясно, что все это будет способствовать росту доходов и курса рубля, если ничего не делать. Если посмотреть на сравнение стран по динамике курса (всех стран, которые стали переходить от сырьевой экономики к рыночной), то можно увидеть, что в России просто зашкаливает этот результат. С 6 рублей за доллар США в 1990-е гг. до 75 рублей за доллар США сегодня. Это неприятная история для российской экономики. Она всегда блокирует какие-то перспективы долгосрочных вложений, инвестиций, что является серьезной проблемой.

– Мы являемся свидетелями четвертой промышленной революции. Какой Вам видится экономика ближайшего будущего? Как она повлияет на человека?

– Человечество не ожидало такого быстрого роста научно-технического прогресса последние десятилетия. А все идет к тому, что новые технологии, особенно роботизация и искусственный интеллект, приведут к тому, что много людей будут лишены своей работы. Я убежден, что это совсем скоро станет реальностью: самолеты без летчиков, автомобили без шоферов.

Здесь возникает проблема социального благополучия России и мира вообще. Дело в том, что много экономистов по-прежнему считают, что как было – так и будет. В начале XX в. тоже многие не могли себе представить, куда денутся извозчики, когда стали появляться автомобили. Но оказалось, что они нашли себе работу в других областях. И в этот раз найдут. Но я считаю, что в этот раз люди новую работу могут и не найти. Поэтому я поддерживаю идею безусловного базового дохода, которая, мне кажется, безальтернативна с точки зрения сохранения социальной стабильности.

Для чего существует научно-технический прогресс? Чтобы людям было легче жить. В общем-то, это будет важный скачок в истории человечества, все большее количество людей сможет жить по-человечески. Есть опросы, которые показывают, что из 100% наемных работников 80% и более не очень любят свою работу и работают, чтобы просто деньги заработать, чтобы жить и кормить семьи. А 15% нравится, что они делают. На самом деле это будет новый этап жизни людей – безусловный базовый доход, когда платят от рож-

деня и до смерти, условно говоря, 1 тыс. долл. или 1,5 тыс. долл. Люди всегда могут бросить работу, которая им не нравится, и искать другую – это же прекрасно.

Этому тренду противостоит другой тренд, очень важный, очень вероятный и ужасающий, – это стремительное расширение роли государства в экономике. По сути дела, государство становится очень важным игроком в экономике, еще важнее, чем раньше, и, конечно же, это является очень серьезной опасностью, если нет демократического контроля над действиями государства. Я, как «старый марксист», всегда ищу какое-нибудь главное противоречие эпохи, и я его нашел. Это противоречие между свободой и безопасностью человека. С одной стороны, вроде бы экономика настолько мощная, настолько развивается, и человеческий интеллект идет к очень серьезным улучшениям, а с другой стороны, «Большой брат» будет командовать и все-все будет знать про нас.

Мы всегда думаем, когда происходит какой-то кризис большой, что мы будем жить в дивном новом мире, но не всегда так бывает. Можно подумать, что после пандемии COVID-19 все может вернуться на круги своя. Но в этот раз, наверное, не вернется. Сегодня можно говорить о том, что предпосылки для новой экономики существуют и, скорее всего, в сторону ее гуманизации. Всегда в любую эпоху есть такое вот понятие как дух времени, «цайтгайт», и это, наверное, тоже будет меняться, потому что «цайтгайт» был какой последние 50 лет? Это экономический человек, это не только экономика рыночная, но и сам человек чего-то стоит. Но это, судя по всему, заканчивается.

Я думаю, что если бы не ужасы сталинизма, то, наверное, многие бы страны сегодня строили социализм. С другой стороны, капитализм уже тоже стал слишком противным. Надеялись 30 лет назад, что он приведет наконец-то к хорошей и счастливой жизни, причем думали наивно, что хорошие вещи от социализма останутся, а к ним добавятся только прелести от демократии и рыночной экономики, но так не бывает.

– В мире и в России все больше говорят о необходимости декарбонизации экономики и постепенного отказа от углеводородной энергетики. Российская экономика имеет зависимость от добычи, использования и экспорта углеводородов. Как России сократить зависимость экономики от углеводородов не в ущерб себе?

– Здесь понятно, что ископаемые источники энергии и возобновляемые источники энергии будут конкурировать. Эта конкуренция уже началась, и она реальная. Чем закончится? Возобновляемые источники вытеснят невозобновляемые. Это проявится во всем: и в домашних хозяйствах, и в домострое-

нии, и в экономике, и в промышленности – везде. Понятно, что в самой уязвимой позиции оказываются страны, которые жили за счет продажи природных ресурсов, и здесь, конечно, речь идет о России, странах ОПЕК и др.

Как сократить зависимость российской экономики от углеводородов? Надо добиться того, чтобы российские молодые ученые не стремились уехать на Запад, а чтобы они занялись на Родине этими вопросами.

УКРЕПЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ – ОДИН ИЗ СЕРЬЕЗНЫХ ВЫЗОВОВ, КОТОРЫЙ СТОИТ ПЕРЕД РОССИЕЙ

В.А. Дмитриев – д.э.н., вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, член РСМД

– Владимир Александрович, что бы Вы назвали основными успехами российской экономики за последние 10 лет?

– Мне кажется, что за прошедшие 10 лет российская экономика находилась в состоянии «упущенных возможностей», но многое удалось сделать, чтобы обеспечить макроэкономическую стабильность. Банковский сектор и госсектор серьезным образом расчистили балансы, что позволило в контексте макроэкономической стабильности продолжить кредитование реального сектора экономики и со здоровым балансом банков усилить кредитование розничного сектора.

Не стоит забывать, что последние 7 лет Россия живет в парадигме санкций и жесткого давления со стороны западных т. н. партнеров. Это, на мой взгляд, – одно из ключевых обстоятельств, которое серьезным образом повлияло на динамику экономического развития в России. Несмотря на это обстоятельство, констатируем не только мы, но и зарубежные аналитики, российская экономика демонстрирует тем не менее достаточную устойчивость.

В январской статье *Financial Times* этого года была зафиксирована идея, что санкции не только продемонстрировали достаточную устойчивость российской экономики, но и серьезным образом простимулировали, во-первых, импортозамещение в нашей стране, а во-вторых, самостоятельность аграрного сектора. Россия по многим позициям сейчас самообеспечена: и по мясу, и по молоку, по ряду других отраслевых направлений. Это я бы тоже отнес к существенным достижениям российской экономики. Хотя, конечно, предстоит сделать очень много. Много из того, что планировалось сделать: это и план Г.О. Грефа, и план развития до 2020 г., который, как констатирует Счетная палата и некоторые эксперты, едва ли выполнен на 50%.

Естественно, есть много внешних факторов, которые повлияли на невыполнимость заявленных программ. Тем не менее если большая часть из того, что было заявлено, будет реализована, то российская экономика серьезным образом продвинется дальше в своем развитии.

– Глобальный экономический спад 2020 г. считается точкой отсчета, с которой странам мира стоит начать выстраивать новые экономические модели для восстановления экономик. На Ваш взгляд, с какими главными экономическими вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе и как обратить экономические риски в преимущества?

– Действительно, вызовы, которые стоят перед нашей страной и перед глобальной экономикой, достаточно серьезные. Это общепризнанный факт, что пандемия внесла серьезные коррективы в парадигму и международных отношений, и экономик отдельных стран. Последствия достаточно серьезные, и они со знаком «минус». Но одновременно пандемия и ее последствия продемонстрировали, что страны и глобально, и национально многие подходы к развитию экономики и общества стали пересматривать.

Человечество действительно уже живет в совершенно другой «нормальной реальности». Это серьезный вызов, который одновременно усиливается тем, что мы живем в достаточно стремительном переходе к «индустрии 4.0», т. е. к четвертой промышленной революции, а это подразумевает и цифровизацию, и интернет-экономику, и развитие роботизации, и все, что с этим связано. Это ведет к проведению структурных реформ и диверсификация экономики – тому, к чему Россия стремилась, но чего пока еще серьезным образом не достигла.

Мы должны также посмотреть на усиливающуюся роль государств в экономике, а это значит, что внимание должно быть уделено корпоративному управлению госкорпораций и компаний с государственным участием. Участие государства в экономике должно сводиться к формированию общих для игроков правил, но не к непосредственному управлению конкретными предприятиями. А когда серьезная, если не преобладающая, доля в экономике страны находится в руках государства, это управление должно совершенствоваться на базе признанных рыночных механизмов корпоративного управления корпорациями и бизнесом в целом.

Также подчеркну, что в обозримой перспективе мы будем находиться в условиях жестких санкций и жесткого давления. Россия видит это давление и в геополитическом плане, и в экономическом, поэтому курс, который российское государство и президент взяли на укрепление самостоятельности и устойчивости нашей экономики, должен быть продолжен. Конечно, Россия должна быть частью глобальной цепочки добавленной стоимости и глобальных экономических связей, но укрепление самостоятельности – один из серьезных вызовов, который стоит перед Россией.

– Мы являемся свидетелями четвертой промышленной революции. Какой Вам видится экономика ближайшего будущего? Как она повлияет на человека?

– Действительно, «индустрия 4.0» по определению профессора К. Шваба – это данность, с которой мы живем и которая является для нас серьезным вызовом.

Многие эксперты прогнозируют серьезное расслоение в обществе. Речь идет и о росте безработицы, потому что многие профессии просто по определению будут не востребованы рынком, и сотни миллионов людей окажутся без работы. Но с другой стороны, это серьезный вызов, который диктует необходимость совершенствования образовательных процессов, переподготовки кадров, ставки на молодое поколение, большую восприимчивость к изменениям, которые мы видим в перспективе.

Одновременно четвертая промышленная революция, или «индустрия 4.0», серьезно повлияет на жизненный уклад и, прежде всего, на экономику. Многие индустрии потеряют свою актуальность. Человечество переходит в мир искусственного интеллекта, виртуальной реальности, 3D-индустрии. Уже сегодня, например, в Китае 3D-индустрия может конструировать многоэтажный дом, который может быть возведен за сутки. И таких примеров достаточно много. Поэтому Россия должна реально смотреть на ту среду, которая формируется в рамках четвертой промышленной революции, чтобы не опоздать, не потерять темп в восприятии того нового, что с собой несет четвертая промышленная революция.

Я думаю, что в этом плане Россия во многом удачно использует момент для того, чтобы переформатировать свою промышленность. Естественно, нужна последовательность в проведении структурных экономических реформ, чтобы Россия шла в ногу со временем и не утратила тот ценный потенциал, который у нее есть.

– Россию и Италию связывают давние дипломатические и экономические связи. Как бы Вы могли оценить современный уровень экономического взаимодействия между странами?

– Мне как сопредседателю Российско-итальянского форума-диалога гражданских обществ эта тема как никакая другая очень близка. Я давно погружен в процесс российско-итальянских отношений. Во всем его многообразии меня, конечно, в первую очередь интересует развитие гуманитарных связей, развитие диалога по линии гражданских обществ. Но этот диалог настолько многообразен, что он включает в себя и торгово-экономические, и инвести-

ционные, и финансово-валютные отношения. Тем более в свое время, когда я возглавлял Внешэкономбанк, Италия была и, я уверен, по-прежнему остается одним из главных партнеров России.

Что касается нынешнего состояния и перспектив, то хотел бы подчеркнуть, что несмотря на геополитические проблемы, которые обострились после 2014 г., диалог на самых разных уровнях между Россией и Италией продолжался. Была подчеркнута незыблемость нашего сотрудничества, и наши торгово-экономические и инвестиционные связи продолжают укрепляться. Достаточно сказать, что порядка 700 совместных российско-итальянских предприятий работают в России, а 300 компаний с исключительно итальянским капиталом работают в нашей стране. Наши партнеры вовлечены и в особые экономические зоны, технопарки, ряд проектов реализуется с нашими итальянскими партнерами в рамках специальных инвестиционных контрактов. Российский фонд прямых инвестиций в ходе визита в Италию российского президента в 2019 г. со своим итальянским партнером – Итальянским институтом развития – подписал Соглашение о формировании специального фонда в размере 300 млн евро для финансирования проектов малого и среднего бизнеса в нашей стране с вовлечением наших итальянских партнеров. Таких примеров можно привести много, что, естественно, говорит об устойчивом развитии наших отношений и о хорошей динамике для их дальнейшего наращивания.

Я хотел бы сказать несколько слов о работе нашего Российско-итальянского форума-диалога гражданских обществ. Несмотря на пандемию, на естественные ограничения передвижения и живых контактов, мы в режиме видеоконференций с нашими итальянскими партнерами провели целый ряд мероприятий. Это и мероприятия, приуроченные в прошлом году к 75-летней годовщине окончания Второй мировой войны, и издание солидного труда, который стал плодом работы российских и итальянских экспертов, о советских партизанах, которые со своими товарищами по оружию воевали на территории Италии в годы Второй мировой войны. Это и недавно завершившийся проект, в который были вовлечены российские и итальянские молодые люди, студенты, представители общественности, о судьбе русских известных деятелей культуры, науки, искусства, проживавших в Италии. Это инициированная нашим Форумом-диалогом совместная онлайн- и офлайн-встреча руководства четырех Форумов-диалогов: Трианонский диалог (российско-французский), Петербургский диалог (российско-германский), Сочинский диалог (российско-австрийский) и, собственно, Российско-итальянский форум-диалог гражданских обществ. Там мы сформировали общую повестку, в рамках которой нам предстоит совместно работать в ближайшее время. Так что мы в определенной степени на российско-итальянском треке развиваемся гораздо активней, чем другие направления, и я думаю, что эта устойчивая тенденция сохранится и в будущем.

ВАЛЮТА БУДУЩЕГО БУДЕТ СТРОИТЬСЯ НА ИНФОРМАЦИИ

А.А. Дынкин – д.э.н., президент ИМЭМО РАН, академик РАН, член Попечительского совета РСМД

– Александр Александрович, что бы Вы назвали основными успехами российской экономики за последние 10 лет?

– Я бы сказал, что основной успех российской экономики заключается в том, что «идеальный шторм», связанный с пандемией COVID-19, пройден лучше, чем все другие кризисы за всю 30-летнюю постсоветскую историю. Я считаю, что это основное достижение, потому что этот кризис, из которого мы сейчас выходим, показал, что у нас в общем развитый и стабильный внутренний рынок, устойчивая банковская система, которая очищена от нескольких сотен проблемных банков, достаточно высокий уровень самообеспечения и сырьем, и энергией, и продовольствием. При этом Россия смогла преодолеть эти трудности при минимальном, по сравнению с другими странами, суверенном долге (17% ВВП) и при значительных золотовалютных резервах.

За минувшие 10 лет Россия провела перевооружение армии и стратегических сил по опережающим мировой уровень инновационным траекториям. Наши микробиологи и эпидемиологи смогли первыми создать одну из лучших в мире вакцин от COVID-19. И это несмотря на то, что против страны уже действует больше ста раундов только американских санкций. Все вышеуказанное я бы отнес к числу успехов российской экономики.

Я бы добавил, что в России достаточно динамично развивается процесс цифровизации экономики. Сегодня по уровням цифровых банковских транзакций и вообще цифровых государственных услуг мы находимся в числе мировых лидеров. Я думаю, что за прошедшие 30 лет и бизнес, и домашние хозяйства накопили определенный опыт антикризисных стратегий. Все это я бы отнес к положительным чертам экономического развития страны.

Если говорить о формальных экономических показателях, то в России экономический рост не очень высокий, и за 10 лет тут таких больших драматических изменений не произошло ни в показателях абсолютного размера ВВП, ни в показателях ВВП на душу населения. Наша экономика оказалась в ловушке среднего уровня дохода. Этот понятный для экономистов термин говорит о том, что для выхода из этой ловушки, т. е. для того, чтобы наша экономика росла темпом больше чем 2,5–3% в год, будут необходимы достаточно серьезные структурные и институциональные реформы. Но я не могу не отметить, что если посмотреть на постсоветские страны, то среди стран СНГ Россия находится на первом месте по уровню как размера ВВП, так и на душу

населения. Страна прилично опережает вторую страну по уровню душевого ВВП среди стран СНГ – Казахстан. Россия опережает по этому показателю две страны Европейского союза, такие как Болгария и Черногория. Украина отстает от нас по размеру ВВП в 3 раза, в то время как в 1990 г. Украинская ССР опережала РСФСР по данному показателю. Вот такие экономические результаты прошедших лет я бы отметил.

– Глобальный экономический спад 2020 г. считается точкой отсчета, с которой странам мира стоит начать выстраивать новые экономические модели для восстановления экономик. На Ваш взгляд, с какими главными экономическими вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе и как обратить экономические риски в преимущества?

– Это утопическая идея, что экономические риски можно превратить в преимущества. Одной из российских проблем является демография. Сегодня, в силу ограничений из-за пандемии, страна испытывает большой дефицит рабочей силы. Если раньше этот дефицит покрывался за счет мигрантов, то сегодня мы имеем дефицит рабочей силы. Например, дефицит рабочей силы только в московском строительном секторе составляет 200 тыс. человек – это много, и похожая ситуация по всей стране. Поэтому это одна из тех проблем, которые нам предстоит решить.

Я думаю, что выйти из ловушки среднего уровня доходов можно с помощью структурных реформ. Прежде всего это касается высокого уровня государственной собственности в российской экономике. Это связано и с тем, что нам необходимо улучшить инвестиционный климат за счет более жесткого соблюдения прав собственности и прав контрактов. Нам нужны инвестиции в человеческий капитал, в первую очередь в здравоохранение и образование. Потому что если говорить о глобальных рисках, то я бы сказал, что впереди не только России, но и всему миру предстоит найти ответы на такие риски, как пандемии, климатические изменения, увеличение количества региональных конфликтов, и, конечно, никуда не ушла угроза ядерной войны. Вот в этих условиях будет развиваться Россия и весь остальной мир.

– Мы являемся свидетелями четвертой промышленной революции. Какой Вам видится экономика ближайшего будущего? Как она повлияет на человека?

– Я думаю, что, как мы сегодня видим, фокус экономики смещается от материального производства и материального потребления в сторону нематериального производства и нематериального потребления. Я имею в виду такие вещи, как телемедицина, потребление различного рода цифрового контента, как образо-

вательного, так и развлекательного, производительного и непроизводительного. Я думаю, что вот этот фетиш материального потребления, который был характерен для конца XX в., сменяется сегодня потреблением нематериальных благ, и это, конечно, меняет характер всей экономической деятельности.

Скажем, если раньше у многих была цель иметь машину, то сегодня это заменяется так называемой *share economy*, и такие вещи будут развиваться. Все это, на мой взгляд, приводит к тому, что мир стоит на пороге т.н. ответственного развития. Ответственное развитие касается и государств, и бизнеса, и домашних хозяйств, и индивидуального человека. Когда человек в большей степени ответственен за свое здоровье и с этим связано развитие всей индустрии здорового образа жизни, ответственен за свое образование, за качество среды на своей улице, в своем городе и т. д. Это же касается и бизнеса, и государства. Вот эта новая парадигма общественного развития, я ее называю ответственным развитием, она, на мой взгляд, на шаг вперед от парадигмы устойчивого развития ООН, которая должна быть решена к 2030 г. Мой взгляд заключается в том, что устойчивое развитие скорее направлено на компенсацию отклонений, на сохранение устойчивости трендов, а не на их изменение. Ответственное развитие задает новый поворот, новую динамику.

Если говорить о промышленной революции, то, конечно, это революция не в промышленности, а в сфере услуг. Это мы хорошо понимаем, и она ориентирована на использование возобновляемых ресурсов роста. Под возобновляемыми ресурсами я понимаю прежде всего интеллектуальные, креативные, информационные ресурсы и возобновляемые (природоподобные) источники энергии. Но здесь не надо впадать в другую крайность, которая, на мой взгляд, характерна для Европейского союза, и связывать будущий рост исключительно с энергией ветра и энергией солнца, потому что эти источники энергии весьма волатильны, они прерывистые и пока дорогие. Стоит, на мой взгляд, говорить о сбалансированном развитии энергетики, которая будет опираться на газ, отчасти на нефть, на атомную энергию и на совокупность возобновляемых источников энергии.

– В современном мире Бреттон-Вудская финансовая система и Ямайская система как ее продолжение вместе с Ялтинско-Потсдамской системой международных отношений переживают кризис в связи с трансформациями, вызванными регионализацией, политикой санкций и ростом протекционизма в мире. Можно ли говорить о том, что в скором времени мир ждет новая финансовая система? Или будет преобразована действующая система?

– В 2021 г. исполнилось 50 лет с начала т.н. никсоновского шока, когда Р. Никсон объявил в 1971 г., что доллар больше не будет меняться на золото.

С той поры существует та система, о которой Вы говорите, с различными модификациями. Министр финансов США той поры, Дж. Конналли, достаточно цинично изложил эту формулу: «доллар – это наша валюта, но ваша проблема». И мы по-прежнему находимся в этой парадигме.

Но вместе с тем, я бы отметил, что весь мир принял эти новые условия. Он их принял, потому что удобно вести экономическую деятельность в привязке к доллару США. Было много попыток использовать какие-то другие валюты, но пока эти тенденции, на мой взгляд, только укрепляют долларовую систему. Доллар США сегодня – это такая сетевая структура, которая принята добровольно, потому что она обеспечивает участникам весьма удобные и гибкие условия для экономической деятельности. Использование юаня, йены, евро, с моей точки зрения, только поддерживает эту сетевую структуру, основанную на долларе.

Но надо сказать, что американцы достаточно бережно относятся к своей валюте, то есть доллар ни разу не подвергнулся деминации. Это, конечно, укрепляет доверие к доллару. Разговоры о том, что пора заканчивать с долларовой системой, я слышу последние 40 лет. Несмотря на это, долларовая система по-прежнему остается центром притяжения, сбережения и бегства капитала. Когда состоятельные люди начнут «парковать» свои активы в юанях, тогда можно будет говорить о том, что юань выходит на *frontline*. Конечно, доверие к доллару не то, что было, скажем, 30–40 лет назад, потому что США сталкиваются с колоссальными социально-экономическими и политическими внутренними проблемами. Очевидно, что в США продолжается процесс деиндустриализации, и, на мой взгляд, критическим вызовом для долларовой системы мировой экономики будут внутренние американские проблемы, а не внешние вызовы.

Вы знаете, что Россия вывела из *treasury bonds* долларовые облигации в структуре фонда национального благосостояния. Риски, связанные с долларом, на мой взгляд, всеми понимаются, и создание каких-то систем двусторонних расчетов – разумный паллиатив, но не панацея, т. к. даже такие расчеты отнюдь не полностью уходят от доллара. Поэтому я думаю, что нужно трезво к этому процессу относиться и минимизировать негативные последствия каких-то будущих глобальных шоков. Надо думать о том, чтобы создать альтернативу системе *SWIFT* как системе международных банковских расчетов.

Если говорить о долгосрочном тренде, то я думаю, что большинство экономистов согласятся с тем, что сегодня устойчивость долларовой системы основана на доверии. Я уже говорил о том, что есть много вопросов и к американской общественно-политической системе, и к американской экономике, но по-прежнему эта система вызывает больше доверия, чем китайская или японская. Но если говорить о долгосрочном тренде, то я думаю, что валюта

будущего будет строиться на прозрачной информации, а не на доверии. Когда ты знаешь макроэкономические процессы в той или иной стране, ты понимаешь будущие риски этой страны – а это все информация. И вот, на мой взгляд, когда информация скажет о том, что юань или евро более устойчивы, они подвержены меньшему количеству рисков, чем доллар, наверное, тогда это произойдет. Но говорить о каких-то конкретных сроках я бы не стал.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: УСТОЙЧИВАЯ И УЯЗВИМАЯ

В.Л. Иноземцев – д.э.н., основатель и директор Центра исследований постиндустриального общества, член РСМД

– Владислав Леонидович, что бы Вы назвали основными успехами российской экономики за последние 10 лет?

– Прежде всего, то, что российская экономика оказалась очень восприимчива ко всякому рода новациям. Все, что касается цифровизации, конкурентности малого и среднего бизнеса, – здесь, безусловно, мы ушли далеко вперед. Хорошо показала себя банковская система и все, что касается как государственных, так и частных цифровых услуг. Это было заметно в пандемию на фоне того, насколько более инертными оказались соответствующие системы в других странах.

Кроме того, в условиях возросшего международного давления и санкций, российская экономика оказалась куда более устойчивой, чем предполагалось. В принципе даже те, кто был оптимистичен относительно экономических перспектив России, вряд ли могли предположить, что санкционное давление обойдется «дешево» или так «недраматично», как оно обошлось. Это, я бы сказал, самый выдающийся результат. Конечно, мы не показали чудес в импортозамещении, скорее переключившись с каких-то западных технологий на китайские, но в целом экономика выстояла.

Стоит отметить, что эти достижения во многом были обусловлены относительно низким уровнем российского развития. Потому что, допустим, та же самая сфера услуг, которая так быстро перестроилась в России, в отличие от многих западных стран, сделала это потому, что услуги и рабочая сила у нас очень дешевы. Невозможно предположить, чтобы в США любой продовольственный магазин обеспечивал бесплатную доставку просто потому, что она намного дороже, и потому продуктовая доставка в Европе и Америке не слишком прижилась. То есть вы можете заплатить вдвое больше за продукты, которые вам привезут, чем если вы ходите в магазин. То же самое касалось и многих других сфер услуг.

Наконец, устойчивость нашей экономики обеспечила ее примитивность. Основная часть потребления – это такие базовые продукты и услуги, от которых люди откажутся в последнюю очередь, поэтому обваливаться экономике было особо некуда. С одной стороны, имелся вполне устойчивый государственный спрос и спрос госкомпаний на инвестиционные продукты, с другой стороны – неэластичный спрос потребителей. Поэтому российские достижения и проблемы очень взаимосвязаны. Но так или иначе, дела в российской

экономике обстоят более благополучно, чем предполагалось в первые месяцы пандемии. Запад не может ввести против нас такие санкции, которые бы обрушили экономику, просто потому что ему самому это весьма накладно, при этом и эпидемия не может ее серьезным образом подорвать. Поэтому я бы сказал, что главные плюсы российской экономики на сегодняшний день – ее внутренняя устойчивость и способность внедрять технологические новации. Мы их не изобретаем, но мы отлично их используем.

– Глобальный экономический спад 2020 г. считается точкой отсчета, с которой странам мира стоит начать выстраивать новые экономические модели для восстановления экономик. На Ваш взгляд, с какими главными экономическими вызовами Россия может столкнуться в среднесрочной перспективе и как обратить их в преимущества?

– Это самый важный вопрос на сегодняшний день, и я тут не оптимистичен. Экономический спад 2020 г. не был циклическим – в отличие, например, от кризиса 2008 г. Тогда спад вызвали глубокие структурные проблемы в США и во многих других экономиках мира. Он вызвал четкое понимание, что весь мир находится в одной лодке, что кризис ударит по всем, везде обваливаются фондовые рынки, и невозможно спастись поодиночке. В те годы США очень зависели от внешнего финансирования государственного долга, китайцы – от конъюнктуры рынков в США и Европе. Тогда все сырьевые экономики очень ориентировались на индустриальные, которые тащили вверх цены на сырье. И совершенно неудивительно, что тогда через полтора месяца после обвала «Большая двадцатка» уже собралась в Вашингтоне в поисках согласованного ответа. Единство затем ослабло, но ряд шагов не оставлял сомнений в том, что мир воспринимается как единый и что из кризиса надо выходить вместе.

Сейчас все иначе: в 2020 г. все стали выбираться из кризиса поодиночке, согласованных мер не было никаких, и тот факт, что все развитые экономики быстро сориентировались и влили гигантские деньги в экономику через рост государственного долга и эмиссию, а ни одна развивающаяся страна, включая Китай, не могла сделать ничего подобного, говорит о многом. Нынешний вариант «количественного смягчения» как минимум в три раза превышает по масштабам реализованный в 2008–2011 гг. И при этом возникли совершенно новые явления, каких раньше никогда не было. Если в то время американцы крупные компании выкупали, чтобы затем продать их с прибылью (как это было сделано с AIG), то сейчас мы впервые увидели раздачу денег населению. И она не подорвала экономики – напротив, она обеспечила резкое удорожание всех активов, в том числе акций и недвижимости. У развитых стран появилась возможность «за волосы вытягивать себя» из кризиса. Этот момент, на

мой взгляд, станет определяющим на ближайшие десятилетия: у одних стран есть теперь этот уникальный механизм, у других – нет. Поэтому нужно быстро пересматривать устоявшиеся стереотипы.

После 1997–1998 гг. развивающийся мир, Россия в том числе, был напуган финансовой нестабильностью, и все стали накапливать резервы, чем и занимались последние 20 лет. Сейчас это не так актуально: из кризиса легче выйти странам, которые этих резервов и не имели (страны Европы и США), и сложнее тем, кто их долго копил, но вот оказалось, что ФРС весной 2020 г. за пять недель напечатала больше денег, чем все резервы Китая. Поэтому согласованные действия теперь невероятны: каждой стране надо выстраивать свою модель восстановления экономики, каким-то образом создавать нечто общее, но со странами, которые находятся на схожем уровне экономического развития.

Кроме того, главный вызов, с которым мы ныне сталкиваемся, – это вызов декарбонизации. Я много раз писал в статьях и книгах о модернизации, что если мы не успеем что-то сделать сейчас, то потом, когда реально «прижмет», Россия это сделает. Модернизацию никогда не поздно начать, главное, чтобы к этому были все подходящие социальные и ментальные условия – но сейчас я в этом не уверен. У нас был шанс начать модернизацию в 2000-е гг. Даже сейчас они остаются, потому что, я убежден, цены на сырье в ближайшие годы будут высокими ввиду той самой эмиссии, которая была осуществлена на Западе. Денежная масса будет толкать цены вверх. Но в перспективе 10–15 лет возможны очень серьезные сдвиги из-за экономических сдвигов в крупных странах – причем не только в западных, потому что в Китае развитие электромобилей идет быстрее, чем в Европе или Америке. Конечно, энергетика не исчезнет, ресурсы все равно будут востребованы, но случится мощная перестройка всего энергетического хозяйства. Нефть не кончится, но спрос на нее будет другой и потребители будут другие. Это будут страны не той платежеспособности, которые могут обеспечить России то безбедное существование, какое у нас было после 2000 г.

Поэтому, я думаю, у России нет сейчас никаких конкретных преимуществ. И России нужно будет пытаться либо завоевывать те рынки, которые сейчас кажутся непривлекательными и вторичными, либо действительно каким-то образом искать свое место в новом мире, может быть, через прочные альянсы с развитыми странами, в первую очередь с европейцами, т. е. стать уже не энергетическим придатком Европы, а индустриальным, потому что наряду с нынешними трендами наверняка будет усиливаться противостояние между Западом и Китаем. Перспектива стать серьезной индустриальной базой для Европы и США вместо Китая была бы для России идеальной. Как Китай в свое время поднимался на качественной и дешевой рабочей силе, России, я думаю,

предстоит подняться на дешевых ресурсах, но не на их экспорте, а на их переработке на своей территории для рынков развитых стран. Выгоды от союза с Китаем и с Азией в новых условиях не просматриваются, поэтому тут сходятся экономика и политика. Проблемы, с которыми мы столкнемся, окажутся очень комплексными.

При этом, даже если люди опровергнут теорию глобального потепления, от которой я, честно говоря, не в восторге, потому что есть много контрдоводов, надо понимать, что за последние десять лет порядка 4 трлн долл. вложено в новые технологии и производственные цепочки – планы крупных компаний перестроены таким образом, что, даже если начнется похолодание, декарбонизация будет произведена только потому, что тут уже мы вошли в колею, и потерять те деньги, которые были вложены, недопустимо. Поэтому я думаю, что это самый большой вызов, который сейчас есть.

– Мы являемся свидетелями четвертой промышленной революции. Какой Вам видится экономика ближайшего будущего? Как она повлияет на человека?

– Можно говорить об отдельных технологиях, которые меняют ситуацию: о фармацевтике, продлении жизни, биотехнологии и компьютеризации. Но мне кажется, что большие экономики сейчас перестраиваются несколько иным образом. Раньше человек был прежде всего потребителем (для тех компаний, которые предлагают свой продукт), покупавшим те или другие товары, и стратегии экономического выживания для крупных компаний были связаны с тем, чтобы «впарить» людям свой товар подороже.

Служили этому и монополии начала XX в., и реклама, и «социальное навязывание» отдельных товаров. Но в любом случае общество было нужно для бизнеса как конечный потребитель их продукции, и, собственно, все последние кризисы преодолевались на основе повышения конечного спроса. Идеология выхода из кризиса заключалась в том, чтобы вбрасывать деньги в экономику с тем, чтобы потребитель «перезапускал» очередной цикл. То, что мы видим сейчас – это совершенно иная ситуация, потому что возникают прецеденты, когда компании сейчас не пытаются получить от людей деньги напрямую. *Google, Facebook*, многие коммуникационные сети обслуживают миллиарды людей, с которых ничего не берут: для большинства пользователей получаемые ими услуги бесплатны. Но все эти компании собирают огромное количество информации о пользователях и доводят ее до рекламодателей, которые на этого потребителя могут выходить и воздействовать. Насколько успешно это получается – другой вопрос, но в любом случае оказывается, что в экономике обнаруживается ресурс в виде не покупательной способности

людей, а в виде совокупности их предпочтений, жизненных установок, ценностей и стереотипов поведения. Это становится зримой экономической ценностью. Facebook на этом достиг капитализации в 1 трлн долл. Я думаю, что технологии «новой экономики» будут развиваться и дальше в направлении поиска максимальной вовлеченности потребителя в огромное количество опосредованных связей с различными производителями товаров и услуг.

Если в 1970-е гг. возникла идея «человеческого капитала», то теперь это может быть какой-то «эмоциональный капитал», или его назовут иначе, но он создаст бесконечный источник богатства для тех, кто умеет им пользоваться. Если мы воспринимаем экономику традиционно, а людей как потребителей, а иногда и хуже, как ресурс, который может валить лес или копать уголь, то тут перспектив немного. Я не знаю, сможет ли российская экономика такого рода переходом воспользоваться, но очевидно, что российские (да и китайские) социальные сети живут в очень узкой языковой и культурной среде, т. е. у нас нет большого распространения за пределы нашей культурной зоны, а у китайцев он еще меньше, потому что китайская диаспора в отношении к числу жителей Китая меньше, чем «русский мир». В данном случае Россия пока не может найти ключ к тому, чтобы новые возможности каким-то образом использовать – и это большая проблема. Повторю, новая технологическая революция состоит не столько в новых производствах, сколько в том, в каком качестве человек в них вовлечен.

– Валовый внутренний продукт (ВВП) является сегодня основным макроэкономическим показателем, позволяющим дать оценку развития или падения экономики государств. Опора на ВВП в оценке экономик мира подвергается критике, т. к. этот показатель не всегда отображает их реальное состояние. Стоит ли ждать изменений в оценках и как это может сказаться на мировой экономике?

– Я думаю, что в ближайшие лет двадцать мы увидим эти изменения. ВВП действительно не отражает многое из экономической деятельности, критика его началась еще в 1980-е гг. Но она сводилась в основном к тому, что этот показатель учитывает заведомо непродуктивную деятельность и не принимает в расчет экстерналии, т. е. когда, допустим, танкер налетает на риф и нефть разливается, а потом ее приходится чистить, ВВП лишь растет. И все попытки реформировать систему были завязаны на таких альтернативных экономических показателях, как *Index of sustainable economic welfare* или *Happiness Index* и др.

Направление мысли было ясно, но в итоге возникали такого рода сравнения, которые мало что говорили об экономических успехах тех или иных

стран. Но происходившее в течение 2020 г. указывает, что, наверное, надо искать несколько в других областях, т. е. уходить от идеи стоимости, наверное, неправильно, но надо переходить от текущих оценок к более фундаментальным. ВВП – это стоимость, созданная за год, но любой человек не только живет на зарплату, но и пользуется ранее приобретенным имуществом. Поэтому национальное богатство, *Net National Wealth*, намного лучше отражает экономическое состояние общества.

Сейчас все экономисты говорят о том, что государственный долг становится слишком большим (в США это порядка 128% ВВП, в Европе во многих странах – больше 100%), и это обернется катастрофой. Но если посмотреть на *Net Wealth*, окажется, что долг практически не увеличивается: с 1980 по 2020 г. для США соотношение составляет 25–29%. Поэтому правильнее было брать в качестве интегрального показателя именно *Net National Wealth*, лучше отражающий экономические реалии. Ведь если у вас огромные пенсионные фонды, но не очень высокие зарплаты, то это все равно означает, что вы сможете после выхода на пенсию 20 лет нормально существовать, а если у вас этого богатства нет, то даже более высокая зарплата может не спасти вас от последующих проблемных ситуаций. Вы можете каждый год менять машину, и промышленность будет производить дополнительную стоимость. Или вы можете купить Теслу, которая ездит на своей батарее не три года, а пятнадцать лет, не ломаясь, и тем самым спрос на автомобили упадет и объем ВВП снизится, но зато капитализация «Теслы» вырастет с 20 млрд долл. до 600 млрд долл., и окажется, что богатство страны, граждане которой являются собственниками ее акций, выросло.

Более радикального пересмотра экономических показателей я бы сейчас не ждал, потому что иначе мы уйдем в достаточно эмоциональную сферу. Мы можем оценить ущерб, который наносим природе, и, допустим, тем самым сильно дисконтировать эффект целого ряда отраслей, но мы никогда не поймем, насколько этот ущерб природе скажется на нас самих да и скажется ли. Да, существуют действительно очевидные моменты: если вы загрязняете водоем, который раньше использовался для рекреации, так, что его вообще невозможно использовать – тут все понятно. А если вы просто увеличиваете объем тем же самых выбросов CO₂ или оксида азота, что в общем-то не нарушает экобаланс в течение ближайших лет, вы никогда не рассчитаете общего вклада этого тренда в благосостояние.

Поэтому я думаю, что уходить от стоимостных показателей рано. Но сам по себе ВВП слишком ограничен именно скоротечностью, потому что мы видели в 2020 г., как в развитых странах ВВП упал на 4–10% при фактически не снижающемся потреблении. Именно это и сбивает фокус в экономических расчетах.

УСИЛЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ – ЭТО НЕ МОДА, А ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ

С.Н. Катырин – председатель правления, президент Торгово-промышленной палаты России, член РСМД

– Сергей Николаевич, что бы Вы назвали основными успехами российской экономики за последние 10 лет?

– Отвечая на Ваш вопрос, хочу обратить внимание, что в последние годы Россия демонстрирует устойчивую положительную динамику в мировых рейтингах, оценивающих бизнес-среду. Так, в рейтинге Всемирного банка *Doing Business – 2010* Россия занимала 120 место, тогда как в последнем отчете 2020 г. – 28. Таким образом, за 10 лет Россия вошла в тридцатку экономик мира с наилучшими условиями для ведения бизнеса. В значительной степени этому способствовал рост наших позиций по таким критериям, как «подключение к электросетям», «получение разрешений на строительство», «регистрация предприятий» и ряда других.

В рейтинге Всемирного экономического форума «Глобальная конкурентоспособность» в 2010 г. у России была 63 позиция, а в 2020 г. – уже 43. И как мы с Вами знаем, Всемирный экономический форум оценивает способность страны и ее институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста.

Безусловно, методология любого рейтинга может подвергаться сомнению, но в определенной степени можно говорить о качественном росте оценки процедур, связанных с ведением предпринимательской деятельности и с развитием экономики.

Полагаю, что к важному достижению можно отнести уровни основных макроэкономических показателей. Да, конечно, все мы помним периоды резкого ослабления курса рубля, ускорения инфляции, но на данный момент уже можно говорить о стабилизации данных показателей. Системы инфляционного таргетирования и гибкого курса рубля, бюджетное правило снизили чувствительность страны к внешним шокам. Хотя наблюдаемый сейчас рост мировых цен на продовольствие, продукцию металлургии, строительные материалы и другие товары стал очередным испытанием.

Минимальный государственный долг, значительные международные резервы и накопления в Фонде национального благосостояния (его размер по состоянию на 1 мая 2021 г. оценивается в 185,8 млрд долл.) добавляют «уверенности». Более того, именно наличие резервов во многом позволило пережить период одновременного падения мировых цен на нефть и последствий,

вызванных распространением новой коронавирусной инфекции, сохранив при этом стабильность основных макроэкономических показателей. Появилась возможность реализовать программы антикризисной поддержки населения и бизнеса.

Произошло значительное укрепление финансовых институтов. Во время кризисных явлений 2009 г. почти половина выделенных государством антикризисных средств была направлена на докапитализацию банков в разной форме. Ситуация же 2020 г. оказалась кардинально иной. Сегодня мы видим, что именно через банки были реализованы многие государственные меры поддержки, а накопленные в финансовой сфере резервы позволили им реализовать собственные программы.

Одним из важнейших событий десятилетнего периода, бесспорно, является крайне быстрая цифровизация экономики и сферы государственного управления. Если раньше бизнес терпел колоссальные финансовые и временные издержки от получения разнообразных разрешений, согласований и справок, в целом от взаимодействия с органами государственной власти, то на данный момент появилась возможность решить многие вопросы онлайн.

Отдельно отмечу реформу контрольно-надзорной деятельности, сферы обязательных требований, принятие нового законодательства. Именно ТПП России на протяжении долгих лет выступала за решение данных вопросов как одних из наиболее болезненных для предпринимателей, принимала непосредственное участие в разработке новой законодательной базы.

Говоря о достижениях, конечно, необходимо понимать, что и проблем еще хватает: санкционное давление, высокая доля государства в экономике, несовершенства инвестиционного климата, коррупция, высокая стоимость заемных ресурсов и т. д. Поэтому работы еще предстоит много.

– Глобальный экономический спад 2020 г. считается точкой отсчета, с которой странам мира стоит начать выстраивать новые экономические модели для восстановления экономик. На Ваш взгляд, с какими главными экономическими вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе и как обратить экономические риски в преимущества?

– Для начала необходимо отметить, что борьба с пандемией новой коронавирусной инфекции, продолжавшаяся на протяжении 2020 г., еще не закончена. Говорить о победе над вирусом рано. Можно привести множество сфер деятельности, которые еще не вернулись на допандемийный уровень. Далеко не весь бизнес может «уйти в онлайн».

Я согласен с Вами, когда Вы говорите о необходимости выстраивать новые модели для восстановления экономик. Основной вопрос – по какому пути

пойдет это развитие. Я имею в виду стремление стран изолироваться и в большей степени ориентироваться на собственные силы и возможности (учитывая ситуацию 2020 г., когда закрытие границ привело к разрыву сложившихся кооперационных поставок). Или наоборот, мы станем свидетелями трансформации бизнес-моделей в сторону более активного взаимодействия.

Если говорить о вызовах в экономической сфере для России в среднесрочной перспективе, то, конечно, одним из них остается санкционное давление. Здесь предпринимательское сообщество, как российское, так и зарубежное, выступает за конструктивный диалог и налаживание партнерских отношений. Показательным примером в этой связи является Петербургский международный экономический форум, который в 2021 г. стал первым в мире деловым событием очного формата после вынужденного перерыва. По традиции одной из крупнейших делегаций были США, многочисленными были делегации ФРГ, Великобритании, Франции и других западных стран.

Устойчивый курс на импортозамещение позволил превратить риски в преимущества. Достижения в этой сфере очевидны: к примеру, доля отечественной продукции в обрабатывающих отраслях составляет сейчас уже около 60%. Согласно докладу ЮНИДО, в мировом масштабе в 2020 г. выпуск в обрабатывающей промышленности сократился на 4,1%, что стало самым большим падением со времен мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. В России же во многом благодаря политике импортозамещения обрабатывающая промышленность сумела показать рост на 0,6%, что стало одним из факторов поддержки экономики, поскольку данный сектор обеспечивает почти 15% валовой добавленной стоимости. В настоящий момент формируются новые планы импортозамещения. Можно отметить, что в целом импортозамещение структурно меняет облик всей российской экономики.

Следующим вызовом можно назвать вопросы природопользования и экологии. Климатическая повестка выходит сегодня на первый план, и это факт, с которым трудно поспорить. Уже более 60 стран приняли решение о низкоуглеродном развитии. Выполнение задач по снижению выбросов – это серьезный стимул к перестройке всей экономики.

Борьба с распространением новой коронавирусной инфекции и введенные ограничительные меры привели к сложностям на рынке труда. Если ранее в России уровень безработицы варьировался на уровне около 4,6%, то в августе 2020 года он достиг отметки 6,4%, сейчас же происходит его постепенное снижение. При этом ситуация с пандемией COVID-19 привела к изменениям на рынке труда. Многие предприятия вышли в сегмент электронной коммерции. На пике ограничений порядка 45% всех предприятий перешли на удаленный режим. Как показывают проводимые нами опросы, многие компании оценили удобство данного режима и планируют в определенной степени сохранять

его и в дальнейшем. Соответственно, меняются и требования к квалификации работников. С учетом быстрой цифровизации экономики вопрос профессиональных кадров также является для бизнеса одним из ключевых.

– Мы являемся свидетелями четвертой промышленной революции. Какой Вам видится экономика ближайшего будущего? Как она повлияет на человека?

– Четвертая промышленная революция приносит изменения практически во все сферы нашей жизни, ведь мы говорим о проникновении интернета и искусственного интеллекта во многие сферы деятельности. Трансформация коснется и производства, и рынка труда, и развития передовых технологий. Но надо отчетливо понимать, что настолько масштабный переход не будет одномоментным явлением. Всем нам надо какое-то время, чтобы приспособиться, привыкнуть к этим условиям.

Цифровизация уже является неотъемлемой частью нашей жизни и затрагивает важнейшие сферы промышленности и экономики. Пандемия ускорила этот процесс, заставив предприятия пересмотреть свой подход к внедрению новейших технологий. Все большее значение в контексте цифровизации приобретают так называемые большие данные и развитие автоматизации. Обработка этих данных и использование результатов их анализа дают возможность существенно повысить эффективность производства, хранения, продажи и доставки товаров и услуг.

Внедрение передовых цифровых технологий даст возможность компаниям оставаться конкурентоспособными в любой сфере деятельности, в том числе и на международном рынке. При этом автоматизация производств позволит повысить и производительность труда, и качество выпускаемой продукции.

Полагаю, что достаточно сильное развитие в экономике будущего получит логистика, представленная современными решениями: например, автоматизированная и роботизированная сортировка на складах и хабах и новые проекты, в частности использование беспилотного транспорта для доставки грузов. Напомню, мы говорим о том, что это не мгновенное решение задачи. Понадобится значительное количество времени для адаптации всех участников рынка к новым условиям.

Скорее всего, будет некий гибридный переходный формат взаимодействия, при котором сохранится традиционная доставка с использованием человеческого ресурса и с одновременным внедрением беспилотной техники.

Сегодня цифровая трансформация покрывает все больше сфер нашей жизни, все больше услуг переходят в цифровой формат. Такие изменения приводят к тому, что требования к компетенциям меняются с невероятной скоро-

стью. Интерес к новейшим технологиям, способность ими быстро овладевать и встраивать в свою работу являются неотъемлемой частью планирования, организации работы и успешного ведения бизнеса в ближайшем будущем.

В последнее десятилетие рынок труда претерпел сильные изменения. На данном этапе развития во многих отраслях отмечается повышенный спрос и нехватка работников, не просто владеющих цифровыми навыками, а способных к работе с большими данными и к изменению способов взаимодействия людей и процессов с информацией и технологиями. В связи с этим претерпевают изменения и образовательные программы всех уровней обучения, и сама система подготовки кадров.

Стремительное развитие информационных технологий сокращает жизненный цикл профессий. Изменения в экономике приводят к трансформации или исчезновению одних профессий и появлению других. Повышается уровень требований к универсальным компетенциям, так называемым *soft skills*, однако не стоит забывать и о *hard skills*, т. е. о профессиональных знаниях и навыках, которые, безусловно, необходимы предпринимателю. Увеличивается спрос на специалистов, базовыми знаниями которых является умение работать с искусственным интеллектом, большими данными, виртуальной реальностью, робототехникой. По прогнозам Всемирного экономического форума в докладе *The Future of Jobs 2020* (октябрь 2020 г.), внедрение передовых технологий и автоматизация бизнес-процессов приведут к потере 85 млн рабочих мест в 26 развитых и развивающихся странах, и случится это уже в 2025 г. Здесь основной вопрос заключается в том, какие профессии будут востребованы (и уже сейчас нужно готовить по ним профессиональные кадры), а какие, наоборот, могут оказаться под угрозой.

Система торгово-промышленных палат уже давно помогает бизнесу адаптироваться к современным условиям развития экономики и проводит широкий спектр обучающих мероприятий (бизнес-тренинги, семинары, вебинары, курсы подготовки и повышения квалификации) по наиболее востребованным на рынке сферам деятельности.

Стоит также отметить, что экологическая ситуация на нашей планете сейчас достаточно сложная. Работа над решением этой проблемы с каждым годом набирает обороты. В будущем все усилия будут направлены на ликвидацию последствий деятельности человека и уменьшение вредных выбросов в атмосферу. С приходом четвертой промышленной революции появляются инструменты и технологии, коренным образом меняются производственные процессы, которые должны и способны решить возникшие экологические проблемы.

Ясно одно: бизнес в ближайшем будущем должен уметь быстро адаптироваться к изменениям по всем направлениям, выпускать продукцию, отвечающую запросам современного потребителя, выстраивать логистические

маршруты для снижения издержек при доставке, приспособившись к внешним и внутренним колебаниям рынка, в том и числе и рынка труда.

– В начале XXI в. сложно было представить, что люди будут использовать виртуальные кредитные карты, производить платежные операции с помощью телефонов, а криптовалюта могла быть только в фантастических фильмах. Сегодня все это – реальность современной экономики. Как Вы относитесь к усилению цифровизации экономики и внедрению все большего количества технологий в экономические процессы?

– Усиление цифровизации экономики – это не мода и не дань времени. Это естественное проникновение развивающихся технологий во все сферы жизнедеятельности человечества. Если вспомнить историю, то сначала человечество перешло от ручного труда к машинному, от мануфактуры – к фабрике. Далее человечество интенсивно развивалось в науке и технологиях, компьютеры быстро вошли в жизнь каждого человека, потом интернет, смартфоны, и теперь мы наблюдаем глобальную цифровую трансформацию общества и экономики.

К данному процессу нельзя не относиться положительно. Цифровая трансформация позволяет выйти глобальной экономике на новый виток развития, в котором главной ценностью являются данные и скорость их передачи.

Если говорить о развитии технологий в России и об их влиянии на экономику и жизнь общества, то следует также отразить ряд преимуществ, которые приносит цифровизация. Россия занимает значительную территорию, и цифровые технологии стирают границы, делают многие услуги и сервисы доступнее, что повышает качество жизни людей (вспомним, что сегодня можно получить консультацию врача онлайн), увеличивает товарооборот. Немаловажным фактором является цифровизация процессов взаимодействия граждан, бизнеса и государства. Цифровые сервисы на портале «Госуслуги.ру», «Налог.ру», на профильных сайтах и порталах органов власти, онлайн-банкинг экономят колоссальное количество времени, а для бизнеса это сокращает издержки, делает его более конкурентоспособным. ТПП РФ также активно развивается в данном направлении, переводя свои услуги и сервисы в электронный вид, а также создает внутренние сервисы для онлайн работы всей системы торгово-промышленных палат в регионах.

Другая немаловажная сторона – появление новых бизнес-направлений и ниш. IT-бизнес по капитализации давно конкурирует с промышленными гигантами, а с начала пандемии экономисты всерьез заговорили о возможном вытеснении электронной коммерцией традиционной торговли, что может стать реальностью на отрезке в 10–20 лет.

Промышленность в эпоху цифровой трансформации переживает глобальные изменения. Цифровые двойники, 3D модели, принятие решений и анализ с использованием искусственного интеллекта в разы повышают производительность и качество производимой продукции.

Безусловно, что столь интенсивное проникновение цифровых технологий требует правового регулирования, точечного вмешательства государства в чувствительные сферы. Мы, как общественное объединение предпринимателей, работаем над тем, чтобы интересы предпринимателей и решения государства были взаимовыгодными и не сдерживали развитие цифрового прогресса.

14 июля 2021г.

РОССИИ НАДО СРОЧНО СКОРРЕКТИРОВАТЬ СВОЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ, ЧТОБЫ УСПЕШНО ВПИСАТЬСЯ В МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР

А.В. Кузнецов – д.э.н., директор ИНИОН РАН, профессор МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Контуры глобальных трансформаций», член-корреспондент РАН, член РСМД

– Алексей Владимирович, что бы Вы назвали основными успехами российской экономики за последние 10 лет?

– В 2010-е гг. отечественная экономика развивалась неравномерно. Сейчас разумно оценивать итоги 2019 г., поскольку 2020 г. из-за пандемии COVID-19, бесспорно, оказался особым. Дать взвешенную оценку устойчивости не только российской экономики, но и всего общества в условиях коронавирусного кризиса нам еще предстоит.

На мой взгляд, самым ярким экономическим результатом в 2010-е гг. стала масштабная цифровизация многих сфер нашей жизни. Понятно, что она происходила на фоне аналогичных глобальных процессов: бурного развития во всем мире сети Интернет, мобильной телефонной связи, электронного банкинга и др. Поскольку Россия не отстает от общемировых процессов, которые определяют развитие экономики на ближайшие десятилетия, есть надежда, что наша страна удержится в числе ведущих держав и к середине XXI в. Однако это лишь потенциальная возможность: в 2010-е гг. по темпам роста ВВП Россия отставала от среднемировых показателей.

Нельзя отрицать общее улучшение в России качества жизни населения, которое косвенно характеризует заметный рост ожидаемой продолжительности жизни с 68,9 лет в 2010 г. до 73,3 лет в 2019 г., в том числе у мужчин с 63,1 до 68,2 лет. Важно подчеркнуть успехи здравоохранения как отрасли, несмотря на постоянное и во многом справедливое недовольство жителей уровнем медицинских услуг: например, такой важный индикатор, как младенческая смертность, снизился с 7,5 умерших в возрасте до года на 1 тыс. родившихся живыми в 2010 г. до 4,9. По данным Росстата, среди взрослого населения минимум вдвое сократились показатели самоубийств и убийств, а также случаев гибели вследствие случайных отравлений алкоголем, в полтора раза – жертв ДТП. Существенно сократилась безработица (с 7,2% экономически активного населения до 4,6%). Если бы на этом фоне улучшалось качество отечественного образования, то можно было бы говорить о благоприятной ситуации с приращением в России человеческого капитала, который в современных условиях часто важнее физического капитала.

Если посмотреть на отдельные отрасли, то наибольшие успехи характерны для проблемного на протяжении многих десятилетий сельского хозяйства. За прошедшее десятилетие Россия стала собирать зерна в полтора-два раза больше (в зависимости от урожайности года) и превратилась в крупного нетто-экспортера, что делает нашу страну важным игроком во внешней торговле государств глобального Юга. Резко выросли показатели сбора сахарной свеклы, производства мяса, многие другие индикаторы успешности аграрного сектора. Неплохая ситуация и в ряде отраслей обрабатывающей промышленности. Так, имея устойчивый спрос в сельском хозяйстве, хорошую динамику показала промышленность минеральных удобрений: если в 2010 г. было произведено 17,9 млн т, то в 2019 г. – уже 23,7 млн т (в пересчете на 100% питательных веществ). Благодаря преимущественно иностранному капиталу произошла заметная модернизация российского производства легковых автомобилей, причем она сопровождалась не только улучшением качества продукции, но и количественным ростом: если в 2010 г. было выпущено 1,2 млн легковых автомашин, то в 2019 г. – свыше 1,5 млн штук.

– Глобальный экономический спад 2020 г. считается точкой отсчета, с которой странам мира стоит начать выстраивать новые экономические модели для восстановления экономик. На Ваш взгляд, с какими главными экономическими вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе и как обратить экономические риски в преимущества?

– Разумеется, все развитые страны будут использовать вызванный пандемией COVID-19 кризис 2020–2021 гг. для структурной перестройки экономики. По опыту всех предыдущих мировых кризисов основной стратегией является ставка на ускоренное внедрение производств, базирующихся на новейших технологиях. В этой связи главный риск для России, на мой взгляд, связан как раз со слабой ставкой на инновационное развитие. Я уже сказал про впечатляющий рост сбора зерновых и выпуска минеральных удобрений, нельзя не упомянуть про увеличение объема поступившей на первичную переработку нефти с 250 до 290 млн т. А что с высокотехнологичной продукцией? Или Россию действительно устраивает роль сырьевого придатка европейских стран и Китая на ближайшие десятилетия?

Мы видим успехи цифровизации. По официальным данным, у нас меньше 2% домохозяйств не имеют компьютеров, но когда из-за карантинных мер в 2020 г. попытались организовать дистанционное обучение школьников, то выяснилось, что во многих семьях один-единственный компьютер на двух-трех детей, а заодно и работающих родителей, которых также перевели на надомный режим работы. Мобильная связь формально покрывает всю населенную

часть России, но только ее качество даже в Подмоскowie во многих районах оставляет желать лучшего.

Цифровизация услуг такси и сферы доставки товаров привела не только к снижению цен для потребителей, но и к резкому ухудшению качества. Например, сейчас на дорогах Москвы господствуют сотни таксистов-мигрантов, слабо ориентирующихся не только в уличной сети города, но и в правилах дорожного движения как таковых. В крупных городах муниципальные власти в принципе не могут организовать достаточное количество высокотехнологичных рабочих мест. В итоге наблюдается наплыв малообразованных мигрантов, которые некачественно выполняют работу в ЖКХ и других отраслях сферы услуг. При этом в городах начинают формироваться инокультурные гетто, что чревато уже через несколько лет большими социальными проблемами.

Наконец, неразрешимой пока проблемой в России остается финансирование науки. Несмотря на единичные положительные изменения (типа создания Российского научного фонда), 2010-е гг. прошли под знаком стагнации российского сектора НИОКР. По данным ОЭСР, если в 2010 г. в России тратилось на НИОКР 1,05% ВВП, то в 2019 г. – 1,03% ВВП (впрочем, стагнация была и в 2000-е гг., когда показатель 2000 г. составлял 0,98% ВВП). В ОЭСР в среднем показатель за 2010-е гг. вырос с 2,25% до 2,48% (в 2000 г. он равнялся 2,10%). По относительным показателям не входящий в ОЭСР Китай в 2000 г. еще отставал от России (на НИОКР там тратилось 0,89% ВВП), в 2010 г. значение индикатора достигло 1,71%, а в 2020 г. – уже 2,24%. Россия отстает уже не только от Южной Кореи (расходы на НИОКР в 2019 г. составили 4,64% ВВП страны) или Тайваня (3,5%), но даже Польши (1,32%) и Турции (1,06%). Почти во всем мире растет количество исследователей, а в России оно сокращается. Теперь наша страна по числу исследователей на 1 тыс. занятых среди государств ОЭСР опережает лишь Мексику, Латвию, Чили и Турцию.

В последнее время вновь наметился тренд сокращения удельного веса молодежи в российской науке. Если за 2010-е гг. в целом количество исследователей в России сократилось на 5,6%, то количество исследователей в возрасте до 29 лет упало на 17,8%. При этом аналогичные показатели только для исследователей с учеными степенями составили -5% в целом по науке и -51,4% по молодежи. Иначе говоря, количество занятых научной работой молодых кандидатов наук в стране за десятилетие сократилось вдвое! Правда, несколько лет назад молодыми учеными начали считать лиц моложе 40 лет, и тут с динамикой пока хорошо.

Особо сложной оказалась ситуация в институтах, которые до скандальной реформы 2013 г. были подведомственны Российской академии наук (впрочем, за исключением атомной и еще нескольких сфер, отраслевая наука в стране была разрушена еще в 1990-е гг. – начале 2000-х гг.). Так, в РАН была

нарушена традиционная система организации фундаментальной науки. Например, ведущие ученые были вынуждены уйти с постов заведующих секторами и лабораториями, чтобы не получать зарплаты меньше своих подчиненных научных сотрудников. Ученые советы лишились права тайно голосовать по всем кандидатурам на научные должности, теперь все решается в рамках подконтрольных директорам «кадровых комиссий». Академические библиотеки получают финансирование втрое меньше, чем такие же научные библиотеки, подчиненные Минкультуры России. Как летом 2021 г. пояснил профсоюз РАН, исполняя майские указы президента РФ о повышении зарплат академических ученых на должностях научных сотрудников, никто и не предполагал повышать [заработную плату] до двойной от среднего по региону за счет бюджетных средств. При этом по многим отраслям фундаментальной науки ждать софинансирования со стороны частного бизнеса на уровне 1/3 абсурдно. Напомним, что, по данным Росстата, финансирование науки из средств федерального бюджета сократилось с 0,51% ВВП в 2010 г. до 0,44% ВВП в 2019 г.

Несмотря на погоню за наукометрическими показателями, в России сохранилась непрозрачность распределения дополнительных ассигнований на НИОКР, что приводит в конечном счете к тому, что российские ученые за одинаковые результаты получают вознаграждение, различающееся во много раз. Более того, общий прирост научных статей в различных базах данных в значительной мере обусловлен имитационной деятельностью. Особенно это касается вузовской науки в провинции, где вал публикаций обеспечивается нередко за счет «мусорных журналов», которые не сразу исключаются из соответствующих баз данных за нарушения публикационной этики, а в лучшем случае – за счет малоизвестных журналов из так называемого четвертого квартеля. Это еще больше закрепляет отрыв Москвы и нескольких других очагов НИОКР (например, наукоградов) от остальной России.

К сожалению, в России за два десятилетия относительно благополучной внешней конъюнктуры и внутривнутриполитической стабильности так и не удалось создать ни системы эффективного государственного стимулирования частной инновационной деятельности, ни инструментов конструктивного диалога бизнеса и власти в части формирования модели устойчивого развития России с опорой на все еще большой запас человеческого капитала. Никаких триггеров резкого изменения ситуации в лучшую сторону в 2021–2022 гг. я, увы, не вижу.

– Мы являемся свидетелями четвертой промышленной революции. Какой Вам видится экономика ближайшего будущего? Как она повлияет на человека?

– Развитие станет более поляризованным, но заурядный обыватель, как и в результате предыдущих промышленных революций, будет жить в целом

лучше своих родителей. Однако контрасты между странами и внутри общества не будут удовлетворять людей, относительно проигравших в результате прогресса. Ведь не считали приемлемой ситуацию с резким расслоением по доходам малоимущие слои предыдущих эпох, несмотря на то что обеспеченность продуктами питания и бытовыми устройствами среднестатистического человека XX в. не идет ни в какое сравнение с довольно скудным обеспечением обычного человека XVIII в. Хорошей иллюстрацией служат мобильные телефоны, которые сейчас доступны любому жителю России, тогда как 20 лет назад этот удобный вид связи был почти роскошью, а за оперативную (а не через много лет) установку стационарного телефона вымогали взятки. Все это в прошлом, но одни граждане могут позволить себе последнее поколение *iPhone*, а другие должны довольствоваться примитивными аппаратами, и это последних устраивает далеко не всегда.

Мы уже живем в век информации. Сейчас доступны почти любые нужные человеку сведения, но ориентироваться в море данных умеют далеко не все, причем современная система образования отнюдь не нацелена на развитие соответствующих навыков. Напротив, получают все большее распространение новые технологии манипуляции общественным мнением, продвижения фейковых новостей и др. Контроль над информацией, обладание навыками ее качественной обработки становятся одним из факторов дальнейшей поляризации общества. Благодаря автоматизации и внедрению технологий искусственного интеллекта, скорее всего, этот негативный тренд усилится за счет вымывания из структуры занятости специальностей среднего уровня квалификации. Но еще раз подчеркну, что бедные в основном будут жить лучше, чем сейчас. Появится больше разнообразных товаров, учитывающих самый разнообразный спрос со стороны населения, откроются новые формы досуга, будет наблюдаться прогресс в области медицины, в том числе внедрение современных технологий в общедоступное здравоохранение.

– В мире имеется глобальный тренд на политическую и экономическую регионализацию. Существует ли угроза деглобализации экономики в связи с этим трендом или экономика останется глобальной, но претерпит трансформации?

– Глобализация никуда не исчезнет, даже пандемия COVID-19 является ее прямым следствием, поскольку без такого развития транспорта, деловых контактов и международного туризма никогда бы вирус (да еще в виде нескольких штаммов) не распространился так быстро по всей планете. Наблюдаемая нами регионализация – не более чем продукт глобализации, но обусловлен этот процесс снижением роли США. По сути, полицентричный

мир, о котором любят говорить в России, есть формирование центров силы, способных создать вокруг себя успешные проекты региональной интеграции (причем необязательно по наднациональной модели ЕС, которая как раз переживает не лучшие времена). Россия имеет шанс быть одним из ключевых центров будущего мира, но только при двух условиях: скорректировать модель собственного экономического развития и во внешнеполитических контактах не замыкаться на страны ЕАЭС и ограниченный круг других более-менее надежных партнеров в Евразии, а активно развивать контакты с большинством стран глобального Юга. На мой взгляд, Россия должна обратить пристальное внимание на модель экономических и политических связей по линии «НеЗапад – Юг», которая лишена негативных элементов взаимодействия по линии «Север – Юг».

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО НА ПЕРЕЛОМЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.Д. Некипелов – д.э.н., академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова, член РСМД

– Александр Дмитриевич, что бы вы назвали основными успехами российской экономики за последние 10 лет?

– Последние 10 лет были очень непростыми. После мирового финансово-экономического кризиса Россия вроде бы начала возвращаться на траекторию докризисного, динамичного развития. Но с 2012–2013 гг. она попала в ситуацию достаточно продолжительной стагнации. Эта проблема была усилена и серьезно осложнена в 2014 г. событиями, которые привели к введению целой серии санкций в отношении российской экономики. С 2020 г. произошел общий кризис, мощный удар по всей экономике, связанный с коронавирусной инфекцией. Он не мог обойти Россию стороной. В этих условиях нам удалось следующее.

Во-первых, удалось обеспечить поддержание финансово-экономической стабильности и не допустить дестабилизации в этой области. Это было не просто сделать с учетом и санкций, применявшихся против нашей экономики, и с учетом тех шоков, которые были связаны с пандемией. Во-вторых, нам удалось добиться ряда достаточно серьезных успехов секторального характера: в оборонной промышленности нам удалось добиться значительных успехов, что принципиально повысило уровень безопасности страны.

Все знают об успехах в сельском хозяйстве – это действительно так. Здесь нам удалось добиться очень серьезного прогресса. Были достаточно серьезные результаты и в сфере информационно-коммуникационных технологий, и в целом ряде других секторов. С макроэкономической точки зрения нам удалось избежать худшего развития событий и сохранить финансовую стабильность. Но, к сожалению, далеко не во всех секторах экономики удалось добиться достаточно значимых успехов.

– Глобальный экономический спад 2020 г. считается точкой отсчета, с которой странам мира стоит начать выстраивать новые экономические модели для восстановления экономик. На Ваш взгляд, с какими главными экономическими вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе и как обратить экономические риски в преимущества?

– Пандемия усилила целый ряд глубинных процессов в экономической сфере, которые начались до нее. Что уже ощущалось до нее? Это то, что все явствен-

нее стали видны границы прежней модели экономического развития, которая опиралась на постоянно увеличивавшееся вовлечение в хозяйственный оборот все новых и новых объемов природных ресурсов. В связи с этим происходило достаточно быстрое осложнение экологической ситуации и привлечение внимания к соответствующим проблемам. Происходило просто исчерпание многих ресурсов – это уже становилось достаточно серьезной проблемой.

Одновременно возникали предпосылки для решения этих проблем в технологической сфере в ходе т. н. четвертой промышленной революции. Но одновременно с тем, что эта революция создавала предпосылки для решения этих проблем, она вместе с этими проблемами содействовала усложнению ситуации в мировом хозяйстве в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

В мировой экономике начались процессы глубинной перестройки. Эта перестройка затрагивает как институциональную сферу, т. е. сферу, связанную с правилами игры на этом поле, так и производственную сферу, т. е. изменения структуры производства. Такого рода крупные процессы и в производственной сфере, и в институциональной всегда неизбежно сопровождаются обострением конкуренции. Естественно, все страны стремятся приспособиться к новым условиям, при этом они стремятся ввести некие изменения в действовавшие прежде правила игры и сделать их более выгодными для себя.

Недавно С.В. Лавров говорил о правилах игры, которые начали заменять принципы. Он говорил о мировой политике, но это относится и к мировой экономике. Мировое хозяйство сегодня вступило в турбулентный период развития и будет достаточно долго в нем находиться. Речь идет не только о борьбе за первенство в разработке и владении новыми технологиями, но речь идет и о борьбе за минимизацию издержек, которую та или иная сторона будет нести в ходе этих перестроек экономики.

Минимизация издержек очень часто сопровождается попыткой переложить издержки на партнеров по мировой экономике. Мы видим дискуссию, которая ведется по климатической проблематике, о том, каким образом решать углеродную проблему, на кого должно падать основное бремя усилий. В нынешних условиях санкции тоже используются как инструмент борьбы за свои экономические интересы, за позиции в будущей мировой экономике.

Для нас важно обеспечить в этих условиях поддержание на высоком уровне нашего научно-технического комплекса. Очень большое значение здесь имеет сохранение, развитие и восстановление утраченных позиций в области фундаментальных исследований, потому что в условиях серьезных экономических перемен необходимо иметь развитую, комплексную, фундаментальную науку. Это колоссальное преимущество, которым обладает очень небольшое количество стран в мире. Россия пока в их числе, хотя, к сожалению, она совершила ряд действий, которые серьезно осложнили ситуацию в этой об-

ласти. Также России необходимо обеспечить решение задачи всесторонней модернизации нашей экономики.

Решение этих задач невозможно без внесения серьезных изменений в экономическую политику России. Если коротко сформулировать суть этих перемен, то я бы сказал, что нам нужно перейти от сосредоточения всех сил на задачах по обеспечению исключительно финансовой стабильности к проведению активной промышленной политики, которая была бы ориентирована на обеспечение достойного места России в формирующейся новой архитектуре мирового хозяйства.

– Мы являемся свидетелями четвертой промышленной революции. Какой Вам видится экономика ближайшего будущего? Как она повлияет на человека и человечество в целом?

– Мы уже сейчас видим очень серьезные изменения в экономике, связанные с цифровизацией. Они происходят и в сфере производства: здесь происходит процесс роботизации и компьютеризации. Мы также видим это в денежно-кредитной, финансовой сфере. Общий вектор этих изменений, несомненно, для людей позитивный в том смысле, что в нашей деятельности все большее значение приобретает творческая компонента и уменьшается роль рутинных и физических задач.

При этом возникают очень серьезные проблемы, связанные с переходом от одного состояния к другому. В производстве это прежде всего высвобождение рабочей силы, которое создает проблему безработицы. В данном случае речь идет о структурной безработице. Она происходит, когда начинают исчезать (и мы видим начало этих процессов) целые виды деятельности. Перед людьми, которые ими занимались, стоит задача переобучения, переквалификации. Это целый комплекс серьезных социальных проблем.

В финансовой сфере, на которую уже сейчас огромное влияние оказала цифровизация, обнаружилось очень серьезные процессы деструктивного плана. Связано это с тем, что появилась возможность мгновенной переброски денег из любой точки Земли в любую другую точку планеты без затрат времени. Это принципиально изменило функционирование финансового рынка и быстро сделало привлекательной деятельность в этой сфере. Одновременно выяснилось, что представление о том, что в этих условиях рыночные механизмы начинают действовать идеально, – ошибка. Экономика ощутила это на примере двух серьезных мировых финансовых кризисов (1997 г. и 2007–2009 гг.).

Стало ясно, что цифровизация изменила механизмы производства. В этих механизмах произошло вытеснение основных, господствовавших на протяжении столетий циклических кризисов.

В мире идут очень интересные, очень сложные, очень непростые процессы. Есть и большие возможности, которые в связи с ними открываются. Есть и достаточно серьезные риски, на которые нельзя не обращать внимания.

– Под воздействием бурного роста технологий рынок труда претерпевает большие изменения. Как он будет выглядеть в ближайшем будущем? Есть ли уже сегодня понимание изменений рынка труда в среднесрочной или в далекой перспективе?

– Многие специалисты обращают внимание, что уже в обозримом будущем – речь идет о годах, если не о десятках лет – мы станем свидетелями исчезновения целого ряда профессий. Мы уже сегодня видим машины с автопилотом и роботов курьеров. Роботы уже используются в медицине. У юристов многие вещи поддаются алгоритмизации, и значительная часть людей могут заменяться алгоритмами или роботами. Это, разумеется, не исчерпывающий перечень. Но это то, что создает серьезные проблемы. Это серьезная вещь в среднесрочной перспективе, к ней надо быть готовым, надо соответствующим образом создавать системы переобучения, возможности для людей с минимальными потерями переходить из одной профессии в другую.

Что касается долгосрочной перспективы, то сегодня многих философов и экономистов очень интересует вопрос будущего рынка труда. Не очень ясно и будущее рыночной экономики. Почему? Потому что процесс вытеснения людей из рутинных видов деятельности, замены их не только в производстве роботами, но и в управлении производством компьютерами приводит к тому, что люди должны будут перемещаться в творческие виды деятельности.

Творческие виды деятельности – это какие виды? Это наука, искусство, театр. Все, где нужна креативность человеческого разума. Конечно, не все будут работать в науке или искусстве. За человеком останется и функция определения образа будущего, формулирования задач, которые стоят перед обществом, тогда как конкретная увязка ресурсов и задач перейдет, по всей видимости, искусственному интеллекту.

Но переход людей в творческие виды деятельности означает переход их в сферу, где наблюдаются наибольшие провалы рынка. Это значит, что размещение ресурсов в этой области не может эффективно регулироваться.

Впрочем, это проблемы достаточно отдаленного будущего. Думать о них, конечно, нужно и сегодня, но первостепенное значение, вне всякого сомнения, имеют текущие вызовы, с которыми столкнулась как наша страна, так и человечество в целом.

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС – РЕАЛЬНЫЙ ИГРОК НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

А.Н. Шохин – президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), член Попечительского совета РСМД

– Александр Николаевич, что бы Вы назвали основными успехами российской экономики за последние 10 лет?

– Если сравнивать ситуацию в 2021 г. с 2011 г., то можно назвать ряд позитивных изменений для бизнеса (если, конечно, оставить в стороне ситуацию с COVID-19).

Во-первых, началась полноценная цифровизация и бизнеса, и государства. Треть компаний, опрошенных РСПП, перевела основную часть взаимодействия с потребителями и поставщиками в электронный формат. Да и на «удаленку» сотрудников компании перевели в основном без падения производительности труда, а то и с ее увеличением.

Многие госуслуги для бизнеса стали доступны в цифровом формате. По общему мнению, лидер в данной сфере – ФНС России, благодаря чему фискальная сфера без проблем функционировала в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Но и по другим направлениям есть серьезный прогресс: регистрация прав на недвижимое имущество стала комфортной и простой процедурой. Даже трудовую книжку перевели в электронный вид. Ряд мер поддержки бизнес также может получить в электронном виде.

Аналогичные требования бизнес предъявляет и к регионам – в рамках уточнения методологии Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах России мы хотим более детально оценивать уровень цифровизации взаимоотношений с бизнесом.

Во-вторых, повысилось качество деловой среды – получение разрешения на строительство и подключение к электросетям ускорились в разы (стоимость и количество процедур, которые надо было пройти, тоже заметно снизились). Скорость открытия новой компании также соответствует мировому уровню.

В-третьих, взаимоотношения бизнеса и власти удалось сделать институциональными. Привычными стали оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и оценка фактического воздействия в отношении действующих НПА. «Регуляторная гильотина» оказалась настолько эффективной, что бизнес предлагает расширить сферу ее применения.

Нельзя не отметить и переход на проектные принципы в госуправлении, хотя инерция бюрократии велика и переход оказался не стопроцентным.

В-четвертых, расширился спектр инструментов поддержки. Даже Фонд развития промышленности, столь высоко оцениваемый бизнесом, на самом деле начал свою деятельность не так давно, в 2014 г. За эти 10 лет также по-

явились соглашения о защите и поощрении капиталовложений, специальные инвестиционные контракты, инвестиционный налоговый вычет, многие другие механизмы и инструменты стимулирования инвестиционной активности. Уровень их эффективности и востребованности различается, но в целом система поддержки стала намного более комплексной и отвечающей амбициозным задачам развития страны.

В-пятых, растет несырьевой экспорт благодаря и эффективным мерам поддержки, и укрепляющимся деловым связям (РСПП активно взаимодействует с деловыми партнерами на многостороннем уровне, например на площадке В20, и на двустороннем), но главное – благодаря увеличению конкурентоспособности российского бизнеса, который стал за прошедшие годы более инновационным, эффективным, социально ответственным (хотя и не весь).

Есть и ряд направлений, где предстоит активизировать работу: например, нехватка квалифицированных кадров, на которую бизнес жалуется даже в кризис, недостаточная защищенность бизнеса от избыточного давления со стороны правоохранительных органов.

А главное – бизнесу не хватает предсказуемости в государственной политике. В условиях распространения новой коронавирусной инфекции и высокого уровня турбулентности на внешних рынках для предпринимательского сообщества, особенно для сохраняющих масштабные инвестиционные планы компаний, крайне важно не сталкиваться с не самыми приятными «сюрпризами» со стороны государства. Понятно, что соглашения о защите и поощрении капиталовложений и специальные инвестиционные контракты во многом защищают инвестпроекты от части изменений в регуляторике, но предсказуемость должна быть не «точечной», а универсальной.

– Глобальный экономический спад 2020 г. считается точкой отсчета, с которой странам мира стоит начать выстраивать новые экономические модели для восстановления экономик. На Ваш взгляд, с какими главными экономическими вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе и как обратить экономические риски в преимущества?

– 2020 и 2021 гг. показали, насколько уязвима мировая экономика. Связанный с пандемией COVID-19 эскалирующий кризис сделал особенно актуальным создание эффективных и самостоятельных экономических систем, характеризующихся высокой управляемостью и устойчивостью, а также наличием производящих отраслей по всем ключевым направлениям.

Нет уверенности, что динамика роста в 2021 г. приведет к восстановлению мировой экономики хотя бы до уровня 2019 г. Согласно прогнозам МВФ, после падения в 2020 г. на 3,3% в 2021 г. мировая экономика может вырасти

на 6%, а в 2022 г. – на 4,9%. При этом достижимыми данные темпы роста будут только в случае успехов в борьбе с пандемией.

Полный масштаб потерь мировой экономики от пандемии еще только предстоит оценить. Однако уже сейчас можно говорить о том, что совокупные потери ВВП на душу населения в 2020–2022 гг. в мире (за исключением Китая) по сравнению с допандемическими оценками роста составят порядка 20% от уровня ВВП на душу населения 2019 г. В 2020–2021 гг. еще порядка 80 млн человек дополнительно могут оказаться за чертой крайней бедности. Растущий разрыв в уровнях развития и благосостояния между различными странами и регионами мира – один из наиболее серьезных вызовов, который нужно учитывать при трансформации модели развития.

Ситуация дополнительно осложняется серьезным падением инвестиций. Согласно недавно опубликованному докладу ЮНКТАД о мировых инвестициях, прямые иностранные инвестиции в 2020 г. сократились по сравнению с 2019 г. на 35%: с 1,5 трлн долл. до 1 трлн долл. В 2021 г. ожидается некоторый «отскок вверх»: рост ПИИ может составить до 10–15% в отдельных отраслях, в случае если ситуация с пандемией не ухудшится. Наша страна также может недосчитаться значительного объема инвестиций.

Проблему восстановления и увеличения инвестиционной активности усугубляет исключительно высокая долговая нагрузка. По оценкам Института международных финансов (IIF), на конец 2020 г. глобальная задолженность составила 355% мирового ВВП (около 281 трлн долл.), увеличившись за год на 35%. К разрешению проблемы устойчивости международной финансовой системы и глобальной задолженности в этом году призывали РСПП и российские участники Целевой группы по финансированию и инфраструктуре «Деловой двадцатки» (B20).

Впрочем, кризис стимулирует и конструктивную политику. Так, по данным ВТО, по итогам 2020 г. общий объем мер стимулирования международной торговли (731,3 млрд долл. в 2020 г. против 544,7 млрд долл. в 2019 г.) превысил объем ограничительных мер (440,9 млрд долл. в 2020 г. и 746,9 млрд долл. в 2019 г.). Это позволяет с осторожным оптимизмом говорить о перспективах «перезапуска» мировой торговли. Но чтобы он стал реальным, важно избежать перекосов в регулировании и односторонности принимаемых решений. Серьезные риски представляет обращение к агрессивному одностороннему протекционизму под предлогом заботы об общем благе. Так, реализация механизма трансграничного углеродного регулирования (ТУР) в рамках «зеленой сделки», нацеленной на формирование в ЕС углеродно-нейтрального пространства к 2050 г., без согласования с международными партнерами, в том числе Россией, может стать дискриминационной, нарушающей признанные обязательства ЕС мерой, примером недобросовестной конкуренции. Благими намерениями, как

говорится, мостится дорога в ад. Мы продолжаем настойчиво обращаться к нашим экономическим партнерам с призывами вести диалог и не допускать односторонних решений в этой, несомненно, важнейшей области.

Более конкретно. РСПП традиционно координирует участие российского делового сообщества во многих ведущих институтах международного сотрудничества, таких как, например, уже упомянутая «Деловая двадцатка» (B20) и «Бизнес в ОЭСР» (BIAC). И мы регулярно видим, что наши подходы, нацеленные на обеспечение справедливой конкуренции и взаимовыгодное сотрудничество, регулярно получают широкую поддержку. Так, в разработанных в 2021 г. в рамках итальянского председательства в B20 рекомендациях лидерам стран G20 подчеркивается неприемлемость протекционизма и односторонности в торговой политике. Также рекомендации говорят о необходимости адекватного отношения к проблеме климатических изменений и применения природоподобных решений, таких как лесные массивы. Односторонние меры по противодействию климатическим изменениям не должны приводить к произвольной и необоснованной дискриминации или закамуфлированным рестрикциям в отношении международной торговли. Неприемлемость использования политики «зеленого восстановления» для несправедливой конкуренции, дискриминационных и протекционистских действий, противоречащих нормам ВТО и международному праву, поддерживается также и в BIAC.

Более конструктивным подходом к развитию, нежели навязывание неоднозначного регулирования, представляется выработка скоординированных многосторонних решений, отражающих интересы всех заинтересованных сторон, таких как концепция «углеродной экономики замкнутого цикла», разработанная в прошлом году в ходе председательства Саудовской Аравии в «двадцатке». Она подразумевает конкурентное развитие традиционных и новых секторов экономики с комплексным внедрением подходов, способствующих минимизации негативного воздействия на окружающую среду. Надеемся, что ее идеи найдут отражение в сотрудничестве в рамках B20 в дальнейшем, а также получат развитие в деятельности других многосторонних институтов международного сотрудничества.

Представляется необходимым сфокусировать многосторонние усилия на направлениях и проблемах, имеющих объективно наибольшее значение и для устойчивого социально-экономического развития. Так, пандемия COVID-19 резко обострила проблему голода. Согласно июльскому исследованию международных организаций системы ООН, в 2020 г. 9,9% населения Земли страдало от голода против 8,4% в 2019 г. (+118 млн чел.). То есть сегодня недоедают от 720 до 811 млн человек по всему миру. При этом к полноценному питанию не имеют доступа 2,37 млрд человек, или почти треть населения земли, что на 320 млн человек больше, нежели в 2019 г.

В этой связи в ходе организованного РСПП и «Группой Черкизово» Независимого бизнес-диалога по подготовке к сентябрьскому Саммиту ООН по продовольственным системам российское деловое сообщество подчеркнуло, что приоритетной задачей в условиях посткризисного восстановления является обеспечение доступа мирового населения к доступному и качественному продовольствию. Необходимо отказаться от создания необоснованных барьеров, препятствующих обеспечению населения достаточным питанием. Продвижение неоправданно дорогих видов продовольствия, не решающих основную задачу «накормить людей», не должно мешать удовлетворению объективных потребностей. Российский бизнес готов внести свой вклад в решение данной проблемы. Как ожидается, этому будет способствовать деятельность создаваемого в РСПП Комитета по продовольственной политике, в работе которого международное сотрудничество займет достойное место.

И, разумеется, преследуя цель кардинальной модернизации российской экономики, преодоления ее зависимости от сырьевых отраслей, мы не можем игнорировать ключевые технологические вызовы и тренды современности, в число которых входит и новая промышленная революция. Сотрудничество с нашими зарубежными партнерами, без сомнения, является важным фактором в достижении успеха на этом направлении. Даже введение ограничений со стороны властей США, ЕС и Японии не привело к прекращению отношений российского бизнеса с партнерами из этих стран. Полагаю, что можно говорить о формировании коллективного бизнес-иммунитета к всевозможным политическим и экономическим рестрикциям и неопределенностям. Среди наиболее ярких совместных инициатив упомяну Германо-российскую инициативу по цифровизации (GRID) и российско-французское сотрудничество в инициативе «Индустрия будущего». В текущих условиях только объединив усилия и четко понимая ожидаемые результаты можно противостоять «черным лебедям», трансформируя вызовы в неоспоримые преимущества.

– Какой Вам видится экономика ближайшего будущего в условиях четвертой промышленной революции? Как она повлияет на человека?

– Изменится рынок труда: формат дистанционной работы для «штабных» подразделений компаний во многом сохранится, а многие профессии перейдут в онлайн (так считает треть опрошенных РСПП компаний). Одновременно повысятся требования к сотрудникам, особенно в области знания цифровых технологий, при этом рынок труда потребует постоянного повышения квалификации, а нередко и регулярного переобучения.

Уровень цифровизации и роботизации всех технологических процессов радикально возрастет, что увеличивает риски цифрового неравенства: теперь

действительно можно «отстать навсегда», например, не создав необходимую инфраструктуру. Медленное развертывание сети 5G уже заставляет многих экспертов готовить о необходимости «срезать угол» и сразу переходить на выстраивание сетей 6G.

Производство становится все более «кастомизированным». Традиционно гибкость подстраивания под требования заказчика была преимуществом малого и среднего бизнеса, сейчас многие крупнейшие компании все чаще отмечают растущую долю продукции, производимую по спецификациям клиентов, а не по стандартам.

Пандемия поставила еще одну крайне интересную задачу: в начале пандемии в выигрыше оказались не самые логистически продвинутые компании. Оказалось, что большой склад комплектующих и запчастей – это не неэффективные расходы, а гарантия успешного выживания компании в условиях новой реальности, как и сохранение внутри компании вспомогательных производств (либо организационно «близкий» аутсорсинг). Так что впереди нас может ждать корректировка некоторых казавшихся незыблемыми принципов организации производства.

– Как Вы оцениваете нынешнее состояние российской экономики? Какие вызовы и перспективы стоят перед ней?

– Хотя быстрое распространение новой коронавирусной инфекции кардинально изменило привычный экономический ландшафт – перекрытые границы, закрытые производства, разрывы привычных производственных связей, невозможность свободного перемещения между странами, а часто и между регионами одной страны, – российская экономика пережила очередной «идеальный шторм» лучше, чем многие другие страны.

Неоднократное прохождение через самые разнообразные кризисы (не говоря о том, что 30 лет назад у нас была в принципе другая экономическая система) повысило гибкость и быстроту реакции как бизнеса, так и государства.

Но помимо влияния пандемии, в том числе долгосрочного, есть и системные вызовы, некоторые из которых уже были затронуты в ответе на предыдущие вопросы: цифровое неравенство, изменения на рынке труда, деглобализация, новое климатическое регулирование, кризисные явления в мировой экономике. Сохраняется нестабильность в нефтяном секторе, на который приходится достаточно большая доля российской экономики.

Но в целом перспективы развития мы оцениваем как крайне благоприятные. У российского бизнеса есть все шансы повысить свою роль на международной арене, а РСПП готов в этом активно помогать.

ЭНЕРГЕТИКА

УГЛЕВОДОРОДНАЯ ЭНЕРГЕТИКА БУДЕТ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ БЛИЖАЙШИЕ 100 ЛЕТ

В.Ю. Алекперов – д.э.н., президент ПАО «Лукойл», действительный член РАЕН, член Бюро правления Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), член комиссии Правительства РФ по вопросам топливно-энергетического комплекса и повышения энергетической эффективности экономики, член РСМД

– Вагит Юсуфович, что бы Вы назвали основными успехами российской внешней политики за последние 10 лет?

– Большим успехом за последние 10 лет является то, что мы наладили тесные взаимоотношения со странами Африки. Последний саммит Россия–Африка, который проходил в Сочи в 2019 г., можно однозначно назвать уникальным событием. Сегодня нам легко работать в африканских странах, потому что они познакомились с нашей страной. Сегодня компания «ЛУКОЙЛ» очень успешно развивает свои проекты в Африке.

Стоит сказать и о безвизовом режиме с южноамериканскими государствами. Это заслуга нашего Министерства иностранных дел и общественных организаций, которые работают в данной сфере.

– С какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Мы эти вызовы чувствуем. Это и санкционные действия, и напряжение, которое существует между нашей страной и странами Запада. Сегодня, конечно, политика нашего Министерства иностранных дел достаточно гибкая, она в состоянии налаживать диалог между сторонами, и он ведется.

– Как Вы оцениваете будущее углеводородной энергетики и энергетики, основанной на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ)?

– Углеводородная энергетика в ближайшие 100 лет будет определяющей для обеспечения населения Земли энергией. Параллельно будут развиваться и альтернативные виды энергетики, но современная ситуация в энергетике все-таки показывает, что стабильное снабжение населения энергией не обойдется без углеводородов. Поэтому задача ЛУКОЙЛ – стать ответственным производителем углеводородов.

– Каким Вы видите будущее ОПЕК? Каковы перспективы ОПЕК+?

– ОПЕК+ с 2016 г. демонстрирует свою способность, главным образом, не регулировать рынок (она не регулирует рынок), а способность договариваться и влиять на объемы производства нефти с учетом тех объемов, которые демонстрирует рынок. В 2021 г. мы видим, что эта политика оправдала себя. Мы стабилизировали цены на нефть. Это пошло на пользу и потребителям, и производителям, потому что страны ОПЕК+ не допустили резкого роста цены на энергоносители.

ЭНЕРГЕТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XXI ВЕКА – КОМБИНАЦИЯ РАЗЛИЧНЫХ ЭНЕРГОИСТОЧНИКОВ

Н.Н. Спасский – д.полит.н, заместитель генерального директора — директор Блока международной деятельности ГК «Росатом», член РСМД

– Николай Николаевич, сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Мы действительно живем во время перемен. По совокупности этих перемен едва ли получится припомнить аналогичный период человеческой истории. Кардинальные изменения происходят одновременно во многих ключевых сферах жизни: климат, новая энергетика, искусственный интеллект, новые геополитические и социальные реальности, миграция и пандемия как катализаторы перемен и проблем и т.д.

Стоит ли называть эти трансформации глобальным системным кризисом – не уверен. Я считаю, происходит злоупотребление этим определением. Если только в залеге *crisis equals opportunity*.

Главным системным вызовом, с которым предстоит столкнуться России в обозримой перспективе, будет вызов неопределенности и непредсказуемости, связанный с нарастающей изменчивостью внешней среды обитания страны. Это очень серьезный вызов, поскольку Россия, как, наверное, все страны со структурированно имперским образом мышления, предпочитает взаимодействовать пусть с опасными, даже жестко враждебными, но предсказуемыми внешними системами.

Поскольку состояние изменчивости в мире будет только нарастать, можно предположить, что этот вызов станет очень серьезным испытанием как для российского общества, так и в первую очередь, для российской внешней политики и для российского внешнеполитического и внешнеэкономического сообщества, понимаемого как совокупность всех правительственных и неправительственных институтов, участвующих во взаимодействии с внешним миром.

Ключевым фактором для безопасности и успешности России станет качество внешней политики и ее профессиональное обеспечение. Здесь надо еще раз подчеркнуть возрастающую востребованность таких организаций, как РСМД, призванных обеспечивать неангажированную внешнеполитическую экспертизу.

– Как Вы оцениваете будущее углеводородной энергетики и энергетики основанной на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ)?

– Если смотреть с точки зрения долгосрочной перспективы, наверное, надо согласиться, что человечество обречено постепенно «отходить» от углеводородной энергетики. Но при всех подобных дилеммах конкретные темпы и параметры этого исхода для различных стран, регионов и обществ будут определяться понимаемым как приемлемый баланс между «экономикой» и «экологией». Искусственное ускорение этого процесса тоже имело бы свою цену, в том числе в человеческих жизнях, особенно в «третьем мире».

Какой конкретно будет энергетика второй половины XXI в. – это отдельный вопрос. Например, в развитие возобновляемых источников энергии (прежде всего, солнечной и ветряной) в последние годы вкладывается в среднем порядка 250 млрд долл. в год, что, по сути, втрое больше, чем инвестиции в другие энергоисточники.

В результате сделано очень много – по LCOE (*Levelized Cost of Electricity*) возобновляемые источники энергии сейчас становятся вполне конкурентоспособными и с атомной генерацией, и с гидроэнергетикой, и с «чистым» углем. Поэтому, конечно, они имеют свою солидную нишу в мировом энергобалансе. Эта ниша, очевидно, будет расширяться. Но при этом возобновляемая энергетика едва ли в обозримой перспективе сможет обеспечить базовую нагрузку в сети. Кроме того, ее широкое внедрение имеет свои очевидные издержки, что показали, в частности, холода в Техасе зимой 2020-2021 гг.

Массовое внедрение водородной энергетики уже начинается. Не забудем только, что для производства водорода также требуется электроэнергия, причем в немалых количествах. Промышленный термоядерный реактор – это, скорее, история завтрашнего дня.

С учетом всего этого энергетика второй половины XXI в. скорее представляется как комбинация и взаимодополнение различных энергоисточников, включая атомную генерацию, возобновляемые энергоисточники, водородную энергетiku. Единого унифицированного решения для всех точно не будет.

ГЛАВНОЕ – НЕОСПОРИМЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Ю.К. Шафраник – д.э.н., основатель и председатель Совета директоров Международной группы компаний «Союзнефтегаз», академик Академии технологических наук, президент Фонда «Мировая политика и ресурсы», председатель Высшего горного совета, член РСМД

– Юрий Константинович, что бы Вы отнесли к основным успехам российской внешней политики, достигнутым за последние 10 лет?

– Главный успех этого десятилетия – переход от «оборонительной», ведомой роли России к укреплению своей субъектности и прагматичности на мировой арене, а также к готовности и способности встать на путь твердого отстаивания своих интересов.

Конечно, нельзя вполне достоверно оценить все достижения последнего десятилетия, не коснувшись их предыстории. И тогда на первый план (по крайней мере, у людей моего поколения) выходят события 1990–1991 гг. Это революционные, драматические, трагические и даже катастрофические события, связанные с развалом СССР. Они радикально трансформировали экономические отношения и политические институты, а также моральное и нравственное состояние общества.

Затем для России наступили тяжелейшие 1990-е гг. и не менее тяжкие начальные годы XXI в. С внешнеполитической точки зрения этот период в истории страны можно назвать «оборонительным». Расширение НАТО, распад Югославии, начавшийся в 1991–1992 гг., потом бомбардировка Республики в 1999 г. – все это заставило задуматься о жестоких уроках современности, о необходимости утверждения российской субъектности и надежной защиты национальных интересов.

Поэтому Россия перешла от «оборонительного» к «прагматическому» периоду и встала на путь конкуренции. По моему мнению, двигателем прогресса всегда полагалась конкуренция. Перенося эту дефиницию на осмысление последнего десятилетия в условиях развития внешнеполитических и внешнеэкономических реалий, можно сказать так: «Обороняться, отступать – одно, а “нападать” – совсем другое». Кстати, в военной науке предполагается (даже с учетом множества исторических исключений), что успешно держать оборону можно «один к трем», а вот успешно наступать (т.е. – в экономике – отвоевывать свой сегмент рынка) бесполезно без перевеса «три к одному».

Когда я выступаю или пишу о российской политике на Востоке (прежде всего экономической), то у аудитории – преимущественно западной – возникает своего рода озабоченность: «Вы же столько средств “зарываете” в интересах Китая, у вас там очень дорогие проекты». Мне приходится объяснять, что

вход на любой рынок, в данном случае китайский, – это как раз «три к одному». Отстаивая какие бы то ни было экономические или политические интересы, сталкиваешься с конкуренцией – и это в лучшем случае.

В международных отношениях никогда не доминировал альтруизм. Когда Россия перешла к отстаиванию собственных интересов за своими пределами, она столкнулась не просто с конкуренцией, а с агрессивной конфронтацией. Мы недооценивали тот факт, что конкуренция может переходить в конфронтацию с экономическими и политическими интересами других игроков мирового рынка.

Следовательно, к первому успеху последнего десятилетия я отношу переход от «оборонительной тактики» к активной защите своих интересов.

Выступление президента Владимира Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. четко обозначило завершение «оборонительного» периода. Это затем показали события в Грузии, где Россию тестировали на уступчивость и устойчивость. Испытанием для нас была и «арабская весна», начавшаяся в 2010 г. Тогда Россия, я считаю, была небезупречна в отношении ливийской проблемы, но были сделаны необходимые выводы, что эффективно отразилось в действиях на сирийском направлении.

Отношу политическое и экономическое возвращение России на Ближний Восток к серьезному успеху, поскольку страна перешла в своих действиях от «оборонительного» периода к «наступательному», благодаря не только жесткой, но и мягкой силе. Российская операция в Сирии – это огромное достижение. Ведь Исламское государство (организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ), если и не было разгромлено окончательно, то решительно остановлено. Между тем появление агрессивного милитаристского «государства» с явной нацеленностью на наших союзников в Средней Азии было видно невооруженным глазом. Это была опасность, в том числе для наших южных границ, для наших дружественных республик.

В поддержку наших ближневосточных достижений отмечу газовые проекты в Черном море, поставки ЗРК С-400 в Иран и Турцию, сотрудничество с Ираном и Турцией по вопросам атомной энергетики, сотрудничество с разными странами по курдскому вопросу, по Сирии, по Ирану. Это все очень важные действия, которые мы иногда недооцениваем.

Несомненным свидетельством успеха за последние 10 лет является «возвращение» России в Африку и укрепление России как глобальной энергетической державы.

В 2019 г. Россия встретила в Сочи 43-х африканских лидеров и более 500 бизнесменов и членов делегаций, представляющих Африканский континент.

Состоялся первый в истории саммит «Россия–Африка». Как сообщил советник президента России Антон Кобяков на пресс-конференции по итогам саммита, общая сумма подписанных на форуме контрактов, соглашений и меморандумов составила более 800 млрд рублей. Но дело даже не в самих контрактах, дело в созидательном процессе, который – именно в России – охватил лидеров большинства африканских стран.

К важным свершениям отношу и пройденные испытания, связанные с событиями на Украине. Когда-то многие говорили, что «не сегодня, так завтра либо появится база НАТО по всей Украине, либо Украину примут в НАТО, либо еще что-то опасное произойдет». Россия этого не допустила. Испытания были связаны и со спасением Виктора Януковича, с трагедией киевского Майдана, с образованием ДНР и ЛНР, возвращением Крыма, с противостоянием зачерствелой позиции украинской администрации, которая последние семь лет неуклонно проводит антироссийскую политику. Для нас все это и сегодня – серьезные испытания. Тем не менее эти события – укрепление своей субъектности.

Невзирая на то, что экономика России находится не в главной «восьмерке» по ВВП, и даже по разным параметрам не в первой «десятке», я бы сказал, что нам удалось в последнее десятилетие очень многое, что можно отнести к большому политическому и экономическому успеху.

Хочу сказать несколько слов о МИД как органе, который является не только одним из центров принятия внешнеполитических решений, но и дипломатическим образцом, который четко отражает разумную, прагматичную позицию руководства России. Отношу к очень важным успехам то, что МИД постоянно и достойно защищал наши экономические интересы за рубежом. Прекрасно помню, как на одной из встреч президента Владимира Путина с дипломатическим корпусом было сказано, что надо заниматься не политикой ради политики, а делать конкретные вещи и эти вещи продвигать, защищать, помогать их реализации.

Как участник ряда внешнеэкономических проектов могу сказать, что МИД создает необходимую атмосферу, и российский бизнес охотно принимают там, где совпадают взаимные деловые интересы. Всюду, где как бизнесмен я сталкивался с необходимостью поддержки МИД, всегда получал ту степень содействия, которая была объективно возможна. Даже заметил в разных странах, что наши посольства довольно уверенно сочетают общедипломатические акции с продвижением отечественного бизнеса. При этом наряду с сопровождением масштабных проектов сотрудники МИД пекутся о малых и средних предприятиях, действующих за рубежом.

– Сегодня уже привычными стали рассуждения о возросшей турбулентности и неопределенности в мире, глобальном системном кризисе. На Ваш взгляд, с какими главными международными вызовами России предстоит столкнуться в среднесрочной перспективе?

– Точно зная процессы, происходящие в энергетике, мне уже приходится около 10 лет говорить о революционных трансформациях в этой сфере. Сланцы сделали за пять–восемь лет США мощным игроком на углеводородном рынке. Они еще недавно были только потребителями углеводородов, а стали амбициозными производителями-торговцами. Китай стал главным потребителем нефти и газа.

В последние два-три года только и слышно о переходе на неуглеводородную тематику. В этом бурном, турбулентном мире хотелось бы ответить на вопрос: «Что же главное?». А главное – осуществлять большие энергетические проекты, требующие огромных сил и средств. И ориентированные, прежде всего, на процветание России, умножение ее экономической мощи. Тогда ни в какой турбулентности не потеряемся, не сунемся туда, куда постоянно указывают ложные ориентиры энергетической, экономической, политической конфронтации.

Я, безусловно, большой сторонник зарубежных экономических проектов. Но сегодня сказал бы так: «Все ресурсы и проекты, которые возможно, – только вовнутрь России». Это не значит, что надо бросить проекты вовне, но это значит, что проекты вовне нужно финансировать за счет зарубежных денег, за счет привлечения инвесторов. Мне удавалось делать проекты за рубежом с нуля, привлекая иностранные инвестиции. И все проекты, которые Россия делает за рубежом, должны привлекать партнеров и финансы там же.

Важно защищать российские интересы за рубежом. При этом вектор основных усилий должен быть направлен на привлечение в Россию прямых инвестиционных проектов, финансов, деловых партнеров, способных вложить в нашу экономику хоть что-то полезное (а России для них создавать здесь благоприятные условия, потому что российский инвестиционный климат пока оставляет желать лучшего).

Еще один аспект следует учесть в этой турбулентности. Важно, чтобы по ряду направлений срочно формулировались правила игры, где Россия – не просто исполнитель, а законодатель. Ведь часто Россия играет по правилам, не ею определенным. Но играть надо – никуда не денешься. Считаю, что чем динамичнее и «турбулентнее» развивается ситуация в мире, тем скорее у страны будет возможность по ряду важнейших экономико-политических направлений вести за собой других, определяя правила игры, которые были бы в интересах любой страны, любого человека и человечества.

– Как Вы оцениваете будущее углеводородной энергетики и энергетики, основанной на возобновляемых источниках?

– Прежде всего, надо отметить, что за последнее десятилетие удалось укрепить позиции России в мировой энергетике, обеспечивая экспортный потенциал страны благодаря развитию транспортной инфраструктуры, проектам освоения месторождений нефти и газа, реализуемым вместе с зарубежными партнерами.

Да, большой прорыв в мировой энергетике за последние 15 лет обеспечили именно ВИЭ. Ранее мы не думали, что они так воспрянут. Скромнее были прогнозы их развития. То, что жизнь опередила прогнозы, – хорошо. Но если допустить, что к 2035 г. и далее от нефти и газа откажутся на мировом рынке (хотя все углеводороды будут востребованы всегда как основа создания инновационной продукции), то надо активнее заниматься внутренним рынком: и у нас появятся огромные возможности привлекать деловых людей и новые энергетические проекты.

В связи с этим я за конкуренцию, и за то, чтобы ВИЭ, водородная и иные виды энергетики планомерно развивались. Важно, чтобы это развитие проходило без «разброда и шатаний», без учета таких прогнозов, как у Международного энергетического агентства. Именно МЭА еще 10 лет назад предрекало, что впереди катастрофа – мир вот-вот останется без нефти. А сейчас агентство заявляет, что надо «завязывать» с проектами развития нефтедобычи, полностью прекратить их финансирование. За этим виден заказ. Не бывает так, чтобы прогнозы радикально менялись. Ты либо за деньги чьи-то даешь «актуальный» прогноз, либо ты не аналитик.

Конечно, переработка углеводородов должна превращать их из топлива (а газ на сегодня – чистейший его вид) в высокотехнологичные продукты. Но жизни углеводородов – как виду топлива – в ближайшие 15 лет ничто не угрожает.

Но нам надо толково прожить эти 15 лет, чтобы укрепить Россию по всем экономическим и социально-политическим параметрам. А рекомендаций – что нам делать после 2035 г. – мы вправе ждать от достойных представителей фундаментальных и прикладных наук.

Пока же главное – в течение 12–15 лет сосредоточиться на том, что намечено, завершить реализацию текущих проектов по нефти, газу, трубопроводам, СПГ, терминалам и танкерам. И совершенствовать эффективное использование углеводородного сырья, оберегая окружающую среду страны.

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций российским организациям, министерствам и ведомствам, задействованным во внешнеполитической деятельности.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повышения эффективности внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную деятельность с целью сформировать устойчивое сообщество молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника публичной дипломатии, представляя на международных площадках российское видение в решении ключевых проблем глобального развития.

Членами РСМД являются ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998-2004 гг. и секретаря Совета безопасности РФ в 2004-2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей КОРТУНОВ. В 1995-1997 гг. Андрей КОРТУНОВ занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.

Российский совет по международным делам (РСМД)

Под редакцией
И.С. Иванова

10 лет в глобальном мире

Сборник интервью

Российский совет по международным делам (РСМД)
119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, дом 8.

Тел.: +7 (495) 225 6283

Факс: +7 (495) 225 6284

<http://www.russiancouncil.ru>

E-mail: welcome@russiancouncil.ru

Подписано в печать 04.11.2021. Формат 70 × 100¹/₁₆.

Объем 41,75 п.л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС»

150062, г. Ярославль, проезд Доброхотова, 16-158

Тел.: (4852) 58-76-37, 58-76-59

kancler2007@yandex.ru

Российский совет
по международным
делам

Российский совет по международным делам (РСМД) – некоммерческая организация, ориентированная на выработку практических рекомендаций в интересах профильных внешнеполитических ведомств, российских государственных и частных компаний и других организаций, ведущих активную международную деятельность.

РСМД объединяет усилия экспертного сообщества, органов государственной власти, бизнес-кругов и гражданского общества с целью повышения эффективности внешней политики России.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную деятельность по формированию устойчивого сообщества молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии.

Совет выступает в качестве активного участника экспертной дипломатии, представляя на международных площадках экспертное видение в решении ключевых международных проблем.

Членами РСМД являются ведущие представители внешнеполитического сообщества России: дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел РФ в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

Генеральным директором Совета является Андрей Кортунوف. В 1995–1997 гг. Андрей Кортунوف занимал должность заместителя директора Института США и Канады РАН.